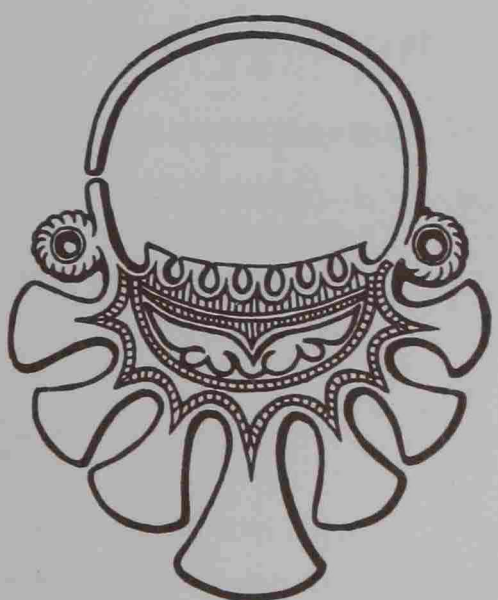
ISSN 0869-6063

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



1997 4

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Р. М. Мунчаев (председатель),

Т. И. Алексеева, А. П. Деревянко, Н. Я. Мерперт,
М. Г. Мошкова, Б. А. Рыбаков, В. В. Седов,
А. А. Формозов, А. И. Шкурко, В. Л. Янин

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. И. Гуляев (главный редактор),

Х. А. Амирханов, Л. А. Беляев (зам. главного редактора),
А. Н. Гей, И. С. Каменецкий, Г. А. Кошеленко,
Н. А. Макаров, В. С. Ольховский (ответственный секретарь),
Е. Н. Черных

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
МОСКВА

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

1997 4

Журнал основан в январе 1957 г.

Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

Амирханов Х.А. К проблеме датировки и стратиграфии культурных отложений Зарайской стоянки 5
Гиря Е.Ю. Технологический анализ каменной индустрии Зарайской стоянки 17
Булочникова Е.В. Проблема соотношения верхнего перигордьена и восточного граветьена 35
Буров Г.М. Зимний транспорт Северной Европы и Зауралья в эпоху неолита и раннего металла 42
Абдуллаев К. О северных рубежах государственной границы Бактрии в эллинистическую эпоху 54
Вестердаль К. Водно-сухопутные транспортные системы в Северной Европе: средневековая модель 61

К 850-летию города Москвы

Юшко А.А. К итогам археологического изучения Москвы и Подмосковья 79
Столярова Е.К. Происхождение и хронология стеклянных изделий Москвы XII–XIV вв. 93

Дискуссии

Алексеева Т.И. К оценке травматических повреждений на скелетах древнего человека 107
Мамонова Н.Н. Боевые травмы на черепах из могильника Улангом (V–III вв. до н.э.) 108
Наран Б., Тумэн Д. Травматические повреждения на черепах Чандманьского могильника 122
Медникова М.Б. К вопросу о распространении посмертной трепанации черепов в Центральной Азии 130

© Российская академия наук
Институт археологии, 1997 г.

Публикации

Ольховский В.С., Галкин Л.Л. К изучению памятников Северо-Восточного Прикаспия эпохи раннего железа 141
Козловская М.В. Новые антропологические материалы из среднедонского скифского могильника у сел Терновое и Колбино 157
Булгакова В.И. Древнерусские печати из собрания Национального музея истории в Киеве 163

Заметки

Смирнов Ю.А. Новое о мустьерских погребениях 170
Бредли Б.А. Костенковский нож: тип или технология? 175
Мордвинцева В.И., Зданович Г.Б., Таиров А.Д. Фалар эллинистической работы с берегов р. Ишим 176
Соёнов В.И. Нагрудный панцирь гунно-сарматской эпохи с Горного Алтая 181
Варенов А.Б. Каменная орнаментированная пулелейка из Тульского кремля 185

История науки

Итина М.А. К 90-летию С.П. Толстова и 60-летию Хорезмской археолого-этнографической экспедиции 189

Критика и библиография

Гаврилов К.Н. From Kostenki to Clovis. Upper Paleolithic – Paleo-Indian Adaptations. Eds. O. Soffer, N.D. Praslov. N.Y. – L., 1993 200
Полин С.В. По поводу рецензии И.В. Бруяко 207
Бруяко И.В. От Скифии к Сарматии без природных катастроф 215
Журавлев Д.В., Хршановски Л. К изданию Корпуса светильников Государственного Исторического музея 218
Молодин В.И. О датировке сибирских петроглифов (письмо в редакцию) 224

Хроника

Сафонов И.Е. Второй украинско-российский археологический семинар "Эпоха бронзы Доно-Донецкого региона" (Капитаново, 1996) и российско-украинская научная конференция "Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи" (Воронеж, 1996) 230
Журавлев Д.В., Фирсов К.Б. Отчетная сессия Государственного Исторического музея по итогам полевых археологических исследований и новых поступлений в 1991–1995 гг. (Москва, 1996) 233
Милютенко Н.И., Кузьмин С.Л., Белецкий С.В. Чтения "Ладога и Северная Русь" в Староладожском музее-заповеднике 240
Ольховский В.С. Маргулановские чтения-97 (Алма-Ата, 1997) 243
Малов Н.М. Памяти Валерия Григорьевича Миронова (1938–1996) 247
Памяти Николая Владимировича Сапожникова (1951–1996) 250

Указатель статей, опубликованных в журнале "Российская археология", за 1997 год ... 252

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY
MOSCOW

ROSSIYSKAYA ARKHEOLOGIYA

1997 4

Founded in 1957
Published quarterly

Editor-in-Chief
V.I. Gulyaev

CONTENTS

Amirkhanov Kh.A. On the Issue of Dating and Stratigraphy of Cultural Sediments in the Zaraisk site 5
Girya E.Y. Technological Analysis of the Stone Industry of the Zaraisk Site 17
Bulochnikova E.V. A Problem of Correlation between the Upper Perigordian and the Eastern Gravettian 35
Burov G.M. Winter Transport of Northern Europe and the TransUrals Region during the Neolithic and the Early Metal Age 42
Abdullaev K. On Northern Limits of the Baktria State Borders in the Hellenic Age 54
Vesterdal K. Water and Land Transportation Systems in Northern Europe: Medieval Model 61

Towards the 850 Anniversary of Moscow

Yuchko A.A. The Relults of Archaeological Study of Moscow and Moscow Land 79
Stolyarova E.K. Origin and Chronology of Glassware of Moscow in the 12th-14th centuries 93

Discussions

Alekseeva T.I. Evaluation of Traumatic Injuries on the Skeletons of Ancient People 107
Mamonova N.N. Battle Injuries on Skulls from the Burial Ground Ulangom (5th-3d centuries BC) 108
Naran B., Tumen D. Traumatic Injuries on the Skulls from the Chandman Burial Ground 122
Mednikova M.B. About the Spread of the Skull Trepanation after Death in Central Asia 130

Publications

Olkhovsky V.S., Galkin L.L. The Study of Sites Located in the North-Eastern Caspian Maritime Region in the Early Iron Age 141
Kozlovskaya M.V. New Anthropological Artifacts from Middle Don Scythian Burial Ground Located near the Villages Ternovoye and Kolbino 157
Bulgakova V.I. Old Russian Stamps from the Collection of the National History Museum in Kiev 163

Notes

Smirnov Y.A. New Information about Mousterian Burials 170
Bradly B.A. Kostenkovo Knife: a Type or Technology? 175
Mordvintseva V.I., Zdanovich G.B., Tairov A.D. Falar of Hellenic Work from the Banks of the River Ishim 176
Soenov V.I. Breast Armour of the Hun-Sarmatian Age from the Mountains of Altai 181
Varenov A.B. Stone Ornamented Bullet Throwing Device from the Tula Kremlin 185

History of science

Itina M.A. 90 Anniversary of S.P. Tolstov and the 60th Anniversary of the Chorezm Archaeological and Ethnographical Expedition 189

Gritique and Bibliography

Gavrilov K.N. From Kostenki to Clovis. Upper Paleolithic – Paleo-Indian Adaptations. Eds. O. Soffer, N.D. Praslov. N.Y. – L., 1993 200
Polin S.V. About the Review Written by I.V. Bruyako 207
Bruyako I.V. From Scythia to Sarmatia without Natural Catastrophes 215
Zhuravlev D.V., Khrshanovsky L. About the Issue of the Corps of Lamps of the State Historical Museum 218
Molodin V.I. On the Dating of Siberian Petroglyphs (a letter to the editorial board) 224

Chronicle

Safonov I.E. The Second Ukrainian and Russian Archaeological Seminar "Bronze Age of the Don and Donets Region" (Kapitanovo, 1996) and the Russian and Ukrainian Scientific Conference "the Don and Donets Region in the System of the Bronze Age Artifacts of the Eastern European Steppe and Forest Steppe" (Voronezh, 1996) 230
Zhuravlev D.V., Firsov K.B. Reporting Session of the State Historical Museum on the Results of the Field Archaeological Studies and New Incoming Goods in 1991–1995 (Moscow, 1996) 233
Milyutenko N.I., Kuzmin S.L., Beletsky S.V. Reading Sessions "Ladoga and Northern Rus" in the Old Ladoga Museum-Preserve 240
Olkhovsky V.S. Margulien Readings-97 (Alma-Ata, 1997)..... 243
Malov N.M. To the Memory of Valery Grigoryevich Mironov (1938–1996) 247
To the Memory of Nikolai Vladimirovich Sapozhnikov (1951–1996) 250

List of Papers Published in the Journal "Rossiyskaya Arkheologia" over 1997 252

Х.А. АМИРХАНОВ

К ПРОБЛЕМЕ ДАТИРОВКИ И СТРАТИГРАФИИ КУЛЬТУРНЫХ ОТЛОЖЕНИЙ ЗАРАЙСКОЙ СТОЯНКИ

Зарайская верхнепалеолитическая стоянка, расположенная в черте г. Зарайска Московской области, стала известна в 1980 г. и исследовалась А.В. Трусовым в 1982–1983 и 1989 гг. В работах 1983 и 1989 гг. в качестве научного консультанта участвовала Л.В. Грехова. За эти годы тремя небольшими изолированными раскопами здесь было исследовано 123 м^2 культурного слоя (54, 46 и 23 м^2) (рис. 1). Кроме того, было заложено несколько шурфов на различном отдалении от этих раскопов. До сих пор результаты этих работ освещены в научной печати лишь частично (Трусов А.В., 1985; 1994).

Имеющиеся публикации и особенно сами коллекции памятника уже привлекли пристальное внимание специалистов. Интерес этот усиливается, в частности, тяготением материалов Зарайской стоянки к костенковско-авдеевскому кругу памятников. Однако попытки сделать определенные заключения о характере рассматриваемых материалов демонстрируют или недостаточное знакомство авторов с уже имеющимися материалами (Беляева В.И., 1994), или, некоторое преувеличение возможности использовать их в том виде, как они к настоящему времени предстают, для решения общих вопросов верхнего палеолита Русской равнины (Грехова Л.В., 1994). В любом случае очевидна недостаточность самих раскопок памятника. Поэтому до сих пор многие конкретные вопросы изучения Зарайской стоянки остаются открытыми.

В 1994 г. отделом каменного века Института археологии РАН были начаты новые раскопки стоянки (Трусов А.В., 1995). Главной их целью являлось существенное пополнение источников и наблюдений, связанных со стратиграфией, основными характеристиками культурных отложений и структурными элементами слоя, способными пролить свет на проблему поселения и жилищ. В 1995–1996 гг. раскопки продолжались при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (Амирханов Х.А., 1996, с. 95–97). Новый раскоп (раскоп № 4), пришедшийся на сложный участок стоянки с интенсивной насыщенностью находками и поселенческими объектами, до конца еще не исследован. Поэтому, основываясь на его данных, скорее можно говорить о задачах и перспективах исследований, а также встающих новых проблемах, чем о законченных результатах. Результаты работ 1995–1996 гг. дают, в частности, повод для осмысления ранее проводившихся исследований, постановки проблем, касающихся стратиграфии, датировки, содержания инвентаря и типологии структурных элементов стоянки. На начальном этапе находится изучение связанной со стоянкой естественнонаучной проблематики, включающей палинологические, геоморфологические, литологические, палеопедологические и палеозоологические исследования. Существенно больше уже сделано в части технологического анализа каменной индустрии памятника. Результаты этой работы публикуются в данном номере журнала Е.Ю. Гирей – одним из участников последних раскопок стоянки.

Таким образом, задача этой предварительной публикации ограничена рассмотрением того, как предстают в ходе новых исследований две наиболее актуальные для памятника проблемы – датировка и общая стратиграфия.

© Х.А. Амирханов, 1997 г.

Проблема датировки

В настоящее время для всех раскопов вместе имеется 12 радиоуглеродных и 3 радиотермолюминесцентные (РТЛ) датировки. РТЛ датирование осуществлено В.К. Власовым и О.А. Куликовым. Радиоуглеродные даты получены с 1983 по 1996 гг. в радиоуглеродной лаборатории Геологического института РАН Л.Д. Сулержицким. Материалом для радиоуглеродного датирования служили кость и костный уголь. Распределение этих дат по исходному материалу следующее.

лаб.инд.	дата В.Р. (некалибр.)	год раск.	проис. обр.
	Кость		
ГИН-3698	22300 +/– 300	1982	Кв. З–2
ГИН-3727	18300 +/– 200	1983	Яма № 4, кв. Л–2
ГИН-8397а	23000 +/– 400	1994	Кв. 0–2
ГИН-8484	21000 +/ –430	1995	Кв. Е–4
ГИН-2486	19900 +/–260	1995	Кв. Н–2
	Костный уголь		
ГИН-3726	16700 +/–1200	1983	Раскоп № 1 (костр. гумус. сугл.)
ГИН-6035	15600 +/–300	1989	Раскоп № 3 (костр. гумус. сугл.)
ГИН-8396	19200 +/–300	1994	Яма, кв. Н–З
ГИН-8397	19100 +/–200	1994	Культурный слой
ГИН-8487	19000 +/–200	1995	Культурный слой
ГИН-8488	21400 +/–50	1995	"Очаг № 2"
ГИН-8489	16200 +/–1000	1995	"Очаг № 1"

Даты РТЛ дали следующие значения: для слоя темно-серого гумусированного суглинка – 20 тыс. + 5 тыс. (РТЛ–310); для нижележащего слоя красноватого суглинка 22 тыс. + 5 тыс. (РТЛ-307) и 19 тыс. + 4500 (РТЛ-308). Залегающий заметно ниже культурного слоя горизонт погребенной почвы этим же методом датирован временем 35 тыс. ± 9 тыс. (РТЛ–313) (Трусов А.В., 1994).

В палеолитоведении уже установилось, что определение возраста памятника является результатом не автоматического принятия, а интерпретации датировок, полученных физическими методами. При наличии нескольких дат предпочтительной считается та из них, которая не противоречит стратиграфическим данным и общему культурному контексту (как этот контекст представляется исследователю), с которым связан данный памятник. Имеющие место многочисленные примеры неудачных датировок рассматриваются при этом в качестве основания, достаточного для игнорирования "неподходящих" дат. При этом нередко отсутствует ясное представление о характере и продолжительности накопления данного культурного слоя. Порой этот вопрос не ставится вообще по двум основным причинам. Или исследователь почему-то уверен, что он раскапывает остатки поселения, имевшего непрерывное (неизвестно сколь протяженное) существование, или он понимает, что ответ на этот вопрос недостижим. Таким образом, проявляя оправданный критицизм к источникам датировки, археолог зачастую не проявляет такую же строгость к рассмотрению самого объекта датирования. Между тем учет неполноты имеющейся информации о культурном слое в такой же мере, как возможных погрешностей датирования, позволяет избежать неоправданной категоричности в интерпретации радиоуглеродных датировок.

Существующая датировка Зарайской стоянки строится на указанном выше традиционном подходе к интерпретации радиоуглеродных датировок. Усредняя имеющиеся значения дат, памятник датируют временем около 22 тыс. лет назад. При собственно археологическом подходе к установлению возраста стоянки отмечается тенденция

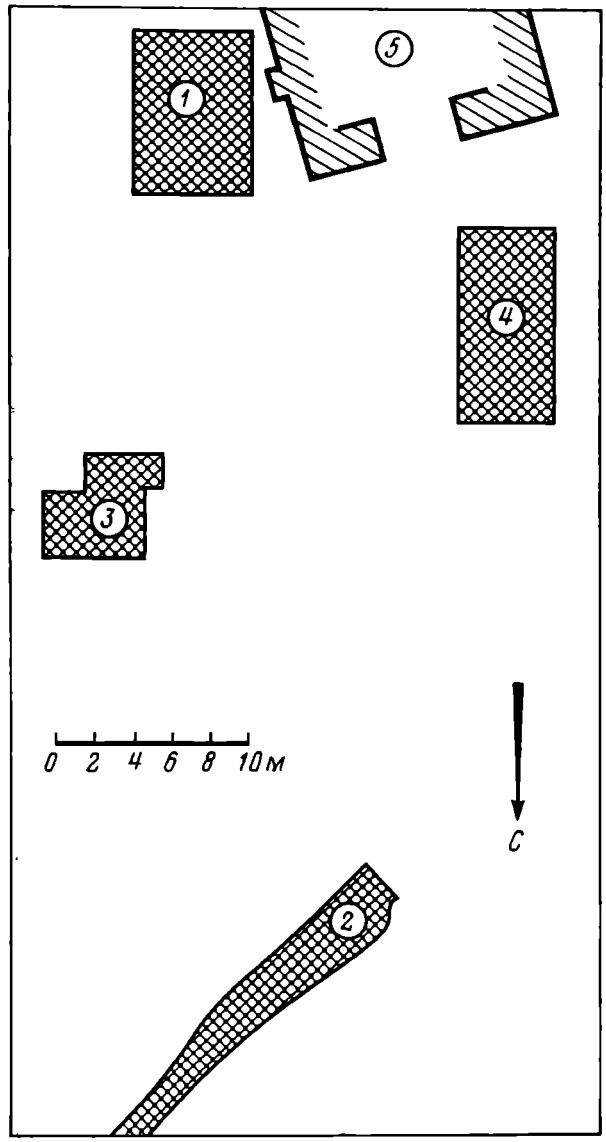


Рис. 1. Зарайская стоянка. Общий план раскопов *1* – раскоп № 1 (1982–1983); *2* – раскоп № 2 (1983); *3* – раскоп № 3 (1989); *4* – раскоп № 4 (с 1994 по настоящее время); *5* – въездные ворота Никольской башни зарайского кремля

рассматривать ее как несколько более позднюю, чем Костенки 1 (слой 1) и Авдеево, поскольку она расположена на далекой периферии "основного" ареала сравнимых с ней в культурном отношении памятников костенковско-виллендорфской общности. Хотя нужно отметить, что в печати определенного мнения по этому поводу не высказывалось.

К рассмотрению имеющихся для Зарайска радиоуглеродных дат правомерно применить, хотя бы как вариант анализа, и несколько иной подход. Достаточно простая суть его состоит в дифференцированном и конкретизированном восприятии каждой отдельной даты и групп дат. Конкретизация эта должна осуществляться по планиграфическим и стратиграфическим параметрам и с уделением особого внимания структурным элементам и объектам культурного слоя, откуда отбирался материал для датирования. При таком взгляде на радиоуглеродные даты Зарайской стоянки мы обнаруживаем следующее: а) наиболее поздние даты относятся к верхам темно-серого гумусированного суглинка и связанных с ним объектам (кострище раскопа № 3, "очаг № 1" раскопа № 4, слой гумусированного суглинка в раскопе № 1); б) наиболее ранние

даты связаны со стратиграфически ранней ямой (яма № 1 раскопа № 1) и со слоем (в том числе и верхами), подстилающим горизонт темно-серого гумусированного суглинка; в) средние между двумя названными значения дат приходятся на образцы, отбиравшиеся без дифференциации литологических горизонтов или происходящие из верхней части нижнего из двух рассматриваемых слоев. Причем есть серьезные основания считать, что поверхность нижнего слоя на протяжении какого-то времени подвергалась склоновой денудации, прежде чем была погребена горизонтом гумусированного суглинка, и поэтому "верхи" этого слоя даже на участках, затронутых раскопами, не могут рассматриваться как строго единовременные. Теоретически они могут при датировке давать несхожий результат. Тем не менее группа из трех дат, связанная с этим стратиграфическим уровнем, демонстрирует весьма незначительное расхождение значений (от 19 тыс. до 19 200 лет назад при колебании поправок от 200 до 300 лет). Обобщая сказанное, можно отметить, что здесь наблюдается взаимная стратиграфическая корреляция дат. Следовательно, вариант датировки культурных отложений Зарайской стоянки в рамках примерно от 23 тыс. до 17 тыс. л.н. является не менее, а может быть, более обоснованным, чем произвольное принятие в качестве истинной одной из многих имеющихся дат. Допущение этого, как одного из возможных вариантов, способно, как представляется, приблизить решение данной проблемы. Этому же служат и стратиграфические наблюдения.

Проблема геологической и археологической стратиграфии

По итогам первых исследований общая стратиграфия стоянки была представлена следующим образом (эталонный разрез раскопа № 1 по линии квадратов Л-4, описание по Трусову А.В., 1982) (рис. 2).

№ слоя	Характеристика	Мощность в см
0	Дерн	0–10
1	Городские культурные отложения	До 66
2	Гумусовый горизонт современной почвы	До 15
3	Лессовидный палево-бурый суглинок	73
4	Суглинок темно-серый до черного, плотный, опесчаненный (ископаемая почва?)	10
5	Красноватая супесь	70
6	Песок желтый, тонкослоистый	5
7	"Крупнослоистые флювиогляциальные отложения, состоящие из прослоек светло-желтого песка, красно-бурого суглинка и желтоватых супесей с включением округлых железистых конкреций и сильно окатанной кварцитовой гальки"	Прослежен на 36
8	"Глауконитовые зеленые пески"	Прослежен на 50

Основная часть слоев (слои 0–6) располагались на глубине до 183 см. Слой 7 достигал глубины 219 см, и слой 8 имел локальное распространение у западной стенки раскопа № 1 на глубине от 280 до 330 см.

Неизменной составляющей разрезов всех раскопов Зарайской стоянки являются только слои 0–4 приведенного описания. В раскопах № 2, 3 (рис. 3) на более глубоком уровне располагался горизонт еще одной погребенной почвы (отсутствующий в раскопах № 1, 4). Последняя интерпретируется геологами как брянская почва. Далее вглубь идут "слоистые криотурбированные песчано-суглинистые отложения" (Трусов А.В., 1994). Слой 5 (красноватая супесь) не представлен в раскопе № 2. В раскопе № 4 он отмечается на отдельных участках. В шурфах 1996 г., располагающихся неподалеку от раскопа № 2, горизонт темно-серого гумусированного суглинка, соответствующий слою 4 приведенного выше описания, также выражен именно как погребенная почва (первая сверху), практически не переработанная деятельностью человека, а глубже

четко выделяются еще два изолированных друг от друга и более мощных почвенных горизонта (вторая и третья почвы).

Как содержание, так и характер приведенных замечаний показывают, что геологическое изучение разреза стоянки находится еще на начальной стадии. Стратиграфические показатели достаточно сильно варьируют на различных участках стоянки. Локальные стратиграфические отличия (иногда существенные) отмечаются даже на ограниченной площади, занятой раскопами. Это делает необходимым не только выработку общей стратиграфической схемы для всех раскопов памятника, но и детальное изучение локальных проявлений осадконакопления на различных участках. Частным, но отнюдь немаловажным результатом этого станет выявление отдельно для каждого из участков стратиграфического уровня, соответствующего подошве культурных отложений (установление "материка"), и возможность стратиграфического или даже микростратиграфического сопоставления объектов различных раскопов друг с другом.

Если говорить о "типовой", или "идеальной" стратиграфии стоянки, то, обобщая данные по всем раскопам, можно говорить о следующей последовательности геологических отложений. Коренные отложения предположительно сложены зеленоватыми песками с прослоями ортзандов. Затем следует толща разноокрашенных крупнозернистых песков (и супесей?) с включением железистых конкреций и кварцитовой гальки. Последние перекрыты второй (сверху) погребенной почвой (предположительно брянской). Далее вверх последовательно идут желтоватый слоистый песок, красноватая супесь первая (сверху) погребенная почва, палево-бурые покровные лессовидные суглинки и, наконец, современная почва. От уровня разноокрашенных крупнозернистых песков эта последовательность наиболее четко просматривалась в разрезе раскопа № 3 на участке, который относительно мало переработан в результате деятельности обитателей стоянки.

В разрезах стоянки с археологической точки зрения наиболее интересна верхняя часть разреза (до слоя 6), поскольку именно в ней содержатся палеолитические остатки. В раскопах № 1, 3, 4 последние залегают в двух литологических единицах – в нижней части и/или непосредственно в основании темно-серого гумусированного суглинка (слой 4; верхняя почва) и горизонте красноватой супеси (слой 5 в раскопе № 1). Редкие окатанные обработанные кремни отмечались также в желтоватом песке (слой 6) в раскопах № 1, 3. По поводу их отмечалось, что они "происходят с неизвестного разрушенного более раннего поселения" (Трусов А.В., 1994, с. 96).

С геолого-стратиграфической точки зрения особое внимание в рассматриваемой части разреза привлекает слой 4. Он отмечается во всех раскопах с более или менее постоянными внешними признаками (одинаковая мощность, гумусированность, темно-серая окрашенность). Его фациальные различия зависят от того, насколько интенсивно был освоен тот или иной участок во время функционирования стоянки. Выражены эти различия большей или меньшей интенсивностью окрашенности, уровнем обогащенности слоя песчаной фракцией и степенью насыщенности культурными остатками. На участках, осваивавшихся более активно, все три показателя заметно выше. Более того, на таких участках возникает даже затруднение в определении данного горизонта как собственно почвы – настолько он переработан. На других участках (например, раскоп № 2) слой непосредственно перекрывает (или включает в свое основание?) редкие кремни и кости, рассеянные в виде "горизонта находок", оставаясь ненарушенным и сохраняя свое естественное залегание. В таких случаях он обладает очевидными признаками почвы. В силу всего этого данный слой является для стратиграфии Зарайской стоянки одним из главных маркеров, имеющим отношение к стратиграфии как геологической, так и археологической.

Таким образом, уже при первых исследованиях было отмечено, что культурные отложения памятника заключены в двух резко отличающихся литологических слоях. "Из-за отсутствия стерильной прослойки и каких-либо отличий в инвентаре мы вынуждены рассматривать эти два горизонта как один культурный слой" – таково было заключение по результатам этих работ (Трусов А.В., 1994, с. 96). Тем не менее во

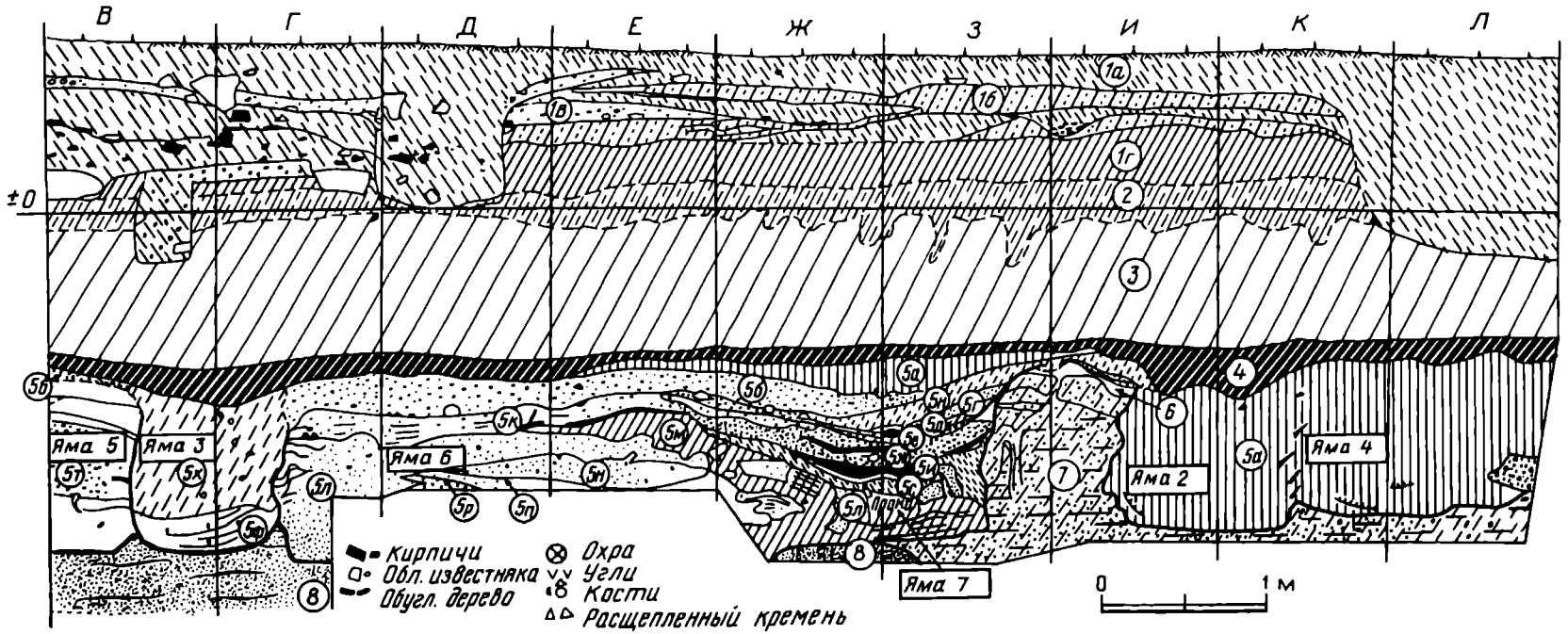

В
Г
Д
Е
Ж
З
И
К
Л
±0
Яма 5
Яма 3
Яма 6
Яма 7
Яма 2
Яма 4
Кирпичи
Обл. известняка
Обугл. дерево
Охра
Угли
Кости
Расщепленный кремень
0
1 м

Рис. 2

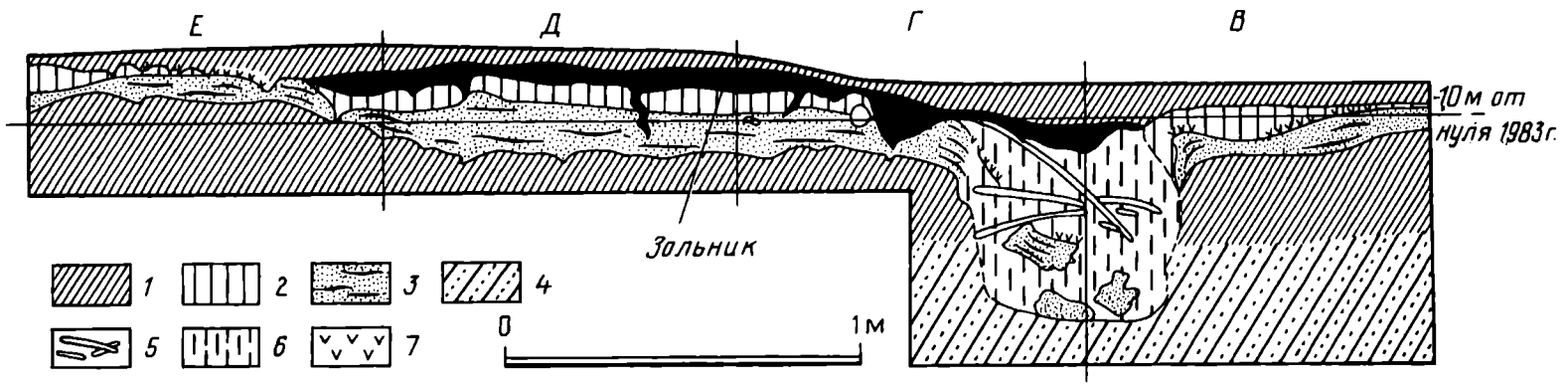

Е
Д
Г
В
-10 м от нуля 1983 г.
Зольник
1
2
3
4
5
6
7
0
1 м

Рис. 3

всех описаниях применительно к культурным отложениям, заключенным в литологическом слое 5 (красноватая супесь), фигурировало понятие "основной слой", по-видимому для того, чтобы подчеркнуть реальные стратиграфические различия.

После работ 1995 г., когда по данным раскопа № 4 стало очевидным, что горизонт темно-серого гумусированного суглинка (слой 4) не просто перекрывает комплекс культурных отложений, но и сам несомненно содержит последние, оценка значимости слоя 4 (темно-серый суглинок) для культурной стратиграфии стоянки была изменена и в отношении участков, исследованных в предыдущие годы (Трусов А.В., 1996). "Ввиду большой насыщенности гумусированного суглинка находками в этом (1994) году, было решено выделить его в отдельный горизонт", – пишет А.В. Трусов в 1996 г. в отчете о раскопках за 1994 г. Вместе с тем выделение его в качестве самостоятельного слоя он считает "преждевременным". (Такая осторожность вызывает уважение, но возникает вопрос: не будут ли во многом обесценены работы по изучению памятника, если решение этого и многих подобных вопросов станет "своевременным", когда памятник уже будет раскопан полностью?)

Для вопроса о культурной стратиграфии примечательным является приведенное в том же отчете замечание, что, "несмотря на определенную окрашенность этого слоя (слоя гумусированного суглинка. – *Х.А.*), каких-либо свидетельств о заметном перерыве в накоплении культурного слоя (между слоем гумусированного суглинка и лежащим ниже основным слоем) на данном участке нами не отмечено" (Трусов А.В., 1996, с. 5). Это заключение, однако, находится в явном противоречии с итоговыми выводами того же автора о том, что "стоянка, возможно, неоднократно покидалась людьми ... промежутки, когда люди отсутствовали, были довольно продолжительными ... можно предположить четыре-пять перерывов в жизни поселения" (Трусов А.В., 1994, с. 114).

Приведенные цитаты и замечания имеют прямое отношение к общей методической проблеме стратиграфического членения культурных отложений на памятнике. Сложность ситуации в данном случае состоит в неопределенности критериев вычленения культурного слоя как отдельной археолого-стратиграфической единицы. Согласно логике, которой руководствуются применительно к Зарайской стоянке, культурный слой может быть выделен в качестве самостоятельного только тогда, когда он отделен от ниже- и вышележащего стерильной прослойкой. Понятие "культурный слой" при таком подходе к вопросу не эквивалентно представлению об отдельном поселении. Предполагается, что один культурный слой может содержать остатки нескольких

Рис. 2. Зарайская стоянка. Раскоп № 1 (1982–1983). Разрез западной стенки раскопа. (Вид с востока). (По А.В. Трусову) *1* – городские отложения: *а* – темно-серая гумусированная супесь; *б* – прослои буроватой супеси и суглинка; *в* – прослои, обильно насыщенные известью, известняковой крошкой и обломками известняка; *г* – интенсивно гумусированный слой с находками керамики XII–XIV вв.; *2* – гумусовый горизонт современной почвы; *3* – суглинок палево-бурый лессовидный; *4* – темно-серый гумусированный суглинок (погребенная почва); *5* – отложения, содержащие основную часть культурных остатков: *а* – красноватый легкий суглинок; *б, г* – зеленоватый разнозернистый песок; *в, д* – светло-коричневая мелкозернистая супесь; *е, ж* – желтовато-зеленый мелкозернистый песок с включением пережженных косточек и костного угля; *и* – углистые линзы; *к* – мелкозернистый слоистый сероватый песок с костными угольками; *л* – в нижней части – желтовато-коричневые мелкозернистые пески; выше переходят в серовато-зеленые мелкозернистые слоистые пески; *м* – коричневатый легкий суглинок; *н* – светло-желтый мелкозернистый песок с железистыми конкрециями; *п* – красновато-коричневый мелкозернистый песок; *р* – пятнистый слой рыжеватого песка и серовато-зеленого суглинка; *с* – коричневая супесь; *т* – заполнение ямы № 5 – слоистые и преимущественно песчаные красно- и желтоцветные отложения; *у* – пятнистый слой зеленоватого и красного песка; *ф* – слоистые серовато-желтые и темно-коричневые пески с вкраплениями костных угольков; *х* – неслоистые зеленоватые пески и супеси с включением костей и кремневых изделий; *6* – слабооглеенный мелкозернистый песок (супесь?); *7* – (флювиогляциальные?) отложения прослоев светло-желтого песка, красно-бурого суглинка и желтоватых супесей с включением железистых конкреций и кварцитовой гальки; *8* – травянисто-зеленые пески с прослоями ортзандов – коренные отложения

Рис. 3. Зарайская стоянка. Раскоп № 3 (1989). Разрез Е–В–5. (Вид с востока). (По А.В. Трусову)
1 – темно-серый до черного гумусированный суглинок; *2* – красноватая супесь; *3* – желтый слоистый песок; *4* – кости мамонта в заполнении ямы; *5* – пестрое заполнение ямы; *6* – костные угольки

самостоятельных разновременных поселений. Неудивительно, что при подобном взгляде остаются неясными различия между противопоставляемыми понятиями "культурный слой" и "отдельный горизонт". Особенно непонятно содержание последнего. Думается, этих затруднений можно избежать, если руководствоваться следующим определением: *культурный слой – это структурное единство предметов, объектов и других остатков человеческой деятельности, обнаруживаемых в погребенном состоянии и выявленных на всей или значительной части своего распространения*. Введение в данное определение понятия "*структурное единство*" позволяет, в частности, опираться на объективные и значимые с точки зрения культурной стратиграфии критерии членения толщи культурных отложений (особенно с переслаивающимися "горизонтами"). По отношению к обыденному представлению о культурном слое как о стратиграфически изолированной геологической толще с погребенными в нем остатками человеческой деятельности предложенное определение более археологично, более конкретно и, что важно, позволяет различать понятия "культурные отложения" и "культурный слой". Если придерживаться этого подхода последовательно, то выявленная в небольшом шурфе полуметровая (или любая иная) толща с находками не может быть автоматически определена в качестве единого культурного слоя.

Что касается практической стороны вопроса о культурной стратификации Зарайской стоянки, то рассмотрение ее, основываясь на приведенном выше определении, обеспечено немалым количеством данных, происходящих практически из всех раскопов. Данные эти можно разделить на две группы: собственно археологические и геологические. Рассмотрим их последовательно отдельно по раскопам.

Раскоп № 1

Все крупные ямы, а также углубленный очаг (кв. И-6), судя по чертежам и описаниям, впущены с уровня слоя 5 (нумерация слоев по приведенному выше разрезу), т.е. с поверхности "основного" культурного слоя. С ямой № 1 связана радиоуглеродная дата 22 000±300. Неровности верха слоя 5 здесь выполняет горизонт гумусированного суглинка. С его основанием связаны некоторые скопления кремня и обширный "зольник" (кв. Г–6, Г–7, Д-6, Д-7), частично перекрывающий яму № 1. Дата по костному углю, происходящему с этого уровня, составляет 16 700±1200.

Раскоп № 2 ("траншея")

Культурный слой выявлен в виде "горизонта находок" "на контакте" слоя гумусированного суглинка с подстилающим его слоем желтовато-коричневого песка. Раскопом вскрыта "часть жилого комплекса, которая включала в себя часть какой-то постройки и три расположенных вблизи нее производственных места" (Трусов А.В., 1983, с. 46). Каких-либо ям (кроме гнезд для вкопанных крупных костей), очагов или кострищ на вскрытой площади не обнаружено. То, что культурные остатки не залегали в подстилающем гумусированный суглинок желтовато-коричневом песке (аналог слоя 6 в раскопе № 1), предполагает, что понятие "контакт" определяется здесь включенностью их в основание гумусированного суглинка. На это указывает и тот факт, что ямы-гнезда для вкопанных костей впущены здесь с уровня этого суглинка. Сам гумусированный суглинок (погребенная почва) прослеживался вдоль линии траншеи водопровода на протяжении 200 м. От исследованного раскопом места их скопления культурные остатки распространялись в стороны в виде отдельных находок примерно на 100 м. На участке около 14 м они оказались представленными в виде единого по структуре комплекса из трех крупных скоплений обработанного кремня и остатков указанной выше "постройки". Происходящие отсюда данные – и геологические, и археологические – свидетельствуют об отсутствии признаков того, что культурные отложения как бы "срезаны" природными процессами в своей нижней части. Невозможно представить реальность образования такого среза, который

полностью совпал бы с линией столь определенно выраженного здесь основания ("пола") культурного слоя. Об этом же говорит и отсутствие несогласия залегания относительно друг друга слоя гумусированного суглинка и подстилающего его желтовато-коричневого песка. Следовательно, культурный слой, приуроченный здесь к основанию темно-серого гумусированного суглинка (погребенной почвы), несомненно имеет самостоятельную культурно-стратиграфическую значимость.

Раскоп № 3

"Здесь выявлен достаточно выразительный комплекс находок, залегающий в основании слоя гумусированного суглинка, того же, что и слой 4 раскопа № 1" (Трусов А.В., 1994, с. 105). С точки зрения рассматриваемого вопроса чрезвычайно интересно, что здесь установлено непрямое стратиграфическое переслаивание "зольников", и не просто в крупной яме (это наблюдалось неоднократно и в раскопе № 1), а на внеямном пространстве культурных отложений. Так, тут был выявлен относящийся к слою гумусированного суглинка крупный "зольник" (распространяется полностью или частично на квадраты Г–Д–Е – 4–6). Стратиграфически ниже – в слое красноватой супеси – отмечен другой, более локализованный "зольник" (кв. В-4). Остатки этого второго кострища связаны с поверхностью, с которой соотносится достаточно распространенное по площади охристое пятно. С этого же уровня начинается вглубь и большая канавообразная яма. При этом первый зольник перекрывает и охристое пятно (полностью), и указанную яму (частично). Именно с этим верхним "зольником" связана радиоуглеродная дата со значением 15 600±300 лет назад.

Раскоп № 4

Достаточно выразительные факты переслаивания культурных отложений предоставил и раскоп № 4. Слой темно-серого гумусированного суглинка предстает здесь в виде единства со стратиграфически связанными с ним объектами. По наблюдениям в ходе раскопок 1996 г. к последним относятся углубление с углистым заполнением ("очаг № 1") и небольшие ямы на кв. М–4–5, Л – 3–4 и Л–5, углистое пятно на кв. Л–М – 0–1. Все указанные ямы выкопаны в уже накопившихся ранее культурных отложениях и, как минимум, в одном случае – в заполнении более ранней ямы (рис. 4).

Два стратиграфических уровня четко различаются и по переслаиванию не связанных друг с другом разноуровневых углистых пятен. Так, на кв. Л-2 установлено, что один из бивней (толстый конец на кв. Л-3) уходит частично под дно углубления с углистой массой ("очаг № 1"; радиоуглеродная дата – 16 200±1000). Причем уровень основания углистой массы отделен от поверхности бивня тонкой (2–3 см) линзой песка коричневато-желтого оттенка, сильно уплотненной и рассыпающейся в пальцах при достаточно большом усилии. Покоится этот бивень так же, как и находящийся непосредственно рядом с ним второй бивень (скорее всего они связаны друг с другом структурно), на ином, чем основание "очага № 1", уровне глубины (нивелировочная отметка 131 см; для сравнения – нивелировочная отметка дна "очага № 1" 119 см). С этим более глубоким уровнем связана другая обширная линза сплошной уплотненной мелкоуглистой массы. Расположена эта линза на соседнем квадрате М–3.

Перечисление подобных приведенным выше фактов археологической стратификации на памятнике можно продолжить. Их обобщение приводит к заключению о переслаивании взаимосвязанных объектов культурных отложений на площади всех раскопов, а также о том, что выделяющиеся пока два стратиграфических единства культурных остатков сопоставимы друг с другом на различных участках стоянки. Только в раскопе № 2 отмечается лишь одно из этих двух культурно-стратиграфических единств, выраженное слоем гумусированного суглинка. Но и этот факт как нельзя лучше говорит о самостоятельной стратиграфической значимости данного слоя, а следовательно и слоя, подстилающего его на площади других раскопов.

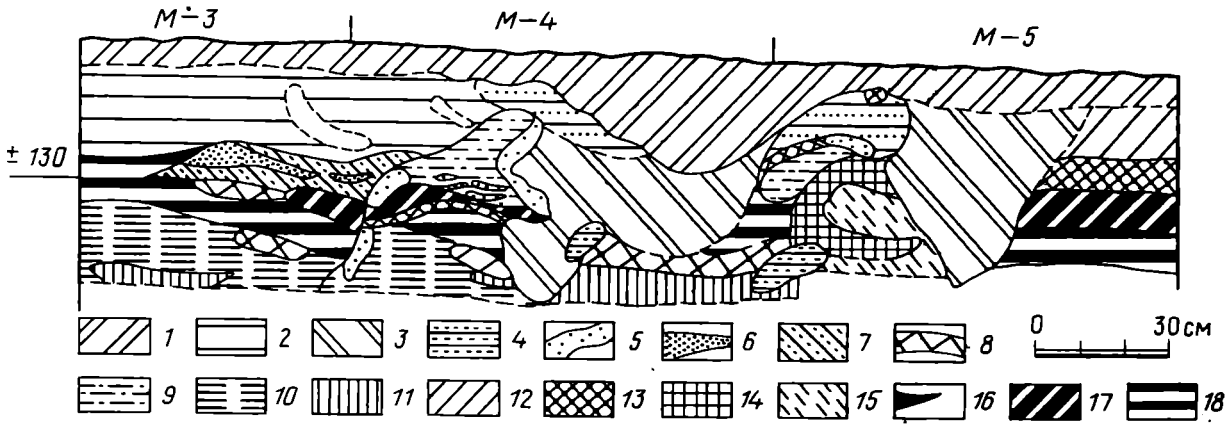


Рис. 4. Зарайская стоянка. Раскоп № 4 (1995). Разрез отложений по линии М – 3–5 (от уровня, достигнутого раскопками 1994 г., т.е. слоя темно-серого гумусированного суглинка). (См. наложение ям друг на друга на кв. М–4)

1 – темно-серый гумусированный суглинок (культурный слой 1); *2* – сероватый легкий суглинок с линзами со слабой розоватой окрашенностью (культурные отложения заполнения западин нижележащего слоя и поверхности над западинами); *3* – ямы с заполнением в виде суглинков–супесей; *4* – желтовато-серый опесчаненный суглинок; *5* – светло-желтый песок; *6* – светло-зеленый песок; *7* – темно-зеленый песок; *8* – ржавый крупнозернистый песок; *9* – песок кремового оттенка; *10* – песок желтовато-зеленый, крупнозернистый с вкраплениями пятен ожелезнения; *11* – серая карбонатизированная супесь; *12* – желтовато-коричневый легкий суглинок; *13* – желтовато-серый легкий суглинок с обильными включениями охры и угля; *14* – кротовина; *15* – коричневато-серый легкий суглинок; *16* – очажная масса; *17* – желтовато-оранжевый опесчаненный суглинок; *18* – сероватый средний карбонатизированный суглинок

Достаточно выразительна и группа геологических данных, которые можно привлечь для анализа рассматриваемого вопроса. Оставляя многочисленные показательные детали для их отдельной публикации специалистами-естественниками, здесь достаточно ограничиться указанием на три существенных момента. Во-первых, в самом общем виде толща культурных отложений делится по вертикали на 2 части. Одна из них – нижняя испытала существенные деформации, связанные с мерзлотными процессами (трещины многолетней мерзлоты, мерзлотные клинья, солифлюкционные, криотурбационные явления). По крайней мере часть этих процессов имела место после образования нижнего уровня культурных отложений. Верхняя же часть отложений, связанная со слоем темно-серого гумусированного суглинка, этими процессами не затронута. Здесь отмечается лишь относительно мелкополигональная трещиноватость, имеющая, по-видимому, постпозиционный характер.

Второй момент связан с тем, что накопление культурных остатков на стоянке продолжалось во время, по крайней мере начальной стадии образования (или формирования) "первой" погребенной почвы. В геологических разрезах района расположения стоянки аналоги данной почвы выявлены, в частности, на территориях городов Коломны и Луховиц. Это позволяет предполагать существование здесь почвенного покрова на каком-то отрезке от "послеброянского" времени до начала последней фазы валдайского оледенения (Пономаренко Е.В., 1996, с. 96–107). Наблюдения разрезов Зарайской стоянки указывают на вероятность формирования данной почвы после максимальной стадии последнего оледенения.

И наконец, ввиду склонового характера экспозиции, по крайней мере части площади памятника, аккумуляция рыхлых осадков не носила здесь строго непрерывного и направленного характера. Напротив, в некоторых локусах разрезов отмечаются признаки эрозии и начала формирования новых уровней отложений со вскрытых денудаций старых поверхностей (Пономаренко Е.В., 1996).

Общая палеогеографическая и геохронологическая интерпретация приведенных данных может идти, как представляется, в направлении синхронизации горизонта, отмечаемого в разрезах мерзлотными процессами, с максимальной стадией валдайского

оледенения. Здесь мы не только не наблюдаем противоречий между радиоуглеродными датами и стратиграфическими данными, но, напротив, видим их полное соответствие друг другу. При таком взгляде и слой гумусированного суглинка (погребенная почва) находит свою геохронологическую позицию во времени, следующем непосредственно после максимума последнего оледенения.

Выводы

Относительно стратиграфии и датировки Зарайской стоянки существуют различные мнения, но до сих пор отсутствовало специальное и подробное изложение фактов и аргументации. Различия в толковании проблемы, по-видимому, будут оставаться и дальше до более обширных раскопок памятника. Анализ приведенных выше данных позволяет сделать следующие выводы, которые основываются на конкретных данных и потому могут быть предметом обсуждения.

Таким образом, культурные отложения стоянки не являются результатом непрерывного и относительно кратковременного процесса накопления. Временной диапазон их образования укладывается в рамки приблизительно 23 тыс. – 17 тыс. лет назад. Разрезы и планиграфические данные демонстрируют культурную стратификацию разновременных уровней обитания, накладывающихся друг на друга напосредственно. Соответствующее этому членение культурных отложений на отдельные стратиграфические единицы возможно, но "чистота" разделения по вертикали всего археологического материала вряд ли достижима. При современном состоянии изученности памятника можно говорить о наличии здесь, по меньшей мере, двух культурных слоев. Один из них (верхний) стратиграфически соотносится с погребенной почвой, сформировавшейся, по-видимому, непосредственно после максимума валдайского оледенения.

Выводы более общего характера, вытекающие из рассмотренных данных, сводятся к следующему. Культура, представляемая памятниками костенковско-виллендорфской общности на Русской равнине, не прерывается внезапно с наступлением максимума последнего оледенения. В свете данных по Зарайску возникает необходимость нового обращения к понятию "граветтский эпизод" в плане пересмотра, по крайней мере, хронологической части его содержания. И наконец, можно отметить, что после наступления максимума валдайского оледенения костенковско-виллендорфские традиции каменной индустрии не претерпевают по данным Зарайской стоянки кардинальной ломки и не трансформируются в эпиграветт или "восточный эпиграветт". Эта тема, однако, требует своего отдельного рассмотрения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Амирханов Х.А., 1996. Раскопки Зарайской стоянки // АО–1995. М.

Беляева В.И., 1994. Каменный инвентарь, традиции и среда эпохи верхнего палеолита // Культурные трансляции и исторический процесс (палеолит – средневековье). СПб.

Грехова Л.В., 1994. Место стоянок окского бассейна в системе палеолита Русской равнины // Тр. ГИМ. Вып. 85.

Пономаренко Е.В., 1996. Геологическое описание разрезов разведочного шурфа на площади Пожарского (разрез 1) и шурфа "у шерстобитки" (разрез 2) // Амирханов Х.А. Отчет о полевых исследованиях Зарайской археологической экспедиции в 1995 г. Архив ИА РАН.

Трусов А.В., 1982. Отчет о работе зарайского отряда московской экспедиции летом 1982 г. // Архив ИА РАН. Р–1/10085.

Трусов А.В., 1983. Отчет о разведке по р. Непрядве (Тульская область) и раскопках Зарайской верхнепалеолитической стоянки (Московская область) в 1983 г. // Архив ИА РАН. Р–1/10693.

Трусов А.В., 1985. Зарайская верхнепалеолитическая стоянка (предварительное сообщение) // СА. № 3.

Трусов А.В., 1994. Культурный слой Зарайской верхнепалеолитической стоянки // Тр. ГИМ. Вып. 85.
Трусов А.В., 1996. Отчет об охранных раскопках Зарайской палеолитической стоянки (г. Зарайск Московской области) в 1994 г. // Архив ИА РАН.

Институт археологии РАН,
Москва

Kh.A. AMIRKHANOV

ON THE ISSUE OF DATING AND STRATIGRAPHY OF CULTURAL SEDIMENTS IN THE ZARAISK SITE

Summary

The paper deals with stratigraphy of various site sections and summarizes radiocarbon dating of its sediments. The author comes to the conclusion that the site sediments did not develop simultaneously and consist of at least two cultural layers. Their chronological limits are established with approximately 23-17 thousand years.

Е.Ю. ГИРЯ

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КАМЕННОЙ ИНДУСТРИИ ЗАРАЙСКОЙ СТОЯНКИ

1. Сырье

1.*1*. Кремень зарайской индустрии местного происхождения. Это широко известная "верхневолжская" разновидность кремня, происходящая из характерных для данного региона отложений известняков каменноугольного возраста. Хотя непосредственно поблизости стоянки выходы кремня сейчас не прослеживаются, не вызывает сомнения, что в палеолите это сырье можно было собирать как во многочисленных оврагах и балках в окрестностях стоянки, так и на берегу р. Осетр.

1.*2*. Кроме пестрой окрашенности отдельные слои внутри конкреций кремня имеют различную зернистость, что сказывается на различиях в их механических качествах. Благодаря этому при расщеплении даже свежеизвлеченных из известняков конкреций зарайский кремень часто ведет себя непредсказуемо. Это относительно мягкий и вязкий кремень в зонах крупной зернистости, в мелкозернистых прослойках он крайне хрупок.

1.*3*. Из-за различной плотности и степени пластичности материала в разных слоях конкреций последние часто имеют скрытую продольную трещиноватость. Многие кремни в культурном слое (часто даже пластины) расчленены температурными продольными трещинами на два и более фрагмента, лежащие in situ вместе. Трещиноватость чаще всего продольная и совпадает по ориентации с направлением слоистой окрашенности.

1.*4*. Большая часть желваков зарайского кремня, залегающего in situ в карбоновых известняках, имеет тонкую корку сверху и очень толстую (мощность до 10 см) снизу. Нередко эта массивная корка по твердости напоминает мергель и отделяется от кремневой массы с большим трудом.

1.*5*. Подавляющее число желваков плоские неправильных подовальных очертаний с двумя достаточно ровными и параллельными поверхностями, благодаря чему их обломки выглядят как плитка.

2. Ориентация сколов относительно слоистости сырья

2.*1*. По расположению слоев окрашенности различные типы снятий зарайской индустрии достаточно резко разделяются на несколько групп.

Не имеющие слоистой окрашенности сколы (рис. 1, *5*-D) были отнесены к "неопределенным", они могли быть сняты с различных участков конкреций, особенно в зонах широкой полосы одного цвета (см., например, рис. 1, 2-D).

2.*2*. Положение всех без исключения пластин на желваке определяется как продольно-торцевое (рис. 1, 1-A, 2-A), продольно-торцевое угловое (рис. 1, 1-A; 2-B) или боковое (рис. 1, 1-C, 2-C), что выражено в направлении слоистости кремня на этих снятиях (рис. 1, 3-A, 4-A, 5-A, B, C, D).

2.*3*. Направление снятия отщепов – поперечно-торцевое (рис. 1, 1-B) или боковое (рис. 1, 1-C), что отражено в соответствующем направлении слоистости (рис. 1, 3-B, 4-B).

© Е.Ю. Гиря, 1997 г.

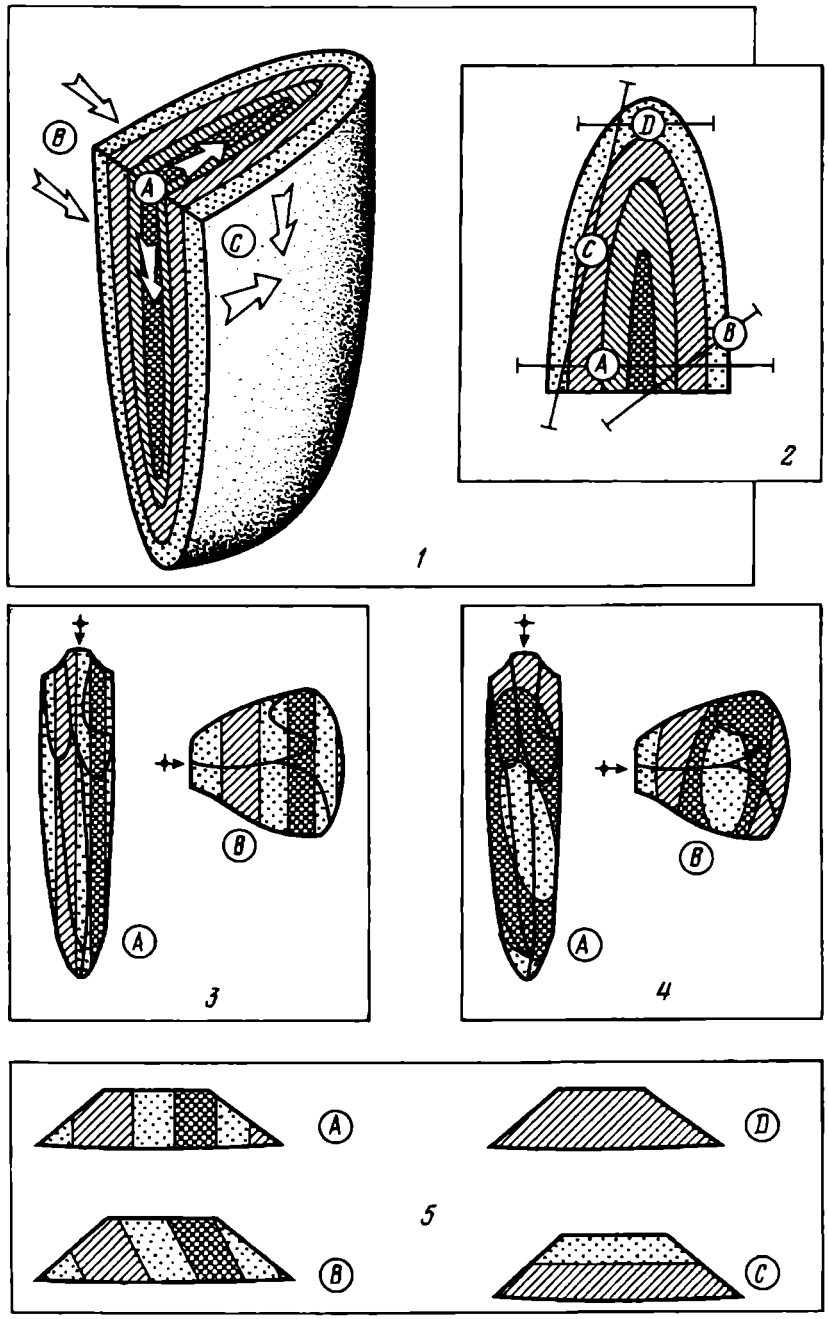


Рис. 1. *1* – расположение слоистой окрашенности на зарайском сырье и направления снятий: *A* – продольно-торцевое; B – поперечно-торцевое; C – снятия в боковой плоскости; *2* – плоскости сечения конкреции: A – торцевое сечение; B – угловое; C – боковое; D – в области однообразной окрашенности – неопределимое; *3* – варианты расположения слоистой окрашенности на пластинах и отщепах: A – продольно-торцевое или угловое пластинчатое снятие; B – поперечно-торцевое снятие отщепа; *4* – варианты расположения слоистой окрашенности на пластинах и отщепах: A – боковое пластинчатое снятие; B – отщеп, снятый в боковой плоскости желвака; *5* – варианты расположения слоистой окрашенности на поперечных сечениях пластинчатых сколов (в соответствии со схемой *2*)

2.*4*. Исключение составляет лишь небольшая часть сколов подправки площадок нуклеусов и пренуклеусов, часть которых снималась с торца конкреции, но в продольном направлении.

2.*5*. Две трети всех пластин были сняты с торцевых участков конкреций. Большинство пластин снималось чисто с торца (42,3%), меньше – с угла (26,5%). Только

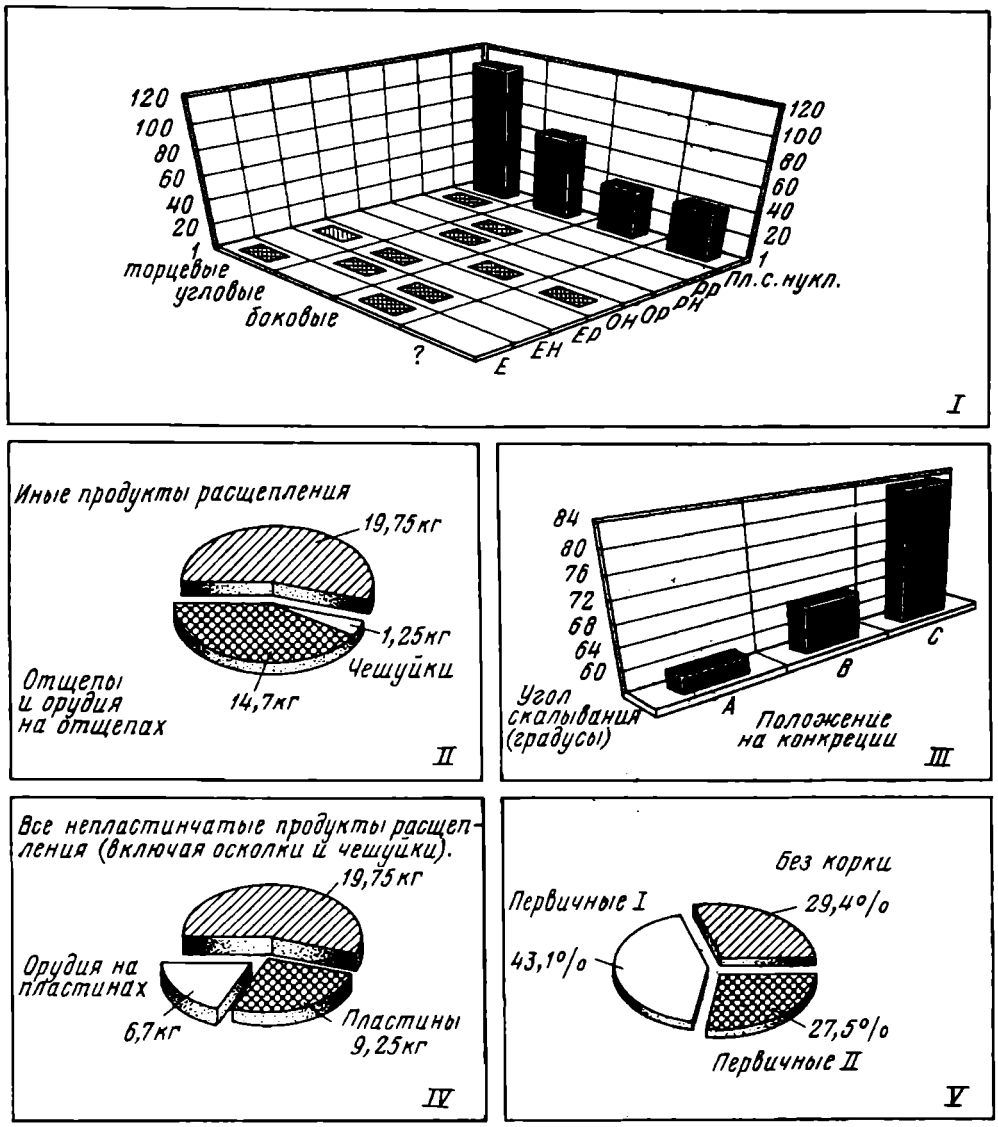


Рис. 2. I – распределение сколов с нуклеусов и пренуклеусов из случайной выборки (272 шт.) в соответствии с огранкой и положением на конкреции (по вертикальной оси указано количество сколов); II – соотношение веса отщепов, чешуек и иных продуктов расщепления; III – зависимость между положением отщепов на конкреции и средними значениями их углов скалывания: A – поперечно-торцевые сколы; B – косоусекающие торец поперечные сколы; C – сколы, параллельные боковым сторонам конкреции (боковые); IV – соотношение веса пластинчатых продуктов расщепления и остальной части кремня; V – распределение отщепов по огранке спинки

15,8% пластин были сняты с боковой части конкреции, и даже если к ним прибавить все неопределимые (15,4%), вместе они не составят и половины общего количества (рис. 2, I).

3. Виды продуктов расщепления

3.*1*. Общий состав различных форм продуктов расщепления исследуемой коллекции таков.

	Количество (шт.)	Вес (кг)
Пренуклеусы, нуклеусы и их обломки	21	3,8
Отщепы (>2 см)	539	6,7
Отщепы с выкрошенностью и орудия на отщепах	146	2,9

	Количество (шт.)	Вес (кг)
Обломки отщепов	702	5,1
Чешуйки	–	1,25
Пластины и их обломки с проксимальными концами	363	3,3
Иные фрагменты пластин	539	3,8
Пластины и их обломки со следами обработки и/или выкрошенностью	478	8,35
Резцовые сколы и торцевые снятия	176	0,5
Итого	2964	35,7

3.*2*. Бесспорных орудий на отщепах лишь около десятка, т.е. подавляющая часть орудий изготовлена на пластинах. Никаких свидетельств специализированного производства отщепов определенной (повторяющейся) формы в качестве сколов-заготовок не обнаружено. Насколько часто немодифицированные отщепы использовались в качестве орудий, можно будет судить лишь после функционального анализа.

4. Распределение продуктов расщепления по весу затраченного сырья

4.*1*. На данном участке памятника раскопками 1995 г. обнаружено 35,7 кг кремня, причем 15,95 кг (44,7%) – это пластины и их обломки, что составляет лишь немногим менее половины общего количества расщепленного сырья (рис. 2, IV).

4.*2*. Почти половина веса всех пластин (6,7 кг) была превращена в орудия (рис. 2, IV), следовательно, еще какая-то часть веса пластин ушла в вес чешуек.

4.*3*. Вес отщепов и изготовленных из них орудий составляет 14,7 кг (41,1%) (рис. 2, II). То есть, если судить по материалам раскопа 1995 г., вес сырья, ушедшего в отщепы, практически равен или даже немногим менее веса сырья, использованного на изготовление пластин.

4.*4*. Необработанных желваков кремня не обнаружено. Общий вес ядрищ и их обломков составляет 10,6% веса расщепленного сырья.

5. Ядрища

5.*1*. Из двух пренуклеусов, имеющихся в коллекции, оба изготовлены на крупных отщепах клиновидной формы (рис. 3, II, *1*, *2*). Углы скалывания ближе к острому. Подправлялись лишь площадка и слегка основание. Поверхности скалывания будущих пластин соответствуют торцевому положению на конкреции. В обоих случаях оформление площадки завершено мелкими сколами.

5.*2*. Нуклеус, показанный на рис. 3, II, *3*, изготовлен из желвака удобной формы, поверхность скалывания располагается на его торце. Большая часть его боковых поверхностей – естественная поверхность желвака, покрытая тонкой коркой. Подправлены: площадка, основание и лишь частично одна из боковых сторон. Угол скалывания 70–80°. Площадка вначале сформирована крупным сколом, а потом подправлена еще одним снятием с фронта. Нуклеус был оставлен из-за глубоких заломов в первой трети поверхности скалывания.

5.*3*. Несмотря на небольшой размер и отсутствующий фрагмент, отпавший по трещине, в нуклеусе, изображенном на рис. 3, I, *4*, легко узнается характерная для костенковско-авдеевских ядрищ форма "топора" (Пидопличко И.Г., 1941; 1949, с. 65–106; Гвоздовер М.Д., 1950, с. 23; Семенов С.А., 1950; 1957, с. 104; Ефименко П.П., 1958, с. 95; Паничкина М.В., 1959, с. 7–77). Боковые стороны этого ядрища выравнивались двусторонней оббивкой с переднего, тыльного и нижнего ребер еще на стадии оформления пренуклеуса. Угол скалывания острый. Площадка отретуширована.

5.*4*. Широкие и достаточно уплощенные поверхности скалывания имеют два нуклеуса, показанные на рис. 3, I, *1*, *3*. На обоих присутствует оформленное двусторонней

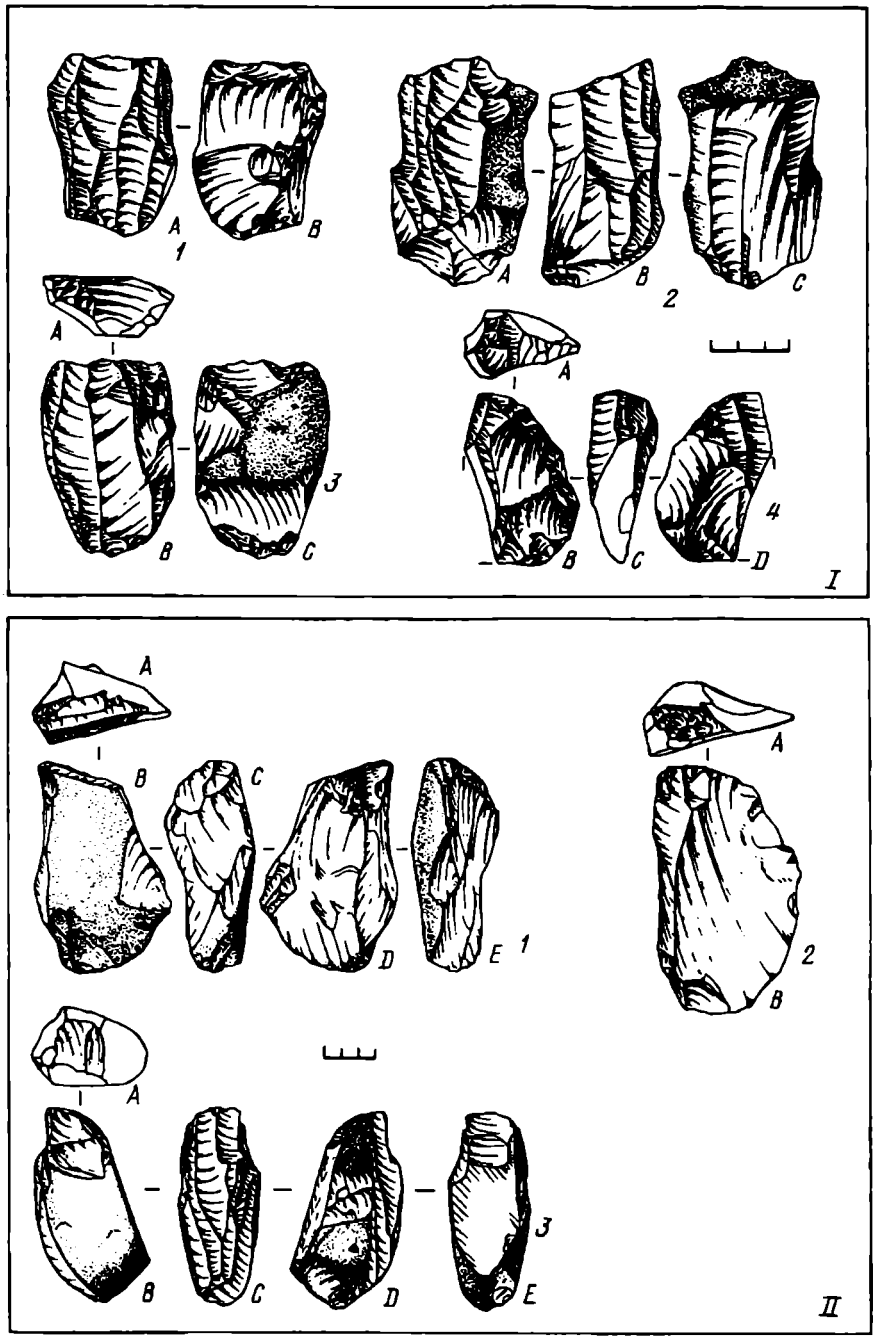


Рис. 3. I, *1–4* – нуклеусы; II, *1*, *2* – пренуклеусы на отщепах, *3* – нуклеус

оббивкой ребро. Поверхность скалывания пластинчатых заготовок нуклеуса на рис. 3, I, *3* расположена в боковой плоскости конкреции и лишь частично в торцевой. Нуклеус на рис. 3, I, *1*, кроме основной, имеет еще и дополнительную площадку в основании, с нее снимались пластинчатые сколы, направленные к основной площадке. Углы площадок острые.

5.*5*. О размерах ядрищ можно судить по рис. 3, I, II.

6. Пластины

6.*1*. По морфологии дорсальных поверхностей пластины делятся на две основные группы: те, которые были получены непосредственно с пренуклеусов и имеют на спинке соответствующую огранку, и те, которые были сняты с нуклеусов – имеющие

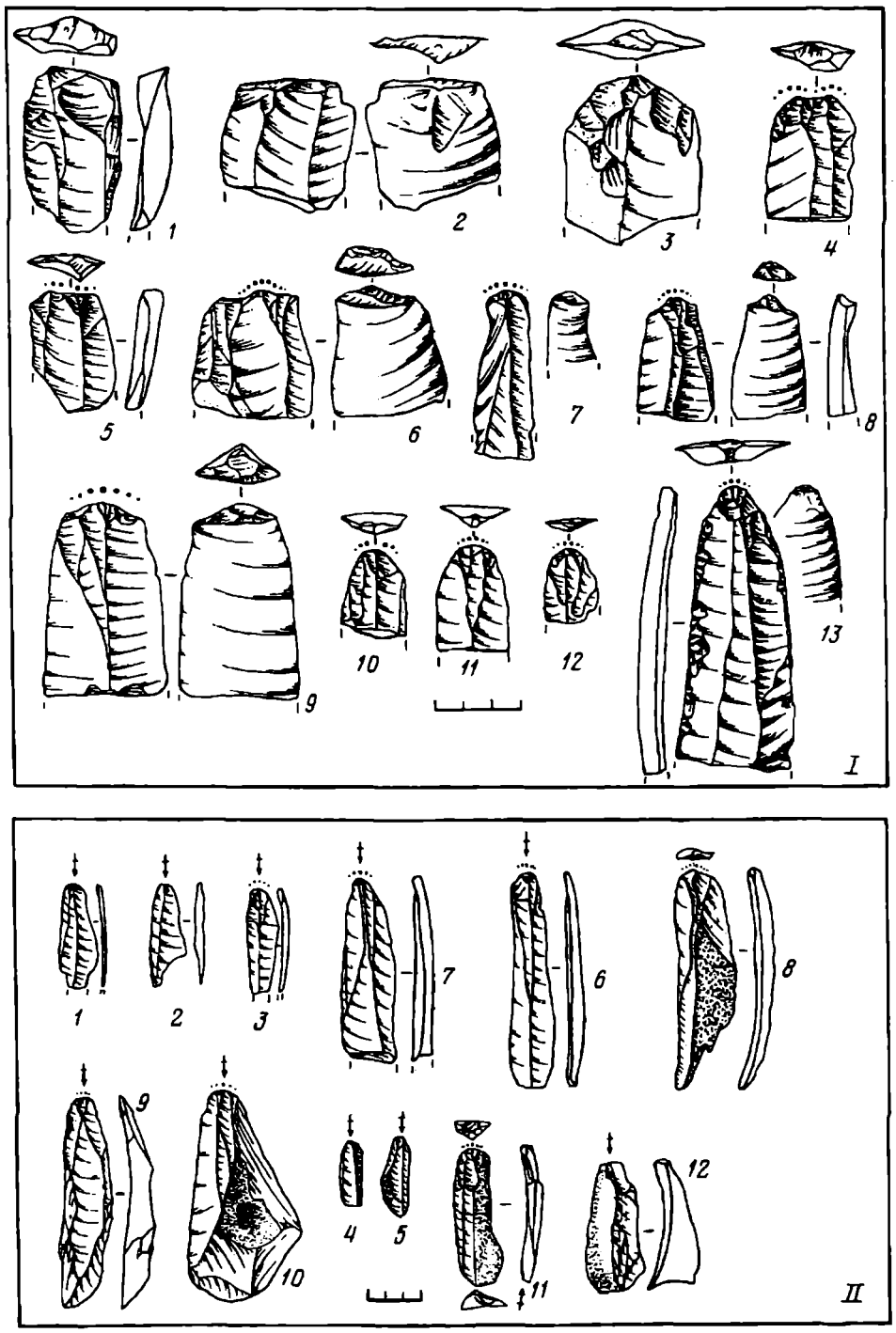


Рис. 4. I, *1–13* – проксимальные концы пластин (точками показано расположение следов абразивной обработки). *1, 2* – сколы без следов специальной подготовки зоны расщепления; *3* – скол с редуцированной площадкой без следов абразивной обработки; *4* – скол со следами изолирования, редуцирования и абразивной обработки; *5* – скол со следами абразивной обработки и слабым редуцированием; *6, 8, 9, 13* – сколы со следами изолирования, освобождения, редуцирования и абразивной обработки; *7* – скол со следами освобождения, редуцирования и абразивной обработки; *10–12* – сколы со следами редуцирования и абразивной обработки, имеющие маленькие площадки. II, *1–12* – пластинчатые снятия (точками показано расположение следов абразивной обработки)

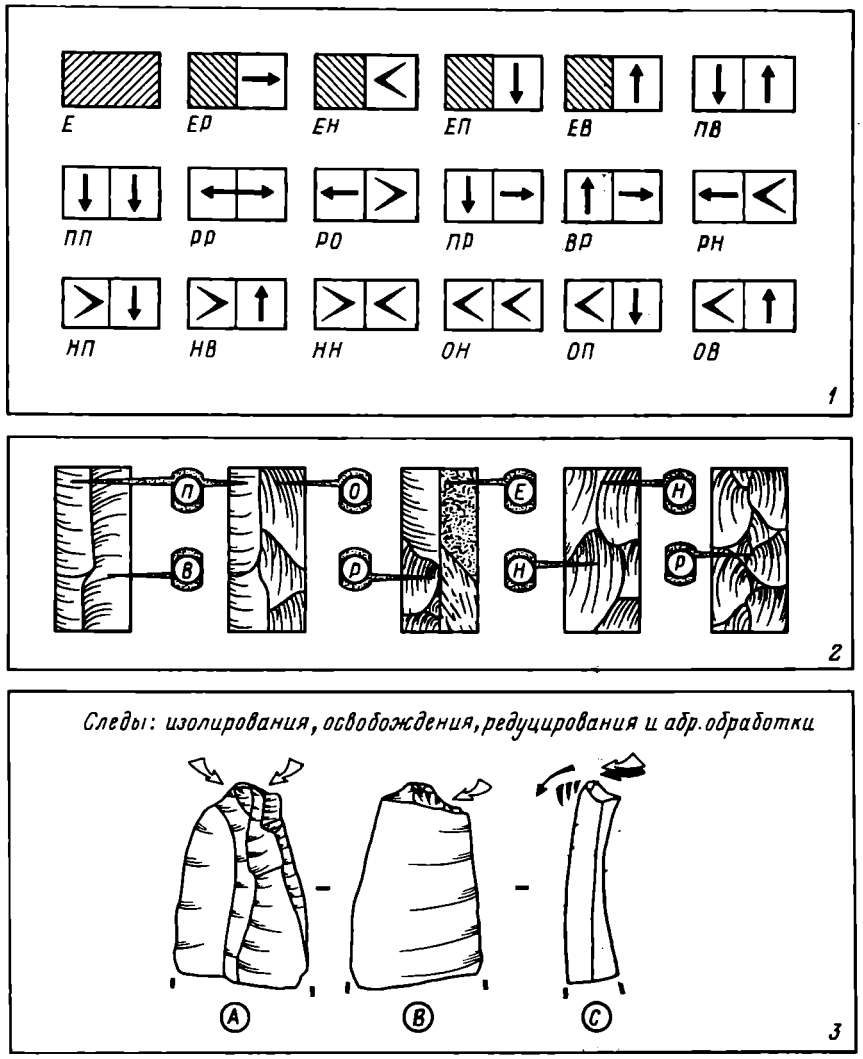


Рис. 5. *1*, *2* – схема формализованного описания возможных вариантов огранки дорсальных поверхностей пластинчатых сколов; *3* – следы применения различных приемов подготовки зоны расщепления перед снятием скола: А – изолирования площадки, В – освобождения, С – редуцирования и абразивной обработки

следы хотя бы одного предыдущего пластинчатого снятия. При анализе случайной выборки (272 шт.) снятий с нуклеусов оказалось достаточно много – 95%. На графике (рис. 2, I) снятия с нуклеусов отмечены "Пл. с нукл.".

6.*2*. Проксимальных частей первых пластинчатых снятий с пренуклеусов всего 13 шт. (рис. 4, *1–6*). Огранка их дорсальных поверхностей следующая (расшифровка типов огранки дана на рис. 5, *1*, *2*): это снятия с естественной спинкой (Е), реберчатые односторонние и двусторонние (ЕР, ОР, РН, РР; см. рис. 6) и сколы с огранкой ОН и ЕН (см. рис. 6, II, *5*, *6*). Снятий с огранкой спинки Е, ОН, и НЕ 7 шт. – чуть больше половины всех сколов этой группы. Они не являются сколами ребра пренуклеуса, но тем не менее это тоже первые пластинчатые сколы формирования призматического рельефа поверхности скалывания нуклеуса. Положение на конкреции сколов с огранкой Е – торцевое; сколов с огранками ОН и ЕН – боковое, в одном случае – угловое, в одном – неопределенное, скорее боковое.

6.*3*. Большая часть реберчатых односторонних и двусторонних сколов (РР), а также их фрагментов имеют поперечную абразивную подработку ребра на спинке. Они в основном симметричные в сечении и оформлялись чередующимися снятиями. Абразивная обработка велась в направлении от одной грани (служащей площадкой для

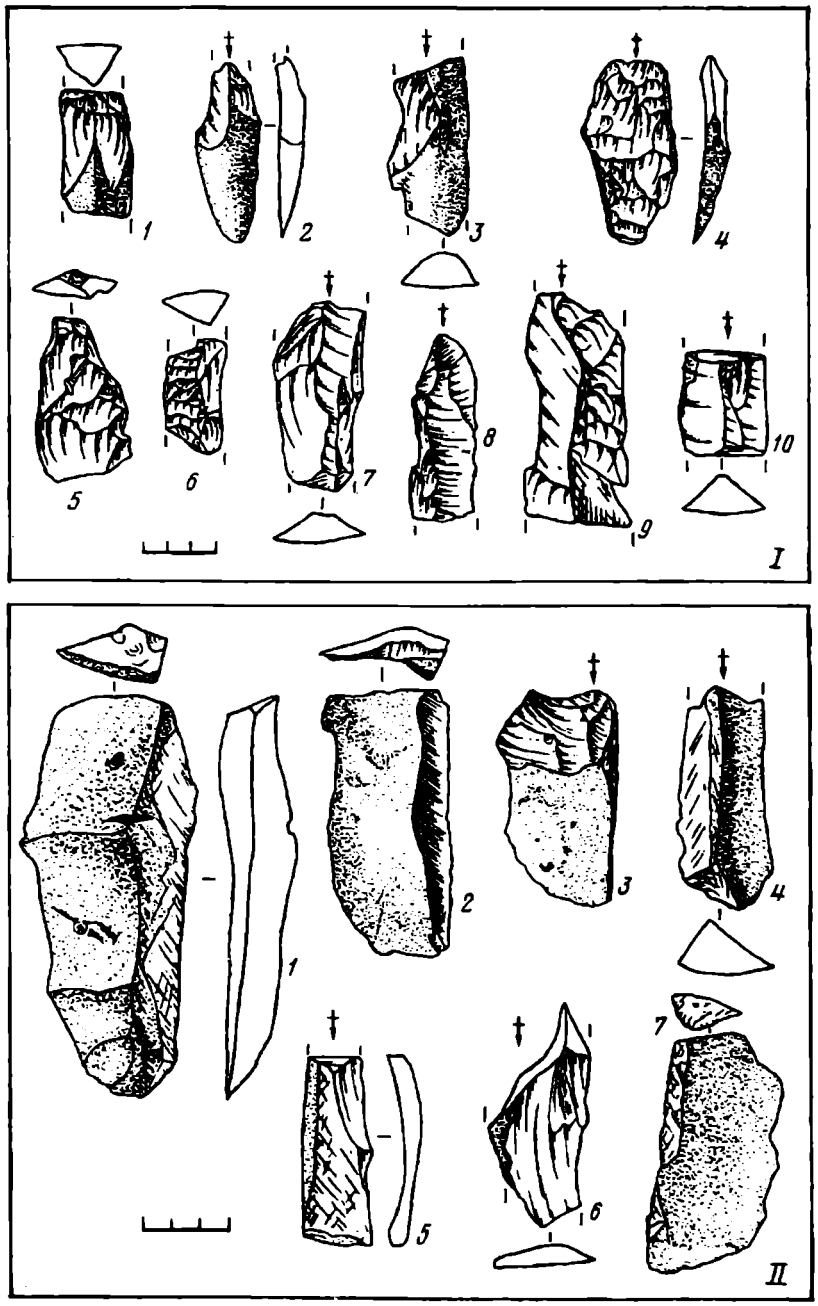


Рис. 6. I, *1–10* – пластинчатые снятия. *1*, *5*, *6* – огранка РР; *2*, *8*, *10* – огранка ПР; *3*, *4*, *9* – огранка ЕР; II, *1–4*, *7* – первичные пластинчатые снятия с естественных углов обломков конкреций (на площадках сколов *1* и *7* показаны полукольцевые трещины от ударов твердым отбойником; *5* и *6* – пластинчатые сколы с огранкой НЕ)

сколов оформления ребра) к другой (являющейся поверхностью скалывания), что особенно хорошо прослеживается на односторонних реберчатых сколах (ЕР, ОР, РН, ПР).

6.*4*. Соотношение пластин с различной огранкой в этой выборке следующее: ВЕ – 1,1% (3 шт.); ВО – 0,4% (1); ВР – 0,7% (2); Е – 0,7% (2); ЕН – 1,1% (3); ОН – 0,7% (2); ПВ – 2,2% (6); ПЕ – 21% (57); ПН – 6,6% (18); ПО – 6,6% (18); ПП – 52,6% (143); ПР – 4,0% (11); РЕ – 1,1% (3); РН – 0,4% (1); РО – 0,4% (1); РР – 0,4% (1).

6.*5*. Распределение пластинчатых снятий, полученных с поверхности скалывания нуклеусов, показано на рис. 7, *1*. Среди них доминируют сколы с огранкой ПП, снятые

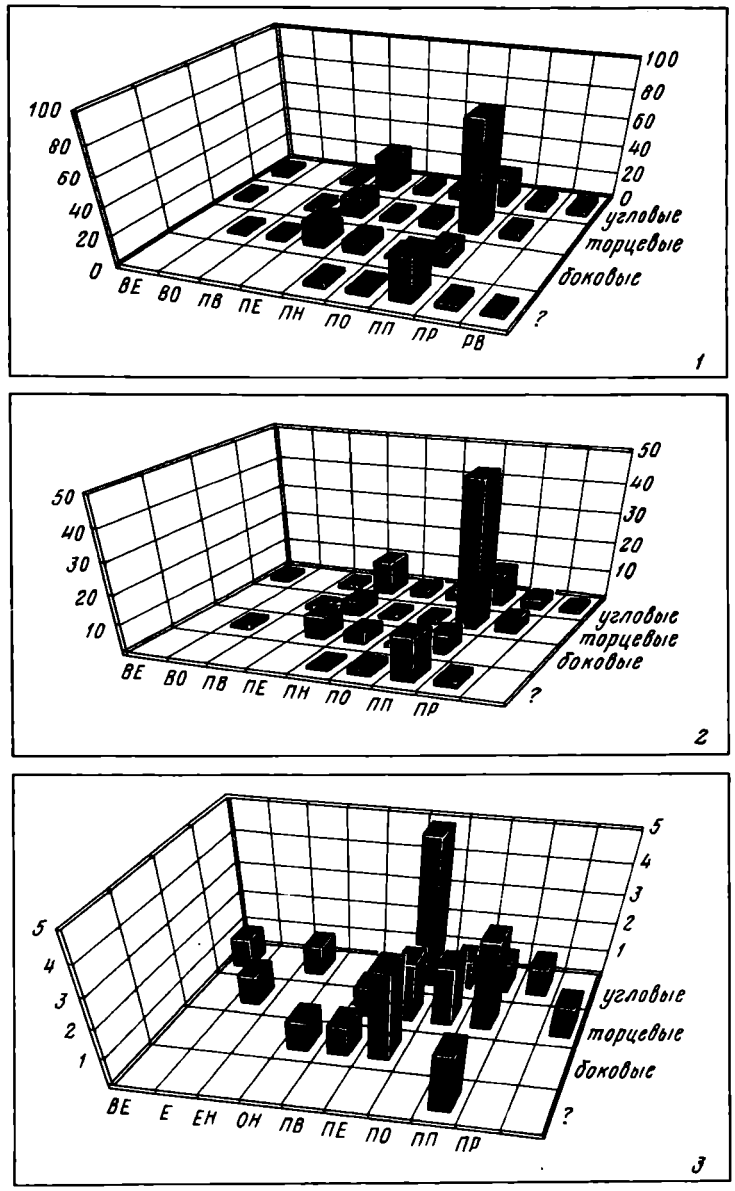


Рис. 7. *1* – распределение пластинчатых снятий, полученных с поверхности скалывания нуклеусов в соответствии с огранкой и положением на конкреции: по вертикальной оси указано количество; *2* – распределение пластинчатых снятий, имеющих следы усиленной подготовки зон расщепления в соответствии с огранкой и положением на конкреции: по вертикальной оси указано количество; *3* – распределение пластинчатых снятий без подготовки зон расщепления в соответствии с огранкой и положением на конкреции: по вертикальной оси указано количество

с торцевых участков конкреций. Сколов переоформления и/или исправления призматического рельефа поверхности скалывания с огранкой ПР (рис. 6, I, *8*, *10*) и ВР 4,7%, т.е. практически столько же, сколько первичных сколов с пренуклеусов.

6.*6*. Следы абразивной обработки кромки площадки нуклеуса присутствуют на проксимальных участках 65,4% пластин (см. рис. 4, I, II), место абразивной обработки указано точками. Они полностью аналогичны следам, обнаруженным и описанным С.А. Семеновым на площадках пластин из Костенок I (Семенов С.А., 1957, с. 66 и наш рис. 4, *2*). Это скругление кромки за счет грубой пришлифовки направленной от тыльной части площадки к ее фронту, часто такая пришлифовка огибает кромку и заходит на проксимальную часть поверхности скалывания. На многих экземплярах представлены хорошо выраженные линейные следы в виде грубых борозд и линейных

заполировок, ориентированных поперечно кромке площадки нуклеуса. Направление воздействия читается также по ориентации цепочек полукольцевых трещин на площадке у самой кромки.

6.*7*. Среди пластин с абразивной подготовкой 83,1% имеют редуцирование (см. рис. 4, I, *4–13*).

6.*8*. Распределение различных видов подготовки зон расщепления на пластинах (см. пояснения на рис. 5, *3*, A, B, C) следующее: редуцирование – 66,9; абразивная обработка – 65,4%; изолирование – 23,5%; освобождение – 27,2%. Пластины, имеющие следы изолирования участка поверхности скалывания, составляют 41,5% (113 шт.) от общего количества.

6.*9*. Пластин, имеющих изолированную площадку, 64 шт., из них без освобождения 13 шт.; имеющих освобождение 74 шт., из них без изолирования 24 шт.; имеющих абразивную обработку 178 шт., из них без редуцирования 30 шт.; имеющих редуцирование 182 шт. Из 113 сколов со следами изолирования поверхности скалывания 91,2% (103 шт.) имеют редуцирование площадки.

6.*10*. Одновременно все виды подготовки зоны расщепления (редуцирование, изолирование, освобождение и абразивную обработку) имеют 18% (49 шт.) пластин (рис. 4, I, *6–9*, *13*).

6.*11*. Пластин, не имеющих никаких признаков подготовки зоны расщепления, 10% (27 шт.) (рис. 4, I, *1*, *2*). То есть 90% пластинчатых сколов (245 шт.) имеют следы той или иной специализированной подготовки зоны расщепления. Пластинчатые сколы с максимальной подготовкой зоны расщепления – те, которые имеют площадку шириной и глубиной менее средней (см. набл. 6, 14; рис. 4, 1, *10–12*) и/или редуцирование, изолирование и освобождение, а также следы абразивной обработки составляют 49% (134 шт.).

6.*12*. Картина распределения пластинчатых сколов с нуклеусов, имеющих следы усиленной подготовки зон расщепления (рис. 7, *2*), практически повторяет (пропорционально численности) распределение всех пластин (ср. графики *1* и *2* на рис. 7). То есть специальной подготовке подвергались зоны расщепления пластин с различными огранкой и положением на конкреции.

6.*13*. Если среди сколов с максимальной подготовкой зон расщепления (рис. 4, *2*), как и вообще среди пластин (рис. 7, *1*), преобладают снятия с огранкой ПП, полученные с торца, то среди сколов без признаков специальной подготовки зоны расщепления преобладают угловые ("B" по рис. 1, *2*) снятия с огранкой ПЕ (рис. 7, *3*).

6.*14*. Средняя ширина площадок пластинчатых сколов 11,18 мм, средняя глубина – 4,41 мм. У пластин с усиленной подготовкой зоны расщепления средняя ширина площадок 8,7 мм, средняя глубина – 3,2 мм, у пластин без таковой – 16,5 и 7 мм соответственно.

6.*15*. Полукольцевые трещины от неудачных попыток снятия скола (верхние части развернутых конусных трещин) присутствуют на площадках 10% пластин (27 шт.). Эти трещины (глазки, как их называл С.А. Семенов) имеют достаточно небольшой диаметр, что свидетельствует о твердости контактного материала, и располагаются на поверхности площадки сколов несколько глубже (дальше от края), чем более развернутые трещины от абразивной обработки кромки. В 17 случаях это одиночные трещины, в 10 – группы по две и более. Полукольцевые трещины часто сопровождаются линейными следами, перечеркивающими их или же находящимися в непосредственной близости. Это широкие царапины и линейные заполировки, их ориентация совпадает с направлением усилия, образовавшего саму трещину.

6.*16*. Коническое начало плоскости расщепления имеют 69,8% пластинчатых сколов: 13,2% – выпуклый конус; 29,8% – средний; 26,8% – плоский. 28,7% пластин имеют неконическое начало, у 1,5% площадки разбиты.

6.*17*. Средний угол скалывания пластин 79°, максимальный – 95°, минимальный – 55°. У пластин, имеющих неконическое начало скалывающей и поэтому отторгнувших от ядрища значительную часть площадки, есть возможность отдельно измерить угол площадки скола – угол, который обычно замеряется как угол скалывания на нуклеусах. Значения этого угла следующие (макс., сред., мин. – соответственно: 80; 62,2; 40°).

6.*18*. Целых пластин 85 шт. (31,3%), из них самая длинная 122 мм, самая короткая 24 мм, средняя длина 61,3 мм. Ширина (с учетом всех 272 экз.): максимальная – 53 мм, средняя – 22,6 мм, минимальная – 8 мм. Толщина соответственно: 22; 7,6 и 2 мм.

7. Отщепы

7.*1*. Отщепы, имеющие следы применения хотя бы одного вида специальной подготовки зон расщепления: изолирования, освобождения, редуцирования или абразивной обработки кромки площадки – составляют 21,7% (57 шт.) от общего количества выборки (262 шт.). Более половины этих снятий (34 шт., 59%) составляют сколы, имеющие абразивную подработку (12,9% от общего количества). Редуцирование площадки имеют 9,9% сколов этого типа, изолирование – 4,2%, освобождение – 1,5%. Совместное применение всех указанных выше типов обработки представлено лишь на одном отщепе со слабо выраженными редуцированием и абразивной обработкой кромки площадки.

7.*2*. Возможно, что некоторые сколы, отнесенные к отщепам из-за соответствующих пропорций длины и ширины, имеющие следы редуцирования и изолирования, являются неудачными пластинами.

7.*3*. Две трети отщепов имеют корку на спинке.

7.*4*. Средняя ширина площадок отщепов без редуцирования 21,9 мм, с редуцированием – 16,5 мм. Максимальные размеры (с редуцированием / без редуцирования соответственно, в мм): ширина 41/68, глубина 10/23. Минимальные, в мм: ширина 6/4, глубина 1/1.

7.*5*. Большая часть отщепов имеет на площадках кольцевые и/или полукольцевые трещины от ударов, а также совпадающие с ними по месту расположения и направлению линейные следы в виде грубых борозд и линейных заполировок.

7.*6*. Подавляющее количество отщепов имеет ярко выраженное коническое начало плоскости расщепления.

7.*7*. Средний угол скалывания отщепов 74°, максимальный – 90°, минимальный – 45°. Прослеживается некоторая зависимость между положением отщепов на конкреции и средними значениями их углов скалывания. В среднем отщепы с поперечной торцу конкреции ориентацией имеют наименьший угол скалывания (см. рис. 2, III; положение на конкреции "А", "В", "С" в соответствии со схемой на рис. 1, *2* (сколы "А" снимались в направлении "В" по рис. 1, *1*, в плоскости "А" – по рис. 1, *2*).

7.*8*. Лишь 9,2% (24 шт.) отщепов могут быть признаны за сколы утончения – оформления бифасов (рис. 8, I, *8*, *9*) большая часть отщепов – сколы оформления.

7.*9*. Размеры отщепов, вошедших в случайную выборку (максимальные, средние, минимальные соответственно, в мм): длина 142; 42,2; 19; ширина 106; 42,7; 20; толщина 36; 10,7; 3.

8. Технологически определимые сколы

8.*1*. Среди пластин и пластинчатых отщепов выделяется группа (8 шт.) первичных сколов с естественных углов обломков конкреций (рис. 6, II, *1–5*, *7*). Одна грань на спинке этих сколов – желвачная корка, вторая – поверхность естественной трещины. Никаких следов специальной подготовки зоны расщепления эти сколы не имеют за исключением одного, имеющего подготовленную площадку (см. рис. 6, II, *2*). У них выпуклые ударные бугорки, на площадках многих встречаются кольцевые и полу-

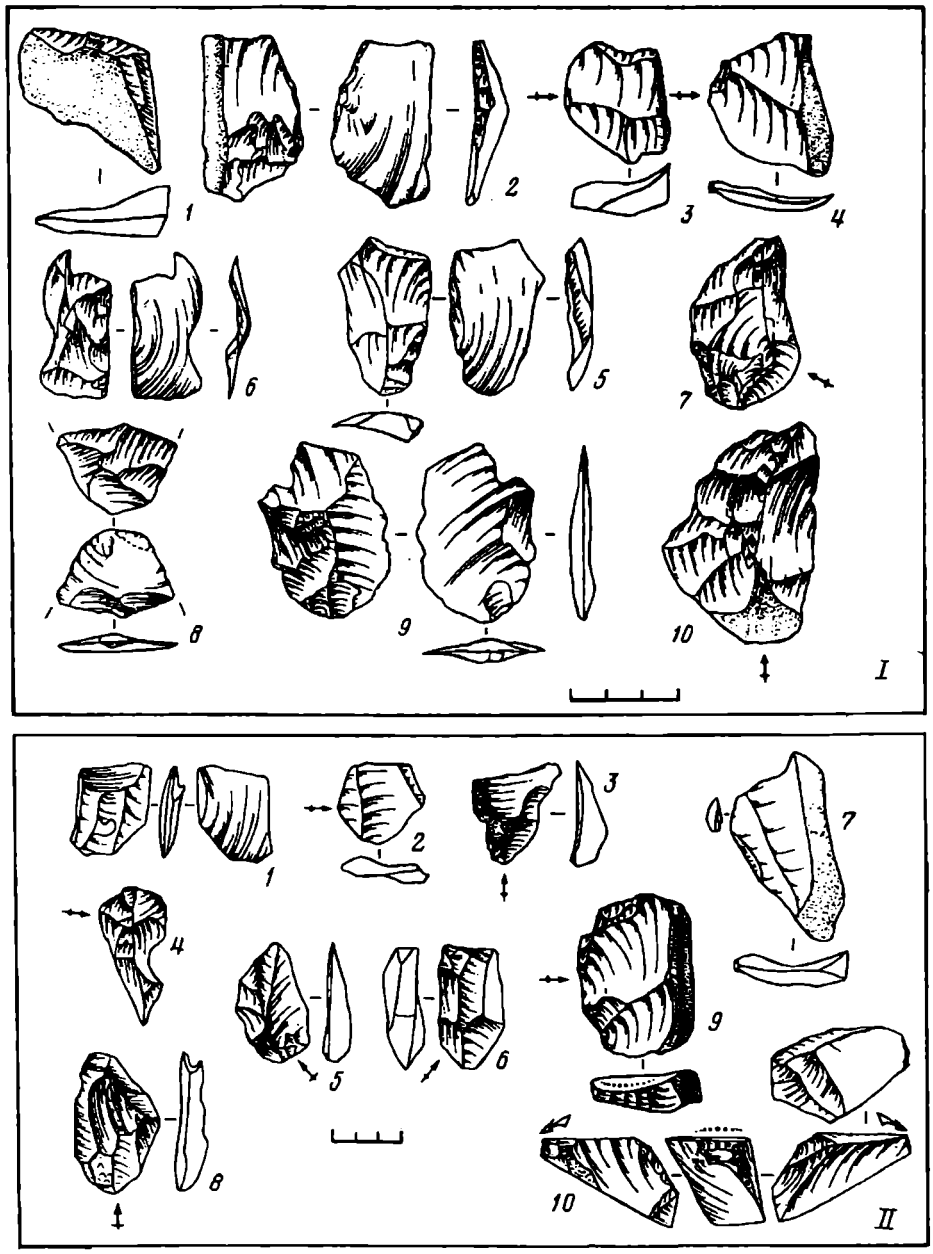


Рис. 8. I, *1–10* – отщепы; *8, 9* – сколы оформления-утончения бифасов; II, *1–10* – отщепы; *1* – скол удаления залома боковым снятием; *6–8* – сколы удаления залома встречным снятием; *9–10* – сколы подправки площадки нуклеусов (точками показано расположение следов абразивной обработки, стрелкой – ее направление с площадки нуклеуса на поверхность скалывания)

кольцевые трещины в сочетании с грубыми линейными следами (см. рис. 6, II, *1*, *7*). Пластинчатый скол, показанный на рис. 6, I, *1*, имеет три таких трещины, что говорит о том, что он не был снят с первой попытки, а лишь после нескольких ударов.

Эти первые снятия с желваков, безусловно, свидетельствуют о том, что в данной индустрии в качестве пренуклеусов достаточно часто использовались удобные естественные формы сырья, позволявшие без дополнительной обработки получать пластинчатые сколы. Не исключено также и то, что с помощью таких сколов могла формироваться не только поверхность скалывания, но и площадка нуклеуса.

8.2. Сколы подправки площадок нуклеусов и пренуклеусов (рис. 8, II, *9*, *10*) в данной индустрии выделяются не только по своей морфологии, но и по ориентации снятия –

большая часть из них (20 шт. из 22) снята в продольном торцу конкреции направлении, от фронта поверхности скалывания к тыльной части нуклеуса. Еще одной отличительной чертой этих сколов является направление следов абразивной обработки. Если у всех пластин и отщепов они направлены с площадки на поверхность скалывания, то у этих сколов – наоборот. Поскольку данными сколами снимался участок основной площадки ядрища, площадками для их снятия чаще всего служила рабочая поверхность нуклеусов (кроме редких случаев боковой подправки см. рис. 8, II, *9*). При получении этих сколов усилие прилагалось не у кромки, а чуть отступя от нее. Специальной абразивной обработки кромки для их снятия не производилось. В итоге на этих сколах присутствуют следы подготовки зоны расщепления для снятия пластин с характерной для них направленностью. На рис. 8, II, *10* направление следов абразивной обработки показано стрелкой, точками указывается их распространение вдоль кромки площадки нуклеуса. Данный скол снял тыльную часть ядрища вместе с участком заднего ребра.

8.*3*. Выделено шесть отщепов, снятых поперек уже сформированной (имеющей призматическую огранку) поверхности скалывания (рис. 8, II, *1*, *2*, *7*). Они могут быть определены как сколы подправки и/или переоформления поверхности скалывания путем "восстановления ребра". Один из них – скол снятия залома (рис. 8, II, *1*).

8.*4*. Есть и сколы удаления заломов с поверхности скалывания продольными встречными снятиями с основания, со второй, противоположной основной площадки (рис. 8, II, *6*, *8*). Особый интерес представляет скол на рис. 8, II, *8*. Выпуклость в дистальной части поверхности скалывания, образовавшуюся из-за залома, вначале пытались убрать поперечными сколами, но из-за отсутствия подходящего угла скалывания это не удалось. После этого, по-видимому, была предпринята попытка создать площадку для снятия этого залома встречным сколом, которая увенчалась успехом, но не сразу. На спинке отщепа хорошо читаются следы целого ряда ударов (восемь полукольцевых трещин), направленных поперек поверхности скалывания. В конце концов площадка была создана и этот отщеп был с нее снят. Пластинчатый скол удаления залома, показанный на рис. 4, II, *11*, снят с дополнительной (противоположной основной) площадки. Кромка зоны расщепления основной площадки имеет следы абразивной подготовки.

8.*5*. Пластинчатый скол, изображенный на рис. 4, II, *10* – это неудачно снятая с края поверхности скалывания пластина (угловой скол), он имеет абразивную обработку зоны расщепления и редуцирование. Спинка этого скола сохраняет огранку части поверхности пренуклеуса, на которой хорошо читаются негативы снятий сколов оформления с переднего, нижнего и тыльного ребер. Этот скол получился излишне широким из-за того, что боковая сторона пренуклеуса была недостаточно выровнена. Широкий выпуклый участок с коркой в центре скола следовало сузить. Поверхность скалывания перед снятием не имела достаточно изолированного для снятия пластины участка.

Выводы.

Наиболее часто используемым видом сырья в зарайской индустрии служили конкреции местного кремня и их обломки мелкой и средней зернистости с относительно ровной поверхностью. Помимо этого, как и во многих иных индустриях, нуклеусы также изготавливались из крупных отщепов (см. набл. 5.*1*). Выразительных следов окатанности на кремнях не прослежено, тем не менее весьма вероятно, что такие обломки легче всего было выбирать в местах размывов коренных отложений (см. набл. 1.*1*).

В целом качество зарайского кремня может быть признано удовлетворительным, встречаются отдельные конкреции, частично или целиком состоящие из тонкозернистого кремня. Расщепление затрудняют наличие толстой мергелевидной корки и трещины (см. набл. 1.*2*, *4*).

Благодаря особенностям формы конкреций, отобранных для расщепления (см. набл. 1.*1*, *5*), достаточно часто снятие пластинчатых сколов начиналось безо всякой предварительной подготовки (см. набл. 6.*2*, *4*; 8.*1*). Либо подготовка сводилась к выравниванию одной (реже двух) боковых поверхностей пренуклеуса поперечными торцу конкреции сколами с переднего, тыльного и нижнего ребер (см. набл. 5.*3*, *4*; 7.*1*).

За редкими исключениями, практически все отщепы были получены в ходе единой операции – оформления ядрища сколами с ребра в направлении к поперечному торцу конкреции либо в плоскости ее боковой стороны (см. набл. 2.*3*; 7.*7*). Средний угол заострения этого ребра может быть определен по углу скалывания поперечных торцу отщепов – 60–64° (см. набл. 7; рис. 6, *2*).

Положение переднего ребра (по отношению к площадке нуклеуса) контролировало и/или корректировало угол скалывания нуклеуса, степень изгиба рабочей поверхности и направление первого пластинчатого снятия. Этот же прием использовался для исправления разнообразных ошибок расщепления, главной из которых было образование заломов в процессе получения пластин (срабатывания нуклеуса). Основной призматический рельеф поверхности скалывания мог быть несколько раз подправлен и/или переоформлен поперечными сколами полностью или частично (см. набл. 6.*5*).

Иногда при изготовлении заготовки нуклеуса скалывание велось со всех трех указанных выше направлений (переднего, тыльного и нижнего участков ребра). Если боковые стороны конкреции имели ровный рельеф, то они могли сохранять участки желвачной корки достаточно долго (см. набл. 5.*2*), возможно, вплоть до полного истощения.

Таким образом, ориентация поверхности скалывания нуклеуса как бы задавалась выбором сырья определенной формы. В качестве узкой и относительно выпуклой поверхности скалывания использовалась торцевая часть желвака или его обломка. Основное количество пластин зарайской индустрии было снято в продольном направлении именно с торцевой части ядрища (см. набл. 2.*2*, *5*).

Единственной стадиальной формой в каменной индустрии Зарайской стоянки может быть признан пренуклеус, представляющий собой либо обломок конкреции удачно подобранной естественной формы, либо частично оформленное искусственно изделие, имеющее форму, подобную новгород-северским гигантолитам (костенковским "топорам").

На достаточно частый специальный отбор сырья наиболее подходящей формы, требующей минимальной подправки, косвенным образом указывает и характер огранки отщепов. Две трети из них – это отщепы с коркой (см. набл. 7.*3*). Неожиданно высокий процент сырья, ушедшего на производство пластин (см. набл. 4.*1*), вряд ли является локальной особенностью изученного за сезон 1995 г. участка слоя. Почти половина всего сырья была превращена в пластины. Для верхнего палеолита это очень большой показатель. Большинство выделенных сколов подправки и/или переоформления площадок было определено в основном благодаря их продольной торцу конкреции ориентации, а также наличию и особенностям (в направлении) следов абразивной обработки фронтальной кромки. По этим признакам данные сколы исключительно четко отделяются от иных отщепов с абразивной обработкой (см. набл. 8.*2*). С боковой поверхности ядрища получена лишь очень небольшая часть сколов подправки площадок (2 из 22 шт.). Их морфология и малое количество позволяют сделать вывод, что это, скорее всего, сколы, произведенные при расширении рабочей поверхности на боковую сторону ядрища. На одном из таких снятий (рис. 8, II, *9*) видны остатки проксимальной части торцевой поверхности скалывания нуклеуса. Изменение формы ядрища в результате вторичного "восстановления" переднего ребра (частичного либо полного) производилось достаточно часто (см. набл. 6.*5*).

Помимо получения первых пластинчатых снятий с естественных граней и снятия реберчатых сколов, призматический рельеф поверхности скалывания нуклеуса формировался и иным образом (см. набл. 6.*2*). Об этом свидетельствует присутствие в

коллекции пяти сколов с огранкой ЕН и ОН. Исходя из морфологии ядрищ, такую огранку могли иметь пластины, снятые только с их боковых сторон. Ориентация данных снятий на конкреции вполне соответствует этому – они имеют боковое и угловое положение (см. набл. 6.*2*). Это сколы изолирования поверхности скалывания, придания определенному ее участку более выпуклого рельефа. По всей видимости, этот прием не был жестко связан с процедурой удаления заломов, хотя, без сомнения, мог применяться и для этого. Около половины всех пластинчатых сколов имеют следы его применения (см. набл. 6.*8*). Можно предполагать лишь какую-то его связь с редуцированием площадок, так как практически все сколы со следами такой подготовки имеют также и следы редуцирования площадки (см. набл. 6.*9*). Подтверждением необходимости применения этого приема в зарайской технологии может служить неудачный пластинчатый скол (рис. 4, II, *10*; набл. 8.*5*), не ставший пластиной именно из-за недостаточного изолирования данного участка рабочей поверхности. Поскольку в зарайской индустрии изолирование поверхности скалывания использовалось достаточно часто (при снятии каждой второй пластины), есть основание считать его частью технологической нормы получения пластин с уплощенных участков проксимальной части рабочей поверхности. В целях предотвращения образования слишком широкого начала скола с одной или двух сторон от того места, где планировалось получение большой пластины, снимались мелкие пластинчатые сколы, благодаря чему упомянутый участок "поднимался" над поверхностью скалывания (изолировался). Многие зарайские (как и костенковские) пластины имеют негативы таких (неудачных, как обычно считают) снятий (см. рис. 4, I, *9*, *13*; II, *6–9*). Есть некоторые основания выделять и сами эти пластинки. Они имеют ряд особенностей: 1) очень прямой профиль, поскольку снимались с прямого участка рабочей поверхности и не могли "нырнуть"в тело нуклеуса (будь они сняты с мелких ядрищ, они имели бы больший изгиб); 2) очень незначительную подготовку зон расщепления (только в отдельных случаях встречена абразивная обработка края площадки), что отличает их от большей части пластин (рис. 4, II, *1–5*).

На изменение формы нуклеуса в ходе снятия пластин значительное влияние оказывал еще один прием исправления ошибок расщепления – удаление заломов встречными пластинчатыми снятиями. Для его исполнения в основании нуклеуса создавалась еще одна площадка (см. набл. 5.*4*; 8,*4*). Создание противоположной площадки наряду с подправкой основной в ходе утилизации нуклеуса сильно сокращало его высоту (длину рабочей поверхности).

Ширина поверхности скалывания и степень ее выпуклости были также нестабильны. В случае распространения поверхности скалывания на одну из боковых сторон она сильно расширялась и относительно уплощалась. Такая трансформация призматических ядрищ, отмечена и для иных индустрий, к примеру, Королево II, 2, где на основе ремонтажа В.И. Усику удалось показать, что это остаточные ядрища (Усик В.И., 1992, с. 101). Зарайские нуклеусы с уплощенными поверхностями скалывания, расположенными в плоскости боковой части конкреции (см. набл. 5.*4*), следует также признать истощенными уже потому, что в этой индустрии число пластин, снятых с боковых поверхностей конкреций, вообще невелико (см. набл. 2.*5*). Но в то же время следует отметить, что отдельные истощенные ядрища, несмотря на уменьшение в размерах, сохраняют свою исходную морфологию с узкой выпуклой торцевой поверхностью скалывания (см. набл. 5.*3*). Изменение формы нуклеусов в ходе утилизации не имело каких-либо обязательных (стадиальных) периодов, оно было постепенным и нерегулярным. В ходе нормального снятия пластин наиболее выпуклая часть фронта перемещалась в пределах торца-полуторца (см. набл. 2.*5*). В иных случаях нуклеус укорачивался, поверхность скалывания расширялась и теряла свою относительную выпуклость. Создание противоположной площадки наиболее кардинально изменяло форму ядрища. После этого в тех случаях, когда пропорции поверхности скалывания значительно изменялись, "восстановление" фронтального ребра

уже было невозможно. Выпуклость рабочей поверхности восстанавливалась путем создания боковых ребер. Снятие реберчатых сколов с последних вело к расширению призматического рельефа поверхности скалывания по периметру площадки. Он переносился на боковую сторону ядрища, с которой было снято очень небольшое количество пластин (см. набл. 2.*5*). Несмотря на то что этот вариант утилизации был связан со значительной модификацией формы нуклеуса, он также не может быть признан за отдельную стадию.

Как и для многих других, для изучения техники скола в данной технологии производства пластин наиболее значимой является именно форма зоны расщепления (проксимальной части поверхности скалывания ядрища и краевого участка его площадки). Количество кольцевых и полукольцевых трещин на площадках пластин небольшое, но, судя уже по их наличию, малому диаметру, характеру сопровождающих их царапин и линейных заполировок (см. набл. 6.*15*), есть все основания предполагать, что и пластины, и отщепы получались ударом о мягкий камень либо ударом мягкого отбойника. Наличие у 85% пластин неконического начала скалывающей, плоских и средних бугорков (см. набл. 6.*16*) не противоречит такому выводу, это вполне допустимо при сравнительно пластичном сырье и достаточно острых углах скалывания у зарайских ядрищ (см. набл. 5.*1–4*; 6.*17*).

За редкими исключениями большинство пластин имеет те или иные признаки специальной подготовки зоны расщепления (см. набл. 6.*11*). Среди не имеющих такой подготовки снятий большая часть – краевые пластины с коркой, занимающие угловое положение на торце конкреции (см. набл. 6.*13*). То есть снятию сколов с торца, особенно "чистым" пластинам (с огранкой ПП и ПВ), численно преобладающим в коллекции (см. набл. 6.*4*), уделялось повышенное внимание. Они имеют достаточно маленькие площадки, в среднем 8,7 × 3,2 мм, меньшие, чем в среднем по всей коллекции (см. набл. 6.*14*). Судя по частоте совместной встречаемости, не исключено, что редуцирование площадок пластин и абразивная обработка – единый прием расщепления. Он, по-видимому, состоял в том, что редуцирование начиналось путем мелких косо направленных ударов абразивом, а заканчивалось скруглением кромки шлифованием тем же орудием (см. набл. 6.*7*, *9*). То же самое, но уже с меньшими основаниями можно сказать об освобождении и изолировании площадок – возможно, это лишь различные проявления следов применения одного приема выделения точки приложения удара над площадкой нуклеуса. При оформлении площадки в виде "шпоры" последовательность расщепления была следующей: в первую очередь осуществлялось изолирование проксимального участка поверхности скалывания, затем изолирование/освобождение площадки, после чего площадка редуцировалась и пришлифовывались. Таких пластин, имеющих одновременно весь комплекс рассмотренных выше способов подготовки, лишь 18% (см. набл. 6.*10*). К этому следует прибавить еще какое-то количество этих снятий с маленькими площадками, на которых следов самой "шпоры" уже не видно. Вместе они составляют 49% всех пластин (см. набл. 6.*11*). Техника скола, использованная при снятии отщепов в зарайской технологии, тоже ударная (каменный отбойник – см. набл. 7.*4–7*), но принципиально иная по оформлению зон расщепления. Лишь незначительная их часть имела какие-либо виды такой подготовки (см. набл. 7.*1*). Преобладает абразивная обработка кромки. С определенной степенью уверенности можно предположить, что это были сколы изготовления/подправки переднего ребра пренуклеусов и нуклеусов (см. набл. 6.*3*, 7.*1*). Различие в технике скола при снятии пластин и отщепов было прослежено даже в материалах ашельских индустрий (Голованова Л.В., 1994, с. 12, 13).

Без специального анализа техники скола, применявшейся в каждой конкретной палеотехнологии, наличие ретушированных площадок у пластин из верхнепалеолитических индустрий, по-видимому, не во всех случаях можно считать "пережитком мустьерских традиций" (Усик В.И., 1992, с. 103). Использование выпуклых площадок не является исключительной особенностью нижне- или среднепалеолитических нукле-

усов (как то принято считать, см., к примеру, Кухарчук Ю.В., 1989, с. 25; Гладилин В.Н., 1989, с. 44). В индустриях верхнего палеолита и в более поздних (неолит–энеолит – Гран-Прессиньи, см. Kelterborn P., 1980; 1981a, b) изолирование зон расщепления представлено достаточно широко, хотя и не повсеместно. Зарайская технология расщепления представляет собой яркий пример применения и дальнейшего развития этого приема.

Следы абразивной обработки на поверхности площадок зарайских нуклеусов полностью аналогичны следам, впервые описанным С.А. Семеновым при анализе костенковских материалов (см. набл. 6.*б*). Благодаря любезности Н.Д. Праслова мне лично удалось наблюдать их на сколах из кремневой коллекции нового комплекса Костенок I, 1. Они не являются результатом работы отжимником. Во-первых, работа отжимником не приводит к скруглению кромки. Во-вторых, такие же следы наблюдаются и на площадках костенковских отщепов, и, как и в Зарайске, на спинках реберчатых сколов. В-третьих, костенковские пластины, не говоря уже об отщепах, слишком широкие и толстые, чтобы их можно было отжать без помощи специальных механических приспособлений типа рычага.

Прием абразивной обработки кромки площадки был достаточно широко распространен в период верхнего палеолита, он не является характерным только для индустрий костенковско-авдеевского круга (Inizan M.-L. et al., 1992, p. 60, 75). Результаты трасологического анализа, произведенного Г.В. Григорьевой (Григорьева Г.В., 1963, с. 192–200), позволяют с достаточной степенью уверенности констатировать его применение и в технологии обработки кремня индустрии Костенок XIX (стоянка Валукинского). Следы абразивной обработки были обнаружены на кромках площадок нуклеусов, на сколах подправки площадок (Григорьева Г.В., 1963, рис. 136, *14–17*) и на спинках реберчатых сколов (Григорьева Г.В., 1963, рис. 136, *9–13*). Несмотря на то что они были ошибочно (по моему мнению) интерпретированы как следы использования, определения, касающиеся материала, вступавшего в контакт с кремнем, и кинематики взаимодействия были сделаны очень точно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гвоздовер М.Д., 1950. О раскопках Авдеевской палеолитической стоянки в 1947 году // КСИИМК. Вып. XXXI.

Гладилин В.Н., 1989. Что же такое "техника леваллуа"? // Каменный век: памятники, методика, проблемы. Киев.

Голованова Л.В., 1994. Ашель – мустье Северо-Западного Кавказа (Некоторые наблюдения о хронологических изменениях в технологии) // Петербургский археологический вестник. № 8. СПб.

Григорьева Г.В., 1963. Функциональное определение орудий стоянки Валукинского (Костенки XIX) // Борисковский П.И. Очерки по палеолиту бассейна Дона. Малоизученные поселения древнего каменного века в Костенках. МИА. № 121. М.; Л.

Ефименко П.П., 1958. Костенки I. М.; Л.

Кухарчук Ю.В., 1989. К историографии проблемы леваллуа // Каменный век: памятники, методика, проблемы. Киев.

Паничкина М.З., 1959. Палеолитические нуклеусы // АСГЭ. Вып. 1. Л.

Пидопличко И.Г., 1941. Кремневые гигантолиты из Новгород-Северска // МИА. № 2.

Пидопличко И.Г., 1949. Пізньопалеолітична стоянка Новгород-Сіверськ. Звіт про розкопки 1936–1938 рр. // Палеоліт і неоліт України. Пам'яті М.В. Воеводського. Археологічні досліди на Десні Т. I. Вып. II. Київ.

Семенов С.А., 1950. Топор в верхнем палеолите // КСИИМК. Вып. 31.

Семенов С.А., 1957. Первобытная техника // МИА. № 54.

Усик В.И., 1992. О реконструкции приемов первичного расщепления камня в палеолите // КСИА. Вып. 206.

Inizan M.-L., Roche H., Tixier J., 1992. Technology of Knapped Stone. Prehistoire de la Pierre Taillee. T. 3. Meudon.

Kelterborn P., 1980. Zur Frage des Livre de beurre // Jahrbuch der Schweizerischen Gesellschaft fur Urgeschichte. Bd. 63.
Kelterborn P., 1981a. A challenge for today's craftsmen: the livrè de beurre method // Flintknappers' Exchange. V. 4. № 3. December.
Kelterborn P., 1981b. The livre de beurre defends itself. News from the 1981 Lejre seminar on Lithic technology // Flintknappers' Exchange. V. 4. № 3.

Институт истории материальной культуры,
Санкт-Петербург

E.Y. GIRYA

TECHNOLOGICAL ANALYSIS OF THE STONE INDUSTRY OF THE ZARAISK SITE

S u m m a r y

The paper presents results of the main aspects of the technological analysis of stone goods found in the Zaraisk site. A high degree of lamellar nature of this industry, a wide use of techniques for reducing the core platform during the process of blanks making, identification of the chopping-off zone, abrasive treatment of the striking platform margin etc. have been established.

Е.В. БУЛОЧНИКОВА

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ВЕРХНЕГО ПЕРИГОРДЬЕНА И ВОСТОЧНОГО ГРАВЕТЬЕНА*

В свое время С. Хокс (Hawkes C.F.C., 1940), указывая на необходимость разделения единого, по мнению Д. Гаррод (Garrod D.A.E., 1938), распространявшегося с Востока на Запад граветьена на западный и восточный, в качестве специфических черт, позволяющих различить их, назвал для памятников восточного граветьена наконечник с боковой выемкой, а для памятников граветьена Франции – ряд форм, развившихся на местной основе. Исследования последующих десятилетий значительно расширили наши знания о типологическом облике инвентаря восточного граветьена и граветьена Франции, тем не менее вопрос о их соотношении остается до сих пор открытым.

То, что из терминологии как будто бы следует, что данные явления типологически сходны, а различие, заложенное в названии, является по смыслу географическим, не объясняет реального их соотношения, а определено историей возникновения терминов и той общей ситуацией в науке, на фоне которой это происходило.

Соотношение верхнего перигордьена (синонимы – перигордьен IV, V; граветьен) и восточного граветьена представляется довольно сложным, требующим специальных исследований, которые пока отсутствуют. Можно составить только самое общее представление о существующих на этот счет мнениях. Д. Соневиль-Борд, придерживаясь принципа регионального деления, выделила в верхнем перигордьене два географических ансамбля – западный верхний перигордьен и восточный граветьен (Sonnewille-Bordes D. de, 1980). М. Отт, рассматривающий граветьен как единое, многосоставное явление, распространенное от Иберийского полуострова до Дона (Otte M., 1981), Я. Козловский и М.В. Аникович, говорящие о существовании единого граветийского технокомплекса пластин и острий с притупленным краем (Kozlowski J.K., 1984; Аникович М.В., 1994), скорее выражают то общее, что присуще этим явлениям. Что же касается различия, то оно сводится к указанию на отсутствие некоторых орудий верхнего перигордьена, таких как наконечник фон-робер и резец ноай, в каменном инвентаре большинства восточноградетийских стоянок (Kozlowski J.K., 1986). Однако существует точка зрения, что различие между верхним перигордьеном и восточным граветьеном не сводится к отсутствию той или иной формы, а гораздо глубже (Bordes F., 1968; Grigor'ev G.P., 1996).

Представляется, что накопленный к настоящему времени фактический материал дает возможность сопоставления данных явлений, а крайняя запутанность вопроса делает его необходимым.

Остановимся на некоторых возможных аспектах такого сравнения и проблемах, возникающих при проведении подобной процедуры. Задача осложняется из-за неоднозначного понимания верхнего перигордьена французскими исследователями и непопулярности термина "восточный граветьен" среди ряда отечественных исследователей.

Процедура сравнения двух явлений должна прежде всего базироваться на представлении о том, относятся ли рассматриваемые единицы к одному уровню или занимают разные иерархические позиции. Отсутствие разработанного и общепринятого

* Здесь и далее французские понятия "перигордьен" и "граветьен" автор дает в прямой транскрипции.

© Е.В. Булочникова, 1997 г.

понятийного аппарата значительно затрудняет решение данной проблемы. Системы дефиниций, используемые исследователями Западной, Центральной и Восточной Европы, различны. Использование тех или иных понятий во многом определено традицией и историей развития науки в этих регионах (ср. Deplporte H., Felgenhauer F., Svoboda J., Рогачев А.Н.).

Так, во Франции и некоторых других странах Западной Европы широко применяется понятие "культура" (civilisation) для определения явлений общеевропейского уровня, например, ориньякская культура, где понятие "ступени" отражает процессы, происходящие в этой культуре в течение верхнего палеолита. Каждая ступень, как правило, имеет собственное обозначение (например, перигордьен I или шательперрон). И культуры, и ступени внутри них определяются "руководящими ископаемыми" и общим обликом инвентаря.

У центральноевропейских исследователей понятийный аппарат более обширен, но одновременно и более размыт. Такие термины, как "группа", "фация", "формация", "стадия", используются внутри региона не строго и могут служить для обозначения и региональных особенностей, и хронологических этапов внутри таких широких подразделений, как ориньяк, граветьен, селет, называемых "индустриальными циклами", "технокомплексами", например, граветийский технокомплекс (см. Я. Козловский, М. Отт, И. Свобода, К. Валох).

В отечественной литературе особое значение придается "археологической культуре", понятию, вокруг которого ведутся многолетние дискуссии (см. А.Н. Рогачев, Г.П. Григорьев, М.В. Аникович). Кроме того, используются такие единицы классификации, как "единство", "путь развития", "технокомплекс", а для типологического анализа – "категория", "субкатегория", "надтип", "тип".

Проблема состоит не только в том, что существующая терминология противоречива и не согласована между собой, но и в том, что в ряде случаев трактовка одного и того же понятия сильно различается. Пример тому понятие "павловьен", отождествляемое некоторыми исследователями со всем восточным граветьеном (Sonnewille-Bordes D. de, 1980) или с восточным граветьеном Центральной Европы (Valoch K., 1969; Svoboda J. a kol., 1994), тогда как в отечественной литературе он описывается через понятие *археологической культуры* (павловская культура) и включает только моравские памятники.

Вероятно, необходима выработка более четких дефиниций с установлением их позиций в иерархии понятий, а также корреляция понятий, используемых в разных регионах.

Возникает вопрос, какой единице отечественной классификации может соответствовать перигордьен Франции? Если взять в качестве примера отечественное понятие *археологической культуры*, определенное Г.П. Григорьевым как устойчивое сочетание типов, установленное в контексте культурного слоя, при учете таких характеристик археологической культуры, как ограниченность во времени и пространстве, развитие и направление этого развития (Grigor'ev G.P., 1993), применительно к материалам Франции, то окажется, что перигордьен вполне можно описать на уровне археологической культуры, где верхний перигордьен (граветьен) будет, очевидно, ее хронологической ступенью. Памятники верхнего перигордьена содержат в своем инвентаре ряд специфических орудий, таких как острие граветт, резец ноай и басалер, острие фон-робер, скребок граветийского типа. Стоянки расположены в ограниченном районе юго-запада Франции. Рядом исследователей прослеживается направление развития этой культуры от перигордьена I к перигордьену IV, V. Если следовать этой логике, то окажется, что верхний перигордьен методически правильнее сравнивать не с восточным граветьеном, а лишь с одной из его составляющих – например, с павловской культурой.

Требуют оценки и существующие представления о различиях в структуре верхнего перигордьена и восточного граветьена. Верхний перигордьен описывается сторонниками непрерывного развития перигордийской культуры Франции через понятия IV, V

ступени этой культуры (Bordes F., 1968), тогда как восточный граветьен воспринимается как совокупность фаций (Otte M., 1981), как совокупность археологических культур или группы родственных культур (единство) и отдельных памятников (Григорьев Г.П., 1968; Grigor'ev G.P., 1993, 1996), или как хронологические ступени "павловьен–виллендорфьен–костенковьен" (Svoboda J. a kol., 1994; 1996), или как "павловьен, виллендорфьен, костенковьен" – явления одного порядка, существующие одновременно (Valoch K., 1986/1987).

Не менее важной проблемой является представление о происхождении того и другого явления. Что касается перигордьена, то сегодня основными являются две точки зрения. По одной из них, упоминаемой выше (Bordes F., 1968), граветьен генетически связан с предшествующими ступенями перигордьена и уходит своими корнями в местное мустье. По другой версии граветьен не связан с предшествующими ступенями (Laplace G., 1986/1987; Rigaud G.-P., 1988) и, возможно, пришел во Францию из Италии или из Центральной Европы (Rigaud G.-P., 1988).

Восточный граветьен генетически связывают с центральноевропейским ориньяком типа Кремса (Григорьев Г.П.; 1968) или с селетом типа Ондратицы I (Ondratice I) (Valoch K., 1986/1987). Существует также мнение, что становление граветьена в Центральной и Восточной Европе могло происходить полицентрически (Kozlowski J.K., 1992).

Другими словами, эти два явления имеют различное происхождение. Отсюда вытекает, что при существующих сегодня представлениях о структуре и происхождении сопоставляемых явлений, сложно говорить в рамках Европы о едином граветийском пространстве. Хотя, если встать на точку зрения Ф. Риго или Я. Козловского, который считает возможным искать корни перигордьена IV на Дону, а перигордьена V "фации фон робер" – у "культур равнин с листовидными наконечниками типа Мазерьен (Maiserien)", сохраняя только для перигордьена V "фации ноай" и для перигордьена VI, VII локальное развитие (Kozlowski J.K., 1992), такое пространство вполне допустимо. Однако типологическое обоснование данной концепции отсутствует.

В настоящее время при анализе палеолита применяется и такое понятие, как *путь развития*, через которое, вероятно, можно описать и то и другое явление. Не объясняется ли сходство между верхним перигордьеном и восточным граветьеном принадлежностью к одному пути развития и не более того? Однако возникает вопрос, какие характеристики должны лечь в основу при выделении граветийного пути развития и будет ли для этого достаточным учет одного технологического приема – притупливающей ретуши? В свое время уже была допущена ошибка, когда памятники, относимые сегодня к селетским и восточноградетийским, описывались как солютрейские, так как технику двухсторонней обработки считали показателем эпохи (Ефименко П.П., 1956).

Однако больше всего трудностей при сравнении явлений любого уровня возникает из-за известной дискуссионности в разработке типологии орудий. Несмотря на значительный фактический материал, накопленный за последние десятилетия, его систематизация остается актуальной и пока нерешенной проблемой. В начале столетия, когда казалось, что французская схема классификации верхнего палеолита может быть применена для всей Европы, было естественным использовать повсеместно и французскую терминологию, и типологию. Пример того – А. Брейль, который при описании каменного инвентаря памятников Центральной Европы оперировал привычными для него понятиями, такими как острия фон-робер, резцы ноай, острия граветт и т.д. Тем не менее уже тогда он отметил в Пшедмости наличие формы, неизвестной на западе и сегодня обозначаемой в отечественной литературе через понятие нож костенковского типа (Breuil H., 1925).

В 1954–1956 гг. Д. Сонневиль-Борд и Ж. Перро, следуя за Ф. Бордом, разработавшим типологический список мустьерских орудий, предложили тип-лист для верхнего палеолита, сведя в нем все известные к тому времени разновидности орудий. Основой для списка послужили материалы Франции. Тип-лист был составлен таким образом, что

все орудия списка находились на одном иерархическом уровне и не были ранжированы. Список состоял из 92 номеров наименований и иллюстраций к ним (Sonnewille-Bordes D. de., Perrot J., 1954; 1955; 1956). Его появление несомненно имеет огромное значение для изучения археологии палеолита Франции. Он позволил привести в порядок и систематизировать значительный материал, накопившийся к 50-м годам в результате активных раскопок, ведущихся со второй половины XIX столетия, главным образом на юго-западе Франции в районе Перигора. В то же время тип-лист не был лишен и недостатков, некоторые орудия списка не имели четкой дефиниции, а были определены через один-два, не всегда конституирующих, признака. Эти недостатки были не столь существенны для французских археологов, так как они постоянно имели дело с аналогичными материалами и хорошо представляли себе все возможные вариации того или иного орудия. Кроме того, классификация верхнего палеолита была уже известна и ступени развития культур намечены. Другое дело – археологи Центральной и Восточной Европы, которые в ряде случаев недостаточно знали французский материал и не всегда свободно ориентировались в тип-листе Д. Соневиль-Борд и Ж. Перро и потому должны были целиком полагаться на выбор того или иного исследователя Франции в подборе иллюстраций и комментариев к ним. Перенос французских черт на всю Европу нередко приводил к серьезным недоразумениям. В свое время не увенчалась успехом попытка распространения французской схемы периодизации верхнего палеолита на другие регионы Европы. Столь же неудачной стала попытка использовать этот тип-лист для описания среднеевропейских верхнепалеолитических коллекций. Об этом свидетельствует предпринятая Б. Климой попытка проиллюстрировать французский список чешскими материалами (Klima B., 1956). Этот материал явно не укладывался во французские классификационные рамки, и Б. Клима расширил их за счет вариаций для ряда позиций, сохранив их названия. Целый ряд специфичных именно для Франции категорий орудий не нашел соответствий за ее пределами, равным образом многие характерные верхнепалеолитические орудия Центральной Европы отсутствовали в тип-листе. Можно привести несколько весьма красноречивых примеров. Так, для иллюстрации резца ноай (№ 42) Б. Климой был предложен тройной ретушный резец из Дольни Вестониц, не имеющий одной из главных, конституирующих характеристик резца ноай – выемок на краях. Из материалов того же памятника были взяты для характеристики острия граветт (№ 48), "флешет" (№ 54), наконечника фон-робер (№ 55) орудия, которые таковыми считаться не могут. Так, за "флешеты" Б. Клима посчитал пластины и пластинки с приостренным дистальным концом и естественным проксимальным. Костенковские наконечники с боковой выемкой из Павлова и Петржковиц были отнесены к перигордийским наконечникам (№ 56), а наконечник с боковой выемкой из Костенок I – к солютрейским наконечникам (№ 72). Острие павловского типа из Павлова, так как оно определено Г.П. Григорьевым (1966), затерялось в весьма аморфной группе pointe a face plane (№ 69), а ножи костенковского типа из Павлова смешались с piéce esquillée (№ 76). Этот список можно продолжать довольно долго.

Работа Б. Клима наглядно продемонстрировала ограниченную возможность использования типологии, созданной на материалах одного региона (в данном случае Франции), на других территориях. Очевидно, что дефиниции французских исследователей имели слишком широкий допуск, не были сделаны акценты на наиболее важных признаках, что и позволило Б. Климе использовать тип-лист для региона, в котором не встречено целого ряда характерных для Франции форм и дефинициями, за которыми, подразумевается определенный набор признаков, описывать предметы с иными морфологическими характеристиками.

Представляется, что подход к некоторым типам, имеющим ограниченное хронологическое и территориальное распространение, должен быть особенно строгим. Кроме того, теперь является очевидным, что для всякого сопоставления, идет ли речь о регионах или об отдельных памятниках, необходимо предусмотреть и уровень, на котором проводится сравнение. Так, некоторые позиции из тип-листа Д. Соневиль-

Борд (например, скребок простой (№ 1) и скребок двойной (№ 3), проколка (№ 23), резец угловой (серединный) (№ 27) и т.п.) имеют уровень категории или субкатегории и будут общими для всей Европы, так как их присутствие характерно для верхнепалеолитического инвентаря многих регионов. Но это очень приблизительный уровень сравнения. Наличие в инвентаре памятника орудий высокой формы (например, скребок карене (№ 11), килевидный скребок (№ 13)) и пластин с ориньякской ретушью (№ 67) в определенном контексте скорее всего укажет на принадлежность стоянки к ориньяку как ступени развития (ранняя пора).

Но если речь идет об орудиях специфичных, характерных для той или иной археологической культуры, то они как правило ограниченны и хронологически и территориально, и попытки искусственно расширить их ареал приводят к ошибкам.

Основная проблема состоит сегодня, вероятно, в том, чтобы точно определить пространственные и временные рамки того или иного орудия, а также в том, чтобы выявить его значимость и место в типологической классификации. Список Д. Соневиль-Борд (Sonnewille-Bordes D. de, Perrot J., 1954/1956) не был ранжирован, тем не менее орудия, имеющие особую значимость, выделялись и обозначались как руководящие ископаемые (см. например Sonnewille-Bordes D. de, 1960). Со временем Д. Соневиль-Борд усовершенствовала свой тип-лист, изъяв некоторые названия, например, острие Вашон (№ 51 старого списка) и напротив добавив новые орудия, например скребок граветийского типа (№ 4), резец Corbiac (№ 34), острие Cottés (№ 50) и т.д., и список был расширен до 105 номеров в основном за счет орудий, культурноразличающих для Франции. Кроме того, некоторые позиции получили дополнительные литеры для обозначения вариаций форм, например, пластиночка с притупленным краем и тронкированным концом (№ 87а), та же пластиночка, но с двумя тронкированными концами (№ 87в) и т.д. (Sonnewille-Bordes D. de, 1974–1975).

В 1992 г. П.-И. Демар (Demars P.-Yves, Laurent P., 1992) предложил свой тип-лист, расширив список Д. Соневиль-Борд и Ж. Перро за счет форм из Центральной и Восточной Европы. Данный список также не ранжирован, но некоторые категории орудий разделены на большие классы.

Ни Д. Соневиль-Борд, ни П.-И. Демар не ставили перед собой задачи выявить различия, существующие между регионами в верхнем палеолите, и дать им соответствующую оценку. Их дефиниции вполне отвечали задаче показать различие, скажем, между перигордьеном и ориньяком. Сравнение иного уровня требует более дробной классификации, и тут возникает проблема типа, которая в свою очередь влечет за собой необходимость иметь строгие и четкие дефиниции.

В качестве примера можно взять такие орудия, как острие граветт, "флешет", острие фон-ив, острие павловского типа. Первые две формы характерны для верхнего перигордьена, третья связана с нулевой и первой ступенями ориньяка, острие павловского типа встречается на ряде восточнограветийских стоянок. Однако публикации некоторых авторов демонстрируют подмену этих понятий. Так, Ф. Лякор обозначил острие павловского типа из Дольни Вестониц как острие граветт (Lacorre F., 1960, fig. 10), М. Отт отнес его к "флешетам" (Otte M., 1981, fig. 106, 129; 1990, fig. 10). По его мнению, "флешеты" с более прямой и крутой спинкой могут быть остриями граветт (Otte M., 1981). И. Свобода отождествляет "флешеты" с острием фон-ив и считает эти орудия, наряду с острием граветт характерными для Павлова и Агсбаха (Svoboda J. a kol., 1994; 1996). Б. Клима в качестве иллюстраций "флешета" и острия фон-ив берет из Дольни Вестониц орудия, отличающиеся друг от друга только размерами.

Таким образом, даже без детального сравнительного анализа каменного инвентаря верхнего перигордьена и восточного граветьена, только с учетом того факта, что типлист Д. Соневиль-Борд и Ж. Перро, пригодный для характеристики верхнего перигордьена, не позволяет описать инвентарь восточного граветьена, становится очевидным несовпадение типологического облика этих явлений.

Каков уровень сходства между верхним перигордьеном и восточным граветьеном, предстоит еще выяснить. Эта задача осложняется тем, что верхний перигордьен

описан типологически более точно, чем восточный граветьен, о сущности которого идет так много споров. Более или менее типологически определены составляющие восточного граветьена – археологические культуры, но не явление целиком. Являются ли верхний перигордьен и восточный граветьен однопорядковыми понятиями? При подходе, в котором есть место понятию археологическая культура, восточный граветьен можно выразить через совокупность археологических культур, а перигордьен через археологическую культуру и, возможно, ее локальные варианты. Тогда, с учетом того факта, что восточный граветьен представляет собой сложное явление, включающее в свой состав более мелкие единицы (археологические культуры), различия между ним и верхним перигордьеном должны быть описаны через иные единицы, чем типы, которые являются инструментом более детального анализа.

Сопоставление таких сложных явлений, как верхний перигордьен и восточный граветьен, невозможно без учета других факторов, таких как последовательность в их развитии, характер географического распространения, степень влияния на соседние территории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аникович М.В., 1994. Основные принципы хронологии и периодизации верхнего палеолита Европы // АВ. № 3.

Григорьев Г.П., 1966. Кремсская, виллендорфская и павловская культуры в Средней Европе // Археология Старого и Нового Света. М.

Григорьев Г.П., 1968. Начало верхнего палеолита и происхождение Homo sapiens. Л.

Ефименко П.П., 1956. К вопросу о характере исторического процесса в позднем палеолите Восточной Европы // СА. № XXVI.

Bordes F., 1968. La question Périgordienne // La Préhistoire. Problemes et tendances. Paris.

Breuil H., 1925. Notes de voyage palèolithique en Europe Centrale. II Les industries palèolithiques du loess de Moravie et Bohême // L'Anthropologie. XXXIV. Paris.

Demars P.-Yves, Laurent P., 1992. Types d'outils lithiques. Du paleolithique superieur en Europe. Paris.

Garrod D.A.E., 1938. The Upper Paleolithic in the light of Recent Discovery // Proceedings of the Prehistoric Society V. 4.

Grigor'ev G.P., 1993. The Kostenko-Avdeevo archaeological culture and the Willendorf – Pavlov – Kostenki – Avdeevo cultural unity // From Kostenki to Clovis. Upper paleoliothic – paleo-indian adaptations. Ed. O. Soffer, N.D. Praslov. New York; London.

Grigor'ev G.P., 1996. Willendorf, Pavlov, Kostenki: Their relation ships // XIII International congress of prehistoric and protohistoric sciences. Forly-Italia, 8/14 Sept. 1996. V. 6. The upper palaeolithic.

Hawkes C.F.C., 1940. The prehistoric foundation of Europe to the Mycenean Age. London.

Klima B., 1956. Statistickà metoda-pomucka pri hodnocení paleolithických kamenných industrií. Nàvrh ceské terminologie mladopaleolithých kamenných nàstroju // PA. № 47. Praha.

Kozlowski J.K., 1984. Les lames aménagées par la "Technique de Kostenki" dans le Pérgordien supérieur de Corbiac // Advances in paleolithic and mesolithic archeology.

Kozlowski J.K., 1986. The gravettian in Central and Eastern Europe // Advances in world archaeology. V. 5. Orlando.

Kozlowski J.K., 1992. L'art de la prehistoire en Europe orientale // C.N.R.S. Paris.

Lacorre F., 1960. La Gravette. Le Gravettien et le Bayacien. Laval.

Laplase G., 1986/1987. Autorite et tradition en taxinomie // Antiquités Nationales. № 18/19.

Otte M., 1981. Le Gravettien en Europe Centrale // I/II. Diss. Arch. Gandenses. V. XX. De Tempel, Brugge.

Otte M., 1990. Révision de la séquence du Paléolithique Supérieur de Willendorf (Autriche) // Bulletin de L'institut Royal des Sciences Naturelles de Belgique. Sciences de la Terre. 60.

Rigaud G.-P., 1988. The gravettian peopling of southwestern France Taxonomic problems // Reprinted from Dibbe, Montet-White. Upper pleistocene prehistory of western Eurasia. Universite Museum.

Sonneville-Bordes D. de, 1960. Le paléolithique supérieur en Périgord. Bordeaux, Paris.

Sonnewille-Bordes D. de, 1974–1975. Les listes types. Observations et Méthodes // Quaternaria. T. 17.

Sonneville-Bordes D. de, 1980. Cultures et milieux d'homo sapiens sapiens en Europe // Colloques internationaux du C.N.R.S. № 599; Les processus de l'hominisation.

Sonnewille-Bordes D. de, Perrot J., 1954, 1955, 1956. Lexique typologique du Paléolithique Supérieur // Bulletin de la Societé Préhistorique Française.
Svoboda J. a kol., 1994. Paleolit Mîravy a Slezska // The Dol. Vêst. studies. V. 1. Brno.
Svoboda J., 1996. Paleolithic in the Middle Danube region // Anniversary volume to Bohuslav Klíma. Archeologický ùstav AV CK. Brno.
Valoch K., 1969. Über einige Entwicklungsfragen des mitteleurpäischen Jungpaläolithikums // Archeologické rozhledy XXI. Praha.
Valoch K., 1986/1987. Les questions du Pavlovien // Antiquités Nationales. № 18/19.

Музей антропологии МГУ,
Москва

E.V. BULOCHNIKOVA

A PROBLEM OF CORRELATION BETWEEN THE UPPER PERIGORDIAN AND THE EASTERN GRAVETTIAN

Summary

The paper considers some aspects of correlation between the Upper Perigordian and the Eastern Gravettian and those problems which arise while using various approaches. The comparison of existing ideas as regards the structure, origin of the Upper Perigordian and the Eastern Gravettian and typological aspects of their stone goods is indicative of availability of deep differences among these phenomena. The main problem consists in a lack of a hierarchic system of definitions with the help of which it would be possible to describe and compare the phenomena under consideration.

Г.М. БУРОВ

ЗИМНИЙ ТРАНСПОРТ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ И ЗАУРАЛЬЯ В ЭПОХУ НЕОЛИТА И РАННЕГО МЕТАЛЛА

На пространстве от Швеции до Среднего Зауралья найдены десятки санных полозьев, относящихся к различным эпохам от мезолита до средневековья. Этот материал обобщался на Западе У.Т. Сирелиусом, Т.И. Итконеном, Г. Бергом, В. Лухо, Дж.Г.Д. Кларком, а в СССР – автором в статье о типологии, хронологии, ареалах и эволюции древних санных полозьев (Буров Г.М., 1981а).

Различаются полозья 11 типов, частично выделенные нами на основе новых находок и путем детализации существовавших классификаций (Sirelius U.T., 1913–1918; 1928; Itkonen T.I., 1930–1949; Berg G., 1935; Luho V., 1948; Кларк Дж.Г.Д., 1953). Все изделия распределены между двумя классами в зависимости от того, с двумя они или с одним рядом отверстий, причем во второй вошли явные детали саней с копыльями и приподнятой платформой (новгородский тип). Первый класс состоит из четырех групп, из которых первая включает предметы, обычно лишенные симметрии. Остальные группы составлены симметричными полозьями: 1) изделия одинакового сечения почти на всем протяжении, без пазов для стоек; 2) с корытообразной основой и отогнутой кверху головкой – доскообразной передней частью; пазы отсутствуют либо встречаются только на заднем конце; 3) полозья с пазами по всей длине, исключая доскообразную головку; 4) в виде плоского предмета без пазов с плавной суженной и отогнутой вверх передней частью, которая снабжена ушком для веревки. Первая группа содержит типы *хейнола* и *висский*, а также тип *алаторнио*, который характеризуется только парой полозьев с одноименного местонахождения и оказался в стороне от основной линии эволюции саней (Буров Г.М., 1981а, с. 168). Вторая группа делится на типы *кеуру* и *рагунда*, третья – на *куортане, кулла* и *яласъярви*, а четвертая – на *пюлькёнмяки* и *салла*. Хейнолинский тип – это корытообразные полозья с парой горизонтальных отверстий на концах, висский – плоские предметы с одним бортиком по краю и несколькими парами вертикальных отверстий, алаторнио – доскообразные с ушками по краям.

Тип кеуру охватывает полозья с множеством мелких отверстий в бортах (рис. 1, *5*) или на стыке с обычно плоским днищем (рис. 2), но доскообразная часть перфорирована лишь 1 раз, а на заднем конце полоза, как правило, сделаны вертикальные пазы для стоек. Изделия рагундинского типа (рис. 3, *1*) отличаются от кеурских массивностью, узостью продольного желоба и отсутствием пазов на заднем конце.

В третью группу вошли полозья главным образом с плоской скользящей поверхностью. Из них куортанские снабжены срединным продольным желобом, парными косыми или вертикальными пазами – гнездами стоек, чередующимися с привязными отверстиями *V*-образного профиля в двух широких валиках (рис. 1, *2*; 3, *2*); характерно также наличие крупного горизонтального отверстия в специальном хвостовом отростке (рис. 3, *2*) или в особом валике за концевыми пазами. Полозья типа кулла разнятся от куортанских в основном тем, что у них не *U*-образное, а подтреугольное сечение в основной части и в связи с этим – только один ряд привязных отверстий, в срединном утолщении (рис. 1, *1, 4*; 4, *5*); на заднем конце – один (рис. 4, *5*) или два паза. У изделий типа яласъярви – плоский верх, многочисленные парные пазы, с дном или

© Г.М. Буров, 1997 г.

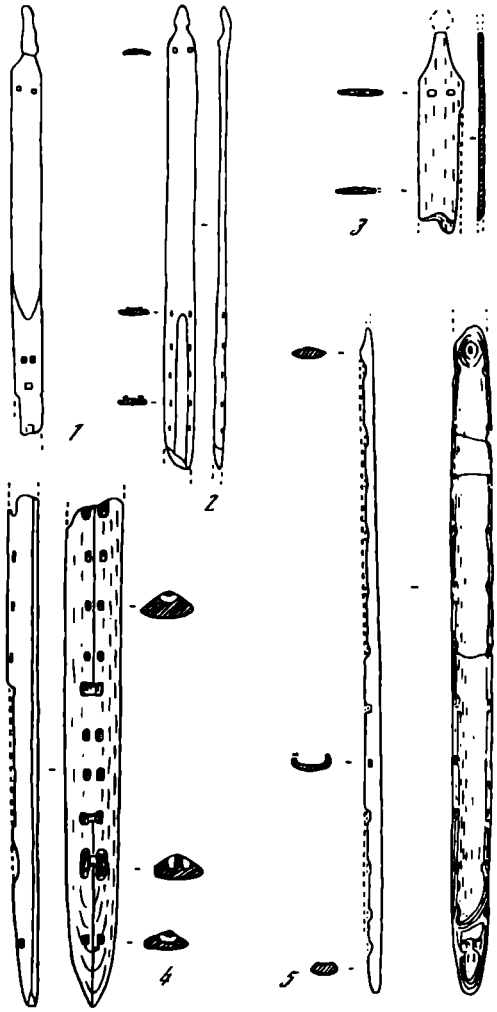


Рис. 1

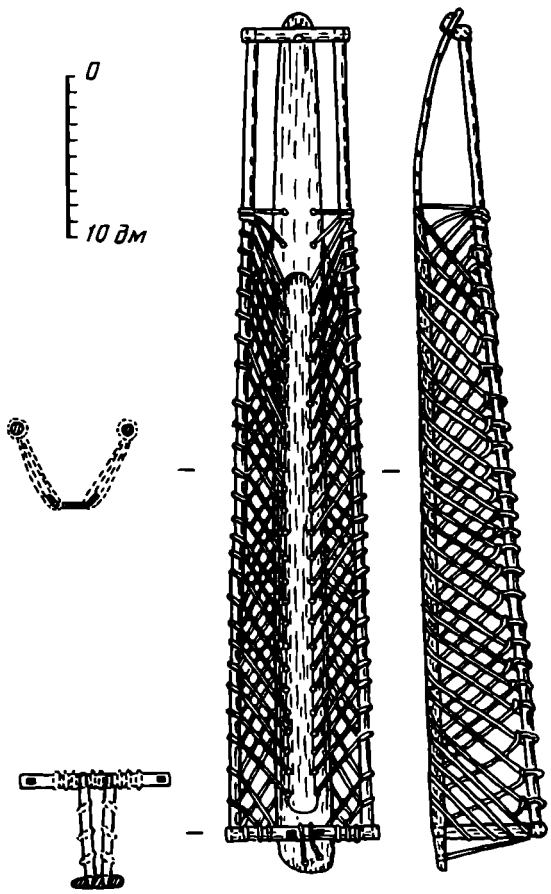


Рис. 2

Рис. 1. Древние полозья Финляндии (*1*, *2*), Прионежья (*3*) и Среднего Зауралья (*4*, *5*). *1*, *4* – тип кулла; *2* – куортане; *3* – куортане или кулла; *5* – кеуру. *1* – Нормаркку 1 (длина обломка 119 см); *2* – Алахярмя (149 см); *3* – Модлона (66 см); *4* – Шигирский торфяник (84 см); *5* – Стрелка (221 см). *1* – по У. Сало; *2* – по А. Копистo; *3*, *5* – ГИМ; *4* – ОИПК Государственного Эрмитажа

Рис. 2. Реконструкция саней типа кеуру на основе полоза из Лапинлахти

сквозные, расположены вертикально (рис. 3, *3*), с развалом в средней части либо по всей длине, а привязных отверстий нет.

Типы пюлькенмяки и салла различаются расположением отверстий: в первом случае они проделаны горизонтально в боковых валиках (рис. 3, *4*), а во втором – вертикально. У саллинских полозьев отверстия размещены парами (подтип салла) или сгруппированы четверками и находятся по углам трапеции, причем на скользящей поверхности они соединены попарно желобками, а по бокам планки отмечаются уступчики (подтип канканпя).

Из охарактеризованных 11 типов только 4 (рагунда, алаторнио, яласъярви и салла) не представлены находками на территории России. Хронология саней устанавливается по данным пыльцевого и радиоуглеродного анализов, а также по залеганию полозьев в культурных слоях и погребениях. Тип хейнола относится ко второй половине VIII–VI тыс. до н.э., висский – к VI, кеуру – к V – середине III тыс. до н.э., куортане – примерно к 3700–1500 гг. до н.э., рагунда – к III–II тыс., кулла – к середине III–I тыс.,

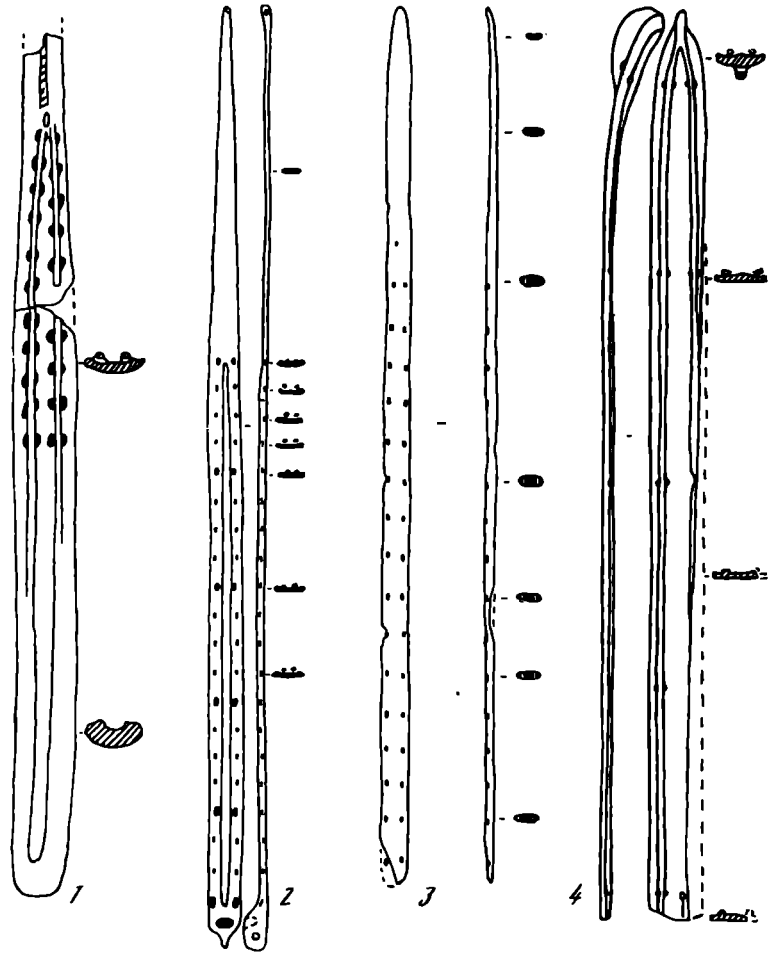


Рис. 3. Древние полозья Швеции (*1*) и Финляндии (*2–4*). *1* – тип рагунда; *2* – куортане; *3* – яласъярви; *4* – пюлькенмяки. *1* – Дельсбу (длина полоза 243 см); *2* – Куортане (315,5 см); *3* – Весанто (325 см); *4* – Тайвассало (222,8 см)

яласъярви и алаторнио – ко II тыс. до н.э. Типы новгородский, салла и, по-видимому, пюлькенмяки существуют с конца II тыс. до н.э. по новое время.

Автор уже затрагивал вопросы реконструкции саней новгородского типа и простейших бескопыльных (двухполозных) нарт (типы хейнола, вис и алаторнио) в предыдущих работах (Буров Г.М., 1981б; 1995). Не составляет проблемы восстановление пюлькенмякинских и саллинских саней. Настоящая работа посвящена реконструкции транспортных средств, характерных для эпохи неолита – раннего металла, т.е. входящих во вторую и третью группу. Однако вначале мы должны обратиться к четвертой и первой группам, так как сани железного века и мезолита могут представлять собой соответственно дальнейшее развитие и прототипы зимнего транспорта, бытовавшего в IV – начале I тыс. до н.э.

Типы ладьевидных саней, сохранившиеся в употреблении до современности, и общие признаки бескопыльных полозьев. В том, что саллинские и пюлькенмякинские изделия служили килевыми планками однополозных саней, сомнений у исследователей не было. В Суоколоярви (Швеция, Норботтен) найдены целые сани типа салла (одноименный подтип), представляющие собой как бы лодку с усеченной кормой, со шпангоутами и досками, прикрепленными внахлест гвоздями, по-видимому деревянными (Serning I., 1960, s. 163, pl. 51). Такие сани аналогичны или тождественны кереже–саамским грузовым или ездовым саням (по-шведски – ackja) (Лукьянченко Т.В., 1971, с. 70–80). Это вполне закономерно, так как полозья первого подтипа имеют

довольно поздний возраст, локализованы в северных областях Фенноскандии (Буров Г.М., 1981а, рис. 8, *А*) и даже могут быть приписаны саамам, которые на территории Финляндии расселены в настоящее время у северной границы (Лукьянченко Т.В., 1968, с. 149). К килевым планкам первого подтипа шпангоуты могли крепиться гвоздями, а к полозьям второго из них (канканпя) привязывались ремнями, на что указывают желобки на скользящей поверхности.

Сани типа пюлькёнмяки представляются однополозной ручной нартой, сходной с кережей, но без шпангоутов – с досками, закрепленными шарнирно (Itkonen T.I., 1941, s. 43), благодаря чему борта, связанные вверху, плотно охватывали груз. Такие сани известны у финнов (ahkio) и карел (ahkivo) (Manninen I., 1957, Fig. 29; Тароева Р.Ф., 1965, с. 71, 72; Ингульская Л.А., Шлыгина Н.В., 1965, с. 133). Поздний возраст пюлькенмякинских саней и распространение их в южных районах Финляндии и в Приладожье позволяют думать, что найденные полозья оставлены в прошлом финнами и карелами, а также их предками.

Относительно реконструкции саней типов хейнола, кеуру, алаторнио, рагунда, куортане, кулла и яласъярви единой точки зрения не существует. Как свидетельствуют имеющиеся факты, все эти типы были бескопыльными: едва ли был прав Т.И. Итконен, полагавший, что древнейшие сани Финляндии имели приподнятую платформу, а ладьевидные с килевой планкой появились лишь в позднее время (Itkonen T.I., 1938, s. 13–34). Подобно типам пюлькенмяки и салла, но в противоположность полозьям копыльных саней (новгородских), имеющим обычно ширину 4,5–10,0 см, изделия перечисленных типов отличаются расположением отверстий в два ряда и значительной шириной – 8,6–34,0 см[1]. О длине их можно судить далеко не во всех случаях, но все же не лишено интереса, что изделия типов кеуру, куортане и алаторнио, в тех случаях, когда они целы, как правило, превышают и порой значительно, рубеж в 350 см, тогда как новгородские его никогда не достигают, а чаще всего значительно короче. Так, длина полоза из Лапинлахти 523 см, из Лауки – не менее 500 см, из Кеуру – 419 см, из Киурувеси – 412 см, из Сариярви III – свыше 380 см, из Алаторнио – 366 см, из Шестого Разреза – не менее 360 см. К этим соображениям общего характера можно прибавить аргументацию по конкретным типам.

Мезолитические платформообразные сани с двумя полозьями. Полоз из Хейнолы I в Южной Финляндии (Itkonen T.I., 1934, kuv. 5, *А*) Т.И. Итконеном и В. Лухо приписан копыльным двухполозным саням, что не подтвердилось исследованиями на поселении Вис I в Республике Коми. Здесь обнаружено свыше 20 фрагментированных полозьев хейнолинского и висского типов (Буров Г.М., 1981б, с. 117–128). К первому из них относятся изделия длиной не менее 2 м, а шириной 13–18 см с невысоким бортиком по одному из краев; примерно в 12 см от заостренного конца, по краям, находилась пара горизонтальных отверстий, а вторая пара была, очевидно, удалена не менее чем на 25 см от другого конца. Поскольку хейнолинские полозья Виса I асимметричны и сравнительно узки, можно думать, что они использовались в паре, но без копыльев; в этом случае бортики у саней имелись по обоим краям, препятствуя сползанию груза. Вероятно, при помощи ремней, пропущенных через отверстия, концы двух полозьев скреплялись друг с другом таким образом, что внешние края их становились несколько приподнятыми (Буров Г.М., 1981б, рис. 4, *1*). Судя по ограниченному количеству отверстий, никаких дополнительных бортов такие сани не имели.

Полоз из Хейнолы I отличается от более поздних хейнолинских полозьев Виса I тем, что асимметрия у него не выражена. Но ширина этого предмета (11,5 см) не оставляет сомнений, что и он – лишь половина бескопыльных саней; явные нарты сходной модели составляли два асимметричных полоза из Алаторнио, снабженные ушками с двух сторон – как для скрепления друг с другом, так и для привязывания груза (Itkonen T.I., 1936, kuv. 5, *А*, s. 8; Буров Г.М., 1981б, с. 123). На полозе из Хейнолы I, как и в Висе I, одна пара отверстий размещена ближе к концу, чем другая. Первый

[1] У полозьев из Рантасалми II и Нормаркку II – соответственно 7,0 и 7,3 см.

конец следует (вопреки трактовке Т.И. Итконена) считать передним: он сравнительно массивен и закруглен в продольном профиле.

Асимметрия и относительная узость висских полозьев, которые по ширине близки к хейнолинским, показывают, что они тоже использовались соединенными попарно, видимо с помощью брусков, а желоба на скользящей поверхности у 1 экз. (как на полозьях типа канканпя) свидетельствуют, что для монтажа могли применяться ремни, утопленные с тем, чтобы они не препятствовали движению и медленнее изнашивались (Буров Г.М., 1981б, рис. 1, *2*). Скрепление двух полозьев-досок ремнями при изготовлении плоских бескопыльных саней (тобогган) отмечено у индейцев монтанье-наскапи в Северной Канаде (Вейле К., 1914, рис. 33).

Сани типа кеуру. Небольшой кеурский полоз из Рантасалми II У.Т. Сирелиус приписал копыльным саням[2], а более крупный из Лауки – ладьевидным (Sirelius U.T., 1913–1918, s. 950, 951). Но позднее Т.И. Итконен связал все полозья кеурского типа с нартами, имеющими копылья и платформу. В. Лухо в 40-х годах разделял взгляды Т.И. Итконена, однако затем убедительно доказал принадлежность кеурских полозьев бескопыльным саням, описав гигантский экземпляр из Лапинлахти и остатки нарты из Кеуру, включавшие как обломок полоза, так и фрагменты брусков от рамы – бокового и поперечного (Luho V., 1951, s. 108–116; 1957, s. 9–16). В свое время В.М. Раушенбах (1956, с. 15) справедливо определила кеурскую находку на Стрелке Горбуновского торфяника в Среднем Зауралье как однополозные сани.

Ладьевидная нарта из Кеуру, графически восстановленная В. Лухо, состояла из полоза с длинным загнутым кверху передним концом, горизонтальной рамы и бортовой оплетки из прутьев диаметром 1–2 см. Рама была образована боковыми продольными брусками и поперечинами, одна из которых крепилась к переднему концу, а другая – к косым стойкам и задней части саней. При этом прутья охватывали боковые бруски и проходили через отверстия полоза, служившего килевой планкой.

Обнаруженный ранее полоз из Лапинлахти В. Лухо приписал саням с копылообразными бортовыми стойками, ссылаясь на вертикальность отверстий. Но подобные стойки, дублируя борта самого полоза, суживали бы примерно вдвое его загружаемую площадь и поэтому нецелесообразны. Ясно, что в принципе лапинлахтинские сани аналогичны тем, которые были позднее открыты в Кеуру.

Вместе с тем, помимо Кеуру, остатки прутьев не отмечались ни при одном из полозьев рассматриваемого типа. Следовательно, для оформления бортов в большинстве случаев применялся иной материал – ремни, не сохраняющиеся в озерно-болотных отложениях рассматриваемой зоны. Миниатюрный этнографический аналог саням кеурского типа – марийские ледяные санки, борта которых составлены веревками или ремнями, зигзагообразно натянутыми между полозом, снабженным отверстиями по краям, и боковыми брусками; их концы опираются на косые стойки (спереди) и дугообразную опору (сзади); конструкция укреплена поперечинами (Sirelius U.T., 1913–1918, Fig. 23).

При изучении килевой планки из Лапинлахти, самой крупной из всех найденных до сих пор, мы изготовили деревянную модель ладьевидных саней с этим полозом в масштабе 1:20 (рис. 2), пользуясь данными о нарте из Кеуру и санках марийцев. Головка килевой планки была изогнута при распаривании в кипятке. В пазы на заднем конце были вставлены две стойки, на которые мы сверху насадили горизонтальную поперечину с пазами; она была привязана к полозу, имеющему у заднего торца пару отверстий, явно предназначенных для этой цели. Другая поперечина, со срединным пазом, была прикреплена к переднему концу с помощью нагеля. Ясно, что боковые продольные шесты пятиметровой длины должны быть минимального диаметра и, по-видимому, их концы вставлялись в пазы поперечин (а не наоборот).

---

[2] Аргументом послужили впадины нечеткого профиля в днище полоза из Рантасалми II, расположенные при каждой паре отверстий и служившие, по мнению У.Т. Сирелиуса, для фиксации копыльных торцов (Sirelius U.T., 1913–1918, s. 23). Однако эти углубления могли появиться вопреки желанию мастера при проделывании отверстий.

Судя по санным остаткам из Кеуру и марийским санкам, бортовая оплетка выполнялась так, что ремень шел от полоза к боковому шесту косо, образуя прямоугольный зигзаг. Благодаря этому борта приобретали красивый вид косой сетки. Для более прочной фиксации ремень не просто огибал шест, а охватывал его петлей. Возможно, имело место переплетение. В задней части саней оплетка базировалась, очевидно, не только на килевой планке и продольных шестах, но и на дополнительных деталях – стойках и поперечине: без этого трудно было бы защитить груз от выпадания через широкие щели у стоек.

Сани из Лапинлахти, безусловно, обладали огромной вместимостью и грузоподъемностью. Специфика подобной конструкции, как и саамской кережи, состояла в том, что нарты легко наклонялись набок, имея вместе с тем тенденцию возвращаться в нормальное положение, так как центр тяжести у них находился низко. При сильном крене, когда продольный шест упирался в снег и, по сути дела, становился вторым полозом, сани сохраняли способность двигаться, хотя и при большем тягловом усилии, поскольку груз на ременной оплетке создавал повышенное сопротивление. В такие моменты скользящей поверхностью у килевой планки служила ее боковая грань. Думается, не случайно мастер придал планке в ее основной части такой поперечный профиль, при котором ее борта отходят от днища под тупым углом.

Чтобы груз не вываливался из накренившихся саней, его необходимо было, как на саамской кереже (Лукьянченко Т.В., 1971, с. 71), привязывать, а чтобы сани двигались устойчиво, требовалось удерживать их сзади, одновременно подталкивая. Это было удобно делать при высоте "кормы" не менее 70 см. В то же время едва ли существовала надобность в очень высоких бортах на всем протяжении саней, а загибание кверху передней части – трудоемкая операция, при которой возможна поломка. Значит, передок лапинлахтинских саней был, очевидно, ниже, чем "корма", что подтверждается аналогией в санях с местонахождения Кулла и наскальными изображениями Беломорья.

Среди полозьев кеурского типа выделяется оригинальностью находка из Полвиярви (Luho V., 1957, Abb. 1). Здесь вместо пары пазов, предназначенных для крепления стоек, имеется одно крупное горизонтальное отверстие. Можно предположить, что в него вставлялась дугообразная опора, заменявшая стойки, как это мы видим на "корме" у марийских санок. Что касается узкого полоза из Рантасалми II, у которого для оформления бортов проделаны только мелкие боковые отверстия, то, по всей вероятности, здесь верхняя рама отсутствовала вообще, а борта незначительной высоты были сплетены из жестких прутьев.

Рагундинские полозья. Изделия типа рагунда Г. Бергом и А. Ульденбергом определены как основы однополозных саней, но В. Лухо считал, что полоз из Рагунды принадлежит копыльным нартам; в то же время находка из Дельсбу рассматривалась им в качестве килевой планки, поскольку в данном случае корытообразная часть снабжена отверстиями не по всей длине (Berg G., 1935, p. 16; Oldeberg A., 1974, s. 377; Luho V., 1948, s. 130). На взгляд автора, оба полоза рагундинского типа имели одинаковое назначение, причем второй из них явно не закончен. Некоторая близость этих полозьев к пюлькёнмякинским не отражает сходства в оформлении бортов. Многочисленность отверстий и доскообразный облик передней части сближают рагундинские полозья с кеурскими, указывая на то, что борта, по-видимому, были сплетены из прутьев. Отсутствие пазов на заднем конце полоза даже в Рагунде свидетельствует: рагундинские сани, подобно конструкции из Рантасалми II, не имели ни стоек, ни рамы, представляя собой в сущности дериват кеурского типа.

Тип куортане. Оживленную полемику вызвал вопрос о функции куортанских полозьев (включая предмет из Шестого Разреза на Горбуновском торфянике)[3], которые, по мысли У.Т. Сирелиуса, входили в состав однополозных нарт, напоминающих санки

[3] Кроме указанных ранее (Буров Г.М., 1981а, с. 157, 158), известны новые пункты, где найдены куортанские полозья – Юго-Западная Финляндия: Нормаркку II (имеется радиокарбоновая дата Hel-1096: 2950 г. до н.э. ±150), Кюменранта и Алаярви II (Aalto M. et al., 1980).

марийцев (Sirelius U.T., 1913–1918, Fig. 22a, 23, s. 17, 18). Большинство же исследователей склонялись к мысли о принадлежности таких полозьев гигантским саням с копыльями и платформой (Эдинг Д.Н., 1929; Itkonen T.I., 1930, s. 82–90; 1931–1932, kuv. 1, *A*; Berg G., 1935, p. 36; Luho V., 1948, s. 121–125; Кларк Дж.Г.Д., 1953, с. 293, 294; Раушенбах В.М., 1956, с. 24; Cole S.M., 1958, Fig. 508; Kivikoski E., 1961, s. 49, 50, kuv. 48). При этом Т.И. Итконен подчеркивал, что у куортанского полоза из Киурувеси (то же – у одной находки из Теммеса) копыльные гнезда сделаны не косо, а вертикально (Itkonen T.I., 1930, kuv. 1, *E*). Однако в 1964 г. А. Кописто, опираясь на дополнительный материал из Южного Эстерботтена, подтвердил мнение У.Т. Сирелиуса (Kopisto A., 1964, s. 17–25): пазы в большинстве случаев сделаны не вертикально, а с развалом[4]. Реконструкция А. Кописто, основанная на целом полозе из Куортане, более точна, чем та, которая была выполнена в свое время У.Т. Сирелиусом по обломку из Рантасалми I, когда задний конец без загиба кверху был принят за передний (Sirelius U.T., 1913–1918, s. 15–18, Fig. 22). С А. Коцисто согласились другие археологи (Salo U., 1965, s. 15; Aalto M. et al., 1980, p. 42–44), но А. Ульдеберг придерживался взглядов Т.И. Итконена (Uldeberg A., 1974, s. 379, 381). По нашему мнению, косое размещение пазов, безусловно, служит аргументом в пользу однополозности куортанских конструкций, а вертикальное еще не доказывает, что они имели копылья и платформу, так как ладьевидные сани могли оснащаться дугообразными бортовыми стойками с отогнутым нижним концом. Использование таких стоек в эпоху куортанских саней обосновывается находками в Кулле; их можно изготовить из веток или корней с прилегающим отрезком ствола, известных под названием копаней (Вийрес А.О., 1959, с. 459). В реконструкциях У.Т. Сирелиуса и А. Кописто даны прямые стойки, при которых сани не обладают необходимой вместимостью и легко опрокидываются.

Крупное горизонтальное отверстие на заднем конце у куортанских полозьев имеет параллель на килевой планке типа кеуру из Полвиярви. Но у куортанских саней оно всегда сочетается с парой пазов, в которые устанавливались концевые стойки. Следовательно, это отверстие служило не для крепления дугообразной опоры, а, очевидно, для привязывания или продевания нескольких стяжных ремней; задний конец нарты, к которому прикладывалось тягловое усилие, нуждался в особенно прочном скреплении.

Нарты типа кулла. В санях куллинского типа исследователи видели двухполозную конструкцию – в виде тобоггана (Дмитриев П.А., 1951, с. 57) или с копыльями (Т.И. Итконен, Г. Берг, В. Лухо, Дж.Г.Д. Кларк, У. Сало). Первая модель совершенно не согласуется с формой пазов и сквозных отверстий. Интересна деревянная реконструкция саней из Куллы (музей Сатакунты), выполненная под руководством У. Сало и в основном отвечающая комплексу деталей, который оказался в его распоряжении (почти целый полоз, боковые продольные шесты и коленчатая стойка, рис. 4, *1–5*) (Salo U., 1965, kuv. 5)[5]. Но обращает на себя внимание тот факт, что полозья типа кулла очень близки к куортанским, в связи с чем Г. Берг (Berg G., 1935, p. 36–42) и Дж.Г.Д. Кларк даже объединяли те и другие в единый тип гротреск. Что касается длины и ширины, количество пазов (несколько пар) и оформления передней части – доскообразная, с одним или двумя отверстиями на самом конце, иногда – Алахярмя, Хейнола II, Нормаркку I – со скульптурным украшением в виде головы лося или медведя (Carpelan Gh., 1974, s. 67–69)[6], то здесь обнаруживается выраженное сходство.

---

[4] Другой аргумент А. Кописто – тот факт, что куортанские полозья не встречаются в паре, менее убедителен, ибо то же самое можно сказать о выявленных в Фенноскандии полозьях новгородского типа: находят обычно выброшенные сломанные полозья, которые подлежали замене новыми.

[5] Судя по докладу У. Сало на VI Международном конгрессе финно-угроведов (Сыктывкар), его взгляды на устройство куллинских саней к 1985 г. не изменились.

[6] Полозья с местонахождений Алахярмя и Нормаркку I, у которых сужение и пара квадратных отверстий на переднем конце (рис. 1, *1, 2*), показывают, что головками животных были декорированы также полозья из Куллы и со свайного поселения Модлона в Прионежье (рис. 1, *3*; 4, *5, 6*). Фрагмент последнего определен в свое время как "донце прялки" (Брюсов А.Я., 1951, с. 24, 39).

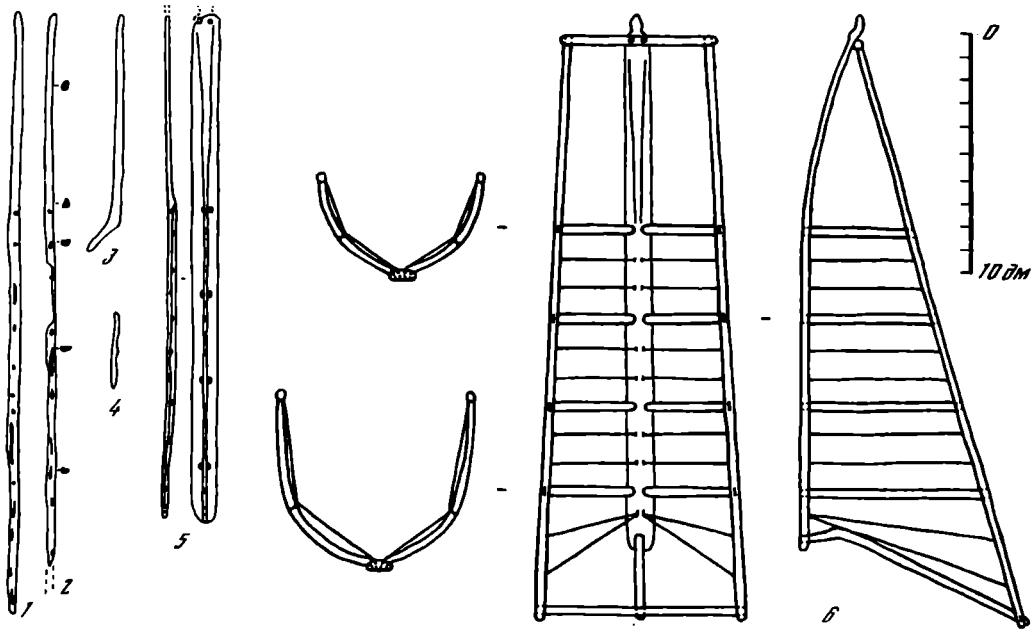


Рис. 4. Фрагменты саней с местонахождения Кулла (*1–5*) и их реконструкция (*6*)

Число отверстий для ремней между пазами у полозьев типа кулла (два, реже три) отвечает обычному количеству пар отверстий у куортанских изделий, хотя среди множества последних встречаются предметы с одной парой (Теммес, Рауталампи) и с четырьмя (Ориматтила).

С другой стороны, сопоставление куллинских полозьев с новгородскими показывает принципиальное различие между ними. Изделия с пазами в один ряд, если их несколько или много, совершенно лишены привязных отверстий, а если их только два, то могут иметь, как правило, не более двух оттяжек, поскольку необходимая прочность конструкции при этом обеспечивается. Следовательно, двухрядность пазов, сочетающаяся с многочисленностью отверстий, характерная для полозьев куортанского и куллинского типов, объясняется особым их назначением как килевых планок. Ладьевидные сани с такими планками, несомненно, имели борта, смонтированные из коленчатых стоек и ремней (или ивовых прутьев), чем и вызвано обилие отверстий. Сравнение с кережами позволяет предположить, что в ряде случаев конструкция представляла собой каркас, обтянутый кожей, которая защищала груз от снега и облегчала скольжение, а сопоставление с кеурскими санями дает основание думать о плетеных бортах (кожа сохраниться не могла).

У предложенной У. Сало модели задний 98-сантиметровый клюшкообразный "копыл" помещен длинной частью книзу и с большим наклоном назад, что, согласуясь с размерами полоза (213 см) и бокового шеста (252 см), противоречит положению одиночного паза на заднем конце полоза: этот паз выдолблен не косо, а вертикально. Очевидно, коленчатую деталь необходимо вставить в паз отогнутым концом, а противоположный отвести назад. По-видимому, к нему и переднему концу полоза крепились горизонтальные поперечины, соединенные с продольными шестами, в пазы которых входили верхние концы бортовых стоек. Клюшкообразная форма задней стойки косвенно свидетельствует, что и боковые стойки были коленчатыми[7] . У восстанавливаемых таким образом ладьевидных саней (рис. 4, *6*) получается довольно высокая

[7] Ни один полоз с двумя рядами пазов не сопровождался в находках ни одной боковой стойкой. Очевидно, если килевая планка выходила из строя, выбрасывали только ее, а целые детали снимались для использования в составе новых саней. Аналогичным образом поступали со сломанными стойками, шестами и поперечинами, но их отдельные находки не отмечались, поскольку эти менее выразительные предметы не привлекали внимание находивших их местных жителей.

Рис. 5. Изображения саней типа куортана или кулла (?) в петроглифах Беломорья. *1* – Бесовы Следки; *2, 3* – Залавруга II; *4* – Залавруга I; *5* – деталь предыдущей композиции. По Ю.А. Савватееву (*5* – прорисовка фотоснимка)

"кормовая" часть (около 90 см), карнизообразно выступающая примерно на 30 см. Эта непонятная, на первый взгляд, особенность технически целесообразна: сани можно было, почти не нагибаясь и не задевая ногами, толкать сзади, одновременно удерживая от опрокидывания, к которому они были склонны. Известно, что эстонские рыбаки на льду не тянули санки за собой, а подталкивали их (Вийрес А.О., 1959, с. 453).

К вопросу об изображениях транспортных средств в петроглифах Карелии. Приведенные выше наши реконструкции как будто бы находят подтверждение в наскальных изображениях Белого моря. Конечно, если исходить из имеющихся расшифровок, среди петроглифов отсутствуют рисунки саней. Однако здесь выделяются фигуры (рис. 5), определяемые как контурные изображения кожаных лодок с показом их деревянного каркаса (Савватеев Ю.А., 1970, с. 172, рис. 6, *1*; 7, *6*; 14, *2*, *4*; 59, *№ 27–29, 37*). Приведем аргументы в пользу того, что это – рисунок ладьевидных саней куортанского или куллинского типа.

Во-первых, в Беломорье контурных наскальных изображений практически нет. Значит, показанные каркасы, скорее всего, не были обтянуты кожей и не могли принадлежать лодкам: "контурность" рисунка здесь может быть точно такой, как у изображений лука, т.е. обусловленной "ажурностью" самого объекта. Во-вторых, у бесспорных (силуэтных) лодок в беломорских петроглифах – высокий нос (со скульптурной головкой зверя) и низкая корма, а здесь мы сталкиваемся с противоположной особенностью. В Бесовых Следках и Залавруге II скульптура звериной головы, определяющая передок лодки или саней, находится на ее низком конце (рис. 5, *1*, *2*). В Залавруге I мы видим человека на лыжах, который ранен стрелами в то время, когда он двигался вправо позади "каркасной лодки" и, по-видимому, ее подталкивал, причем спереди ему помогал другой лыжник (рис. 5, *4*, *5*); и на этом изображении передняя часть ниже задней.

Эта гравировка и другие беломорские изображения удивительно напоминают сани из Куллы в нашей реконструкции, которая была выполнена еще до того, как автор заинтересовался "контурными" петроглифами Беломорья. И в том, и в другом случае нет горизонтальной приподнятой платформы, задний конец значительно выше переднего и получил карнизообразную форму. Далее, у изображенных на скалах саней – четыре или пять боковых стоек, т.е. столько, сколько их у саней типа кулла (у куортанских – от пяти до восьми). Наконец, в половине случаев перед нами рисунок саней со скульптурным изображением зверя, которое часто отмечается у куортанско-куллинских нарт. Волнистая линия, отходящая от "кормы" саней в рассмотренной композиции, скорее всего, ремень для крепления груза.

Тип яласъярви. Полозья саней этого типа У.Т. Сирелиус, Т.И. Итконен и В. Лухо сопоставляли с ненецкими оленными нартами, кузов которых опирается на копылья,

размещенные в два ряда на каждом полозе (Sirelius U.T., 1913–1918, s. 24; 1916–1920, s. 14; Itkonen T.I., 1941, s. 31–43, kuv. 5, *A*; Luho V., 1949, s. 26). Эта параллель интересна, но не убедительна, поскольку полозья ненецких саней чрезвычайно коротки, а двухрядность пазов у копыльных саней – исключительный случай. По аналогии же с куортанскими и куллинскими находками яласъярвинский полоз может рассматриваться как основа ладьевидных саней, доказательством чему служит также расположение пазов у некоторых экземпляров вертикально на концах и с развалом в средней части. Отсутствие ременных отверстий компенсируется большим количеством стоек, подобно тому как у полоза новгородского типа из Ямиярви нет оттяжек, благодаря множеству копыльных гнезд (Буров Г.М., 1981а, рис. 5, *3*).

Эволюция саней и ширина полозьев. Все типы бескопыльных саней (за исключением плоскополозных висского и алаторнио) объединяет их выраженное сходство с лодками. При наличии общих черт такие сани значительно различались между собой. Использовались спаренные полозья без надстройки (типов хейнола, вис и алаторнио); сани с бортами из прутьев или ремней (кеуру и рагунда); нарты с коленчатыми боковыми стойками, рамой и, часто, с кожаной оболочкой (куортане, кулла, яласъярви); с бортами из привязанных досок (пюлькенмяки) и, наконец, шпангоутные сани – кережи, или ачи (салла). Полозья этих саней заметно варьируют по своей обычной ширине. На первом месте – тип кеуру, изделия которого имеют ширину 23–24 см (в одиночных случаях – 14 и 7). Затем идут типы асимметричной группы (хейнола – 11,5–18,0 см, висский – около 17 см, алаторнио – 15,5 см), рагунда (11,4–16,0 см), пюлькенмяки (12,0–18,5 см) и салла (11,5–17,0 см). Последнее место принадлежит группе с боковыми стойками: куортане – 7,3–11,8 см (хотя Ориматтила – 15,6 см), кулла – 9,0–10,5 см, яласъярви – 8,6–10,4 см (но Терво – 14,8 см). Этим цифрам может быть дано истолкование.

Умеренная ширина асимметричных полозьев определяла значительные габариты бескопыльных двухполозных саней. Переход к нартам с килевой планкой и слабо отведенными в стороны бортами вызвал, естественно, заметное увеличение полоза (тип кеуру). Но ширина его резко уменьшилась, когда вместимость саней стали улучшать при помощи боковых коленчатых дугообразных стоек, прочный монтаж которых при помощи пазов и стяжных отверстий стал возможным на узкой килевой планке. Средней ширины основа оказалась целесообразной для саней типов пюлькенмяки (слишком узкая планка непрактична для аккио с шарнирно подвижными бортами из досок) и салла (к узкому полозу трудно прикрепить шпангоуты).

Вопрос о древнем собаководстве на Европейском Севере. У.Т. Сирелиус, считая нарты куортанского типа однополозными, полагал, что их тянул за собой охотник. Однако в яласъярвинские сани, которые исследователь рассматривал как двухполозные с копыльями, существовавшие уже в глубокой древности на Юге Финляндии, по мнению У.Т. Сирелиуса (Sirelius U.T., 1913–1918, s. 14, 15), запрягали северного оленя (Сариярви I) или собаку (Алавус). Позднее Т.И. Итконен высказал мысль о том, что у однополозных саней типа салла тягловой силой был олень, у пюлькенмякинских – человек, а у куортанских нарт, считавшихся гигантскими (снабженными копыльями и платформой), собака. Ученый отмечал, что при использовании оленя, если его даже одомашнили, подобные сани были бы плохо управляемы (Itkonen T.I., 1934, s. 1–21, kuv. 9). По Г. Бергу (Berg G., 1935, p. 41), собаки или вместе эти животные и люди тянули куортанские (гротрескские) сани, по В. Лухо – нарты с корытообразными полозьями (хейнола, кеуру). Куортанские и куллинские нарты, считал этот исследователь, были собачьими, а яласъярвинские – оленьими: все они представлялись ему тогда двухполозными с платформой на копыльях. Определив позднее сани кеурского типа как бескопыльные, В. Лухо стал рассматривать их как ручные нарты (Luho V., 1948, s. 137–143; 1949, s. 25, 26; 1951, s. 116).

Судя по этнографическим данным, оленя запрягали только в довольно поздние сани типа салла, которые пригодны для езды и перевозки грузов, но порой и кережа приводилась в движение охотником. Ручными могли быть пюлькенмякинские нарты и

конструкции всех остальных, более древних типов. Однако человеку, видимо, часто помогала собака (Левин М.Г., 1946, с. 76–80, рис. 2–5).

В памятниках на севере Европейской России неоднократно встречались кости собаки. А.Я. Брюсов (1951, с. 46) был уверен, что жители Модлонского неолитического поселения "имели ездовых собак", поскольку, "судя по большому числу" их костей, собак "едва ли можно считать охотничьими". С.В. Ошибкина же (1983, с. 158, 160), рассматривая мезолитический материал из Нижнего Веретья I, напротив, подчеркивала, что нет "никаких следов, свидетельствующих о применении саней и упряжки из собак". Тем не менее жители Нижнего Веретья I были уже, по-видимому, знакомы с санями хейнолинского типа, существовавшими в VIII–VII тыс. до н.э. в полосе от Южной Финляндии до Привычегодья. Нельзя исключить, что с эпохи мезолита собака использовалась на севере европейской России для перевозки грузов. Упряжь собачьих саней может состоять исключительно из ремней (Старкова Н.К., 1976, с. 77–79). В этой связи заманчиво в непонятной фигуре, которая входит в рассмотренную композицию Залавруги I (рис. 5, *4*), усматривать незаконченное изображение запряженной собаки (ее передние лапы не прорисованы).

Разумеется, мезолитические сани и нарты из Алаторнио, лишенные бортов, могли служить только для транспортировки грузов. Это же надо сказать о более совершенных нартах, имевших борта из подвижных досок и явно не рассчитанных на перевозку людей. Но иная оценка должна быть дана ладьевидным саням кеурского типа, напоминающим в общих чертах оленную кережу, а также сходным с ней по форме нартам типов куортане, кулла и яласъярви в тех случаях, когда они обшивались кожей. Поскольку кережи были не только грузовыми, но и ездовыми, нельзя исключить, что сани перечисленных типов с собачьей упряжкой находили аналогичное применение. Судя по имеющимся фактам, ездовое собаководство могло существовать на севере Евразии в I тыс. н.э. (Буров Г.М., 1995, с. 191). Кроме того, известно, что сани куортанского типа были способны покрыть огромное пространство. В Илистаро (Юго-Западная Финляндия) был найден полоз таких нарт, изготовленный из сибирского кедра. По мнению, впервые высказанному У.Т. Сирелиусом, илистарские сани были доставлены в Прибалтику из области не западнее Урала (Sirelius U.T., 1928, s. 949). Хорошими зимними дорогами лесной зоны для таких дальних поездок могли быть замерзшие реки и озера.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Брюсов А.Я., 1951. Свайное поселение на р. Модлоне и другие стоянки в Чарозерском районе Вологодской области // МИА. № 20.

Буров Г.М., 1981а. Древние сани Северной Европы (типология, хронология, ареалы и эволюция) // Скандинавский сборник. Вып. 26.

Буров Г.М., 1981б. Фрагменты саней с поселений Вис I (мезолит) и II (I тысячелетие н.э.) // СА. № 2.

Буров Г.М., 1995. Сани раннего средневековья с поселения Вис II в бассейне Вычегды // РА. № 3.

Вейле К., 1914. Первобытное общество и его хозяйство. СПб.

Вийрес А.О., 1959. Санный транспорт у эстонцев // Вопросы этнической истории народов Прибалтики. М.

Дмитриев П.А., 1951. Культура населения Среднего Зауралья в эпоху бронзы // МИА. № 21.

Ингульская Л.А., Шлыгина Н.В., 1965. Финны // Народы зарубежной Европы. Т. 2. М.

Кларк Дж.Г.Д., 1953. Доисторическая Европа. М.

Левин М.Г., 1946. О происхождении и типах упряжного собаководства // СЭ. № 4.

Лукьянченко Т.В., 1968. Лопари // Народы зарубежной Европы. Т. 2. М.

Лукьянченко Т.В., 1971. Материальная культура саамов Кольского полуострова конца XIX–XX вв. М.

Ошибкина С.В., 1983. Мезолит бассейна Сухоны и Восточного Прионежья. М.

Раушенбах В.М., 1956. Среднее Зауралье в эпоху неолита и бронзы. М.

Савватеев Ю.А., 1970. Залавруга. Л.
Старкова Н.К., 1976. Ительмены: материальная культура. М.
Тароева Р.Ф., 1965. Материальная культура карел (Карельская АССР). М., Л.
Эдинг Д.Н., 1929. Горбуновский торфяник // Материалы по изучению Тагильского округа. Вып. 3. Полутом I.
Aalto M., Taavitsainen J.-P., Vuorela I., 1980. Palaeobotanical Investigations at the Site of Sledge Runner Find Dated to about 4900 B.P. in Noormarkku, SW Finland // SM. N 87.
Berg G., 1935. Sledge and Wheeled Vehicle. Stockholm, Copenhagen.
Carpelan Ch., 1974. Hirven- ja karhunpääesineita Scandinavista Uralille // SM. N 81.
Cole S.M., 1958. Land Transport without Wheels // A History of Technology. V. 1. Oxford.
Itkonen T.I., 1930, 1931–1932, 1934, 1936, 1938, 1941, 1946, 1949. Muinaissuksia ja -jalaksia // SM. N 37, 38–39, 41, 43, 45, 48, 53, 56.
Kivikoski E., 1961. Suomen esihistoria. Porvoo, Helsinki.
Kopisto A., 1964. Uusia jalaslöytöja // SM. N 71.
Luho V., 1948. Über steinzeitliche Winterverkehrmittel in Finnland // Acta Archaeologica (København). V. 19.
Luho V., 1949. Kivikautisista tälviliikenne valineistä // SM. N 56.
Luho V., 1951. Lapinlahden "jättiläisjalas" // SM. N 58.
Luho V., 1957. Eine steinzeitliche Schlittenform // SM. N 64.
Manninen I., 1957. Fortbewegungs- und Transportmittel // Kausatieteellinen arkisto. Helsinki.
Oldeberg A., 1974. Die ältere Metallzeit in Schweden. Stockholm.
Salo U., 1965. Kullaan Puiston muinaisjalas // SM. N 72.
Serning I., 1960. Övre Norrlands järnälder // Skrifter utgivna av vetenskapliga biblioteket i Umeå. 4.
Sirelius U.T., 1913–1918. Über einige Prototype des Schlittens // SUSA. 30. N 32.
Sirelius U.T., 1916–1920. Über die Art und Zeit der Zähmung des Renntiers // SUSA. 33. N 2.
Sirelius U.T., 1928. Zur Geschichte des prähistorischen Schlittens // Festschrift P.W. Schmidt. Wien.

Симферопольский государственный университет

G.M. BUROV

WINTER TRANSPORT OF NORTHERN EUROPE AND THE TRANSURALS REGION DURING THE NEOLITHIC AND THE EARLY METAL AGE

Summary

A previously published paper of the author (1981) presents a typology of runners used in Fennoscandia, the Vichegod area and the TransUrals area starting from the Mesolithic and ending with the Middle Age, it shows the age of sledges that refer to 11 types, their areas and genetic links. The present paper is dedicated to the reconstruction of winter transport dating to the IV-beginning of the I millennia BC based on found parts and ethnographic records and the use of experimental method. In our opinion, large runners with two rows of holes or recesses and a plank-shaped front part bent upwards were in fact keel planks that belonged to single-runner boat-shaped constructions. Sides made of straps or twigs (Keuruu type, Fig. 1, *5*; 2, and Ragunda type, Fig. 3, *1*), knee props that went into the recesses with their spikes and were located in two rows, with anchors (Kuortane, Fig. 1, *2*; 3, *2*, and Kullaa, Fig. 1, *1, 4*) or without them (Jalasjarvi, Fig. 3, *3*) were mounted on these planks. Sledges of Ragunda type had sides made exclusively of twigs, and the rest of the sledges had a frame that was attached to the front and props on the "stern". Reconstructing the design of Kuortane sledges, we share the opinion of A. Kopisto, but think that their props were not straight but cranked and in a number of cases had leather covering or braiding. A sledge from Kulla (Fig. 4, *6*) has been reconstructed in a new fashion, taking into account exact length of the parts and direction of the rear recess of the runner. Apparently, pictures of Kuortane or Kulla sledges with raised roof-shaped rear part, four or five pairs of the side props and sculpture heads of an animal in the front are depicted in the White Sea rock carvings (Fig. 5). The sledges under consideration were hand-drawn or dogs and deer-drawn.

К. АБДУЛЛАЕВ

О СЕВЕРНЫХ РУБЕЖАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАНИЦЫ БАКТРИИ В ЭЛЛИНИСТИЧЕСКУЮ ЭПОХУ

Что имел в виду осажденный Антиохом III Великим в Зариаспах (206 г. до н.э.) Евтидем, говоря о границе с подступившими ордами кочевников? Из контекста ясно, что речь шла об укрепленной границе государства. Но локализация, протяженность и характер оборонительных сооружений границы до недавнего времени оставались совершенно неисследованной областью. Фраза о границе, оброненная Полибием (XI.34), до сих пор не привлекала особого внимания исследователей, а по поводу места прохождения границы между Согдианой и Бактрией у античных авторов не было единодушия, нет его и у современных ученых. Проблема границ между двумя историко-культурными регионами оставалась дискуссионной, особенно это касалось северных рубежей Бактрии[1]. Одной из распространенных точек зрения на северные границы данного региона является точка зрения М.М. Дьяконова (Дьяконов М.М., 1954, с. 308; 1956, с. 22), который проводит их по Гиссарскому хребту на севере и Гиндукушу на юге, заключая, таким образом, основную территорию Бактрии в среднем течении Амударьи, правда, это в большей мере касалось границ кушанского царства. Такого же мнения придерживались и С.П. Толстов и М.Е. Массон (Массон М.Е., 1968, с. 14–26). Согласно античной историографии принято считать р. Амударью северным рубежом Бактрии. Подобная традиция восходит к античным авторам, повествующим о походе Александра Македонского в Среднюю Азию. Это касается в первую очередь Страбона, привлекавшего сведения Аристобула и Эратосфена, а также Клавдия Птолемея ("Географическое руководство"), который черпает сведения о Бактрии в основном из Марина Тирского; последний, как известно, опирается на сообщения купца Маэса Тициана (рубеж I–II вв. н.э.). Однако общая картина географического обзора Птолемея, дополненная Тицианом, как выясняется, заимствуется все у того же Страбона и привлеченного им Эратосфена и сводится к сообщениям тех же авторов о походе Александра (Ptolemaios Geographie..., 1971). Другим историческим источником по интересующему нас вопросу являются исторические хроники царствующих династий Китая (Ши-цзы, Хань-шу, Хоу Хань-шу). Особый интерес вызывают отчеты посланника императора Чжан Цяня в Западный край с целью найти в лице юэчжей союзников в борьбе против хуннов. Чжан Цянь находит юэчжей, обосновавшихся к северу от р. Гуйшуй, между тем как Дася (Греко-Бактрия) помещается им к югу от реки. Однако, как справедливо отмечает Б.Я. Ставиский: «Ни летописцев великого македонянина, ни китайского "первооткрывателя Запада" историко-культурные границы древней Бактрии не интересовали» (Ставиский Б.Я., 1976, с. 44). Весьма интересной представляется идея, привлеченная Б.Я. Стависким, о том, что античные авторы зачастую проводили границы культурных регионов и этнических групп по великим или известным рекам, что в известной мере является условностью, и принимать в этом отношении письменный источник, как надежный нецелесообразно (Мачинский Л.А., 1971, с. 41). Справедливо также замечание, что нельзя рассматривать сообщение

[1] По Гиссарскому хребту проводил границу в конце прошлого столетия В. Томашек (Tomaschek W., 1877, S. 28–31). Северным рубежам Бактрии была посвящена специальная работа В.В. Бартольда (Бартольд В.В., 1964, с. 455–469).

© К. Абдуллаев, 1997 г.

китайского источника о том, что да-юэчжи находились к северу от р. Гушуань (Амударья), а Дася находились к югу, как указание на существующую границу, ибо к тому времени значительная часть Бактрии уже находилась в подчинении юэчжей (Ставиский Б.Я., 1976, с. 44), несмотря на то что резиденция юэчжийских князей все еще находилась в северной части Бактрии (Пугаченкова Г.А., 1966, с. 248; Абдуллаев К., 1994, с. 6, 7).

За последние десятилетия в результате планомерных археологических работ, проводимых на юге Узбекистана и Таджикистана, был накоплен значительный материал по эллинистической культуре этих регионов. Анализ и подробное изучение его позволили с полной определенностью говорить о единой культурной бактрийской зоне. И по мере накопления этого материала все более сближались мнения ученых по поводу границ (более всего культурных) Бактрии, включающей современные южные области Узбекистана и Таджикистана.

Говоря о государственной границе Бактрии, вернее ее северных рубежах, следует заметить, что они не были постоянными и колебались в зависимости от проводимой внутренней и внешней политики государства и от уровня развития самого общества в целом. Упрощенной моделью государственных границ может послужить модель крепостных стен города, когда они меняются в зависимости от политической и экономической ситуации, причем меняется не только толщина стен, их качество, конструкция и другие показатели, но и их местоположение, когда стены выходят за пределы старых оборонительных сооружений или, напротив, сужаются к центру, сокращая территорию города.

В пору расцвета греко-бактрийского царства, когда античные авторы называют Бактриану красой всей Арианы, страной тысячи городов и т.д., государство расширяется в сторону "серов и фаунов" (конечно же, нельзя воспринимать это выражение буквально, как расширение границ, а скорее как сферу культурного и торгового влияния греко-бактрийского государства). Существовало мнение, что бактрийские цари придавали большое значение торговому сообщению с Китаем через бассейн Тарима, старались вступить в торговые связи с китайцами и обезопасить этот торговый путь от кочевников хуннов (Gutschmid A., 1888, S. 44). Существовала также и другая точка зрения об экспансионистской политике бактрийских царей, которые якобы стремились вознаградить себя за утраченные в борьбе с парфянами земли, и завоевание Бактрии кочевниками было лишь ответной реакцией на завоевательную политику самих греко-бактрийских царей (Marquart J., 1901, S. 207).

Совершенно справедливым, на мой взгляд, представляется идея, высказанная В.В. Бартольдом (Бартольд В.В., 1964, с. 455–469) относительно рассказа, приведенного Полибием (IX, 34,5), о переговорах между Евтидемом и Антиохом Великим (206 г. до н.э.). Рассказ этот показывает, что греки видели свою задачу в Средней Азии исключительно в обороне культурных земель от кочевников, и оборона эта концентрировалась в основном на северных и, возможно, северо-западных рубежах государственной границы. Возможно, именно в период царствования Евтидема Согдиана обретает независимость на это, в частности, указывают подражания монетам Евтидема (Бопеараччи О., 1990, с. 30, 31). Кульминацией бесчисленных столкновений на границах стала та трагическая картина, которую рисует Помпей Торг словами Юстина (XLI, 6(3)): "Бактрийцы же ведя непрерывно то одну, то другую войну, потеряли не только царство, но и свободу: измученные войнами с согдианами, арахотами, дрангами, ареями и индами, они, в конце концов как бы обескровленные, были покорены более слабыми парфянами". Итак, первостепенной задачей было обеспечение защиты северных границ государства от нападения кочевников, а затем сфера интересов переносилась, как показывают все те же источники, в сторону индийского субконтинента. Об этом свидетельствуют бесчисленные походы греко-бактрийских царей в Индию; по возвращении из одного из этих походов был убит один из "великих мужей" Бактрии Евкратид.

Итак, мы выяснили, насколько важно было укрепление северных рубежей Бактрии

от постоянных набегов и притязаний орд кочевников. Такое положение дел диктовало решительные действия по усилению оборонительной системы государства и охране границ от внешнего врага. В сознании населения олицетворением несокрушимости служит образ крепостных стен, напоминающих о мощной оборонительной организации города. Необходимость объединенных усилий населения при обороне города во время его осады способствовала выдвижению в религиозном пантеоне божеств – покровителей крепостных укреплений. Большую популярность приобретают культы богинь Кибелы, Атаргатис, Тихе, Фортуны, выполняющих функцию защитниц. Головы их венчают короны в виде крепостной стены: детали, изображенные на этих коронах, часто имитируют реальные элементы фортификационной архитектуры (Абдуллаев К., 1988, с. 3, 4).

Коснувшись вопроса о связях между кочевническими племенами и земледельческими оазисами, отметим, что традиция постройки оборонительных стен вокруг земледельческих культурных зон не характерна для Средней Азии доэллинистической эпохи; это положение подтверждается как письменными источниками, так и данными археологии. Если учесть характер и особенности ведения хозяйства в среде населения Согда и Бактрии, часто сочетавшего земледелие с сезонным выгоном скота на пастбища, и постоянное проживание скотоводческих племен вокруг земледельческих оазисов, станет очевидным отсутствие каких-либо границ между ними. Не всегда мирно складывались отношения скотоводов-номадов с земледельцами. Показательно в этом отношении сообщение Страбона о Гиркании и Парфии, которое в полной мере можно отнести и к Бактрии с Согдом. "Между апарнами, Гирканией и Парфией вплоть до области ариев лежит обширная и безводная пустыня; проходя через нее длинными переходами, апарны делали набеги на Гирканию, Несею и парфянские равнины. Эти племена (которые подвергались набегам) согласились платить апарнам дань: дань состояла в дозволении им в определенное время совершать набеги на страну и уносить добычу. Но когда они дерзко нарушали договор, начиналась война, затем опять примирение, а потом снова военные действия. Таков образ жизни и прочих кочевников: они постоянно нападают на своих соседей и затем снова примиряются с ними" (XI, VIII.3). Сюда же можно было бы добавить суждение того же античного автора о том, что "в прежние времена образ жизни и обычаи согдийцев и бактрийцев мало отличались от образа жизни кочевников..." (XI, XI, 3). Это письменное сообщение Страбона подтверждается археологическими открытиями курганных погребений кочевников в округе Самарканда, в частности сазаганских курганов, расположенных в придаргомской степи и сгруппированных по берегам саев близ селений Миранкуль и Тепакуль (Обельченко О.В., 1966; 1972). Та же археологическая картина характерна и для бухарского земледельческого оазиса (Обельченко О.В., 1956; 1961; 1963). Интересно отметить, что курганные захоронения кочевников располагаются, как правило, на высоких террасах рек и адыров, как бы намечая символическую границу земледельческой зоны со степью.

Однако если для кочевнической степи и земледельческой зоны отношения складывались более или менее стабильно, то совершенно иные сведения сообщают античные авторы о походах Александра Македонского в Среднюю Азию, где македонский царь встретил в лице номадов грозного врага, неуловимого, не вступающего в открытый бой, не знающего каких-либо регулярных военных построений при ведении боя. Тактика выматывания врага и неожиданных нападений приводила опытных воинов Александра в замешательство и порой даже в отчаяние. Завоеванная территория, в особенности культурные зоны городов и сельской округи, должны были быть каким-то способом защищены греко-македонскими завоевателями. Здесь мы видим одну из форм защиты, примененной Александром против набегов номадов. Македонский царь строит укрепленный город с контингентом войск. Ярким примером тому может послужить сообщение Курция Руфа о том, что "царь уже выбрал на берегу Танаиса (Сырдарьи) место для основания города, как бы крепости для удержания покоренной территории и той, куда он решил еще проникнуть" (Curt. Ruf. VII. 6.13; ср.

Арг. IV, 1(3). Основание такого города явно мешало кочевникам беспрепятственно проникать и грабить земледельческие оазисы. Во всяком случае "царь скифов, держава которого простиралась тогда по ту сторону Танаиса, считал, что город, основанный македонцами на берегу реки, является ярмом на его шее" (VII–I). Однако ясно было, что относительно небольшому контингенту солдат (а еще чаще в таких случаях – ветеранов) Александра было не под силу подобными мерами защитить завоеванные культурные зоны от нападения номадов. Но все-таки укрепленные города в какой-то мере служили защитой, и на данном этапе быстрого стратегического наступления греко-македонского войска оправдывали себя.

Более эффективные меры по обеспечению безопасности земледельческой округи были предприняты при первых селевкидских царях, после распада державы Александра Македонского и включения ряда среднеазиатских регионов в общую империю селевкидов. Плиний сообщает, что на месте разрушенного варварами города, некогда построенного Александром и названным Александрией Маргианской, Антиох, сын Селевка, "снова построил Селевкию" по течению р. Марга и назвал его Антиохией (Плиний, Естественная история, VI, 16). Изумленный плодородием равнины, как сообщает Страбон (XI.X.2), Антиох I Сотер велел обвести город стеной 1500 стадий в окружности, обезопасив его таким образом от набегов номадов[2]. Такая мера ограждения оазиса встречается в истории Средней Азии, пожалуй, впервые и является самым ранним оборонительным сооружением такого рода. Как мы увидим ниже, такая традиция будет успешно продолжена в последующие эпохи, выполняя одну из наиболее важных защитных функций против постоянных набегов кочевников.

Следующим по времени оборонительным сооружением является относительно недавно открытая крепостная стена близ селения Дарбанд на горных подступах к древней Бактрии. Железные ворота – Дар- и аханин (перс.), или Баб ал-хадид (араб.), или Темир-капиг (древнетюрк.) – довольно известны как в исторических источниках раннесредневекового времени (Beal S., 1906) и средневекового периода (Рюи Гонсалес де Клавихо, 1881), так и по работам русских географов и этнографов, путешествовавших в этих краях (Маев Н.А., 1879, с. 146; Логофет Д.Н., 1913, с. 75). Однако археологическому изучению этот район подвергся сравнительно недавно. Были более точно локализованы Железные ворота и изучены прилегающие территории (Аршавская З.А. и др., 1983, с. 44). Одним из наиболее интересных открытий здесь было обнаружение древних и средневековых поселений, а также пограничной стены кушанского времени (Ртвеладзе Э.В., 1986, с. 34–39). Длина стены по направлению юго-восток – северо-запад была зафиксирована на протяжении около 1,5 км, высота стены колеблется от 2 до 5 м. В ряде мест хорошо прослеживается структура стены, сложенной из рваных камней; по периметру иногда заметны остатки каких-то сооружений (Ртвеладзе Э.В., 1986, с. 35, 36). В процессе зачистки удалось установить ширину стены у основания, которая оказалась равной ок. 6,5 м, сохранившаяся высота на месте зачистки 2,7 м. Внешний и внутренний фас стены выложен из сырцовых кирпичей квадратной формы (32 × 32 × 11; 33 × 33 × 11 см), некоторые кирпичи имели клейма в виде букв "а" и "пи". Стена была датирована авторами в пределах I–III вв. н.э. В процессе изучения было выдвинуто предположение о наличии аналогичных оборонительных сооружений в ущельях других горных районов Северной Бактрии, представлявших систему фортификационых сооружений, окружавших и защищавших земледельческие оазисы Бактрии, что было под силу лишь сильному централизованному государству (Ртвеладзе Э.В., 1986, с. 39).

Следующим этапом в изучении Дарбандской стены и Железных ворот были археологические работы, проводимые Институтом археологии АН РУз. В результате работ были зафиксированы крепостные башни, а также расчищены следы крепости Шерходжа, разрушенной при проведении высоковольтной линии (Рахманов Ш, 1990, с. 82; 1994, с. 51–54). В результате работ на внешней стене на уровне 2 м от

[2] Об археологическом изучении стены см. (Bader A. et al., 1995).

основания удалось обнаружить бойницы, последние также располагались и в коридоре на уровне 1 м. Полученный при раскопках башен и разреза керамический материал демонстрирует высокое качество продукции, характерное для эллинистической эпохи. Среди форм можно выделить цилиндро-конические чаши нескольких вариантов, уплощенные тарелочки – так называемые "рыбные блюда" с различными профилировками венчиков, узкогорлые грушевидные кувшины. Керамика подобного типа характерна для комплексов греко-бактрийского периода Северной Бактрии (Рахманов Ш., 1994, с. 53). Таким образом, можно говорить о функционировании пограничной стены и примыкающих к ней в этот период оборонительных сооружениях.

Логично предположить, что перед нами та самая укрепленная граница, о которой говорил Евтидем своему противнику Антиоху III. Суммарно все данные, полученные в результате исследования Дарбанской стены, свидетельствуют в пользу этого предположения.

Если принять тезис о появлении укрепленных пограничных стен в Средней Азии в эллинистическую эпоху, то встает вопрос, откуда происходит эта тенденция. Как уже отмечалось выше, в доэллинистический период в Средней Азии подобные грандиозные оборонительные сооружения отсутствуют. Ясно одно, что строительство их требовало колоссальных затрат и выполнение этих работ было под силу лишь государству с высоким экономическим потенциалом. Одной из таких мощных держав, включавшей многие среднеазиатские регионы, было ахеменидское государство. Письменные источники говорят о структуре и принципах деления огромной территории на сатрапии, во главе которых стояли родственники или приближенные царя, но в них нет каких-либо указаний на наличие оборонительных стен, ограждавших культурные земледельческие зоны от набегов кочевников, хотя последние и тогда развивали активную в плане агрессии деятельность.

Мы имеем два наглядных примера, когда сведения исторических источников согласуются и подтверждаются археологическими данными, – это стена Антиоха I Сотера в Маргиане и пограничная стена Дарбанда, защищающая горные проходы на Бактрию. Есть основания полагать, что эта традиция была привнесена в Среднюю Азию из Греции или Македонии. Археологические памятники Малой Азии и материковой Греции демонстрируют великолепные образцы фортификационных сооружений, в том числе длинных крепостных стен, опоясывающих территории не только самого города, но и сельской округи; греческие полиоркетики умело используют рельеф местности, горные гряды, отвесные скалы и ущелья (см., например; Les fortifications..., 1992; A la decouverte..., 1993). Мы не исключаем возможности того, что небольшое вначале македонское царство было окружено крепостной стеной, защищающей его от многочисленных фракийских племен.

Говоря об оборонительной стене вдоль границы государства, нельзя обойти молчанием одно из грандиозных сооружений во всей истории фортификации – Великую китайскую стену. В Европе она известна как "Великая китайская стена", между тем как китайское ее название "Ваньли чанчен" – "Стена длиной в 10 тысяч ли". Строительство стены началось в 215 г. до н.э. Она была призвана обезопасить северные районы страны и вновь завоеванные территории, а также караванные пути на запад от возможных нападений конницы сюнну (Крюков М.В. и др., 1983, с. 108, 109; Гумилев Л.Н., 1993, с. 40–51). Великая китайская стена была, таким образом, сооружена с единственной целью оградить государство от внезапных нападений кочевых племен. Обеспечение ее соответствующим военным контингентом требовало огромной численности солдат и оказалось на практике нереальным (интересны в связи с этим находки "многотысячной глиняной фаланги" – скульптур воинов, изготовленных в натуральную величину, при оружии с боевыми колесницами и лошадьми, зорко и безмолвно охранявших гробницу императора) (Венджи Гу, 1980, с. 4–8).

В Средней Азии оборонительные стены вновь возникают в период раннего средневековья, и это скорее всего связано с новой волной движения кочевнических племен. В литературе эта стена называется Кампыр-дувал или Кампирак. Участки вала Кампыр-

дувала были зафиксированы вокруг бухарского оазиса, вернее его западной части в округе крупного раннесредневекового городища Варахша (Шишкин В.А., 1940). Впервые стена Кампыр-дувала была зафиксирована еще И.Ф. Ситняковским (Ситняковский И.Ф., 1990; см. также Шишкин В.А., 1963, с. 26), причем линия стены выходила далеко вперед в зону современной пустыни. Одним из характерных моментов в сооружении Кампыр-дувала была ее связь с ирригационными постройками, т.е. в задачу оборонительной стены входила не только защита населения и земледельческих угодий, но и ирригационной системы как самой важной части сельского хозяйства. Участки Кампыр-дувала были впоследствии обнаружены и в других местах Бухарского оазиса (Шишкин В.А., 1963, с. 26), и в пределах согдийского региона (Мухамедов Х., 1972, с. 131–136). В процессе изучения Кампыр-дувала удалось установить два периода в ее строительстве, причем "первый восходит к значительной древности, второй – к ее восстановлению в VIII в. н.э." (Шишкин В.А., 1963, с. 27; Гулямов Я.Г., 1957).

Традиция возведения оборонительных стен вокруг земледельческих оазисов продолжается и в средневековое время. Сооружения носят различные названия (Чим девори, Прироста девори, Девори киемат) (Мухамедов Х., 1961) и относятся к разным периодам, но главная их функция продолжает оставаться неизменной – это защита культурной земледельческой зоны, в том числе ирригационных сооружений, от грабительских набегов кочевников. Некогда заложенная селевкидскими и греко-бактрийскими царями практика сооружений оборонительной стены вдоль границы или же оазиса попадает на благодатную почву Средней Азии и получает здесь свое дальнейшее развитие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абдуллаев К., 1988. К символике "корона муралис" // Третий Всесоюз. симпоз. по проблемам эллинистической культуры на Востоке. Тез. докл. Ереван.

Абдуллаев К., 1994. К локализации столицы юэчжей // Города Центральной Азии на Великом шелковом пути. Тез. докл. Самарканд.

Аршавская З.А., Ртвеладзе Э.В., Хакимов З.А., 1983. Средневековые памятники Сурхандарьи. Ташкент.

Бартольд В.В., 1964. Сочинения. Т. II. Ч. 2. М.

Бопеараччи О., 1990. Подражания монетам Евтидема и дата независимости Согдианы // Культура древнего и средневекового Самарканда и исторические связи Согда. Тез. докл. советско-французского коллоквиума. Ташкент.

Венджи Гу, 1980. Глиняные солдаты императора // Курьер ЮНЕСКО. Январь.

Гулямов Я.Х., 1957. Страницы истории древнего орошения в Средней Азии // Правда Востока. 22 мая, № 120.

Гумилев Л.Н., 1993. Хунну. СПб.

Дьяконов М.М., 1954. Древняя Бактрия // По следам древних культур. От Волги до Тихого океана. М.

Дьяконов М.М., 1956. У истоков древней культуры Таджикистана. Сталинабад.

Крюков М.В., Переломов Л.С., Сафронов М.В., Чебоксаров Н.Н., 1983. Древние китайцы в эпоху централизованных империй. М.

Логофет Д.Н., 1913. В горах и на равнинах Бухары. СПб.

Манев Н.А., 1879. Очерки Бухарского ханства // Материалы для статистики Туркменского края. Вып. 5. СПб.

Массон М.Е., 1968. К вопросу о северных границах "великих кушан" // ОНУ. № 8.

Мачинский Л.А., 1971. О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по свидетельствам античных письменных источников // Археологический сборник. Вып. 13. Л.

Мухамедов Х., 1961. Кадимий мудокраа деворлари. Тошкент (на узб. яз.).

Мухамедов Х., 1972. Новые участки Кампир-девора древнего Согда // ИМКУ. Вып. 9.

Обельченко О.В., 1956. Кую-Мазарский могильник // Тр. Ин-та истории и археологии АН УзССР. Вып. VIII. Ташкент.

Обельченко О.В., 1961. Лявандакский могильник // ИМКУ. Вып. 2.
Обельченко О.В., 1963. Курганы около селения Хавара // ИМКУ. Вып. 4.
Обельченко О.В., 1966. Сазаганские курганы // ИМКУ. Вып. 7.
Обельченко О.В., 1972. Агалыксайские курганы // ИМКУ. Вып. 9.
Пугаченкова Г.А., 1966. Халчаян. Ташкент.
Рахманов Ш., 1990. Пограничная стена Бактрии и Согда // Культура древнего и средневекового Самарканда и исторические связи Согда. Тез. докл. советско-французского коллоквиума. Ташкент.
Рахманов Ш., 1994. Новые данные о стене на Железных воротах // ОНУ. № 1–2.
Ртвеладзе Э.В., 1986. Стена Дарбанда Бактрийского // ОНУ. № 12.
Рюи Гонсалес де Клавихо, 1881. Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканде в 1403–1406 гг. СПб.
Ситняковский Н.Ф., 1990. Заметки о Бухарской части долины Зарафшана // Изв. Туркестанского отделения Русского императорского географического общества. Т. I. Вып. II. Ташкент.
Ставиский Б.Я., 1976. О северных рубежах Кушанской Бактрии // История и культура народов Средней Азии. М.
Шишкин В.А., 1940. Археологические работы в 1937 году в западной части Бухарского оазиса. Ташкент.
Шишкин В.А., 1963. Варахша. М.
A la decouverte des fortresses grecques, 1993 // Les Dossiers d'Archéologie. № 179. Paris.
Bader A., Gaibov V., Košelenko G., 1995. Walls of Margiana // In the Land of Gryphons. Papers on Central Asian Archaeology in antiquity. Torino.
Beal S., 1906. Si-Yu-Ki. Buddhist Records in the Western World // Transl. from Chinese of Huien Tsiang (A.D. 629). V. I. London.
Gutshmid A., 1888. Geschichte Irans und seiner Nachbarländer von Alexander dem Grossen bis zum Untergang der Arsaciden. Tübingen.
Les fortifications grecques de Mycenes à Alexandre, 1992 // Les Dossiers d'Archéologie. № 172. Paris.
Marquart J., 1901. Eransáhr nach der Geographie des Ps. Moses. Xorenac'i. Berlin.
Ptolemaios Geographie VI, 9–21. Ostiran und Zentralasien. T. I. Griechiesche Text neu herausgegeben und ins Deutsche übertragen von I. 1971. Ronca; Rome.
Tomaschek W., 1877. Centralasiatische Studien. I: Sogdiana. Wien.

Институт археологии АН РУз,
Самарканд

K. ABDULLAEV

ON NORTHERN LIMITS OF THE BAKTRIA STATE BORDERS IN THE HELLENIC AGE

Summary

The paper is dedicated to the study of the issue concerning the northern borders of the Greek and Baktria kingdom. As the data of ancient and early Chinese authors gives rather controversial answers to this question, it is necessary to try and resolve it on the basis of the analysis of archaeological materials, first of all, the analysis of fortification constructions that marked this border. The author thinks that the northern border of Baktria in the Hellenic Age passed near "The Iron Gates" where, as a result of archaeological studies, remains of the wall that protected the whole Baktria were uncovered.

КРИСТЕР ВЕСТЕРДАЛЬ

ВОДНО-СУХОПУТНЫЕ ТРАНСПОРТНЫЕ СИСТЕМЫ В СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЕ: СРЕДНЕВЕКОВАЯ МОДЕЛЬ

Говоря о водно-сухопутных транспортных системах, мы имеем в виду *различные пути использования транспортных средств (одних и тех же в различных природных условиях) на воде, снегу, льду и грунте.* Таким образом, ключевым моментом для понимания этой проблемы является различие условий летнего и зимнего передвижения. Освоенное транспортное пространство ограничивается возможностями водно-сухопутной транспортировки, которые обусловлены особым образом жизни на севере в зоне хвойных лесов. В конструкции транспортных средств нашли свое отражение способы адаптации к передвижению по практически бездорожному субарктическому ландшафту. В связи с этим автором статьи были предложены такие новые понятия, как транспортные зоны и транзитные точки. Континентальная транспортная зона в водно-сухопутной системе может быть обозначена в настоящей статье *как Заволочье* (использован русский термин "земля, находящаяся за волоками").

Три основных типа судов, использовавшихся на севере, соответствуют такому же числу продольных (т.е. параллельных береговой линии) транспортных зон: 1) прибрежной, 2) береговой, 3) континентальной. Поперечные или широтные транспортные зоны в первую очередь связаны с прибрежной полосой и каботажными водными путями.

В Фенноскандинавском регионе и восточнее имеются обширные области, где отсутствуют существенные препятствия для широкомасштабной эксплуатации природных ресурсов, рыболовства, охоты и для набегов на своих соседей. В Финляндии значительные внутренние районы, покрытые лесом и кустарником, носят традиционное название eramaa (дикие, пустынные земли), а в Швеции – eramark, arjemark. Значение этих терминов, однако, не совсем адекватно понятию "пустыня". Скорее здесь подразумеваются огромные неосвоенные территории с ресурсами для охотничье-рыболовного присваивающего хозяйства (этнологический аспект см. Campbell A., 1948; археологический и транспортный – Clarke J.G.D., 1952).

Оттар и квены. Наиболее раннее упоминание о водно-наземной транспортной схеме мы встречаем в относящемся к эпохе викингов сообщении норвежца Оттара (англосаксонская форма Ohthere), посетившего короля Альфреда Уэссекского ок. 900 г. (Lund N., 1983; 1984). Квены, о которых здесь идет речь, очевидно, были финно-угорской ботнической группой или торговым объединением, аналогичным позднейшим финским kainulaiset, и обитали в Западной Финляндии у побережья Ботнического залива. "Иногда квены через горы совершают набеги на норвежцев, а иной раз норвежцы отвечают им те же. Повсюду в этих горах имеются очень большие озера, и квены во время своих походов перетаскивают лодки от одного озера к другому, у них очень маленькие и легкие лодки" (Lund N., 1983, 1984).

Весьма вероятно, что судно X в., найденное в Лайваярви на финско-шведской границе, является примером лодки такого типа. Это дощатое шитое плавсредство длиной 5–7 м (Forssell H., 1983; 1985; 1986). Место, где была обнаружена лодка, в эпоху викингов представляло собой залив, а сейчас это озеро в устье р. Торнео. Эта водная система ведет вглубь Скандинавии вплоть до оз. Торне на современной границе с

Перевод с английского Г.Е. Дубровина.

© Кристер Вестердаль, 1997 г.

Норвегией. Аналогичные лодки, относящиеся к гораздо более позднему времени (Forssell H., 1983), были найдены на речных и озерных путях, протянувшихся от Белого моря к Ботническому заливу и обследованных Ингемаром Калониусом (Calonius I., 1929).

Побережье Северной Норвегии. В средневековье побережье Северной Норвегии и частично прибрежные острова были плотно заселены норвежским германоязычным земледельческим населением, в то время как внутренние районы фьордов заселялись или использовались саамами – рыболовами и охотниками за северным оленем и морским зверем. Вероятно, саамы, контролируя лесные зоны фьордов, строили суда для островных норвежцев в традициях, сохранившихся до более позднего времени. Самое раннее сообщение о такого рода деятельности относится к концу 30-х годов XII в., когда король Сигурд Слембадиэкн получил два быстроходных судна, построенных лопарями. Исландец Снорри Стурлусон отмечал, что суда были шитыми и восхвалял их исключительную быстроходность (Sturlason S., 1951, 312):

Всех обойдет
Ладья хелейгов
Бежит под ветром
Жилами сшита

(Стурлусон С., 1980, С. 519)

Большое количество судовых находок подтверждает, что такой метод соединения деталей лодок широко использовался у саамов. К ним можно отнести судно из Екснес, вероятно, жертвоприношение VIII–IX вв.; судовые фрагменты из городского культурного слоя Трондхейма, XII в.; ладьи из захоронений X в. без какого-либо металлического крепежа (Westerdahl C., 1985; 1987).

Таким образом, северные норвежцы были знакомы с саамскими судами, некоторые из которых были приспособлены для использования в континентальной зоне. Как будет показано ниже, технология сшивания досок обшивки явилась в какой-то степени результатом адаптации конструкции плавсредств к условиям эксплуатации на материке. Норвежцы в свою очередь также оказывали влияние на саамское судостроение. Саамы строили свои лодки вплоть до XIX в. (рис. 1), но технология шитья вышла из употребления ок. 1700 г. (Gjessing G., 1941; Westerdahl C., 1987). Тем не менее суда, строившиеся в Норвегии, продолжали доставляться волоком по снегу через горную цепь для шведских саамов, которые использовали их для рыболовства на больших озерах, упомянутых Оттаром еще в X в. (Manker E., 1947, p. 353). Шведские саамы, как и норвежцы, обитавшие на островах у океанического побережья, были заинтересованы в этой продукции, так как сами не располагали лесом, пригодным для строительства лодок.

Традиция переволакивания лодок через горный перешеек зафиксирована также в районе южного побережья Норвегии, что нашло свое отражение в топонимике. Вероятно, и здесь имела место адаптация конструкции судов к этим условиям. В частности, это отразилось в использовании гибких связей для соединения шпангоутов с дощатой обшивкой (Morckem R., 1980; Brøgger A.W., Sheteling H., 1951). Согласно Симонсену и Нюмоену (Simonsen P., 1970; Nymoen P.A., 1995), в Северной Норвегии известно несколько археологически идентифицируемых волоков. Даже в Южной Скандинавии зафиксированы признаки подобного способа транспортировки судов (см. ниже, а также: Crumlin-Pedersen O., 1991, p. 188).

Континентальные транспортные зоны. Опыт выделения культурных транспортных зон в Северном Онгерманланде (Швеция) (Westerdahl C., 1989a; 1990; 1994) показал целесообразность продольного зонного деления (по долготе) вдоль линий, приблизительно параллельных береговой (рис. 2; 3).

1. Прибрежная зона условно занимает полосу суши, простирающуюся от береговой линии вглубь материка на 1 км. Эта зона имеет примерно одну и ту же ширину вдоль всего Норвежского побережья. Более того, можно считать, что она обладает общими

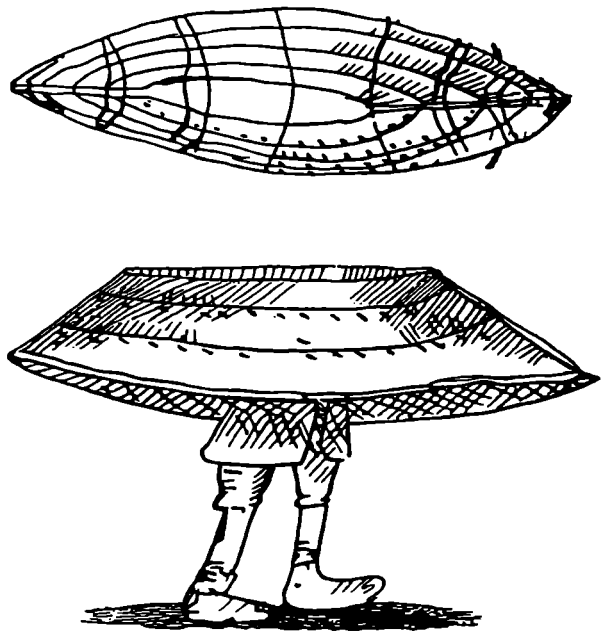


Рис. 1

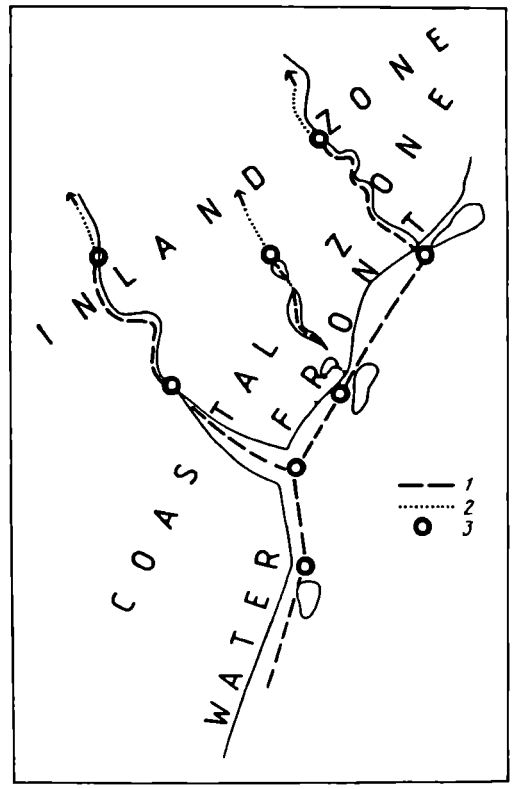


Рис. 2

Рис. 1. Саамская лодка из Туггена, р. Умеоэльв, Вестерботтен, рисунок Линнейса 1732 г. Лодка переносится на голове, при этом заплечный мешок используется как подкладка. При рентгеновском просвечивании становятся заметными линии досок обшивки и, среди прочих деталей, по два шпангоута, расположенных в носовой и кормовой частях судна

Рис. 2. Схема размещения продольных долготных транспортных зон с соответствующими транзитными точками на севере Швеции. *1* – водные пути; *2* – сухопутные пути; *3* – транзитные точки

культурными признаками для всей Скандинавии и Балтийского региона в целом. Эта территория примерно соответствует зоне оседлой колонизации железного века.

2. Береговая зона, соответствующая средневековой зоне аграрной колонизации, простирается примерно на 40–50 км вглубь от береговой линии. Здесь располагаются поселки и хутора Первого полного земельного Регистра 1530-х годов. Граница этой зоны отделяет германоязычное население от полукочевого саамского, остающегося на ее внешней стороне.

3. Континентальная зона представляет собой обширный район, простирающийся на 400 км в глубину всей территории Скандинавии. Эта зона сочетает в себе культурные элементы, характерные для гораздо более северных и восточных территорий. Ее можно рассматривать как своеобразное дополнение к прибрежной зоне с ее дальними связями. Я обозначаю ее как Заволочье. Наиболее существенный общий признак, характеризующий эту зону, – использование транспортных средств, двигающихся по льду и снегу в зимний период. Летом здесь используются в первую очередь транзитные водные пути, т.е. реки и локальные озерные системы. Исключением можно считать лишь горные районы между современными Норвегией и Швецией, где переходы из одной речной долины в другую (в долготном направлении) осуществляются по схеме, присущей прибрежной зоне. Континентальные саамы зимой здесь обычно передвигаются по снегу. Внутренняя Норвегия в большей своей части состоит из почти непрерывных цепочек заболоченных земель. Технология передвижения по таким

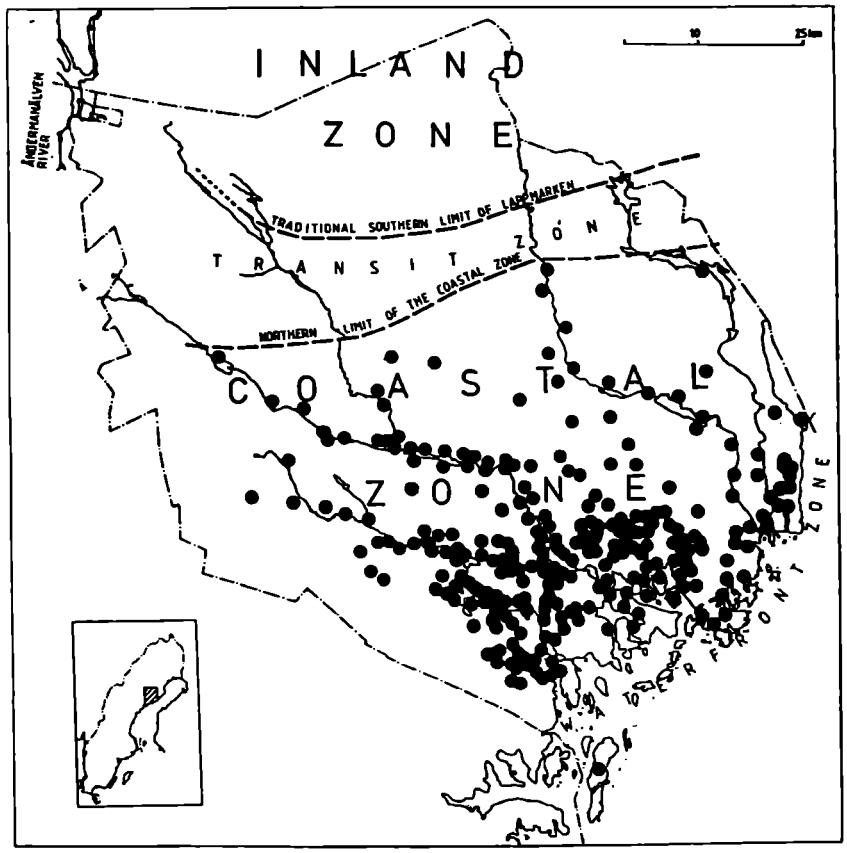


Рис. 3. Продольные (долготные) транспортные зоны Северного Онгерманланда (Центральная Швеция). Прибрежная зона простирается на 1 км от ближайшего к берегу морского маршрута. Она соответствует зоне аграрных поселений железного века. Береговая зона шириной 50 км соответствует району средневековых земледельческих поселений Регистра 1535 г. Континентальная зона шириной в 400 км тянется через полуостров в сторону Норвегии. Она была колонизирована сельским населением (в основном несаамским) в XVIII–XIX вв. Транзитные точки прибрежной зоны являются местами перегрузки с речных судов, а между береговой и континентальной зонами они находятся на речных порогах или на конечных озерных участках водных путей

замерзшим путям в осенне-зимний период успешно освоена саамами, которые, двигаясь по суше, хорошо ориентируются по звездам. Их миграции (саамск. raiddo, шведск. rajd; аналогичный термин используется балтийскими охотниками на тюленей) переносили их в исторические времена на расстояния до 400 км с одного берега Скандинавского п-ова на другой. Такие перемещения предполагают использование и лыж, и лодок. Согласно И. Шеффериусу, судостроение было вторым основным занятием мужчин-саамов, уступая по своему значению лишь охоте (Schefferus J., 1673). Из этих районов происходит значительное количество археологических остатков судов (чаще всего найденных во фрагментированном виде и недокументированных). Знаменитые саамские сани представляют собой в общем просто "обрезок" лодки. Совсем недавно они строились в технике "карвель", т.е. с досками обшивки, соединенными встык с использованием в качестве крепежа деревянных нагелей. Ранее же, очевидно, они имели клинкерную конструкцию с гибкими связями. Однако материал, подтверждающий такую эволюцию конструкции, весьма скуден. Самая ранняя из известных находок в 1950-х годах была датирована по С–14 XIII в. (устное сообщение Эрика Вальберга). Я имею в виду сани из Соуколоярви, найденные в долине р. Торнео (Wahlberg E., 1956). Судя по форме, это транспортное средство должно рассматриваться как используемая на суше лодка; на это же указывают и некоторые детали конструкции. Происхождение указанных саней от лодки хорошо видно по имеющимся в шпангоутах

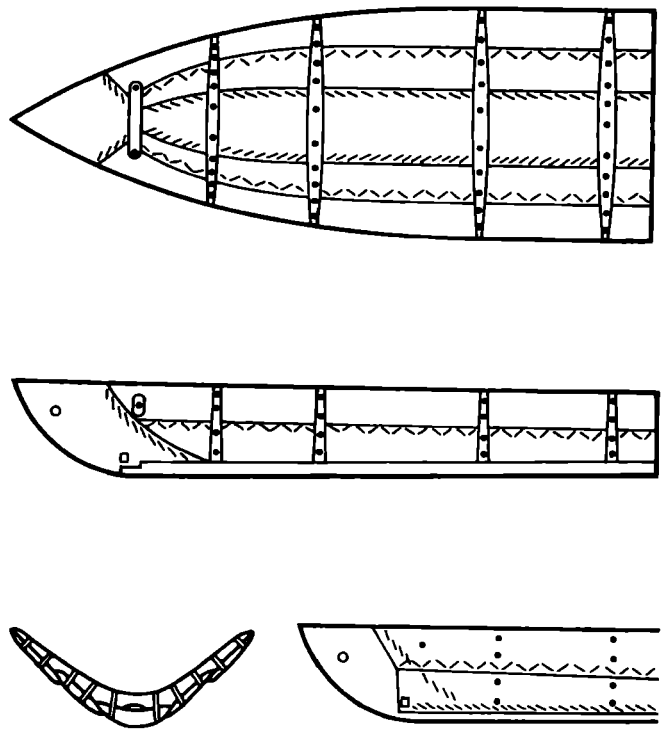


Рис. 4. Реконструкция шитого транпортного средства акья (финск. ahkio, шведск. ackja; саамск. kieris/giereтse из Соуколоярви, Норрботтен, XIV в

отверстиям для протока воды, которые в конструкции саней никак функционально не обусловлены (рис. 4).

Тем не менее, насколько мы можем судить, собственно лапландский тип саней появился в средние века. Единственная, кроме саней из Соуколоярви, датированная находка конструкции типа акья / пулка происходит из Швеции. Это лодка долбленка, обнаруженная на леднике Руотесйикна в национальном парке Сарек. Находка датирована радиоуглеродным методом: St 4523 : 436 BP ± 105, калиброваная дата 1440 н.э. (Sigma l 1410–1520; Westerdahl C., 1987, p. 47).

Конечно, наше предположение об использовании лодок на суше выглядит более обоснованным, если рассматривать это явление как один из компонентов северных транспортных систем (Wahlberg E., 1956). На материке длинные водные речные и озерные пути прерывались в определенных транзитных точках, где располагались пороги или водопады. Во всех северных языках есть специфические термины для обозначения таких мест, что нашло свое отражение в топонимике (шведск. hovde, lusp, spanne и т.д.). Лингвист Карл Хампус Дальштедт приводит примеры использования и функций таких терминов в своей диссертации, посвященной диалектам округа Вильхелмина Шведской Лапландии (Dahlstedt K.H., 1950, 1B, kart 13). В финском языке основной термин, связанный с путешествиями или поездками, происходит из понятия перехода, переезда между двумя водоемами или, точнее, волока – / «matka/muoka» (последнее слово происходит из саамского muorka, шведск. marka, taipal; (термин taival представлен в эстонской топонимике). Слова ed, eid, в древненорвежском языке обозначающие волок или, скорее, место волока, а также drag представлены в сочетаниях drag-eid/draged и связанных с ними топонимах. Норвежское skede (водораздел; первоначально skaida/s/) было заимствовано из саамского skaite или финского keidas (Pellijeff G., 1967) (в финском отсутствует двойное созвучие), связанного с понятием eramaa, широко представленном в финском языке. В финском языке также присутствуют основы kannan (kantaan – перетаскивание) и veneheitto. В позднейшее время пере-

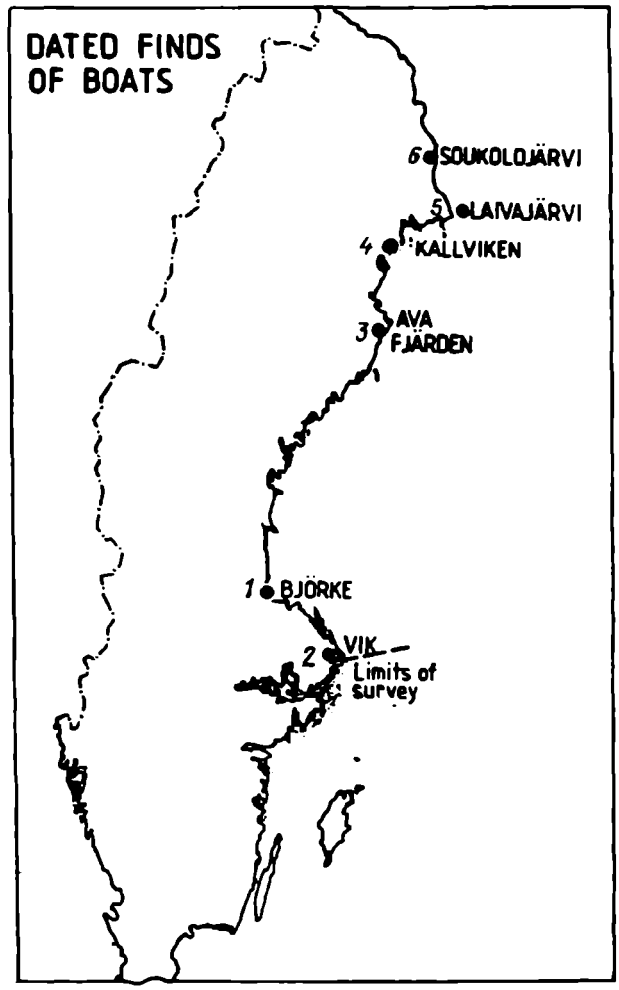


Рис. 5. Судовые находки на побережье Норрланда и в долине р. Торнео: *1* – Бьерке, округ Хилле, Гэстрикланд, *2* – Вик, округ Содербю-Карл, Упланд; *3* – Авафьерден, округ Ловонгер, Вестерботтен; *4* – Каллвикен, округ Недерлулео, Норрботтен; *5* – Лайвайярви, округ Алаторнио, Ланси-Похъянмаа; *6* – Соуколоярви, округ Оверторнео, Норрботтен

таскивание лодок волоком было характерной чертой лесосплава на северных реках. Лодки, которые там использовались, вероятно, являются поздними вариантами (репликами) саамских речных судов (Westerdahl G., 1987; 1988). Деревянные волоковые катки сохранились на некоторых порогах, где они применялись вплоть до 1950-х годов, что было зафиксировано в Норрботтене автором в начале 1970-х годов.

Зона, где практиковался подобный способ передвижения, простиралась некогда гораздо южнее, что нашло свое отражение в топонимике центрального района Средней Швеции, где присутствуют топонимы с основой «bor» (место, где перетаскивают): Borlande "длинный волок" (Hesselman B., 1930; 1935; Widmark G., 1957). В русском языке известно даже слово "буряги" («burjagi»), обозначавшее группу людей, живущих у волока (Falk K.O., 1951, p. 146). Дополнительные аргументы в пользу этого дают находки длинных, низких и узких гребных судов железного века. Эти лодки приспособлены для использования в изобилующих болотами низинных ландшафтах (Hesselman B., 1930; 1935). Имеются в виду находки из Бьорке, округ Хилле, V в. н.э., погребальные суда из Венделя и Валсгэрде в Уппланде, из Туны в Баделунде, Вэстманланд, датируемые временем Меровингов или эпохой викингов, а также находка из Содербю, округ Карл, относящаяся к XII в. Находки на побережье указаны на рис. 5. Соответствующие топонимы в сочетании с находками железного века обнаруживаются и на

Рис. 6. "Московиты" (русские или карелы), перетаскивающие свои лодки в Финляндию. Гравюра из "Истории северных народов" Олая Магнуса, изданной в 1555 г., основывается на наблюдениях 1519 г.

Датских о-вах (находка судна в Ладбю на о-ве Фюнен и, возможно, связанные с перетаскиванием судов носилки, найденные неподалеку от судна) (Crumlin-Pedersen O., 1988, p. 188).

Значение "пережитков прошлого" для реконструкции транспортных систем средневековья. Изучение современной природной среды и условий жизни и хозяйствования на Севере может дать фундаментальную основу для понимания того, как функционировали в прошлом крупные транспортные системы во всей своей полноте. Север явился в XVI в. потрясающим открытием для жителя юга Олая Магнуса. Его наблюдения нашли свое отражение в великолепной "Истории северных народов" (1555, лат.: Historia de gentibus septentrionalibus) и "Морской карте" (1539, лат.: Carta Marina). По словам его комментатора, этнолога Джона Гренлунда (Olaus Magnus, 1972, p. 9; Granlund J., 1976), «В своей "Истории" Олай Магнус ни на чем не останавливается так подробно, как на том, что он увидел во время своих путешествий по Норрланду. Следует отметить, что в 1518 г., когда началось его путешествие, Магнус располагал глубокими знаниями, почерпнутыми от... других авторов, давших воспрянуть духу национализма и гуманизма, присущему этой эпохе в Европе. Его богатый опыт показал, что чем далее путешественник продвигается на север, тем далее перемещается он в действительности назад во времени". Часто при этом обнаруживались обстоятельства, которые едва ли были известны его соотечественникам. Автор настоящей статьи ощутил подобное присутствие прошлого в настоящем, путешествуя по северу в 1970-х годах.

Уникальная по полноте своих описаний книга Олая Магнуса при подобном прочтении раскрывает ранние пласты средневековой культуры. Одно из его наиболее интересных наблюдений связано с северными транспортными системами и, в частности, с саамскими шитыми речными лодками, вероятно, с р. Онгерманландэльвен (Westerdahl, 1989). Кроме того, он описывает русских и карелов, несущих и переволакивающих свои лодки на внутренних озерно-речных системах Финляндии по пути на летнюю ярмарку в Торнео (рис. 6). Судовая археология эпохи викингов (800–1050 гг.) в сочетании с данными Олая Магнуса (1518–1519 гг.) имеет исключительное значение для датировки транспортных средств и систем. Даже расхождение в транспортных схемах, связанное с зимним передвижением на санях и летним на лодках в Норрланде, нашло свое отражение в маршрутах Магнуса (Westerdahl C., 1989b). Как уже отмечалось выше, весьма вероятно, что формирование этих транспортных схем произошло в более ранний период. Интенсификация структуры, тем не менее, характерна для средневековья, времени зрелой государственности на севере.

Транзитные точки. Основным фактором, влияющим на исторически сложившиеся технологии передвижения на Севере, является разница между летними и зимними условиями передвижения в местностях, лишенных дорог, т.е. наличие или отсутствие снега на грунте и льда на воде. В годовом цикле жизни сельского населения поздняя осень и начало зимы, кроме того, являются сезоном с максимальным количеством свободного времени. Животные, служившие объектом охоты, в этот период являются наиболее откормленными и имеют наилучшее качество меха и кожи. Поскольку зима наступает раньше в материковой части региона, кочевое саамское население постепенно передвигается в береговую зону, следуя за сезонными перемещениями промыслового зверя и домашних оленей. Эти передвижения приводили к неизбежным контактам и взаимообмену различных культур. Все исторически зафиксированные ярмарки и рынки во внутренней континентальной зоне функционировали в течение января-февраля. Мореходство обычно прекращалось на зиму, но охотники на тюленей должны были пересекать открытые полыньи (шведск. rak) для доставки мехов на юг (т.е. в Стокгольм).

Основываясь на изложенной выше концепции транспортных зон, можно полагать, что транзитные (переходные) точки вполне определенно должны были существовать на краю прибрежной зоны или в начале континентальной зоны, соответствуя второй транзитной точке на реке (первая транзитная точка располагалась в устье реки).

Поскольку речь здесь идет о транспортных системах, обусловленных естественногеографическими условиями, рассматриваемые районы ограничены верховьями рек и озерными системами в верховьях, выше которых лежат водоразделы, препятствующие дальнейшему передвижению по водным магистралям. Иногда лодки здесь переволакивают через водораздел с целью перехода на другую водную магистраль. На реках аналогичными препятствиями являются пороги и водопады, которые приходится преодолевать по суше. В этой гипотетической схеме наибольший интерес представляют водоразделы. Традиционные зимние маршруты чаще всего пролегают по низменным линиям выходов коренной горной породы, где находится множество озер и болот, причем эти места оказываются предпочтительнее речных долин. Именно здесь в более поздние времена саамы перегоняли через горы стада северных оленей. Можно предположить, что на этих транзитных точках поздней осенью можно было бы увидеть не только транспорт прибрежной зоны, использовавшийся на незамерзших водных магистралях, но также и соответствующие сухопутные транспортные средства, которые применялись для езды по снегу в континентальной зоне. Весьма вероятно, здесь останавливались на некоторое время, ожидая появления льда и снега, а также для разнообразных контактов.

Мы располагаем некоторыми археологическими данными, позволяющими подкрепить наши реконструкции транзитных точек. Речь идет о находках шитых лодок, лыж, лапландских саней и частей этих водных и наземных транспортных средств, происходящих примерно из одного места. Суда здесь не имеют следов намеренного произвольного разрушения, которые характерны для предметов, использованных в качестве жертвенных даров. Они покоятся в сыром грунте на небольшой глубине, хорошая сохранность дерева обусловлена высокой влажностью грунта. Весьма вероятно, что у владельцев этих предметов не было намерения их сохранить: они были просто оставлены на промерзшем грунте и снегу у берега реки. Сохранности способствовало то обстоятельство, что лодки были оставлены в местах, где таянье снега и льда сочеталось с естественным дренажом, причем часто они оказывались под быстро растущим мхом, что также благоприятно сказывалось на процессе естественной консервации. Почему эти суда были брошены, объяснить сейчас трудно. Возможно, их владельцы возвращались из своих поездок с помощью другого транспорта, полностью приспособленного для зимних условий, и не забирали при этом вытащенные на берег лодки. Это может означать то, что указанные лодки предназначались не более чем для одной или нескольких поездок в течение одного сезона. Такая ситуация в какой-то степени отразилась на конструкции, в частности на элементах крепления

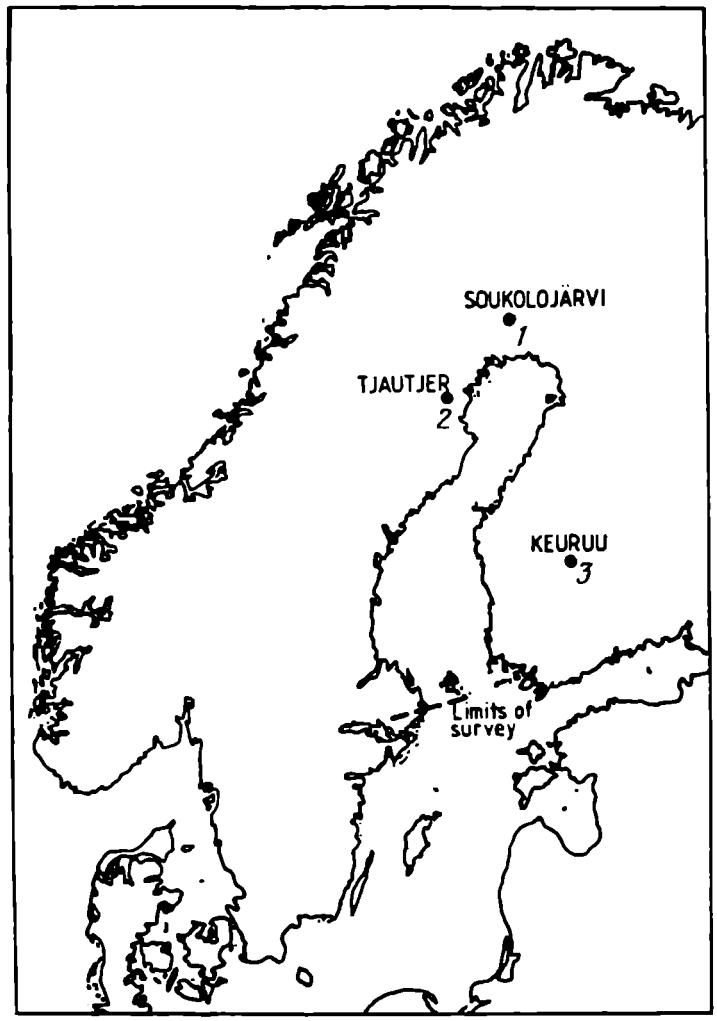


Рис. 7. Археологические памятники, интерпретируемые как транзитные точки на входе во внутреннюю континентальную зону Северной Фонноскандии. *1* – Соуколоярви; *2* – Чаучер; *3* – Кеуруу

судов (Litwin J., 1985). В свете всего вышесказанного целесообразно рассмотреть три местонахождения транспортных средств (рис. 7).

Соуколоярви, Норрботтен, Швеция. В 1953 г. на р. Нуорайоки около д. Соуколоярви округа Оверторнео в долине р. Торнео при вспашке были обнаружены фрагменты (штевни) от двух шитых лодок. Кроме того, здесь были найдены фрагменты лыж и очень хорошо сохранившиеся лапландские сани, являвшиеся первоначально лодкой или очень похожие на лодку (с отверстиями для протока воды в нижней части шпангоутов, рис. 4). Находки располагались на участке протяженностью около 200 м. Местоположение большинства предметов было ограничено лугом – старым руслом р. Нуорайоки (Wahlberg E., 1956). По сообщению опубликовавшего эти находки археолога Эрика Вальберга, находка была датирована по С–14 Стокгольмской лаборатории XIII в., однако никакой документации по этому анализу не сохранилось (Westerdahl C., 1987, p. 47).

Чаучер, Норрботтен, Швеция. Еще одна находка была сделана в 1924 г. на небольшом оз. Чаучер в Гротреске, округ Питео, Норрботтен. Здесь были обнаружены детали саней, лодочный шпангоут, обломок лыжи и другие деревянные фрагменты. Какие-либо другие находки на этом месте отсутствовали. Вероятно, по крайней мере некоторые из указанных выше вещей были вынесены на сток озера течением. Более того, лодочный шпангоут обнаружен далеко в стороне от остальных находок. На

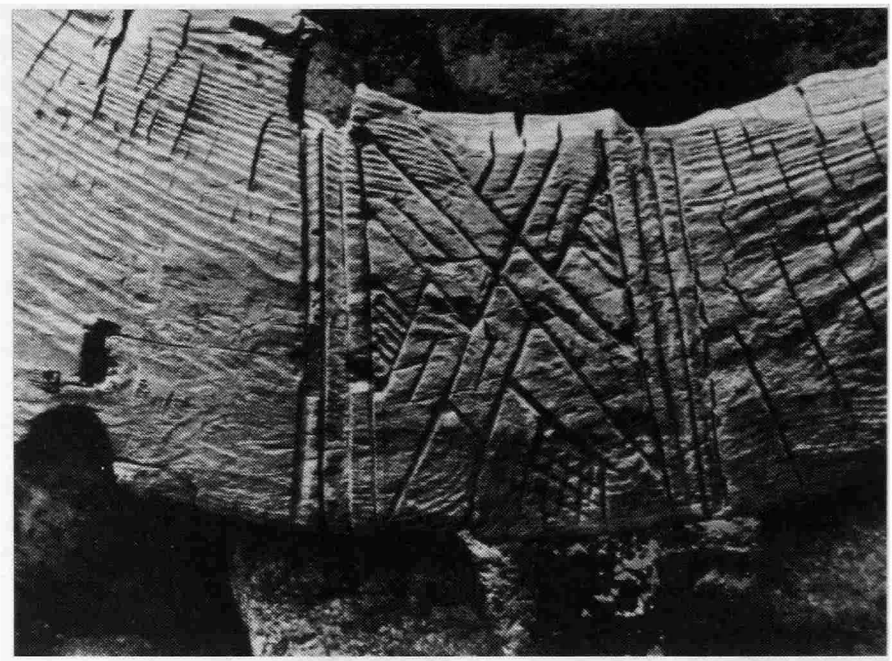


Рис. 8. Шпангоут небольшой саамской шитой лодки из Чаучера, Норрботтен, XIV в. (?). В нижней части шпангоута имеются специальные отверстия, через которые продевалась гибкая связь (корневые древесные волокна), посредством которой шпангоут привязывался к клампам корпуса лодки. На фотографии видны пазы под клампы (Национальный музей древностей, Стокгольм; фото автора, 1983 г.)

шпангоуте, который был приспособлен для привязывания к клампам донной части лодки или к килевой балке, имелся орнамент (рис. 8), характер которого позволяет отнести его к средневековому времени (Olderberg A., 1956). В нескольких сотнях метров от основной находки в 1897 г. был обнаружен клад украшений, датируемый XIV в. (Zachrisson, 1984). Традиционно предполагалось, что эта находка представляет собой жертвенный комплекс (у саамов это озеро – saivo считается священным), но И. Захриссон выдвинула иную версию, атрибутировав комплекс как захоронение награбленной добычи. По мнению некоторых исследователей, связь между двумя указанными комплексами находок является проблематичной. И. Захриссон даже не упоминала деревянные предметы, найденные на озере, но А. Ольдеберг, исследовавший найденные деревянные детали, вскользь упоминает и о кладе металлических украшений. Некоторая новая информация о следах человеческой деятельности в этом месте – недатированных охотничьих и хозяйственных ямах и очагах – была позднее представлена Хедманом (Hedman, 1989). Эти следы вряд ли можно однозначно связать с водными путями, однако они не противоречат рассматриваемой водно-сухопутной транспортной схеме. Скорее, наоборот. На ближайшей к этому пункту р. Бюске в одноименной долине, в Лаппвикене имеются следы позднесредневекового поселения XIV в. (Wallender, 1990). Гротреск со своей церковью начала XVII в., вероятно, являлся центром данной области и потенциальной точкой средневековых контактов между саамами и колонистами с побережья.

Есть ли в Шведской Лапландии другие аналогичные пункты? Из континентальной части Шведской Лапландии происходит много других находок того же рода, чаще всего это отдельные вещи – детали шитых судов, сани и лыжи. К сожалению, чаще всего эти находки являются недокументированными и не сохранились. Особенно мало информации о месте обнаружения этих предметов (Westerdahl C., 1985; 1987). Тем не менее ряд устных сообщений об отдельных находках позволяет считать, что они могут быть связаны с транзитными точками, аналогичными вышеописанным.

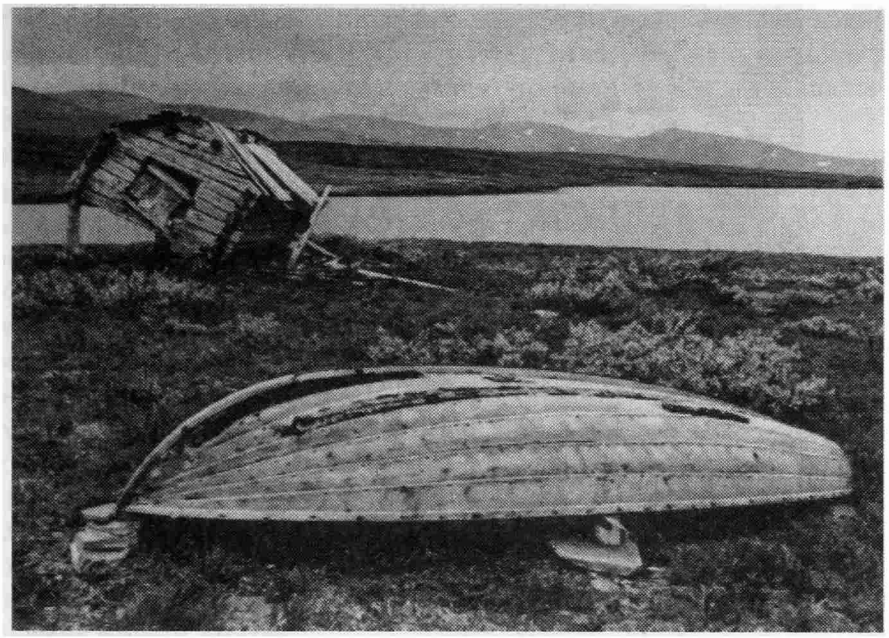


Рис. 9. Деревянные лодки в Шведской Лапландии в настоящее время выходят из употребления вместе с чумами и другими пережитками кочевой жизни. Гора Аммарфьелет, Вестерботтен (фото автора, 1978 г.)

Кеуруу в Финляндии. Уникальный комплекс зафиксирован в Кеуруу у ручья Суойоки (Центральная Финляндия, окрестности современного университетского городка Ювескюля). Здесь в 1932 и 1952 гг. было раскопано скопление лодок, к сожалению, без необходимой фиксации. Исследовано в общей сложности не менее 20 судов, более 20 весел (в том числе и рулевых), несколько лыж и огромное число досок и деталей от лапландских саней. Наиболее крупная из найденных лодок имела длину около 8 м. Некоторые лодки по С–14 датируются концом XIII в. (Forsell H., 1983, p. 11). Возможно, калибровка омолодит эти даты до начала XIV в. Исследования на этом месте еще не закончены. В сентябре 1989 г. на конференции по шитым судам в Кеуруу Генри Форселл и Джейн Вилькуна продемонстрировали несколько вновь открытых деталей. Район, судя по всему, не был заселен в средневековье и располагался на конечном участке длинной водной системы (цепочки озер), подходящей к тому месту, где были сделаны находки, – при впадении ручья Суойки в оз. Суолахденярви. Эти заболоченные территории лишь недавно начали использоваться для заготовки сена. Выше по течению ручья нет рек или озерных систем, продолжающих водный маршрут.

Данный комплекс, уникальный по обилию находок, дает информацию, которая может быть использована для атрибуции коллекций из других пунктов, имеющих сходное географическое положение и игравших ту же роль транзитных точек. И вряд ли можно согласиться с мнением исследователей (Vilkuna J. et al., 1993), интерпретирующих находки из Кеуруу как склад дерева.

Позднейшие параллели. Рассмотренные находки заставляют вспомнить о хозяйственной практике горных саамов-оленеводов более позднего времени. В их ежегодных перекочевках исключительную роль играла одна категория транзитных точек, так называемых host-och varvisten (шведск. "осенние и весенние стоянки"), располагавшихся непосредственно у основания горных хребтов или на их восточных отрогах (рис. 9). Весной зимние транспортные средства, такие, как лыжи и сани, оставлялись на стойбищах kataplast (шведск. "место, где располагается одна или несколько саамских хижин") вместе с загонами, где под надежной охраной содержались олени до отела (в Южной Лапландии они назывались tjaro). Находки лодок отмечены в местах

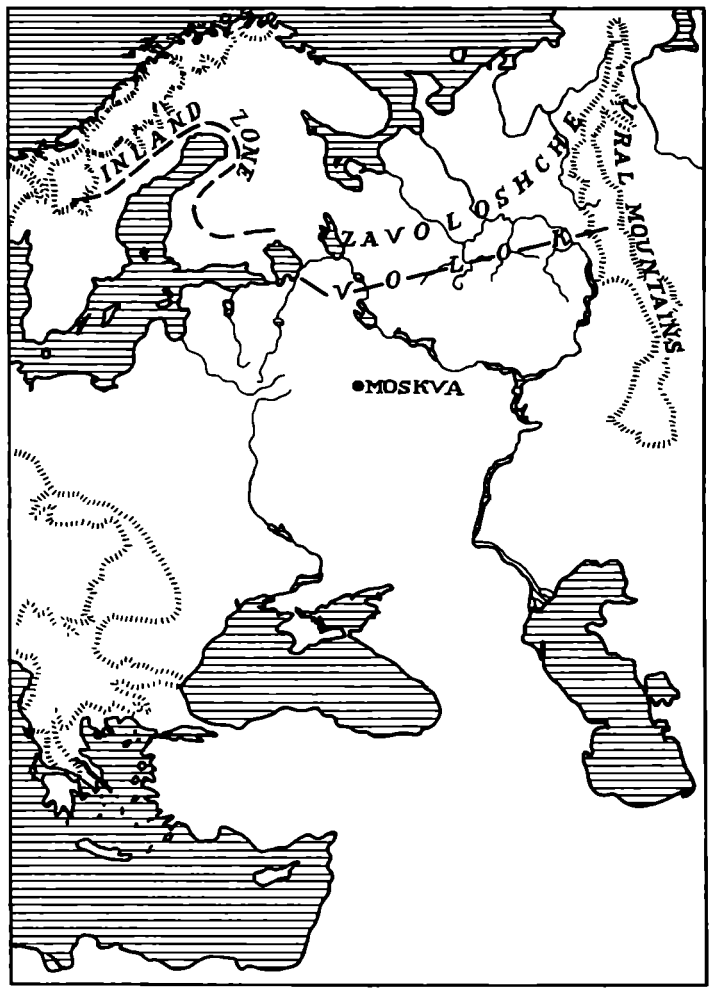


Рис. 10. Схематическое изображение внутренней континентальной зоны Фенноскандии и новгородского Заволочья, отделенных от других областей Большим волоком

для летней рыбной ловли на озерах и на маршрутах, проходящих по близлежащим речным долинам. Осенью, когда замерзали реки и болота, саамы выходили отсюда с длинным караваном оленей и саней, двигаясь без остановки к прибрежной зоне Ботнического залива, расположенной в 250–300 км от горного хребта. Таким образом, на упомянутых host-och varvisten саамы держали и зимний, и летний инвентарь. Хотя эта категория саамских поселений не может во всех остальных отношениях рассматриваться как аналогия транзитным точкам более ранних водно-сухопутных транспортных схем, их сезонный характер соответствует характеру описанных выше транзитных точек.

Таким образом, материалы трех вышеописанных местонахождений дают ключ к пониманию транспортных систем субарктического материкового Севера в средние века. Я предлагаю рассматривать их как транзитные точки для транспортировки людей и грузов в континентальную зону, в *Заволочье* или *эрэмяя* (eramaa), или, используя шведскую терминологию, эрэмарк или эрйемарк (eramark, arjemark) – обширную внутреннюю зону освоения (рис. 2, 10). Весьма вероятно, что относительная синхронность рассмотренных комплексов (XIII–XIV вв.) отражает определенную стадию наиболее активного функционирования этой транспортной схемы, но было бы неверно считать, что данная схема не могла существовать в некоторых регионах по крайней мере с эпохи викингов (800–1050 гг.) и до XVII в. Не исключено также, что эта транспортная

схема имеет определенную этническую окраску. Характерно, что все известные к настоящему времени водно-сухопутные транзитные точки локализуются в районах, осваивавшихся западными финнами – первыми колонистами-земледельцами в Норрботтене (Fjellstrom, 1987; 1988).

Охота на льду Балтики. Зима не прерывала эксплуатации морских ресурсов на Балтике. Охота на тюленей среди дрейфующих льдин описана Олаем Магнусом. Заметный импульс длительным охотничьим экспедициям был придан с началом использования легкого огнестрельного оружия. Климатические условия имели здесь решающее значение (Kvist P., 1988). В течение нескольких месяцев охотники на тюленей из Остроботнии непрерывно жили в своих лодках среди айсбергов и ледяной пустыни. Сотни мужчин оставляли свои фермы на попечение женщин и стариков. Такой образ жизни позднее распространился как инновация и на шведскую сторону Ботнического залива (Bonns B., 1988; Gustafsson P., 1988). Жизнь на границе аграрной зоны и на транзитной точке на пути в эрэмяя предполагала определенную специализацию хозяйства для обеспечения возможности натурального обмена и выплаты налогов в денежной форме. Такая специализация в известной степени отражалась в налоговой политике государства. В средние века в этом регионе еще существовали натуральный обмен и натуральный оброк, что было отмечено Олаем Магнусом. Характерно, что такое положение вещей сознательно поддерживалось политикой Густава I, первого короля из династии Ваза.

Лодка, использовавшаяся для охоты на тюленей, называлась фэльбот (falbat; шведск. fardbat – "лодка для путешествий") и являлась узкоспециализированным транспортным средством. Она была приспособлена для плавания под парусом среди льдов и для волоковых операций на льду. В начале raita (местн. шведск. "экспедиция" от финск. и саамск. raito, raiddo; этот же термин использовался для иллюстрации миграционных процессов) судно перетаскивалось на киле лошадьми с материкового льда на полынью с открытой водой, которую зачастую можно было найти лишь на расстоянии десятков миль от берега. После этого лошади возвращались на берег жителями побережья. По ночам экипаж спал на судне, накрываясь квадратным парусом. Судно при этом вытаскивалось на наиболее крупную дрейфующую льдину. В дневное время охотники выходили с этой базы на промысел на паре небольших лодок (шведск. sjaljulle), куда они складывали свою добычу. Это был очень рискованный образ жизни, особенно когда во время штормов лед начинал раскалываться. Базовое судно могло быть раздавлено дрейфующими льдинами, а охотники, удаляясь достаточно далеко от базы, подвергались риску быть от нее отрезанными.

Многочисленные остатки фундаментов средневековых жилищ в местах, неподходящих для рыбной ловли, отмечают границы ареала осенне-зимней охоты на тюленей в Ботническом заливе (Lindström I., Olofsson L., 1993).

Образ жизни и культура охотников, промышлявших тюленей в Ботническом заливе (Bonns B., 1988; Gustafsson P., 1988), особенно с учетом деятельности этих людей на континенте, как нельзя лучше иллюстрирует картину водно-сухопутной экономической модели.

Амазонки, охотники и судостроители. Водно-сухопутный характер полного годового жизненного цикла в некотором смысле еще лучше отражен в сезонном образе жизни. Те же самые земледельцы, которые поздней осенью и в начале зимы охотились и занимались рыболовством во внутренних областях страны, выходили на промысел в открытое море в конце зимы, весной и ранней осенью. По мнению Элмера Тегенгрена, ситуация, при которой только женское население оставалось дома в течение путины, и явилась источником сообщений средневековых авторов, начиная с Адама Бременского, об амазонках, обитавших в этом районе Севера (Tegengren H., 1965).

Удивительно, что эти люди могли находить силы и время и для судостроения – еще одного зимнего сезонного занятия, типичного для Остроботнии, а позднее и для Северной Швеции. И здесь первое письменное известие принадлежит Олаю Магнусу. На его Морской карте (Carta Marina, 1539) на месте среднего течения одной из финских рек

около современного Нэрпеса сделана пометка "hic ricatur naves" ("здесь строят суда").

Материальные и людские ресурсы для судостроения в обширной внутренней Финляндии нелегально эксплуатировались "московитами" или карелами, присутствие которых отметил Олай Магнус в своих комментариях к Морской карте. Шитые лодки, вероятно, принадлежавшие карелам, были найдены на водных путях из Ладоги к оз. Пиелинен и р. Оулу (Ule) (Naskali E., 1980).

Водно-сухопутный характер балтийских путей. Волоки известны не только на севере Балтийского региона, но также и по всему побережью. От Скании на юге Швеции до Торнео на севере зафиксировано по крайней мере 22 таких пункта (Westerdahl C., 1989c, p. 195). На мой взгляд, можно говорить о трех основных разновидностях средневековых водных путей: 1) береговые водно-сухопутные пути; 2) прибрежные маршруты с гаванями для ночных стоянок; 3) морские пути с постоянным круглосуточным движением. Волоки находятся на береговых водно-сухопутных маршрутах.

С перечисленными разновидностями водных маршрутов связаны соответствующие типы судов. Пути первого типа тяготеют к берегу и пересекают мысы и полуострова посредством волоков. Здесь применялись гребные суда. Топонимия данных волоков аналогична топонимии рассмотренных ранее волоков, расположенных в глубине материка. Наиболее яркие примеры обнаруживаются между Худиксвалем и Содерхамном в Южном Норрланде (Швеция), где зафиксированы остатки небольших гребных судов. Некоторые из них найдены на переправах и пристанях, организованных королем и католической церковью. Здесь же могли присутствовать более крупные гребные суда норвежского типа. Судя по всему, суда этих типов, характерные для южной транспортной зоны, соответствовали дискретному характеру движения с остановками и были приспособлены для перевозки как людей, так и грузов.

На водных путях второго типа использовались суда длиной 12–14 м, оснащенные квадратным парусом, подобные тем, которые были обнаружены в виде остатков кораблекрушений в двух местах: Авафйердене в Вестерботтене и Кальвикене в Норрботтене. Обе находки датируются серединой XV в. Такие суда могли строиться вплоть до XVIII в., что нашло свое отражение в рисунках Валлина, сделанных во время путешествия по Ботнии в 1707 г. (Friberg N., 1951, I, p. 321). Вероятно, эти суда являлись прообразом фэльботов, позднее приспособленных для плавания во льдах.

Вероятно, такие плавсредства осуществляли прямые перевозки от порта, где начинался маршрут, к месту назначения. Мы располагаем, как будто бы, только одним косвенным свидетельством о перегрузке с речного транспорта в порту, находящемся в приустьевой части реки: это относящееся к середине XVI в. сообщение о судне типа хаксе на р. Онгерманэльвен (пережиточный тип судов, остававшийся в употреблении до начала XX в.) (Westerdahl C., 1989c). Нижнее течение реки, таким образом, можно представить как самостоятельную транспортную зону с присущими ей соответствующими типами судов. С другой стороны, транспортная схема в данном случае могла предусматривать зимнее передвижение по снегу и льду к береговым портам, откуда весной по мере таяния льдов начинали свое движение морские суда.

Дифференциация транспортных зон на побережье Норрланда. Передвижение между транспортными зонами побережья также частично носило сезонный характер. Весьма существенными в Швеции были различия между Южным Норрландом и Внутренней Ботнией. К югу от культурной границы Северного Онгерманланда (Westerdahl C., 1989a; 1990; 1994) фермеры перевозили свою сельскохозяйственную продукцию для продажи в южных городах – Стокгольме, Уппсале и других – зимой на санях. Летом в пределах района перевозки осуществлялись на лодках в весьма ограниченных масштабах. На севере же все грузовые перевозки в южнобалтийскую метрополию производились в течение лета на специально приспособленных для этого крупных судах. Такие суда у Олая Магнуса названы шитыми скутхами (scutha); к более позднему времени относится клинкерный тегельвракет (Tegelvraket), вероятно, XVIII в. из Бьюреклуба в Вестерботтене, описание и чертеж которого хранятся в музее Скэлефтео (Бьюроклуб;

остатки еще одного такого корабля, погибшего при кораблекрушении и относящегося, вероятно, к концу XVII в., найдены в Кальвикене в округе Лэвонгер (рис. 5). Вероятно, типы судов для этих транспортных зон Норрланда могут быть определены как местный фэльбот на севере и hахе на юге. Но значение терминов менялось. В контексте нашего исследования наибольший интерес представляют функциональные значения указанных разновидностей судов.

Плавсредства средневековых метрополий, несомненно, должны были иметь характеристики, близкие к параметрам коггообразных судов типа того, что было обнаружено на реке Селонгерсон. Дата этого судна по С-14 1350 г.н.э., калиброванная дата 1400 г.н.э. Подобный тип судов можно считать обычным для транспортных зон Балтийского моря.

Южане, например средневековые епископы из Упсалы, следовали традиционной схеме поездок на север (Friberg N., 1951; 1983). Нижний Норрланд можно было пересечь зимой, но для того чтобы достигнуть северных областей, суда должны были следовать прямо к месту назначения, проходя мимо южной береговой линии. Схема несколько видоизменилась, когда в конце XVI – начале XVII в. здесь возникли города, однако традиции фермерской торговли (с соответствующими перевозками) прослеживаются и в начале XIX в. Традиции прерываются с трудом, особенно при существовании устойчивых хозяйственных систем, отмечающих высокий статус и престиж отдельных районов.

Россия и зона заволочья. Обширная система волоков, связывающая различные водные системы во внутренних районах России, описана Кернером (Kerner R.J., 1946), подтвердившим справедливость именования Москвы "портом пяти морей". Границы русских княжеств раннего средневековья сформировались во многом в соответствии с географией водоразделов (Nosov E., 1992).

Археологические материалы, связанные с волоками, были впервые опубликованы Н.А. Макаровым (Makarov N.A., 1994). Сохранению расчищенных волоковых дорог на водоразделах вплоть до настоящего времени во многом способствовал тот факт, что эти пути использовались также в качестве зимних маршрутов. Подобное сохранение расчисток на волоках зафиксировано и на севере Швеции, где их использование в какой-то степени было возобновлено с началом применения снегоходов – своеобразных потомков лапландских саней.

Сходство между Фенноскандией и Россией позволило автору предложить для обозначения континентальных транспортных зон на всем Европейском Севере (рис. 10) русский термин "заволочье" (название одной из новгородских волостей). Указанный термин означает "земля за волоком" (русск. "волок" в других славянских языках имеет близкие, но несколько отличные значения: польск. wloka – буксировка лодки по реке). Главный водораздел расположен между реками, текущими на север (в Белое море и Северный Ледовитый океан), и теми, которые несут свои воды в Черное и Каспийское моря. Хотя топография волоков Фенноскандии и отличается от русской, основные принципы их водно-сухопутных транспортных схем сходны. Еще для эпохи неолита прослеживается коммуникационная зона на севере России, протянувшаяся от Уральского горного хребта до Ботнического залива, что подтверждают обнаруженный в Финляндии санный полоз уральского типа, изготовленный из сосны cembra, распространенной только в Северо-Восточной России и Сибири, а также большое число других находок (Kivikovski E., 1964, p. 58; Kerner R., 1946; Tegengren H., 1968).

Изучение накопленных к настоящему времени источников показало, что традиция изготовления шитых судов в России восходит по крайней мере к концу железного века. Лодки, иногда довольно крупные, представляли собой осиновые долбленки, расширенные с помощью огня и снабженные пришитыми или привязанными набоями (Forsell H., 1983). Техника шитья долго сохранялась при изготовлении малых судов из-за необходимости их демонтажа при перетаскивании на волоках.

Во время постройки в Роскильде копии долбленки salui из Борнео в 1984 г. мастер продемонстрировал операции с данным судном на водоразделе. Лодка была разобрана

на составные части, причем по два человека переносили долбленую килевую часть и каждый из набоев, а груз транспортировался остальным экипажем. Вероятно, нечто подобное делалось и в Русском Заволочье в древности. Продолжение традиций шитья в историческое время может быть объяснено необходимостью адекватной адаптации к длинным переходам через волоки в пустынных местностях типа eramaa. Значительно изношенный в таких условиях крепеж можно было легко заменить, так как материал для этого был всегда под рукой (как правило, еловые и сосновые корни, которые, однако, долго высушивались перед употреблением для шитья лодок или в качестве крепежа на других предметах, например маленьких коробах) (Granlund J., 1940).

Финская традиционная техника шитья единичным прерывистым швом (финск. nide, шведск. nast) была описана Генри Форсселом (Forsell H., 1983). Лингвист Олави Корхонен (Korhonen J.O., 1982) на основе новгородских находок и филологических исследований выдвинул гипотезу о присутствии славянских судовых терминов в финно-угорских языках. Последние исследования археологического судового материала подтвердили точку зрения Корхонена (Sorokin P., 1994). Скандинавская экспансия на Русь в эпоху викингов сопровождалась адаптацией к местным транспортным схемам, которые не были совсем неизвестны в Скандинавии, но к этому времени уже, вероятно, морально устарели.

Напомним, наконец, о ценнейшем письменном источнике – сочинении византийского императора Константина Багрянородного, который описал путешествие русов (варягов) в долбленых ладьях-однодеревках в Константинополь в X в. В частности, хорошо известно его описание волоков на днепровских порогах, причем названия этих порогов даются и на славянском, и на скандинавском языках (Jenkins R.H., Moravcsik G., 1955; Falk, 1951). Данный маршрут был предметом исследования Крумлина-Педерсена (Crumlin-Pedersen O., 1988; 1989), отметившего большое значение информации о запорожских казаках, которые в XVII в. преодолевали указанные пороги на специально приспособленных к этому лодках. Традиция использования шитых судов дожила в России до XX в. (Litwin J., 1985). Усложнение применяемых транспортных средств и характер их использования на внутренних путях в какой-то степени соотносимы со стадиальным уровнем развития русской государственности (Westerdahl C., 1992; 1993).

Заключение. Водно-сухопутный характер экономики и транспортной системы, таким образом, адекватен ландшафту, климату и культуре Северо-Восточной Евразии. Хорошо развитые водно-сухопутные транспортные схемы использовались на протяжении веков, позволяя обитателям региона охотиться на материке, путешествовать по побережью и отправляться на ледовый тюлений промысел в Ботнический залив или Белое море. Ключевым элементом в этой схеме является водораздел, который дает разделение территориальных зон с соответствующими волоками и моделями транзитных точек между зонами. Дальнейшее изучение водно-сухопутных транспортных систем, включая принципы формирования структуры транспортных зон, будет способствовать пониманию транспортных схем доисторического и раннеисторического времени. Предложенное исследование иллюстрирует "в транспортном аспекте" принцип la longue duree школы Анналов французской историографии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Стурлусон С., 1980. Круг земной. М.

Bonns B., 1988. Fälbatar och fälman // Bottnisk Kontakt IV. Skelleftea.

Brøgger A.W., Shetelig, 1951. The Viking Ship – their Ancestry and Evolution.Oslo.

Calonius, 1929. Handelsvagarna fran Vita havet till Bottniska viken // Budkavien 2/29. Abo.

Campbell A., 1948. Fran vidmark till bygd. En etnologisk undersokningav nybyggarkulturen: Lappland fore industrialismens genombrott. Uppsala. New ed as Norrlandska skriter nr. 10. Umea 1982.

Clarke J.G., 1952. Prehistoric Europe: The Economic Basis. London.

Crumlin-Pedersen O., 1988. Schiffe und Schiffahrtswege im Ostseeraum wahrend des 9.-12. Jahrhunderts // Oldenburg–Wolin–Staraja Ladoga – Kiev. Bericht der Romisch-Germanischen Kommission 69. Mainz, Gottingen?

Crumlin-Pedersen O., 1989. Vikingernes sovej til Byzans. Om betingelser for sofart ad flodvejene fra Osterso til Sortehav // Ottende tvaerfaglige vikingsymposium. Arhus.
Crumlin-Pedersen O., 1991. Sofart ag samfund i Danmarks vikingetid // Hovdingesamfund og kongemagt. Fra Stamme til Stat i Danmark.
Dahlstedt K., 1950. Det svenska Vilhelmina-malet I A–B (map 13 in I B). Uppsala; Kobenhavn.
Falk K.O., 1951. Dnjeprforsarnas namn i kejsar Konstantin VII Porfyrogennetos De administrandio imperio, Lunds universitets arsskrift N F avd 1. B. 46. V. 4. Lund.
Forssell H., 1983. Fynd av sydda batar i Finland. Batar 1. Skargardsmuseet 1 Perna akrifter. Helsingfors.
Forssell H., 1985. Sewn Boats in Finland // Sewn Planked Boats. BAR Int Ser 276. Greenwich; London.
Forssell H., 1986. Keuruun veneloydot // Keski-Suomi. Keski-Suomen julkaisuja. 18. Jyvaskyla.
Friberg N., 1951. Vagarna i Vasternorrlands lan I–II. Uppsala; Harnosand.
Friberg N., (with Inga Friberg), 1983. Stockholm i bottniska farvatten. Stockholm.
Gjessing G., 1941. Batfunnene fra Barset og Oksnes. Tromso museums arshefter. kulturhist avd. N 8. Vol. 58 (1935). Tromso.
Granlund I., 1940. Trakarl l svepteknik. Nordiska Museets Handlingar 12. Stockholm.
Granlund J., 1976. Olaus Magnus Historia om de nordiska folken I–IV. (Swed translation of Olaus Magnus from 1955 in reprint). Ostervala. English version translated by Peter Foote in the facsimile edition. Copenhagen, 1970.
Gustafsson P., 1988. Du ska inte soka salen- du ska soka isen. // Bottnisk Kontakt IV. Skelleftea.
Hesselman B., 1930. Langheden och Halsingskogen Namnstudier kring n gammal fardvag // Namn och Bygd 1930. Uppsala.
Hesselman B., 1935. Från Marathon till Langheden. Studier over vaxt- och naturnamn: Uppsala.
Jenkins R.H., Moravcsik G., 1955. Constantine Porphyrogennitus De administrando imperio. Greek text edited by Gy Moravcsik. English translation by R H J jenkins. Dumbarton Oaks.
Kerner R., 1946. The Urge to the Sea. The Course of Russian History. The role of rivers, portages, ostrogs, moasteries and furs. Berkeley; Los Angeles.
Kivikoski E., 1964. Finlands forhistoria. Helsingfors.
Korhonen O., 1982. Samisk-finska battermer och Ortnamnselement och deras slaviska bakgrund. En studie i mellanfolklig ordgeograft och mellanfolking kulturhistoria. Skr utg av Dialekt–Ortnamns– och Folkminnesarkivet i Umea. Ser A. Dialekter nr 3. Umea.
Kvist R., 1988. Klimathistoriska aspekter pa salfangsten i Osterbotten 1551–1610. // Bottnisk Kontakt IV. Skelleftea.
Lindstrom I., Olofsson L., 1993. Maritima fornlamningar i den bottniska skargarden // Arkeologi i norr 4/5 1991/92. Umea.
Litwin J., 1985. Sewn craft of the 19th century in the European part of Russia // Sewn Planked Boats. BAR International Series 276. Greenwich; Oxford.
Lund Niels, 1983. Ottar og Wulfstan. To rejsebeskrivelser fra vikingetiden. Vikingeskibshallen; Roskilde.
Lund Niels, 1984. Two voyagers at the court of King Alfred. The ventures of Ottar and Wulfstan together with the Description of Europe from the Old English Orosius. York.
Makarov N.A., 1994. Portages of the Russian North // Fennoscandia archaeologica. XI. Helsinki.
Manker E., 1947. De svenska fjallappparna. Stockholm.
Morcken R., 1980. Langskip, knarr og kogge. Nye synspunkter pa sagatidens skipsbygging i Norge og Nordeuropa. Bergen. Engl. summary.
Naskali E., 1980. A boat find in Raakkyla. A preliminary report on the find // The Maritime Museum of Finland. Annual Report 1979; Helsinki.
Nozov E., 1992. The Russian river systems and the formation of states. Pre-printed papers. Medieval Europe. 92. York.
Nymoen P.A., 1995. Sjoveien over land- om eid og batdrag i Midt-Norge // SPOR.N 1/95. Trondheim.
Olaus Magnus, 1972. Historia de gentibus septentrionallbus. Copenhagen.
Oldeberg A., 1956. "Tjautjerfyndet" i Vasterbotten och nagra paralleller till de dari ingaende foremalen // Fornvannen. Stockholm.
Pellijeft G., 1967. Archaeology and placenames // Hagberg. U.E. The Archaeology of Skedemosse II. Uppsala.
Schefferus J., 1673. Lapponia. Stockholm. With numerous translations in the following years to French. English. Dutch. German etc.
Simonsen P., 1970. Fortidsminner nord for polarsirkelen. Tromso; Oslo; Bergen.

Sorokin P., 1994. Some results of the study of medieval boatbuilding traditions in north-west Russia/Int. J. Nautical Archaeology. London etc.
Sturlason S., 1951. Heimskringla III. Islenzk Fornrit XXVIII. Reykjavik.
Tegengren H., 1965. Hunters and amazons // Hunting and fishing. Lulea.
Tegengren H., 1968. Gamla fardvagar fran Nordkalotten till Stilla Haven // Nordenskold-samfundets tidskrift XXVIII. Helsingfors.
Wahlberg F., 1956. Ackjefyndet fran Soukolojarvi // Norrbotten. Lulea.
Westerdahl C., 1985. Sewn Boats of the North I–II. A Preliminary Catalogue with Introductory comments // International Journal of Nautical Archaeology. Vol. 1–4. London.
Westerdahl C., 1987. "Et satt som liknar them uti theras ofriga lefnadsart", Om aldre samiski batbygge och samisk bathantering. Skrifter utgivna av Johan Nordlander-sallskapet 11. Umeå.
Westerdahl C., 1988. Saamish river boats- and a functional survival // Local Boats. ISBSA IV. BAR Int Series 438 (I–II). Oxford.
Westerdahl C., 1989a. Norra Angermanlands som kulturell granszon // The Kulturer. Medlemsbok for Johan Nordlander- sallskaper 5: Umeå.
Westerdahl C., 1989b. De forsta plasterna i Angermanlands lappmarken medeltida tradition // Oknytt. 1–2. Umea.
Westerdahl C., 1989c. Norrlandsleden. // Sources of the martitime cultural landscape. A handbook of marine archaeological survey. English summary (15 pp). Aktiv for norrlandsk hembygdsforskning XXIV. Harnosand.
Westerdahl C., 1990. En kulturgrans ur maritim synpunkt // Nurmi. V. Bottnisk. Kontakt V; Raumo.
Westerdahl C., 1992. Vikingatidens transportteknik i Ryssland // Ellevte tvaerfaglige vikingesymposium. Kobenhavns Universitet 1992. Arhus.
Westerdahl C., 1993. Verkehrstechnik auf Binnenwasserstrassen in Russland zur Wikingerzeit // Deutsches Schiffahrtsarchiv 15 1992. Bremerhaven.
Westerdahl C., 1994. Kulturgranszonen i norra Angermanland. Dess yttringer ett langre tidsperspektiv och nagra forslag till forklaringar. Kulturgranser- myt eller verklighet // DIABAS. 4. Skrifter fran den dialektgeografiska databasevid Umea universitet. Umea.
Widmark G., 1957. Order bot som appellativ och ortnamnelement // Namn och Byged. Uppsala.
Vilkuna J., Taavitsainen I-P., Forssell H., 1993. Suojoki in Keuruu. An ancient boat harbour in Central Finland. A Spirit of Enquiry. Essays for Ted Wright. Exeter.

Роскильде, Дания

KRISTER VESTERDAL

WATER AND LAND TRANSPORTATION SYSTEMS IN NORTHERN EUROPE: MEDIEVAL MODEL

Summary

Using the results of the studies of natural, geographic and economic aspects of Fennoskandia as a basis, the author offers a three-part scheme of northern transportation zones: a waterfront zone, a coastal zone, and an inland zone, each of them having specific forms of economy and transportation means, both water and land. Transit points (another new term introduced by K. Vesterdal) are linked with passages from one zone to another and are most often stipulated by natural watersheds. Specific complexes of archaeological finds that correspond to forms of economy which interrelate in these points and are consistent with transport means of bordering zones are linked to the said transit points. All above mentioned statements are confirmed by a huge ethnographic and archaeological material collected by the author himself and other scholars.

К 850 летию города Москвы

А.А. ЮШКО

К ИТОГАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ МОСКВЫ И ПОДМОСКОВЬЯ

В этом году Москва отмечает свое 850-летие, и закономерно возникает потребность оглянуться и кратко подытожить то, что было сделано на территории города и области за период, истекший со времени предыдущего юбилея (1947 г.)[1]

Подготовка к празднованию предыдущего, 800-летнего юбилея города начиналась за 8 лет до этого события, в 1939 г., когда при Институте истории АН СССР была создана Комиссия по истории Москвы. Ученым секретарем Комиссии был П.Н. Миллер. Одна из задач этой комиссии – подготовка к изданию шеститомной истории Москвы, первый том которой вышел в 1952 г. (История Москвы, 1952). При активном участии П.Н. Миллера на заседаниях Комиссии делались археологические доклады, построенные на основе наблюдений за земляными работами в процессе строительства крупных новостроек – главного здания Академии наук у Крымского моста, высотного здания на Котельнической набережной, на строительной площадке в Зарядье. К этому же времени относится появление двух важных работ по истории Москвы, принадлежавших перу М.Н. Тихомирова (Тихомиров М.Н., 1947; 1957). Работы эти затрагивали все аспекты жизни средневековой Москвы.

Объем археологических работ на территории Москвы и Подмосковья ранее никогда не был столь широк. В годы, предшествующие юбилею, проводились раскопки под руководством М.Г. Рабиновича в Москве в устье Яузы, на Котельнической и Подгорной набережных; Б.А. Рыбаковым в Звенигороде; Л.А. Голубевой в Верее и Рузе; А.В. Арциховским – Царицынских и Беседских курганов; А.Л. Монгайтом – Салтыковских курганов; Н.Н. Ворониным в Коломне. Материалы этих раскопок включены в два специальных тома МИА (МИА, 1947; 1949). Первый том – чисто археологический. Его открывала общая статья А.В. Арциховского, включавшая подробный очерк истории города и округи с перечнем "подлежащих решению проблем". Ученый выражал надежду, что "празднование восьмисотлетия нашей столицы подымет интерес к ее истории, и будут сделаны новые археологические открытия" (МИА, 1947, с. 8, 22). В первый том также вошли статьи о раскопках на территории города и округи (Н.Д. Виноградова, М.Г. Рабиновича, Е.И. Горюновой о раскопках в городе, А.В. Арциховского и А.Л. Монгайта о раскопках Царицынских и Салтыковских курганов).

Не утратили значения поныне и две статьи, посвященные составлению археологической карты Москвы и Московского края. О.Н. Бадер, опираясь на материалы собственных изысканий, картографировал памятники города и его ближайших окрестностей. Сводка С.К. Богоявленского по Московскому краю написана на основе публикаций до 1920 г.

---

[1] Археологические работы на территории Москвы за период 70-х – 90-х годов подытожены в статье Л.А. Беляева и А.Г. Векслера (Беляев Л.А., Векслер А.Г., 1996).

© А.А. Юшко, 1997 г.

Следующий том МИА осветил различные аспекты жизни средневековой Москвы и ее округи. Помимо публикаций материалов о раскопках М.Г. Рабиновича в устье Яузы, Б.А. Рыбакова в Звенигороде, Л.А. Голубевой в Верейском кремле, в том вошли работы археологов о московском гончарном производстве (М.Г. Рабинович), о горнах (В.А. Мальм), о глиняных игрушках (М.В. Фехнер), о железоделательном производстве в Московском государстве XVI в. (Б.А. Колчин). Интересна статья М.В. Фехнер, посвященная картографированию древних московских улиц, дорог, урочищ и слобод. На нумизматическом материале основана статья Г.Б. Федорова, в которой автор доказывал, что появление в Москве собственной монетной чеканки в середине XIV в. было насущной необходимостью, вызванной общим экономическим подъемом Московского княжества. Затрагивались и вопросы междукняжеских отношений (Б.А. Рыбаков. "Из истории московско-нижегородских отношений XV в."). Завершали том статьи, посвященные изучению архитектуры Московского княжества (П.М. Максимова, Н.Н. Воронина, П.А. Раппопорта).

Мы так подробно остановились на содержании "московских" томов МИА, чтобы показать, насколько комплексным был подход их составителей к изучению средневековой Москвы.

В 1946 г. в составе Института истории материальной культуры была создана постоянно действующая Московская экспедиция, которую возглавил М.Г. Рабинович. Ее первые крупные работы – раскопки в устье Яузы, на месте Таганского холма. Выбор места раскопок был неслучаен. Некоторые историки (И.Е. Забелин, вслед за ним М.Н. Тихомиров) высказывали мнение, что упоминаемое в поздних источниках "Городище за Яузою" может являться первоначальным поселением Москвы. Проведенные раскопки этого мнения не подтвердили, но и не опровергли, поскольку культурный слой оказался сильно перекопанным. Установлено, что поселение здесь существовало уже с XII в. и принадлежало "одному из окружающих Москву сел" (Рабинович М.Г., 1954, с. 83). Существовало оно и в XIV–XV вв. В XVI–XVII вв. здесь располагались ремесленные слободы. В XVII в. этот ремесленный район заселяют служилые люди и даже знать.

Постепенно ширился объем исследовательских работ в городе. Ими были охвачены Кремль, Заяузье, Занеглименье (см. общую схему археологических работ в Москве, проведенных в период 1946–1960 гг.; Рабинович М.Г., 1971, с. 10). В ходе этих работ решались многие вопросы исторической топографии города (Рабинович М.Г., 1947; 1949; 1951; 1954; 1955; 1962а, б; 1964; 1966; 1967; 1971; 1974; 1977). Утвердилось мнение, что центр города – детинец на Боровицком холме.

Из анализа материалов, полученных в процессе раскопок в Зарядье, следовало, что начало поселения здесь относится к XI в., т.е. к этому времени город "достиг уже значительных по тому времени размеров и его посад достигал линии современного Псковского переулка" (примерно 300 м к востоку от Кремля). Древнейшая керамика и вещи размещались преимущественно в южной части Зарядья, на основании чего выдвигалось предположение: в это время посад доходил до указанной территории лишь сравнительно узкой полосой по берегу реки, по обеим сторонам Великой улицы, которая, очевидно, уже тогда была важнейшей магистралью города, соединяющей центр с пристанью" (Рабинович М.Г., 1954, с. 83, 84).

Помимо раскопок в городе в этот период велись значительные работы на его периферии и в области.

В первой половине и в середине 50-х годов М.Г. Рабинович исследует территорию Тушкова городка (Рабинович М.Г., 1957; 1959; 1968). Памятник этот в свое время привлекался в качестве аргумента в известной дискуссии о поселениях между Н.Н. Ворониным (1935) и Б.А. Романовым (1960, с. 327–475). Н.Н. Воронин вслед за А.В. Арциховским утверждал, что Тушков городок, также, как и Вышгород Верейский, – типичный феодальный замок. Б.А. Романов справедливо указывал, что оба эти пункта – волостные центры Дмитрия Донского, и поэтому их следует рассматривать как княжеские городки, а не как боярские феодальные замки. В свете этой дискуссии

особенно интересны выводы, сделанные М.Г. Рабиновичем на основе раскопок. Были найдены вещи великокняжеской поры, золотое украшение в виде шестилепесткового цветка с зернью среднеазиатской работы; определено, что новые оборонительные валы были сооружены в XIV в. Все это позволило исследователю сделать заключение о том, что Тушков в XIV в. действительно принадлежал московской великокняжеской семье.

В 1954–1955 гг. подмосковные городища изучал П.А. Раппопорт (Раппопорт П.А., 1954; 1958; 1961), причем многие из них были впервые обследованы археологами. Были изучены такие памятники как Хотунь, Вышгород на Протве, Малоярославец, Оболенск. Исследована система их обороны, уточнены датировки. Центр Боршевской волости, упомянутой в духовной Калиты (ок. 1336 г.), впервые локализован на месте обследованного Боршевского городища близ Бронниц. В это же время М.Г. Рабинович проводил большие исследования на городище древнего Перемышля Московского (Рабинович М.Г., 1966, с. 209–214).

Археологические работы значительного размаха велись в этот период в Московском регионе Музеем истории и реконструкции Москвы. За период с 1946 г. по начало 50-х годов музеем были раскопаны курганные группы Яуза, Мякинино, Зюзино, Черемушки, Спас, Фили, Матвеевское. Материалы этих раскопок регулярно публиковались в "Трудах" музея.

Большой вклад в изучение материальной культуры древнерусского сельского населения (в том числе и подмосковного) внес третий крупный московский исследовательский центр – Государственный Исторический музей. В 1951 г. археологи музея приступили к изучению деревни северо-западной и северо-восточной Руси X–XIII вв. В основу работы положен археологический материал фондов различных центральных и периферийных музеев, подготовлено три выпуска "Трудов" музея по этой тематике под общей редакцией Б.А. Рыбакова (Труды ГИМ, 1956; 1959; 1967). В первом из них А.В. Успенской и М.В. Фехнер впервые предпринята попытка картографирования сельских поселений домонгольской поры лесной полосы Восточной Европы. Серию этих изданий завершила итоговая статья М.В. Фехнер. На основании сведений о более чем 170 поселений автору удалось сделать ряд выводов социально-экономического характера, в том числе о превалировании (до 70%) малодворных поселений, о возможности выделения погостов – центров сельских общин, а также частновладельческих поселений – центров вотчинного хозяйства. Правда, некоторые выводы М.В. Фехнер (об условности разделения поселений на городские и сельские, о малодворности домонгольской деревни и др.) подверглись критике со стороны В.В. Седова (Седов В.В., 1958).

Но вернемся к Москве. В 1953 г. Московскую экспедицию возглавил А.Ф. Дубынин. Стационарные раскопки на территории Китай-города были продолжены, их материалы регулярно публиковались (Дубынин А.Ф., 1955; 1956; 1957; 1959; Дубынин А.Ф., Соболева Д.А., 1963; Беленькая Д.А., Дубынин А.Ф., 1967). Работы осуществлялись к востоку от Кремля, на строительной площадке будущей гостиницы "Россия". Подтвердились выводы М.Г. Рабиновича о наличии здесь слоя домонгольского времени (находки десятков фрагментов стеклянных браслетов и других вещей домонгольской поры). Причем распространение этого слоя прослеживалось не только в виде узкой полосы вдоль берега реки, как полагал М.Г. Рабинович, но и на более широком пространстве, включая возвышенную часть Зарядья по направлению к современной улице Варварке. Более того, А.Ф. Дубынин полагал, что "возвышенная часть Зарядья, где обнаружен мощный (до 0,4–0,6 м) культурный слой домонгольского времени, – по-видимому, являлась в XII–XIII вв. более центральным местом, чем низменная полоса Подола". Причем слой этот начал отлагаться, очевидно, в конце XI в.: "большое же количество фрагментов стеклянных браслетов в культурном слое вполне подтверждает тот факт, что в XII в. Москва была уже поселением городского типа, а не селом" (Дубынин А.Ф., 1957, с. 123).

Раскопки Московской экспедиции 50-х годов позволили выявить особенности плани-

ровочной застройки этой части Зарядья. Для домонгольского периода характерна усадебная застройка, ориентированная на центральную часть города. С XV–XVI вв. ориентировка жилых построек соответствует частям света. В это время меняется и социальный состав населения: появляются более зажиточные усадьбы торговых и служилых людей, а также крупных мастеров-ремесленников.

Раскопки 1956 г. выявили большой архитектурный комплекс XVI–XVII вв., состоящий из остатков церкви Жен Мироносиц (XVI в.), построенной на месте одноименной деревянной церкви XV в. и частично перестроенной в XVII в. в большую хозяйственную постройку ("погреб каменный с выходом").

На материалах раскопок в Зарядье Д.А. Беленькой в 1972 г. была защищена кандидатская диссертация "История заселения территории Китай-города (Москва) конец XII – начало XVI вв." (Беленькая Д.А., 1972). В работе впервые высказана мысль об улично-усадебной застройке Московского посада, о принадлежности посадских усадеб крупным феодалам и купцам, рассмотрены вопросы исторической топографии этого участка города. На этих же материалах Д.А. Беленькой написан ряд статей, посвященных материальной культуре территории Китай-города (Беленькая Д.А., 1975; 1978; 1983).

На основании изучения керамических комплексов из раскопок Зарядья Р.Л. Розенфельдтом написана монография "Московское керамическое производство XII–XVIII вв." (Розенфельдт Р.Л., 1968а). Работа не утратила своего значения и поныне.

Помимо работ в городе Московская экспедиция проводила большие раскопки городищ эпохи железного века на периферии города и в области. Были исследованы дьяковские городища Потылиха (Розенфельдт Р.Л., 1969, с. 100–103) и Сетунское в черте современной Москвы, а также Троицкое (Дубынин А.Ф., 1964; 1970в; 1975; Дубынин А.Ф., Розенфельдт И.Г., 1970), Щербинское (Дубинин А.Ф., Розенфельдт И.Г., 1966; Дубынин А.Ф., 1967; 1970а; 1974; 1978), городище Кузнечики (Дубынин А.Ф., 1970б) на территории Подольского района. Кроме того в 1970 и 1971 гг. вышли из печати два тома, посвященных публикации материалов Троицкого городища (МИА, 1970; 1971), а в 1974 г. – сводная работа "Дьяковская культура", в которую вошли статьи А.Ф. Дубынина о Щербинском городище, И.Г. Розенфельдт о керамике дьяковской культуры и др. (Розенфельдт И.Г., 1974). Информация о работе Московской экспедиции регулярно публиковалась в "Археологических открытиях" за соответствующие годы.

Касаясь дьяковской тематики в Подмосковье, нельзя не упомянуть о больших обследованиях городищ железного века в долине р. Москвы, произведенных Н.А. Красновым и Ю.А. Красновым (Краснов Ю.А., Краснов Н.А., 1963, с. 204–218).

В 1961 г. Московской экспедицией было раскопано небольшое двухслойное городище Нездино в Волоколамском р-не (Дубынин А.Ф., 1961). Дьяковское в основе городище имеет и слои домонгольского времени, когда оно являлось феодальной усадьбой с обновленной системой обороны.

Продолжая дьяковскую тематику, следует вспомнить, что в 1954, 1961 и 1962 гг. А.В. Успенская и Ю.А. Краснов проводили раскопки Успенского городища (Успенская А.В., 1957; Краснов Ю.А., 1964). В отличие от остальных двухслойных памятников Подмосковья на этом городище удалось проследить остатки трех древнерусских жилищ.

В 1960–1961 гг. небольшие работы были проведены А.Г. Векслером на городище Боровский курган. Памятник этот, отличающийся от остальных городищ отсутствием земляных укреплений, также двухслойный, но стерильной прослойки между дьяковским и древнерусским временем выявлено не было. Этот же исследователь в течение 11 сезонов (1960–1973 гг.) вел раскопки Кунцевского городища (Векслер А.Г., 1969; 1970; 1974; Векслер А.Г. и др., 1972). Этот двухслойный памятник (вскрыто 75% площади поселения) был сильно испорчен грунтовым кладбищем XIV–XVII вв. Раскопки могильника дали интересную коллекцию крестов, наиболее ранние из которых восходят к XIII в.

В 1975, 1978 гг. К.А. Смирнов копал Мутенковское дьяковское городище в Кашир-

ском р-не. Выявлены остатки прямоугольной формы жилых построек. Городище датируется VII-VI–IV вв. до н.э. (Смирнов К.А., 1976; 1979).

Помимо исследования поселений на территории Подмосковья в 40–60-е годы широко велось изучение курганных древностей.

В 1946 г. А.В. Арциховский предпринимает раскопки Беседских курганов в окрестностях Москвы (Арциховский А.В., 1947; 1970). Исследование Большого Беседского кургана на основании тождества некоторых деталей погребального обряда с памятниками типа Шаньково и Поченок на Дону привело автора к выводу о том, что вятичи появляются в Подмосковье в середине I тыс. Позже эти выводы А.В. Арциховского подверглись резкой критике со стороны Е.И. Горюновой.

В 1956 г. Г.Ф. Соловьева попыталась выделить локальные группы на территории радимичей и вятичей на основании данных погребального обряда, вернее на основе одного его элемента – положения умершего в кургане (Соловьева Г.Ф., 1956, с. 138–172). Однако, как позже показала Н.Г. Недошивина, этот признак погребального обряда не этнический, а хронологический (Недошивина Н.Г., 1974, с. 10).

В 1950 – 80-е годы на территории Подмосковья велись массовые раскопки курганов такими исследователями, как А.В. Успенская (Звенигородские курганы) (Успенская А.В., 1953, с. 124–132), Г.А. Авдусина (курганы под Звенигородом) (Авдусина Г.А., 1962, с. 272–289), Ю.А. Краснов (Горышкино) (Краснов Ю.А., 1962, с. 302–304), Т.В. Равдина (Царицынские и Шишимровские курганы) (Равдина Т.В., 1963а, с. 213–216; 1966, с. 222–227), А.А. Юшко (Покровские и Стрелковские курганы) (Юшко А.А., 1967, с. 48–53; 1972, с. 185–198), Р.Л. Розенфельдт (Захрянинские, Константиновские и Залесьевские курганы, Григоровские, курганы у Серафимо-Знаменского скита, курганы у сел Битягово, Пузиково, Мансурово (Шейка I, II), Останкино II, Чекмово) (Розенфельдт Р.Л., 1964, с. 103–105; 1966, с. 202–204; 1967, с. 106–109; 1972; 1973а, б; 1978; 1979; 1980; 1981; 1983; 1988), Н.Г. Недошивина (Акатьевские и Новленские курганы) (Недошивина Н.Г., 1969; 1970), М.А. Сабурова (Московские курганы) (Сабурова М.А., 1975).

Накопление большого фактического материала позволило пересмотреть датировки, которые были в свое время предложены А.В. Арциховским для трех стадий вятичских курганов. В результате выяснилось, что первая стадия должна быть датирована рубежом XI–XII вв., а третья стадия – XIII в., т.е. в XIV в. вятичские комплексы не заходят, основная их масса приходится на XII–XIII вв. (Равдина Т.В., 1965, с. 136–142; 1968, с. 136–142; Недошивина Н.Г., 1968, с. 118–121).

На основании изучения всей массы курганных древностей в 1974 и 1975 гг. было закончено два важных исследования. В работе "Погребальный обряд вятичей XI–XIII вв." Н.Г. Недошивина пришла к интересным выводам, главный из которых состоит в том, что погребальный обряд не дает никаких данных, позволяющих выделить вятичский ареал среди других племен (Недошивина Н.Г., 1974 г.). Вследствие этого единственным критерием для выделения вятичей остаются женские украшения и прежде всего височные кольца.

Анализу вещевого материала вятичей посвящалась диссертация Т.В. Равдиной (Равдина Т.В., 1975). Исследовательница разработала типологию и хронологию семилопастных височных колец и пришла к заключению, что такие, считавшиеся ранее характерными для вятичей вещи, как решетчатые перстни, сердоликовые бусы (в сочетании с шарообразными из горного хрусталя) широко распространены на славянской территории и считать их племенным признаком вятичей нельзя. Единственным этнически определяющим признаком вятичей могут служить только височные кольца.

Но вернемся снова к археологическому изучению столицы. В 1959–1960 гг. в связи со строительством здания Дворца съездов на территории Кремля были проведены крупные археологические работы под руководством Н.Н. Воронина (Воронин Н.Н., Рабинович М.Г., 1963, с. 253–272). Анализируя данные этих раскопок, авторы пришли к заключению, что заселение древнейшей мысовой части Кремля относится к концу

XI – началу XII в. По мере накопления археологического материала, добытого в процессе раскопок на территории Москвы в конце 50–60-х годов развернулась дискуссия о датировке и местоположении древнейшего московского поселения.

М.Г. Рабинович, подводя итоги изучения культурного слоя Москвы, предложил членение его на три горизонта, причем древнейший из них отнесен к XI–XIV вв. (на территории Кремля и Зарядья) (Рабинович М.Г., 1964, с. 82). Подобные датировки вызвали возражения Р.Л. Розенфельдта (1957, с. 97) и Т.В. Равдиной (1963б, с. 98–109), которые полагали, что в Зарядье нет слоев древнее XII в. Т.В. Равдина относила нижний слой Зарядья скорее к XIII в., поскольку там не было ранней круговой керамики X–XI вв., а наибольшее число стеклянных браслетов залегало в нижних 10 см предматерикового слоя. На этом основании автор не видит данных выделять в Москве, в том числе и на Боровицком холме, поселения XI – первой половины XII в.

Что касается местоположения древнейшего московского поселка, то Р.Л. Розенфельдт, анализируя раскопочный материал 1953–1956 гг., пришел к выводу, что древнейшее поселение размещалось "западнее Зарядья, в районе Москворецкой улицы, и до 1156 г. представляло собой поселение сельского типа" (Розенфельдт Р.Л., 1957, с. 97).

М.Г. Рабинович придерживался другой точки зрения, считая, что увеличение мощности культурного слоя к западу, по направлению к Кремлю, служит доказательством того, что домонгольское поселение в Зарядье было окраиной древнего города, а его центр располагался в устье р. Неглинной (Рабинович М.Г., 1955, с. 82). Такой же точки зрения придерживался и А.Г. Векслер.

Н.С. Шеляпина обобщила материалы археологических работ на территории Кремля и показала, что древнее поселение на Боровицком холме представляло собой разновидность сложно-мысового городища, состоящего из двух жилых зон: 1) мысовая часть в устье р. Неглинной (Феодальный замок); 2) укрепленная средняя часть на территории которой были воздвигнуты первые укрепления 1156 г., причем древнейшая предматериковая зона нижнего слоя Кремля датируется концом XI–XII в. (Шеляпина Н.С., 1974).

В 1955 и в 1971 гг. было выпущено еще два тома МИА, посвященных московской тематике (МИА, 1955; 1971). Подавляющая часть статей, составляющих последний том, представляет собой публикации, написанные на основании археологических работ в разных частях города. Том открывает обзорная статья М.Г. Рабиновича о культурном слое центральных районов Москвы. Исследователь проследил границы распространения различных хронологических горизонтов культурного слоя центра Москвы и установил границу распространения древнейшего культурного слоя (XI – первая половина XII в.) на территории Кремля. Двухчастная планировка древнего кремлевского поселка трактуется М.Г. Рабиновичем как первоначальная крепость с примыкающим к ней предградьем (посадом), уже в 1156 г. вошедшим в черту городских укреплений.

Кремлевской тематике посвящены еще три статьи сборника: Н.С. Шеляпиной, подытожившей результаты археологических наблюдений в Кремле 1963–1965 гг., Д.А. Беленькой – о наблюдениях в Успенском соборе в 1966 г. и А.Г. Векслера о работах на территории палат Натальи Кирилловны.

На археологическом материале, происходящем из раскопок в Кремле 1959–1960 гг., написана статья Г.П. Латышевой о торговых связях Москвы XII–XIV вв., а на материалах из Зарядья – статья Р.Л. Розенфельдта об инструментах московских ремесленников. Заключает том статья А.В. Никитина, давшая критический разбор раскопок Н.П. Милонова 1933–1934 гг. в Дмитрове.

В этот период (60–70-е годы) продолжались значительные археологические исследования и на территории Подмосковья. Четыре сезона (1969–1975 гг.) В.В. Сидоров вел раскопки одного из самых интересных многослойных городищ Подмосковья – у с. Городище (Тростна). Раскопкам подверглась лишь южная, не разрушенная карьером часть городища (около 450 м^2) (Сидоров В.В., 1968; Сидоров В.В., Балин-

ский И.М., 1973; 1974; 1976). В древнерусское время (XII–XV вв.) жизнь на городище была гораздо более интенсивной, чем в дьяковское. Сохранились остатки двух жилых комплексов XII–XIII вв., отличающихся находками вещей феодального быта, что позволяет трактовать эти комплексы как остатки феодальной усадьбы.

В это же время (1963–1976 гг.) А.Г. Векслер проводил раскопки городища у д. Луковня на р. Пахра (Векслер А.Г., 1969; 1970; 1971; 1974; Векслер А.Г., Данилова О.М., 1976; Векслер А.Г. и др., 1977). В процессе раскопок удалось вскрыть больше половины поселения. Дьяковское в основе городище в северо-восточной своей части имеет слои древнерусского времени. Поселение снабжено сложной системой укреплений в виде четырех валов с южной стороны, где Пахра делает петлю, и двух валов с северной, напольной стороны. Исследования показали, что северная система укреплений относится к домонгольской поре.

Начиная с 1973 г. Х.И. Крис проводила регулярные раскопки Боршевского городища на р. Москве (Крис Х.И., Чернай И.Л., 1975; 1978; Крис Х.И. и др., 1976; 1977). Слой дьяковского времени (вплоть до VII в. н.э.) сменяется на этом памятнике домонгольским почти без всяких стерильных прослоек, причем в древнерусском слое найдено значительное количество предметов вооружения, что, видимо, связано с расположением памятника на древней Ордынской (Боршевской) дороге.

В течение четырех сезонов (1974–1986 гг.) автором статьи были продолжены раскопки одного из крупнейших городов Подмосковья – Звенигорода, начатые Б.А. Рыбаковым еще в военные годы (Юшко А.А., 1975; 1976а; 1988а; Юшко А.А. и др., 1977). Удалось проследить усадебную застройку города домонгольской поры, а также установить, что земляным укреплениям города времени Юрия Дмитриевича предшествовали деревянные укрепления домонгольского времени. В этот же период велись немногочисленные раскопки сельских поселений.

В 1965–1967 гг. А.Г. Векслер проводил раскопки Жуковского селища на р. Москве (Векслер А.Г., 1965; 1966; 1967; 1968). Памятник этот представляет значительный интерес в силу своей хронологии. Славянское население появилось здесь уже в IX в. и осело на месте поселка раннего железного века, причем жизнь на поселении в славянское время началась, очевидно, с возведения деревянных оборонительных конструкций. Селище прекратило существование в XIII в., по-видимому, в связи с монголо-татарским нашествием.

В 1968 г. автором этих строк проводились раскопки селища у Серафимо-Знаменского скита на р. Рожае (Юшко А.А., 1976б, с. 71–75). Селище с прилегающим к нему курганным могильником укладывается в хронологические рамки XII–XIV вв. На селище выявлено несколько жилых построек, представлявших, очевидно, наземные срубы с заглубленной подпольной частью и печами-каменками.

Во второй половине 70-х годов раскопки некоторых селищ в Подмосковье проводил А.К. Станюкович. Наибольшие по объему работы (~700 м^2) осуществлялись на селище близ д. Десна на одноименной реке (Станюкович А.К. и др., 1978; 1979; Станюкович А.К., 1980). Селище датируется серединой XI – первой половиной XIII в., причем оно содержит и материал предшествующих эпох – мезолита и железного века. На поселении выявлены остатки железоделательного, кузнечного и ювелирного ремесел.

Параллельно А.К. Станюкович проводил небольшие раскопки на близлежащем Писковском селище, которое вследствие его небольшого размера, находок большого числа сопел и криц трактуется исследователем как обособленная и синхронная Деснинскому селищу мастерская ремесленника-металлурга. Одновременно с этим А.К. Станюкович проводил выборочные раскопки окрестных курганов, в том числе в группе у д. Фоминское, где в 1979 г. им был раскопан курган с редким для Подмосковья случаем трупосожжения умершего.

Продолжая тему изучения сельских поселений, следует отметить, что в 1979–1980 гг. Музей истории и реконструкции Москвы проводил раскопки селища на правом берегу р. Сходня, на важном торговом пути на Клязьму, где вскрыто более 400 м^2.

Селище датируется XII–XIV вв., причем верхняя дата определяется находками монет XIV в. (Векслер А.Г., 1980; 1981).

В 1986 г. тот же исследователь провел раскопки Гжельского селища, расположенного на правом берегу р. Гжелки. Небольшой раскоп (24 м^2) показал, что мощность слоя на поселении достигает 1,3 м. Слой сильно насыщен керамикой. Датируется поселение XIV–XV вв. (Векслер А.Г., 1988).

Особую роль в изучении археологических памятников Подмосковья всех эпох следует отвести Р.Л. Розенфельдту. Начиная с конца 50-х годов и до самой смерти, работы, проводившиеся им в Подмосковье были практически ежегодными. Им обследованы многие сотни памятников, сняты их планы, выявлено большое число новых стоянок, фатьяновских могильников, дьяковских городищ, славянских сельских поселений, городищ и курганов. Многие из них были раскопаны (Розенфельдт Р.Л., 1960; 1964; 1966; 1967; 1968б; 1970; 1971; 1972; 1973а, б; 1975; 1976; 1978; 1979; 1980; 1981; 1983; 1988). Итогом этих работ было написание сводного тома о памятниках Московской области объемом 40 п.л. В настоящее время том подготовлен к изданию.

В конце 70-х–80-х годах на территории Подмосковья велись исследования, связанные с разработкой проблемы становления феодального землевладения. В 1978–1983 гг. автором статьи велись археологические обследования современных топонимов, которые могут быть связаны с великокняжеским и боярским землевладением на территории Московской земли (Юшко А.А., 1978; 1980; 1981; 1983). Материалы этих обследований подытожены в специальной статье (Юшко А.А., 1988б, с. 108–119). На основе обследования 111 пунктов феодального землевладения Московской земли XIV в. автор приходит к выводу о сложении крупного вотчинного хозяйства в нашем регионе не ранее конца XIII–XIV в., причем, как правило, все обследованные великокняжеские и боярские села – это новообразования XIV в.

К аналогичным выводам пришел и С.З. Чернов, изучавший проблемы землевладения в бассейне р. Вори (Чернов С.З., 1978; 1979; 1980; 1981; 1983а; 1988). Он предпринял сплошное археологическое изучение этого региона, привлекая обширный актовый материал Троице-Сергиева монастыря. Это позволило исследователю прийти к ряду интересных выводов, изложенных им в диссертации и в ряде статей (Чернов С.З., 1982а, с. 80–94; 1982б, с. 95–109; 1983б, в, с. 19–25).

В первой половине 80-х годов у исследователей, занимающихся изучением Подмосковья, пробудился интерес к памятникам ранних славян на территории региона. В 1981 г. М.И. Гоняный и А.К. Станюкович обследовали известные ранее поселения в районе с. Покров на р. Пахре (Покров-5) и Стрелково близ Подольска, которые были датированы ими IX–XI вв. и соотнесены с племенем голядь (Гоняный М.И., Станюкович А.К., 1983). В 1985 г. автор продолжил изучение селища Покров-5 (Юшко А.А., 1987, с. 103). Были выявлены остатки построек IX–XI вв. в виде слегка заглубленных в материк западин с характерными нишеобразными печами, а также большое количество ранней лепной и слегка правленной на гончарном круге керамики. Материалы этих раскопок, а также данные о других поселениях ранних славян в Подмосковье подготовлены автором к печати (Юшко А.А., в печати). Думается, что поселения типа Покров-5 можно отнести к памятникам роменской культуры, отстоящим далеко на восток от ее основного региона.

С 1981 г. в течение ряда лет Н.А. Кренке проводил раскопки Дьякова городища и окрестных поселений (Кренке Н.А., 1983, с. 65, 66; 1984, с. 63, 64; 1985; 1986; с. 57; 1987, с. 74, 75; 1988, с. 72). На городище выявлены остатки жилых сооружений в виде длинных наземных домов, проведены датировки различных слоев, изучена керамика.

Значительные по объему работы, связанные с изучением архитектурных памятников Подмосковья, проводил трест Мособлстройреставрация. Работы шли в таких крупных городах Московской земли, как Серпухов (Колышницын Н.В., Молчанов А.А., 1977; 1978; Колышницын Н.В. и др., 1979; Молчанов А.А., 1988), Можайск (Молчанов А.А., 1983) и Волоколамск (Молчанов А.А., 1981; Ивченков В.Л., 1988). В Серпухове работы велись на территории Высоцкого монастыря и на Соборной горе.

Что касается монастыря, то раскопки, связанные с изучением храма Зачатия Богородицы, показали, что место, занятое монастырем, было обжито задолго до основания обители в 1373 г. На Соборной горе также есть слои домонгольского времени (напомним, что первое летописное упоминание Серпухова относится к 1374 г.).

В Можайске, при изучении Старо-Никольского собора, расположенного на территории кремля, также были выявлены слои домонгольского времени (первое летописное упоминание города – 1277 г.). Этим же временем датируются и древнейшие слои Волоколамска (первое упоминание – 1135 г.).

В 1991г. вышла из печати монография автора этих строк "Московская земля IX–XIV вв.", подводящая итог изучению археологических памятников Подмосковья этой поры (Юшко А.А., 1991). В работе рассмотрены все виды археологических памятников, дана их классификация и типология. Привлечение круга письменных источников позволило проследить политическую историю региона и выявить особенности развития городов.

Наш обзор был бы неполным, если бы мы не остановились на изучении памятников первобытной археологии. Выявление их и раскопки связаны, прежде всего, с именем В.В. Сидорова. Им открыты неизвестные дотоле в Подмосковье стоянки палеолита, а также эпох мезолита и неолита, многие из которых были им исследованы (Сидоров В.В., 1969; 1970; 1971; 1972; 1977; Сидоров В.В., Балинский И.М., 1973; 1976).

В 1980 г. А.В. Трусов вел раскопки ранненеолитических стоянок в районе оз. Долгое и Круглое и соединяющей их небольшой р. Альбы, а также фатьяновского могильника Альба I (Трусов А.В., 1980).

В том же году А.Е. Кравцов, производя раскопки в бассейне р. Нерской, исследовал впервые обнаруженное в Подмосковье классическое фатьяновское поселение (у д. Беливо), а также вел раскопки мезолитической стоянки Беливо III и палеолитической Беливо IV (Кравцов А.Е., 1988).

И, наконец, завершить наш далеко не полный обзор проделанных археологических исследований на территории Московской земли за последние 50 лет следует очень ценным и полным изданием, содержащим сведения о всех подмосковных памятниках. Речь идет о подготовленных Сектором сводов Института археологии РАН трех выпусках "Археологической карты России" (1994–1996), посвященных описанию памятников Московской обл. Пока изданы памятники, расположенные на территории 29 районов Московской обл. Издание это энциклопедического характера и значение его трудно переоценить. Оно – важная составная часть инвентаризации археологического наследия. Впереди – издание остальных выпусков, также посвященных памятникам Московской обл.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Авдусина Г.А., 1962. Три курганные группы у Звенигорода // Историко-археологический сборник. М.

Археологическая карта России, 1994. Московская область. Ч. 1. М.

Археологическая карта России, 1995. Московская область. Ч. 2. М.

Археологическая карта России, 1996. Московская область. Ч. 3. М.

Арциховский А.В., 1947. Беседские курганы // КСИИМК. Вып. XXI.

Арциховский А.В., 1970. Большой Беседский курган // МИА. № 176.

Беленькая Д.А., 1972. История заселения территории Китай-города (Москва) конец XII – начало XV в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Беленькая Д.А., 1975. Красные изразцы Китай-города // КСИА. Вып. 135.

Беленькая Д.А., 1978. Английский двор в Москве // Древняя Русь и славяне. М.

Беленькая Д.А., 1983. Шиферная иконка из Зарядья // СА. № 2.

Беленькая Д.А., Дубынин А.Ф., 1967. Работы на территории Китай-города // КСИИМК. Вып. 110.

Беляев Л.А., Векслер А.Г., 1996. Археология средневековой Москвы (итоги исследований 1980–1990-х годов) // РА. № 3.

Векслер А.Г., 1965. Отчет об археологических раскопках Жуковского селища в Одинцовском районе Московской области в 1965 г. // Архив ИА РАН. Р-1. Д. 3088.
Векслер А.Г., 1966. Отчет об археологических раскопках Жуковского селища в Одинцовском р-не Московской области в 1966 г. // Архив ИА РАН. Р-1. Д. 3277.
Векслер А.Г., 1967. Раскопки в Западном Подмосковье // АО-1966. М.
Векслер А.Г., 1968. Жуковское селище под Москвой // АО-1967. М.
Векслер А.Г., 1969. Исследование городищ в Москве и Подмосковье // АО-1968. М.
Векслер А.Г., 1970. Работы в Москве и Подмосковье // АО-1969. М.
Векслер А.Г., 1971. Раскопки городищ в Москве и Подмосковье // АО-1970. М.
Векслер А.Г., 1974. Исследования городищ в Москве и Подмосковье // АО-1973. М.
Векслер А.Г., 1980. Раскопки Сходненского селища // АО-1979. М.
Векслер А.Г., 1981. Раскопки в Москве и Подмосковье // АО-1980. М.
Векслер А.Г., 1988. Раскопки Гжельского селища в Подмосковье // АО-1986. М.
Векслер А.Г., Данилова О.М., 1976. Раскопки Луковнинского городища в Подмосковье // АО-1975. М.
Векслер А.Г., Данилова О.М., Дукельский В.Ю., Розенфельдт О.Р., 1977. Раскопки городища Луковня в Подмосковье // АО-1976. М.
Векслер А.Г., Машек Н.Н., Фотеев Г.В., 1972. Раскопки Кунцевского городища в г. Москве // АО-1971. М.
Воронин Н.Н., 1935. К истории сельского поселения феодальной Москвы (новые исследования) // РА. № 3.
Воронин Н.Н., Рабинович М.Г., 1963. Археологические работы в Московском Кремле // СА. № 1.
Гоняный М.И., Станюкович А.К., 1983. Новые памятники в Подмосковье // АО-1981. М.
Дубынин А.Ф., 1955. Работы Московской экспедиции // КСИИМК. Вып. 57.
Дубынин А.Ф., 1956. Археологические исследования в Зарядье (Москва) // КСИИМК. Вып. 65.
Дубынин А.Ф., 1957. К истории Московского посада // КСИИМК. Вып. 68.
Дубынин А.Ф., 1959. Археологические исследования 1955 г. в Зарядье (Москва) // КСИИМК. Вып. 77.
Дубынин А.Ф., 1960. Археологические раскопки в Зарядье (Москва) в 1956 г. // КСИИМК. Вып. 79.
Дубынин А.Ф., 1961. Отчет Московской экспедиции за 1961 г. // Архив ИА РАН. Р-1. Д. 2328.
Дубынин А.Ф., 1964. Троицкое городище Подмосковья // СА. № 1.
Дубынин А.Ф., 1967. Клад Щербинского городища // КСИА. Вып. 112.
Дубынин А.Ф., 1970а. О некоторых предметах со знаками из Щербинского городища // МИА. № 176.
Дубынин А.Ф., 1970б. Городище Кузнечики в Подмосковье // СА. № 1.
Дубынин А.Ф., 1970в. Троицкое городище // МИА. № 156.
Дубынин А.Ф., 1974. Щербинское городище // Дьяковская культура. М.
Дубынин А.Ф., 1975. Каменные орудия Троицкого городища // КСИА. Вып. 141.
Дубынин А.Ф., 1978. Реконструкция производственных построек Щербинского городища // Проблемы советской археологии. М.
Дубынин А.Ф., Розенфельдт И.Г., 1966. Раскопки Щербинского городища в Московской области в 1963 г. // КСИА. Вып. 107.
Дубынин А.Ф., Розенфельдт И.Г., 1970. Постройки Троицкого городища (описание, стратиграфические данные, комплексы находок) // МИА. № 156.
Дубынин А.Ф., Соболева Д.А., 1963. Археологические работы в Зарядье (Москва) (1957–1961 гг.) // КСИИМК. Вып. 96.
Дьяковская культура, 1974. М.
Ивченков В.Л., 1988. Исследования древнерусского Волока Ламского // АО-1986. М.
История Москвы, 1952. Т. I. М.
Колышницын Н.В., Молчанов А.А., 1977. Раскопки в Серпухове // АО-1976. М.
Колышницын Н.В., Молчанов А.А., 1978. Раскопки в Серпухове // АО-1977. М.
Колышницын Н.В., Молчанов А.А., Шилов В.В., 1979. Исследования в Серпухове // АО-1978. М.

Краецов А.Е., 1988. Памятники эпохи камня и бронзы на р. Нерская // АО-1986. М.
Краснов Ю.А., 1962. Курганы с трупосожжениями у д. Горышкино // СА. № 3.
Краснов Ю.А., 1964. Раскопки на Успенском городище в 1961–1962 гг. // КСИА. Вып. 102.
Краснов Ю.А., Краснов Н.А., 1963. Обследование памятников дьяковской культуры в долине Москвы-реки // СА. № 1.
Кренке Н.А., 1983. Работы на территории охранной зоны заповедника "Коломенское" // АО-1981. М.
Кренке Н.А., 1984. Раскопки Дьякова городища 1981 г. // КСИА. Вып. 178.
Кренке Н.А., 1985. Раскопки на территории музея-заповедника "Коломенское" // АО-1983. М.
Кренке Н.А., 1986. Раскопки Дьякова городища и селища Чёртов городок // АО-1984. М.
Кренке Н.А., 1987. Раскопки селищ близ Дьякова городища // АО-1985. М.
Кренке Н.А., 1988. Раскопки Дьякова городища и селищ в его окрестностях // АО-1986. М.
Крис Х.И., Фоломеев Б.И., Чернай И.Л., 1976. Работы Второго отряда Московской экспедиции // АО-1975. М.
Крис Х.И., Фоломеев Б.И., Чернай И.Л., Глазко М.П., 1977. Работы Второго отряда Московской экспедиции // АО-1976. М.
Крис Х.И., Чернай И.Л., 1975. Раскопки городища Боршева Московская // АО-1974. М.
Крис Х.И., Чернай И.Л., 1978. Работы Второго отряда Московской экспедиции // АО-1977. М.
МИА, 1947. № 7. Т. I.
МИА, 1949. № 12. Т. II.
МИА, 1955. № 44.
МИА, 1970. № 156.
МИА, 1971. № 167.
Молчанов А.А., 1981. Работы в Волоколамском кремле // АО-1980. М.
Молчанов А.А., 1983. Раскопки в Можайском кремле // АО-1981. М.
Молчанов А.А., 1988. Работы в Серпухове // АО-1986. М.
Недошивина Н.Г., 1968. О датировке Белевского клада // Славяне и Русь. М.
Недошивина Н.Г., 1969. Акатовский курганный могильник XI–XII вв. в Подмосковье // Экспедиции ГИМ. М.
Недошивина Н.Г., 1970. Новленские курганы // АО-1969. М.
Недошивина Н.Г., 1974. Погребальный обряд вятичей XI–XIII вв. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
Рабинович М.Г., 1947. Гончарная слобода в Москве XVI–XVIII вв. // МИА. № 7.
Рабинович М.Г., 1949. Раскопки 1946–1947 гг. в Москве на устье Яузы // МИА. № 12.
Рабинович М.Г., 1951. Основные итоги археологического изучения Москвы // КСИИМК. Вып. 41.
Рабинович М.Г., 1954. Материалы по истории Великого посада Москвы // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. М.
Рабинович М.Г., 1955. Великий посад Москвы (по раскопкам 1951 г.) // КСИИМК. Вып. 57.
Рабинович М.Г., 1957. Золотое украшение из Тушкова городка // КСИИМК. Вып. 68.
Рабинович М.Г., 1959. Крепость и город Тушков // СА. № XXIX–XXX.
Рабинович М.Г., 1962а. К истории укреплений Московского Кремля // Историко-археологический сборник. М.
Рабинович М.Г., 1962б. Об этническом составе первоначального населения Москвы // СЭ. № 2.
Рабинович М.Г., 1964. О древней Москве. М.
Рабинович М.Г., 1966. К истории русской фортификации (укрепления Перемышля Московского) // Культура Древней Руси. М.
Рабинович М.Г., 1967. О возрасте и первоначальной территории Москвы // Новое о прошлом нашей страны. М.
Рабинович М.Г., 1968. Древние бронзовые украшения из Тушкова городка // Славяне и Русь. М.

Рабинович М.Г., 1971. Культурный слой центральных районов Москвы // МИА. № 167.
Рабинович М.Г., 1974. История Москвы. Краткий очерк. М.
Рабинович М.Г., 1977. Облик Москвы в XIII–XIV вв. // ВИ. № 11.
Равдина Т.В., 1963а. Царицынские курганы // СА. № 4.
Равдина Т.В., 1963б. Еще раз о датировке древнего слоя Москвы // СА. № 1.
Равдина Т.В., 1965. О датировке вятичских курганов // СА. № 1.
Равдина Т.В., 1966. Шишимровские курганы // Культура Древней Руси. М.
Равдина Т.В., 1968. Типология и хронология лопастных височных колец // Славяне и Русь. М.
Равдина Т.В., 1975. Хронология "вятичских" древностей. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
Раппопорт П.А., 1954. Обследование раннемосковских городищ в 1954 г. // КСИИМК. Вып. 62.
Раппопорт П.А., 1958. Укрепления раннемосковских городищ // КСИИМК. Вып. 71.
Раппопорт П.А., 1961. Военное зодчество Северной Руси // МИА. № 105.
Розенфельдт И.Г., 1974. Керамика дьяковской культуры // Дьяковская культура. М.
Розенфельдт Р.Л., 1957. К вопросу о начале Москвы // СА. № 4.
Розенфельдт Р.Л., 1960. Разведки в Московской области // КСИА. Вып. 79.
Розенфельдт Р.Л., 1964. Захряпинские курганы // КСИА. Вып. 99.
Розенфельдт Р.Л., 1966. Константиновские и Залесьевские курганы // СА. № 4.
Розенфельдт Р.Л., 1967. Григоровские курганы // КСИА. Вып. 110.
Розенфельдт Р.Л., 1968а. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. // САИ. Вып. Е1–39.
Розенфельдт Р.Л., 1968б. Разведки и раскопки вятичских курганов в Подмосковье // АО-1967. М.
Розенфельдт Р.Л., 1969. Городище Потылиха // КСИА. Вып. 119.
Розенфельдт Р.Л., 1970. Раскопки на р. Рожае // АО-1969. М.
Розенфельдт Р.Л., 1971. Новлянский фатьяновский могильник // СА. № 2.
Розенфельдт Р.Л., 1972. Раскопки подмосковных курганов // АО-1971. М.
Розенфельдт Р.Л., 1973а. Курганы у бывшего Серафимо-Знаменского скита на р. Рожае в Московской области // КСИА. Вып. 135.
Розенфельдт Р.Л., 1973б. Раскопки курганов у с. Битягово в 1968–1970 гг. // СА. № 1.
Розенфельдт Р.Л., 1975. Работы в Подмосковье // АО-1974. М.
Розенфельдт Р.Л., 1976. Разведки и раскопки в Подмосковье // АО-1975.
Розенфельдт Р.Л., 1978. Раскопки и разведки в Подмосковье // АО-1977. М.
Розенфельдт Р.Л., 1979. Полевые исследования в Подмосковье // АО-1978. М.
Розенфельдт Р.Л., 1980. Разведки и раскопки в Подмосковье // АО-1979. М.
Розенфельдт Р.Л., 1981. Раскопки и разведки в Подмосковье // АО-1980. М.
Розенфельдт Р.Л., 1983. Раскопки и разведки в Подмосковье // АО-1981. М.
Розенфельдт Р.Л., 1988. Раскопки и разведки в Подмосковье // АО-1986. М.
Романов Б.А., 1960. Изыскания о русском сельском поселении эпохи феодализма // Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII–XVII вв. М.; Л.
Сабурова М.А., 1975. Раскопки курганной группы у д. Морозово // АО-1974. М.
Седов В.В., 1958. Рец.: Очерки по истории русской деревни X–XII вв. // СА. № 1.
Сидоров В.В., 1968. Отчет о разведках в Московской области в 1968 г. // Архив ИА РАН. Р-1. Д. 3723, 3723а.
Сидоров В.В., 1969. Разведки неолита в Подмосковье // АО-1968. М.
Сидоров В.В., 1970. Мезолитические и неолитические памятники в Подмосковье // АО-1969. М.
Сидоров В.В., 1971. Раскопки и разведки памятников неолита и бронзы в Подмосковье // АО-1970. М.
Сидоров В.В., 1972. Отчет о полевой работе археологического отряда Московского областного краеведческого музея в 1972 г. // Архив ИА РАН. Р-1. Д. 4888.
Сидоров В.В., 1977. Раскопки в Московской Мещере // АО-1976. М.
Сидоров В.В., Балинский И.М., 1973. Тростенская экспедиция // АО-1972. М.

Сидоров В.В., Балинский М.И., 1974. Раскопки на Тростенском озере и Масловом болоте // АО-1973. М.
Сидоров В.В., Балинский И.М., 1976. Работы Московского отряда Окской экспедиции // АО-1975. М.
Смирнов К.А., 1976. Раскопки Мутенковского городища // АО-1975. М.
Смирнов К.А., 1979. Исследование Мутенковского городища // АО-1978. М.
Соловьева Г.Ф., 1956. Славянские союзы племен // СА. № XXV.
Станюкович А.К., 1980. Исследования Московской археолого-геофизической экспедиции // АО-1979. М.
Станюкович А.К., Вахрушин С.И., Калашников М.В., Кулешов Ю.Г., Тарнопольская Н.Б., 1978. Исследования Московской археофизической экспедиции // АО-1977. М.
Станюкович А.К., Вахрушин С.И., Калашников М.В., Кулешов Ю.Г., Нестеровская О.В., Тарнопольская Н.Б., 1979. Работы Московской археофизической экспедиции // АО-1978. М.
Тихомиров М.Н., 1947. Древняя Москва. М.
Тихомиров М.Н., 1957. Средневековая Москва. М.
Труды ГИМ, 1956. Вып. 32.
Труды ГИМ, 1959. Вып. 33.
Труды ГИМ, 1967. Вып. 43.
Труды МИРМ, 1954. Вып. пятый.
Трусов А.В., 1980. Работы Московского областного краеведческого музея // АО-1979. М.
Успенская А.В., 1953. Звенигородские курганы // КСИИМК. Вып. 49.
Успенская А.В., 1957. Успенское городище // КСИИМК. Вып. 68.
Чернов С.З., 1978. Разведки в бассейне р. Вори // АО-1977. М.
Чернов С.З., 1979. Разведки в бассейне р. Вори // АО-1978. М.
Чернов С.З., 1980. Разведки в бассейне р. Вори // АО-1979. М.
Чернов С.З., 1981. Разведки в бассейне р. Вори // АО-1980. М.
Чернов С.З., 1982а. Вотчина Ворониных (по актам Троице-Сергиева монастыря, устной традиции и археологическим данным) // Вестник Московского университета. Серия. 8. История. № 6.
Чернов С.З., 1982б. Воскресенская земля Троице-Сергиева монастыря (к интеграции методики археологии и специальных исторических дисциплин) // АЕ за 1981 г. М.
Чернов С.З., 1983а. Раскопки в бассейне Вори // АО-1981. М.
Чернов С.З., 1983б. Происхождение вотчин XIV–XV вв. в районе Троице-Сергиева монастыря (историческая география землевладения). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
Чернов С.З., 1983в. Корзенев (локализация центра волости московских князей XIV–XV вв.) // Проблемы истории СССР. Вып. XIII. М.
Чернов С.З., 1988. Разведки в бассейне Вори // АО-1986. М.
Шеляпина Н.С., 1974. Археологическое изучение Московского Кремля (древняя топография и стратиграфия). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
Юшко А.А., 1967. Раскопки кургана XI–XII вв. у с. Покров Московской области // КСИА. Вып. 110.
Юшко А.А., 1972. Покровские и Стрелковские курганы // СА. № 1.
Юшко А.А., 1975. Раскопки в Звенигороде Московском // АО-1974. М.
Юшко А.А., 1976а. Раскопки в Звенигороде Московском // АО-1975. М.
Юшко А.А., 1976б. Историческая география Московской земли (из предыстории с. Битяговского) // КСИА. Вып. 46.
Юшко А.А., 1978. Обследования на территории Московской области // АО-1977. М.
Юшко А.А., 1980. Обследования на территории г. Москвы и Московской области // АО-1979. М.
Юшко А.А., 1981. Археологические обследования в Подмосковье // АО-1980. М.
Юшко А.А., 1983. Работы в Московской области // АО-1981. М.
Юшко А.А., 1987. Раскопки селища Покров-5 // АО-1985. М.
Юшко А.А., 1988а. Раскопки в Звенигороде Московском // АО-1986. М.
Юшко А.А., 1988б. О феодальном землевладении Московской земли XIV в. // Археологические источники об общественных отношениях эпохи средневековья. М.

Юшко А.А., 1991. Московская земля IX–XIV вв. М.
Юшко А.А. (в печати). К вопросу о ранних славянах в Подмосковье.
Юшко А.А., Краснов Н.А., Чернов С.З., 1977. Раскопки в Звенигороде Московском и работы в Подмосковье // АО-1976. М.

Институт археологии РАН,
Москва

A.A. YUSHKO

THE RESULTS OF ARCHAEOLOGICAL STUDY OF MOSCOW AND THE MOSCOW LAND

Summary

The paper summarizes the results of archaeological studies on the territory of Moscow and the Moscow region over the period between the two jubilees of the city (the second half of the 1940s – the first half of the 1990s). The author traces the processes of archaeological material accumulation as well as acquaints the reader with the discussions that arose during this accumulation process: questions on the original settlement of Moscow, the dating of the Vatich ancient goods, etc. A large bibliography list is given as a supplement to the paper which will be undoubtedly useful to the reader interested in the issues of the archaeology of the Moscow region ancient history.

Е.К. СТОЛЯРОВА

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ХРОНОЛОГИЯ СТЕКЛЯННЫХ ИЗДЕЛИЙ МОСКВЫ XII–XIV вв.

Происхождение стеклянных археологических находок является одной из главных проблем для исследователей стекла. Ее решение тесным образом связано с изучением различных исторических и археологических вопросов, среди которых хронологические являются одними из основных.

В литературе, посвященной изучению истории стекла, была высказана гипотеза о существовании в древности и средневековье стеклоделательных центров или "школ" (Щапова Ю.Л., 1975, с. 135; 1983, с. 105). Суть ее состоит в различии сырьевых материалов, используемых для изготовления стекла, на разных территориях и в разные хронологические периоды. "Школы" также различались приемами обработки стекла и морфологией изделий. Таким образом, для решения проблемы происхождения стеклянных изделий, характеризующихся единством времени и места, необходимо сопоставить данные их морфологического, технологического и химического исследования.

Для проверки этой версии было использовано около тысячи стеклянных изделий (браслетов, бус, перстней, сосудов, вставок)[1], найденных на территории Москвы в разные годы и относящихся к периоду XII–XIV вв. Две трети изделий происходят с территории Московского Кремля, остальные – с территории Зарядья, Казанского собора и Богоявленского монастыря, Манежной площади (рис. 1).

В результате изучения морфологии, техники изготовления и химического состава стеклянных изделий Москвы XII–XIV вв. были выделены изделия древнерусских, византийских, сирийских, венецианских и западноевропейских центров. Вещи, изготовленные в древнерусских традициях (Киев, Смоленск, Полоцк), составляют 82,1%, продукция средиземноморских центров (Сирия, Византия, Венеция) – 9%, западноевропейский импорт – 8,9% (изделия западноевропейских центров, вероятно, происходят из мастерских Средней Европы, работавших на сырье или полуфабрикатах, привезенных из районов Средиземноморья).

Выбор подхода к изучению хронологии древностей определяет количество находок. Массовые находки позволяют применять методы статистики и теорию нормального распределения. Индивидуальные дают возможность разработать хронологическую шкалу, привлекая аналогии и другие дополнительные сведения.

Стеклянные изделия Москвы XII–XIV вв. включают и те и другие типы находок. Стеклянные браслеты являются массовыми находками. Остальные категории украшений (бусы, перстни, вставки) и сосуды немногочисленны.

Стеклянные браслеты в силу своей массовости наряду с керамическим материалом признаны датирующими для городского культурного слоя. Хронология ярусов Новгорода создавалась первоначально с учетом массовых археологических материалов, и в первую очередь стеклянных браслетов (Колчин Б.А., 1956, с. 122).

Из всей коллекции стеклянных браслетов, которая составляет 736 экз., мы выбрали два массива. Около трети всех стеклянных браслетов Москвы найдено при проведении

---

[1] Пользуясь случаем, приношу благодарность Т.Д. Пановой, Т.В. Авдусиной и Т.В. Скоробогатовой, предоставившим основной материал для исследования, А.Г. Векслеру и Ю.А. Лихтер – за возможность ознакомиться со статьей "Стекло и стеклянные изделия из раскопок на Манежной площади в 1993–1994 гг.", находящейся в печати, и базой данных.

© Е.К. Столярова, 1997 г.

археологических наблюдений у здания Крестовой-Патриаршей палаты и церкви Двенадцати апостолов в Кремле в 1963–1965 гг. Большое число найденных там браслетов – более 200 экз. (из них 96 имеют данные о глубине находок) – определило наш выбор. Второй массив – это браслеты из раскопок, проводившихся во дворе Оружейной палаты в 1979 и 1982 гг. Этот массив браслетов интересен не столько числом находок (там найдено 54 браслета), сколько их надежной стратиграфией – раскопки вели по слоям.

Первая группа браслетов происходит из 30 шурфов, которые были заложены по периметру Крестовой-Патриаршей палаты и церкви Двенадцати апостолов. Построим кривые распределения браслетов для каждого шурфа отдельно. В большей части шурфов у Патриаршей палаты найдено от одного до четырех браслетов. Очевидно, что небольшое число находок нельзя использовать для построения кривой распределения. Кривые распределения оказалось возможным построить только для четырех шурфов Патриаршей палаты (8, 18, 22, 27), где найдено от 6 до 27 браслетов (рис. 2, *1–4*). В шурфах у церкви Двенадцати апостолов найдено 22 браслета. Из них только для 11 находок из части шурфов (1, 2, 3, 10а, 40) есть данные о глубине залегания, без которых построение кривой распределения невозможно. Последние мы объединили вместе для построения кривой распределения (рис. 2, *5*). Рассмотрим каждую полученную кривую.

В шурфе 27 Патриаршей палаты найдено восемь браслетов. Несмотря на такое небольшое число находок, можно определить пик их распределения (глубина 535 см). Восходящая ветвь отсутствует. Слой с браслетами составляет 85 см (рис. 2, *1*).

Шурф 8: 27 находок дают два пика распределения браслетов – на глубине 470 см и 500 см. Совместим их по пикам. Восходящая и нисходящая ветви у обеих кривых несимметричны: нисходящие угнетены. Пики находятся не посередине: пик на глубине 470 см сдвинут вправо, пик на глубине 500 см – влево. Максимальный браслетоносный слой составляет 110 см (рис. 2, *2*).

В шурфе 22 найдено 12 браслетов. В этом шурфе пик обозначен явно и находится на глубине 300 см. Ветви кривой несимметричны – нисходящая угнетена. Пик расположен не посередине, а сдвинут влево. Браслетоносный слой составляет 15 см (рис. 2, *3*).

Шурф 18: несмотря на то, что здесь найдено всего шесть браслетов, пик находок можно определить (глубина 470 см). Ветви несимметричны, однако угнетения нисходящей ветви не отмечено. Пик находится не посередине, а сдвинут влево. Браслетоносный слой составляет 75 см (рис. 2, *4*).

Пять шурфов церкви Двенадцати апостолов (1, 2, 3, 10а, 40) дали 11 находок. Четко выражен пик распределения на глубине 498 см. Ветви несимметричны, но угнетения нисходящей ветви нет. Пик находок приходится не на середину, а сдвинут вправо. Браслетоносный слой составляет 160 см. Одна находка (глубина 345 см) далеко отстоит от пика находок, вероятно, это результат перекопа (рис. 2, *5*).

Наложим полученные кривые распределения, совместив их по пикам. В построении кривой участвуют 64 браслета. Рассмотрим вновь полученную кривую (рис. 3).

Пик находится не посередине, а сдвинут вправо. Восходящая и нисходящая ветви несимметричны: нисходящая ветвь угнетена. Основной браслетоносный слой составляет 120 см.

Обратимся к браслетам из раскопок во дворе Оружейной палаты. Там было найдено, как указано в публикации авторов раскопок, 54 браслета (Авдусина Т.Д. и др., 1989, с. 91). В коллекции Московского Кремля в настоящее время хранится 36. Такая выборка мала для надежных выводов, однако по ней можно установить тенденции развития, которые становятся заметными после 30 наблюдений (Ковалевская В.Б. (Деопик), 1965, с. 288).

Рассмотрим кривую распределения этих браслетов по пластам (рис. 4). Из рисунка видно, что эта кривая аналогична предыдущей: пик распределения сдвинут вправо и нисходящая ветвь угнетена. Основной браслетоносный слой составляет 160 см.

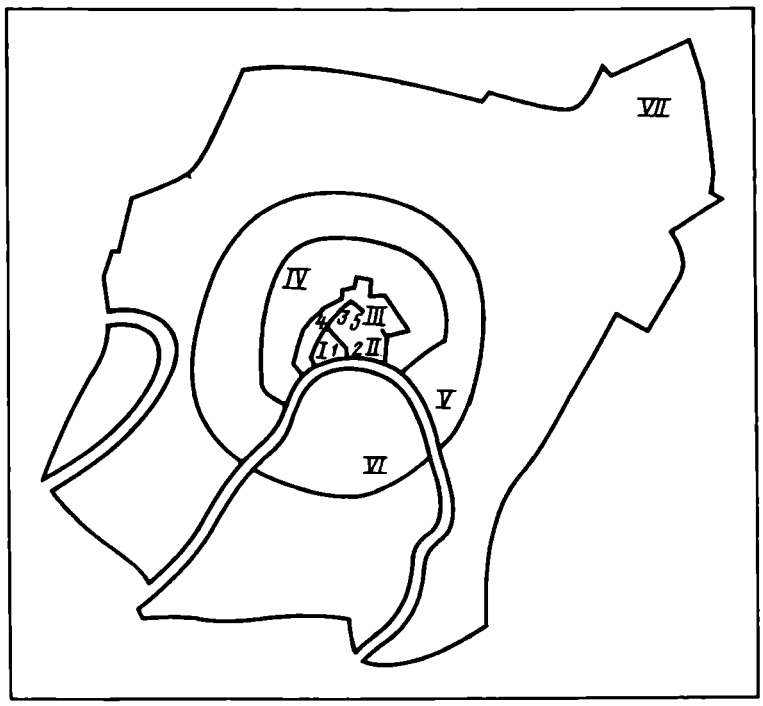


Рис. 1. Карта районов Москвы с находками стеклянных изделий XII–XIV вв.: *1* – Кремль, *2* – Зарядье, *3* – Казанский собор, *4* – Манежная площадь, *5* – Богоявленский монастырь. I – Кремль; II – Китай-город; III – центральные площади; IV – Белый город; V – Земляной город; VI – Замоскворечье; VII – Москва в границах XVIII в.

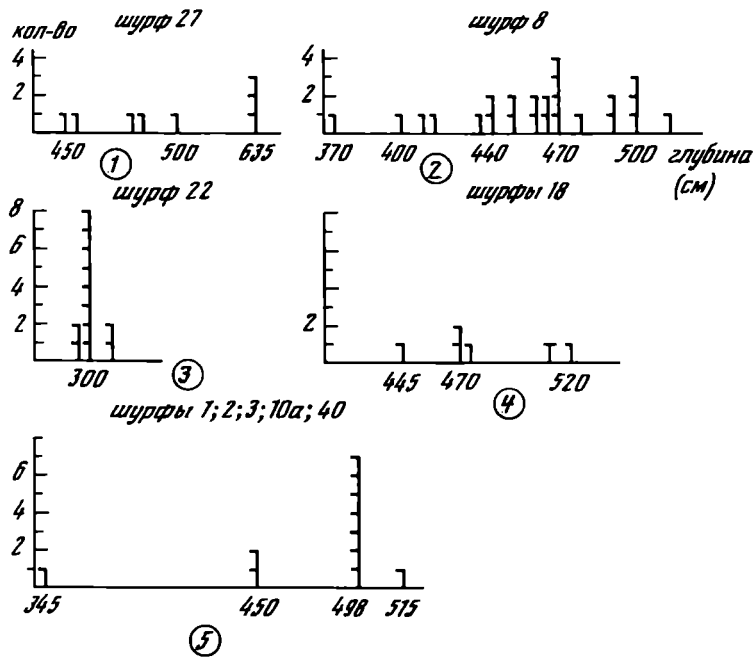


Рис. 2. Распределение стеклянных браслетов по шурфам: *1–4* – Крестовая-Патриаршая палата (шурфы 27, 8, 22, 18); *5* – церковь Двенадцати апостолов (шурфы 1, 2, 3, 10а, 40)

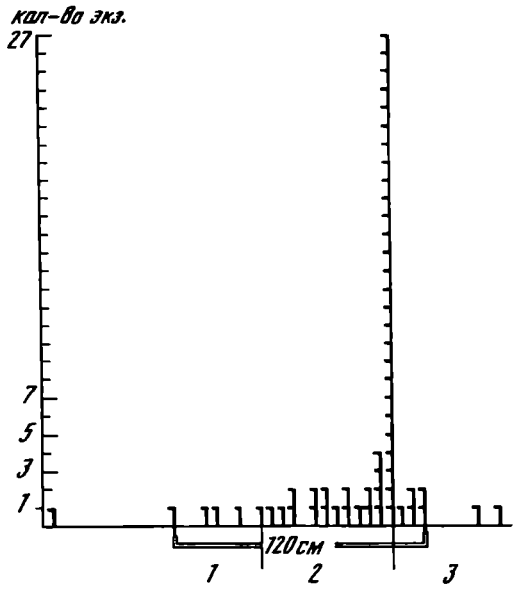


Рис. 3

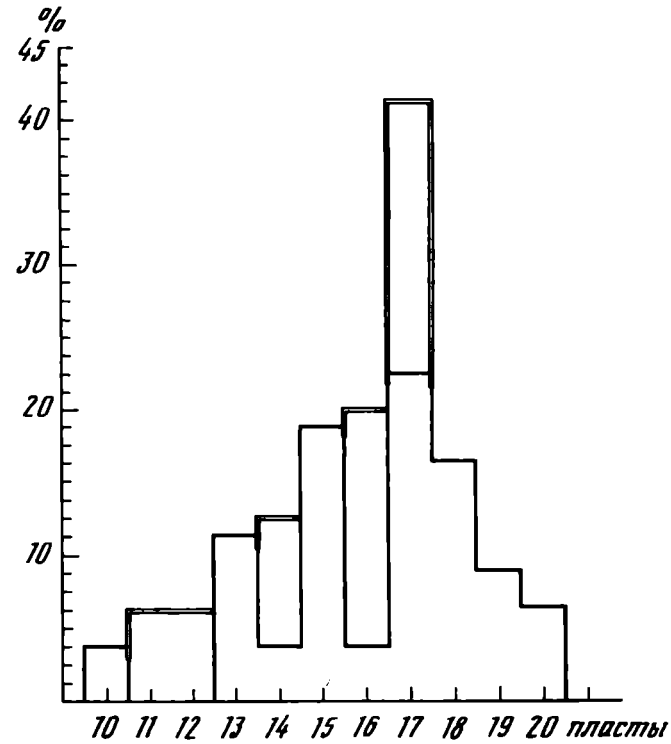


Рис. 4

Рис. 3. Распределение московских стеклянных браслетов (по материалам Крестовой-Патриаршей палаты и церкви Двенадцати апостолов (совмещение по пикам): *1* – слои второй половины XIII в.; *2* – слои первой половины XIII в.; *3* – слои второй половины XII в.

Рис. 4. Распределение московских стеклянных браслетов (по материалам Оружейной палаты; гистограмма выровнена в пределах доверительных интервалов)

В древнерусских городах, таких как Новгород, Полоцк, Туров, Новогрудок, от 25 до 75% всех браслетов приходятся на слои первой половины XIII в., причем максимальное количество находок приходится на годы, непосредственно предшествующие монгольскому завоеванию (Щапова Ю.Л., 1969, с. 105). На этом основании пик распределения наших браслетов можно отнести к рубежу – началу XIII в. (рис. 3 и 4). Данные о скорости накопления культурного слоя в древнерусских городах, а также поведение обеих кривых позволяют отнести середину XIII в. к горизонту 15-го пласта (рис. 4), или через 60 см от пика влево (рис. 3). В пользу этого предположения говорит и тот факт, что в шурфе 8 у Крестовой-Патриаршей палаты слой пожара 1237 г. находится на 40–60 см выше пика находок браслетов (Шеляпина Н.С., 1971, с. 129, 130). Изучение распределения стеклянных браслетов из Оружейной палаты позволило сократить слой, датируемый автором раскопок первой половиной XIII в. Исследователи относят к этому времени пласты 12–17 (Авдусина Т.Д. и др., 1989, с. 92). Мы полагаем, что этим периодом можно датировать пласты 15–17 (рис. 4).

Проверим полученную нами хронологическую шкалу с помощью теории нормального распределения. Известно, что 65% находок ($\bar{M} \pm \sigma$) описывают главное время существования вещей, а 95% ($\bar{M} \pm 2\sigma$) – основное время (Щапова Ю.Л., 1986, с. 94). Среди браслетов из Крестовой-Патриаршей палаты в главное время существования изделий (первая половина XIII в.) попадают около 80% браслетов, а основное время бытования браслетов (120-сантиметровый слой) описывают 95% браслетов. Среди браслетов из Оружейной палаты в первую половину XIII в. попадают 53% браслетов, а на основное время существования вещей (13–20-й пласты) приходятся 97% всех браслетов (рис. 3, 4).

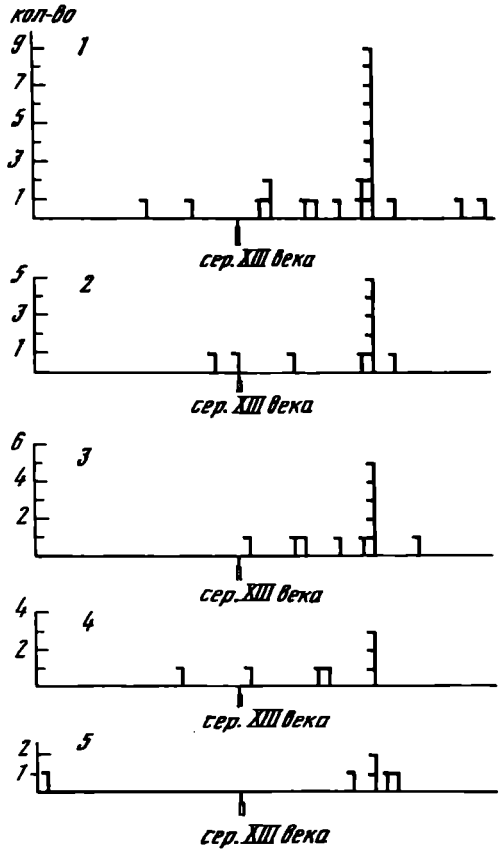


Рис. 5

Рис. 5. Распределение стеклянных браслетов из Крестовой-Патриаршей палаты и церкви Двенадцати апостолов по цветам: *1* – коричневые браслеты; *2* – фиолетовые браслеты; *3* – зеленые браслеты; *4* – бирюзовые браслеты; *5* – синие браслеты (двойная линия указывает середину XIII в.)

Рис. 6. Хронологическое распределение стеклянных браслетов: *1* – вторая половина XIII в.; *2* – первая половина XIII в.; *3* – вторая половина XII в. (*а* – по материалам Крестовой-Патриаршей палаты и церкви Двенадцати апостолов; *б* – по материалам Оружейной палаты)

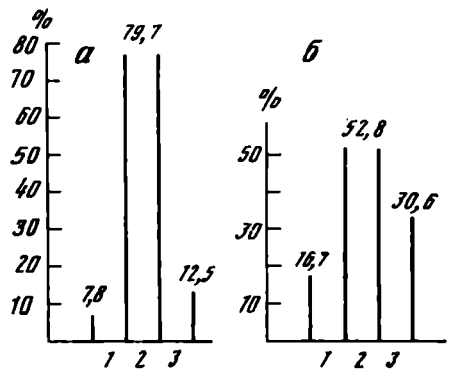


Рис. 6

Обе московские кривые отличаются от нормальной. Наиболее близка к нормальной кривая распределения новгородских находок, где развитие браслетов не зависело от внешних факторов, а было естественным и закономерным (Щапова Ю.Л., 1972, рис. 27, *2*; 1986, рис. 12, 13, 16, *1*). Новгородские браслеты встречаются с 3-го по 23-й ярус (с 1055 по 1429 гг.). Пик находок приходится ровно на середину – 14-й ярус (1242 г.). В нашем случае пик находится не в середине, а сдвинут вправо и приходится на более раннее время – начало XIII в. Такой же сдвиг вправо наблюдается при рассмотрении распределения браслетов из Пинска (Щапова Ю.Л., 1972, рис. 27, *1*). Но в Москве этот сдвиг еще более ярко выражен. Можно связать это с тем, что история браслетов в Москве начинается, вероятно, позже, чем во многих древнерусских городах. Установлено, что самые ранние слои в Московском Кремле относятся к середине XII в. (Авдусина Т.Д. и др., 1989, с. 94). В связи с этим можно предположить, что первые браслеты в Москве появляются примерно с 60-х годов XII в. Ветви кривой распределения новгородских браслетов симметричны в отличие от наших кривых, у которых восходящие ветви плавные, а у нисходящих ветвей отмечается резкое падение. Подобная картина наблюдается у кривой распределения браслетов киевского производства на всей территории Руси, ветви которой несимметричны: восходящая плавно поднимается вверх, а нисходящая резко и сразу падает вниз (Щапова Ю.Л., 1972, рис. 30; 1986, рис. 16, *2*). В известной мере отличия распределения московских браслетов от нормального определяет небольшое число находок. Доверительные интервалы, которые допускают коррекцию кривой, делают очевидным, что наши кривые в отличие от новгородской представляют не естественное развитие явления, а процесс, на который воздействуют внешние факторы. В истории Москвы, как и всей Руси, таким фактором является монголо-татарское нашествие. В 1240 г. Киев – основное место производства московских стеклянных браслетов – был разорен. В результате прекращения там производства

стеклянных браслетов продукция киевских мастерских резко исчезла и с московского рынка.

Для решения проблем хронологии и происхождения браслетов представляется интересным рассмотреть специально браслеты второй половины XIII в. В помонгольских слоях не должно бы быть синих, бирюзовых и фиолетовых браслетов, которые поступали в Москву из Киева. Среди браслетов из Крестовой-Патриаршей палаты по нашим данным есть бирюзовые, фиолетовые и синие браслеты (каждого цвета по 1 экз.) в слоях второй половины XIII в. (рис. 5). Среди браслетов из Оружейной палаты есть один бирюзовый браслет (один на весь 20-сантиметровый пласт № 14), который найден в слое второй половины XIII в.

В помонгольское время браслеты состава, аналогичного киевскому (K–Pb–Si) изготавливали в небольшом количестве в Новгороде. Данных явно не достаточно для того, чтобы предположить снабжение Москвы из единственно возможного для этого периода источника.

В новгородских слоях второй половины XIII–XIV в. в быту сохраняется до 4% вещей киевского производства (Щапова Ю.Л., 1972, табл. 6). В нашем случае изделия предполагаемого киевского производства составляют от 3 до 5% от всех браслетов. И хотя браслеты, как и посуда, и оконное стекло, в отличие от бус и перстней редко переживают время своего производства из-за хрупкости материала, полученные данные позволяют видеть в находках синих, бирюзовых и фиолетовых браслетов в монгольских слоях скорее свидетельство сохранения браслетов в быту, чем признак нового источника импорта.

Начало истории стеклянных браслетов в большинстве городов Древней Руси (Полоцке, Смоленске, Новогрудке, Костроме, Турове, Пинске) приходится на середину XII в. (Щапова Ю.Л., 1969, с. 104, 105). Исключение здесь составляют Новгород, Любеч, Церковище, где самые первые браслеты появляются с 30-х годов XII в. (Щапова Ю.Л., 1972, с. 121, 136, 146–147; Полубояринова М.Д., 1963а, с. 170). Максимум находок в городских слоях приходится на первую половину XIII в. (Щапова Ю.Л., 1969, с. 105). Следует отметить, что история новгородских браслетов в середине развития также отличается от ее истории в других древнерусских городах. В Новгороде максимальное количество браслетов относится к рубежу XII–XIII вв. – 70-м годам XIII в. (Щапова Ю.Л., 1972, табл. 19; Полубояринова М.Д., 1963а, с. 170). Этот период значительно шире по сравнению с другими городами. Заключительный этап развития стеклянных браслетов в различных городах протекает по-разному (Щапова Ю.Л., 1969, с. 105). В городах, имеющих собственное производство браслетов (Новгород, Смоленск, Полоцк, Церковище), в слоях второй половины XIII–XIV в. насчитывается от 20% браслетов и выше. В другой группе городов, не имеющих собственного производства браслетов, в монгольское время присутствует менее 20% браслетов.

Соотнесем распределение стеклянных браслетов Москвы (на примере браслетов Кремля) с историей браслетов других древнерусских городов. Нам представляется, что первые находки стеклянных браслетов в Кремле указывают на 60-е годы XII в. (рис. 3, 4). Пик приходится на начало XIII в. К первой половине XIII в. относится основное количество стеклянных браслетов (50–80%). Монгольские слои содержат от 8 до 17% браслетов (рис. 6). Москва попадает в группу городов, не имеющих собственного производства браслетов, у которых в помонгольское время стеклянных браслетов меньше 20%. Частота находок браслетов в монгольских слоях составляет от 0,08 до 0,17. Московские находки не попадают ни в первый, ни во второй типы распределения стеклянных браслетов (Щапова Ю.Л., 1972, с. 174). Первый тип распределения означает в основном киевское происхождение браслетов, второй описывает распределение браслетов в городах, где существовало собственное браслетное производство в дополнение к киевскому ввозу. Вероятно, в Москве мы имеем третий случай, когда в городе нет собственного производства, а браслеты поступают не из одного источника, а из нескольких (Щапова Ю.Л., 1972, с. 174, 175).

Датировать стеклянные изделия по аналогиям в ряде случаев сложно, так как подобранные в разных городах аналогии дают разное время бытования одних и тех же изделий. Даты, установленные для предметов по данным одного города, являются нехарактерными для другого. В то же время общая дата получается чрезвычайно широкой – XI–XIV вв. (Щапова Ю.Л., 1956, с. 164–179; Щапова Ю.Л., Дайга И.В., 1961, с. 185–195; Никольская Т.Н., 1981, с. 235–237; Полубояринова М.Д., 1987, с. 162–168; 1988, с. 152–184). Поэтому проблема датировки была поставлена в зависимость от происхождения изделий, и определены возможные границы бытования древнерусских, византийских, сирийских, венецианских и западноевропейских вещей.

Рассмотрим хронологию индивидуальных находок по категориям.

Перстни (их 47) распались на 3 группы по происхождению: древнерусские, византийские и западноевропейские.

Основную массу перстней (36) составляют одноцветные бирюзовые, желтые и зеленые непрозрачные перстни, щитки у которых изготовлены в основном вместе с обручем, однако встречаются экземпляры с отдельно исполненным щитком. Химический состав этих перстней, сваренных на золе растений пустынной зоны – четверная шихта Na–Ca–Pb–Si (ан. 251:13, 252:3–4; номера анализов даны по регистрационной книге, которая хранится в лаборатории спектрального анализа на кафедре археологии МГУ). Они отнесены к западноевропейскому производству. Подобные перстни в Новгороде известны из 7–11-го ярусов, которые датируются концом XIII – второй половиной XIV в. (Щапова Ю.Л., 1963, табл. 2, 3). Такие же перстни происходят из Болгар. Здесь они найдены в более древних слоях XII – начала XIII в., но есть и в слоях середины XIII – начала XIV в. (Полубояринова М.Д., 1988, табл. 8, 10).

Среди находок этой группы несколько перстней (четыре) имеют данные о глубине и происходят из шурфов и раскопа, датировки которых установлены нами по распределению стеклянных браслетов (шурф 27 у Патриаршей палаты и раскоп около Оружейной палаты). Глубины залегания этих находок во всех четырех случаях соответствуют второй половине XIII в., что не расходится с данными, полученными нами по аналогиям (рис. 2–4).

Работа по установлению хронологии западноевропейских перстней позволяет уточнить их происхождение. Мы предположили производство этих изделий в мастерских Западной Европы из средиземноморских полуфабрикатов, сваренных на натриевом растительном сырье. Для периода второй половины XIII–XIV в. изготовление полуфабрикатов данного состава можно локализовать в Венеции, мастерские которой начинают действовать после 1204 г. Венецианские мастера в качестве сырья использовали золу морских водорослей, содержащих соли натрия.

Небольшую группу перстней представляют перстни византийского производства. Это перстни с многоцветной основой, прозрачной и непрозрачной, у которых щитки изготовлены отдельно от обруча, а сами обручи декорированы (три). К перстням, изготовленным в мастерских Византии, относятся и сине-фиолетовые прозрачные перстни со щитками, полученными вместе с изготовлением обруча методом прессования (два). Эти перстни сварены по античному рецепту (сода – известь – песок; ан. 252:15; 270:18). Остальные перстни этой группы (два) бирюзового цвета, непрозрачные, имеют состав Na–Pb–Si (ан. 252:5; 270:19). Аналогичные перстни известны в Новгороде с 27-го яруса и не позднее 18-го яруса, что соответствует концу X – первой половине XII в. (Щапова Ю.Л., 1963, табл. 3). Древнейшие слои в Москве составляют середину XII в. С другой стороны, верхняя граница возможного византийского импорта на Руси – 1204 г. – дата захвата и разорения Константинополя крестоносцами.

Третья группа – перстни древнерусского производства (четыре). В нашей выборке присутствуют синие и зеленые прозрачные и полупрозрачные перстни со щитками, изготовление которых не отделено от изготовления обруча. Такие перстни сварены по классическому древнерусскому рецепту (K–Pb–Si; ан. 252:13–14). Новгородские аналоги датируют эту группу 11–22-м ярусом, что соответствует 70-м годам XI – концу XIII в. (Щапова Ю.Л., 1963, табл. 3). В Слободке находки таких перстней дают

более узкую дату – они встречены в слоях конца XII – начала XIII в. (Полубояринова М.Д., 1987, с. 162–168). Изготовление их, связанное с Киевом, было прекращено в 40-е годы XIII в.

Появление на древнерусском рынке перстней из Западной Европы во второй половине XIII в. связано с прекращением импорта перстней из Византии и производства их в Киеве в середине XIII в. Стеклянные перстни – одно из украшений средневекового костюма – исчезли из торгового оборота, однако потребность в них осталась. Перстни-кольца, круглые в сечении, изготовляемые из стекла состава Pb–Si в Новгороде в конце XIII – начале XIV в., среди наших изделий не отмечены. Видимо, изделия этого производства в Москву не поступали. В результате западноевропейские перстни стали преобладающими.

Бусы (90 экз.) разделены на три группы по их происхождению: сирийского, византийского и древнерусского производства.

Наиболее многочисленную группу составляют бусы древнерусского производства (76). Спектральные анализы бус дали во всех случаях (для анализа были отобраны всего три бусины) одинаковый состав стекла – K–Pb–Si (ан. 252:2, 16, 372:2). Бусы этого класса окрашены в коричневый (черный), фиолетовый, зеленый, бирюзовый, синий и желтый цвета и изготовлены с помощью индивидуальной и серийной навивки. Возможно, московские изделия содержат бусы и другого состава – Pb–Si. Ими могут быть бусы из непрозрачного красно-коричневого и черного стекла с декором в виде спиралей, которые, вероятно, были изготовлены из отходов производства смальт.

Для изделий, в том числе и бус, которые производили из стекла класса K–Pb–Si главным образом в Киеве, 1240 г. можно принять в качестве верхней хронологической границы. Бусы, изготовленные из бесщелочного свинцового стекла, производство которых существовало в Новгороде, Смоленске, Полоцке и Церковище, известны начиная с середины XII в. Вероятно, они бытуют и во второй половине XIII–XIV в.

Более точно датировать московские бусы нам поможет хронологическая шкала, установленная нами по стеклянным браслетам. Из всего массива бус мы отобрали несколько (девять), которые происходят из тех же шурфов и раскопа, что и браслеты, и имеют данные о глубине. Четыре из них найдены в шурфах у Патриаршей палаты (шурфы 8 и 18) и у церкви Двенадцати апостолов (шурфы 2 и 3), остальные происходят из раскопок у Оружейной палаты. Основная масса бус (шесть) попадает в слои, датированные второй половиной XII в. Одна бусина происходит из слоя рубежа – начала XIII в., еще одна датируется первой половиной XIII в. К периоду второй половины XIII в. была отнесена только одна бусина. Таким образом, восемь бус из девяти попали в слои домонгольского времени (рис. 2–4).

Рассмотрим более подробно эти бусы. Ранний хронологический период (вторая половина XII в.) представлен двумя хрустальными округлыми шаровидными бусами и четырьмя стеклянными: по одной черной, коричневой, фиолетовой и зеленой (желто-зеленой). Стеклянные бусы изготовлены навивкой, две индивидуальной, две серийной. Формы бус: три бусины округлые (шаровидная, яйцевидная и эллипсоидная), одна бусина винтообразная эллипсоидная.

Период первой половины XIII в. представлен двумя бусинами – коричневой и фиолетовой, изготовленными приемом серийной навивки. Обе эти бусины шаровидные, одна округлая, другая винтообразная. Присутствие в слоях второй половины XII в. – первой половины XIII в. винтообразных бус не противоречит установленным датам для этой формы (Щапова Ю.Л., 1972, с. 82). Бусы, изготовленные серийной навивкой, характеризуют переход к массовому и, возможно, специализированному их производству. Однако недостаток данных не позволяет уверенно говорить о преобладании серийных приемов изготовления бус в первой половине XIII в. по сравнению с предыдущим временем.

Одна бусина была отнесена нами ко второй половине XIII в. Это округлая биконическая бусина, изготовленная из бирюзового непрозрачного стекла при помощи инди-

видуальной навивки. Очевидное сходство качества стекла, использованного для изготовления этой бусины, со стеклом, из которого изготовлены поздние западноевропейские бирюзовые непрозрачные перстни, а также установленная для нее дата позволяют исключить ее из группы древнерусских изделий и отнести к импорту из Западной Европы. Следует отметить, что подобные бусы в большом количестве встречены при исследовании стеклянных изделий Болгарского городища и составляют там большинство среди биконических бус. Все они происходят из поздних слоев, начиная с середины XIII в. (Полубояринова М.Д., 1988, с. 167).

Группа изделий византийского производства представлена 12 экз. Основная масса бус этой группы (девять) имеет сине-фиолетовый цвет и изготовлена приемом навивки, как серийной, так и индивидуальной. Часть бус на поверхности имеет пленку ирризации, что косвенно указывает на применение натриевого щелочного сырья. Одна бусина имеет многоцветную основу, полученную методом сварки цветных полос, канал проколот острием. Остальные бусы, отнесенные в эту группу, желто-зеленого ненасыщенного цвета имеют форму (граненую бипирамидальную) и технику обработки поверхности (вхолодную), аналогичную каменным бусам.

Период бытования византийских бус по новгородским материалам ограничен X–XI вв., в XII в. таких вещей чрезвычайно мало (Щапова Ю.Л., 1956, с. 167). Более или менее точную датировку многоцветной бусины можно установить по аналогиям. Подобные ей известны в Саркеле, Афросиабе, в Новгороде, на Белоозере, где датируются XI–XII вв. Такие же бусы есть в Болгарах среди случайных находок (Полубояринова М.Д., 1988, с. 177). Аналогии граненым бусам известны среди материалов Болгарского городища, где они являются случайными находками и не имеют точных дат (Полубояринова М.Д., 1988, с. 170).

К сожалению, мы не можем датировать бусы этой группы, используя нашу хронологическую шкалу, так как все они происходят из других мест Москвы, а часть – депаспортизирована. Если учитывать верхнюю границу бытования, установленную нами для византийских вещей (1204 г.), то присутствие средиземноморского (византийского) импорта в слоях, начиная со второй половины XII в., представляется вполне возможным.

Немногочисленную группу составляют бусы сирийского производства (две). Они сине-фиолетовые, изготовлены из тянутой трубочки. Состав этих бус не анализировался, однако, учитывая сине-фиолетовый цвет и ирризацию на этих изделиях, можно предположить, что использовано натриевое сырье.

Бусы из трубочек известны на Руси в период X–XI вв. (Щапова Ю.Л., 1972, с. 178). В других местах они встречаются и в более позднее время. Например, находки на Асотском городище датированы XII–XIII вв. (Щапова Ю.Л., Дайга И.В., 1961, с. 189). В Болгаре они бытуют в течение длительного периода – XI–XIV вв. (Полубояринова М.Д., 1988, с. 155, 156). Одна из этих бус (сине-фиолетовый мелкий бисер) найдена при раскопках около Оружейной палаты и в соответствии с нашей хронологической шкалой происходит из слоя второй половины XII в. Вероятно, некоторые единичные экземпляры сирийских бус встречаются в Москве и в слоях второй половины XII в.

Стеклянные *вставки*, находок которых в Москве чрезвычайно мало (8 экз.), были разделены на три группы по их происхождению.

Наиболее многочисленную группу (пять) составляют вставки округлые шаровидные и эллипсоидные усеченные, изготовленные вгорячую с помощью литья на плоскость или в форму, а затем обработанные вхолодную. Большинство таких вставок подражают цвету каменных изделий (белого и серого цвета), однако, встречаются и цветные. Предварительно такие вставки были отнесены нами к "далекому" импорту. Исследователи отмечают, что круглые и овальные в плане вставки являются наиболее популярными в период средневековья на территории Восточной Европы. Такие вставки есть среди стеклянных изделий Болгарского городища, где они датируются серединой XIII – началом XIV в., а большая часть – 30-ми годами XIV – 30-ми годами

XV в. (Полубояринова М.Д., 1988, с. 197, 198). Подобные изделия отмечены в Новгороде в слоях XIV–XV вв. (Воронин Н.Н., Рабинович М.Г., 1963, с. 256).

Небольшую группу составляют вставки древнерусского производства (две). Вставки имеют округлую эллипсоидную усеченную и плоскую овальную формы. Цвет стекла в одном случае не установлен, в другом – фиолетовый с характерным для состава K–Pb–Si расстекловыванием. Техника изготовления точно не установлена ввиду того, что обе вставки находятся в металлических перстнях. Мы предполагаем изготовление их вгорячую. Они происходят из клада 1238 г., найденного на территории Московского Кремля в 1988 г. (Авдусина Т.Д., Панова Т.Д., 1989, с. 272–274).

Последняя группа – изделия византийского производства – представлены единичной находкой. Это шаровидная усеченная вставка сине-фиолетового цвета, изготовленная вгорячую с помощью наклада. Точные аналогии ей не найдены, поэтому ограничим период ее бытования, как и всех византийских вещей, 1204 г.

Стеклянные сосуды (20) представлены древнерусскими, византийскими, сирийскими и западноевропейскими изделиями.

Основную массу находок составляют фрагменты древнерусских сосудов (15) желтого прозрачного стекла, сваренных по рецепту K–Pb–Si (ан. 252:6-12, 391:7-11). Эта группа сосудов представлена тремя формами, которые различаются формой дна и наличием либо отсутствием поддона: открытые сосуды на неустойчивом дне (рис. 7, *1–2*), открытые сосуды на поддоне (рис. 7, *3*) и открытые сосуды с устойчивым вогнутым дном (рис. 7, *4–7*). Все сосуды округлые, а сосуды с вогнутым дном могут быть и ребристыми (рис. 7, *5*). Все изготовлены приемом выдувания, большая часть свободно (11), меньшая – в форму (4).

Названные формы сосудов хорошо известны из раскопок в Киеве и других южнорусских городах, в Новгороде, Новогрудке, Турове и Слободке.

Широко открытые кубки с неустойчивым дном (рис. 7, *1–2*) появляются раньше всех форм. Они есть в Новгороде в первой четверти XI в., известны они в первой четверти XIII в., но в это время их уже немного (Щапова Ю.Л., 1963, с. 122; 1972, с. 46). Находки из Новогрудка имеют более узкую дату – вторая половина XII в. В Турове и Слободке эти сосуды происходят из слоев первой половины XIII в. (Полубояринова М.Д., 1963б, с. 234; 1987, с. 162–168). Такие сосуды есть во многих древнерусских городах, однако они не являются преобладающими. Исключением являются изделия из Новгорода: здесь эта форма составляет треть от всего числа находок сосудов (Щапова Ю.Л., 1972, с. 55). Эти кубки имеют тяжелое неустойчивое дно, в связи с чем такую посуду нельзя поставить, если она наполнена, а можно только класть, соответственно пустую. Большое количество сосудов подобной формы происходит из Бирки, датируемой IX – первой половиной X в. Исследователи связывают происхождение этой формы с традицией питья из рога, реализованной в другом материале (стекле), которая была воплощена еще в римское время и не прерывалась в период меровингов и каролингов (Rademacher F., 1933, S. 100; Arbman H., 1937, S. 34–36; Щапова Ю.Л., 1963, с. 123). Однако это предположение мало подходит для территории Руси данного времени. Более вероятной представляется версия об использовании этих сосудов в качестве лампад, которые вставляли в хорос (Philippe J., 1970, p. 31, 39–43). Такие лампы византийского производства известны из раскопок в Коринфе (Davidson G., 1952, pl. 60, *801, 802*).

Открытые кубки на устойчивом вогнутом дне с коническим выступом (рис. 7, *4–7*) известны в Новгороде с последней четверти XI по XIII в. Кубки аналогичных форм, найденные в слоях XII в. происходят из Слободки. Подобные сосуды найдены в Турове и датируются XII–XIII вв. Домонгольским же временем датированы сосуды этой формы из Болгар. Находки из Новогрудка происходят из слоев второй половины XII в., причем здесь эти сосуды имеют менее выделенный выступ (Щапова Ю.Л., 1963, с. 126; 1972, с. 48; Полубояринова М.Д., 1963б, рис. 1, *1*; 1987, с. 162–168; 1988, с. 203, 211, 212). Полагают, что изменение формы выступа является хронологическим

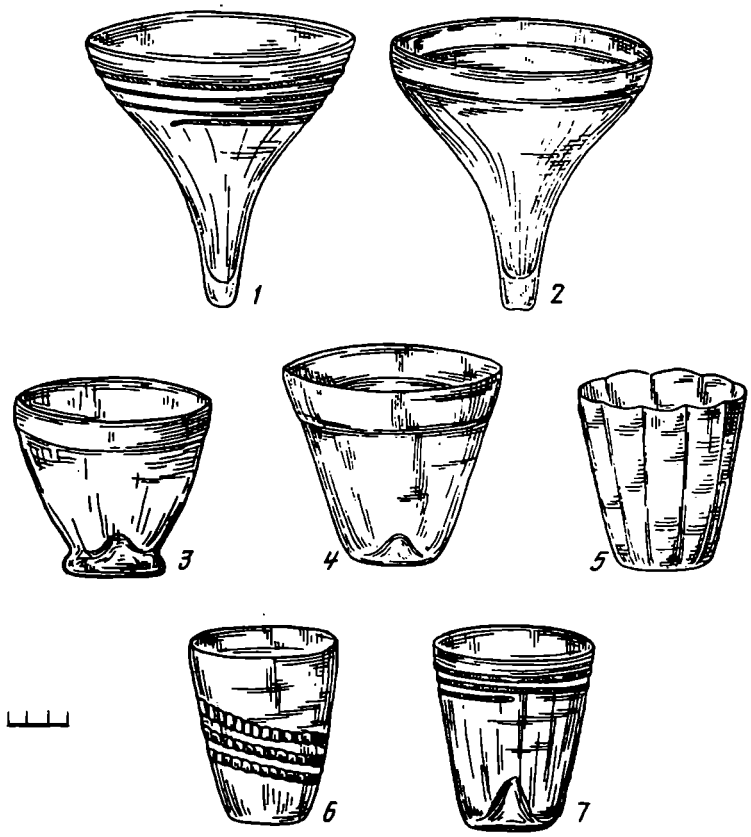


Рис. 7. Московская стеклянная посуда XII–XIV вв. (реконструкция Ю.Л. Щаповой)

признаком: сосуды с менее выделенным выступом являются более поздними и их можно датировать, начиная со второй половины XII в. В нашей выборке сосуды этой формы имеют конический и сферический выступы, оба слабо выделенные. Сосуды этой формы могут быть изготовлены либо при помощи свободного выдувания, либо дутьем в ребристую форму, что также является признаком второй половины XII в. (Щапова Ю.Л., 1972, с. 58). Исследованные нами сосуды с вогнутыми донцами, вероятно, выдуты в форму, так как имеют ребристые стенки.

Третья группа древнерусских сосудов, отмеченная в нашей выборке – кубки на поддоне (рис. 7, *3*). Это одна из самых распространенных форм древнерусской посуды, особенно в южнорусских городах. Исключением являются новгородские находки, среди которых сосуды этой формы составляют менее 10% (Щапова Ю.Л., 1972, с. 58). Такие сосуды появляются позже всех вышеназванных форм – они известны с 30-х годов XII в. Аналогичные находки с городища Слободка происходят из слоев XII в. Таким же временем датируются сосуды этой формы из Болгар. Подобные сосуды из Турова есть в слоях первой половины XIII в. (Щапова Ю.Л., 1963, с. 123; Полубояринова М.Д., 1963б., рис. 1, *2*; 1987, с. 162–168; 1988, с. 204, 211). Сосуды этой формы получены при помощи свободного дутья или, возможно, в форму с использованием шаблона для формования поддона.

Наша выборка содержит фрагмент сосуда, найденного в одном из шурфов у Патриаршей палаты, для которого была разработана хронологическая шкала. Это фрагмент изогнутого венчика (точнее установить невозможно), который мог принадлежать открытому сосуду всех трех вышеназванных форм. Данные о глубине этой находки помещают его в слои второй половины XII в. (рис. 3).

Верхняя дата бытования всех трех групп сосудов – середина XIII в., что связано с прекращением производства посуды в Киеве в 40-е годы XIII в.

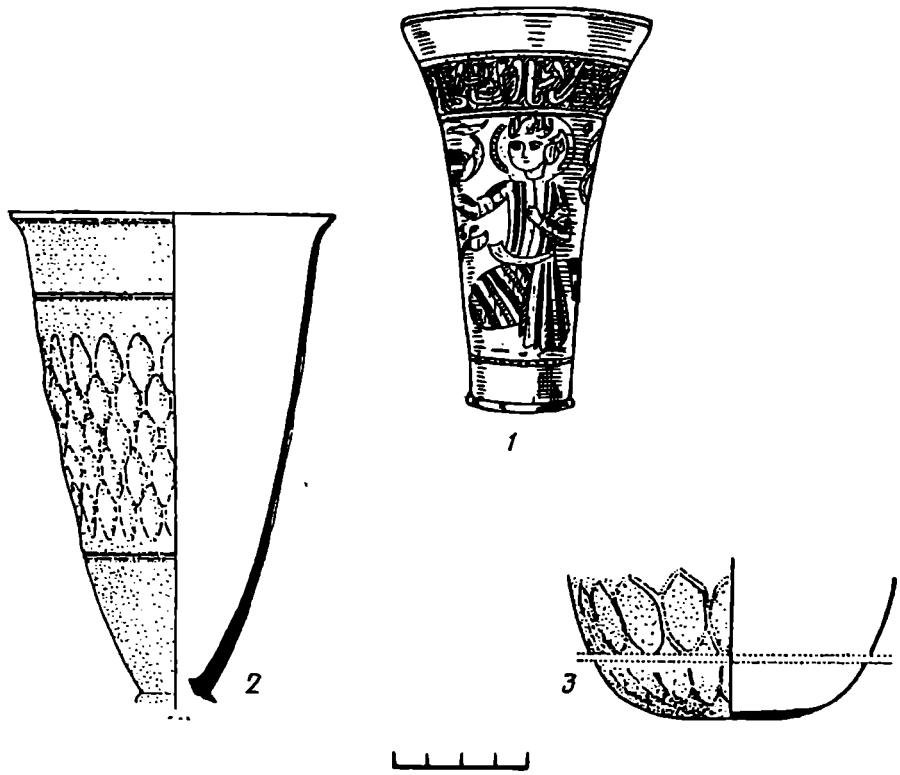


Рис. 8. Стеклянная посуда Москвы XII–XIV вв. (*1* – реконструкция Ю. Вавры; *2*, *3* – Г. Давидсон)

Сосуды византийского производства (2 экз.) представляют собой фрагменты сосудов пурпурного стекла с накладным декором в виде белых непрозрачных линий. Стекло одного из них анализировалось: оно сварено на натриевом растительном щелочном сырье с добавлением марганца в качестве красителя и олова, вероятно, для глушения декора (ан. 372:3). Небольшие размеры фрагментов не позволили нам подобрать точные аналогии для сосудов этой группы. Представляется возможным определить 1204 г. в качестве верхней границы бытования византийских сосудов на территории Москвы. Однако в Новгороде находки византийской посуды есть в 14-м ярусе, абсолютная дата которого 1238 г. (Щапова Ю.Л., 1963, рис. 9).

Один из этих двух фрагментов происходит из шурфа 8, для которого разработана хронологическая шкала. Согласно глубине залегания, эта находка попадает в слои второй половины XIII в. и, возможно, XIV в. В связи с этим Византию как возможное место производства этого сосуда следует исключить и рассмотреть вариант его позднего бытования и происхождения из другого источника. Химический класс этого сосуда – Na–Ca–Pb–Si. Остальные изделия этого класса мы отнесли к продукции западноевропейских мастерских, работавших на привозном сырье или полуфабрикатах, возможно, венецианских. Установленный нами период бытования этого изделия – вторая половина XIII–XIV в. – позволяет отнести его к продукции венецианских мастерских, работавших в традициях византийского стеклоделия.

Группа сирийских сосудов представлена двумя фрагментами (рис. 8, *1*). Это открытые сосуды (кубки) конической формы на поддоне, изготовленные из бесцветного прозрачного стекла с декором. Оба сосуда, вероятно, выдуты в форму и декорированы с помощью росписи золотом и цветными эмалями. Стекло, использованное для изготовления одного из этих сосудов, сварено на соде и обесцвечено марганцем (ан. 372:4). Аналогии этим сосудам известны (Vavra J.R., 1954, abb. 55, 56, 58; Щапова Ю.Л., 1963, с. 129, 130). Они датируются XIII–XIV вв. и происходят из столичных мастерских Алеппо и Ракки.

Последняя группа – сосуды венецианского происхождения. Единственной находкой этой группы является фрагмент сосуда зеленого цвета, сваренного, вероятно, на натриевом сырье. Сосуд выдут в форму. Декор (так называемый "сотовый") получен одновременно с изготовлением сосуда, а затем раздут. Точную конструкцию изделия установить не удалось. Предположительно, он является открытым (рис. 8, *2–3*). Возможно, этот сосуд происходит из мастерских Дубровника, деятельность которых становится заметной, начиная с конца XIII–XIV вв.

Сирийские изделия имеют разные даты в зависимости от категории находки. Бусы, вероятно, в основной массе должны датироваться не позднее середины XI в., хотя отдельные экземпляры бытуют и в XII в. Поздними являются сирийские сосуды, датируемые XIII–XIV вв. Разные хронологические периоды, датирующие сосуды и бусы, дают возможность предположить разные источники их поступления: возможно, сирийские мастерские по изготовлению бус и сосудов различались и специализацией, и территорией. Вероятно, ближневосточный (сирийский) импорт на территорию Руси поступал непрерывно, начиная с самых ранних находок, датируемых X в., вплоть до XIV в., но с разной интенсивностью. Необходимо учитывать, что и условия для восточной торговли были разными в различные хронологические периоды.

Византийский импорт относится к ранним находкам и встречается до начала XIII в.

Древнерусские изделия в зависимости от места изготовления прекращают свое бытование в разное время. Стеклянные изделия киевского производства, как уже говорилось, перестают поступать на московский рынок после 1240 г. Вещи, изготовленные в других городах Руси (Новгороде, Смоленске, Полоцке), возможно, существуют и во второй половине XIII–XIV в.

Самыми поздними являются изделия венецианского и западноевропейского производства, которые появляются в Москве, начиная со второй половины XIII в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Авдусина Т.Д., Владимирская Н.С., Панова Т.Д., 1989. Некоторые итоги археологического изучения Московского Кремля (1974–1982 гг.) // СА. № 3.

Авдусина Т.Д., Панова Т.Д., 1989. О находке клада на территории Московского Кремля // СА. № 4.

Воронин Н.Н., Рабинович М.Г., 1963. Археологические работы в Московском Кремле // СА. № 1.

Ковалевская В.Б. (Деопик), 1965. Применение статистических методов к изучению массового археологического материала // МИА. № 129.

Колчин Б.А., 1956. Топография, стратиграфия и хронология Неревского раскопа // МИА. № 55.

Никольская Т.Н., 1981. Земля вятичей. М.

Полубояринова М.Д., 1963а. Стеклянные браслеты древнего Новгорода // МИА. № 117.

Полубояринова М.Д., 1963б. Стеклянная посуда древнего Турова // СА. № 4.

Полубояринова М.Д., 1987. Изделия из стекла городища Слободка // Никольская Т.Н. Городище Слободка. М.

Полубояринова М.Д., 1988. Стеклянные изделия Болгарского городища // Город Болгар. М.

Шеляпина Н.С., 1971. Археологические наблюдения в Московском Кремле в 1963–1965 гг. // МИА. № 167.

Щапова Ю.Л., 1956. Стеклянные бусы древнего Новгорода // МИА. № 55.

Щапова Ю.Л., 1963. Стеклянные изделия древнего Новгорода // МИА. № 117.

Щапова Ю.Л., 1969. Стеклянные браслеты и датирование городского культурного слоя // СА. № 4.

Щапова Ю.Л., 1972. Стекло Киевской Руси. М.

Щапова Ю.Л., 1975. Из истории древнейшей технологии стекла // Очерки технологии древнейших производств. М.

Щапова Ю.Л., 1983. Очерки истории древнего стеклоделия. М.

Щапова Ю.Л., 1986. Естественнонаучные методы в археологии. М.

Щапова Ю.Л., Дайга И.В., 1961. Стеклянные бусы и браслеты Асотского городища // Материалы и исследования по археологии Латвии. Вып. II. Рига.
Arbman H., 1937. Schweden und das Karolingische Reich. Studien zu den Haudalsverbindungen des 9. Jahthunderts. Stockholm.
Davidson G., 1952. The Minor Objects. Corinth. V. XII. New Jersey.
Phillippe J., 1970. Le Monde Byzantin dans l'histoire de la verrerie (V–XVI siecle). Bologna.
Rademacher F., 1933. Die deutschen Glaser des Mittelalters. Berlin.
Vavra J.R., 1954. Das Glas und die Jahrtausende. Prag.

Российский государственный гуманитарный университет,
Москва

E.K. STOLYAROVA

ORIGIN AND CHRONOLOGY OF GLASSWARE OF MOSCOW IN THE 12th–14th CENTURIES

Summary

The identification of glassware origin is a necessary stage for the solution of various historical and archaeological tasks, the issue of chronology being one of the most important. Using the methodology offered by Y.L. Shchapova, the author identifies goods from Old Russian, Byzantine, Syrian, Venetian and West European centers among glassware dating to the 12th-14th centuries and determines possible limits within which they were used in Moscow of that time. Methods of statistics and a theory of normal distribution were applied to massive finds, i.e. bracelets. It allowed to develop a chronological scale for some bore pits in the Moscow Kremlin which were synchronized based on the glass bracelets finds. The chronological scale gave a possibility to specify or even reconsider some decisions on the origin of some goods made previously. The spread of glass bracelets from the Armory allowed to reduce the stratum that the authors of the excavations date to the first half of the 13th century. The type of these decorations category suggests that it is possible that there existed several sources of supplying bracelets to Moscow, in addition to Kiev.

Дискуссии

Т.И. АЛЕКСЕЕВА

К ОЦЕНКЕ ТРАВМАТИЧЕСКИХ ПОВРЕЖДЕНИЙ НА СКЕЛЕТАХ ДРЕВНЕГО ЧЕЛОВЕКА

Травматические повреждения на черепах и посткраниальных скелетах являются маркерами образа жизни, поэтому в последнее время в связи с усиливающимся интересом к биоархеологическим реконструкциям они привлекают к себе пристальное внимание исследователей.

Ранения, удары, ушибы, хорошо фиксирующиеся на кости, – свидетельства неблагополучия в социальной среде обитания; трепанации – свидетельства медицинской помощи и, возможно, каких-то ритуальных действий.

Травматические повреждения на скелетах древних людей отмечались, как правило, и раньше при работе над краниологическими и остеологическими коллекциями. Однако очень редко они становились предметом специального исследования. Этим, возможно, объясняется отсутствие четко разработанных методик определения характера травматических повреждений и унифицированного подхода к их оценке. А ведь именно от этого зависит и интерпретация полученных результатов. Более того, остается неясным, какова мера сопоставимости травматологических экспертиз, осуществленных разными исследователями.

Возможность сопоставления качественных (описательных) признаков в антропологии решается с помощью специальных методов коннексии результатов, полученных разными авторами. Травматические повреждения – те же описательные признаки, к тому же дискретно варьирующие. Именно поэтому к их определению необходим чрезвычайно осторожный, а в некоторых случаях и экспериментальный подход.

Эта преамбула имеет целью предварить результаты травматологических экспертиз разных авторов, сделанных на одном и том же материале, – краниологической серии из Улангомского (Чандманьского) могильника. Результаты не всегда сопоставимы, что и можно было предполагать. В то же время они побуждают к поиску наиболее совершенных методов экспертизы.

Публикация в этой подборке статьи М.Б. Медниковой более чем оправдана. Она содержит данные о распространении одной из форм травматических повреждений черепа – трепанации и возможности ее истолкования. Мне представляется, что данные, содержащиеся в этой статье и касающиеся факта, а возможно, и обычая трепанации черепов у древнего населения Центральной Азии, помогут пролить свет и на характер травматических повреждений у населения, оставившего Улангомский могильник.

© Т.И. Алексеева, 1997 г.

Н.Н. МАМОНОВА

БОЕВЫЕ ТРАВМЫ НА ЧЕРЕПАХ ИЗ МОГИЛЬНИКА УЛАНГОМ (V–III вв. до н.э.)

Статья посвящена исследованию военных травм, обнаруженных на черепах и костях скелета из могильника Улангом V–III в.в. до н.э. В.В. Волков относит его к саяно-тувинской культуре (Волков В.В., 1978, с. 101, 107) другое название этой культуры – чайндманьская (Цэвэндорж Д., 1978, с. 108). Могильник расположен вблизи г. Улангом, находящегося на северо-западе Монголии, близ границы с Тувой. В этом могильнике захоронения представлены погребениями в срубах и каменных ящиках (Волков В.В., 1978; Цэвэндорж Д., 1978, с. 108; Новгородова Э.А., 1980; 1989, с. 322–340). Раскопки осуществлялись силами Советско-Монгольской историко-культурной экспедиции под общим руководством А.П. Окладникова, работу на могильнике возглавлял В.В. Волков. Автор предлагаемой статьи принимала участие в работе этого отряда в качестве палеоантрополога.

В могильнике были обнаружены останки 68 (46,9%) мужчин, 47 (32,4%) женщин и 30 (20,7%) детей. Индекс отношения полов 1,5 заметно завышен по сравнению с естественным отношением полов, вместе с тем отмечается заниженный процент детских захоронений. В тагарских могильниках процент детских захоронений варьировал в пределах 31,6–51,5%; в среднем, по материалам из пяти могильников, детские захоронения составляли 42,6% (Козинцев А.Г., 1971, с. 150). И в срубах, и в каменных ящиках были обнаружены частичные захоронения. В могиле 33 (сруб) обнаружен череп без костяка, в погр. 10 череп находился в области груди. Кроме того, только на мужских черепах имелись следы различного рода военных травм (Мамонова Н.Н., 1978, с. 122–125, 129, 130). Такие травмы были зафиксированы на 12 черепах, что составляло около 17,6% от общего количества мужских захоронений. По всей вероятности, погибших в результате боевых столкновений было больше, поскольку не на всех костяках могли сохраниться такого рода травмы. На это соображение наводит то обстоятельство, что в срубах 11, 16, 23 значительно преобладали захоронения мужчин (табл. 1).

Специальный анализ травм, их форма, размеры, состояние краев переломов представляют интерес, поскольку говорят о роде оружия, которым были нанесены травмы. Повреждения на черепах позволяют судить не только о роде оружия, но о силе и направлении ударов. Большое количество травм на отдельных черепах свидетельствует о жестокости происходивших столкновений.

Прежде чем приступить к описанию фактического материала, необходимо сказать, что все исследования проводились только в полевых условиях в весьма ограниченное время. Поэтому кости скелета остались практически не исследованными. Нет здесь и таких детальных описаний черепных травм, как того требует судебно-медицинская экспертиза. Не было условий для фотографирования, не было и художника, который профессионально выполнил бы рисунки повреждений. Но все же травмы на черепах описаны по возможности подробно, сделаны измерения открытых переломов, схематические рисунки самих травм и их расположения на черепах. Часть черепов была сфотографирована Э.А. Новгородовой.

При описании костных повреждений, их классификации, а также классификации рода оружия были использованы методика и терминология, принятые в судебно-медицинской травматологии (Авдеев М.И., 1966; Добряк В.И., 1960).

© Н.Н. Мамонова, 1997 г.

Таблица 1

Половозрастное распределение

Срубы

№№ костяков / №№ могил	1	2	3	4	5	6	7	8	8а	9	Всего ♂	Всего ♀	Всего Inf	Σ
1	♂ sen	♀ mat	♂ ad	♀ sen	♀ ad						2	3	-	5
2	♂ ad	♂ mat	♀ sen	♀ mat	♀ ad	Inf I					2	3	1	6
11	Inf I (1.5–2.5)	♂ mat	♂ mat	♂ ad	♂ mat	♂ ad T	♀ mat				5	1	1	7
14а	♀ ad	♂ ad	♀ ad	♀ mat	♂ ad	Inf I (0–0.1)	Inf I эмбр				2	3	2	7
15	♀ ad	♂ mat									1	1	-	2
16	Inf I (1.5–2.0)	♂ mat	♂ mat	♂ mat?	♂ ad						4	-	1	5
17	Inf I (0–0.5)	♀ ad	♀ ad	♂ sen?							1	2	1	4
18	♂ mat	♂ ad	♂ ad	Inf I (0.7–0.9)							3	-	1	4
22	♂ ad	Inf I (0.5–1.0)									1	-	1	2
23	♂ ad	♂ ad	♀ ad	♂ ad-mat	Inf I (1.0–2.0)	♂ mat	♀ mat				4	2	1	7
31	♂ mat T	Inf I (2.0–3.0)	♀ sen	♂ mat-sen	♂ mat T	♀ mat	Inf II (12.0–13.0)	Inf II (9.0–10.0)			3	2	3	8
32	♂ ad	Inf I эмбр	♀ jv								1	1	1	3
33	Inf I (0–0.1)	♂ ad T	♂ ad	♂ mat-sen	♂ jv-ad T	♂ jv-ad T	Inf I (0.5–1.0)	♂ ad T		♀ mat	6	1	2	9
34	♀ ad	♀ ad	♂ mat	♀ mat							1	3	-	4
35	♀ ad	♂ sen									1	1	-	2
36	Inf I (0.2–0.6)	♂ mat	♂ ad	♀ ad							2	1	1	4
37	♀ mat-sen	♂ mat-sen	♂ mat-T	♂ ad							3	1	-	4
41	♀ mat	♀ ad	♂ mat	♀ sen	Inf I (0.2–1.0)	♂ mat	Inf I (2.0–2.5)	♀ ad		♀ mat	2	5	2	9
43	♂ mat-T	♂ ad									1	1	-	2
46	♀ mat	♂ mat	♀ Inf II (12.0–13.0)	♀ jv-ad	♂ mat						2	2	1	5
47	♂ mat	♀ mat	♂ mat	♂ ad T	♀ mat	Inf I (0.3–0.4)	♂ mat	Inf I эмбр	♀ ad	♂ mat	5	3	2	10
48	Inf I (5.0–6.0)	Inf I (0.5–1.0)	Inf I (2.0–2.5)	♀ jv-ad	♀ jv	♂ ad	♂ ad				2	2	3	7

Каменные ящики

№№ костяков / №№ погребений	1	2	3	4
3	○ вз			
4	Inf I (2.5–3.0)			
6	Inf I (0.6–0.7)			
7	♀ ad			
8	♀ ♂ T			
9	○ вз			
10	♂ ad T	♂ jv T		
12	♀ ad	♂ jv	Inf I (0.1–0.6)	Inf I (0.1–0.2)
13	♂ mat	♀ mat		
14б	Inf I (1.0–1.5)			
21	♂ ad			
24	♂ mat			
25	♂ ad	♀ mat		
27	Inf I (2.5–3.0)			
28	♀ ad			
42	♀ ad			
45	♀ ad	♂ ad		
49	♂ mat			
53	♂ ad	♂ jv		
54	♂ ad			
55	♂ mat			
56	♀ ad			

Примечание: T- военные травмы; ♂ - мужчины; ♀ - женщины; Inf - дети; jv - юношеский; ad - возмужалый; mat - зрелый; sen - старческий.

На костях черепа и скелета различают три слоя: наружный и внутренний компактный слой в виде тонкой плотной костной ткани, между которыми находится губчатый слой. Компактный слой (компакта) также носит название кортикальной пластинки, соответственно наружной и внутренней.

Очень важно при описании травм обращать внимание на состояние краев открытых переломов. Они могут быть острыми (значит, человек погиб сразу после нанесения травм) или облитерированными (значит, после нанесения травм раненый какое-то время – короткое или продолжительное – жил). О силе удара свидетельствуют края переломов (острый или с раковинистым изломом), наличие небольших трещин, отломов (отслоение) внутренней и внешней компакты.

Костные дефекты подразделяются на: 1) *сквозные дырчатые переломы* – это различной формы и размеров отверстия правильной формы, передающие форму поперечного сечения оружия, которым был нанесен удар, или большие открытые переломы неправильной формы. Открытые переломы сопровождаются отломом (отслоением) внутренней компакты, часто при таких переломах образуются трещины; 2) *вдавленные переломы* – это, как говорит само название, различного рода вдавления и вмятины. В области таких переломов наружный компактный слой вдавлен в губчатый слой кости, при этом отмечаются отслоения внутреннего компактного слоя, а также наблюдаются и отломы наружного кортикального слоя; 3) *рубленые дефекты* – с характерной плоскостью разруба или среза; 4) *колющие повреждения*.

По характеру костных дефектов классифицируются тип повреждений и род оружия (или предмета), которыми были нанесены эти повреждения.

I. Твердые тупые предметы с ограниченно действующей поверхностью: 1) круглые в сечении; 2) овальной формы; 3) квадратной формы; 4) прямоугольной формы; 5) ромбовидной формы; 6) треугольной формы; 7) шестиугольной формы; 8) неопределенной формы.

При сильном ударе таким оружием образуются сквозные переломы (сквозные дефекты), при несильном ударе – вдавленные переломы. Сквозные, или дырчатые, переломы – это различной формы отверстия. При этом иногда отслаивается внутренний компактный слой. В случае, когда вытаскивают оружие, которым был нанесен удар, отламывается прилегающий участок кости (рис. 1).

II. Колющее оружие. К этой категории оружия относятся кинжалы, шилья, копья, наконечники стрел. При действии этого вида оружия на поверхности кости остаются так называемые колотые повреждения, передающие форму и размеры поперечного сечения клинка оружия. Часто на наружной пластинке компакты имеются небольшие трещины – "усики". При ранениях колющим оружием дефект внутреннего слоя компакты выражен значительно сильнее, чем наружного, – отламываются и отслаиваются значительные участки внутренней компакты.

III. Колюще-режущее оружие – это различные разновидности ножей, наконечники стрел. При действии этого рода оружия остаются колюще-режущие повреждения – незначительные дефекты в виде насечек, нарезов, царапин.

IV. Острорубящие оружия – большие кинжалы, массивные ножи, мечи, сабли, шашки. В результате действия этого вида оружия на костях остаются большие дефекты – отрублены отдельные части лицевого или мозгового отдела черепа, при этом четко просматривается плоскость разруба.

V. Тупорубящее оружие; граненые предметы. Повреждения тупорубящим оружием с большой поверхностью действия оставляют на черепе обширные сквозные переломы неправильной формы, часто по краям сохраняются крупные отломки кости, вдавленные внутрь. Такие переломы часто сопровождаются трещинами. При не очень сильных ударах предметом с обширной поверхностью образуются вдавленные переломы, также нередко сопровождаемые трещинами.

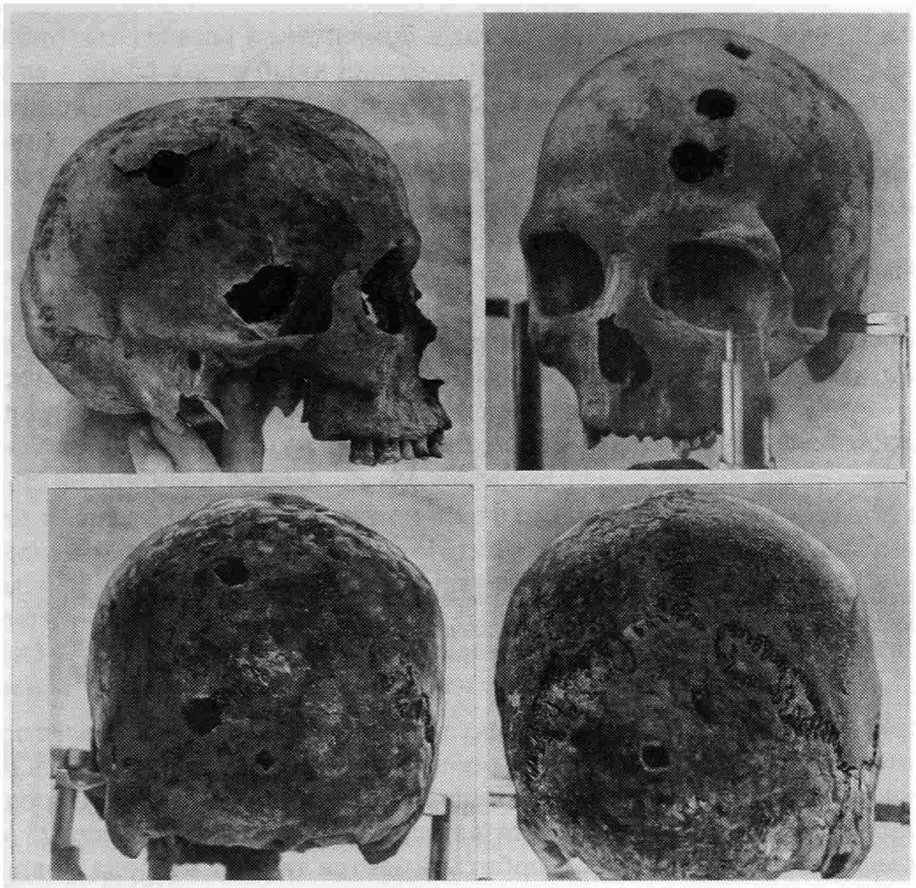


Рис. 1. Сквозные (дырчатые) переломы, нанесенные тупым предметом с ограниченно действующей поверхностью и тупорубящим оружием с обширной поверхностью действия. Череп из погр. 43 костяк 1

Описание повреждений

Погребения в каменных ящиках.

Могила 8. Это парное захоронение. Костяки в скорченном положении располагались в два яруса (ряда). Нижний костяк принадлежал мужчине, череп отсутствовал.

Могила 10. В могиле обнаружено два мужских скелета. *Костяк 1*. Анатомический порядок расположения костей нарушен: смещены череп, кости грудной области, а также кости голени левой ноги. Скелет принадлежал мужчине возмужалого возраста (Novgorodova E.A. et al., 1982, S. 7, 8, 53; Новгородова Э.А., 1989, с. 322–340)[1].

На черепе зафиксировано 11 травм (рис. 2). Разного рода травмы обнаружены и на костях тазовой области.

Лицевой отдел черепа. На лобной кости имеются два дефекта: в области правого лобного бугра вдавленнный перелом треугольной формы, основание его обращено кверху и вправо, вершина – вниз в сторону глазницы. Основание этого перелома расположено более поверхностно и сопровождается террасовидным вдавлением наружной компакты.

В области левого лобного бугра имеется сквозной круглой формы перелом, диаметр которого равен 7 мм. В верху и в низу этого отверстия имеются вдавленные переломы треугольной формы, так что в целом этот дефект имеет веретенообразную форму размером 17 × 7 мм.

[1] Все описания погребений сделаны согласно этим публикациям.

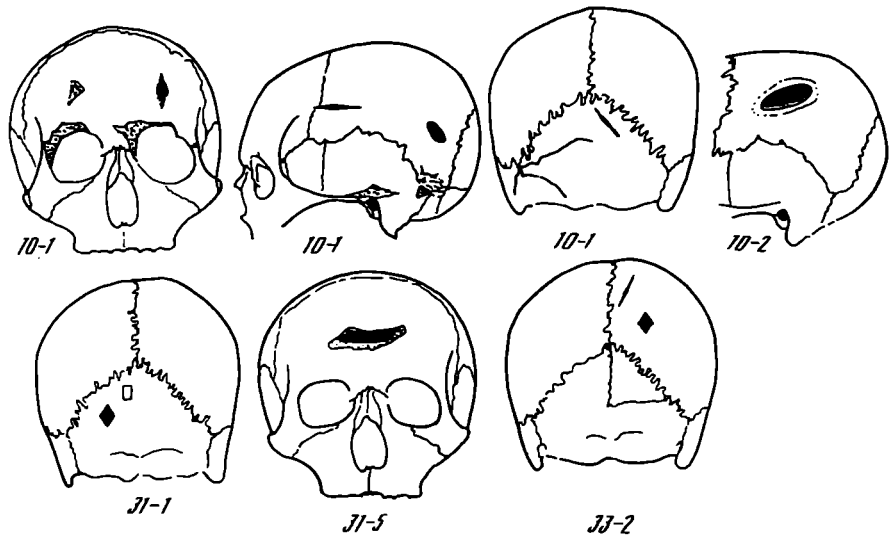


Рис. 2. Схема расположения травм на черепах. Первая цифра означает номер погребения, вторая – номер костяка (то же для рис. 3 и 4)

Верхний край правой глазницы и часть скулового отростка лобной кости срублены. На сохранившейся части прослеживается ровная прямолинейная плоскость разруба с наличием мелких трасс (чередование валиков, разделенных пологими бороздками, – результат действия неровной плоскости лезвия орудия). Размеры дефекта 28 × 18 мм.

В области медиального угла левой орбиты имеется такого же рода повреждение. Наружная кортикальная пластинка над глабеллой, надбровьем и верхним краем орбиты срезана. Лобные пазухи обнажены, перегородки сломаны. Плоскость разруба размером 18 × 19 мм расположена на одном уровне. По верхнему краю отмечаются мелкие переломы наружной кортикальной пластинки.

Левая теменная кость. На этой кости имеется несколько повреждений. Одно из них, колотое, – узкое, неглубокое, длиной 26 мм, наибольшая ширина 3 мм. Оно находится на височной линии, передний ее конец достигает венечного шва. Наружная компакта вокруг этого повреждения слегка вдавлена. Форма, размеры и глубина этого дефекта, по-видимому, передают форму острия оружия с двусторонней заточкой клинка.

В области нижнего латерального угла этой кости в 40 мм от затылочного шва имеется сквозной перелом овальной формы размером 11 × 7 мм. Компактный слой по краям отверстия вдавлен, по его краю видны следы раковистого излома.

В области левого сосцевидного отростка имеется овальный вдавленный перелом размером 29 × 18 мм, нанесенный тупым оружием. Компакта вдавлена, хорошо видны трещины вокруг центра удара. Под этим повреждением имеется проникающее ранение треугольной формы. В центре этого углубления виден след трехгранного острия.

У основания скулового отростка чешуи височной кости имеется небольшое рубленое повреждение. Хорошо определяется плоскость среза, от нижнего края этого повреждения через область слухового отверстия к затылочной кости идет глубокая трещина.

Затылочная кость. Справа, несколько выше иниона имеется колотое повреждение длиной 25 и шириной 7 мм. Компакта вокруг повреждения вмята. На нижней части затылочной кости с левой стороны имеются большие глубокие трещины, которые отходят от вдавленного перелома, находящегося у основания левого сосцевидного отростка.

Всего на этом черепе обнаружено 11 костных дефектов, часть из них была нанесена острорубящим оружием: повреждения в области обеих глазниц, рубленое повреждение в области левого слухового отверстия: возможно, от этого же оружия

остались колотые травмы на теменной и затылочной костях. Сквозной и вдавленные переломы на лобной кости были нанесены каким-то оружием типа чекана – согласно судебно-медицинской травматологии, тупым оружием с ограниченно действующей поверхностью.

На тазовых костях этого же костяка отмечена серия вдавленных переломов, нанесенных тупым твердым предметом небольшого диаметра с ограниченной действующей поверхностью. На левой подвздошной кости – вдавленный перелом прямоугольной формы размером 16 × 12 мм и глубиной 4–6 мм. Компакта плотно вошла в губчатую ткань. На противоположной стороне кости имелось небольшое отверстие с радиально расходящимися трещинами. Вдавленные переломы отмечены на левой стороне крестца – это вдавление овальной формы, края его острые, компакта плотно вдавлена в губчатый слой ткани. Глубина вдавления 8 мм.

Костяк 2 принадлежал мужчине юношеского возраста. Скелет лежал на спине, анатомический порядок костей не нарушен, но череп лежал на груди затылочным отверстием кверху. На левой теменной кости имелось большое овальной формы рубленое ранение размером 63 × 23 мм. Четко видна плоскость среза. Края перелома истончены. Отчетливо видны наружная и внутренняя кортикальные пластинки, между ними – слегка облитерированный губчатый слой костной ткани. Вокруг отверстия шириной в 5–7 мм наблюдается значительное изменение структуры кости. Возможно, человек недолгое время жил после ранения.

Погребения в срубах.

Могила 11. *Костяк 6.* Это было частичное захоронение – в южном углу сруба обнаружены только длинные кости ног, которые, по-видимому, принадлежали мужчине возмужалого возраста.

Могила 31. *Костяк 1.* Принадлежал мужчине зрелого возраста. Анатомический порядок расположения костей не нарушен. На затылочной кости обнаружено два перелома. Один из них сквозной, ромбовидной формы размером 10 × 7 мм. Края перелома острые, наружный кортикальный слой слегка вдавлен. Расположен этот перелом немного слева от средней линии вблизи иниона. Второй перелом расположен выше и вправо от первого. Это вдавленный перелом треугольной формы размером 10 × 6 мм. Края компакты вдавлены, местами отломаны (рис. 1).

Могила 31. *Костяк 5.* Принадлежал мужчине зрелого возраста. Анатомический порядок расположения костей не нарушен, но череп занимал неправильное положение по отношению к костяку: лежал на правой половине затылочным отверстием кверху (возможно, просто скатился). Посредине лобной кости был большой неправильной четырехугольной формы рубленый дефект, нанесенный острорубящим оружием. По краям отверстия хорошо прослеживается плоскость разруба (рис. 2).

Могила 33. *Костяк 2* принадлежал мужчине возмужалого возраста. Все кости скелета располагались в правильном анатомическом порядке. На нисходящей части правой теменной кости имеется два дефекта. Один из них – типично колотое повреждение 20 × 35 мм – располагался под небольшим углом к сагиттальному шву. Внутренняя кортикальная пластика вокруг отверстия отломана. В 13 мм ниже этой травмы имеется сквозной перелом ромбовидной формы – наибольшая длина отверстия 16 мм. Внутренний кортикальный слой вокруг этого отверстия также отломан. Таким образом, на черепе зафиксировано два ранения: одно из них было нанесено колющим оружием, возможно, кинжалом с двусторонне заточенным клинком, наибольший диаметр сечения 35 мм; второе – сквозной перелом от удара тупым оружием с ограниченно действующей поверхностью с гранями, по всей вероятности, – чеканом (рис. 2).

Могила 33. *Костяк 6* принадлежал мужчине возмужалого возраста. Анатомический порядок костей не нарушен. На лобной кости имеются два почти симметрично расположенных дырчатых перелома круглой формы с диаметром 17 мм. Они располагаются

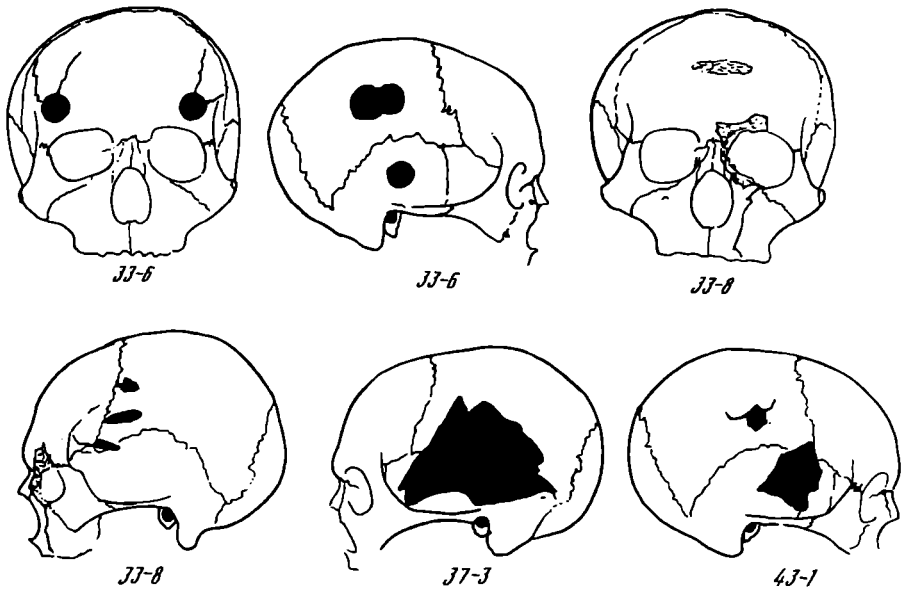


Рис. 3. Схема расположения травм на черепах

у латеральных углов орбиты. С правой стороны – отступя от края орбиты и височного гребня на 30 мм. От этого отверстия по направлению к височному шву отходят небольшие трещины. Левое отверстие отстоит от края орбиты на 17 мм. Края этого перелома неровные из-за небольших отломков компакты. От верхнего края отверстия отходят две трещины: одна оканчивается у венечного шва, вторая – у височной линии.

Посредине правой чешуи височной кости имеется такого же размера и формы сквозной перелом. Края отверстия острые. Посредине правой теменной кости имеется сквозной перелом в виде восьмерки, который получился в результате двух ударов, нанесенных тем же оружием, которым были нанесены три выше описанных повреждения. Общая длина перелома 42 мм, наибольшая ширина 21–22 мм.

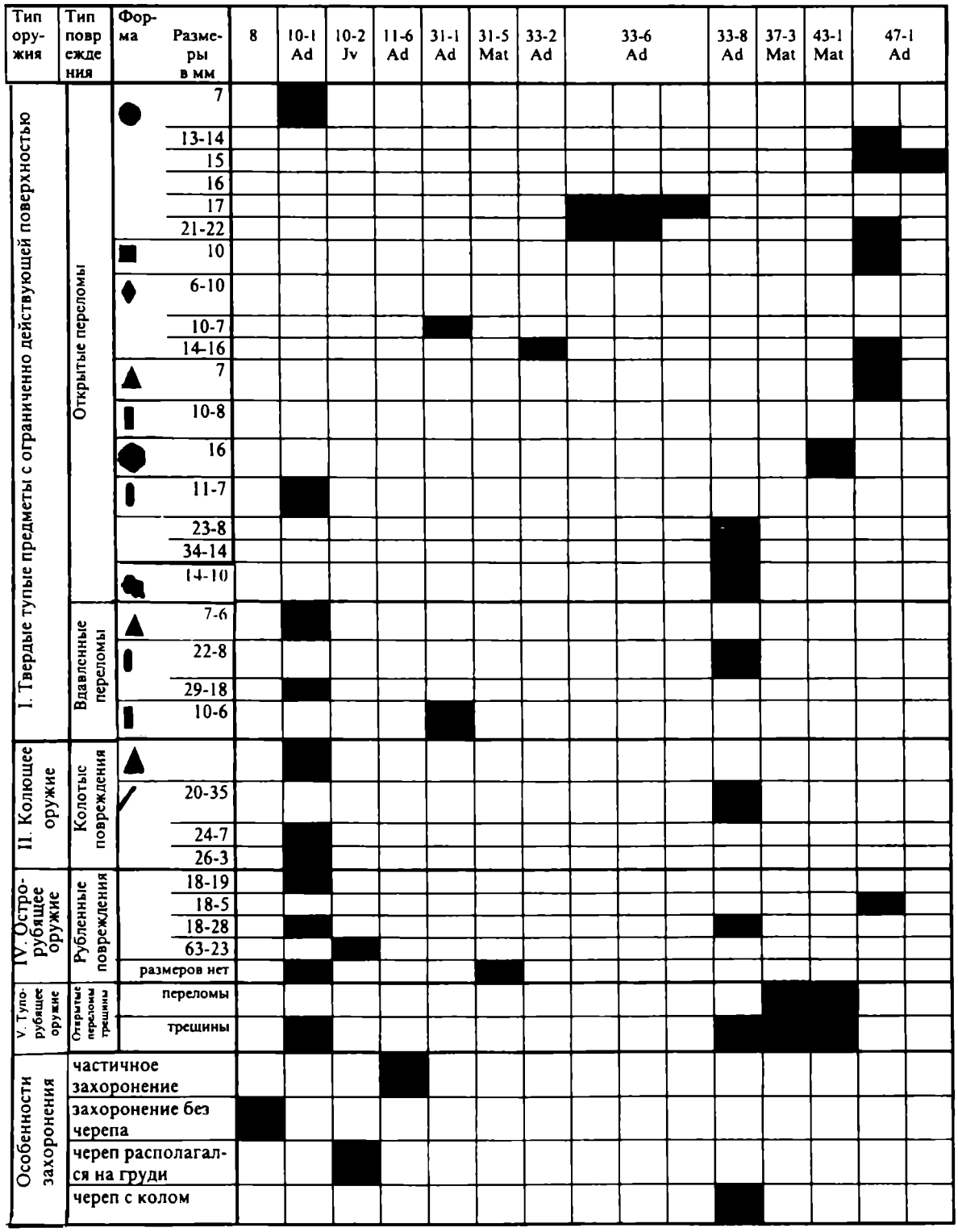
Таким образом, на черепе обнаружено три сквозных перелома, нанесенных тупым оружием с ограниченно действующей поверхностью, диаметр которого 17 мм, и одно отверстие, образовавшееся в результате двух ударов, нанесенных такого же рода оружием, диаметр которого 21–22 мм. Возможно, что все ранения нанесены одним и тем же оружием, диаметр которого увеличивался снизу вверх. Всего, таким образом, было нанесено пять сильных ударов (рис. 3).

Могила 33. *Костяк 8*. Вернее, это не костяк, а только череп без нижней челюсти, обнаруженный в западном углу могилы. Никаких других костей, относящихся к этому индивидууму, в могиле не обнаружено. Череп принадлежал мужчине возмужалого возраста. Из затылочного отверстия торчали остатки деревянного кола, противоположный конец которого упирался в теменные кости. Помимо этого на черепе имелось много различного рода травм. Чуть выше лобных бугров на лобной кости имелся вдавленный перелом овальной формы, его размеры – 22 × 7–8 мм, глубина 3–4 мм. По краям этого перелома имеется множество дугообразных трещин и отломов наружной кортикальной пластинки. На уровне середины ширины левой теменной кости, почти соприкасаясь с лобным швом, имеется сквозной перелом неправильной формы размером 14 × 10 мм.

На этой же кости, немного ниже височной линии, имеется сквозной перелом овальной формы, размеры его 23 × 8 мм; передний конец соприкасается с венечным швом. Такой же формы сквозной перелом находится на границе клиновидной и теменной костей, размеры последнего 34 × 14 мм. От этого перелома отходит глубокая трещина по направлению к скуловому отростку лобной кости.

Таблица 2

Распределение погребенных по типу повреждений и роду оружия, особенности захоронения



Лицевая часть черепа. Верхний и нижний края левой орбиты в области медиальных углов отсутствуют. Четко определяется плоскость разруба. От нижнего края орбиты по направлению к альвеолярному выступу клыка идет глубокая трещина.

Таким образом, на этом черепе зафиксированы три дефекта, нанесенных тупым оружием с ограниченно действующей поверхностью с овальным сечением размером

Таблица 3

Распределение повреждений. Суммарная группа

№ п.п.	Тип повреждений	Род оружия	*n*	%
I	Открытые переломы		20	48,8 } 58,6
	Вдавленные переломы	Чеканы	4	9,8 }
II	Колотые повреждения	Кинжалы, большие ножи	4	9,8
III	Колюще-режущие повреждения	Различные разновидности ножей	?	–
IV	Острорубленые повреждения	Кинжалы, большие ножи	7	17,1
V	Обширные открытые переломы	Топоры?	2	4,9
	Частичные захоронения		1	2,4
	Отчлененный череп		3	7,3

22 × 7–8 мм, – это вдавленный и два открытых перелома. Возможно, все три дефекта нанесены одним и тем же оружием. Кроме того, имеется небольшой открытый неправильной формы перелом. На лицевой части зафиксировано обширное рубленое повреждение (рис. 3).

Могила 37. *Костяк 3* представлен неполным костяком мужчины зрелого возраста – это череп и две большие берцовые кости без эпифизов. На левой половине черепа имеется большой сквозной перелом. Отсутствуют части теменной и клиновидной костей, а также чешуя височной кости. По краям отверстия видны отломки костей, внутренняя кортикальная пластинка во многих местах отслоилась. Это повреждение нанесено тупым предметом с большой поверхностью (рис. 3).

Могила 43. *Костяк 1*. Костяк принадлежал мужчине зрелого возраста. Анатомический порядок расположения костей не нарушен. На правой теменной кости имеется два дефекта. Во-первых, это сквозной перелом в виде шестиугольного отверстия 16 × × 16 мм, по краям его виден раковистый излом, от двух углов отходят трещины, внутренний кортикальный слой вдоль краев отверстия отсутствует. Судя по состоянию наружного края перелома, трещины образовались при вытаскивании орудия из черепа. Это повреждение находится над серединой чешуи височной кости, отступя от нее на 10–15 мм. Перед ним и книзу от этого перелома имеется еще один сквозной перелом, который охватывает верхнюю часть крыла клиновидной кости и прилегающую часть чешуи височной кости. Отверстие перелома – неправильной угловатой формы (рис. 3).

Могила 47. *Костяк 4*. Могила сильно потревожена, анатомический порядок костей почти у всех скелетов нарушен. Костяк принадлежал мужчине возмужалого возраста. На лобной кости с левой стороны имеются три сквозных перелома, расположенных друг над другом. Первый отстоит от края орбиты на 6–10 мм, круглой формы, диаметром 16 мм. Часть латерального края отверстия отломана. Второй перелом – тоже круглый – отстоит от предыдущего на 12 мм, диаметр его 16–14 мм. На нижнем и медиальных краях имеется раковинистый излом. Третий перелом отстоит на 20 мм выше второго. Этот перелом квадратной формы размером 10 × 10 мм. Края его острые.

На левой теменной кости в 25 мм от сагиттального шва и в 35 мм от затылочного имеется сквозной перелом ромбовидной формы. Размеры его 16 × 14 мм. На сагиттальном шве, не доходя до затылочного шва, имеется рубленое повреждение овальной формы, размеры его 18 × 5 мм; часть кортикального и губчатого слоев отсутствует. На правой теменной кости имеется квадратной формы открытый перелом размером 7 × 8 мм. Он находится на уровне ромбовидного отверстия, расположенного на левой теменной кости.

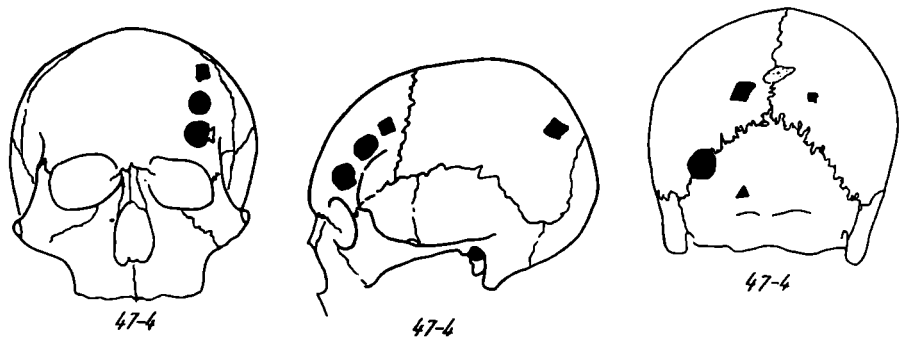


Рис. 4. Схема расположения травм на черепах

Затылочная кость. На левой части затылочного шва имеется круглый сквозной перелом, диаметр которого 15 мм. Внутренний слой компакты вокруг отверстия отломан. В 19 мм от этого в области иниона имеется сквозной перелом в виде равнобедренного треугольника со сторонами 7 мм (рис. 4). Таким образом, на этом черепе зафиксировано семь сквозных переломов, нанесенных тупым оружием с ограниченной поверхностью действия: три круглых, одно квадратное, одно ромбовидной и одно треугольной формы. Также зафиксирован след действия остроколющего оружия.

Подводя итоги, можно сказать, что палеоантропологические материалы из этого могильника со всей очевидностью свидетельствуют о жестоких военных столкновениях, в которых принимала участие мужская часть населения. Об этом свидетельствуют частичные захоронения, захоронения обезглавленных людей или те случаи, когда череп находился на грудной области скелета, и, наконец, в одном из срубов был обнаружен череп, в котором сохранились остатки древка, на которое была насажена голова. Об этом же свидетельствует и демографическая структура могильника. И, конечно, неопровержимым свидетельством таких столкновений являются черепа, на которых были обнаружены все виды описанных выше повреждений. Это сквозные и вдавленные переломы, колотые и рубленные дефекты, обширные переломы, сопровождаемые глубокими трещинами.

I. Сквозные и вдавленные переломы, полученные в результате действия тупого оружия с ограниченной поверхностью действия. В большинстве случаев это были круглой формы открытые переломы, диаметр которых варьировал в пределах 7–22 мм, но преобладали размеры 13–17 мм (табл. 2, 3). Овальные, прямоугольные, треугольные и шестиугольные отверстия встречались значительно реже.

Вдавленные переломы, нанесенные таким же оружием, имели сходную форму, но их было значительно меньше.

Оружием, которым были нанесены эти раны, были чеканы с разным сечением бойка. Они очень широко представлены в инвентаре Улангомского могильника (Novgorodova E.A. et al, 1982; Новгородова Э.А., 1989; Цэвэндорж Д., 1978). Способ использования этого оружия наглядно демонстрирует наскальное изображение (рис. 5) (Дорж Д., Новгородова Э.А., 1975, с. 74; Novgorodova E.A., 1980, S. 80).

II. Колотые повреждения, нанесенные кинжалами, большими ножами, наконечниками стрел, встречались значительно реже. Форма и размеры этих повреждений, по-видимому, соответствовали поперечному сечению двусторонне заточенного клинка кинжалом или больших ножей. Так же, как и чеканы, этот вид оружия был широко представлен в инвентаре Улангомского могильника.

III. Колюще-режущие повреждения в виде насечек, нарезов, царапин от лезвия ножей на черепах не обнаружены. Скорее всего, в полевых условиях такого рода повреждения было трудно обнаружить из-за недостаточной квалификации, недостатка времени и лабораторных условий.

IV. Остро-рубленые повреждения довольно часто встречались на черепах из этого могильника – и на лицевой и на мозговой части черепа.

Таблица 4

Распределение костных дефектов по отдельным костям с учетом правой и левой половины черепа

№ погребений	№ костяков	Лицевая часть					Височная область									Затылочная область				
		Орбиты		Лобная кость			Клиновидная кость		Передняя половина теменных		Височная кость		Височная обл.	Сосцевидный отросток		Нисходящая часть теменных			Затылочная кость	
		Прав.	Лев.	Прав.	Лев.	Посредине	Прав.	Лев.	Прав.	Лев.	Прав.	Лев.	Лев.	Прав.	Лев.	Прав.	Лев.	Сагиттальн. шов	Прав.	Лев.
10	1	РП	РП	ВП	СП+Т	—				КП		РП+Т			КП		СП ВП+Т		КП	
	2									РП										
31	1																		ВП	СП
	5					РП														
33	2															КП СП				
	6			СП+Т	СП+Т				СП СП		СП									
	8		РП+Т			ВП		СП+Т		СП СП+Т										
37	3												СП							
43	1								СП+Т РП											
47	4				СП СП СП											СП	СП	РП		СП СП
		1	2	2	5	2	—	1	4	4	1	1	1	—	1	3	3	1	2	3
		12 (32,4 %)					13 (35,2 %)									12 (32, 4 %)				

Примечания: СП - сквозной перелом; ВП - вдавленный перелом; РП - рубленное повреждение; КП - колотое повреждение; Т - трещины

Рис. 5. Петроглиф из местности Ханын-Хад

V. И, наконец, на двух черепах были обнаружены обширные переломы, сопровождаемые глубокими трещинами. Эти травмы были нанесены тяжелым, с большой поверхностью действия оружием. Возможно, таким оружием были топоры, подобные тому, который был найден в этом же могильнике.

Небезынтересными оказались и результаты подсчетов распределения костных дефектов по отдельным частям черепа с учетом правой и левой их половин. Оказалось, что большинство травм находилось на левой половине черепа и примерно поровну распределялось на лицевой височной и затылочной частях черепа. Это значит, что основная часть ударов наносилась спереди и справа налево (табл. 4 и рис. 5).

Выводы

Большое количество разного рода травм на черепах, обезглавленные костяки, частичные захоронения свидетельствуют о жестокости происходивших столкновений.

Особый интерес представляют черепа с симметрично расположенными дырчатыми переломами (костяк 6 сруб 33) или с правильным расположением переломов друг за другом на небольшом расстоянии (костяк 4 сруб 47). Такие переломы явились результатом сильных ударов, нанесенных по голове живого или мертвого человека, находящегося в жестко фиксированном положении[2].

Можно предположить, что могильник Улангом перестал функционировать в результате военных столкновений, происходивших на этой территории. Такое предположение возникает в результате анализа демографической структуры могильника и неравномерного распределения количества погребенных в срубах. Площадь срубов в основном варьировала в пределах 6–8 м^2 за небольшим исключением, тогда как количество костяков в срубах колебалось от 2 до 10 (табл. 5). Аналогичное предположение высказала Э.А. Новгородова (1989, с. 278–281). Обращает на себя внимание и количество всякого рода травм на некоторых черепах. Это, очевидно, свидетельствует о жестокости происходивших схваток (табл. 2).

В заключение хочется еще раз сказать, что эти травмы наряду с демографической структурой могильника со всей очевидностью свидетельствуют о преждевременной гибели мужчин в результате военных столкновений, и что характер костных дефектов на черепе увязывается с родом оружия. И наконец, хочется еще раз подчеркнуть, что сведения, публикуемые в этой статье, носят предварительный характер, поскольку этот материал требует специального анализа в лабораторных условиях. Необходимо

[2] Консультация по этому вопросу получена от В.Н. Звягина, заведующего физико-технической экспертизой при Республиканском центре судебно-медицинской экспертизы.

Таблица 5

Распределение размеров срубов и костяков

NN срубов	Размеры срубов, м	Площадь сруба, м²	Количество костяков			
			Всего	Inf	♀	♂
1	2,4x2,5	6,0	5	-	3	2
2	-	-	6	1	3	2
11	3,0x3,0	9,0	7	1	1	4+1T
14a	2,4x2,4	5,8	7	2	3	2
15	3,0x3,0	9,0	2	-	1	1
16	2,5x2,5	6,3	5	1	-	4
17	2,0x2,0	4,0	4	1	2	1
18	2,8x2,8	7,8	4	1	-	3
22	1,5x1,5	2,3	2	1	-	1
23	2,4x2,4	5,8	7	1	2	4
31	2,5x2,4	6,0	8	3	2	1+2T
32	2,4x2,5	6,0	3	1	1	1
33	2,4x2,5	6,0	9	1	2	2+4T
34	2,5x2,7	6,8	4	-	3	1
35	2,2x2,2	4,8	2	-	1	1
36	2,4x2,4	5,8	4	1	1	2
37	2,2x2,2	4,8	4	-	1	3
41	2,4x2,4	5,8	9	2	5	2
43	2,4x2,6	6,2	2	-	-	1+1T
46	-	-	5	1	2	2
47	2,8x2,8	7,8	10	2	3	4+1T
48	2,6x2,4	6,2	7	3	2	2

Примечание: T - костяки с травмами.

провести сходный анализ на остеологических коллекциях и сопоставление описанных дефектов с конкретным оружием (размеры и форма сечения бойков чеканов, кинжалов, ножей, топоров).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Авдеев М.И., 1966. Краткое руководство по судебной медицине. М.

Волков В.В., 1978. Улангомский могильник (по материалам раскопок 1972 г.) // Археология и этнография Монголии. Новосибирск.

Добряк В.И., 1960. Судебно-медицинская экспертиза скелетированного трупа. Киев.

Дорж Д., Новгородова Э.А. 1975. Петроглифы Монголии. Улан-Батор.

Козинцев А.Г., 1971. Демография Тагарских могильников // СЭ, № 6.

Мамонова Н.Н., 1978. Демография Улангомского могильника (Саяно-Тувинская культура V–III вв. до н.э). // Археология и этнография Монголии. Новосибирск.

Мамонова Н.Н., 1980. Антропологический тип древнего населения Западной Монголии по данным палеоантропологии // Сб. МАЭ. Вып. XXXVI. Л.

Новгородова Э.А., 1989. Древняя Монголия. М.

Цэвэндорж Д., 1978. Чандманьская культура // Археология и этнография Монголии. Новосибирск.
Nowgorodova E., 1980. Alte Kunst der Mongolei. Leipzig.
Novgorodova E.A., Volkov V.V., Korenevskij S.N., Mamonova N.N., 1982. Ulangom – Ein Graeberfeld der Skythischen Zeit aus der Mongolei. Wiesbaden.

Институт общей генетики им. Н.И. Вавилова РАН,
Москва

N.N. MAMONOVA

BATTLE TRAUMAS ON THE SKULLS FROM THE BURIAL GROUND ULANGOM (5th-3d CENTURIES BC)

S u m m a r y

The paper is devoted to urgent problems, i.e. the study of traumas on the skulls and skeleton bones from the burial ground Ulangom (Mongolia). Various traumas on the skulls and beheaded skeletons are indicative of ferocity of the battles that took place. The author presents skulls from burials 33, 47 (in timber-graves) and some other as examples. The author comes to the conclusion that, given demographic structure of the burial ground, these traumas is an evidence of men's dying as a result of military clashes, and the character of the traumas allows to establish links between them and the weapon types. Finally, the author concludes that the findings presented in the paper are preliminary as most of the data has been obtained in field conditions.

Б. НАРАН, Д. ТУМЭН

ТРАВМАТИЧЕСКИЕ ПОВРЕЖДЕНИЯ НА ЧЕРЕПАХ ЧАНДМАНЬСКОГО МОГИЛЬНИКА*

В течение трех полевых сезонов в 1972–1974 гг. отряд по изучению ранних кочевников Монголии под руководством В.В. Волкова и Н. Сэроджав проводил исследования замечательного памятника эпохи поздней бронзы и раннего железного века Западной Монголии – могильного комплекса Чандмань. Чандманьский (Цэвээндорж Д., 1974; 1978; 1983), или Улангомский (Волков В.В., 1974; 1978; Новгородова Э.А., 1989; Мамонова Н.Н., 1978; 1980), могильник находится у северо-восточного подножья горы Чандмань-уул, на территории Увс аймака. Могильник был открыт случайно при земельных работах в 1971 г. Российские и монгольские специалисты придерживаются различных точек зрения на датировку этого археологического памятника. В.В. Волков (1974), Э.А. Новгородова (1989) датировали его V–III вв. до н.э. Монгольские археологи Н. Сэр-Оджав (1977), Д. Цэвээндорж (1974; 1978; 1983) датировали Чандманьский могильник VII–III вв. до н.э., ссылаясь на аналогии с курганами Тувы. Д. Наваан (1978) так же, как и Д. Цэвээндорж относил Чандманьский могильник к VII–III вв. до н.э., описывая бронзовые и костные предметы, украшенные в "зверином стиле".

При археологических раскопках данного могильника были обнаружены два типа погребений: с деревянными срубами и с каменными ящиками. Каменные ящики небольших размеров содержали одиночные и парные захоронения. Срубные могилы, бóльшие по размеру, чем каменные ящики, содержали от двух до десяти захоронений (Волков В.В., 1974; 1978; Новгородова Э.А., 1989; Наваан Д., 1978; Цэвээндорж Д., 1978; 1983). Краниологическое и демографическое исследования палеоантропологического материала данного могильника были проведены Д. Тумэн (1976; 1985; 1992) и Н.Н. Мамоновой (1978; 1980). Палеоантропологические материалы хранятся в секторе антропологии Института общей и экспериментальной биологии АН Монголии.

Материалы и методы

В данной статье представлены основные результаты исследования травматических повреждений на черепах из Чандманьского могильника. Нами исследовано 108 черепов, из них 48 мужских, 31 женских и 5 детских были получены из погребений в деревянных срубах; 15 мужских, 5 женских и 3 детских – погребений в каменных ящиках. При обработке краниологических материалов Чандманьского могильника была использована программа для оценки патологических данных (Ortner D.G., Putschar W.G.J., 1983; Marcsik A., Farkas Gy., 1986; Гохман И.И., 1989; Бужилова А.П., 1995 и т.д.). Кроме того, нами были сделаны рентгенограммы и фотосъемка для точного определения каждого повреждения на черепе.

---

* В раскопках данного могильника приняли участие В.В. Волков (руководитель отряда по изучению бронзового и каменного века МСИКЭ), археолог В.В. Свинин, антрополог Н.Н. Мамонова (1972; 1973), археолог Д. Наваан, Д. Цэвээндорж, антрополог Д. Тумэн (1973; 1974) и студенты Монгольского государственного университета.

© Б. Наран, Д. Тумэн, 1997 г.

Травматические повреждения

Травматизму в палеопатологических исследованиях уделяют много внимания. Некоторые исследователи отмечают, что травматические поражения – наиболее характерные маркеры военной жизни и трудовой деятельности (Рохлин Д.Г., 1965; Бужилова А.П., 1995; Янкаускас Р.П., 1993).

Из западномонгольского антропологического материала выделяются несколько черепов со следами травматических дефектов, различных как по величине, так и по происхождению. Среди рассматриваемых групп выделяются погребения из деревянных срубов Чандманьского могильника. Для них характерны максимальные значения частоты встречаемости травм (табл. 1). Следует отметить, что встречаемость травм в мужских подгруппах у погребенных в деревянных срубах (18,4%) чаще, чем у погребенных в каменных ящиках (13,3%). На женских черепах в погребениях обоих типов травм не обнаружено. Встречаемость травм имеет значительные возрастные различия. Так, у погребенных в деревянных срубах наибольшая частота встречаемости – в возрасте adultus (20%), maturus (8,0%). У погребенных в каменных ящиках частота встречаемости травм на черепе у adultus 20, у maturus 10%. В исследованной группе отмечено 12 случаев травм на черепе (табл. 1, 2), из них 4 случая – с трепанационными отверстиями.

Таблица 1

Травматические повреждения у чандманьцев

Номер могилы	Обряд погребения	Пол	Возраст, лет	Место травмы	Повреждения нанесены		Трепанации по типу	
					тупым предметом	острым предметом	соскабливание	вырезание
М10П1	Каменный ящик	Мужской	20–29	Лобная, теменная, затылочная кости		+		
М10П2	То же	То же	20–25	Лобная, теменная кости	+		+	
М31П1	Деревянный сруб	»	30–39	Затылочная кость		+		+
М31П5	То же	»	30–39	Лобная, теменная кости		+		
М33П2	»	»	20–29	Теменная кость		+		
М33П3	»	»	20–29	Лобная, височная кости		+		
М33П5	»	»	20–29	Лобная, теменная, затылочная кости	+	+		
М33П6	»	»	20–29	Лобная, теменная кости	+	+		+
М37П3	»	»	20–29	Височная кость		+		
М45П2	Каменный ящик	»	30–39	Лобная кость	+			
М47П4	Деревянный сруб	»	20–29	Лобная, теменная, затылочная кости				+
М48П6	То же	»	20–29	Теменная кость		+		

Частота черепных травм у чандманьцев

Признаки	Количество травм (численность группы)	Процент
Половой диморфизм		
мужчин	12 (64)	18,7
женщин	0 (36)	0
детей	0 (8)	0
Возрастные различия		
adultus	10 (46)	21,7
maturus	2 (54)	3,7

Черепа с военными травмами

Череп 33-3(AT-98)[1]. У мужчины (20–29 лет) из деревянного сруба на лбу была отмечена травма в виде вмятины размером примерно 13 × 24 мм. На теменной кости, точнее над верхней частью левой височной доли, было обнаружено рассечение продолговатой формы с неправильными краями. Размеры травмы: при длине 105 мм ширина на лицевой стороне височной доли составляет 40 мм, тогда как на другом конце продольного рассечения ширина составляет 20 мм. Недалеко от шва теменной кости было обнаружено круглое отверстие, что, возможно, является результатом воздействия копья. Также обнаружено прободение глазной области, в частности рассечение нижней кости левой орбиты размером до 7 мм. Анализ данного черепа показывает, что трехслойная структура кости достаточно хорошо сохранена и данное отверстие не является результатом повреждения при археологических раскопках.

Череп 10-1(AT-55). У молодого мужчины (20–29 лет) из погребения в каменном ящике на лобной кости обнаружено четыре отверстия неправильной формы. Два из них находятся прямо над глазными орбитами. Размер отверстия, расположенного над левой орбитой, составляет 22 × 15 мм, а отверстие над правой орбитой имеет размер 10 × 20 мм. Чуть выше, прямо над этими отверстиями расположены два других – малые отверстия, размеры которых составляют 18 × 9 и 13 × 17 мм. На теменной кости были обнаружены продольный шрам длиной 25 мм и шрам-вмятина длиной 4 мм от зажившей раны. Здесь же на теменной кости недалеко от шрама обнаружено другое отверстие размером 13 × 13 мм. В центре затылочной кости обнаружено продолговатое отверстие размером 17 × 25 мм.

Череп 31-5 (AT-91). У мужчины (30–39 лет) из погребения в деревянном срубе на левой лобной и височной кости обнаружено большое неправильной формы отверстие, размеры поражения примерно 110 × 65 мм.

Череп 33-5 (AT-100). У молодого мужчины (20–29 лет) из погребения в деревянном срубе на лобной кости, на 55 мм выше от точки nasion, отмечена вмятина примерно размером 30 × 17 мм с периостальной реакцией. Также на правой теменной кости обнаружена вмятина размером примерно 12 × 6 мм. В затылочной части черепа было отмечено отверстие со следами ударов острым оружием. Размер поражения примерно 20 × 25 мм. На теменной кости справа отмечена травма в виде рассечения кости длиной примерно 50 мм.

Череп 37-3 (AT-112). У молодого мужчины (20–29 лет) из погребения в деревянном срубе на левой стороне черепа обнаружено большое отверстие, а в области височной и теменной костей – большой пролом размером 150 × 70 мм.

[1] AT – антропологическая коллекция Института общей и экспериментальной биологии (Сектор антропологии).

Череп 45-2 (АТ-121). У мужчины (30–39 лет) из погребения в каменном ящике на лобной кости, на 35 мм выше правой орбиты, отмечена вмятина размером примерно 15 × 10 мм.

Череп 48-6 (АТ-137). У молодого мужчины (20–29 лет) из погребения в деревянном срубе на теменной кости справа зафиксированы следы зажившего компрессионного перелома. Его размеры составляют 17 × 6 мм.

Череп 33-2 (АТ-97). У молодого мужчины (20–29 лет) из погребения в деревянном срубе череп пробит в двух местах на теменной кости, размер одного из них составляет 20 × 5 мм. По-видимому, это могло быть следом удара острым оружием. Второй удар нанесен тупым предметом, размеры поражения – приблизительно 24 × 8 мм. На основе вышеизложенного мы можем предполагать, что травмы на всех исследованных черепах имеют военное происхождение. На это указывает максимальная частота травм у мужчин зрелого возраста, обнаруженных в погребениях обоих типов.

Хотя травмы и ранения черепа у носителей Чандманьской культуры встречались часто, но в некоторых случаях не были прямой причиной смерти, особенно нанесенные тупым предметом, так как следы такого типа травм явно свидетельствуют о заживлении при жизни. Среди травматических повреждений черепа имеются тяжелые проникающие ранения, нанесенные острыми орудиями. Судя по состоянию травм, можно разделить орудия на две категории: с тупым и острым краем.

Трепанации

Известно, что трепанация черепа считается одной из распространенных древнейших операций (Гохман И.И., 1989). Трепанация – это хирургическое вмешательство, при помощи которого вскрывают костную полость, костно-мозговой канал, череп (Дэрумс В.Я., 1962). Трепанированные отверстия черепа различных исторических периодов были изучены многими исследователями (Анучин Д.Н., 1895; Дэрумс В.Я., 1962; Рохлин Д.Г., 1965; Боев Р., Исмагулов О., 1962; Пирпилашвили П.М., 1974; Marcsik A., Farkas Gy., 1986; Гохман И.И., 1989; Ortner D.J., Putscar W.G.J., 1983 и др.). Исследователи считают, что при первичном окончательном заживлении все три костных слоя вокруг операционного отверстия сращены между собой так, что различить их невозможно. По данным тех же авторов, если края раны были инфицированы, то вокруг костной ткани отмечаются признаки перенесенного гнойного процесса. Если больной умер во время трепанации или трепанация сделана после смерти, то в области операции не наблюдается никаких репаративных явлений и все три костных слоя четко видны.

Как отметил П.М. Пирпилашвили (1974), даже на рентгенограмме не наблюдается каких-либо изменений в этих случаях. При успешной трепанации края трепанированного отверстия окаймлены узкой зоной костной мозоли. Согласно палеопатологическим данным (Ortner D.J., Putscar W.G.J., 1983; Marcsik A., Farkas Gy., 1986), трепанации совершались в следующих целях: 1) культов (религиозная-посмертная) трепанация; 2) символическая (присмертная) трепанация; 3) хирургическая трепанация. В чандманьской группе встречено четыре случая с трепанационными отверстиями.

Череп 10-2 (АТ-56). У молодого индивида (20–25 лет), погребенного в каменном ящике, на лобной кости обнаружены следы травм: по-видимому, это след от удара тупым оружием. В костной ткани вокруг дефекта отмечаются признаки воспалительного процесса. Отверстие находится над бугром левой теменной кости в 14 мм выше лобного шва, в 37 мм выше височного шва и в 50 мм ниже сагитального шва. Оно имеет овальную форму, длина 63 мм, ширина 25 мм. Вероятно, пластинка была ущемлена частично. Края внутренней пластины тонкие. Три костных слоя вокруг операционного отверстия демонстрируют четкий след заживления, так как они не видны. В костной ткани вокруг дефекта отмечаются признаки воспалительного процесса (рис. 1, *1*, *2*).

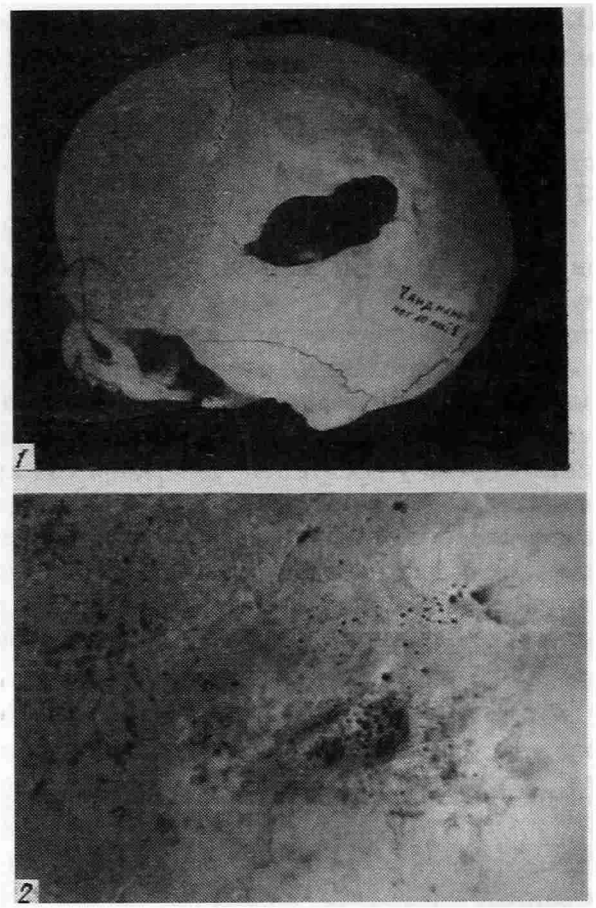


Рис. 1. *1* – Трепанированный череп. Чандманьское погребение 10-2 (АТ-56) из каменных ящиков; *2* – травма на черепе (тупым оружием)

Возможно, данный индивидуум прожил определенное время после операции. Характер трепанационного отверстия рассматриваемого черепа позволяет с уверенностью утверждать, что оно было сделано путем выскабливания, выдалбливания. Череп был пробит тупым предметом, осколки костей изъяты. Такая форма свидетельствует о хирургическом вмешательстве. Она имеет параллели в современной медицине, так как описанный способ методически весьма близок тому, которым пользуются современные хирурги для проведения небольшого трепанационного отверстия на черепе (консультация по этому вопросу получена у заслуженного деятеля науки, д-ра мед. наук Хайруула – известного монгольского нейрохирурга, работающего в поликлинике № 3 г. Улан-Батора).

Череп 47-4 (АТ-129). Этот случай особенно интересен. У молодого мужчины (20–25 лет), погребенного в деревянном срубе, было обнаружено семь трепанационных отверстий: три были расположены на левой лобной кости, два – на левой теменной кости, два – на затылочной кости (рис. 2, *1*). Одно трепанационное отверстие находится на левой части затылочной кости, на 20 мм ниже лямбдовидного шва и имеет ромбовидную форму со стороной 10 мм, ровные края, частично сохранившуюся внутреннюю костную пластинку. Другое отверстие расположено на левом лямбдовидном шве и имеет круглую форму с диаметром 20 мм, заживленный край. Надо отметить, что надкостница нижнего края данного отверстия была соскоблена при жизни. Заживленный край отверстия свидетельствует о прижизненной трепанации. Судя по характеру двух отверстий на затылочной кости, сделанных при жизни, они не привели к смерти.

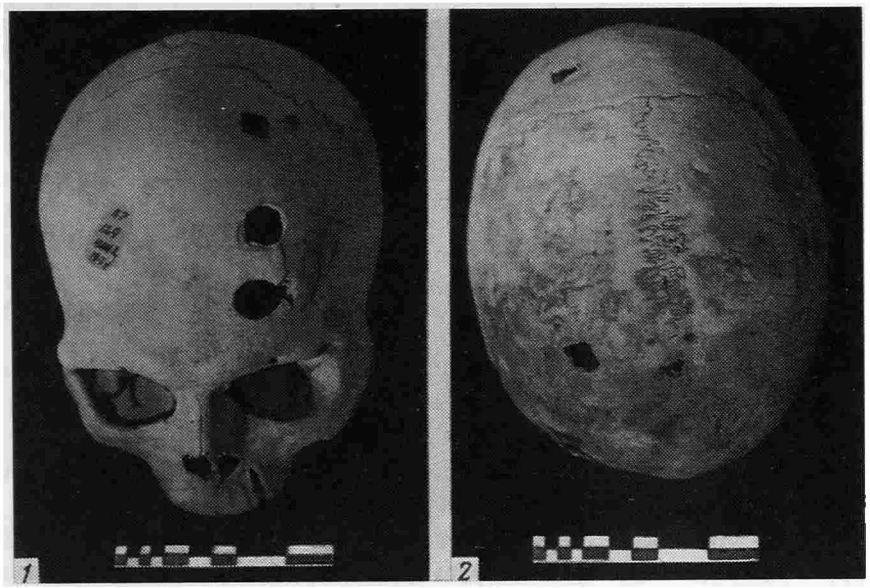


Рис. 2. Трепанированные черепа из деревянных срубов. *1* – Чандманьское погребение 47-4 (АТ-129); *2* – травма на черепе (острым оружием). Чандманьское погребение 33-6 (АТ-101)

На левой стороне лобной кости находятся три трепанационных отверстия. Одно из них с диаметром 23 мм расположено на 20 мм выше глазницы. Данное отверстие имеет круглую форму, но его левая сторона явно разрушена во время трепанации.

На 10 мм выше первого отверстия находится еще одно – круглой формы с диаметром 15 мм, а выше на 25 мм от предыдущего обнаружено еще одно отверстие квадратной формы с диаметром 10 мм. В обоих отверстиях четко видны три костные слоя, что, вероятно, свидетельствует о смерти индивидуума во время трепанации или после нее. Еще два трепанационных отверстия находятся на теменной кости рассматриваемого черепа, одно из них – на левой теменной кости, на 30 мм выше лямбдовидного шва, другое – на 33 мм левее сагитального шва. Первое отверстие имеет правильную квадратную форму и ширину 10 мм, второе – правильную четырехугольную форму и диаметр 15 × 5 мм.

Формы и характер всех отверстий показывают, что они пробиты одним и тем же инструментом. Скорее всего эти отверстия были высверлены. Состояние изученных отверстий позволяет предположить, что все рассматриваемые трепанации выполнены этапно. Два из них, сделанные на затылочной кости, выполнены при жизни, остальные пять трепанаций сделаны позже. Может быть, во время трепанации больной умер или трепанации сделаны после его смерти, поскольку во всех трепанированных отверстиях хорошо видны все три костных слоя. Основываясь на этом, можно предположить, что таким путем оперировали индивида по нескольку раз.

Череп 33-6 (АТ-101). У юноши (20–29 лет) из погребения в деревянном срубе на лобной кости над глазными орбитами обнаружено два больших отверстия, одно из них имеет три трещины с хорошо видными тремя костными слоями. Края этого отверстия неровные. Размеры обоих отверстий составляют 25 × 15 мм. На правой теменной кости данного черепа обнаружено продолговатое отверстие неправильной формы. При длине 46 мм отверстие имеет разную ширину. Один край отверстия имеет ширину 16 мм, в середине сужается до 10 и на другом крае расширяется до 15 мм. Три костных слоя ясно видны, по краям отверстия видны обломки костей, внутренняя пластинка во многих местах отслоилась. Основываясь на характере костных слоев, мы предполагаем, что все три отверстия на черепе у этого юноши, возможно, нанесены тупым предметом (рис. 3, *1*, *2*).

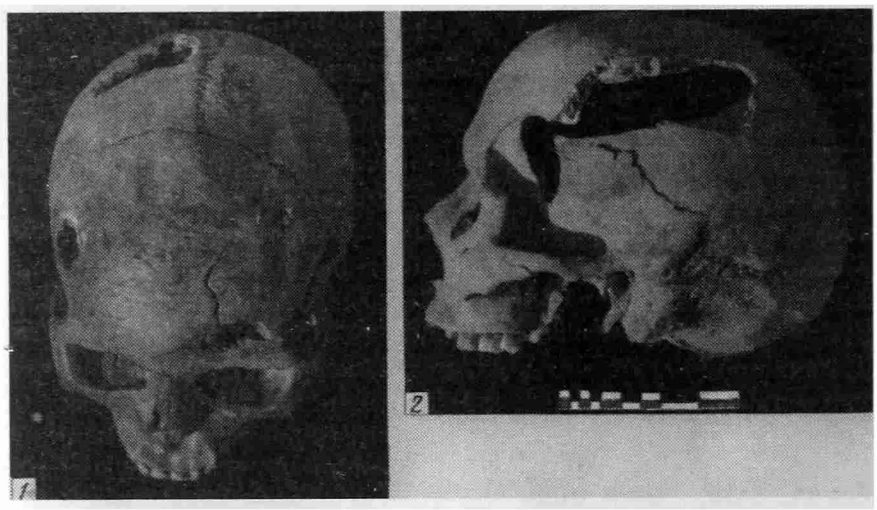


Рис. 3. *1, 2* – Травмы на черепе (острым оружием). Чандманьский могильник 36-3 (АТ-98) из деревянных срубов

Кроме этого, у данного черепа на левой височной кости обнаружено отверстие правильной округлой формы с диаметром 25 мм. Костные структуры ясно видны. Возможно, отверстие является результатом трепанации.

Череп 31-1 (АТ-88). У мужчины (30–39 лет), погребенного в деревянном срубе, на затылочной кости обнаружено два пролома, один из которых представляет собой рассечение продолговатой формы размером 17 × 7 мм. Возможно, оно возникло от удара острым оружием. Другое отверстие правильной квадратной формы размером 7 × 7 мм и с равными краями без признаков заживления, по-видимому, является результатом трепанации.

Выводы

1. Среди исследованных 108 краниологических материалов Чандманьского могильника 12 черепов (11,1%) имеют травматические повреждения, причем на одном черепе обнаружено от одного до трех повреждений либо в виде отверстия, либо углубления с воспалительным процессом. На четырех из них одновременно обнаружены травматические повреждения в виде отверстия и трепанационные отверстия. На одном из них (47-4, АТ-129) обнаружено семь трепанационных отверстий в различном состоянии, т.е. два из них с заживлением, другие же не имели признаков воспалительного процесса, что свидетельствует о незаживлении травмы.

2. Травматические повреждения на чандманьских черепах имеют строго половозрастный характер, так как все они были обнаружены у мужчин зрелого возраста (adultus и maturus), что, возможно, говорит об участии в военных действиях.

3. Судя по состоянию травматических повреждений и внешнему виду отверстия, можно определить тип оружия. Это может быть предмет с тупым или с острым краем.

4. В большинстве случаев отверстия на черепах не были заживлены, что наводит на мысль о смерти данного индивидуума от полученных тяжелых травм.

5. Одновременное нахождение заживленных и незаживленных трепанационных отверстий на одном черепе дает возможность предполагать, что носители чандманьской культуры, возможно, практиковали трепанацию для лечения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Анучин Д.Н., 1895. Амулет из человеческой кости и трепанация черепов в древние времена в России // Тр. IX археологического съезда в Вильне. Т. I. М.

Боев П., Исмагулов О., 1962. Трепанированный череп из Казахской ССР // СЭ. № 2.

Бужилова А.П., 1995. Древнее население (палеопатологические аспекты исследования). М.

Волков В.В., 1974. Улангомский могильник и некоторые вопросы этнической истории Монголии // Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии. Улан-Батор.

Волков В.В., 1978. Улангомский могильник (по материалам раскопок 1972 г.) // Археология и этнография Монголии. Новосибирск.

Гохман И.И., 1989. Палеоантропология и доисторическая медицина // Антропология в медицине. М.

Дэрумс В.Я., 1962. О ранениях и повреждениях черепа у древних жителей Прибалтики по материалам археологических раскопок // Матер. II конф. патологоанатомов Латвии. Рига.

Мамонова Н.Н., 1978. Демография Улангомского могильника (Саяно-Тувинская культура V–III вв. до н.э.) // Археология и этнография Монголии. Новосибирск.

Мамонова Н.Н., 1980. Антропологический тип древнего населения Западной Монголии // Сб. Музея антропологии и этнографии АН СССР. Т. XXXVI. Л.

Наваан Д., 1978. Новые находки "звериного стиля" Монголии (по материалам советско-монгольской историко-культурной экспедиции 1972–1974 гг.) // Археология и этнография Монголии. Новосибирск.

Новогородова Э.А., 1989. Древняя Монголия. М.

Пирпилашвили П.М., 1974. Палеоантропологические материалы по изучению болезней, повреждений костей и лечебных манипуляций в древней Грузии. Автореф. дис. ... канд. мед. наук.

Рохлин Д.Г., 1965. Болезни древних людей. М.

Сэр-Оджав Н., 1977. Древняя история Монголии. Улан-Батор.

Тумэн Д., 1976. К антропологии Западной Монголии // ШУАМ.

Тумэн Д., 1985. Вопросы этногенеза монголов в свете данных палеоантропологии. Автореф. дис. ... канд. ист. наук.

Тумэн Д., 1992. Антропология современного населения МНР. Автореф. дис. ... д-ра биол. наук.

Цэвээндорж Д., 1974. Погребение Чандмань-ула // ШУА. Т. V.

Цэвээндорж Д., 1978. Чандманьская культура // Археология и этнография Монголии. Новосибирск.

Цэвээндорж Д., 1983. Чандманьский могильник – памятник раннего железного века Монголии. Автореф. дис. ... канд. ист. наук.

Янкаускас Р.П., 1993. К антропоэкологии средневекового города // Экологические проблемы в исследованиях средневекового населения восточной Европы. М.

Marcsik A., Farkas Gy. 1986. Furtner trephined skulis in Hungary (case-history) // J.Paleopathol. 4(1).

Ortner D.G., Putscar W.G.J., 1983. Identification of pathological in human sceletal remains. Washington.

Институт археологии РАН, Москва

B. NARAN, D. TUMEN

TRAUMATIC INJURIES ON THE SKULLS FROM THE CHANDMAN BURIAL GROUND

Summary

The paper considers some traumatic injuries and trepanation of skulls from the Chandman burial ground that dates back to the Late Bronze and the Early Iron Age of Western Mongolia. Two types of burials were uncovered during archaeological excavations of the given burial ground, namely: burials with timber graves and burials with stone boxes. Small size stone boxes contained single and coupled bu-

rials. Timber graves which are larger in size than the stone boxes contained from two burials to a dozen of them.

The author has studied 108 skulls; 48 men, 31 women, and 5 children came from the timber graves, while 15 men, 5 women and 3 children were buried in the stone boxes. A software for evaluating pathological data has been used in processing the information on traumatic injuries on the skulls found in the Chandman burial ground. The author has made X-ray films and photographs for an accurate identification of each skull injury. 12 skull injuries have been identified in the group under investigation, 4 cases being with trepanation holes. There are more injuries in men's subgroups among the dead buried in the timber graves (18.4%) relative to the dead found in the stone boxes (13.3%). No injuries have been identified on women's skulls found in both types of the burials. Judging by the conditions of the skull injury, we can suggest that injuries found on all skulls analyzed were made during battle operations. Injuries and traumas of the Chandman people's skulls was a frequent find, but in some cases they were not a direct cause of death, especially traumas made by an obtuse object as the traces of this kind indicate that the injury healed during the life of a man. There are heavy penetrating injuries, made by a sharp weapon among traumatic skull injuries. Judging by the conditions of the traumas, it is possible to divide weapons into two categories: weapons with an obtuse edge, skulls from burials 33-5, 45-2, 48-6 can be referred to this category; and weapons with sharp edges, skulls from burials 33-3, 10-1, 31-5, 33-5, 37-3, 33-2 fall under this category.

Four cases with trepanation holes (10-2, 47-4, 33-6, 31-1) have been identified in the Chandman group, each skull having from one to seven trepanation holes in different conditions, i.e. two of them healed, others did not have signs of the inflammatory process which is an evidence of the trauma not having healed. Simultaneous finds of healed and unhealed trepanation holes on one skull gives a possibility to suggest that the bearers of the Chandman culture practiced trepanation for treating purposes.

М.Б. МЕДНИКОВА

К ВОПРОСУ О РАСПРОСТРАНЕНИИ ПОСМЕРТНОЙ ТРЕПАНАЦИИ ЧЕРЕПОВ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

История изучения трепанированных черепов насчитывает не первое столетие.

Самое раннее упоминание о трепанации содержится в сочинении Гиппократа (цит. по: Ortner D.J., Putschar W.G.J., 1981, p. 95). Научный в современном понимании интерес к данному феномену сформировался в XIX в. в результате значительного расширения источниковедческой базы. Одними из первых появились сообщения венгерских ученых о трепанированных черепах (Jankovich, 1834 и Erdy, 1858, цит. по: Boev P., 1992, p. 140). Находка Прюньером во Франции, в дольменах департамента Лозеры, черепов со следами искусственной их трепанации и пластинок, вырезанных из человеческого черепа, вызвала оживленную дискуссию на съезде Французской ассоциации для споспешествования наукам в Лионе в 1873 г. (цит. по: Анучин Д.Н. 1895, с. 287).

"...Д-р Прюньер представил округленную пластинку, вырезанную из кости человеческого черепа... и найденную им в полости трепанированного черепа... Пластинка эта, неправильно овальной формы, имела 50 мм в длину и была вырезана из правой теменной кости, как то доказывали сосудистые бороздки на внутренней... поверхности... По своей форме, толщине, плотности и цвету ее костной ткани она не могла быть частью того черепа, в полости которого она оказалась, и происходила, очевидно, от другого черепа". Находки костяных пластинок и трепанированных черепов были

© М.Б. Медникова, 1997 г.

также сделаны бароном Де Бай (De Bay) в 1874 г. в неолитических погребальных гротах департамента Марны (Анучин Д.Н., 1895, с. 288).

Первая находка такого рода в России была сделана Ф.Д. Нефедовым, членом Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, летом 1883 г. при раскопках городища на р. Ветлуге, в Костромской губернии. Д.Н. Анучин трактовал эту находку как амулет, вырезанный из теменной и лобной костей человеческого черепа на левой стороне. Предмет характеризовался неправильной яйцевидной формой, длиной 62,5 мм, шириной на границе нижней трети 50 мм, а вверху – 35 мм. Основная часть пластинки приходилась на теменную кость (Анучин Д.Н., 1895, с. 286). При повторных раскопках городища у с. Одоевского, произведенных Б.С. Жуковым в 1926 г., было найдено еще 2 амулета: в раннепьяноборском слое фрагмент из брегматической области теменных костей с отверстием для подвешивания (IV–III вв. до н.э., Бадер О.Н., 1951, с. 131, 152, рис. 13, *23*) и в ананьинском слое искусственно перфорированный дистальный фрагмент левой лучевой кости (VII–V вв. до н.э., Бадер О.Н., 1951, с. 129, 154, рис. 12, *31*).

В переведенной на русский язык книге Г. Обермайера (Обермайер Г., 1913, с. 595, 596) содержалось новое обращение к теме трепанации. Автор воспроизвел фотографию неолитического черепа из Ножан-ле-Вьерж, на которой можно наблюдать правостороннее обширное отверстие овальной формы, захватившее значительную часть височной кости (Обермайер Г., 1913, с. 595, рис. 332). Описанию подвергся также "рубец в форме буквы Т", нередко встречаемый на черепах из дольменов департаментов Сены и Уазы, отнесенной Г. Обермайером к "области неолитической народной медицины" или служивший знаком посвящения в какую-нибудь должность, принадлежности общине либо простым украшением (Обермайер Г., 1913, с. 596, рис. 333).

С момента возникновения на рубеже нашего столетия науки о болезнях древних людей – палеопатологии – поиск, классификация и систематизация информации о хронологии и географии этого явления становятся предметом изучения данной науки (Ruffer M.A., 1918, p. 90–104).

Обряд трепанации производился в различных древних сообществах с различными целями. Именно этот факт лежит в основе большинства классификаций трепанационных отверстий.

П. Брока (Broca P., 1877) в XIX в. выделил два типа трепанаций: 1) хирургическую, производившуюся в медицинских целях (*trepanatio ante mortem*), и 2) ритуальную, ставившую целью создание амулета из костного фрагмента, изъятого из трепанационного отверстия (*trepanatio post mortem sive posthuma*) (цит. по: Boev P., 1992, p. 140). Итак, главная линия была прочерчена – при жизни или после смерти?

Впоследствии был открыт третий тип трепанации, производившейся не столько с целью перфорации черепа, сколько для удаления мозга и последующей мумификации. Четвертый тип трепанации, так называемая символическая трепанация, описан Бартушем (Bartucz, 1951, цит. по: Boev P., 1992, p. 141).

П. Боев (Boev P., 1992, p. 141) полагает наиболее удачной классификацию, предложенную в 1960 г. венгерскими специалистами, но в то же время вносит в нее свои дополнения.

Немешкери, Ери Кинга-Краловански (Nemeskeri J., Ery Kinga-Kralovansky) предложили выделять: 1) действительную, или хирургическую трепанацию – любое отверстие в черепе, сделанное прижизненно; 2) ритуальную трепанацию – любое посмертное вскрытие скелетированного черепа с целью получения костной пластинки (амулета и др.) (П. Боев считает, что сюда следует отнести также трепанацию, связанную с обрядом мумификации); 3) символическую трепанацию – операцию на своде черепа, совершенную при жизни индивидуума и нераспространявшуюся дальше диплоэ, при этом внутренняя костная пластинка (*lamina interna*) воздействию не подвергалась (П. Боев причисляет к этому типу также посмертное вскрытие черепа в ритуальных целях, имея в виду распространенный в средние века на территории Болгарии обряд изгнания дьявола и борьбы с вампирами).

Хотя эта классификация и является на сегодняшний день наиболее полной, она представляется несколько противоречивой. На мой взгляд, нет нужды, противопоставлять символическую и ритуальную трепанацию, поскольку нет оснований утверждать, что различные варианты обряда не сочетались в традициях разных народов. Кроме того, надо полагать, что и хирургические действия в древнем мире совершались сквозь призму ритуального, религиозного отношения к производимому процессу, а не как плановая операция в современной больнице. Тем не менее, если не заострять внимания на не вполне удачных названиях, практическое применение рассматриваемой рубрикации помогает ответить на вопрос, для чего совершался обряд – для поправки здоровья или с другими целями.

Д. Бротвелл (Brothwell D., 1972, p. 126) в этой связи отмечает, что операция на своде черепа была, по-видимому, одной из самых первых в истории человечества. Он значительно расширил список возможных причин столь опасного хирургического вмешательства, совершавшегося: а) для получения костного амулета посмертным или прижизненным трепанированием; б) в качестве хирургического лечения ранений, особенно при переломах черепа; в) как медицинская процедура для избавления от головной боли, эпилепсии и других болезней; д) Дж. Крамп (Crump J.A., 1901) отмечал, что в Новой Ирландии (New Ireland) подобная операция стала весьма популярной, поскольку считалась источником долголетия.

Если на черепе обнаружено отверстие, которое может быть результатом трепанирующего воздействия, необходимо тщательное изучение его формы, размеров, свидетельств использования инструментов, а также любых следов заживления. Признаками заживления являются округлые края отверстия и расширенное пространство внутренней стороны костной пластинки с тенденцией к затягиванию отверстия.

Полное заживление трепанационного отверстия характеризуется наличием замыкающей пластинки, прикрывающей губчатое вещество (диплоэ). Эта замыкающая пластинка на всем протяжении трепанационного отверстия соединяет наружную и внутреннюю пластинки черепного свода (Рохлин Д.Г., 1965, с. 174).

Рекомендуется дифференцировать намеренную трепанацию и отверстия, полученные от удара мечом, при раскопках или в результате предшествующего ограбления могил, при продолжительном давлении острых камней, при избирательной эрозии, особенно в уже поврежденных участках кости. Кроме того, в некоторых частях света насекомые и грызуны способны вызывать обширные разрушения костей. Помимо перечисленных выше "ложных трепанаций" Д. Бротвелл (Brothwell D., 1972, p. 128) упоминает еще разрушение теменных костей при истончении в результате врожденной недостаточности и перфорации при сифилисе, внешне весьма сходные с эрозированными трепанационными отверстиями. Д. Ортнер и В. Путчар (Ortner D.J., Putschar W.G.J., 1981, p. 95) упоминают о том, что некоторые врожденные аномалии, такие как дизрафизм (мозговая грыжа), могут быть морфологически сходны с трепанациями. Специалисты подчеркивают, что данное заболевание имеет неблагоприятный прогноз: лица с обширными дефектами черепа, как правило, умирали в детстве (Ortner D.J., Putschar W.G.J., 1981, p. 351). Другой весьма любопытный пример врожденных двусторонних перфораций теменных костей был описан еще П. Брока (1875, цит. по: Ortner D.J., Putschar W.G.J., 1981, p. 352). Этот дефект обнаруживает чрезвычайное внешнее сходство с искусственной трепанацией и может встречаться у взрослых индивидуумов (Ortner D.J., Putschar W.G.J., 1981, p. 352, fig. 559).

П. Боев (Boev P., 1992, p. 141) приводит расширенный перечень заболеваний, способствующих появлению на черепе псевдотрепанационных отверстий: туберкулез, сифилис, остеомиелит, тропическая гранулема, эхинококкоз, саркома Эвинга, метастазы при раке языка, тиреоидной железы и почек, гранулема эозинофилическая, лимфогранулематоз, лакуна Боннара, болезнь Пьер-Мари и Сентрон.

Существует классификация трепанационных отверстий, в основе которой лежит описание способа трепанирования (Brothwell D., 1972, p. 129).

I. "Выскребывание" инструментом борозды, которая, распространяясь на внутреннюю поверхность, приводит к отделению костной пластинки. Обычно наружная окружность отверстия бывает больше внутренней окружности.

II. Путем давления изогнутым, "каноэ-образным" предметом создаются многоугольные отверстия. В основном эта форма распространена в Перу, но описан также случай в неолитическое время во Франции и два образца из Палестины.

III. Сверление малых отверстий и прорезание "мостика" между ними. Бротвелл отмечает, что известные примеры подобной трепанации происходят только из Перу.

Д. Ортнер и В. Путчар (Ortner D.J., Putschar W.G.J., 1981, p. 97) подчеркивают, что последние два способа трепанирования создают повышенную опасность повреждения мозга.

Весьма наглядную схему различных методов трепанирования предложил Ф.П. Лисовски, различающий трепанацию путем: а) скобления, б) прорезания, в) сверления и прорезания, г) иссечения фрагментов прямоугольной формы (Lisovski F.P., 1967, цит. по: Standards..., 1994, p. 160, fig. 114).

Д. Бротвелл (Brothwell D., 1972, p. 130) отмечал, что чаще отверстия локализованы с левой стороны, это связано также с большей частотой встречаемости ранений слева (по-видимому, с более частой праворукостью. – *М.М.*). Лобная кость подвергалась операции чаще, реже теменные, и наиболее редко трепанировалась затылочная кость.

Статистика свидетельствует, что более 50% трепанированных людей выжило после операции, 16% трепанированных черепов демонстрируют следы недолгого заживления после операции и только 28% трепанированных черепов не несут никаких следов заживления (Stewart T.D., 1957, цит. по: Ortner D.J., Putschar W.G.J., 1981, p. 98).

Из всего перечисленного очевидно, что мировая палеопатология разработала основные приемы регистрации и описания трепанационных отверстий на черепе с медицинских позиций. При этом в поле зрения палеопатологов оказываются в основном лечебные и хирургические аспекты трепанирования. В то же время антропологи уделяют недостаточное внимание археологическим и этнографическим аспектам этого явления.

Отечественная историография вопроса открывается цитированной выше публикацией Д.Н. Анучина (1895) и докладом К. Горощенко "Гипсовые курганные маски и особый вид трепанации в курганах Минусинского округа", опубликованным в 1899 г. в Трудах X Археологического съезда в Риге. Непреходящее значение этой работы заключено не только в высококвалифицированном антропологическом описании трепанированных черепов, но и во внимании к особенностям погребального обряда. Материалы из раскопок кургана "Е" могильника на Тагарском острове и могильника на Соляном озере, производившихся А.В. Андриановым, послужили для К. Горощенко основанием для описания "височной" трепанации, имевшей большей частью овально-треугольную форму.

Изучение краев отверстий позволило предположить, что трепанирование производилось на свежем или довольно сыром черепе, для живого человека эта операция была бы смертельной, об этом же говорят и сама величина отверстий, и частая двусторонняя локализация (Горощенко К., 1899, с. 12).

К. Горощенко убедительно доказал, что открытая им трепанация является посмертной, т.е. производившейся над мертвыми. При этом были последовательно рассмотрены и другие возможности "Признать этот вид трепанации "смертельным" и в то же время допускать, что он производился над живыми, значило бы признавать факт убивания людей именно этим способом... Факт убивания людей при похоронах не может быть невероятным: в первом случае мы здесь видели бы пример довольно распространенного в древние времена обычая со смертью вождя убивать его жен, приближенных и слуг, во втором случае мы увидели бы весьма возможное у древних обитателей Минусинского округа явление – убивание военнопленных... Однако рассуждения в этом направлении лишены более или менее твердой почвы. ... Дело в том, что среди трепанированных черепов несколько штук оказались обделанными

глиною..., и три черепа (№ 151, 159, 169) поверх сохранившегося на них кое-где слоя глины имели следы слоя гипса, *трепанированных черепов со следами исключительно гипсовой маски не было*, таким образом оказывается, что трепанированные черепа служили *иногда* объектом обряда масок и при этом не чистого обряда, а его вариации, описание которой привело бы нас к тому выводу, что черепа, подвергавшиеся отделке глиняной маской, должны были предварительно потерять от процесса гниения мускулы и другие покровы" (Горощенко К., 1899, с. 13).

За минувшие 100 лет археологическими исследованиями Минусинской котловины накоплен гигантский фактический материал, свидетельствующий в том числе о распространении и многообразии форм обряда посмертного трепанирования в конце раннего железного века.

Однако труды антропологов, специально посвященные обсуждению трепанированных черепов, крайне малочисленны. Исключение представляет публикация И.И. Гохмана (1989), изучившего значительный краниологический материал переходного тагаро-таштыкского и таштыкского времени из раскопок М.П. Грязнова, М.И. Пшеницыной, Э.Б. Вадецкой, Л.Л. Барковой. И.И. Гохман (1989, с. 14) пришел к выводу, что в переходное тагаро-таштыкское время трепанированных черепов немного. Обычно это только те черепа, на лицевую часть которых накладывались маски. Трепанация, как правило, представляет собой крупные дефекты в самых тонких местах височных костей. Напротив, для таштыкской культуры характерна высокая частота встречаемости трепанированных черепов, доходящая до 80–90% в каждом могильнике. Трепанационное отверстие всегда располагается в затылочной области либо на затылочной кости, либо частично на теменных костях.

И.И. Гохман (1989, с. 15) подчеркнул, что для каждого могильника характерен свой особый вариант трепанации, что, по его мнению, свидетельствует не только об определенных традициях, но и о индивидуальном почерке оператора – лица, производившего посмертную операцию.

Летом 1996 г. автором настоящей публикации были повторно исследованы краниологические серии Тагарский остров, Самохвал и Соляное Озеро-Кызыл-Куль, происходящие из раскопок А.В. Адрианова и хранимые в фондах Минусинского музея им. Мартьянова. Исследованию подверглись как целые черепа, так и костные фрагменты. Особое внимание уделялось фиксации, описанию, измерениям и фотографированию посмертных дефектов черепа, морфологически сходных с трепанационными отверстиями. Результаты этой работы требуют более подробного изложения, включающего оценку каждого случая. Но некоторые итоги можно подвести уже сейчас.

В серии из могильника Самохвал (суммарная численность 48 индивидуумов в погребениях баиновского, подгорновского и сарагашенского этапов тагарской культуры) единственная предполагаемая трепанация была обнаружена у ребенка 7,5–8,5 лет, погребенного в могиле 7 кургана 9 (череп № 6667\90). В верхней части фрагмента затылочной кости локализован дефект неправильной полуовальной формы, возможно, являющийся результатом применения острого режущего предмета. Края образовавшейся вырезки не несут следов заживления, признаки воспалительного процесса отсутствуют.

В серии из могильника Кызыл-Куль выявлено 42 черепа с сохранившимися следами трепанации, из них 22 принадлежали мужчинам, 19 женщинам, 1 – ребенку 2–4 лет. Не исключено, что фрагментарная сохранность многих черепов могла "скрыть" более частую встречаемость трепанаций в этой группе.

По локализации и степени распространения дефектов черепа условно распределяются следующим образом.

1. Группа черепов с обширным двусторонними отверстиями в височной области, локализованными на височных и теменных костях, при этом лицевой скелет и основание черепа зачастую не разрушены (рис. 1). В некоторых черепах сохранилась моделировка полости глазниц красной пластической глиной (рис. 2).

2. Группа черепов с двусторонними трепанациями с полной утратой лицевого

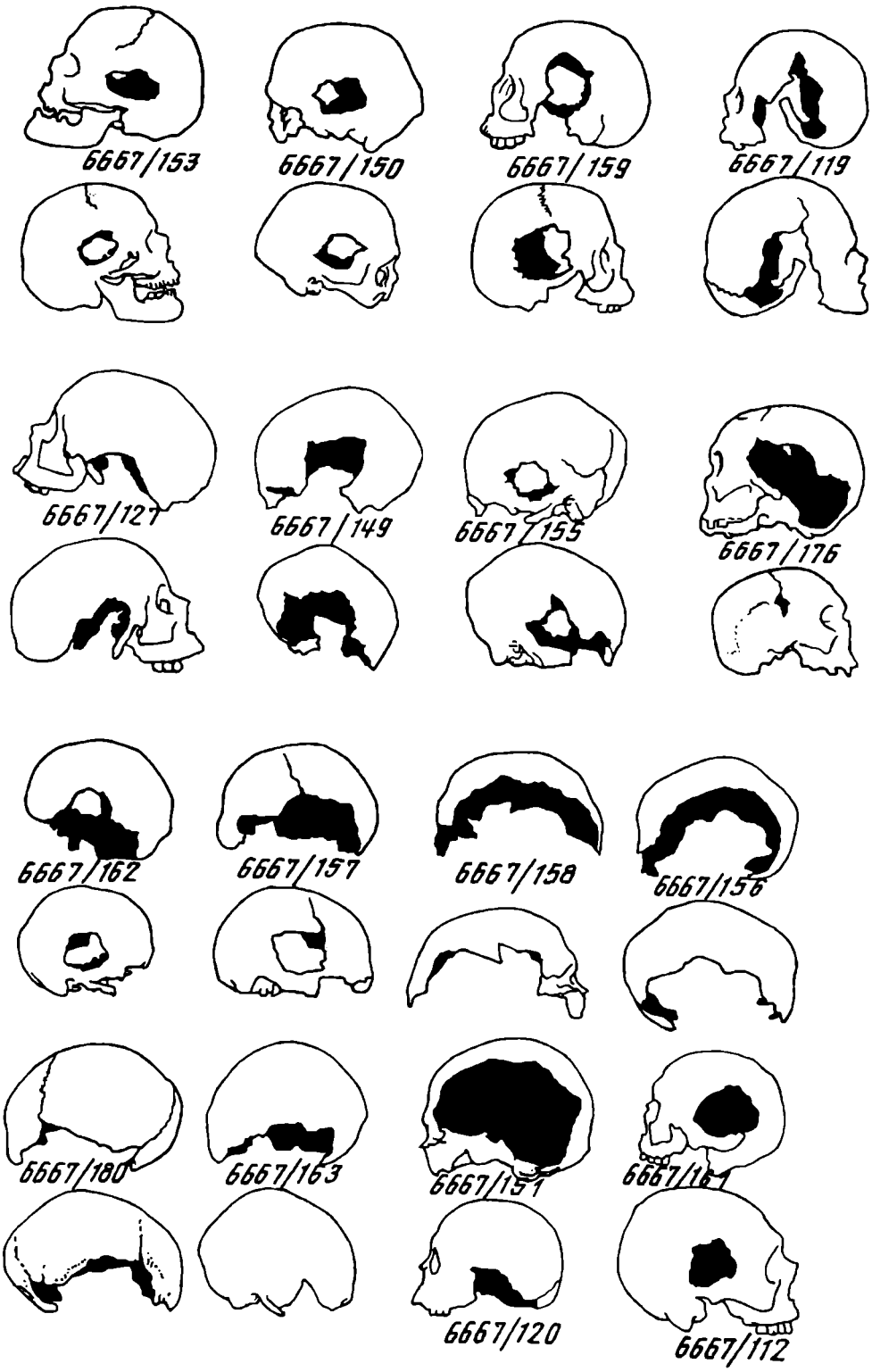


Рис. 1. Основные формы предполагаемых трепанационных отверстий на черепах из могильника Кызыл-Куль (Минусинская котловина). Обширные двусторонние и односторонние отверстия в височной области.

скелета и основания черепа. При таком воздействии полностью удалялась височная кость, причем иногда эта процедура осуществлялась по шву, а иногда затрагивалась и теменная кость (рис. 1).

3. Группа черепов с обширными односторонними отверстиями в височной области. В 3 случаях из 4 отверстия локализованы слева (рис. 1).

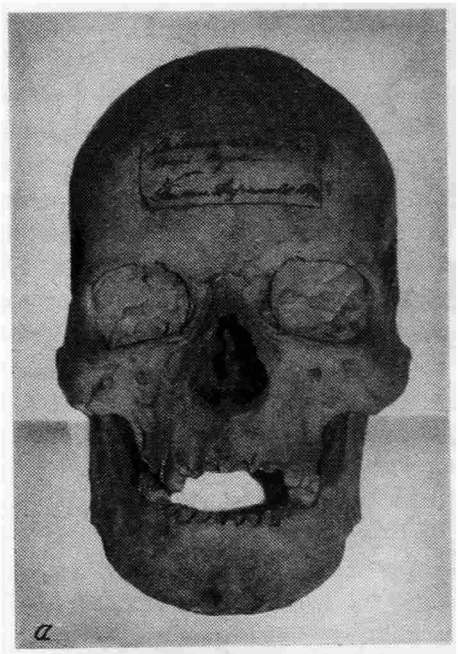


Рис. 2. (*а, б, в*) Череп № 6667/153 из могильника Кызыл-Куль: сочетание двусторонней трепанации в височной области и моделировки глазниц красной пластической глиной

4. Группа черепов, у которых наряду с обширными двусторонними трепанациями в височной области встречены небольшие овальные или округлые перфорации в затылочной области. Эти отверстия имели как двустороннюю, так и правостороннюю и левостороннюю локализацию (рис. 3).

5. Двойная трепанация на теменной кости ребенка 2–4 лет (№ 6667/139): округлое отверстие 8 мм диаметром и "незаконченный квадрат" со стороной 13 мм (рис. 3).

Кроме того, в некоторых случаях удалось зафиксировать искусственное разрушение глазниц (№ 148, 172, 160).

В серии Тагарский остров (суммарная численность 59 индивидуумов) было обнаружено 3 трепанированных черепа. На женском черепе старческого возраста (№ 6667/5, раскопки А.В. Андрианова, 1910, к. В?) на теменной кости справа – небольшое овально-округлое отверстие. Левая сторона этого черепа сильно разрушена в височной области. Этот дефект морфологически сходен с трепанациями серии Кызыл-Куль.

Череп № 6667/55 (к. Е, V–III), принадлежащий ребенку ~5 лет, был трепанирован трижды: на теменной кости справа и в правой глазнице – небольшие овально-округлые отверстия, в затылочной области – обширное эллипсоидное отверстие.

Череп женщины из кургана Е-II, № 2 (№ 6667/54) был трепанирован только в затылочной области.

Таким образом, К. Горощенко опубликовал лишь наиболее типичные варианты

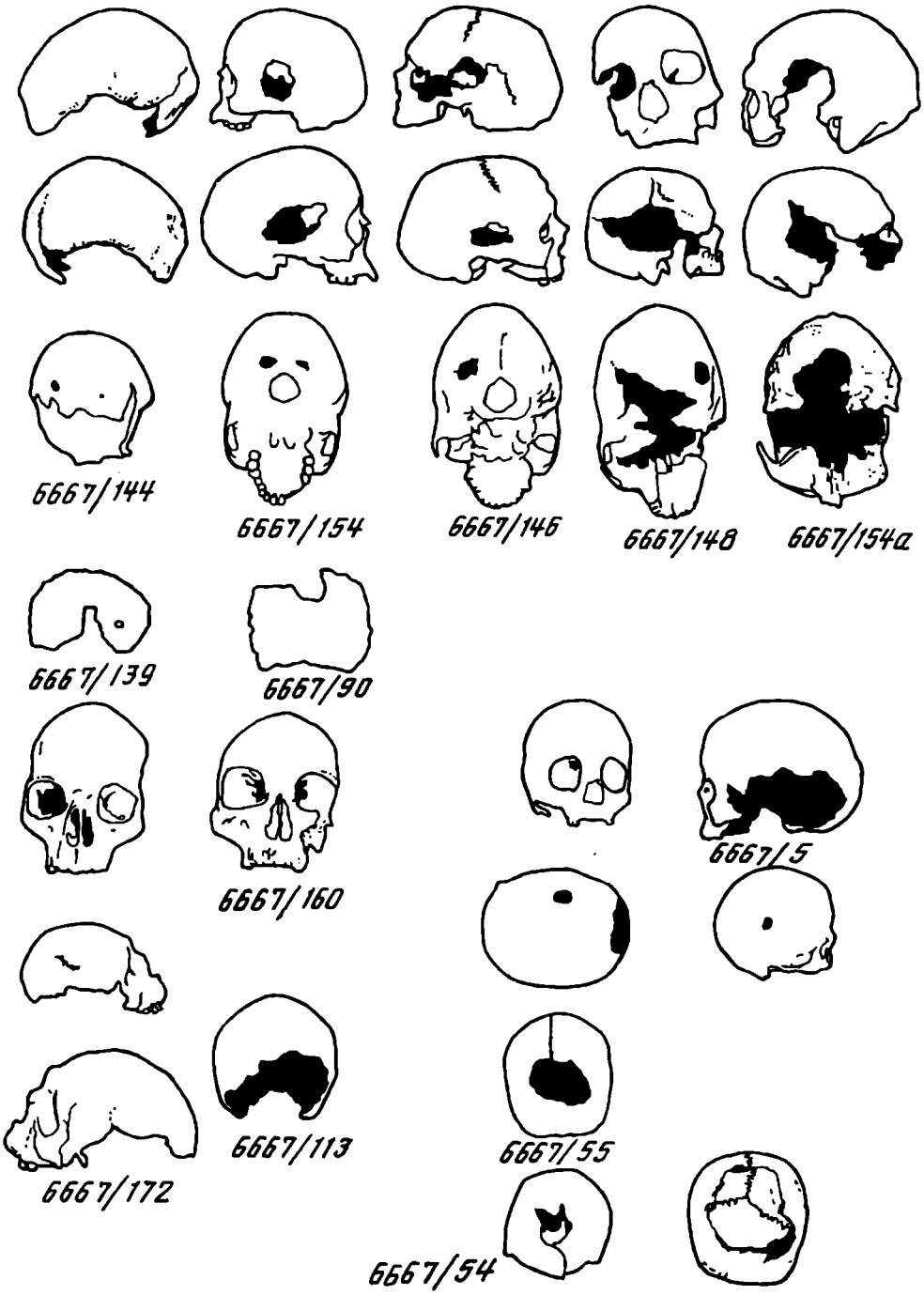


Рис. 3. Формы трепанационных отверстий у черепов из могильников Кызыл-Куль, Самохвал, Тагарский остров. Нижний череп без номера – посмертная трепанация с закрытым дефектом у таштыкского черепа (по И.И. Гохману, 1989, с. 14)

посмертной трепанации, в то время как встреченные в группах Тагарский остров и Кызыл-Куль отверстия отличаются большим разнообразием как по форме, так и, возможно, по способу произведения. Те новые формы, которые стали известны в результате пересмотра серий, а также некоторые давно опубликованные данные К. Горощенко позволяют подвергнуть сомнению тезис об исключительной приуроченности обряда посмертной трепанации черепов к Минусинской котловине и расширить географию этого ритуала.

Так, несомненно сходство трепанаций некоторых черепов, изученных нами, и прорисовок отверстий на черепах могильника Улангом в Монголии, описанных Н.Н. Ма-

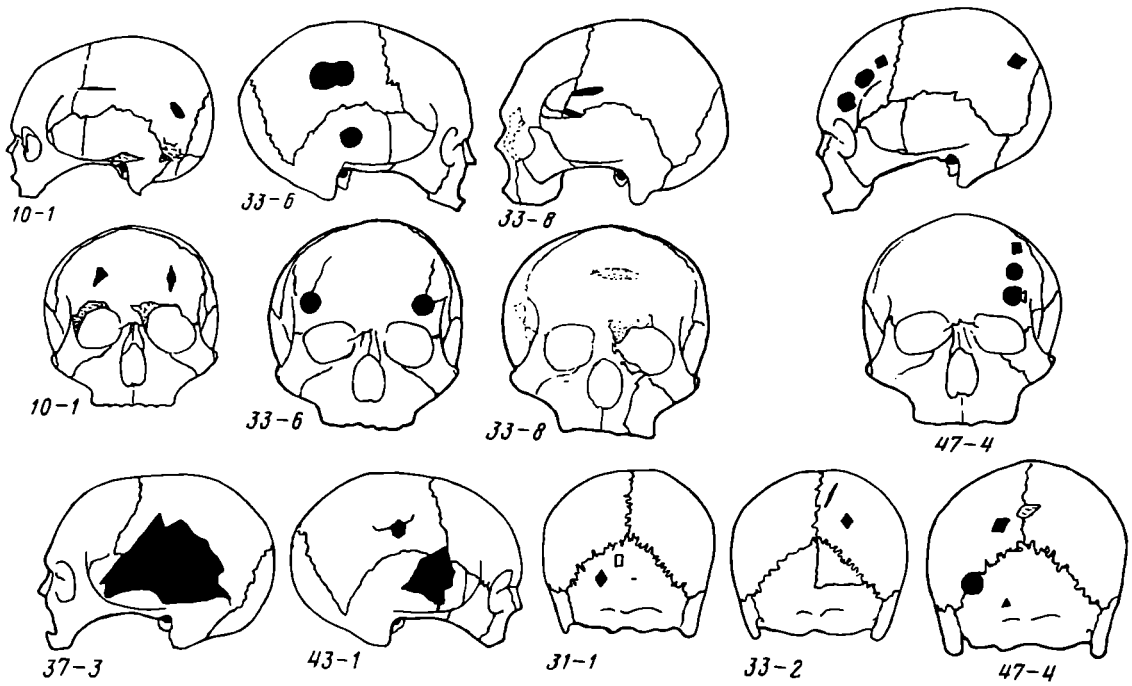


Рис. 4. Отверстия на черепах из могильника Улангом (по Н.Н. Мамоновой)

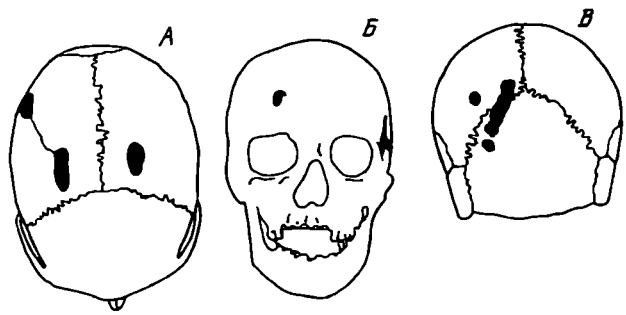


Рис. 5. Посмертные трепанации на черепах из могильников Тувы (*а, б* – по А.Д. Грачу), трепанированный череп из Казахстана (*в* – по П. Боеву, О. Исмагулову)

моновой как следы предсмертных ранений, полученных в ходе боевых действий (Mamonova N., 1982, S. 152, 153, Abb. 77–79; Новгородова Э.А., 1989, с. 265) (рис. 4). Симметричное, "геометрически выверенное" расположение некоторых отверстий позволяет рассматривать их как возможный результат ритуальных действий. Дополнительным аргументом здесь служит и массовое трепанирование черепов в Южной Сибири.

А.Д. Грач (1980, с. 73), характеризуя отдельные черты погребального обряда носителей саглынской культуры Тувы, отмечал, что в могильнике Саглы-Бажи II, Мажалык-Ховузу I, II черепа целого ряда людей оказались трепанированными. Отверстия были проделаны в лобных, затылочных, теменных костях черепов и, по мнению автора, предназначались для извлечения мозга при бальзамировании. Опубликованные фотографии двух трепанированных черепов из кургана 3 могильника Саглы-Бажи II (Грач А.Д., 1980, с. 254, рис. 116) демонстрируют небольшие отверстия овально-округлой формы, локализованные на теменных и лобной кости (рис. 5). Они, несомненно, искусственного происхождения и, судя по всему, не несут следов заживления. Трепанированные черепа принадлежали мужчинам 50 и 30 лет, погребенным в срубах в сопровождении достаточно богатого инвентаря (Грач А.Д., 1980, с. 110, 111).

С.И. Руденко (1953, с. 326–331) привел подробное описание обряда бальзамирования знатных погребенных в Пазырыкских курганах Алтая. В частности, сообщалось, что череп мужчины из кургана № 5 был трепанирован в левой теменной кости. Сделан был надрез кожи и выдолблен участок кости диаметром около 6 см (Руденко С.И., 1953, с. 328). На мой взгляд, именно сопоставление алтайских и минусинских находок дает ключ к пониманию смысла обряда трепанирования черепов. Алтайские материалы скифского времени, в том числе находки 1990-х годов на плато Укок (Полосьмак Н.В., 1996, с. 211–212), свидетельствуют о стремлении носителей пазырыкской культуры сохранить внешний облик умершего. При таком бальзамировании мозг, внутренние органы и частично мышцы удалялись, сохранялась внешняя телесная оболочка (кожа). В погребальном ритуале тесинских тагарцев, в варианте, характерном для могильника Кызыл-Куль, несмотря на трепанацию, предпринятую явно для извлечения головного мозга, не наблюдается такого стремления сохранить мягкие ткани. Вспомним череп № 6667/153 с глазницами, специально наполненными красной пластической глиной. Возможно, логическим развитием этого пути является распространение масок как компенсации за "утрату лица" умершим.

Расширить ареал обряда посмертной трепанации в Центральной Азии позволяет также находка черепа в местности Карабие Коунрадского района Карагандинской области в Казахстане (раскопки М. Кадырбаева, 1957). В статье П. Боева и О. Исмагулова (1962, с. 131, 132) эта находка датируется V–III вв. до н.э. и соотносится почему-то с тюркским временем. Если не принимать во внимание интерпретационную часть этой работы, а обратиться к описанию локализации, формы и величины трепанационных отверстий, характеристике краев, станет очевидно сходство данной трепанации с некоторыми трепанациями Минусинской котловины, но в большей степени с предполагаемыми трепанациями могильника Улангом (рис. 5). Характерно, что П. Боев и О. Исмагулов, хотя и рассматривали открытый ими случай трепанации, главным образом, как результат медицинского вмешательства, допускали возможность смерти больного во время операции или даже посмертную трепанацию. Нам представляется наиболее вероятной последняя возможность.

Таким образом, география распространения обряда посмертной трепанации черепов, несомненно имевшей ритуальный характер (Вадецкая Э.Б., 1980, с. 111–116), значительно пополняется за счет включения северо-западной Монголии, Тувы, Минусинской котловины, частично Казахстана и, в несколько другом варианте, территории Алтая. Этот факт отражает общность духовной культуры и религии населения Центральной Азии конца раннего железного века и заслуживает пристального внимания исследователей.

Автор пользуется случаем выразить свою глубокую благодарность администрации Минусинского музея им. Мартьянова за предоставленную возможность работы с фондами, Ренате Виланд (Германский археологический институт, Берлин) за профессиональную фотосъемку материала. Подготовка данной публикации стала возможна благодаря финансовой поддержке РГНФ (грант "Исторические реконструкции в палеоантропологических исследованиях", № 96-01-00493) и РФФИ (грант "Историческая экология человека. Методика биологических исследований", № 96-0680278).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Анучин Д.Н., 1895. Амулет из человеческой кости и трепанация черепов в древние времена в России // Тр. IX АС. 1893. Т. 1. М.

Бадер О.Н., 1951. Городища Ветлуги и Унжи // МИА. № 22.

Боев П., Исмагулов О., 1962. Трепанированный череп из Казахской ССР // СЭ. № 2.

Вадецкая Э.Б., 1980. О культе головы по древним погребениям минусинских степей // Духовная культура народов Сибири. Томск.

Горощенко К., 1899. Гипсовые курганные маски и особый вид трепанации в курганах Минусинского округа // Тр. X АС. М.

Гохман И.И., 1989. Палеоантропология и доисторическая медицина // Антропология – медицине. М.

Грач А.Д., 1980. Древние кочевники в центре Азии. М.

Новгородова Э.А., 1989. Древняя Монголия. М.

Обермайер Г., 1913. Доисторический человек. СПб.

Полосьмак Н.В., 1996. Традиция пазырыкского бальзамирования (некоторые аспекты проблемы) // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири (Материалы IV Годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН, декабрь 1996). Новосибирск.

Рохлин Д.Г., 1965. Болезни древних людей (кости людей различных эпох – нормальные и патологически измененные). М.; Л.

Руденко С.И., 1953. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л.

Boev P., 1992. Historical trephinations in Europe // Diachronic trends in historical anthropology. Sbornik Narodniho Muzea v Praze.

Brothwell D., 1972. Digging up bones. London.

Crump J.A., 1901. Trephininig in the South Seas // J. Roy Anthrop. Inst. London. № 31.

Mamonova N.N., 1982. Die Paläoanthropologie des Gräberfelds Ulangom // Novgorodova E.A. Volkov V.V., Korenevskij S.N., Mamonova N.N. Ulangom – ein Gräberfeld der skythischen Zeit aus der Mongolei. Wiesbaden.

Ortner D.J., Putschar W.G.J., 1981. Identification of pathological conditions in human skeletal remains. Washington.

Ruffer M.A., 1918. Studies in Palaeopathology: Some recent Researches on Prehistoric Trephining // Journal of Pathology and Bacteriology. № 22.

Standards for data collection from human skeletal remains, 1994 // Arkansas archeological survey research series. № 44.

Институт археологии РАН,
Москва

M.B. MEDNIKOVA

ABOUT THE SPREAD OF THE SKULL TREPANATION AFTER DEATH IN CENTRAL ASIA

Summary

The history of the trepanated skulls study is more than one century old. But a new page in the study of the given phenomenon was opened in the beginning of the 20th century when a science on diseases of the earliest people, i.e. paleopathology that synthesizes methods used by humanitarian and natural sciences emerged. As a result, principles of the study and classification of the skull trepanation in the historical past of man have been developed. The application of methods used by natural sciences and review of the histoical context of the skeleton finds make it possible to delineate cases of the skull trepanation for medical and ritual purposes during the life and after the death. The paper highlights the history of the issue. Preliminary results of the study of craniological series, namely, the Tagar island, Samokhaval and the Salt lake series that come from the Early Iron Age burial grounds uncovered by A.V. Adrianov in southern Siberia are presented. Results of the study of skulls defects that appeared after death and that are morphologically similar to trepanation holes are reviewed. A classification of these defects based on the principle of their location and degree of application is given. An attempt to widen the area of the after death skull trepanation rite in Central Asia is made on the basis of the analysis conducted by including the territory of northwestern Mongolia, Tuva, Minusinsk pit, certain parts of Kazakhstan and the Altai into the study.

Публикации

В.С. ОЛЬХОВСКИЙ, Л.Л. ГАЛКИН

К ИЗУЧЕНИЮ ПАМЯТНИКОВ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ПРИКАСПИЯ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

Северо-Восточный Прикаспий по своим физико-географическим и экологическим условиям относится к числу интереснейших микрорегионов Евразийского степного пояса. Солончаковые равнины Прикаспийской низменности, невысокие горные цепи и увалы Кендирли-Каясанского плато и плато Мангышлак, обширные впадины и соры, крутые чинки (склоны, обрывы) плато Устюрт, суглинковые и песчаные пустыни (Каракумы, Сам, Рын, Бостанкумы, Тайсойган и др.) создают сложный и контрастный рельеф региона при почти полном отсутствии древесной растительности, крайней редкости пресных водоемов и рек с постоянным стоком. С географической же точки зрения значительная часть указанного региона располагается между восточным побережьем Каспия и западным побережьем Арала, в который ныне впадает р. Амударья. По сути, это широкий, протянувшийся в меридиональном направлении коридор, естественный мост, связывающий Северный Прикаспий и Южное Приуралье с расположенными южнее равнинами и плоскогорьями Ирана и Афганистана. Одно это обстоятельство позволяло ожидать наличие здесь многочисленных следов обитания человека. И действительно, в подъемном материале, собранном в данном регионе отдельными геологическими и биологическими экспедициями, путешественниками и натуралистами в первой половине XX в., обнаруживаются предметы, датируемые от эпохи неолита до позднего средневековья. Но до начала 1950-х гг. серьезных археологических работ в Северо-Восточном Прикаспии почти не велось; так, на археологической карте Казахстана, изданной в 1960 г., Арало-Каспийское междуморье выглядит в буквальном смысле пустынно (Археологическая карта..., 1960). Однако в западноприаральской части региона ситуация начала меняться с 1946 г., когда на Юго-Восточном и Центральном Устюрте Хорезмской археолого-этнографической экспедицией АН СССР было открыто значительное количество археологических объектов преимущественно эпохи средневековья. С 1960 г. разворачивается активное изучение Юго-Восточного Устюрта экспедициями ИИЯЛ Каракалпакского филиала АН УзССР, открывшими значительное количество погребальных, оборонительных и хозяйственных сооружений и объектов, в том числе датируемых последними веками до – первыми веками н.э. (Древняя и средневековая..., 1976).

Археологическая карта Северо-Восточного Прикаспия (в особенности Мангышлака и Устюрта) начала существенно пополняться с начала 1980-х гг., когда здесь начала работать Волго-Уральская экспедиция ИА АН СССР (Галкин Л.Л., 1983–1987), а с 1988 г. – Устюртская экспедиция ИА РАН, с 1991 г. вошедшая в состав Западно-Казахстанской экспедиции ИА НАН РК (нач. – З.С. Самашев) на правах отряда. По заказу Госкомитета по культуре Казахстана Разведочный отряд объединенной Западно-Казахстанской экспедиции, руководимый Л.Л. Галкиным, в течение четырех лет осуществил паспортизацию около 250 археологических памятников Северо-Восточного Прикаспия, датируемых от эпохи неолита до позднего средневековья. Байтинский

© В.С. Ольховский, Л.Л. Галкин, 1997 г.

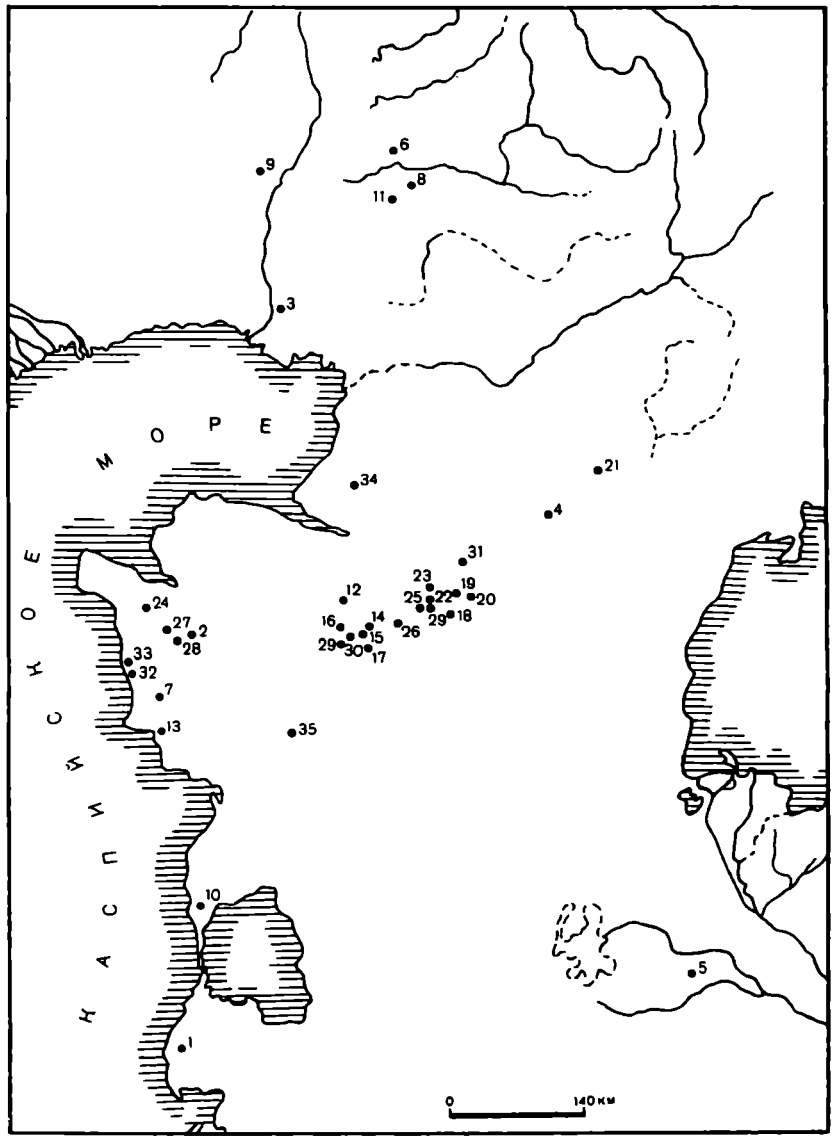


Рис. 1. Некоторые памятники Северо-Восточного Прикаспия эпохи раннего железа: *1* – пос. Куули-Маяк; *2* – Кзыл-кала; *3* – Актобе; *4* – Таксанбай I; *5* – Куня-Уаз; *6* – пос. Караколь (пески Тайсойган); *7* – Карагие; *8* – р. Уил, сухие протоки; *9* – Абулкызыл (Рын – пески); *10* – пос. Бекдаш; *11* – пос. Карабау (пески Тайсойган); *12* – Саракаманжостик; *13* – пос. Курык (Ералиев); *14* – Байте I; *15* – Байте III; *16* – 7-й разъезд; *17* – Ак-Уюк; *18* – Терен; *19* – Косуак; *20* – Караоба-2; *21* – Уик; *22* – Карамунке; *23* – 4-й разъезд; *24* – Аюк; *25* – Мунке-Уик; *26* – Бесогиз; *27* – Жынгылды; *28* – Кос-Уик; *29* – Конай (Кунайоба); *30* – 309-й км; *31* – пос. Бейнеу; *32* – г. Актау; *33* – пос. Ак-Шукур; *34* – пос. Сарыкамыс; *35* – пос. Сенек

(Устюртский) отряд той же экспедиции (нач. – В.С. Ольховский) занимался стационарными раскопками и в меньшей степени разведками памятников I тыс. до н.э. Важные результаты (особенно для эпохи раннего железа) были получены Мангышлакским отрядом Западно-Казахстанской экспедиции в 1990–94 гг. в ходе изучения прибрежной полосы полуостровов Тюб-Караган и Бузачи, у г. Актау и т.д. (Самашев З. и др., 1994), а также при раскопках курганов сарматского времени на горе Иманкара, в 60 км от пос. Кульсары (Ишманов О.И. и др., 1991). Ниже приводится краткая информация о некоторых памятниках эпохи раннего железа, выявленных и частично исследованных Разведочным и Байтинским отрядами в 1981–1995 гг. (рис. 1).

В подъемном материале из Северо-Восточного Прикаспия имеются предметы, датируемые в пределах VII в. до – III в. н.э. Ввиду депаспортизованности большинства

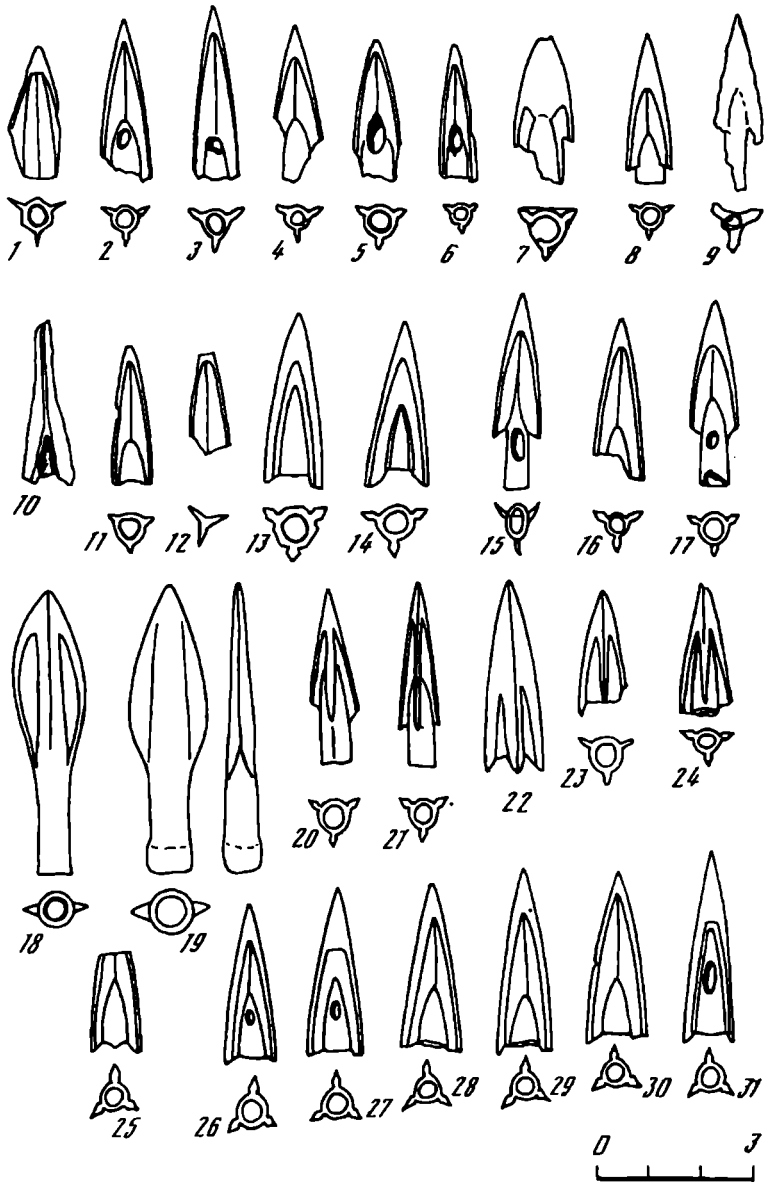


Рис. 2. Бронзовые (*1–8, 10–31*) и железный (*9*) наконечники стрел: *1–7* – Куня-Уаз; *8, 9* – Тайсойган (у пос. Караколь); *10* – Карагие; *11–13* – Актобе; *14* – Кзыл-кала; *15* – Абулкызыл (пески Рын); *16, 17* – пос. Бекдаш; *18* – Тайсойган (сухие протоки Уила); *19, 24* – пос. Курык (Ералиев); *20–23* – Тайсойган (у пос. Карабау); *25–31* – Саракаманжостик

находок пока не представляется возможным качественно охарактеризовать подобные предметы, хранящиеся в музеях г. Актау и Атырау, поселков Форт-Шевченко, Курык, Шетпе, Сай-Утес. В большинстве случаев это бронзовые трехлопастные наконечники стрел "скифо-сарматских" типов, лепная керамика "сарматских" форм, фрагменты каменных изделий (жертвенников, оселков), собранные местными жителями в окрестностях населенных пунктов или кочевий. Аналогичные находки, зафиксированные и в ходе разведочных работ, подтверждают их неслучайность и позволяют в общих чертах представить облик материальной культуры оставившего их населения. Условия обнаружения основной массы предметов – на современной поверхности преимущественно в песчаных массивах – свидетельствуют о наличии в песках значительного количества практически бескурганных захоронений, к настоящему времени разрушенных ветровой эрозией.

К наиболее массовым находкам относятся бронзовые наконечники стрел. Подавляющее большинство их принадлежит к группе втульчатых, отделу трехлопастных, реже трехгранных наконечников (рис. 2). Представлены они различными типами и вариантами: с выделенной и обрезанной втулкой, опущенными жальцами, треугольной и сводчатой формой пера; примечательно отсутствие в данной выборке экземпляров с шипом на втулке. Аналогичные наконечники, датируемые в пределах V (кон. VI) – IV (III) вв. до н.э., широко представлены в колчанных наборах кочевников Евразийских степей (и значительной части лесостепи) эпохи раннего железа – скифов (Мелюкова А.И., 1964, табл. 7–9), савроматов, сарматов (Смирнов К.Ф., 1961, с. 125–140); Очир-Горяева М.А., 1996), саков, массагетов (Ягодин В.Н., 1984, с. 47; Хабдулина М.К., 1993, с. 26) и т.д. Значительно более редкими являются лишь два двухлопастных наконечника с удлиненной втулкой. Один из них (рис. 2, *18*) – лавролистный с выделенной жилкой – находит многочисленные аналогии в комплексах VII (VIII?) – первой пол. VI вв. до н.э. Средней Азии и Казахстана (Ягодин В.Н., 1984, с. 36; Яблонский Л.Т., 1996, с. 157; Медведская И.Н., 1972; Вишневская О.А., 1973, с. 145), Поволжья, Приуралья и Южной Сибири (Смирнов К.Ф., 1961, с. 114, рис. 15, *4*; Членова Н.Л., 1967, с. 264; Очир-Горяева М.А., 1996, с. 43), юга Восточной Европы (Мелюкова А.И., 1964, рис. 1; Галанина Л.К., 1995, с. 44), Переднего и Ближнего Востока (Медведская И.Н., 1980, с. 31; Vuslat Ünal, 1982, p. 72, abb. 3). Пожалуй, еще более архаичным выглядит второй двухлопастный наконечник (рис. 2, *19*). Почти идентичные наконечники на территории Казахстана (Акишев К.А., Кушаев Г.А., 1963, с. 117) и на Переднем Востоке (Медведская И.Н., 1980, с. 24) известны с эпохи поздней бронзы, но бытуют они и позднее. От большинства наконечников данного варианта наш экземпляр отличается утолщением-ободком в нижней части удлиненной втулки; аналогии ему немногочисленны (Медведская И.Н., 1980, с. 31, рис. 2, *5*).

Железные наконечники стрел в рассматриваемой выборке представлены единственным черешковым наконечником с заостренными опущенными шипами-жальцами (рис. 2, *9*). В близлежащих регионах типологически близкие наконечники встречаются в комплексах уже конца VI–V вв. до н.э. (Смирнов К.Ф., 1961, с. 63, 142, рис. 40), но бытуют в IV в. до н.э. и позже, соседствуя с втульчатыми железными наконечниками (Литвинский Б.А., 1965).

Среди собранного в песках Тайсойган материала определенный интерес представляет фрагмент массивного ладьевидного жертвенного блюда, изготовленного из мраморовидного зеленоватого камня (змеевик?). Поверхности блюда хорошо заполированы, более узкая заоваленная сторона по высокому (13 см) бортику украшена рельефным изображением морды животного, вероятно, барана (рис. 3, *1*). Сходное округлое блюдо, возможно, функционально связанное с группой прямоугольных и овальных жертвенных столиков, обнаружено, например, у Камардиновки, севернее Оренбурга (Смирнов К.Ф., Петренко В.Г., 1963, табл. 30, *28*), и датировано савроматским временем.

В тех же песках, в окрестностях п. Карабау, были обнаружены и два бронзовых котла, находящие аналогии в кочевнических древностях сарматского времени. Более крупный экземпляр (высота около 25 см, диаметр устья – до 31 см) сохранился практически полностью (пробито дно; рис. 4). Он относится к группе типично сарматских котлов на коническом поддоне (Боковенко Н.А., 1977), с небольшими вертикальными ручками-ушками под венчиком и несквозной втулкой в средней части тулова (для деревянной ручки?). Второй котел обнаружен во фрагментах; реконструируемый диаметр его устья составляет 17 см (рис. 3, *2*). Данный миниатюрный экземпляр интересен прежде всего тем, что является несомненным литейным браком. Характер растрескивания стенок, наличие оплавленных и деформированных фрагментов, прикипевших натеков бронзы, явно плохое качество металла (множество пор) свидетельствуют о том, что данная отливка разрушилась в процессе производства изделия.

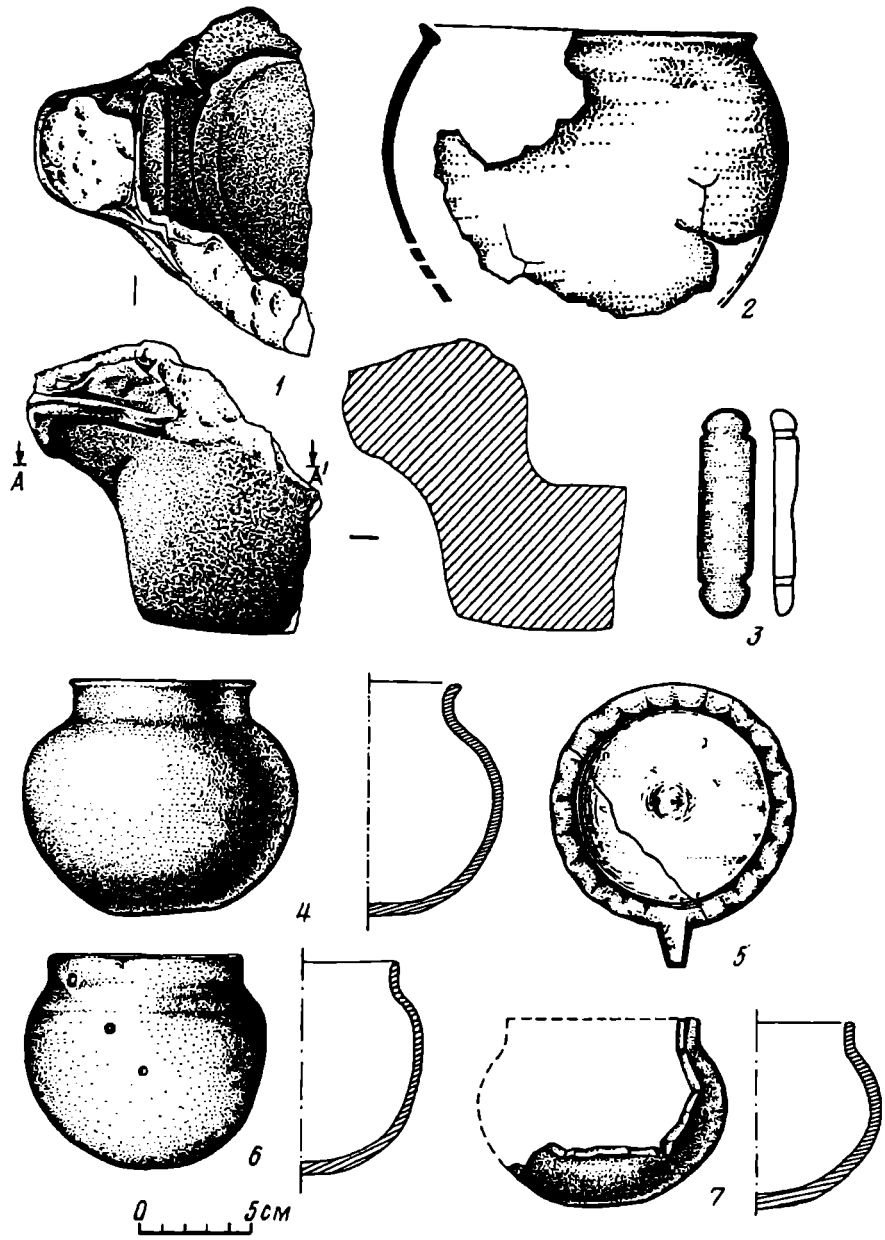


Рис. 3. Предметы эпохи раннего железа из Северо-Восточного Прикаспия: *1*, *2*, *4*, *5*, *7* – Тайсойган (у пос. Карабау); *3* – Таксанбай I; *6* – Красноводские пески (у пос. Куули-Маяк)

Вполне возможно, фрагменты были обнаружены в непосредственной близости от места изготовления котла, вероятная дата которого – II в. до – I в. н.э.

Бронзовое зеркало, найденное также близ п. Карабау, относится к группе зеркал с валиком по краю диска, конусовидной выпуклостью в центре и коротким трапециевидным штырем-"ручкой" (рис. 3, *5*). Диск (разломан на две части) диаметром ок. 12 см обрамлен волнистым валиком шириной 1 см. Подобные зеркала известны в сарматских памятниках Нижнего Поволжья, а также в более восточных и юго-восточных районах, включая Среднюю Азию. Не касаясь спорной проблемы генезиса данного типа зеркал (Хазанов А.М., 1963; Скрипкин А.С., 1990, с. 144–146 и др.), отметим, что большинство исследователей относит бытование их к I в. н.э.

Вышеописанное зеркало было зафиксировано в непосредственной близости от лепного сосуда и находившихся там же фрагментов человеческих костей; очевидно,

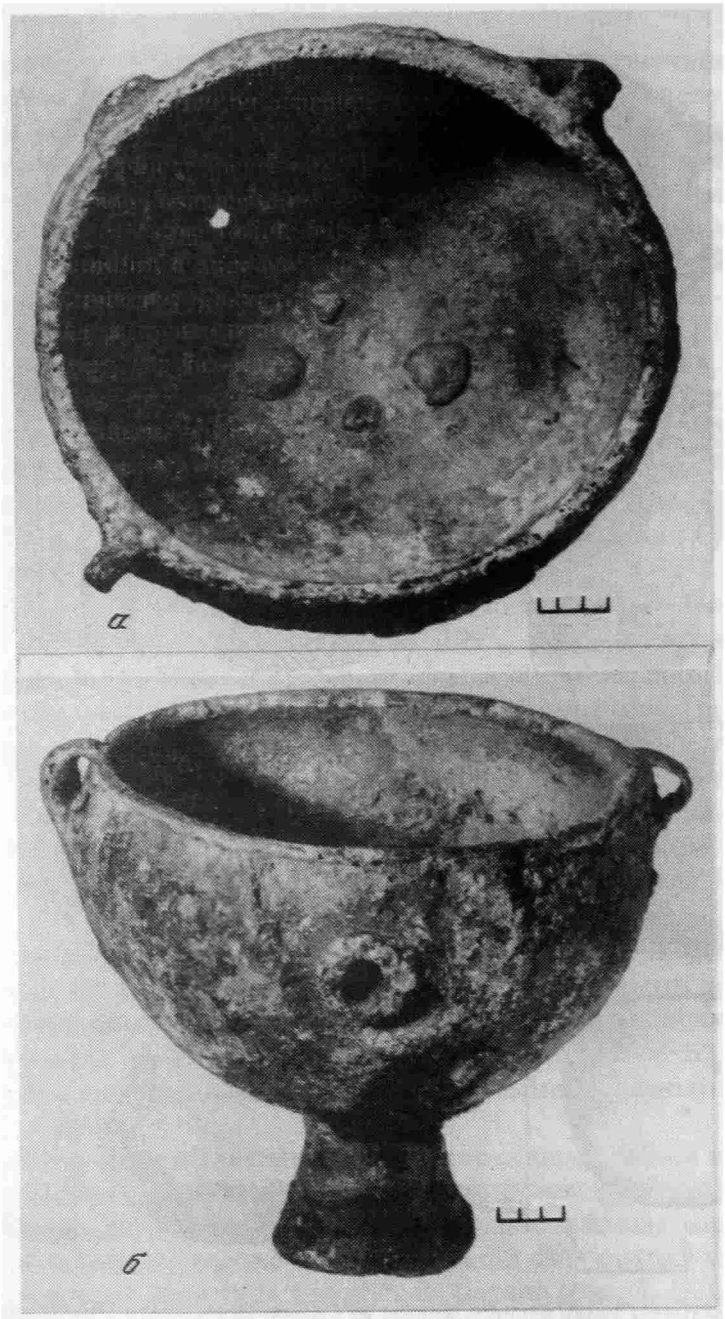


Рис. 4 (*а*, *б*). Бронзовый котел (Тайсойган, у пос. Карабау)

оба памятника составляли часть инвентаря развеянного погребения. Сосуд (рис. 3, *4*) высотой 10,5 см, диаметром тулова 12,2 см, венчика 8,3 см относится к миниатюрным плоскодонным горшочкам без ручки, в сарматской среде бытующим в III в. до – II в. н.э. (Мошкова М.Г., 1963, табл. 10; Скрипкин А.С., 1990, рис. 45, 46, 48).

В том же районе песков Тайсойган найден подобный, но с более округлым дном фрагментированный лепной горшочек высотой 8,3 см (рис. 3, *7*), а значительно южнее, в Красноводских песках (рис. 3, *6*), – округлодонный сосуд с тремя сверлинами на тулове, достаточно близкий образцам сарматской керамики более северных районов. Еще один довольно крупный лепной сосуд входит в группу круглодонной керамики с простым штампованным орнаментом в верхней части тулова. Высота его 19,5 см, диаметр тулова – до 18 см; обнаружен он в 2 км юго-восточнее п. Бейнеу (рис. 5, *10*). Аналогичная по форме и декору керамика использовалась, в частности, сарматами Поволжья и Южного Приуралья в IV–III в. до н.э. (Мошкова М.Г., 1963, табл. 9).

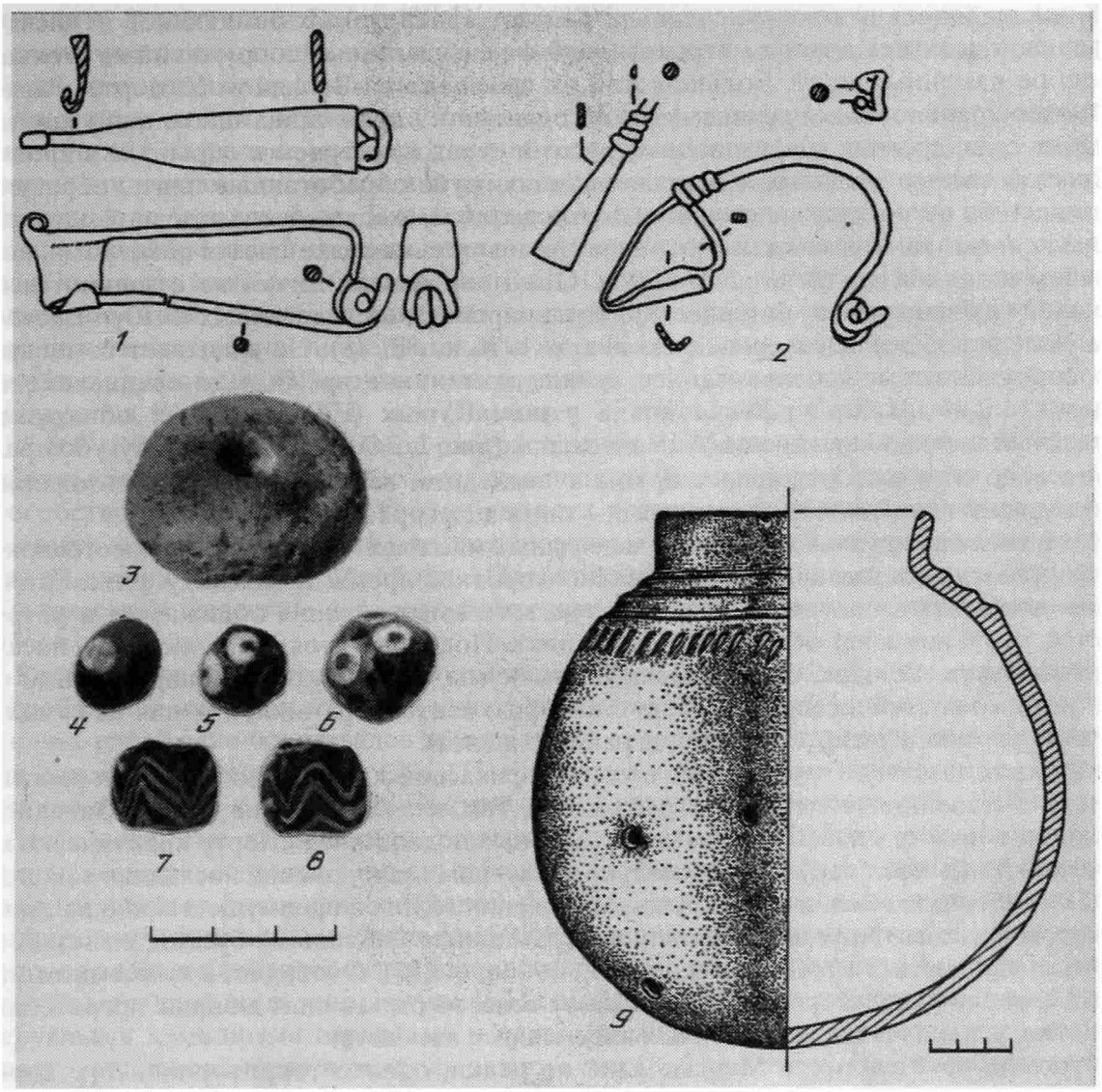


Рис. 5. Предметы эпохи раннего железа из Северо-Восточного Прикаспия: *1* – Тайсойган (у пос. Карабау); *2* – Тайсойган (у пос. Караколь); *3–8* – пос. Ак-Шукур; *9* – пос. Бейнеу

В песках Тайсойган найдены и две бронзовые фибулы. Одна из них, с завитком на конце сплошного пластинчатого приемника (рис. 5, *1*), относится к группе 13, варианту 8 (поволжско-сарматские коленчатые фибулы с завитком) по А.К. Амброзу и датируется концом III – началом IV в. н.э. (Амброз А.К., 1966, с. 45, 46); но не исключено, что хронологические рамки бытования подобных фибул в действительности были несколько шире и включали весь IV в. н.э. (Скрипкин А.С., 1984, с. 32, 107). Вторая фибула (рис. 5, *2*) – проволочная одночленная, лучковая, подвязная, слегка деформированная (вариант 3?) – может быть датирована II – первой половиной III вв. (Амброз А.К., 1966, с. 49, 50, табл. 16).

Найденные в окрестностях пос. Ак-Шукур стеклянные полихромные бусы с глазчатым и фестонообразным орнаментом (рис. 5, *3–7*) являются явным импортом, скорее всего, из Малой Азии. Аналогии им широко представлены в комплексах IV–III вв. до н.э. степной зоны Евразии (Алексеева Е.М., 1975, табл. 15; 1978, табл. 30). Этим же временем может быть датировано и найденное там же каменное пряслице (рис. 5, *8*).

К числу довольно многочисленных, но плохо датируемых памятников относится около двух десятков аранов – стреловидной формы загонных сооружений из стоящих на ребре каменных плит. Большинство их выявлено на Западном Устюрте. Располагаются араны обычно группами, реже одиночно у края чинка плато либо крутых склонов саев (древних денудационных русел и оврагов) острием к обрыву, а широкой открытой частью – к степи. Составляющие их грубо обработанные плиты образуют прямые либо дугообразные стенки высотой до 0,6 м, сходящейся к головной секции – ловушке и засадным ямам для охотников. Араны весьма различаются размерами, но в среднем их длина достигает 500–800 м. Они практически ничем не отличаются от большой группы аранов – "стреловидных планировок", исследованных на Юго-Восточном Устюрте (Древняя и средневековая..., 1976, с. 83, 88). Не вызывает сомнения, что сооружались и использовались араны длительное время – до средневековья включительно. При шурфовке арана у пос. Курык (Ералиев) был обнаружен бронзовый наконечник стрелы V–IV вв. до н.э. (рис. 2, *24*), что позволяет сугубо предварительно относить отдельные араны к последним векам до н.э. Использовались араны для загонной охоты на копытных – сайгу и джейрана.

Помимо индивидуальных находок, в песчаных массивах отмечены остатки стоянок и поселений, существовавших сравнительно короткое время. К моменту фиксации их незначительный культурный слой в результате выветривания обнажается и разрушается, что и помогает обнаружить памятники. Подобные стоянки выявлены у поселков Ак-Шукур, Бекдаш, Сенек (пески Бостанкумы) и т.д. Судя по обнаруженным на них (помимо костей животных) предметам (фрагменты керамики, изделия из камня и металла), стоянки датируются эпохой раннего железа.

Наиболее заметную группу среди восточноприкаспийских памятников эпохи раннего железа составляют памятники погребальные. Так, в песках Сам на Северо-Западном Устюрте, в песках у пос. Сарыкамыс на северных подходах к Устюрту практически на поверхности было обнаружено несколько развеянных захоронений последних веков до н.э. Погребенные лежали в вытянутом положении головой преимущественно на запад и сопровождались округлобокой лепной керамикой, стеклянными бусами, железными ножами (Самашев З.С., Ольховский В.С., 1996а, с. 213). Очевидно, в подъемном материале эпохи раннего железа преобладают вещи из развеянных дюнных погребений, вероятно, первоначально отмеченных небольшими насыпями.

Курганы на Устюрте и Мангышлаке не редки, однако территориально распределены неравномерно. Курганов практически нет на пониженных участках – на дне соров (солончаковых впадин), на дне и склонах саев. Почти во всех случаях они находятся на возвышенностях с хорошим круговым обзором, в том числе у края чинка, склонов саев, древних морских террас. Несмотря на отдаленность региона, подавляющее большинство насыпей повреждено грабителями. Как показали раскопки, курганы Арало-Каспия разновременны, датируются от эпохи бронзы до средневековья. Вкратце остановимся на погребенных и намогильных конструкциях эпохи раннего железа.

Насыпи курганов неодинаковы по объему и высоте, но почти все крупнейшие из них по внешним признакам относятся именно к раннему железному веку. Наиболее крупные насыпи достигают высоты 5–7 м и диаметра 50–70 м, вершина их полусферическая либо уплощенная, часто с грабительской воронкой. В конструкции насыпи нередко использовалось большое количество камня, а по периметру они окружались сплошным либо прерывистым ровиком шириной к моменту фиксации до 8 м. Курганы, как правило, не образуют крупных скоплений, располагаясь одиночно или группами из 2–5 насыпей. До сих пор раскопкам подвергались лишь небольшие насыпи. Выявленные при этом погребальные сооружения относятся к трем видам – ямам, каменным ящикам и катакомбам I типа (подбоям).

Ямы, выкопанные или высеченные в скальной крошке, обычно небольших размеров и глубины, ориентированы широтно; содержат преимущественно одиночные захоронения, как правило, разграбленные. Подобное погребение обнаружено, например, в

кургане N 3 комплекса Байте III. На уровне древнего горизонта погребальная яма была окружена каменным кольцом диаметром около 4 м, а невысокая намогильная насыпь состояла из известняковых камней.

Каменные ящики, одиночные и иногда сдвоенные, сооружались из грубообработанных плит на уровне древней дневной поверхности либо в ямах, перекрывались каменными плитами, грунтовой или каменной насыпью. Захоронения преимущественно одиночные и асинхронные. В некоторых случаях каменные ящики со стенками из стоящих на ребре известняковых плит соседствуют с грунтовыми ямами, перекрытыми подобными же плитами (Ольховский В.С., Галкин Л.Л., 1990, с. 199, рис. 3). Интересная наземная дромосная каменная конструкция общими размерами 7,5 × 5 м, состоящая из нескольких погребальных и жертвенных каменных ящиков, выявлена в урочище Дыкылтас. Обнаруженные в данном сооружении предметы асинхронны, датируются IV в. до – III в. н.э. (Самашев З. и др., 1994; Самашев З.С., Ольховский В.С., 1996а, с. 212). Широкой распространенности каменных конструкций (стенок, перекрытий, оград) в погребальных комплексах Восточного Прикаспия, очевидно, способствовали геологические особенности региона – почти повсеместная встречаемость мощных отложений мягких неогеновых известняков, не требующих особых усилий для их добычи и обработки. Захоронения в каменных ящиках, синхронные упоминаемым, известны и на юго-восточном Устюрте (Древняя и средневековая..., 1976, с. 187).

Крайне редко, в частности, на комплексе Дыкылтас, фиксируются отходящие от погребальной либо намогильной конструкции парные дугообразные "усы", представляющие собой цепочки развалов поминальных сооружений в виде каменных скоплений или колец (Самашев З. и др., 1994). Погребально-поминальные конструкции с "усами" хорошо известны, к примеру, в Центральном Казахстане (Бесейнов А.З., 1996).

Исследованные на Западном Устюрте захоронения в подбоях пока немногочисленны, но выразительны. Они совершены в глубоких (до 4,5 м) и довольно больших камерах овальной или фасолевидной формы, ориентированных меридионально и изолированных каменным закладом. Захоронения мужские и женские, одиночные, сопровождаются столовой подлощенной керамики, украшениями из бронзы и драгоценных металлов, железным оружием. На поверхности такие захоронения отмечаются округлыми каменными оградками и невысокими насыпями. По сопровождающему инвентарю захоронения в подбоях датируются III–I вв. до н.э. Два подобных погребения исследованы на территории культового комплекса Терен (Ольховский В.С., 1996). Подбойные захоронения Устюрта по типам погребальных сооружений, ориентировке погребенных и по наборам инвентаря имеют несомненное сходство с синхронными памятниками кочевников более южных районов – юго-восточного Устюрта (Древняя и средневековая..., 1976, с. 153, 190) и левобережного Хорезма; во втором случае имеются в виду позднекуюсайские подбойные захоронения присарыкамышской дельты Амударьи (Вайнберг Б.И., 1992, с. 116–120). При отсутствии подобного сходства с хронологически близкими присырдарьинскими памятники чирикрабатской и джетыасарской культур (Вайнберг Б.И., Левина Л.М., 1992; Левина Л.М., 1996) отмеченная близость вряд ли является случайной.

Интересную группу памятников раннежелезного века составляют святилища, первые из которых – Байте I и III – были обследованы в 1984 г. экспедицией под руководством Л.Л. Галкина. За последние годы Устюртским (Байтинским) и Разведочным отрядами выявлено до 20 подобных святилищ преимущественно на Западном Устюрте, а также на Мангышлаке и на северных подступах к Устюрту. Отличительная черта всех указанных памятников – наличие каменной антропоморфной скульптуры и разнообразных жертвенно-поминальных конструкций. Кратко охарактеризуем некоторые из них.

1) Байте I (в 4,5 км к югу – юго-западу от разъезда N 6 железодорожной ветки Бейнеу – Мангистау): четыре кургана разной высоты, обломки не менее чем 30 скульптур, жертвенный стол, каменные поминальники; 2) Байте III (в 6 км от Байте

I): четыре кургана, две оградки, более 20 жертвенников (в том числе два жертвенных стола), более 30 антропоморфных изваяний, поминальники, грунтовые захоронения; 3) 7-й разъезд (19,5 км восточнее п. Сай-Утес): курган высотой до 4 м, фрагменты 3–4 изваяний; 4) Ак-Уюк (в 8 км западнее колодцев Бесшыныpay; прежние названия – Кзыл-Кую, скважина N 39): курган высотой около 2,5 м, каменные наброски (поминальники?), около 10 обломков каменных скульптур; 5) Терен (33 км юго-восточнее ст. Устюрт (п. Каменный): концентрическая каменная конструкция, фрагменты 8–9 изваяний, жертвенники, поминальники; 6) Косуак (14,5 км восточнее колодцев Отайберген): два кургана, каменная оградка, обомки изваяния; 7) Караоба-2 (39 км восточнее п. Каменный): два кургана, оградка, фрагменты 1–2 изваяний; 8) Уик (55 км к юго-востоку от пос. Сарыкум): курган, обломки 3–4 изваяний; 9) Карамунке (10,5 км к юго-западу от пос. Каменный): кольцеобразная культовая конструкция, два жертвенных стола, чашевидные жертвенники, до 18 фрагментированных изваяний, поминальники; 10) 4-й разъезд (6 км к западу – юго-западу от пос. Каменный): разрушенный курган (?), антропоморфное изваяние; 11) Аюк (14 км к западу – юго-западу от пос. Таучик): курган, жертвенный стол, антропоморфное изваяние; 12) Мунке-Уик (17,5 км к юго-западу от пос. Каменный): курган, фрагменты жертвенников и 1–2 изваяний; 13) Бесогиз (18 км восточнее разъезда N 6): курган, фрагменты жертвенного стола, жертвенника, 1–2 изваяний; 14) Жынгылды (10–11 км к юго-западу – западу от пос. Жынгылды): курган, обломки 2–3 изваяний; 15) Кос-Уик (10 км южнее пос. Тущыкудук): два кургана, антропоморфное изваяние; 16) Конай (Кунайоба, в 33 км к юго-западу от разъезда N 6): курган, изваяние (рис. 6, *1*); 17) 309-й км (2 км южнее разъезда N 7): курганообразная насыпь: поминальники, фрагменты 1–2 антропоморфов.

Кроме того, имеются сведения о находке антропоморфного изваяния при зачистке каменной выкладки в окрестностях пос. Ак-Шукур, кургана на окраине г. Актау (сообщение А. Астафьева); фрагментированное изваяние, место находки которых неизвестно, хранится в музее пос. Форт-Шевченко. Кроме того, типологически сходный культовый комплекс Бесагаш был обнаружен восточнее Бейнеу (Zuyev V.Yu., Ismagilov R.B., 1994, p. 56).

Из зафиксированных культовых комплексов два (Терен, Карамунке) уже полностью раскопаны (Ольховский В.С., 1995), еще два (Байте I и III) – почти полностью или частично. Изучение данной группы святилищ потребует еще многих лет, но предварительные итоги можно подвести уже сейчас.

Прежде всего, святилища байтинского типа относятся к структурно сложным культовым памятникам, занимают площадь от 5000 до 40000 м^2. Некоторые из них сформировались, очевидно, на территории более древних культовых комплексов (Байте III), другие – нет (их большинство). Обязательными элементами святилищ являются крупные курганы либо круглые в плане каменные культовые конструкции, монументальные антропоморфные, реже – неантропоморфные изваяния (стелы), каменные жертвенники круглой либо прямоугольной формы, каменные выкладки-поминальники. Следует различать периоды активного и пассивного функционирования святилищ. Судя по имеющимся данным, активное функционирование святилищ байтинского типа длилось сравнительно недолго – вряд ли более столетия. В этот период святилища использовались для совершения обрядов, связанных с культом героизированных предков, героя-родоначальника, покровителей родоплеменных коллективов. Указанный культ имел самую непосредственную связь с циклом мифологических представлений об умирающем и воскресающем боге, цикличности природных явлений. Наличие чашевидных жертвенников предполагает использование в обрядовых действиях жидкостей (воды, крови), возможно, мяса, жира и огня.

С окончанием периода активного функционирования святилища были заброшены и использовались в качестве обычных некрополей кочевыми сарматоидными племенами. На их территории воздвигались наземные каменные конструкции – оградки, выкладки, насыпались курганы; отмечен случай переиспользования культовой конструкции для

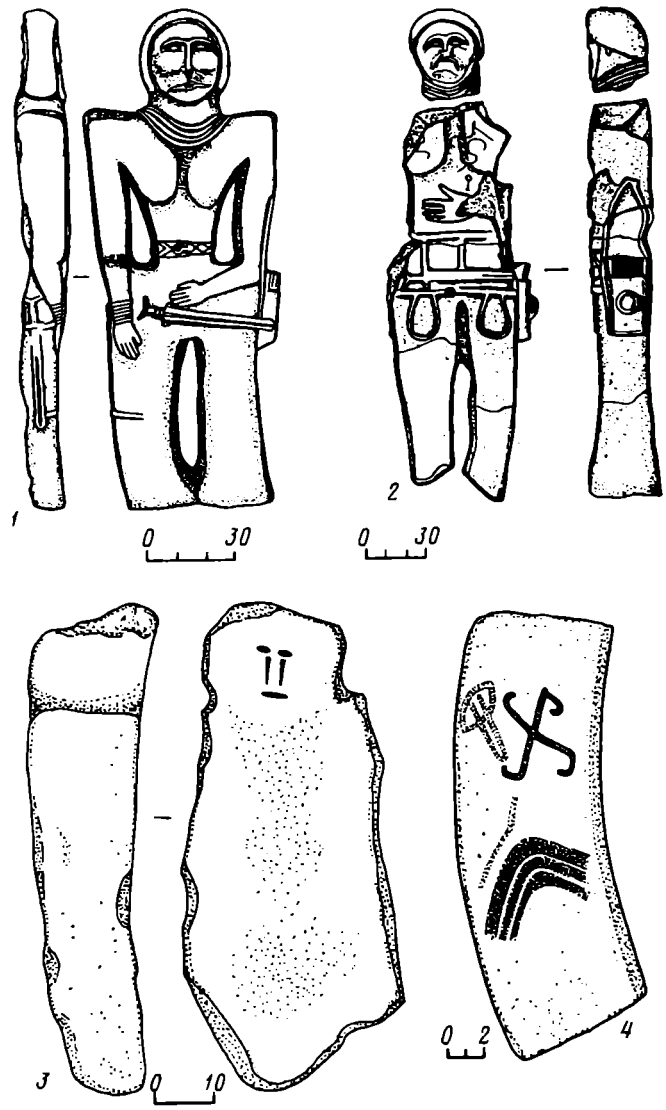


Рис. 6. Элементы культовых комплексов Восточного Прикаспия: *1* – Конай (Кунайоба); *2, 4* – Байте III; *3* – Аюк

совершения впускного захоронения (Терен). Практически все антропоморфные изваяния и стелы в этот период были повалены и разбиты. Позже (до позднего средневековья включительно) на территории святилищ сооружались разнотипные поминальники – обо, совершались грунтовые и подкурганные захоронения. Из-за отсутствия, как правило, вещевых находок датировать поминальники трудно, однако использование в конструкции некоторых из них фрагментов антропоморфных изваяний позволяет относить часть их (возможно, большую) к периоду пассивного функционирования святилищ.

Каменные изваяния – наиболее выразительный элемент святилищ байтинского типа. Подавляющее большинство их относится к бесспорным антропоморфам, весьма реалистично передающим образ мужчины-воина (рис. 6, *1, 2*). Морфологически они напоминают лучшие образцы монументальной скульптуры скифов Причерноморья и Предкавказья, иконографически отличаясь от их большинства (Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л., 1994). Изображенные на изваяниях атрибуты (гривны, мечи, кинжалы, гориты и др.) достаточно выразительны и по своим реальным аналогиям позволяют датировать изваяния IV–II вв. до н.э. Однако данные аналогии (прежде всего, оружие), имеющие ярко выраженный "сарматский" облик и встречаемые на

огромной территории (Приаралье, Причерноморье, Предкавказье, Поволжье, Приуралье, Средняя Азия и т.д.), пока не позволяют дать бесспорное этнокультурное определение создателям указанных памятников.

Особенностью некоторых антропоморфных изваяний с Байте I и III является изображение на их передней грани, в области бедер, петлеобразных шнуров. Некоторое внешнее сходство с последними имеют, пожалуй, лишь изображения на деревянных антропоморфных надгробных статуях XVIII–XIX вв. калашей Гиндукуша (Йеттмар К., 1986, обложка, с. 430), отразивших этнографические особенности верхней одежды данной этнической группы. В связи с этим заслуживает внимания мнение некоторых исследователей о перемещении какой-то группы сако-массагетов из более северных районов на юго-восток, в труднодоступные ущелья Гиндукуша, около рубежа эр.

Немногочисленные тамгообразные знаки, встреченные на венчике жертвенной чаши и отдельных изваяниях с Байте III, в своем большинстве идентичны так называемым сарматским знакам, фиксируемым на огромной территории западной части Евразийского пояса степей и пустынь, в том числе в Причерноморье, Предкавказье, Хорезме и т.д. (Драчук В.С., 1975). Так, один из байтинских знаков идентичен тамге сарматского царя Фарзоя (Карышковский П.О., 1982) и боспорского правителя Ининфимея, неоднократно отмеченной в Причерноморье на ювелирных изделиях, оружии, произведениях искусства и архитектуры (Симоненко О.В., Лобай Б.І., 1989), и очень близок тамгам на медных хорезмийских монетах II в. до н.э. (Вайнберг Б.И., 1962, с. 126, рис. 2). Другой знак, нанесенный на грудь изваяния (рис. 6, *2*), также находит довольно близкие аналогии не только в сарматских материалах, но и на хорезмийских монетах I в. до н.э. (Вайнберг Б.И., 1962, с. 126, рис. 3; 1977, табл. XI, XV). Свастикообразный знак с бортика чаши (рис. 6, *4*) имеет широчайшее распространение, встречаясь даже на оленных камнях Монголии (Вайнберг Б.И., Новгородова Э.А., 1976, с. 178, табл. I, *12*), нередко – на сарматских зеркалах-подвесках (Драчук В.С., 1975, табл. XVI–XVIII) и т.д. Наиболее же близкие территориально-хронологические параллели ему дают памятники Хорезма, в особенности левобережного. Так, подобная свастика обычна на хорезмийских монетах III в. н.э. (Вайнберг Б.И., 1977, табл. XV), встречена на оссуарии I–III вв. н.э. из могильника Тарым-кая 2 (Яблонский Л.Т., Коляков С.М., 1992, с. 86, рис. 5, *17*), фиксируется в форме огромных грунтовых культовых конструкций некрополя и святилища первых веков н.э. Чаш-тепе на южном чинке Устюрта (Рапопорт Ю.А., Трудновская С.А., 1979, с. 153), и т.д.

Следует отметить, что наличие на одном изваянии нескольких разнотипных знаков, выполненных в разной технике, делает вполне допустимым предположение об асинхронности изваяний и знаков; последние могли быть нанесены спустя несколько десятилетий или даже столетий после создания скульптур. Все это позволяет предположить, что устюртские святилища с изваяниями были созданы до периода широкого распространения тамг у кочевников сармато-сако-массагетской общности, что вполне согласуется с датировкой святилищ IV–II вв. до н.э. по изображенному на изваяниях оружию; тамги же начинают широко использоваться кочевниками западной части степной Евразии вряд ли ранее рубежа II–I вв. до н.э., если не позже. Сарматский же обычай ставить тамги на явно чужих и нетранспортабельных предметах и сооружениях хорошо известен (Яценко С.А., 1992).

Значительно более редко встречаемым вариантом антропоморфных памятников являются весьма грубо моделированные изваяния, очень скупо воплощающие антропоморфные черты (голову, лицо) и иконографией напоминающие памятники конца эпохи поздней бронзы (рис. 6, *3*). Из-за отсутствия на изваяниях изображений каких-либо атрибутов датировка их определялась общей датой комплексов, на которых они были обнаружены.

К эпохе раннего железа относятся и неантропоморфные памятники монументального искусства – каменные стелы, абрисом напоминающие оленные камни Централь-

ной Азии, а также "киммерийские" стелы Причерноморья и Предкавказья. Хотя иконография данных памятников предельно лаконична (почти полностью отсутствуют изображения атрибутов, за исключением горизонтальных полосок, делящих стелу на 2–3 расположенные по вертикали зоны), датировать указанные памятники позволяют типологические параллели. Целая группа подобных стел зафиксирована в урочище Дыкылтас (Самашев З.С., Ольховский В.С., 1996б), одна – на святилище Карамунке и т.д. Вполне вероятно открытие на Устюрте, Мангышлаке и в прилегающих районах стел, еще более типологически близких классическим оленным камням Евразии.

Еще одним типом неантропоморфных стел, выявленным, в частности, на п-ве Тюб-Караган, являются памятники, условно именуемые "верблюжьими камнями". Они представляют собой вкопанные вертикально уплощенные плиты, верхняя грань которых раздвоена вертикальным пропилом. При взгляде в фас подобная двухвершинная стела приобретает сходство с верблюжьими горбами. Не исключено, что верблюжьи камни появляются в Восточном Прикаспии еще в эпоху поздней бронзы (Баландина Г., Астафьев А., 1996, с. 155, рис. 11, *б*), но бытуют и позже, в эпоху раннего железа. Типологически сходные памятники, относимые к древностям бегазы-дандыбаевской культуры, известны и в Центральном Казахстане (Маргулан А.Х., 1979, с. 293, рис. 214, *2*).

Вышеприведенный обзор свидетельствует о перспективности археологического изучения региона и позволяет прийти к следующим предварительным заключениям.

Северо-Восточный Прикаспий (включая Арало-Каспийское междуморье) был обитаем в течение всей эпохи раннего железа. Памятники VII–V вв. до н.э. здесь, однако, редки, позже их численность значительно возрастает. Население северной части данного региона, судя по погребальным и иным памятникам, мало чем отличалось от блажайших соседей – кочевников Южного Приуралья и Поволжья. Обитатели же более южных районов Арало-Каспия по особенностям своего культурного комплекса явно входили в сармато-сако-массагетскую общность. Есть все основания констатировать их связи с населением более северных и восточных районов – Южного Приуралья, Северного и Центрального Казахстана. Но предметы импорта, особенности погребальных памятников подтверждают определенные этнокультурные и торговые связи их с юго-востоком, в частности, Хорезмом. На рубеже эр и в первые века н.э. население Устюрта, очевидно, участвовало в миграционных процессах, протекавших как в меридиональном, так и в широтном направлениях еще до начала эпохи Великого переселения народов. Яркая особенность – феномен святилищ байтинского типа с антропоморфной скульптурой – резко выделяет Устюрт среди сопредельных территорий, свидетельствуя о формировании там вполне самобытного очага монументального изобразительного искусства. Накопление материалов позволит со временем понять суть этого феномена.

Наиболее сложной остается проблема этнокультурной идентификации создателей рассмотренных памятников, решение которой – дело будущего; пока же отметим следующее. По существующим представлениям, основанным преимущественно на письменной традиции, во второй половине I тыс. до н.э. в западноазиатских степях (Поволжье, Приуралье, Прикаспий) обитали сарматы; затем часть их мигрировала на запад, потеснив европейских скифов. Саки-хаумаварга и саки-тиграхауда кочевали в Приаралье и других районах Западной Азии; их нередко путали, а иногда и отождествляли с массагетами. Массагеты (если этот этноним действительно обозначал отличную от саков племенную группу) обитали примерно в тех же районах, включая Восточный Прикаспий; иногда их называли и скифами. В Арало-Каспийском регионе и южнее (до Парфиены?) располагались кочевья дахов (даев, дагов). Упоминаемые в письменных источниках каспии (гиркании) жили в районе юго-восточного побережья Гирканского (Каспийского) моря и были, вероятно, полуоседлым народом.

Огромное влияние на этнокультурную историю региона оказали события, связанные с походом Александра Македонского в Азию и разгромом державы Ахеменидов; об этом недвусмысленно сообщают Ксенофонт, Курций Руф, Помпей Трог, Арриан,

Страбон и др. Известно, что после подавления антимакедонского восстания, возглавленного Спитаменом, большая часть дахов, массагетов, хорасмиев и скифов признала верховенство македонского царя и формально подчинилась ему. Однако территория дахо-массагетских кочевий в Арало-Каспийском регионе оказалась вне контроля завоевателей. Следует предполагать, что именно сюда, за Узбой, отошли основные силы кочевников, не пожелавших признать власть македонян.

Последующая история Арало-Каспия в письменных источниках отражена очень неполно. Выясняется, в частности, что даи делились на несколько родо-племенных групп – апарнов (парнов), ксанфиев и писсуров, которые контролировали районы севернее Узбоя и совершали набеги на Гирканию, Парфиену, Маргиану и, возможно, Хорезм; политическая нестабильность после смерти Александра не могла не способствовать росту их военной активности. В 248–247 гг. до н.э. даи или парны во главе с Арсаком (Аршаком) захватили большую часть Парфии и часть Гиркании, положив начало правлению там династии Аршакидов. В последовавшей внутридинастической борьбе, надо полагать, самое активное участие принимали вожди даев и парнов, составлявших прочный тыл новой парфянской государственности.

Несомненно прямое участие знати кочевников (хорасмиев, дахов, возможно, парнов и массагетов) в воцарении новой династии в Хорезме в конце I тыс. до н.э. и формировании Кушанского государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Акишев К.А., Кушаев Г.А., 1963. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата.

Алексеева Е.М., 1975. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып. Г1–12.

Алексеева Е.М., 1978. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып. Г1–12.

Амброз А.К., 1966. Фибулы юга Европейской части СССР II в. до н.э. – IV в. н.э. // САИ. Вып. Д1–30.

Археологическая карта Казахстана, 1960. Алма-Ата.

Баландина Г., Астафьев А., 1996. Опыт реконструкции и интерпретации погребально-поминального комплекса эпохи поздней бронзы Актауского могильника // Вопросы археологии Западного Казахстана. Вып. 1. Самара.

Бейсенов А.З., 1996. Культово-ритуальные сооружения древних номадов Центрального Казахстана // Известия МН-АН РК. Серия обществ. наук. N 2.

Боковенко Н.А., 1977. Типология бронзовых котлов сарматского времени в Восточной Европе // СА. N 4.

Вайнберг Б.И., 1962. Ранняя хорезмийская монета из собрания Самаркандского музея и некоторые вопросы истории докушанской хорезмийской чеканки // ВДИ. N 1.

Вайнберг Б.И., 1977. Монеты древнего Хорезма. М.

Вайнберг Б.И., 1992. Памятники скотоводческих племен в левобережном Хорезме // Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.

Вайнберг Б.И., Левина Л.М., 1992. Чирикрабатская культура в низовьях Сырдарьи // Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.

Вайнберг Б.И., Новгородова Э.А., 1976. Заметки о знаках и тамгах Монголии // История и культура народов Средней Азии (Древность и средние века). М.

Вишневская О.А., 1973. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н.э. М.

Галанина Л.К., 1995. Раннескифские стрелковые наборы из Келермесских курганов // АСГЭ. Вып. 32.

Галкин Л.Л., 1983. Разведки и раскопки в Северо-Восточном Прикаспии // АО–1981. М.

Галкин Л.Л., 1984. Работы в Северо-Восточном Прикаспии // АО–1982. М.

Галкин Л.Л., 1985. Памятники Северо-Восточного Прикаспия // АО–1983. М.

Галкин Л.Л., 1986. Работы в Северо-Восточном Прикаспии // АО–1984. М.

Галкин Л.Л., 1987. Изыскания в Северо-Восточном Прикаспии // АО–1985. М.

Драчук В.С., 1975. Системы знаков Северного Причерноморья. Киев. Древняя и средневековая культура Юго-Восточного Устюрта, 1976. Ташкент.

Ишманов О.И., Самашев З.С., Жетибаев Ж., 1991. Погребения раннего железного века из могильника Иманкара в Западном Казахстане // Проблемные вопросы истории Западного Казахстана (Мат-лы тезисов межрегиональной научно-теоретической конференции). Гурьев.

Йеттмар К., 1986. Религии Гиндукуша. М.

Карышковский П.О., 1982. О монетах царя Фарзоя // Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья. Киев.

Левина Л.М., 1996. Этнокультурная история Восточного Приаралья. I тысячелетие до н.э. – I тысячелетие н.э. М.

Литвинский Б.А., 1965. Среднеазиатские железные наконечники стрел // СА. N 2.

Маргулан А.Х., 1979. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата.

Медведская И.Н., 1972. Некоторые вопросы хронологии бронзовых наконечников стрел Средней Азии и Казахстана // СА. N 3.

Медведская И.Н., 1980. Металлические наконечники стрел Переднего Востока и Евразийских степей II – первой половины I тысячелетия до н.э. // СА. N 4.

Мелюкова А.И., 1964. Вооружение скифов // САИ. Вып. Д1–4.

Мошкова М.Г., 1963. Памятники прохоровской культуры // САИ. Вып. Д1–10.

Ольховский В.С., 1995. Исследование святилищ на Устюрте // АО–1994. М.

Ольховский В.С., 1996. Исследования на плато Устюрт в Казахстане // АО–1995. М.

Ольховский В.С., Галкин Л.Л., 1990. Культовый комплекс на Устюрте (предварительное сообщение) // СА. N 4.

Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л., 1994. Скифские изваяния VII–III вв. до н.э. М.

Очир-Горяева М.А., 1996. Наконечники стрел кочевников Нижнего Поволжья // РА. N 1.

Рапопорт Ю.А., Трудновская С.А., 1979. Курганы на возвышенности Чаш-тепе // Кочевники на границах Хорезма. ТХАЭЭ. Т. XI.

Самашев З., Исмагил Р., Жетибаев Ж., 1994. К изучению культур древних амнадов Арало-Каспийских степей // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. СПб.

Самашев З.С., Ольховский В.С., 1996а. Племена Арало-Каспийских степей // История Казахстана (с древнейших времен до наших дней) в 4-х томах. Т. I. Алматы.

Самашев З.С., Ольховский В.С., 1996б. Стелы Дыкылтаса (Западный Казахстан) // Вопросы археологии Западного Казахстана. Вып. 1. Самара.

Симоненко О.В., Лобай Б.І., 1989. До визначення етнічної належності Фарзоя та Інісмея // Археологія. N 1.

Скрипкин А.С., 1984. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов.

Скрипкин А.С., 1990. Азиатская Сарматия. Саратов.

Смирнов К.Ф., 1961. Вооружение савроматов // МИА. N 101.

Смирнов К.Ф., Петренко В.Г., 1963. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья // САИ. Вып. Д1–9.

Хабдулина М.К., 1993. Хронология наконечников стрел раннего железного века Северного Казахстана // Кочевники Урало-Казахстанских степей. Екатеринбург.

Хазанов А.М., 1963. Генезис сарматских бронзовых зеркал // СА. N 4.

Членова Н.Л., 1967. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.

Яблонский Л.Т., 1996. Саки Южного Приаралья. М.

Яблонский Л.Т., Коляков С.М., 1992. Могильник Тарым-кая 2 // Скотоводы и земледельцы левобережного Хорезма (древность и средневековье). Вып. 2. М.

Ягодин В.Н., 1984. Бронзовые наконечники стрел из Южной Бактрии // Древняя Бактрия. М.

Яценко С.А., 1992. Плиты – энциклопедии тамг в Монголии и Сарматии // Северная Евразия от древности до средневековья (тезисы конференции). СПб.

Zuyev V.Yu., Ismagilov R.B., 1994. Ritual complexes with statues of horsemen in the northwestern Ustyurt // New archaeological Discoveries in asiatic Russia and Central Asia (Archaeological Studies. Issue 16). SPb.

Vuslat Ünal, 1982. Zwei Graber eurasischer Reiternomaden im nordlichen Zentralanatolien // Beitrage zur allgemeinen und vergleichenden archaologie. B. 4. München.

Институт археологии РАН,
Москва

OLKHOVSKY V.S., GALKIN L.L.

THE STUDY OF SITES LOCATED IN THE NORTH-EASTERN CASPIAN MARITIME REGION IN THE EARLY IRON AGE

Summary

The paper summarizes the results of the studies of the sites located in the North-Eastern Caspian maritime region in the Early Iron Age that were conducted by the expeditions of the Institutes of Archaeology of the Russian Academy of Science and the Kazakhstan Academy of Science in 1981–1995. All types of uncovered archaeological sites are characterized in it, i.e. mounds, burials, cult complexes, anthropomorphic statues and stelas, arans (constructions for penning hunting) as well as artifacts of the 7th century BC – 3d century AD, found casually and during excavations. It is noted that, as a whole, main cultural elements of the nomadic populations of Usturt and Mangyshlak find close analogues among the sites of Savromats and Sarmatians living farther in the north (the Volga region, the Southern Urals region) in spite of availability of evidence about their contacts with Chorezm and steppe regions of northern and central Kazakhstan. The population of the eastern Caspian region formed part of a wide circle of the tribes of the Sarmatian-Sako-Massagets nomadic community; it is so far difficult to give it a more accurate ethnic definition (Dahs, Massagets?).

М.В. КОЗЛОВСКАЯ

НОВЫЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ СРЕДНЕДОНСКОГО СКИФСКОГО МОГИЛЬНИКА У СЕЛ ТЕРНОВОЕ И КОЛБИНО*

Изучение антропологических материалов скифского времени с территории Среднего Дона связано прежде всего с проблемами этнической истории различных племен и народов, населявших северные рубежи степных областей и лесостепные ландшафты. Описания Геродота заставляют искать следы взаимодействия скифского населения и местных племен будинов, меланхленов, невров, андрофагов в областях контактов двух принципиально различных укладов жизни. Данная работа посвящена анализу антропологических материалов, полученных при раскопках (1993–1996 гг.) могильника скифского времени у сел Терновое и Колбино.

Исследование могильника осуществляет Потуданская археологическая экспедиция под руководством В.И. Гуляева (Гуляев В.И., Савченко Е.И., 1995, с. 87). Полевые работы, проводимые с 1992 г. в Острогожском р-не Воронежской обл., позволили выявить у сел Терновое и Колбино крупный могильник, насчитывающий несколько десятков насыпей. Анализ вещевого материала – украшений, элементов конской упряжи, оружия, керамики – позволили авторам раскопок датировать могильник концом V–IV вв. до н. э. (Гуляев В.И., Савченко Е.И., 1995, с. 101).

Хотя каждый из исследованных курганов дал антропологический материал, сохранность его в большинстве случаев – крайне скверная. Как правило, это фрагменты диафизов длинных костей, ребер, позвонков, фрагменты черепа. С методическими подходами классических этногенетических палеоантропологических исследований использовать этот материал бессмысленно. Поэтому в начале работы было две возможности:

1) практически отказаться от фрагментов, измерение которых невозможно, и ждать материалов хорошей сохранности, которыми могут похвастаться многие антропологические серии из известных скифских археологических памятников с территории юга России и Украины;

2) анализировать все определимые фрагменты, используя широкий арсенал современных методов палеоэкологических реконструкций, накапливать эти сведения, чтобы иметь данные о самых различных биологических особенностях исследуемой палеопопуляции.

Отметим лишь, что только в этом году был обнаружен первый и пока единственный череп, сохранность которого предполагает полные краниологические измерения. Измерить по сокращенной остеометрической программе можно отдельные длинные кости конечностей трех индивидуумов.

Исследование палеоантропологических материалов плохой сохранности стало возможным благодаря бурному развитию новых методов скелетной биологии (Skeletal biology..., 1992). Для современных палеоантропологических работ характерно подробное реконструктивное описание индивидуальных особенностей физического статуса,

* Исследование выполнено в рамках проектов РГНФ "Исторические реконструкции в палеоантропологических исследованиях" (96-01-00493) и РФФИ "Историческая экология человека. Методика биологических исследований" (96-06-80278).

© М.В. Козловская, 1997 г.

Половозрастное распределение в палеоантропологической серии из курганов Колбино I и Терновое I

Возраст, лет	Мужчины	Женщины	Дети
10–14			1
15–19			
20–24		1	
25–29		2	
30–34	3	2	
35–39	2		
40–44	1	1	
Всего	6	6	1

состояния здоровья, характера физических нагрузок и пр., на основании которых и выносится суждение о биологических особенностях группы в целом. Такой способ описания и изучения палеоантропологического материала получил название "биоархеологическая реконструкция" и широко используется в настоящее время в мировой практике (например, Cohen M.N., Armelagos G.J., 1984; Merbs R., 1989; Бужилова А.П., 1995).

Интересен опыт работы с палеоантропологическими материалами из царского кургана Чартомлык. Работа выполненная проф. Гёттингенского университета Максом Шультцем, посвящена подробному, прежде всего палеопатологическому, описанию фрагментов скелетов шести индивидуумов (Шультц М., 1991, с. 329–340). Морфологические, палеопатологические и гистологические описания, а также химический анализ скелетов позволили уточнить половозрастные определения, выявить различия в характере физических нагрузок и состояния здоровья всех погребенных в царском кургане. Нет необходимости доказывать, что такой подробный анализ на индивидуальном уровне крайне важен для реконструкции погребального обряда.

Описания палеоантропологических материалов из курганов Терновое I и Колбино I также могут быть использованы для реконструкции образа жизни населения, бытовавшего на Среднем Дону в эпоху железного века (Козловская М.В., 1996, с. 147).

К настоящему времени антропологическая коллекция из курганов насчитывает 13 индивидуумов. Возраст был определен для каждого из них, пол – для 12. Определение пола у одного из индивидуумов осложнено своеобразным патологическим состоянием скелета, дискуссионно и требует особого обсуждения. Половозрастное распределение в изучаемой палеопопуляции представлено в таблице.

Как следует из приведенных данных, средняя продолжительность жизни мужчин составляет 35,6 лет, а женщин – 32,5 года. Бóльшая продолжительность жизни мужчин по сравнению с женщинами – типичная картина для палеопопуляции этого времени. Как известно, средняя продолжительность жизни (средний возраст смерти – термин, принятый в палеодемографии) мужчин и женщин является чутким индикатором общего качества жизни палеопопуляции. Рассмотрим полученные данные на фоне некоторых аналогичных демографических показателей для групп эпохи железа. Дж. Анджел в своей крупной сводке (Angel J.L., 1984) приводит данные о продолжительности жизни для суммы групп Восточного Средиземноморья в раннем железном веке (X–XII вв. до н. э.): мужчины – 39,0, женщины – 30,9 лет; и в классическое время (VI–IV вв. до н. э.): мужчины – 44,1, женщины – 36,8 лет. Следует отметить, что средняя продолжительность жизни, вычисленная для классического периода, настолько велика, что "перекрывается" только современными демографическими показателями. Предварительные показатели средней продолжительности жизни, полученные для палеопопуляции из описываемых скифских могильников, значительно ниже, что и неудивительно. Качество жизни на далекой периферии цивилизации того времени могло быть намного ниже, чем в гораздо более развитых и богатых центрах Средиземноморья.

Еще более неблагоприятная картина качества жизни реконструируется по показателям средней продолжительности жизни меотского населения (Романова Г.П., 1989, с. 89). Большинство населения не доживало до рубежа четвертого десятилетия.

Особого внимания заслуживает незначительная по сравнению с указанными группами разница в средней продолжительности жизни мужчин и женщин. Если для населения Восточного Средиземноморья эта величина в самые благополучные эпохи существования приближается к восьми годам, то для данной скифской популяции она составляет около трех лет. Это можно рассматривать как следствие достаточно сходных условий жизни мужчин и женщин. Как правило, большинство стрессов, переносимых женским организмом, связано с деторождением и первыми годами жизни детей. Поэтому высокая женская и детская смертности сопутствуют друг другу. Относительно высокий показатель продолжительности жизни женщин в палеопопуляции из описываемого памятника говорит в пользу умеренного уровня рождаемости и высокого качества жизни женщин. Свод письменных и археологических источников о размерах малой нуклеарной семьи в скифских племенах, приводимый А.М. Хазановым, также свидетельствует в пользу низкой рождаемости (Хазанов А.М., 1975, с. 73–76).

Эти предположения, полученные на основе анализа предварительных демографических описаний, достаточно хорошо согласуются и с археологическими материалами. Курганы с женскими захоронениями не отличаются от курганов с мужскими меньшими размерами насыпи, бедностью сопровождающего инвентаря, прочими особенностями погребального обряда. Эти свидетельства социального равенства захороненных мужчин и женщин рассматриваются археологами как доказательства в пользу именно скифской принадлежности рассматриваемой группы населения (Гуляев В.И., Савченко Е.И., 1995, с. 101). Практически равное соотношение полов также свидетельствует об отсутствии каких-либо принципиальных различий в статусе полов.

Примерно равное число мужчин и женщин также заставляет склониться к мнению, что описываемая серия являет собой палеопопуляцию (род, племя) или ее представительную часть, а не какую-либо социальную группу, выделенную племенем для какой-либо специализированной функции.

В антропологической серии практически отсутствуют индивидуумы детского возраста. Фрагмент зуба, обнаруженный в погребении одной из молодых женщин, также достаточно плохой сохранности. Полной уверенности в том, что коронка принадлежит именно молочному зубу, а не взрослому, нет. Также детские погребения отсутствуют и в могильнике Дуровка Белгородской обл. (раскопки А.И. Пузиковой). В настоящее время нет объяснения причин отсутствия детских погребений в могильнике. Следует лишь отметить, что детские погребения в скифских курганах не так часты. Большая часть курганных погребений детей относится к совместным (женщина – ребенок, женщина – несколько детей). Существуют также курганы и с отдельными собственно детскими погребениями (Хазанов А.М., 1975, с. 65, 66). Окончательное суждение о наличии или отсутствии детских погребений в настоящее время выносить рано, так как памятники не исследованы в полном объеме.

Возраст одного индивидуума в серии из курганов Терновое и Колбино определен как подростковый (чуть больше 10 лет). Подросток имел полное "взрослое" погребальное сопровождение, и это позволяет предполагать, что уже в ранние годы скифы вступали в социальном отношении во взрослый возраст.

Первичное палеодемографическое описание группы с целью реконструкции образа жизни может быть значительно дополнено и откорректировано сведениями об индикаторах физиологических стрессов. Эти данные позволяют реконструировать качество жизни, наличие хронических тяжелых заболеваний, голоданий и прочих неблагоприятных для здоровья человека состояний (Cohen M.N., Armelagos G.J., 1984).

Первый маркер – эмалевая гипоплазия. Этот морфологический эффект эмали (разного рода неровности) возникает в случае перенесения тяжелых болезней или недоедания (Kerr N.W., 1989). Так как формирование коронки коренных (основных)

зубов происходит в возрасте от 2–3 до 6–7 лет, то этот признак может рассматриваться именно как маркер состояния здоровья ребенка.

В исследованной группе из 13 индивидуумов зубы различной сохранности обнаружены у 11. Из них у 7 человек отмечены те или иные проявления гипоплазии, что составляет 63% и может быть отнесено к разряду высоких показателей. Примечательно, что наибольшая исчерченность эмали зуба отмечена у подростка. Таким образом, можно судить о достаточно суровых условиях, в которых проходило детство этих людей. Расположение линий гипоплазии на коронке зуба дает основания более менее точно определять возраст перенесенного стресса. Для палеопопуляции из Тернового – Колбино этот возраст – около 2–2,5 лет. В этом возрасте происходит переход от грудного кормления к взрослой пище, что, как известно из многих антропологических и этнографических сведений, связано с разного рода стрессами. Этот возраст физиологического стресса достаточно универсален. Изучение типа питания на основании данных химического анализа детских скелетов различных групп показало, что в этом возрасте значительно меняется состав рациона (Sillen A., Smith P., 1984).

Также важно отметить, что частота встречаемости проявлений эмалевой гипоплазии одинакова у обоих полов. Отсутствие различий в частоте встречаемости эмалевой гипоплазии у мужчин и женщин свидетельствует в пользу того, что качество жизни мальчиков и девочек было сходным и, вероятно, не существовало традиции лучшего ухода за мальчиками, как зачастую можно наблюдать в других палеопопуляциях. Это наблюдение заставляет вернуться к реконструкциям социальной роли полов, предложенной на основании палеодемографических данных. Два независимых биологических источника подтверждают предположение о достаточно сходном социальном положении мужчин и женщин в обследуемой палеопопуляции.

Случаев кариеса, одонтогенного миелита, прижизненного выпадения зубов не обнаружено. Хорошее состояние зубной системы в целом характерно для круга степных популяций и связывается с мясным и молочным рационом питания, в полной мере удовлетворяющим потребности организма как в основных костеобразующих и биогенных химических элементах (Ca, P, Zn, Cu, Ag, Pb), так и в витаминах.

Из индикаторов физиологического стресса взрослого возраста были определены поротический гиперостоз и criba orbitalia – наиболее простые признаки, фиксация которых не требует каких-нибудь предварительных исследований. Ни на одном из обследованных черепов не обнаружены следы этих признаков. Это позволяет предполагать достаточно высокое качество жизни, отсутствие хронических заболеваний и пищевых стрессов.

Таким образом, анализ встречаемости некоторых индикаторов физиологического стресса показал: а) достаточно высокое качество жизни палеопопуляции, что, вероятно, можно рассматривать как подтверждение известной "элитности" погребенных в курганах; б) предположительно равные по "уровню жизни" условия существования женщин и мужчин.

Как следует из письменных источников, основным занятием скифов было военное ремесло. Существуют антропологические методы реконструкции степени физических нагрузок на различные группы мышц, основанные на оценке развития костного рельефа, описании суставных поверхностей, состояния позвонков (Федосова В.Н., 1986; Бужилова А.П., 1992), которые позволяют реконструировать основные виды физической деятельности.

Сведение данных, полученных при описании 10 скелетов различной степени сохранности, показывает, что в наибольшей степени развит рельеф плеча, связанный с рабочей гипертрофией дельтовидной мышцы, большой грудной мышцы и некоторых других крупных мышц руки. Также отмечены разрастания костной ткани или иные реакции костной ткани, связанные с мышечной гиперфункцией на лопатке в месте прикрепления дельтовидной мышцы. Поверхности соединения ключицы и грудины во всех рассмотренных случаях несут на себе следы усиленных механических нагрузок.

Индикаторы развития мускулатуры плеча и верхнего пояса в целом отмечены как на мужских, так и на женских скелетах. На некоторых мужских черепах отмечено сильное развитие затылочного рельефа в местах прикрепления широчайшей мышцы спины и шейной мускулатуры.

В большей мере варьирует выраженность рельефа бедренной кости: от 0 до 2 баллов. Для большинства скелетов отмечены уплощенность формы диафиза большеберцовой кости, значительное развитие рельефа в местах прикрепления мускулатуры, обеспечивающей подвижность стопы. Описывая группу, следует отметить, что степень выраженности функционального рельефа неодинакова. Нельзя сказать, что скелеты мужчин и женщин отличаются особенностями костного рельефа. Конечно, наибольшие баллы развития костного рельефа отмечены у мужчин, однако нагрузки на аналогичные участки скелета встречаются и у женщин. Пожалуй, наиболее специфически мужской чертой можно считать развитие затылочного рельефа.

Среди мужских скелетов есть скелеты с умеренно развитым рельефом. Можно предположить, что у этих людей были разные виды и степень физических нагрузок, что в свою очередь дает основания считать, что их деятельность не была единообразной.

Краткие наблюдения разнообразия физических нагрузок могут быть использованы как косвенные свидетельства сложной социальной структуры скифского общества. Возможно, что не все из погребенных с предметами военного снаряжения в равной мере занимались военным ремеслом. Разнообразие погребального обряда, наблюдаемое в пределах единого могильника, также согласуется с представлениями о поливариантности социальных ролей.

Большинство курганов содержит одиночные погребения. В Колбинской группе в двух курганах обнаружены совместные захоронения. Изучение небольшого числа фрагментов скелетов из первого Колбинского кургана дает основание предполагать, что в нем были погребены три человека (женщина и двое мужчин). Крупные размеры насыпи, сложный погребальный отряд, реконструированный при раскопках, в сочетании со специфическим физиологическим статусом захороненной женщины заставляют рассматривать данный курган как имевший особое культовое значение. В кургане 22 Колбинской группы обнаружены фрагменты двух индивидуумов. Плохая сохранность материалов позволяет предположительно судить о том, что в кургане были погребены двое мужчин среднего возраста.

Обобщая первые предварительные сведения о некоторых биологических особенностях населения, оставившего курганы Терновое и Колбино, следует отметить достаточно высокий уровень показателей состояния здоровья в сочетании с умеренными показателями продолжительности жизни. Сочетание этих двух особенностей заставляет думать о каких-то социальных факторах, влиявших на продолжительность жизни населения. Принимая во внимание явно военизированный характер населения (вещевой набор погребального инвентаря, характер физической активности, следы травм), можно предположить, что описываемое население принимало участие в военных действиях.

Более доказательное суждение о специфике исследуемой популяции может быть получено лишь при полном изучении памятника. Размеры могильника, разнообразный и содержательный материал находок позволяют надеяться, что последующие исследования помогут более подробно описать биологическое и социальное своеобразие палеопопуляции, опираясь на разнообразные методики современных палеоантропологических исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бужилова А.П., 1992. Изучение физиологического стресса у древнего населения по данным палеопатологии // Экологические аспекты палеоантропологических и археологических реконструкций. М.

Бужилова А.П., 1995. Древние населения: палеопатологические аспекты исследования. М.
Гуляев В.И., Савченко Е.И., 1995. Терновое I – новый скифский курганный могильник на Среднем Дону // РА. № 3.
Козловская М.В., 1996. Антропологическая характеристика материалов из скифских курганов Среднего Дона // РА. № 4.
Романова Г.П., 1989. Опыт палеодемографического анализа условий жизни населения степных районов Ставрополья в эпоху ранней бронзы // ВА. Вып. 82.
Федосова В.Н. 1986. Общая оценка развития компонента мезоморфии по остеологическим данным (остеологическая методика) // ВА. Вып. 76.
Хазанов А.М., 1975. Социальная история скифов. М.
Шультц М., 1991. Остеологическое исследование скелетов, найденных в кургане Чартомлык // Алексеев Ф.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р. Чартомлык. Киев.
Angel J.L., 1984. Health as a crucial factor in the changes from hunting to developed farming in the Eastern Mediterrananean // Paleopathology at the origin of agriculture. Orlando.
Cohen M.N., Armelagos G.J., 1984. Paleopathology at the origin of agriculture. Orlando.
Kerr N.W., 1989. Childhood health of two scottish Mediaeval populations as revealed by enamel (hypoplastic) defects // J. Paleopathol. 2 (1).
Merbs R., 1989. Paleopathology of the Eskimo. Ottawa.
Sillen A., Smith P., 1984. Weaning patterns are reflected in stcontium-calcium rations of juvenile skeletons // J. Archaeol. Science. V. 11.
Skeletal biology of peoples: research methods, 1992 / Sh. R. Saunders, M.A. Katzenberg eds. New York.

Институт археологии РАН,
Москва

M.V. KOZLOVSKAYA

NEW ANTHROPOLOGICAL ARTIFACTS FROM A MIDDLE DON SCYTHIAN BURIAL GROUND LOCATED NEAR THE VILLAGE TERNOVOYE AND KOLBINO

Summary

The paper describes anthropological artifacts from a Scythian kurgan burial ground located near the village Ternovoye and Kolbino in the Ostrogozhino district of the Voronezh region. Archaeological finds allow to date this site to the end of the 5th-4th centuries BC (Gulyaev V.I., Savchenko E.M., 1995). A preliminary description of the demographic structure of the anthropological series composed of 13 individuals gives data that allows to suggest that the burial ground was used as a tribe burial ground and is not a burial site for a specialized social group. Comparison of men's and women's life spans indicates that living conditions of both sexes were rather similar. Analysis of physiological stress indices availability (enamel hypoplasia, porotic hyperostosis and porotic change of the eyehole wall) shows that living conditions of men and women were similar and quite good. These independent biological data confirms concepts on equal social position of men and women in society of a number of Scythian tribes.

В.И. БУЛГАКОВА

ДРЕВНЕРУССКИЕ ПЕЧАТИ ИЗ СОБРАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ ИСТОРИИ В КИЕВЕ

За четверть века со времени публикации основного числа печатей музея в обобщающем труде В.Л. Янина (Янин В.Л., 1970) коллекция сфрагистических памятников пополнилась 13 новыми экземплярами, позволяющими в ряде случаев дать либо новые атрибуции, либо уточнить уже существующие.

Печать № 1 (НМИУ, № Пч-180; рис. 1, *1*) – обнаружена в 1961 г. в Киеве, в усадьбе дома по ул. Золотоворотской, 3. Диаметр 29,5–30, толщина 4,5 мм. Av.: поясное изображение св. Георгия с копьем в правой руке и круглым щитом в левой; с правой стороны надпись: Г-Ꙋ-ОР; остатки точечного ободка. Rv.: пятистрочная греческая надпись: KERO | HΘEITW| CWΔYΛW| ГЕОРГІ| W(K(ύρι)εβοήθει τῷ σῷ δούλῳ Γεωργιῳ); остатки точечного ободка.

Экземпляр представляет вторую, после находки на территории бывшего Федоровского монастыря, разновидность печатей с изображением св. Георгия и греческой надписью, обнаруженную в Киеве, и третью по отношению к более ранней находке моливдовула в Черниговской обл. (см.: Янин В.Л., 1970, № 24, 35). Вопрос об их принадлежности не вполне ясен. Н.П. Лихачев, которому была известна только черниговская находка, отнес ее ко времени Ярослава Мудрого (Лихачев Н.П., 1928, с. 156). По аналогии с его атрибуцией был решен вопрос и о принадлежности печати с территории Федоровского монастыря (Гончаров В.К., 1966, с. 377). В.Л. Янин, акцентируя внимание на отсутствии у обоих памятников «архаизирующих признаков», предлагает датировать их третьей четвертью XI в. По его мнению, возможным владельцем печатей может быть один из внуков Ярослава Мудрого – новгородский (1065–1067 гг.) и полоцкий (1067–1069 гг.) князь Мстислав Изяславич или родоначальник династии галицких князей Ростислав Владимирович (род. 1038 – ум. 1067 г.), христианские имена которых неизвестны (Янин В.Л., 1970, с. 23, 24, 30, 31).

Печать № 2 (НМИУ, № В 239; рис. 1, *2*) – фрагмент печати предположительно из раскопок А.А. Бобринского в 1900–1910-х годах в Черкасской обл. Диаметр 30, толщина 4,5 мм. Av.: погрудное зеркальное изображение апостола Андрея; сбоку неразборчивая надпись; крупнозернистый точечный ободок. Rv.: многострочная греческая надпись: Э | TW| WΛ...; крупнозернистый точечный ободок. Линия излома печати проходит по каналу для продевания шнура. Оттиски обеих сторон несколько смещены вниз; на оборотной стороне – следы повторного оттиска.

Рассматриваемый экземпляр оттиснут неизвестной ранее парой матриц печатей кн. Всеволода Ярославича (1054–1093 гг.). Учитывая место обнаружения моливдовула, а также первичность изображений на матрицах печати по отношению к последующим парам, находку следует датировать наиболее ранним, переяславским периодом княжения Всеволода – 1054–1076 гг.

Печать № 3 (НМИУ, № МДАЕ-196; рис. 1, *3*) – обнаружена в 1961–1968 гг. сотрудником Института археологии НАНУ В.Д. Дяденко в одном из погребений древнерусского некрополя летописной Желни, расположенного на заливной береговой террасе правого берега р. Суды (урочища Беленковы Бурты), поблизости с. Жовнино Чернобаевского р-на Черкасской обл. Диаметр 24–27, толщина 5 мм. Av.: поясное

© В.И. Булгакова, 1997 г.

изображение архангела Михаила с жезлом в правой и сферой в левой руке; по сторонам различается надпись М-І || Х-А; следы линейного ободка. Rv.: пятистрочная греческая надпись: +КЕ| [R]ОНӨІ| TWCWΔY| ΛЄYCTA| ΘIW (+К(ύρι)ε [β]οήθ(ε)ι τῷ σῷ δούλ(ῳ) Εὐστάθιῳ); следы линейного ободка. Поверхности замыты.

Параллельный публикуемому, несколько лучшей сохранности экземпляр из собрания Музея истории Киева (МИК, № А 4738) происходит из того же погребения. Обе находки обстоятельно описаны А.В. Кузой (Куза А.В., 1977, с. 121–129). Желнинские печати отнесены им «ближайшему боярину» кн. Всеволода Ярославича, с 1078 по 1088 г., по мнению исследователя, выполнявшему обязанности кормильца при его малолетнем сыне, переяславском князе Ростиславе Всеволодовиче (1078–1093 гг.). Согласно А.В. Кузе, этому же лицу должны принадлежать и хорошо известные печати протопроедра Евстафия, появляющиеся в период исполнения им обязанностей советника уже при малолетнем внуке Всеволода Ярославича – Мстиславе Владимировиче, в период его новгородского княжения в 1088–1094 гг. (Куза А.В., 1977, с. 124–128).

Печать № 4 (НМИУ, № В 5270; рис. 1, *4*) – обнаружена в с. Безрадичи Обуховского р-на Киевской обл. до 1925 г. Диаметр 28–32, толщина 4 мм. Av.: изображение серафима; точечный ободок. Rv.: трехстрочная русская надпись: ДЬ| ИѢСЛО| ВО; точечный ободок. На протяжении десятилетий числившаяся «неразысканной», печать была известна по записи 1925 г. в рукописном каталоге Музея древностей и искусств (№ 32872). На основании сопровождающей запись схематической прорисовки надписи, выполненной В. Козловской, она впоследствии оказалась предположительно отождествленной с матрицами аналогичным образом оформленной буллы из с. Стеблев Черкасской обл. (Янин В.Л., 1962, с. 167, № 16–2; Янин В.Л., 1970, с. 82, № 88–2).

Печати с изображением шестикрылого ангела и надписью «дьнѣслово» (Янин В.Л., 1970, № 88–91, табл. 42; Ивакин Г.Ю., 1981, рис. 174, *а*) известны в качестве печатей «киевской митрополии 90-х гг. XI в.» (Янин В.Л., 1970, с. 82). Публикуемый экземпляр представляет самостоятельную, шестую разновидность печатей этого типа. Палеография надписи, способ ее оформления, иконографические детали изображения наряду с размерными характеристиками моливдовула вполне конкретно указывают на его близость к позднейшим печатям киевского князя Святополка Изяславича (1093–1113 гг.) с надписью «дьнѣслово» (Янин В.Л., 1970, № 75, *1, 2*; 77). Данные, полученные в результате сравнительного анализа различных групп этих печатей, не свидетельствуя бесспорно в пользу принадлежности публикуемого экземпляра к начальному периоду княжения Святополка в Киеве, требуют его датирования временем до 1105 г. (Булгакова В., 1996).

Печать № 5 (НМИУ, № Пч-181; рис. 1, *5*) – обнаружена в 1961 г. в Киеве, на Подоле, в районе судостроительно-судоремонтного завода (ул. Набережно-Луговая, 8) при работах по очистке гавани. Диаметр 23–24,5, толщина 4 мм. Av.: подгрудное изображение св. Василия с кодексом в левой руке; по сторонам изображения надпись: В-А || С-Л; точечный ободок. Rv.: трехстрочная русская надпись: ДЬ| ИѢСЛ[О]| ; точечный ободок. Поверхности замыты.

Наличие на печати изображения св. Василия дает основания видеть в этом сфрагистическом памятнике еще одну разновидность печатей кн. Владимира Мономаха. Аналогичный, не получивший атрибуции экземпляр обнаруживался ранее в Новгороде (Янин В.Л., 1970, № 96; табл. 42).

Время происхождения матриц печати находится в пределах второго переяславского княжения Мономаха (1094–1113 гг.) и датируется периодом после 1105 г.

Печать № 6 (НМИУ, № МДАЕ-184; рис. 1, *6*) – место находки неизвестно, поступила в музей из коллекции В.Д. Дяденко (Киев) в 1976 г. Диаметр 20,5, толщина 3 мм. Av.: изображение св. Феодора в рост, со щитом в левой и копьем в правой руке; по сторонам сокращение надписи: Ф-Д || А-Г; точечный ободок. Rv.: трехстрочная русская надпись: ДЬ| NѢСЛ| [О]ВО; точечный ободок.

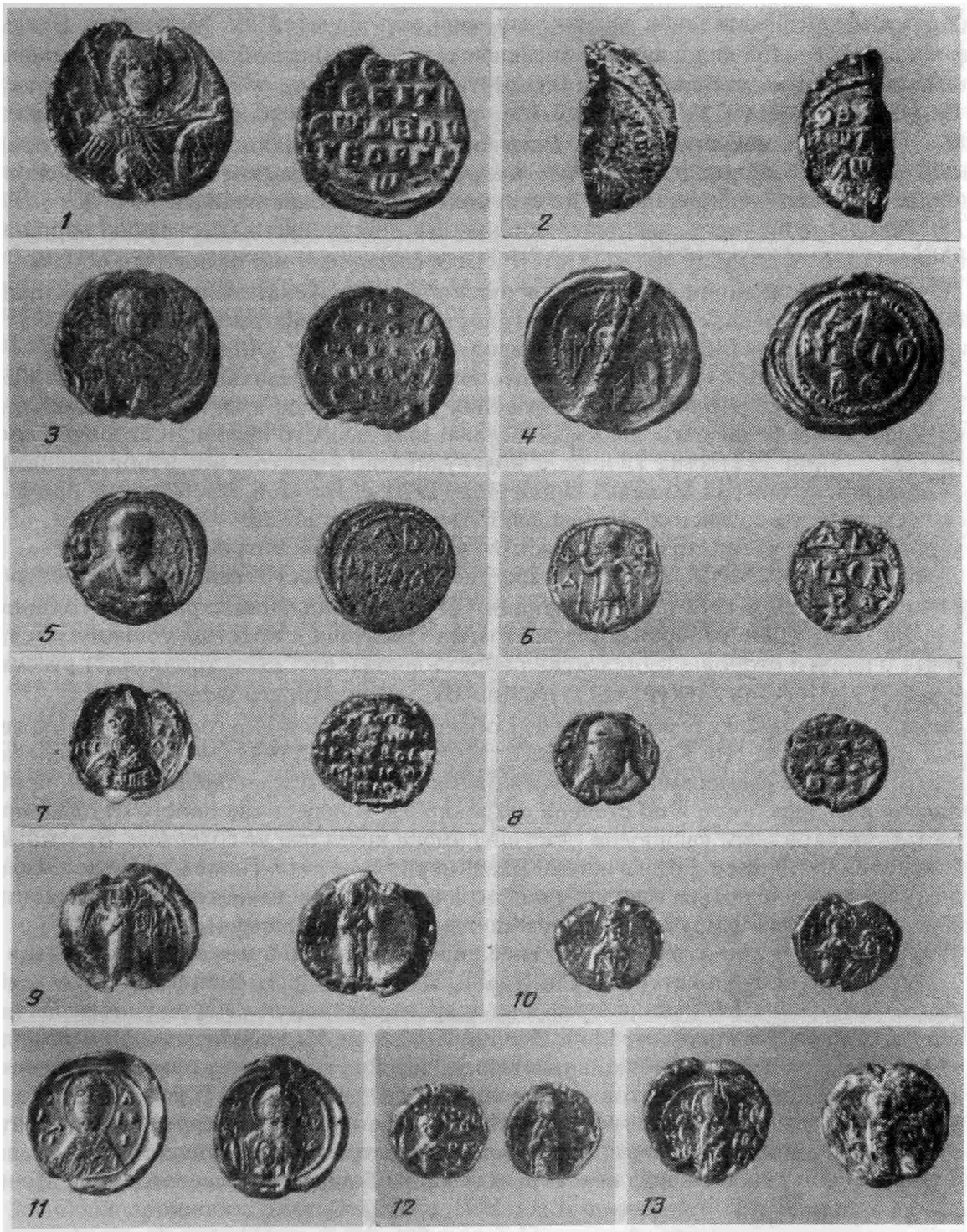


Рис. 1. *1* – печать с изображением св. Георгия (вторая четверть XI в.); *2* – печать переяславского князя Всеволода Ярославича (1054–1076 гг.); *3* – печать Евстафия (1078–1088 гг.); *4* – печать «дьнѣслово» с изображением серафима (конец XI в.); *5* – печать князя Владимира Всеволодовича Мономаха (1076–1125 гг.); *6* – печать князя Мстислава Владимировича (1088–1132 гг.); *7* – печать черниговского (1126–1139 гг.) и киевского (1139–1146 гг.) князя Всеволода Ольговича; *8* – печать черниговского князя Владимира Давидовича (1139–1151 гг.); *9* – печать новгородского князя Святослава Ростиславича (1158–1160, 1161–1167 гг.); *10* – печать вышгородского князя Давида Ростиславича (1169–1180 гг.); *11* – печать епископа (?) XII в.; *12* – княжеская печать второй половины XII в.; *13* – княжеская печать второй половины XII в.

Моливдовул представляет новую разновидность печатей кн. Мстислава Владимировича (1088–1132 гг.) с надписью «дьнѣслово». Наиболее близка публикуемому экземпляру находка из Белза (Янин В.Л., 1970, № 82).

Печать № 7 (НМИУ, № МДАЕ-184; рис. 1, *7*) – из подъемного материала 1985 г. с юго-восточной части Вышгородского городища (Ольжина гора). Диаметр 21–22, толщина 3 мм. Av.: погрудное изображение св. архиепископа Кирилла с кодексом в левой руке; по сторонам изображения надпись: А-О-КУ || РІ-ЛО-С; следы точечно-волнистого ободка. Rv.: пятистрочная русская надпись: ГНПО| МОЗНРА| БОУСВОЄ| МОУКУ| [Р]НЛО; следы точечно-волнистого ободка.

Печати с изображением св. Кирилла и русской благопожелательной надписью представлены оттисками двух пар матриц и атрибутируются черниговскому (1126–1139 гг.) и киевскому (1139–1146 гг.) князю Всеволоду Ольговичу (Янин В.Л., 1970, с. 71, № 114[1], 115; табл. 11; 44). Попытки сузить эту датировку (Ивакин Г.Ю., 1981, с. 405–407) до времени его черниговского княжения предполагают в качестве позднейших булл этого князя печати его сына Святослава, занимавшего стол в Новгороде (зима 1180/1181 – зима 1181/1182 гг.), не с подгрудными, а ростовыми изображениями св. Кирилла и архангела Михаила (Янин В.Л., 1970, с. 105, 106, № 188; табл. 58). Качеством материала сравнения эти выкладки не подтверждаются.

Публикуемый экземпляр представляет оттиск новой пары матриц.

Печать № 8 (НМИУ, № АЕ-11425; рис. 1, *8*) – место находки неизвестно; поступила в музей в 1972 г. из коллекции П.А. Грушина. Диаметр 16–19, толщина 5 мм. Av.: погрудное изображение св. Иоанна Предтечи с крестом у левого плеча; надпись с правой стороны изображения неразборчива. Rv.: пятистрочная (?) русская надпись: [Г] НПО| [М]ОЗН| [Р]АБОУ| [С]ВО[Є]... . Поверхности затерты.

Аналогичные публикуемому образцы обнаруживались в Новгороде и Чернигове (Янин В.Л., 1970, № 110; Коваленко В.П., Молчанов А.А., 1993, № 7). Новгородская находка, совпадая размерами заготовки с двумя другими экземплярами печати, приближается к публикуемой и по степени сохранности. Ввиду смещенности оттиска при недостаточном размере свинцовой пластины имени князя она не содержит. Экземпляр причислен В.Л. Яниным к сфрагистике Владимира Мономаха. Печать отличается схемой буквенного построения надписи и вместе с черниговской находкой представляет по отношению к киевскому экземпляру оттиск отдельной пары матриц.

Черниговская булла содержит в легенде лишь начальную букву имени владельца – И..., дополненную публикаторами как Иоанн. Их версия прочтения полностью подтверждается наличием большого креста на аверсе киевской печати, являющегося непременным атрибутом иконографии Иоанна Предтечи. Имя вкупе с местом находки моливдовула дало исследователям возможность выдвинуть гипотезу о принадлежности печати упоминающемуся в летописи под 1088 г. (ПСРЛ, т. 9, XV; НПЛ, 20, 203 и др.) черниговскому епископу Иоанну (ум. в 1112 гг.). Хронологическое определение печати было произведено ими на основании близости «в типологическом, стилистическом и палеографическом отношениях... некоторым печатям Владимира Всеволодовича Мономаха» (Коваленко В.П., Молчанов А.А., 1993, с. 212). Однако в качестве аналогии, и при этом единственной, как образец этих печатей исследователями приведен экземпляр, не имеющий к ним отношения, – уже упомянутый новгородский оттиск публикуемой ими буллы. Не может опереться гипотеза и на качество сфрагистического контекста: печати церковных иерархов времени епископа Иоанна несут большей частью греческие формулы, а буллы непосредственного преемника Иоанна, черниговского епископа Феоктиста (1113–1123 гг.) отмечены ростовыми изображениями Богоматери Знамение и тезоименитого иерарху святого (Коваленко В.П., Молчанов А.А., 1993, № 7, с. 212; рис. 1, *6*; 2, *6*). Первая известная церковная печать с русской развернутой легендой датируется только последней третью XII в., представляя сфрагистику новгородского архиепископа Илии (1165–1186 гг.) (Янин В.Л., 1970, № 58).

[1] Печать № 114 (собрание НМИУ, № В 3746) представляет отливку с оригинала.

Очевидно следующее: круг владельцев печатей с русской благожелательной надписью «Господи, помози» не выходит за пределы княжеской и посаднической сфрагистики. Хронологические рамки использования этого типа вполне конкретны. Исключив наиболее ранний, маргинальный период его употребления, поисковые рамки позволительно ограничить первой половиной XII в. Возможного владельца печати следует искать среди лиц, занимавших княжеский и, вероятнее всего, именно черниговский стол. Среди черниговских князей этого времени нет князя по имени Иоанн, однако существует один, христианское имя которого неизвестно. Речь идет о Владимире Давыдовиче, занимавшем черниговский стол с 1139 по 1151 г. Этому князю, печати которого до настоящего времени не выявлены, и могла бы принадлежать группа с оплечным изображением Иоанна Предтечи и русской легендой-призванием Божьей помощи.

Печать № 9 (НМИУ, № В 5118; рис. 1, *9*) – из подъемного материала 1985 г. с юго-восточной части Вышгородского городища (Ольжина гора). Диаметр 21,5–24, толщина 3,5 мм. Av.: изображение св. Иоанна Предтечи в рост, с крестом в левой руке; справа надпись: О-А-Г┤-W-С; следы точечного ободка. Rv.: ростовое изображение архангела Михаила со сферой в левой и жезлом в правой руке; по сторонам надписи: [А]-Р-Х‖ [М-І]-Х-А-Н-Л; остатки точечного ободка.

Экземпляр представляет новый, седьмой по счету оттиск одной из трех пар матриц печатей новгородского князя Святослава Ростиславича (1158–1160, 1161–1167 гг.) (Янин В.Л., 1970, № 161, табл. 54). Публикуемый экземпляр – единственная находка печатей этого князя на территории Южной Руси. Наиболее вероятным адресатом князя, скорее всего, являлся один из его младших братьев – Рюрик Ростиславич, занимавший в 1161–1168 гг. стол в Вышгороде.

Печать № 10 (НМИУ, № Пч-204; рис. 1, *10*) – из случайных находок. Обнаружена в 1980 г. в Вышгороде, по ул. Горького, 28, в 150 м к северу от северо-восточного плато городища, на глубине 0,3 м. Диаметр 16–19, толщина 3 мм. Av.: поколенное изображение св. Глеба в княжеской шапке, держащего в правой руке мученический крест; по сторонам изображения надпись (запись правой части зеркальна): ДА-В‖ ‖ ДІб = «ДАВЪІД». Rv.: поколенное изображение архангела со сферой в левой руке; следы точечного ободка. Матрицы печати размерно превосходят заготовку.

Публикаторами вышгородских раскопок 1979–1981 гг. моливдовул отнесен представителю ветви смоленских князей Давиду Ростиславичу (1169–1197 гг.) (Пекарская А.В., Зоценко В.Н., 1985, с. 134, 135, рис. 9).

Печать Давида Ростиславича из Вышгорода существенно корректирует представления о сфрагистике этого князя. Ввиду настоящей находки вряд ли следует и далее считать принадлежащим к ней новгородский моливдовул с парным изображением святых Бориса и Глеба, датированный декабрем 1154 – январем 1155 г. (Янин В.Л., 1970, № 156; табл. 52). Это краткосрочное княжение Давида Ростиславича в Новгороде отражено источниками крайне противоречиво. Его присутствие на новгородском столе подтверждается одними только новгородскими летописями (НПЛ, 29, 215–216), прочие свидетельствуют в пользу его старшего брата Романа (ПСРЛ, т. 1, вып. 2, изд. 2, стб. 141; т. 2, 74, 302 и др.). Наличие у Романа Ростиславича печати с изображением св. Бориса (датирована 1179 г.) (Янин В.Л., 1970, с. 93, 202, 203, № 182, табл. 57) не позволяет отнести печать с парным изображением святых и ему.

Оформление вышгородской печати Давида по аналогии с буллой его старшего брата Романа изображением лишь одного, тезоименитого князю, великомученика дает основания видеть в печати со святыми Борисом и Глебом экземпляр времени их совместного новгородского княжения. На фоне умолчания источников печать оказывается единственным основанием для бесспорного установления его факта.

Отнесение хорошо стыкуется с корпусом письменных свидетельств. Согласно обобщенным данным, первое княжение получалось княжичем в возрасте первого пострига, т.е. около четырех лет, второе – в возрасте первого причастия, около четырнадцати; Давиду же в искомое время было не больше пятнадцати. Согласно тем же данным,

в большинстве случаев второе княжение являлось именно соправлением (Квирквелия О.Р., 1984, с. 173).

Вышгородская находка позволяет считать печати с изображением св. Глеба и архангела Михаила единственной на сегодняшний день разновидностью печатей кн. Давида Ростиславича. Место находки закономерно датирует буллу периодом его вышгородского княжения – 1169–1180 гг.

Печать № 11 (НМИУ, № В 5161; рис. 1, *11*) – обнаружена в 1983 г. в Киеве, на правом берегу Днепра у Выдубецкого монастыря. Диаметр 24,5, толщина 4,5 мм. Av.: поясное изображение Богоматери Знамение; по сторонам изображения богородичные титла М̄ (?) || ΘῩ; ободок из слившихся точек. Rv.: поясное изображение св. Василия с кодексом в левой руке; по сторонам изображения надпись: О-R-А-С-І || Л-ІО-С; ободок из слившихся точек. Относится к разряду анонимных печатей, сочетающих поясное либо погрудное изображение Богоматери Знамение и одного из святых. Буллы с изображением св. Василия, аналогичные публикуемой, известны по находкам в Звенигороде Галицком, Новгороде и Плиснеске (Янин В.Л., 1970, № 313, 314, табл. 71). Печати представлены в пяти экземплярах от двух пар матриц. В.Л. Яниным буллы этого типа отнесены к группе печатей «сомнительной принадлежности», датируемой преимущественно в рамках XII в. Они интерпретируются в качестве епископских булл, содержащих помимо общецерковной эмблемы патрональное изображение князя, в земле которого находилась епископия (Янин В.Л., 1970, с. 145–150). Публикуемый экземпляр отличается совершенством манеры исполнения, тщательной проработкой деталей. Употребление в надписи оборотной стороны открытой «β» в сочетании с общим строем палеографии и художественными особенностями памятника не исключает возможности исполнения матриц резчиком-византийцем.

Печать № 12 (НМИУ, № В 656; рис. 1, *12*) – из старых музейных собраний, место находки неизвестно. Диаметр 16,5–17,5, толщина 4 мм. Av.: поясное изображение св. Феодора с копьем в правой руке; с левой стороны изображения надпись: ДО-Р; остатки пунктирного ободка. Rv.: изображение святого в рост; по сторонам изображения надписи: С-Т-Ꙓ-Ь || О-А-Г(-І?); следы пунктирного ободка. Оттиск лицевой стороны смещен вниз. Способ оформления печати свидетельствует о ее принадлежности ко времени не ранее второй половины XII в.

Печать № 13 (НМИУ, № Пч-194; рис. 1, *13*) – из старых музейных собраний, место находки неизвестно. Диаметр 21–23, толщина 3 мм. Av.: изображение св. Василия Кесарийского в рост; по сторонам изображения надпись: В-А-С-Н || А-Н-О-С; линейный ободок. Rv.: изображение святого в рост; надписи затерты; следы линейного ободка. Способ оформления не позволяет датировать печать периодом ранее второй половины XII в. – времени распространения сфрагистического типа с изображениями святых в рост на обеих сторонах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Булгакова В., 1996. Печати «дьнѣслово»: ситуационный анализ. Докл. на VI Междунар. конгрессе славянской археологии (Новгород, 26–31 августа 1996 г.).

Гончаров В.К., 1966. Художні ремесла // Історія українського мистецтва. Т. 1. Київ.

Ивакин Г.Ю., 1981. Памятники сфрагистики и нумизматики // Новое в археологии Киева. Киев.

Квирквелия О.Р., 1984. Некоторые аспекты изучения иерархии князей Древней Руси от Владимира Святого до Юрия Долгорукого. Опыт количественного анализа // Комплексные методы в изучении истории с древнейших времен до наших дней. Тез. докл. совещ. Москва, 20–22 февраля 1985 г. М.

Коваленко В.П., Молчанов А.А., 1993. Древнерусские сфрагистические памятники домонгольского времени из Чернигова // РА. № 4.

Куза А.В., 1977. Печати Евстафия (о некоторых особенностях русской сфрагистики конца XI в.) // СА. № 3.

Лихачев Н.П., 1928. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики // Тр. музея палеографии. Т. 1. Вып. 1. Л.

Пекарская Л.В., Зоценко В.Н., 1985. Археологические исследования древнерусского Вышгорода в 1979–1981 гг. // Археологические исследования Киева 1978–1983 гг. Киев.

Янин В.Л., 1962. Печати с надписью «Дьнѣслово» // СА. № 2.

Янин В.Л., 1970. Актовые печати Древней Руси. Т. 1. Печати X – начала XIII в. М.

Институт памятникоохранных исследований
МКИ Украины, Киев

V.I. BULGAKOVA

OLD RUSSIAN STAMPS FROM THE COLLECTION OF THE NATIONAL HISTORY MUSEUM IN KIEV

Summary

The paper describes old Russian stamps found in various sites of the Middle Dnieper region during different times that are kept in the National History Museum in Kiev (the said materials were not included into the list of old Russian stamps presented in the paper written by V.L. Yanin in 1970). The items described in the paper include several unique bullas of the 11th – the first half of the 12th centuries.

Заметки

Ю.А. СМИРНОВ

НОВОЕ О МУСТЬЕРСКИХ ПОГРЕБЕНИЯХ

Поводом для написания этой заметки послужила статья О. Бар-Йосефа и Б. Вандермееpша "Люди современного типа на Ближнем Востоке" (Bar-Yosef O., Vandermeersch B., 1993), в которой впервые, насколько можно судить, была опубликована фотография парного мустьерского погребения (Qafzeh 9 – Qafzeh 10) из пещеры Кафзех (Израиль).

Мустьерское преднамеренное погребение – столь редкий исторический феномен (к настоящему времени их известно немногим более 60) и столь слабо и неравномерно, а порой и весьма противоречиво освещенный различными источниками (Смирнов Ю.А., 1991, с. 61–106), что каждая публикация конкретных материалов вызывает особый интерес, поскольку позволяет либо дополнить представления исследователей об этом интереснейшем явлении, либо исправить что-то неверно понятое или неправильно реконструированное.

Вообще статья посвящена людям современного типа на Ближнем Востоке, поэтому в общих чертах затрагивает проблему резкого изменения материальной культуры в западной части Евразии в период между 45 и 40-м тысячелетиями. Авторы справедливо подчеркивают, что это время отмечено непрекращающимися культурными инновациями и что за эти 5000 лет в человеческой культуре произошло больше изменений, чем за предшествующие миллионы. Естественно, касаются авторы и вопроса о происхождении Homo Sapiens Sapiens, вкратце напоминая читателям историю развития взглядов на эту проблему: от "европейской" схемы (неандерталец = = мустье; кроманьонец = верхний палеолит) – к "ближневосточной", согласно которой и люди современного физического типа, и неандертальцы, и обладатели "переходной" морфологии были носителями сходной материальной культуры – мустьерской.

Приводятся в статье и различные эволюционные и исторические сценарии, в общем достаточно хорошо известные специалистам, чтобы их здесь пересказывать. Упомянем только о новом открытии остатков ископаемого человека в пещере Класис (Клейзис? – Klasies), которые вместе с остатками из Бордер Кейв (Южная Африка) демонстрируют современные морфологические черты, коррелирующие с ближневосточными находками (типа Схул-Кафзех), и позволяют говорить о распространении человека современного типа из Южной Африки (Stringer C.B., 1991). Мне кажется, гипотеза о том, что "современные человеческие существа происходят из областей Субсахары ранее 100 000 лет" (Bar-Yosef O., Vandermeersch B., 1993, p. 74), подтверждается и исследованиями биологов на уровне молекулярных структур (Wilson A.C., Cann R.L., 1992). Впрочем, другие авторы отрицают часть выводов генетического анализа, придерживаясь мультирегиональной модели (Thorne A.G., Wolpoff M.H., 1992).

Авторы излагают и собственный историко-эволюционный сценарий, суть которого заключается в том, что две популяционные ветви ("грациальная" – протокроманьонская и "массивная" – неандертальская) имеют на Ближнем Востоке разное происхождение. Первая (люди Схула и Кафзеха) коррелируют с населением, обитавшим

© Ю.А. Смирнов, 1997 г.

в Зуттие ~ 200–250 тыс. лет назад, а что касается второй, то похоже, что в отличие от европейских здешние неандертальцы не имели местных предшественников (Bar-Yosef O., Vandermeersch B., 1993, p. 77) и люди Кебары происходят от европейского корня. По мнению авторов, это могло случиться в период резкого ухудшения климата где-то между 115 и 65 тыс. лет. "Возможно, что исходная популяция мигрировала из Европы на Ближний Восток (...через Балканы и Турцию...) в течение жизни одного поколения или этот процесс был более растянут во времени", – пишут они (Bar-Yosef O., Vandermeersch B., 1993, p. 77).

По поводу данного сценария (как, впрочем, и по поводу любого сценария подобного рода) можно сказать лишь, что он является одной из возможных (из существующих в нашей науке) схем изложения действительно происходивших событий. Но у нас пока слишком мало данных, чтобы предпочесть ту или иную схему.

Несомненно же новы и интересны здесь сообщения о находках перфорированных раковин одного из видов средиземноморской сердцевидки (Glycymeris) в мустьерских слоях Схула и Кафзеха (Bar-Yosef O., Vandermeersch B., 1993, p. 76). Упомянув о перфорированных раковинах, авторы замечают: "Какой иной могла быть функция этих отверстий, кроме как той, что позволяет использовать раковину как подвеску или амулет? Если таковы были цели, то это доказывает наличие символической мысли" (Bar-Yosef O., Vandermeersch B., 1993, p. 76) у людей, их использовавших. Ясно, что это сообщение вновь поднимает вопрос о наличии в мустье такой категории предметов, как *украшения*. На этот счет интересна серия статей в одном из трудов Международного конгресса, посвященного 100-летию открытия неандертальских погребений в Спи (L'Homme..., 1988). Жаль только авторы не указывают, в каких именно слоях этих стоянок были обнаружены такие раковины, тем более что ни Д.А.Е. Гаррод (Garrod D.A.E., Bate D.M.A., 1937, p. 109–124), ни Т.Д. Мак Коун, непосредственный автор раскопок в эль-Схул (McCown T.D., 1937, p. 91–107), о подобных раковинах не сообщают, как не сообщает об этом и Д.М.А. Бейт, изучавшая фаунистический комплекс всех стоянок, раскопанных в вади эль-Мугара. Более того, согласно Д.М.А. Бейт, раковины этого рода (Glycymeris plosus и Glycymeris violacescens) были найдены только в слое B (натуф) в эль-Вад (Garrod D.A.E., Bate D.M.A., 1937, p. 224), а в эль-Схул и эт-Табун они не встречены.

Не менее интересны и сведения о присутствии следов красной охры на режущих краях различных каменных орудий, выявленных трассологом Джоном Дж. Шейем (John J. Shea), работавшим в Гарвардском университете (Bar-Yosef O., Vandermeersch B., 1993, p. 76). К сожалению, в статье О. Бар-Йосефа и Б. Вандермеерша не дана ссылка на это исследование, как не указаны и названия местонахождений (местонахождения? – может быть Кафзех?), откуда происходили орудия со следами охры.

Впрочем, о подобных открытиях уже сообщалось. Эрнст Е. Решнер (Wrechner E.E., 1982), например, ссылается на совместную работу того же О. Бар-Йосефа с Дж. Филлипсом (Bar-Yosef O., Phillips J.L., 1977), в которой сообщается о следах красной охры на краях отщепов и пластинок из Мугары, и указывает в этой связи на экспериментальные исследования Кили (Keely L.H., 1980).

Не названы и слои, содержащие утилизованную красную охру в Хайониме (Hayonim) и Кафзехе (Bar-Yosef O., Vandermeersch B., 1993, p. 76, 78), хотя из более ранних публикаций (Vandermeersch B., 1966; 1969; 1970; 1972a; b) следует, что как минимум один блок красной (возможно, формованной) охры со следами использования связан с погребением Кафзех 8 (слой XVII – мустье) и еще несколько кусков охры было обнаружено в слое XXII (мустье), возможно, в связи с погребением Кафзех 11 (Смирнов Ю.А., 1991, с. 179–185, 309–319).

Наибольшее профессиональное внимание автора заметки, конечно же, привлекли сведения о пяти ранее открытых преднамеренных мустьерских погребениях: Кафзех 8, 9, 10, 11 и Кебара 3. Новых данных о погребениях Кафзех 8 и 11 нет, зато впервые

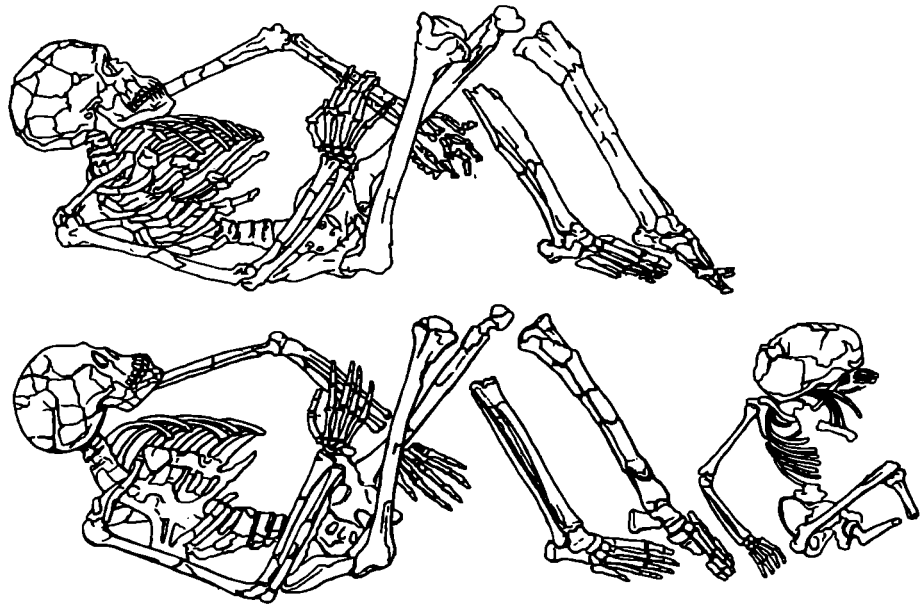


Рис. 1. Верх – чертеж (прорисовка?) костей скелета погребения Кафзех № 9 (по Vandermeersch B., 1981). Низ – прорисовка (автора – Ю.С.) с фотографии парного погребения Кафзех № 9–10. Фотография была сделана после полной расчистки монолита в лабораторных условиях (по Bar-Yosef O., Vandermeersch B., 1993)

опубликована фотография, сделанная после расчистки монолита парного погребения Кафзех 9–10 (рис. 1, низ)[1]. До этого времени, да и то в негативном изображении и лишь на обложке монографии Б. Вандермеерша (Vandermeersch B., 1981), без "опознавательных знаков" был опубликован чертеж или скорее прорисовка (хотя и довольно точная, как теперь можно судить) положения костей погребенной Кафзех (рис. 1, верх).

При сравнении рисунков наблюдаются некоторые несоответствия: 1) в положении кистей рук – на "чертеже" кисти рук показаны слаборефлексированными, а на фотографии они выпрямлены и выглядят намеренно выровненными в фалангах так же, как и фаланги левой стопы; 2) в положении черепа – на "чертеже" череп показан гораздо более пригнутым к груди и касающимся нижней челюстью правых верхних ребер, а на фотографии нижняя челюсть отделена от грудной клетки двумя или тремя сантиметрами.

Тут самое время вернуться к теме, вынесенной в заглавие данного текста. Вот что говорится об этом погребении в статье О. Бар-Йосефа и Б. Вандермеерша (новые данные выделены курсивом): "Скелет, принадлежащий женщине 18–20 лет, был найден лежащим на правом боку (явная опечатка, на левом. – *Ю.С.*), с руками (кистями – le mani), уложенными на животе (что явно не отвечает действительности. – *Ю.С.*). У ее стоп, перпендикулярно телу, лежал скелет ребенка примерно шести лет. Исходя из того, что оба скелета лежали горизонтально, что не соответствовало наклонному расположению слоев, внутри структуры, которая была похожа на *прямоугольное* углубление (скелеты занимали пространство 1,40×0,50 м. – *Ю.С.*), считается, что они были уложены в могилу, выкопанную в земле" (Bar-Yosef O., Vandermeersch B., 1993, p. 76).

В свое время, полагаясь на "чертеж" положения костей погребенной Кафзех 9 и некоторые публикации (Vandermeersch B., 1967; 1969; 1972a; b; 1981; 1982; Tillier A.-M., Vandermeersch B., 1976; Tillier A.-M., 1982), автор заметки составил словесные описания позиций погребенных Кафзех 9 и 10 и привел их графические

[1] К сожалению, качество опубликованной О. Бар-Йосефом и Б. Вандермеершем фотографии не позволяет ее здесь воспроизвести и приходится ограничиться прорисовкой.

реконструкции (Смирнов Ю.А., 1991, с. 184, 185, 314–316; рис. 102, 112). Описание и графическая реконструкция позы Кафзех 9 делались по "чертежу" (и помимо указанных выше несовпадений имели еще некоторые неточности, вернее несовпадения с фотографией).

Взрослый располагался на левом боку в среднескорченной позе, головой на север. Череп на левом боку, *сильно пригнут к груди* (курсивом выделены указанные несовпадения). Позвоночный столб согнут дугообразно в средней степени. Правое плечо прижато к корпусу и лежит на нем. Правая рука в средней степени (~150°) согнута в локте, предплечье – на тазовых костях, кисть в состоянии пронации – на метафизе левого предплечья, пальцы слабо флексированы. Левое плечо немного отведено от корпуса. Левая рука слабо (~140°) согнута в плечевом суставе и в средней степени (~120°) – в локтевом. Левое запястье под (? – из "чертежа" это было не совсем ясно) *метафизом* (все-таки оно располагалось ближе к проксимальному концу) левого бедра. Кисть в состоянии *супинации* (пальцы *слабо флексированы*), на земле в углу, образованном правым бедром и голенью. Ноги покоятся слева от корпуса. Правая нога в средней степени (~100°) согнута в тазобедренном суставе и сильно (~50°) – в коленном. Правый коленный сустав опирается на дистальную треть диафиза левого бедра. Левая нога слабо (~135°) согнута в тазобедренном суставе и в средней степени (~85°) – в коленном. Голени лежат параллельно друг другу. *Стопы оттянуты* (? – на фотографии оттянутой выглядит только левая стопа) (Смирнов Ю.А., 1991, с. 184, 314, 315).

Описание положения ребенка в этой статье отсутствует, но оно было опубликовано ранее и слабо соотносится с действительным положением погребенного: "Ребенок был очень сильно согнут, с коленями, подведенными к грудной клетке. Голова покоилась на своем основании, в сильно пригнутом состоянии по отношению к туловищу. Тело было предельным образом вжато само в себя и занимало в длину такое же пространство, какое взрослый занимал в ширину" (Vandermeersch B., 1969, p. 2563). Ребенок лежал на левом боку (Vandermeersch B., 1981, fig. 8), с некоторым разворотом на спину, левая рука (bras) положена под голову, правая – параллельно телу (Tillier A.-M., 1982, p. 22). Ребенок располагался в нескольких сантиметрах от ног взрослого (Tillier A.-M., 1982, p. 19–22). (Чтобы быть точным: правое предплечье ребенка располагалось параллельно оттянутой стопе левой ноги взрослого и находилось примерно в двух сантиметрах от нее. – *Ю.С.*)

Таким образом, оказывается, что поза погребенного Кафзех 10 была неверно описана автором раскопок (Б. Вандермеерш) и его соавтором-антропологом (А.-М. Тиллье) и соответственно в свое время неправильно реконструирована автором данной заметки, поэтому здесь необходимо привести новое, исправленное и дополненное описание, сделанное уже по фотографии.

Ребенок располагался на левом боку – с некоторым разворотом на спину – в среднескорченной позиции, головой на восток. Череп покоился на своем основании, возможно, с разворотом на левый бок (?). (К сожалению, фотография не дает точного представления о положении черепа; единственное, что можно здесь отметить, это то, что череп располагался на костях кисти левой руки, находившихся в состоянии супинации). Положение длинных костей левой руки на фотографии не прослеживается, но, судя по положению кисти, она должна была бы (при отсутствии искусственных нарушений, о которых ничего не сообщается) быть отведенной от корпуса и сильно согнутой в локтевом суставе. Позвоночный столб вытянут. Правая рука в слабой степени (~135°) согнута в плечевом суставе (плечевая кость отведена от корпуса) и в средней степени (~110°) – в локтевом. Правая нога в средней степени (~75°) согнута в тазобедренном суставе и в средней же степени (~90°) – в коленном (но кости голени сдвинуты с места – проксимальные их концы касаются латеральной (?) стороны правой бедренной у ее дистального конца – и их положение вторично). Судя по фотографии, у правой ноги отсутствуют нижние две трети голени и стопа. Проксимальные части костей правой голени перекрывают метафиз левой бедренной кости. Левая бедренная

кость была в средней степени (угол ~80°) согнута в суставе, т.е. бедра погребенного располагались примерно параллельно друг другу, но правое – ближе к груди (возможно некоторое – посттафологическое – смещение ног). Положение левой голени на фотографии не показано. Ранее сообщалось, что у погребенного Кафзех 10 полностью отсутствуют кости стоп (Tillier A.-M., 1982, p. 19–22; Vandermeersch B., 1982, p. 10–14), но о наличии или отсутствии левой голени ничего не говорилось.

Итак, слишком краткие и неточные словесные описания положения тела погребенного естественным образом приводят к неверным графическим реконструкциям. Поэтому каждому словесному описанию погребения (и не только мустьерского) должны сопутствовать чертеж (прорисовка) и как минимум одна-две его фотографии!

Для погребения Кебара 3 приводится новая датировка ~60 000 лет. К сожалению, авторы не указывают, на основе каких данных получена эта дата, ибо наиболее древние из ранее опубликованных укладывались в пределах от 40 до 50 тыс. лет (Смирнов Ю.А., 1991, с. 320).

И последнее. Несомненный интерес представляет сообщение об уникальной находке подъязычной кости современного типа у неандертальского человека Кебара 3. Кость была изучена Б. Аренсбургом и его сотрудниками из Тель-Авивского университета, которые пришли к выводу, "что звуковой аппарат этого человека имел морфологию современного типа и что он был, вероятно, в состоянии издавать многие звуки, необходимые для артикулированной речи" (Bar-Yosef O., Vandermeersch B., 1993, p. 77). Это еще одно подтверждение таксономического статуса sapiens у человека неандертальского вида.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Смирнов Ю.А., 1991. Мустьерские погребения Евразии. Возникновение погребальной практики и основы тафологии. М.

Bar-Yosef O., Phillips J.L., 1977. Prehistoric Investigations in Gebel Mughara, Northern Sinai // Qedem 7. Institute of Archaeologi, the Hebrew University. Jerusalem.

Bar-Yosef O., Vandermeersch B., 1993. Uomini di tipo moderno nel Vicino Oriente // Le Scienze. № 298.

Garrod D.A.E., Bate D.M.A., 1937. The Stone Age of Mound Carmel. Excavation at the Wady El-Mughara. V. 1. Oxford.

Keely L.H., 1980. Experimental Determination of Stone Tool Uses. A Microwear Analysis. Chicago.

L'Homme de Néandertal. La Pensée. Actes du colloque international de Liège (4–7 décembre 1986), 1988. V. 5. Liège.

McCown T.D., 1937. Mugharet es-Schul // Garrod D.A.E., Bate D.M.A. The Stone Age of Mount Carmel. Excavation at the Wady El-Mughara. V. 1. Oxford.

Stringer C.B., 1991. La comparsa dell'uomo moderno // Le Scienze. № 270.

Tillier A.-M., 1982. Les inhumations d'enfants en Paléolithique ancien et moyen // Les dossiers histoire et archéologie. № 66. Paris.

Tillier A.-M., Vandermeersch B., 1976. Les enfants moustériens de Qafzeh (Israël) // C.R. Acad. Sci. T. 282. № 11. Paris.

Thorne Alan G., Wolpoff M.H., 1992. Un'evoluzione multiregionale // La Science. № 286.

Vandermeersch B., 1966. Jebel Qafzeh // IEJ. V. 16. № 4. Jerusalem.

Vandermeersch B., 1967. Jebel Qafzeh // IEJ. V. 17. № 4. Jerusalem.

Vandermeersch B., 1969. Les nouveaux squelettes moustériens découverts a Qafzeh (Israël) et leur signification // C.R. Acad. Sci. T. 268. № 21. Paris.

Vandermeersch B., 1970. Une sépulture moustérienne avec offrandes découverte dans la grotte de Qafzeh // C.R. Acad. Sci. T. 270. № 2. Paris.

Vandermeersch B., 1972a. Ce que révèlent les sépultures moustériennes de Qafzeh en Israël // Archeologia. № 45. Paris.

Vandermeersch B., 1972b. Récentes découvertes de squelettes humains á Qafzeh (Israël): Essai d'interprétation // The Origin of Homo Sapiens. Proc. Paris Sympos. 2–5 September 1969. Paris.

Vandermeersch B., 1981. Les Hommes Fossiles de Qafzeh (Israël). Paris.

Vandermeersch B., 1982. Les premieres sépultures // Les dossiers histoire et archéologie. № 66. Paris.
Wilson Allan C., Cann Rebecca L., 1992. Una genesi africana recente // Le Scienze. № 286.
Wreschner E.E., 1982. Red Ochre, the Transition between Lower and Middle Palaeolithic and the Origin of Modern Man // The Transition from Lower to Middle Palaeolithic and the Origin of Modern Man. BAR. International Series 151. Oxford.

Институт археологии РАН,
Москва

Б.А. БРЕДЛИ

КОСТЕНКОВСКИЙ НОЖ: ТИП ИЛИ ТЕХНОЛОГИЯ?

В процессе изучения технологии производства костенковско-авдеевских каменных орудий мое внимание привлекли изделия, известные как "нож костенковского типа". Несмотря на большое разнообразие в формах, орудия этого вида определяются по наличию очень своеобразного негатива. Этот негатив – результат снятия скола с конца или угла пластины или отщепа, который удалил часть дорсальной поверхности и края заготовки. Снятие этого скола приостряло край и тем самым подправляло орудие. В принципе это прием приострения такой же, как и снятие скола транше. Хотя в данном случае происходит снятие участка края обрабатываемого предмета, результат применения этого приема отличен и от снятия резцового скола, приводящего к притуплению угла заострения края, и от одно- или двустороннего ретуширования. Эта особенная технология приострения края может рассматриваться как некое продолжение костенковско-авдеевского способа производства пластин, поскольку этот прием очень похож на подготовку и снятие "боковых" пластин, с помощью которых поверхность скалывания нуклеуса подготавливалась к снятию "чистой" пластины.

Формообразование костенковских ножей было скорее результатом подправки, приострения, чем средством намеренного создания острого рабочего края орудия до использования. Этот процесс можно описать следующим образом (рис. 1, *а–г*):

а) выбирается пригодная (достаточно толстая) пластина (или отщеп), имеющая острый край без всякой обработки;

б) когда острый край затупливается, конец орудия усекается притупляющими снятиями на спинку (это усечение производится с таким расчетом, чтобы создать одну или несколько площадок для приостряющих край снятий);

в) недалеко заходящая (краевая) притупливающая дорсальная ретушь может быть использована для укрепления и выпрямления затупившегося края, а дополнительные снятия с усеченного конца на спинку – чтобы подготовить поверхность для снятия скола приострения;

г) снимается скол приострения.

Если снятие сошло удачно, полученный край будет столь же быстрым, как и естественный край пластины. Следует отметить, что для того чтобы необходимый скол приострения прошел на достаточную длину и действительно заострил край орудия, подготовка площадки должна быть произведена очень тщательно. Чтобы сделать это, необходимо обладать определенным мастерством расщепления.

Данный прием может повторяться многократно, до тех пор, пока истощение материала орудия не приведет к потере его функциональных качеств. Часто подобным образом оформлялись два края, а иногда и два конца одного изделия (рис. 1, *д*). Сколы

© Б.А. Бредли, 1997 г.

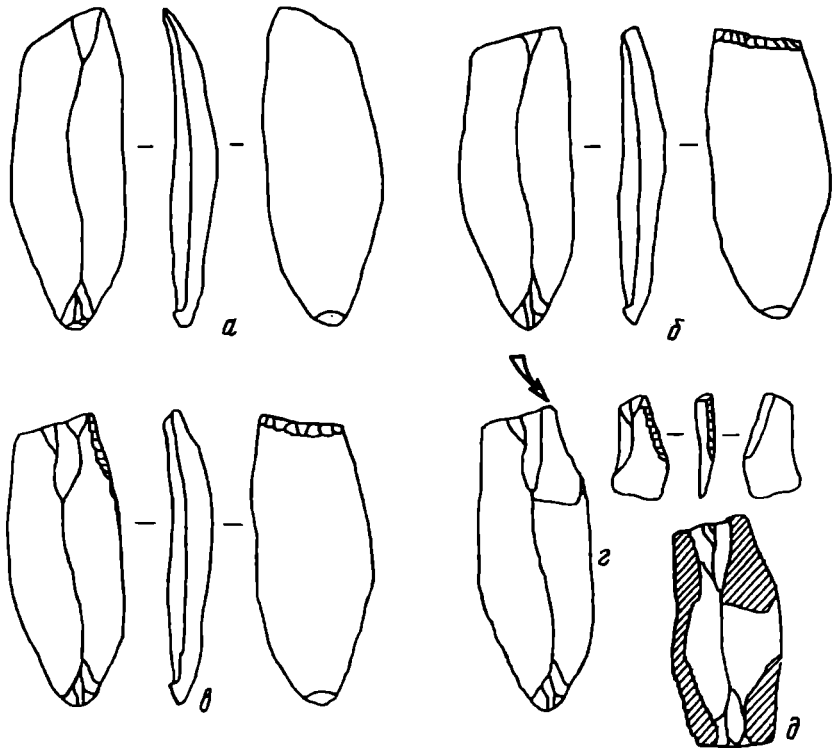


Рис. 1. Процесс изготовления ножа костенковского типа: *а* – необработанная пластина; *б* – усиление пластины (со стороны спинки); *в* – подготовка площадки и края; *г* – снятие приостряющего скола; *д* – костенковский нож с негативами приостряющих снятий со всех четырех углов (затененные зоны – снятие сколов приострения)

приострения, полученные таким приемом, очень выразительны, и их присутствие, а также распределение на территории стоянки могут оказаться весьма полезными для понимания различных зон активности.

Мы полагаем, что данная форма орудия должна рассматриваться скорее как прием, нежели как тип.

Археологический центр Кроу Каньон,
Кортез, Колорадо, США

В.И. МОРДВИНЦЕВА, Г.Б. ЗДАНОВИЧ, А.Д. ТАИРОВ

ФАЛАР ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ С БЕРЕГОВ р. ИШИМ

При разработке песчаного карьера в 2–2,5 км от ж.-д. ст. Сурган Есильского р-на Акмолинской (ранее Целиноградской) обл., на левом берегу р. Ишим в 1993 или 1994 г. был разрушен небольшой курган. По словам информаторов, в кургане были найдены серебряная с позолотой кольчуга, рукоять сабли и серебряный позолоченный фалар. Современное местонахождение кольчуги и рукояти сабли не известно. Фалар был передан в археологическую лабораторию Челябинского государственного университета, где и находится в настоящее время.

© В.И. Мордвинцева, Г.Б. Зданович, А.Д. Таиров, 1997 г.

Рис. 1. Фалар с берегов Ишима: *а* – фалар (прорисовка); *б* – надпись (прорисовка)

Фалар имеет круглую в плане, сегментовидную в разрезе форму, край диска оформлен в виде закругленного утолщения (рис. 1, *а*). Диаметр фалара 23,9 см, высота 0,8–1 см, вес 560,2 г. Он выкован из довольно толстого листа серебра без каких-то значительных примесей.

В центре фалара, в низком рельефе изображен припавший к земле хищник кошачьей породы – лев (рис. 2, *б*). Передняя часть его тела изображена анфас, сверху. Задняя часть показана в профиль. Шерсть и складки кожи на морде хищника выполнены с помощью неглубоких линий, проведенных резцом. Грива, состоящая из отдельно обозначенных вьющихся прядей, распадается на прямой прибор. Зрачки глаз показаны точечными наколами. Уши круглой формы покрыты насечками, в центре их имеются углубления, напоминающие гнезда вставок. Лопатки животного трактованы в виде "запятых". Хребет подчеркнут двумя линиями, проведенными резцом. Контуры лап дублированы валиком с косыми насечками, имитирующим шерсть хищника. Передние лапы заканчиваются четырьмя когтями, задние – тремя. Хвост с кисточкой на конце пропущен между задними лапами. На левом бедре льва шерсть показана в виде валика с насечками "елочкой".

Центральный персонаж окружен венком из пальмовых ветвей и плодов. Листья имеют вытянутую заостренную форму, центральная прожилка показана двумя параллельными прочерченными линиями. Плоды покрыты рядами точечных наколов. Основания ветвей переплетены между собой.

По краю фалара проходит декоративный поясок в виде узкой вдавленной полосы, расположенной между двумя валиками.

Рельефные изображения выдавлены по матрице, детали с лицевой стороны доработаны чеканом, резцом и пунсоном. Декоративная полоса по краю диска, венок и отдельные части тела центрального персонажа позолочены холодным способом.

На оборотной стороне фалара сохранились три петли дуговидной формы длиной 4,3 см для крепления его к ремням упряжи. Они сделаны из толстой серебряной проволоки диаметром 0,3 см с расплющенными концами. Петли соединялись с деко-

ративной частью с помощью трех пар серебряных заклепок, шляпки которых были зашлифованы с лицевой стороны.

В верхней части фалара, между двумя заклепками, располагающимися у места соединения пальмовых ветвей, имеются греческие буквы, нанесенные точечным чеканом Y и h (рис. 1, *б*; 2, *в*). Вероятнее всего, в данном случае буквы выступают как цифры, возможно, являясь обозначением веса данного предмета. По системе "Alfabetico" надпись можно интерпретировать как "408" (Guarducci M., 1973, S. 423).

Функционально фалар, найденный на берегу Ишима, являлся частью седельного конского снаряжения. Судя по наличию трех петель на обороте, он относится к типу 1 наплечных блях (Мордвинцева В.И., 1996а, с. 18). В комплексах обычно находят два таких фалара, причем изображения на них даются обычно в зеркальном отражении (Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А., 1981; Тревер К.В., 1940, табл. 1–4; Мордвинцева В.И., 1996б, рис. 2, 3 и др.). Ишимский фалар, видимо, тоже когда-то имел себе пару. О характере и способе крепления к ремням упряжи фаларов этого рода свидетельствуют ткани Ноин-улы (Тревер К.В., 1940, табл. 39, 40), рельефы Пальмиры (Herrmann G., 1989, pl. XII, XIII), Халчаяна (Древнейшие государства..., 1985, табл. CXX) и другие находки. Тип упряжи, к которому относится фалар с берегов Ишима, видимо, зародился в среде верхних аорсов, носителей прохоровской культуры Приуралья (Мордвинцева В.И., 1996а, с. 21). В эпоху эллинизма наборы упряжи с наплечными бляхами типа 1 наиболее широко были распространены в восточных районах обитания сарматских племен (Заволжье, Приуралье, Зауралье).

Фалар с берегов Ишима представляет собой яркий образец эллинистического искусства. В этот период в декоре драгоценных сосудов и рельефной керамики широко используются различного рода растительные орнаменты, в том числе пышные венки из листьев лавра, оливы, реже пальмы, обрамляющие центральные изображения и другие части композиции (Тревер К.В., 1940, табл. 1, 2, 9, 14, 31, 50; Максимова М.И., 1979, арт. 26, 65, 107; Pfrommer M., 1993, fig. 35A–D., fig. 37, NN 30–31; Hoffmann H., Davidson P.F., 1965, fig. 93a, b; Oliver A., 1977, N 21; Античные государства..., 1984, табл. CLXIII, *9*).

Особого внимания заслуживает помещенный в центре бляхи мотив – лежащий лев. Его иконография – поза (передняя часть показана анфас, задняя – в профиль, передние лапы вытянуты вперед), разворот головы (анфас, сверху), хвост, переброшенный через заднюю лапу, – типична для греческих изображений классического и эллинистического периодов. Однако одиночная фигура лежащего льва – явление довольно редкое в античной торевтике (Уильямс Д., Огден Дж., 1995, № 125; Gold der Steppe..., 1991, N 114; Античные государства..., 1984, табл. CLIX, *4*, *12*). Гораздо более часто встречаются композиции, где хищник кошачьей породы терзает оленя, быка, кабана, рыбу или какое-либо другое животное (Николов Б., 1986, № 155, 156; Никулина Н.М., 1994, № 179, 209, 211, 370, 371, 374; Анфимов Н.В., 1987, с. 114, 157).

Изображение льва на фаларе с берегов Ишима носит в определенной степени условный характер. Поза животного неестественна: неумело передан разворот туловища (переход от профильной задней части к развернутой анфас передней), не соблюдены пропорции в отношении отдельных частей тела (передние конечности разной длины). В то же время отдельные черты животного (голова, разделка лап) переданы вполне реалистично. В целом изображение выглядит незаконченным. Принимая во внимание близость иконографии ишимского мотива классическим сценам нападения льва на другое животное, создается впечатление, что мастер, поместивший в центр фалара данную фигуру, исключил из композиции жертву. Интересен также факт трактовки лопаток животного в виде "запятых", что, вероятно, свидетельствует о влиянии сибирского искусства на создание данного образа. Из известных нам античных изображений кошачьих хищников наиболее близок ишимскому по стилю лев (вернее, львиная часть Химеры), помещенный на фаларах, найденных в погребении у с. Володарки Уральской обл. (Мордвинцева В.И., 1996б, рис. 2, 3). Их сближает форма ушей животного, разделка глаз, пасти, гривы, лап. Кроме того, фалары Ишимской на-

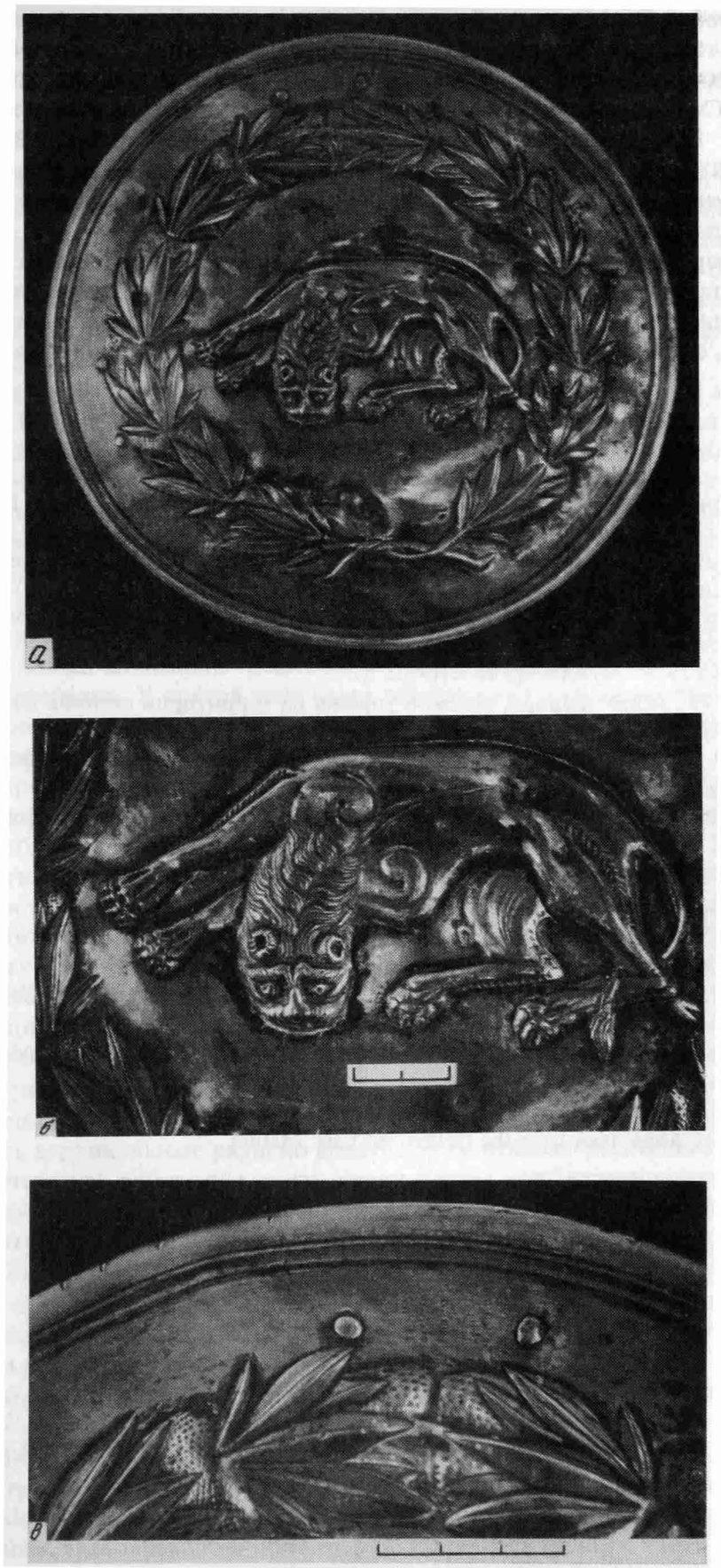


Рис. 2. Фалар с берегов Ишима: *а* – фалар (фото); *б* – изображение кошачьего хищника (деталь); *в* – край фалара с надписью (деталь)

ходки чрезвычайно близки по особенностям композиции, форме, размерам, материалу, назначению, а также по некоторым деталям оформления (петли из серебра, закругленный край, зашлифованные с лицевой стороны заклепки) фаларам из Володарки, Новоузенска, Сидоровки, бляхам из коллекции Кунсткамеры с изображением слонов (Тревер К.В., 1940, табл. 1–4; Мордвинцева В.И., 1996б, рис. 2, 3; Древние сокровища..., 1988, кат. 20). Перечисленные вещи относятся к стилистической группе 3 фаларов (Мордвинцева В.И., 1996а, с. 11, 12), местом изготовления которых, по всей видимости, была эллинистическая Бактрия.

Наиболее вероятной датой изготовления Ишимской находки является II в. до н.э. Именно этим временем датируются наиболее близкие ему по композиции и декоративным особенностям фалары из коллекции Кунсткамеры с изображением слона (Тревер К.В., 1940, с. 48) и из сарматского погребения у с. Володарка (Мордвинцева В.И., 1996б).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Античные государства Северного Причерноморья. Археология СССР, 1984. М.

Анфимов Н.В., 1987. Древнее золото Кубани. Краснодар.

Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А., 1981. Серебряные фалары из сарматского погребения могильника Кривая Лука IX в Астраханской области // КСИА. Вып. 168.

Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. Археология СССР, 1985. М.

Древние сокровища Сибири. Каталог выставки, 1988. Омск.

Максимова М.И., 1979. Артюховский курган. М.

Мордвинцева В.И., 1996а. Фалары конской упряжи на территории степной Евразии в III в. до н.э. – первой половине II в. н.э. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.

Мордвинцева В.И., 1996б. Серебряные фалары с изображением Беллерофонта из сарматского погребения у с. Володарка в Западном Казахстане // РА. № 4.

Николов Б., 1986. Каните от Рогозенското съкровище // Изкуство, № 6. София.

Никулина Н.М., 1994. Искусство Ионии и Ахеменидского Ирана. М.

Тревер К.В., 1940. Памятники греко-бактрийского искусства. М.; Л.

Уильямс Д., Огден Дж., 1995. Греческое золото. СПб.

Guarducci M., 1973. Epigrafia Greca. V. I. Roma.

Gold der Steppe: Archaologie der Ukraine, 1991. Schleswig.

Herrmann G., 1989. Parthian and Sasanian Saddlery. New light from the Roman West // AIO. V. II. Gent.

Hoffmann H., Davidson P.F., 1965. Greek Gold. Jewelry from the Age of Alexander. The Brooklyn Museum. Brooklyn.

Oliver A., 1977. Silver for the Gods. 800 Years of Greek and Roman Silver. Toledo.

Pfrommer M., 1993. Metalwork from the Hellenized East. Malibu.

Волгоградский государственный
университет,
Челябинский государственный
университет

В.И. СОЁНОВ

НАГРУДНЫЙ ПАНЦИРЬ ГУННО-САРМАТСКОЙ ЭПОХИ С ГОРНОГО АЛТАЯ

Фрагменты доспехов в виде отдельных металлических пластин были обнаружены в памятниках гунно-сарматской эпохи Горного Алтая еще в начале 1980-х годов (Васютин А.С. и др., 1985, с. 29–50). Первой находкой, позволяющей довольно достоверно реконструировать один из видов доспехов – нагрудник, является остаток панциря, обнаруженный нами в 1991 г. в кург. 2 могильника Чендек. Могильник расположен на юго-восточной окраине одноименного села Усть-Коксинского р-на республики Алтай (Соёнов В.И., Эбель А.В., 1992, с. 9, 10).

Курган имел небольшую насыпь овальной в плане формы (3,5 × 2,4 м), ориентированную длинной осью по линии северо-запад–юго-восток. Сразу под камнями насыпи обнаружен плохо сохранившийся конский костяк. Лошадь была положена на правый бок с подогнутыми ногами головой на запад – северо-запад. Под костяком лошади обнаружено погребение человека. Погребенный лежал на спине головой на запад – северо-запад (рис. 1, *1*). Кисти рук, слегка согнутых в локтях, лежали на левой стороне таза. На них находились остатки вертикально сложенного панциря. У правой руки погребенного найдены обломки двух костяных концевых накладок лука. Третья накладка – срединная фронтальная – была обнаружена между колен погребенного. У правого локтя лежал железный трехлопастной наконечник стрелы острием в направлении черепа человека. У костей таза была обнаружена маленькая хрустальная бусина, а между ключицей и черепом найдена сердоликовая бусина. Над головой погребенного справа находился небольшой железный черешковый нож.

Сильно коррозированные, но сохранившие форму пластины панциря имеют подпрямоугольную форму и немного отличаются друг от друга своими размерами (рис. 2). Их длина колеблется в пределах 8–10 см, ширина 4,8–6,6, толщина 0,15–0,2 см. Количество отверстий для крепления варьирует от 10 до 16. У большинства сохранившихся пластин отверстия располагаются по всему периметру и в центре, а у трех из них – только по периметру. На внутренней стороне некоторых пластин имеются незначительные остатки ткани обычного полотняного переплетения, кожаного ремешка и кожаной основы, к которой, видимо, был пришит панцирь.

Целый панцирь представлял собой нагрудник в виде прямоугольного листа размерами примерно 45 × 26 см (рис. 3, *1*). В него входили 27 кованых пластин, составлявших три вертикальных ряда, скрепленных между собой и пришитых к основе сыромятными ремешками. Порядок сбора панциря, по-видимому, был следующим. Сначала формировались вертикальные ряды по девять горизонтально расположенных пластин в каждом. Причем ряд собирался снизу вверх путем наложения одной пластины на другую: верхняя пластина перекрывала край нижней. При дальнейшем сборе края пластины центрального ряда перекрывали соответствующие края пластин крайних рядов (рис. 3, *2*). Таким образом, каждая пластина оказывалась соединенной с другими пластинами и с кожаной основой четырьмя-пятью ремешками. Если какой-то из ремешков отрывался или перерубался, то остальные фиксировали пластины, обеспечивая тем самым достаточную надежность панциря.

Горизонтальное крепление пластин было жестким, а крепление вертикальных рядов между собой – менее жестким. Поэтому нагрудник мог складываться только по вертикали. Именно в таком виде он и был положен в могилу. Носили чендекский панцирь, по всей вероятности, на портупее. К верхнему краю его кожаной основы пришивались оплечные ремни, которые перекрещивались на спине и крепились к кожаному поясу и боковым ремням. Одновременно поясом фиксировалась нижняя часть панциря. Простота в обращении позволяла при необходимости надевать данный нагрудник за считан-

© В.И. Соёнов, 1997 г.

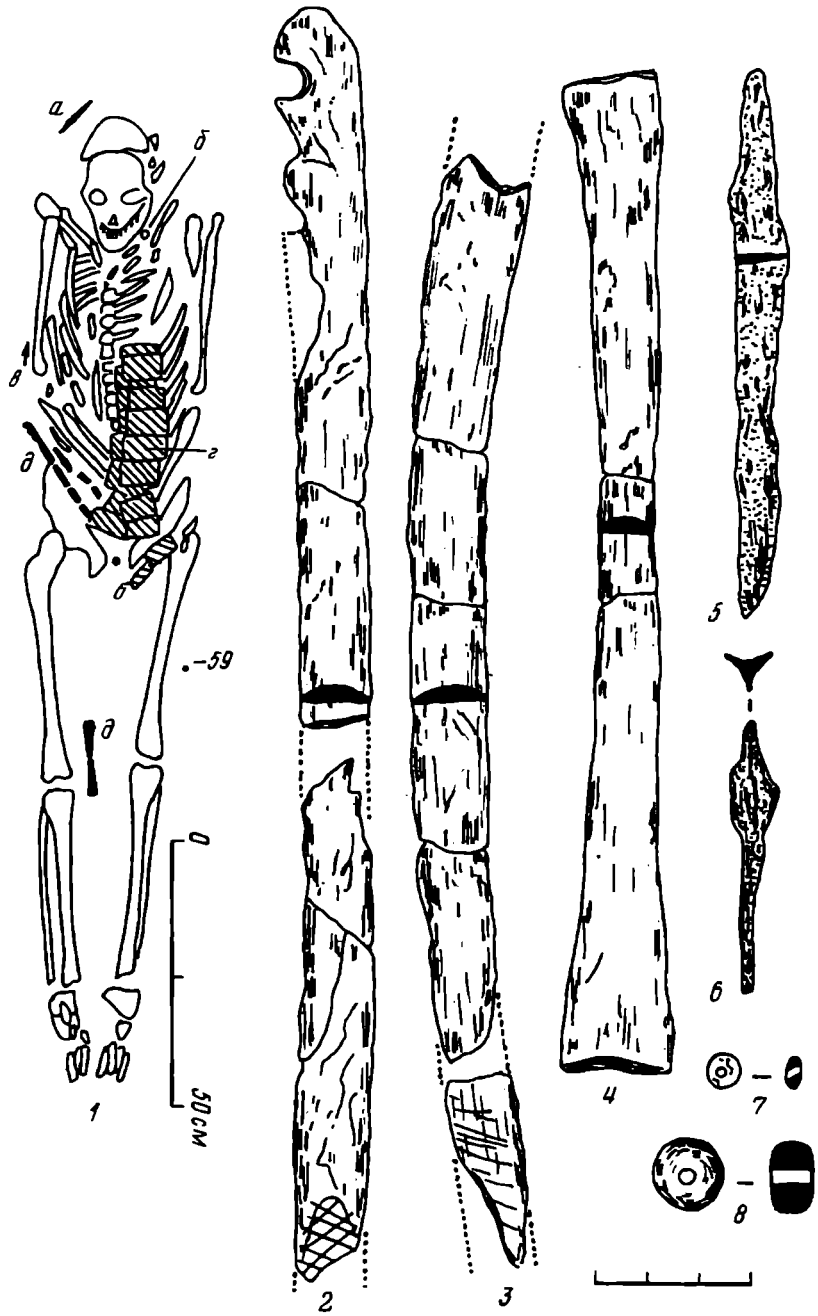


Рис. 1. План погребения и инвентарь кург. 2 могильника Чендек. *1* – план погребения (*а* – железный нож; *б* – бусины; *в* – железный наконечник стрелы; *г* – панцирные пластины; *д* – костяные накладки лука); *2, 3* – концевые боковые накладки лука; *4* – срединная фронтальная накладка лука; *5* – железный нож; *6* – железный наконечник стрелы; *7, 8* – бусины

ные секунды. Впрочем, не искючено, что панцирь могли носить просто пришитым к кожаной одежде. Данный тип доспеха закрывал только наиболее уязвимые места воина – грудь и живот. Зато он не стеснял движений и имел незначительный вес.

Костяные накладки, обнаруженные в погребении, принадлежат сложносоставному луку "М"-образной формы. Длинные узкие концевые накладки слегка изогнуты (рис. 1, *2, 3*). На конце внешней поверхности одной из них на косом срезе нанесена сетчатая, а на конце второй – косая штриховка. С внутренней стороны накладок тоже имеется косая нарезка. Одна из концевых накладок, сохранившаяся лучше, имела три неодина-

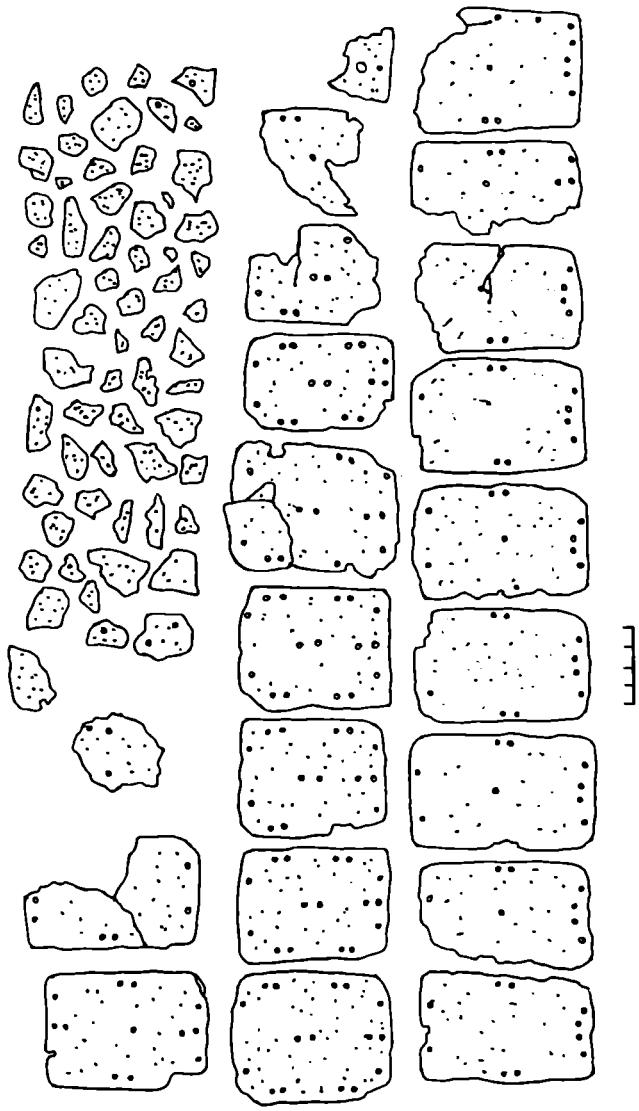


Рис. 2. Железные панцирные пластины

ковых выреза для тетивы. Длина накладок была около 25–26 см. Срединная фронтальная накладка узкая, расширяющаяся к концам (рис. 1, *4*). Ее длина – 19 см. На внутренней поверхности нанесена нарезка в виде поперечных полос. Судя по местонахождению накладок относительно костяка человека и расположению концевых накладок по отношению к фронтальной, можно предположить, что чендекский лук был асимметричным, а длина его не превышала 1,2 м.

Железный черешковый нож, найденный в погребении, небольших размеров: длина клинка 8,2 см, длина черешка 2,3 см (рис. 1, *5*). Клинок имеет поперечное сечение в виде высокого треугольника. Рукоять ножа, видимо, была деревянной. Черешковый трехлопастной наконечник стрелы, обнаруженный в единственном экземпляре (рис. 1, *6*), был тоже изготовлен из железа. Его плохая сохранность, к сожалению, не позволяет точно установить форму пера. Скорее всего, он относился к типу асимметрично- или удлиненно-ромбических. Обнаруженные в погребении две бусины имели округлую в плане форму и сечение в виде вытянутого овала (рис. 1, *7*, *8*). Сердоликовая бусина, найденная между черепом и левой ключицей человека, была диаметром 1,3 см, толщиной 0,8 см. Диаметр и толщина хрустальной бусины соответственно 0,6 и 0,3 см.

Элементы погребального обряда: овальная насыпь небольших размеров, незначи-

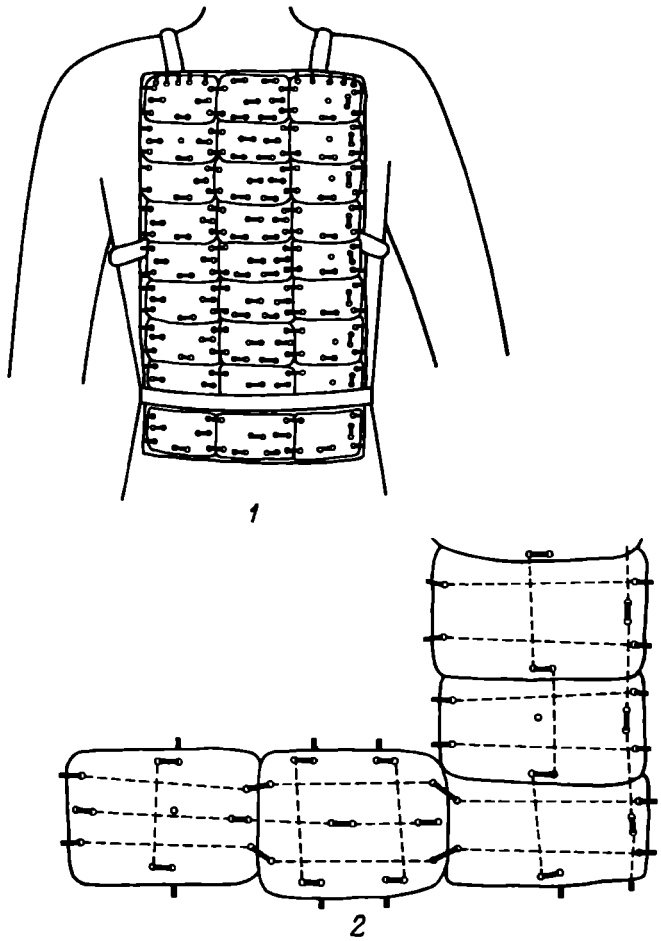


Рис. 3. Реконструкция панциря (*1*) и системы крепления пластин (*2*)

тельная глубина погребений, положение и ориентировка человеческого костяка, сопроводительное захоронение лошади – свидетельствуют о датировке данного погребения из Чендека гунно-сарматским временем. Однако эти данные не могут служить критериями для определения точной хронологической принадлежности. Не может быть узко датирующей и бóльшая часть инвентаря: накладка лука, наконечник стрелы, бусины и нож. Костяные накладки принадлежат луку гуннского типа, существовавшему в различных вариантах во II в. до н.э. – V в. н.э. (Худяков Ю.С., 1986, с. 208). Железный трехлопастной черешковый наконечник стрелы не может учитываться в данном случае из-за плохой сохранности. Бусины и черешковый нож тоже не имеют более или менее точной датировки.

Единственным предметом, датирующим погребение, является панцирь. Аналогичные панцири известны в южносибирских комплексах гунно-сарматского времени в Берели и в Приобье на Чумыше (Уманский А.П., Горбунов В.В., 1991, с. 161–165; Гаврилова А.А., 1965, с. 55). Чендекский нагрудник отличается от них лишь незначительными деталями: во-первых, он не имеет окантовки по периметру; во-вторых, все пластины и сам доспех крепились без использования металлических заклепок и проволоки, а только при помощи кожаных ремешков. Поэтому, исходя из датировки берельского и чумышского нагрудников, чендекский панцирь можно отнести к III–V вв. По мнению оружиеведов, данный тип доспеха в плане эволюции являлся самым ранним из всех металлических доспехов, применявшихся в Северной и Центральной Азии. Его появление связано с прямым усовершенствованием защитного пояса с железными пластинами (Худяков Ю.С., Соловьев А.И., 1987, с. 157). Предшествовал нагрудник более полным панцирям тюркской эпохи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Васютин А.С., Илюшин А.М., Елин В.Н., Миклашевич Е.А., 1985. Погребения предтюркского времени на могильнике Кок-Паш в Восточном Алтае // Проблемы охраны памятников Сибири. Новосибирск.

Гаврилова А.А., 1965. Могильник Кудырга как источник по истории алтайских племен. М.; Л.

Соёнов В.И., Эбель А.В., 1992. Курганы гунно-сарматской эпохи на Верхней Катуни. Горно-Алтайск.

Уманский А.П., Горбунов В.В., 1991. Реконструкция вооружения воинов верхнеобского правобережья в IV–V вв. н.э. // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. Барнаул.

Худяков Ю.С., 1986. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск.

Худяков Ю.С., Соловьев А.И., 1987. Из истории защитного доспеха в Северной и Центральной Азии // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск.

Горно-Алтайский государственный
университет

А.Б. ВАРЕНОВ

КАМЕННАЯ ОРНАМЕНТИРОВАННАЯ ПУЛЕЛЕЙКА ИЗ ТУЛЬСКОГО КРЕМЛЯ

Во время архитектурно-археологических раскопок на территории Тульского кремля в 1980 г. в траншее II, заложенной поперек Большой кремлевской улицы между Никитскими и Пятницкими воротами, была обнаружена половинная часть литейной формы из известняка (рис. 1). Форма найдена на глубине 1–1,20 м (кв. 3) в заполнении обочинного (частокольного?) рва улицы ниже слоя ремонта стен начала XVII в. (Варенов А.Б., 1981, с. 43)[1]. Таким образом, нашу находку следует датировать XVI – началом XVII в.

Форма представляет собой кусок подпрямоугольной известняковой плитки 36×46×18 мм. На лицевой стороне – две симметричные одинаковые полусферичные лунки диаметром 12 мм. К ним от верхней грани под углом идут два литейных хода. Ниже лунок – два крепежных отверстия 4,5 м, просверленные на глубину 11 и 6 мм для крепления с другой частью формы. От правого и левого крепежных отверстий под прямым углом к ним на правую и левую боковые плоскости выходит еще по одному крепежному каналу для установки крепления, сжимавшего две половины формы. От крепежных отверстий начинаются сквозные сколы нижних углов, сделавшие предмет негодным к употреблению. На тыльной стороне процарапан орнамент – древо с двумя конскими (оленьими?) фигурами под ним. Орнамент на обороте и верх функциональной части формы находятся в обратном соотношении. Форма была предназначена для того, чтобы ее крутили в руках. Верх рисунка на обороте уничтожен угловыми сколами, образовавшимися при неудачном креплении половинок формы.

Функциональная атрибуция предмета проблематична. Легкость и рыхлость матери-

[1] По мнению автора раскопок, первый ремонтный слой относится ко времени, непосредственно последовавшему за взятием Тульского кремля войсками Василия Шуйского у ополчения Ивана Болотникова, т.е. к осени 1607 г.

© А.Б. Варенов, 1997 г.

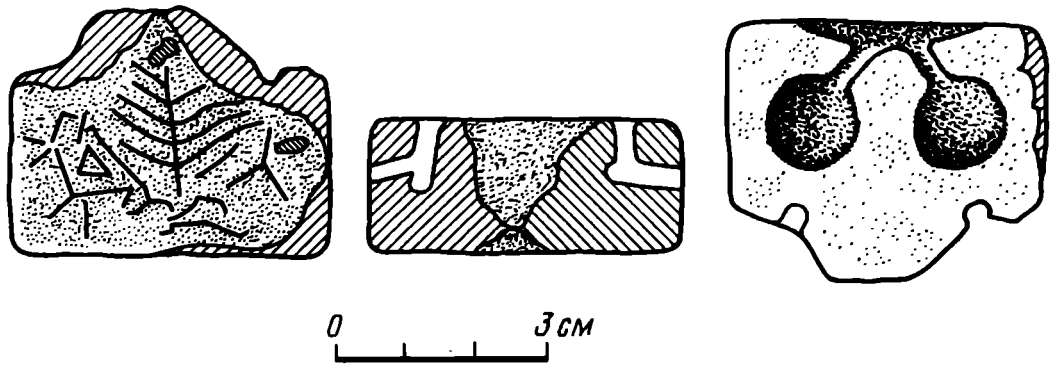


Рис. 1. Каменная литейная форма из Тульского кремля

ала, из которого изготовлена форма (известняк), свидетельствуют, по нашему мнению, в пользу того, что она была предназначена для отливок не из тугоплавкой бронзы, а из более легкоплавкого материала (свинец?)[2]. Литейные лунки имеют форму простых полушарий и не имеют каких-либо дополнений типа лунок для литья ушек пуговиц. По нашему мнению, тульская находка является не формой для литья пуговиц, а пулелейкой. Диаметр полушарий на тульской формочке одинаковый – 12 мм и не выходит за пределы колебаний калибров русских пищалей и штуцеров XVI–XVII вв.[3] В XVI–XVII вв. в России появляются железные пулелейки, доживающие до XIX – начала XX в.[4] В документах XVI–XVII вв. формы для литья пуль и ядер называются "колыбъ" от "колыбатися" – колебаться, сотрясаться, или "колупъ" от "колупати" – ковырять, отдирать, отделять: "...11 колупов железных, льют в них ядра пищальные" (1572 г.) (Словарь русского языка..., 1980, с. 254, 255). В "Описной книге Соловецкого монастыря" 1676 г. упоминаются одновременно железные, медные и каменные формы для отливки пуль: "...21 фоурма железных, лейка железная в ней свинец топят, фоурма медная, 2 фоурмы каменные..." ("Книга описная Соловецкого монастыря", 1676, л. 528–528 об.). А.В. Никитин опубликовал клещеобразные приборы XVI–XVII вв. для обжимания и обрезания пуль после литья (Никитин А.В., 1971, табл. 3, рис. 4, 5). Однако, очевидно, на периферии еще долгое время существовала практика отливания пуль в традиционных каменных формах. К числу таких периферийных находок каменных пулелеек относится литейная форма из Мангазеи (Белов М.И. и др., 1981, с. 47, 79, табл. 48, *5*).

Композиция контурного рисунка на тыльной стороне формочки традиционна для русского народного искусства. Она хорошо известна по художественной вышивке и ткачеству XIX–XX вв. (Маслова Г.С., 1978). В центре композиции – "древо жизни", пронизывающее три мира: подземный, наземный и воздушный (Рыбаков Б.А., 1981, с. 81; 1988, с. 541). По своим иконографическим особенностям "древо жизни" на тульской форме является прямой предтечей подобных изображений на русской художественной ткани XIX–XX вв. У него характерно отходят ветви от ствола снизу вверх. Под древом – два развернутых от ствола головами "небесных коня-оленя" (по Б.А. Рыбакову). Правый вздыблен, голова его утрачена из-за скола угла формы. Левый – в нормальном положении с головой в сторону от ствола "древа" и небольшими рожками (ушами?), показанными штрихом. Над спиной коня-оленя – треугольная фигура – схематичная попытка передать изображение "ромба с крючочками" или свастики – благопожелательных символов, характерных для русской вышивки (Амброз А.К., 1965). У корней дерева тремя бугорками передана земля. В целом рисунок

[2] Автор благодарен М.В. Седовой за устную консультацию.

[3] Выражаю свою признательность заведующему Отделом оружия ГИМ Ю.В. Шокареву.

[4] Образцы железных клещеобразных пулелеек XIX в. хранятся в фондах ГИМ: Отдел металла Г 61685/К-605, Г 64212/К-1146; Отдел дерева Г 67591/К-1549 – "Колыбь" (Вологодская губ., Вельский уезд).

схематичен и выполнен на "скорую руку", что вместе с утратами затрудняет более точное определение вида животных под "древом". Но связь с народным искусством XIX–XX вв. несомненна.

При всем этом совершенно очевиден апотропейный характер рисунка: он должен был оберегать форму и способствовать более продолжительной и успешной ее службе, подобно тому, как такое же изображение в вышивке должно было оберегать хозяйку наряда. "Кони-олени" под деревом переданы в "пантеонной" композиции: развернуты на две стороны света, на два мира – мир земной и мир духов. Подобная иконография начала складываться, возможно, в X–XI вв. в Волго-Окском междуречье, что нашло свое отражение в памятниках торевтики мери и муромы. Одноглавые варианты сочетались в этот период с двуглавыми (Голубева Л.А., 1979). Одни исследователи видели в фигурах на спине мерянских и муромских коней-оленей изображение солярных символов, другие – стилизованную женскую фигуру. В вышитых и тканых повторах XIX–XX вв. иконографии мерянских подвесок на спине коней-оленей – изображение процветшего вазона или древа (Работнова И.П., 1968; Круглова О.В., 1971). В конце XII – XIV вв. наблюдается новый всплеск популярности пантеонных изображений коней. Это полые коньки-подвески, распространенные от Эстонии и Финляндии на западе до Приуралья на востоке. Крупнейшими центрами их изготовления были Новгород, Ижорское плато и Костромское поволжье. Изделия были ориентированы на спрос у того полиэтничного населения, которое в это время существовало на севере Восточной Европы (Голубева Л.А., Варенов А.Б., 1978; Рябинин Е.А., 1981, с. 39–43). Л.А. Голубева и автор публикации заметили на статистическом материале полых подвесок, что количество двуглавых изображений у более поздних типов подвесок становится преобладающим (Голубева Л.А., Варенов А.Б., 1978, с. 239).

В XIV – начале XV в. бронзовые зооморфные украшения – обереги – исчезают из обихода. По мнению Е.А. Горюновой, сюжеты торевтики переходят в более дешевые художественную вышивку и ткачество (Горюнова Е.И., 1961, с. 242, 243). Этот процесс, на наш взгляд, наглядно иллюстрируют пластинчатые подвески XIV в. из водьского могильника Павлов Погост и эстского могильника Тоосте (Седов В.В., 1987а, табл. II, рис. 22; 1987б, табл. X, рис. 9). Крона "древа жизни" передана на них в характерной для вышивки форме "ромба с крючочками". Стилизованные на манер изображений вышивки конские головы обращены в сторону ствола. Сюжет изображения на подвесках заимствован из сюжетов вышивки русского населения Севера.

Б.А. Рыбаков, публикуя подобные изображения, замечает: "Однако не нужно думать, что изображения небесных оленей и рогатых владычиц присущи только финно-угорскому населению Севера; они достаточно широко представлены и у русского крестьянства, как в тех северных районах, где финно-угры являлись давним субстратом, так и в чисто русских районах вроде Калужской области..." (Рыбаков Б.А., 1981, с. 81). Однако картографирование сборов зооморфных сюжетов русской народной вышивки, произведенное Г.С. Масловой, показывает, что Калужская, Тульская и Рязанская губернии – это зоны затухания распространения этих сюжетов. Самая южная точка немногочисленных сборов находится на широте Орла. Это Богородицкий и Крапивнинский уезды Тульской губернии – сбор не более 5–9 экз. на уезд. По данным этнографа, на всю Тульскую губернию приходится не более 30 сюжетных вышивок XIX – начала XX в. (Маслова Г.С., 1978, рис. 85). Основная их масса относится к Псковской, Новгородской, Санкт-Петербургской, Архангельской, Вологодской, Тверской и Московской губерниям. Проникновение сюжетов северной русской вышивки и ткачества в столь южные регионы, как Тульская губерния, следует, очевидно, объяснять колонизацией "дикого поля" русским населением в XV–XVII вв.

Рисунок на литейной форме из Тульского кремля – одно из немногих пока звеньев между материальной культурой X–XIII вв., засвидетельствованной археологически, и материальной культурой великороссов XIX – начала XX в., собранной этнографами и историками материальной культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Амброз А.К., 1965. Раннеземледельческий культовый символ ("ромб с крючочками") // СА. № 3.

Белов М.И., Овсянников О.В., Старков Р.Ф., 1981. Мангазея: Материальная культура полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. М.

Варенов А.Б., 1981. Исследование Тульского кремля // АО – 1980. М.

Голубева Л.А., 1979. Зооморфные украшения финно-угров // САИ. Вып. Е1-59. М.

Голубева Л.А., Варенов А.Б., 1978. Полые коньки-подвески Древней Руси // СА. № 2.

Горюнова Е.И., 1961. Этническая история Волго-Окского междуречья // МИА. № 94. М.

"Книга описная Соловецкого монастыря", 1676 // РГАДА. Ф. 125. Оп. 1. Ед. хр. 45.

Круглова О.В., 1971. Древняя символика в произведениях народного искусства Ярославской области // СА. № 1.

Маслова Г.С., 1978. Орнамент Русской народной вышивки как историко-этнографический источник. М.

Никитин А.В., 1971. Русское кузнечное ремесло XVI–XVII вв. // САИ. Вып. Е1-34. М.

Работнова И.П., 1968. Финно-угорские элементы в орнаменте Севернорусских вышивок и тканья // Русское народное искусство Севера. Л.

Рыбаков Б.А., 1981. Язычество древних славян. М.

Рыбаков Б.А., 1988. Язычество древней Руси. М.

Рябинин Е.А., 1981. Зооморфные украшения древней Руси X–XIV вв. // САИ. Е1-60. Л.

Седов В.В., 1987а. Эсты // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР. М.

Седов В.В., 1987б. Водь // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР. М.

Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 7 (К – Крагуярь), 1980. М.

Государственный музей-заповедник
"Коломенское", Москва

История науки

М.А. ИТИНА

К 90-ЛЕТИЮ С.П. ТОЛСТОВА И 60-ЛЕТИЮ ХОРЕЗМСКОЙ АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Когда-то зав. кафедрой археологии МГУ проф. А.В. Арциховский сказал, что есть археологи счастливые, т.е. удачливые, и несчастливые. Сергея Павловича Толстова можно смело причислить к первым, но этого мало. Он сделал счастливыми нас, всю, как теперь бы сказали, свою команду, которую набрал еще в наши студенческие годы и членов которой всю жизнь друзья и коллеги называют хорезмийцами. Связано это имя с Хорезмской археологической экспедицией, которая начала работы в 1937 г. Ее исследования принесли Сергею Павловичу Толстову, автору и вдохновителю крупнейших открытий на землях древнего Хорезма, мировую славу (рис. 1). Чем привлекал к себе Сергей Павлович молодежь, почему попасть в экспедицию, работавшую в тяжелейших климатических условиях пустынь Кызылкум и Каракум, стремились многие? Основной коллектив экспедиции, проработавший в итоге в ее составе в полевых условиях порядка 40–50 лет, сформировался сразу после Великой Отечественной войны. Нас всех привлек не только авторитет крупного ученого, но и, что не менее важно, судьба счастливо свела нас с крупной неординарной Личностью. Любопытно, что во всех официальных документах С.П. Толстов именовал себя этнографом, востоковедом и в последнюю очередь археологом. Обладая обширными гуманитарными знаниями и, конечно, огромным талантом, Сергей Павлович во всех своих научных проектах широко применял данные естественных наук и привлекал для своих исследований ученых разных специальностей. Он был очень увлеченный человек, романтик, как это ни странно звучит, любил трудности, а последних там, где мы работали, было предостаточно. Когда мы стали работать самостоятельно, то, памятуя прежний опыт, научились их преодолевать, а скорее предотвращать. Но память о пережитом вместе с Сергеем Павловичем украшала нашу молодость.

Сергей Павлович Толстов был не только высокоодаренным ученым, но и превосходным научным организатором – сочетание, которое встречается не так уж часто. Административная деятельность мешала ему целиком отдаваться научной работе, но он находил выход – работал по ночам или ранним утром, о чем с удовольствием нам рассказывал. Но главным увлечением его был Хорезм и полевые исследования.

Древний Хорезм или Южное Приаралье – это аридная зона Средней Азии, территории древних дельт Амударьи и Сырдарьи. Археологические памятники здесь сохраняются не в виде бесформенных развалин – оплывших холмов-тепе, а стоят на современной дневной поверхности, будь то стены крупных городов с мощными укреплениями или маленькие зáмки. В этом плане регион является уникальным. Все памятники, конечно, несут на себе следы разрушения, что вполне естественно, если учесть фактор времени и то, что выстроены они из сырцового кирпича. Однако и тут нам посчастливилось. Когда впервые попадаешь на "земли древнего орошения" Хорезма, тебя охватывает чувство нереальности того, что видишь. Перед тобой – мощные стены крепостей с предвратными укреплениями; бойницы, как будто бы

© М.А. Итина, 1997 г.

направленные на тебя; поверхности, усыпанные битой посудой разных времен; пески окружающей пустыни терракотового цвета; небо, синее, как на картинах Верещагина. Все это можно смело назвать музеем в пустыне, невозможно пройти мимо этой красоты. И не проходили. В отчетах исследователей и офицеров, работавших в Средней Азии в разное время и приходивших туда с разными целями, мы читаем описание увиденных ими памятников архитектуры (Георгиевской Б.М., 1937; Каульбарс А.В., 1881; Кастанье И.А., 1910 и др.). Особенно впечатляют подробные заметки офицеров генштаба времен Хивинских войн конца XIX в. (см., например: Макшеев А.И., 1851; 1856).

Однако просто насладиться увиденным было, конечно, мало. Будучи в довоенный период в Хорезме с задачами этнографического плана, С.П. Толстов по справедливости оценил перспективы археологического исследования этого региона. В 1937 г. он направил туда А.И. Тереножкина (тогда еще аспиранта) в разведочный маршрут, а в последующие предвоенные годы с небольшой группой ездил туда сам на раскопки раннесредневекового замка Тешик-кала, крепости Аяз-Кала и неолитической стоянки Джанбас 4. В пустынях Каракум и Кызылкум было проведено множество исследовательских маршрутов.

С Сергеем Павловичем работы экспедиции начинали такие впоследствии известные ученые, как А.И. Тереножкин, Я.Г. Гулямов, С.А. Ершов, архитекторы В.И. Пилявский, В.А. Лавров, художник Н.П. Толстов и др.

Успешно начатые работы Хорезмской археологической экспедиции прервала Великая Отечественная война, в которой С.П. Толстов участвовал в качестве добровольца, был ранен и демобилизован (Жданко Т.А., Рапопорт Ю.А., 1995). Сразу после окончания войны увлеченность С.П. Толстова и его организаторский талант привели к тому, что наша еще небольшая группа оказалась в Правобережном Хорезме. Это было в августе 1945 г.

Понять движущие силы тех процессов, которые в отдельные периоды истории Хорезмского оазиса приводили к торжеству природы над человеком, к превращению цветущих земель в пустыню, дать периодизацию истории Хорезма, попытаться ответить на вопрос об общественном строе древних хорезмийцев – вот те задачи, которые в начале своего пути поставила перед собой Хорезмская экспедиция, "экспедиция Толстова", как ее до сих пор называют в Средней Азии.

В свете решения этих задач послевоенные работы Хорезмской экспедиции, предпринятые по инициативе и под руководством С.П. Толстова, приняли большой размах и развернулись на новой методической основе. Хорезмская экспедиция стала одной из самых крупных и наиболее современно технически оснащенных археологических экспедиций нашей страны. Будучи убежденным сторонником комплексных методов исследований, С.П. Толстов реорганизует экспедицию в комплексную археолого-этнографическую (см. Жданко Т.А., 1981). Участие в работах экспедиции помимо археологов и этнографов, геологов, геоморфологов, почвоведов, антропологов, применение в широких масштабах (впервые в мировой практике) аэрометодов (Толстов С.П. и др., 1962) – все это позволило расширить круг проблем, стоящих перед экспедицией, увеличить число возможных аспектов их решения. За годы работы экспедиции на ее базе вырос большой коллектив квалифицированных специалистов, что обеспечило круг исследований в широких тематических, хронологических и территориальных рамках. Успеху в разработке намеченной проблематики помогли и тесные контакты экспедиции с научными силами среднеазиатских республик, среди представителей которых также немало воспитанников Хорезмской экспедиции.

Теперь экспедиция вела раскопки и разведки, охватившие огромную территорию не только собственно Хорезмского оазиса в низовьях Амударьи, но и в низовьях Сырдарьи, в прилегающих к оазисам районах пустынь Кызылкум и Каракум, Центральных Каракумах, Внутренних Кызылкумах и т.д. В плане решения нескольких крупных проблем, поставленных С.П. Толстовым, велись археологические исследования тех или иных памятников. Работы эти производились на севере Средней Азии, в аридной

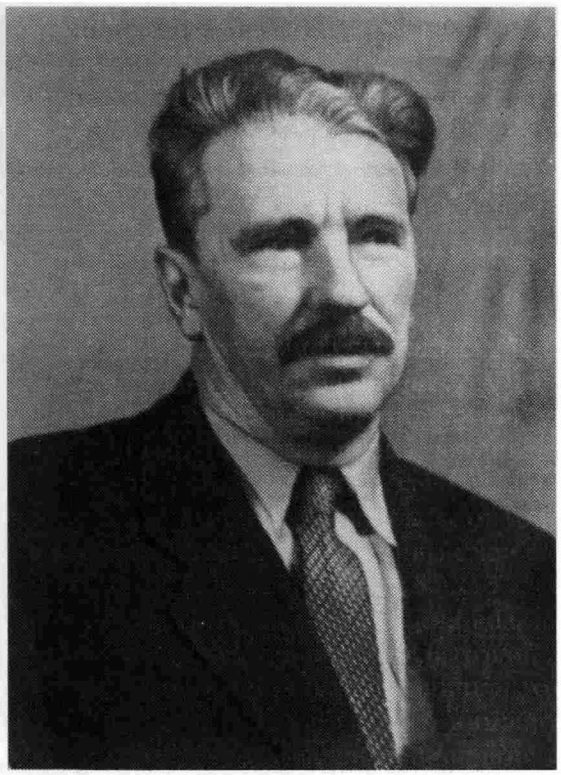


Рис. 1. Портрет С.П. Толстова

зоне, что ставило во главу угла проблему изучения истории древних русел Амударьи и Сырдарьи, истории заселения их ареала человеком и формирования на их водах ирригационных систем, образования земледельческих оазисов, хозяйство которых было основано на искусственном орошении. В то же время большое внимание уделяется истории кочевников и полукочевников, их взаимоотношениям с населением оазисов, исторической роли в экономической и культурной жизни Средней Азии. Очень важный аспект, сквозной для всех исследуемых эпох и основанный на анализе конкретных антропологических материалов, – этногенетический.

Масштабы работ экспедиции, количество и различный профиль подготовки ее сотрудников позволили в иные годы иметь в ее составе до 8 полевых отрядов. Каждый из них исследовал памятник, являющийся в некотором роде ключевым для того или иного периода в истории древнего Хорезма. Но речь идет не только о стационарных работах: параллельно велись маршрутные исследования, охватывающие, как правило, круг разновременных памятников и требующие от руководителя работ широкого научного кругозора и знаний.

Большие и долговременные маршруты велись чаще самим Сергеем Павловичем. Сначала предполагаемый маршрут прорабатывался по крупномасштабной карте и аэрофотоснимкам, после чего совершался полет на небольшом самолете и небольшой высоте для визуального обследования предстоящего пути. И только после этого проводился наземный маршрут, сопровождавшийся сбором подъемного материала, подробной фиксацией памятников, а иногда и разведочными раскопками (рис. 2). В том случае, если на пути машин вставали непроходимые пески, использовались верблюды, но только для транспортировки воды, продуктов и поклажи. Садились на них редко, когда заведомо было известно, что на данном участке пути памятников нет. К тому же скорость верблюда 4 км в час, так что проще было идти пешком, а ходили мы в маршрутах много, по 20–25 км в день. Это было иногда тяжело, но красота, разнообразие и могущество природы, которые мы видели, дорого стоили, и воспоминаний об увиденном хватило нам на всю жизнь. Эти впечатления в экспедиции и были одним из элементов счастливой жизни, прожитой нами благодаря Сергею Павловичу. Нам

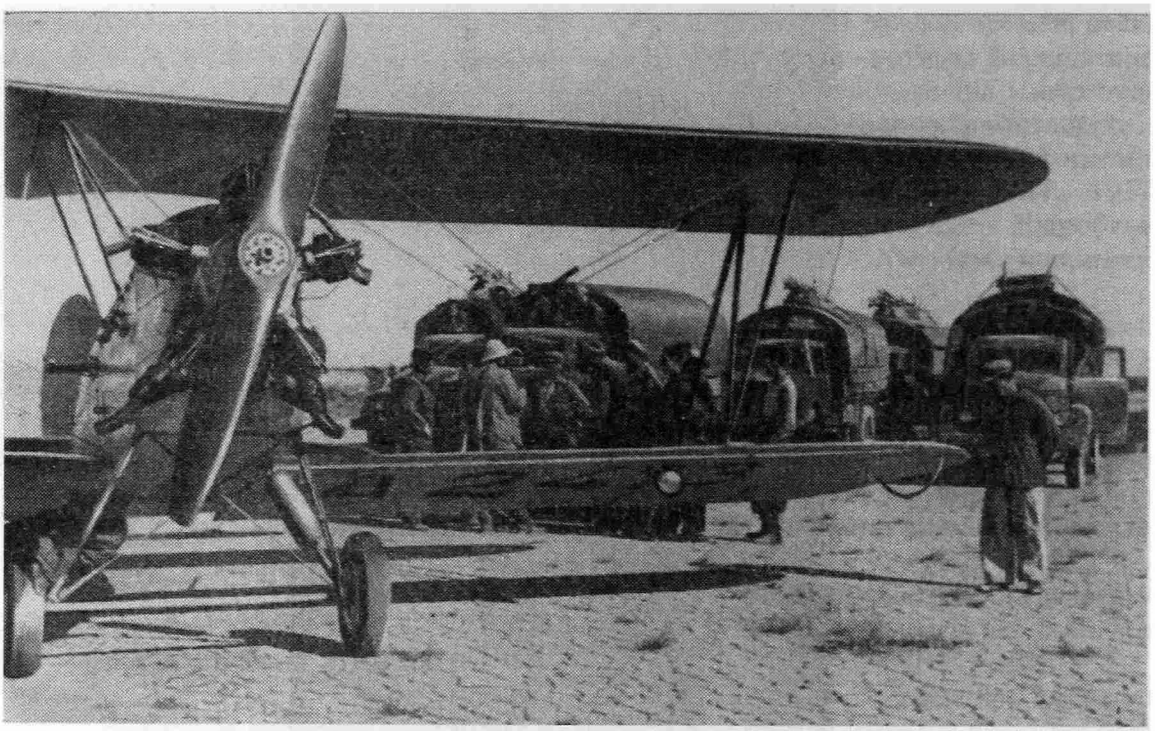


Рис. 2. 1949 г. Встреча участников наземного и авиаразведочного маршрутов Хорезмской экспедиции в пустыне Кызылкум

также повезло начать с раскопок дворца хорезмских царей (II в. н.э.) Топрак-калы (Топрак-кала..., 1984). Это величественный трехбашенный замок, стоявший на цоколе, и примыкавший к нему большой город. Парадные залы дворца были украшены глиняной скульптурой, на стены почти всех комнат были нанесены многоцветные росписи. Все это было подлинным открытием (рис. 3). К тому же в одном из помещений обнаружили остатки дворцового архива. Документы были написаны на деревянных дощечках и коже, их расшифровку удалось произвести В.А. Лившицу (Топрак-кала..., 1984, с. 251 и сл.). Среди найденных на Топрак-кале документов особую ценность представляют списки воинов, которых приводили к царской резиденции для переучета главы хорезмийских фамилий ("домов"). Количество рабов-воинов значительно превышало число свободных ополченцев. Это лишь одно из доказательств того, что Хорезм, как утверждал С.П. Толстов, знал рабовладение. Думается, что в начале, будучи еще студентами, мы до конца не понимали всю значимость памятника, который копали. Но впоследствии понимание это пришло, и комплекс Топрак-калы на долгие годы оказался в центре внимания Хорезмской экспедиции. В 1965–1975 гг. раскопки двух городских кварталов вела Е.Е. Неразик (Городище Топрак-Кала..., 1981), Ю.А. Рапопорт продолжил работы во дворце, затем вместе с В.А. Лоховицем он раскопал расположенный близ него и входящий в ансамбль Северный комплекс (Рапопорт Ю.А., 1993, с. 290).

Раскопки Топрак-калы были избраны, как представляется, не только потому, что этот памятник даже еще при визуальном осмотре поражал своими размерами и красотой архитектурного решения, но и потому, что значимость его возрастала в свете тех задач, которые Сергей Павлович поставил перед собой и Хорезмской экспедицией. Они были сформулированы в монографии "Древний Хорезм" (Толстов С.П., 1948а), подводившей итоги его исследований довоенных лет (об этих задачах мы писали выше). Хорезмская экспедиция вела работы и на средневековых памятниках, главным образом ранних (мусульманская эпоха сравнительно полно освещена письменными источниками). Этот цикл исследований возглавила Е.Е. Неразик, труды которой не только сделали достоянием науки целый ряд археологических

Рис. 3. 1950 г. Топрак-кала. Панорама раскопок центральной части Высокого дворца. На первом плане – Зал царей

памятников, но и прояснили некоторые этногенетические проблемы, а также историю жилищ и поселений Средней Азии (Неразик Е.Е., 1966; 1976).

Важно подчеркнуть, что основа предложенной С.П. Толстовым археологической периодизации (Толстов С.П., 1948а) в свете полученных позднее материалов в целом не поколебалась. Главное в том, что мы можем теперь рассматривать историю населения Южного Приаралья, если можно так выразиться, не вширь, а вглубь. Можем также более отчетливо увидеть на археологическом материале сложные исторические процессы, связанные прежде всего со значительными миграционными движениями степняков-скотоводов в зоне древних дельт Амударьи и Сырдарьи с непрестанно меняющимися протоками.

Однако надо иметь в виду, что хорезмская проблематика неизбежно затрагивала проблемы истории Средней Азии в целом, да и не только Средней Азии. Ее рассмотрение выявило отдельные блоки проблем, решение многих из них стало подлинным открытием. Те, кто участвовал в среднеазиатских совещаниях в послевоенные годы, наверное, помнят, что каждый раз в их резолюциях отмечалась неисследованность памятников первобытной культуры в северных областях Средней Азии. Широкий подход к изучению древних дельтовых равнин Амударьи и Сырдарьи с использованием данных аэрофотосъемки, проведение маршрутных работ на Узбое и на протоках древней Акчадарьинской дельты Амударьи привели к открытию памятников эпохи неолита и бронзы в этих регионах (Низовья Амударьи..., 1960). Неолитическая кельтеминарская культура была открыта С.П. Толстовым еще в довоенный период находкой стоянки Джанбас 4 на территории Акчадарьинской дельты Амударьи (Толстов С.П., 1948а, б). Но широкий территориальный охват исследований послевоенного времени (древние дельты Амударьи, Узбой, низовья Сырдарьи, Внутренние Кызылкумы) установил заселенность неолитическими охотниками и рыболовами дельтовых районов, Узбоя и районов бессточных впадин. Племена эти входили в единую кельтеминарскую этнокультурную общность. Исследования в этой области велись А.В. Виноградовым (Виноградов А.В., 1981), причем особый интерес представляет открытая и раскопанная им стоянка, которой было присвоено имя Толстова. Находится она близ стоянки Джанбас 4. Там сохранились остатки сгоревших жилищ

каркасно-столбовой конструкции, лепная посуда, костяные гарпуны для ловли рыбы и микролитическая кремневая пластинчатая индустрия. По-видимому, материалы этой стоянки могут служить своеобразным эталоном для северного степного неолита Средней Азии.

Трудно переоценить открытие и раскопки неолитического могильника Тумек-Кичиджик в южной части Присарыкамышской дельты Амударьи, предположительно относимого к кругу памятников кельтеминарского типа (Виноградов А.В. и др., 1986), но памятников поздних (вторая половина III тыс. до н.э.). Этот могильник представляет особый интерес, так как он дал краниологический материал, характеризующий антропологический тип населения той эпохи. В нем присутствуют как северный, так и южный компоненты. По заключению Л.Т. Яблонского, северный имеет с восточноевропейским населением единые постмезолитические корни и принадлежит местному коренному населению. Южный, восточносредиземноморский, обязан своим происхождением контактам с населением южных областей Средней Азии. Эти контакты выявляются и археологически – наличием в кельтеминарских комплексах сосудов с поверхностью, окрашенной желтой или красной охрой, а также сосудов с трубчатыми носиками.

Развернувшиеся с начала 1950-х годов комплексные археолого-геоморфологические работы на территории Южной Акчадарьинской дельты сопровождались специальной крупномасштабной аэрофотосъемкой и дешифрированием ее данных на местности. Для обучения правилам ведения такой съемки С.П. Толстов направил на специальные курсы инженера, сотрудника экспедиции Н.И. Игонина. Дешифрированием на местности данных аэрофотосъемки занимался специальный отряд под руководством Б.В. Андрианова. Впоследствии Н.И. Игонин приглашался для ведения аэрофотосъемки различными археологическими экспедициями страны как единственный специалист в этой области. Комплексные работы на Акчадарье привели к выявлению систем расселения человека эпохи бронзы (вторая половина II – начало I тыс. до н.э.) на боковых протоках дельты. Теперь речь шла уже не о подъемном материале (Толстов С.П., 1948б), а об очаге, фактически оазисе, со множеством поселений тазабагъябской культуры, с жилищами в виде полуземлянок с каркасно-столбовыми конструкциями и сохранившимся культурным слоем (Итина М.А., 1977).

Тазабагъябская культура эпохи бронзы была выделена С.П. Толстовым еще в довоенный период (Толстов С.П., 1948а). Тогда же он справедливо увидел в ней черты, в целом сближающие ее со срубной и андроновской культурами. Раскопанные стоянки этот вывод отчетливо подтвердили. Еще одним доводом в пользу этого явился открытый экспедицией в маршруте могильник Кокча 3 (Могильник бронзового века Кокча 3, 1961). Комплекс стоянок и могильника, принадлежавшего этому населению, позволил утверждать, что бронзовый век Южного Приаралья обрел зримые черты и памятники его становятся в ряд культур степной бронзы Евразии.

Но если в своей монографии "Древний Хорезм" С.П. Толстов уделил большое внимание ирригационной сети античного времени, сохранившейся на поверхности до наших дней, привязанным к ней памятникам и истории Средней Азии этого периода, то теперь важнейшим результатом широкомасштабных послевоенных исследований явилось открытие в Правобережном Хорезме очага орошаемого земледелия эпохи бронзы. Ирригационная сеть в виде выделяющихся на поверхности цветом арыков, полей также видна и сейчас. Если этот вид производящего хозяйства, сочетавшегося с пастушеским, а затем, в эпоху поздней бронзы (амирабадская культура), отгонным скотоводством, развивался на местной основе, то возникновению и первичным навыкам его ведения носители тазабагъябской культуры обязаны импульсу с юга.

Во II тыс. до н.э., особенно во второй его половине, в степях Евразии происходят сложные этногенетические процессы, связанные с миграциями подвижных скотоводов – носителей культур степной бронзы. Увеличение поголовья скота, распространение лошади и колесного транспорта, поиски новых пастбищ, рост избыточного продукта и, в связи с этим, возрастающее стремление к обмену, развитие металлургии

бронзы при наличии именно в северном степном регионе источников меди и олова – все это факторы, способствовавшие активизации внутри- и межформационных контактов. Контакты севера с югом, где в это время существуют уже очаги протогородской цивилизации, приобретают актуальный характер, ибо потребность скотоводов в продуктах земледелия и высокоразвитого ремесла южных земледельческих оазисов была важным экономическим стимулом, делавшим их общество менее автаркичным. Эти многоплановые контакты в значительной мере определили и характер этногенетических процессов на юге и севере Средней Азии во II – начале I тыс. до н.э. С одной стороны, этнокультурные связи южных земледельческих областей Средней Азии между собой и с миром цивилизаций Юга Азии, а также северных равнинных областей со степным миром Евразии; с другой – постоянное и все возрастающее влияние передовых южных цивилизаций на северную степную периферию, способствующее росту производительных сил в этих экономически отсталых обществах и постепенному сглаживанию различий в экономике и социальной организации севера и юга.

Культурные связи между населением севера и юга Средней Азии подтверждаются и данными палеоантропологии. Как известно, северное степное население представлено преимущественно протоевропеоидным типом, археологически выраженным андроновской культурной общностью. Но в то же время представители восточносредиземноморской этнической общности, доминирующие на юге Средней Азии, оказали существенное влияние на особенности антропологического облика отдельных этнических групп европейской степи. Так, в частности, восточносредиземноморский тип наряду с протоевропеоидным был зафиксирован в материалах могильника тазабагъябской культуры Кокча 3 (Могильник бронзового века..., 1961). Правда, можно высказать гипотезу, что он попал сюда в связи со смешанным срубно-андроновским населением евразийской степи, участвовавшим в формировании тазабагьябской культуры, но пока это только гипотеза, а его южное происхождение несомненно (Ходжайов Т.К., 1981; Алексеев В.П. и др., 1986). Эти и многие другие проблемы оказались возможны для рассмотрения в результате исследований экспедиций памятников эпохи неолита и бронзы. Здесь еще следует упомянуть палеогеографические работы, комплексные, проводившиеся на больших площадях и привязанные к древней гидрографии Южного Приаралья (см., например, Низовья Амударьи..., 1960). Они дали возможность рассмотреть особенности хозяйства отдельных регионов уже с эпохи неолита. С другой стороны, на большом фактическом материале удалось выявить процесс перехода в эпоху бронзы от пастушеского способа ведения хозяйства со скотоводческо-(преимущественно)земледельческим хозяйственно-культурным типом к отгонному скотоводству эпохи поздней бронзы (X–VIII вв. до н.э.).

Оказалось, что культурные связи Южного Приаралья не исчерпывались связями с Южным Приуральем и югом Средней Азии, но это уже тема, требующая специального рассмотрения.

Возвращаясь к теме археологических удач, нельзя не сказать об открытии Сергеем Павловичем могильника эпохи поздней бронзы (X–VIII вв. до н.э.) Северный Тагискен (Толстов С.П. и др., 1963). До раскопок он воспринимался как группа курганов на южном протоке древней Сырдарьинской дельты – Инкардарье (Казахстан), но и здесь нам посчастливилось. Курганы оказались развалинами мавзолеев из сырцового кирпича сложной конструкции – тип погребального памятника, не характерный для Северо-Западного Казахстана, где господствовали курганные погребения. Планировка мавзолеев, их погребальный инвентарь сохранились достаточно хорошо и нашли свое место в публикациях (Итина М.А., 1992). Важно другое. Во-первых, это беспрецедентное открытие, во-вторых, южные связи этого памятника очевидны (сырцовый кирпич, отдельные сосуды, сделанные на круге). В то же время северная степная основа материальной культуры бросается в глаза. Появление такого памятника на севере Средней Азии, безусловно, требует объяснений, но все они пока остаются в сфере гипотез. Насколько археологические открытия нередко являются делом случая, можно

судить по курганному могильнику Южный Тагискен, расположенному южнее Северного Тагискена, на том же плато. При наземном обследовании мы его не обнаружили, насыпи уничтожило время, и лишь после анализа крупномасштабной аэрофотосъемки выяснилось, что нами остался незамеченным большой могильник. Так было положено начало изучению сакских древностей на Сырдарье (Итина М.А., 1992), к тому же в 30 км восточнее Южного Тагискена был открыт еще один сакский могильник Уйгарак (Вишневская О.А., 1973). Изучение сакских древностей велось и в низовьях Амударьи (Вайнберг Б.И., 1979; Яблонский Л.Т., 1996). Эти работы имели значение не только для археологии скифского времени на севере Средней Азии, раскопанные памятники включали этот регион в ареал, охваченный общескифской проблематикой.

Приведем еще один пример случайной археологической удачи. В античное время, в IV в. до н.э. была построена крепость Кой-Крылган-Кала, ставшая объектом интересов С.П. Толстова в 1950-х годах. Это было время нашей молодости, и он практически всех занял на этих раскопках. Крепость эта, круглая в плане, стояла высоко, и было не ясно, то ли на цоколе, то ли была двухэтажной. В ответе на этот вопрос сыграл роль случай. Зачистка небольшой промоины наверху крепости неожиданно вывела на открытый марш лестницы, идущей вниз. Второй ее марш, идущий под углом к первому, был сводчатым. Так был открыт нижний этаж с центральным нефом и выходящими в него помещениями, где были найдены терракоты и многие другие памятники искусства. По расчетам нашего архитектора М.С. Лапирова-Ското, лестниц должно было быть четыре – так оно и оказалось (Кой-Крылган-Кала, 1967). При раскопках Кой-Крылган-Калы и в окрестностях этого памятника были обнаружены пустотелые керамические статуи, служившие вместилищами для костей умерших. Оссуарии разных типов применялись в Хорезме с V в. до н.э. по VIII в. н.э., и это обстоятельство является одним из доказательств длительности существования в этой стране своеобразной формы зороастрийской религии (Рапопорт Ю.А., 1971; 1996).

С тех пор прошло много лет, и наши дальнейшие работы показали, что круглые в плане памятники эпохи античности встречены и в других местах в низовьях Амударьи (Вайнберг Б.И., 1981; 1991, с. 26–34; Vainberg B.I., 1996, с. 67–80; Коляков С.М., 1983; 1984). Они могут иметь какое-то специальное назначение и содержат подчас превосходные произведения искусства (например, Калалы 2, раскопки Б.И. Вайнберг). Следует иметь в виду, что приведенные примеры, казалось бы, случайных находок и открытий отнюдь не должны восприниматься как способ ведения археологических работ вообще и Хорезмской экспедицией в частности. Как уже говорилось, С.П. Толстов имел четкую программу их последовательности, а приятные случайности были обусловлены как раз многоплановостью задуманных им работ и разнообразной методикой при их реализации. Мы уже не раз упоминали о роли аэрофотосъемки в работах экспедиции. С помощью последней Сергей Павлович открыл для науки в низовьях Сырдарьи еще в сороковых годах Джетыасарский оазис второй половины I тыс. до н.э. – первой половины I тыс. н.э. (Толстов С.П., 1948б), который впоследствии на много лет стал объектом исследований Л.М. Левиной (Левина Л.М., 1992; 1996).

Нельзя не сказать, что большой размах работ экспедиции был связан с тем, что Сергей Павлович приучил нас, его учеников, к ранней самостоятельности. Он не разрешал нам обращаться к нему с просьбой решить какой-то вопрос, не имея собственной точки зрения по данному поводу. Он мог с ней согласиться или не согласиться, но чаще всего мы приходили с ним к общему мнению. Такая тактика дала возможность иметь в экспедиции несколько отрядов, руководимых специалистами того или иного профиля. С другой стороны, когда Сергей Павлович заболел и вынужден был отойти от дел, мы сумели продолжить задуманную им программу. Однако большой размах работ экспедиции был, конечно, связан с ее финансированием и не только бюджетным. Сергей Павлович мечтал о новом возрождении для нужд народного хозяйства земель древнего орошения аллювиальных дельтовых равнин Амударьи и Сырдарьи. Здесь проявился его талант научного организатора, ибо участие в этих

проектах, а они начали разрабатываться на разной ведомственной основе уже в 1950-е годы, давало возможность вести большие хоздоговорные работы, что значительно увеличивало смету экспедиции. И когда возник проект переброса части стока вод сибирских рек в Среднюю Азию, нас пригласили в нем участвовать. Нашей задачей было составить историческую карту будущей трассы канала и нанести на нее археологические памятники, которые впоследствии могли быть затронуты земляными работами и подтоплениями.

Во главе проекта стоял в прошлом инженер-ирригатор И.А. Герарди, работавший до войны в Средней Азии, ныне покойный. По его плану вода после использования ее на орошение должна была сбрасываться в Арал по древним руслам Сырдарьи. Справедливости ради надо сказать, что у специалистов, с самого начала выступавших на конференциях и в публикациях, уверенности в успехе проекта и ненанесении при его осуществлении вреда природе не было. А пока все это обсуждалось, воды Сырдарьи и Амударьи интенсивно разбирались на орошение, Арал усыхал и соленую пыль северо-восточными ветрами несло на вновь осваиваемые земли Хорезма. И мы, и Институт географии АН СССР били тревогу. Институт географии вел соответствующие полевые исследования, но все оставалось без внимания. А когда положение Арала стало критическим и экология региона была нарушена, все забили тревогу. И тогда пошла серия публикаций и конференций, в том числе международных, посвященных спасению Арала! Но, грубо выражаясь, поезд давно ушел и процесс уже необратим. Нам хотелось вспомнить историю вопроса, так как мы были в курсе дел с самого начала и работали с настоящим профессионалом, широко образованным и увлеченным человеком И.А. Герарди. А карту (и не одну) мы составили на основе широкомасштабных исследований на хоздоговорные деньги. Новое хозяйственное освоение дельтовых равнин, о котором мечтал Сергей Павлович, не во всем могло быть реализовано, тем не менее многое удалось сделать, особенно в связи с последовательным изучением древней гидрографии.

Мы коснулись лишь некоторых аспектов в работе Хорезмской экспедиции. Важно подчеркнуть, что ее исследованиями была охвачена огромная территория севера Средней Азии, ныне подчас превратившаяся в пустыню, прослежены процессы превращения некогда плодородных земель оазисов в пустынные. Очень много внимания было уделено хозяйственно-культурным контактам степных северных областей с югом Средней Азии, обозначены историко-культурные и хозяйственные регионы той огромной территории, которую мы сейчас называем Хорезмом или Южным Приаральем. Были выявлены культурные связи ее населения с евразийским миром и Передней Азией, этнокультурные процессы, проходившие на этой территории в разное время. Можно было бы назвать еще не одну проблему, решавшуюся экспедицией в процессе исследований, вдохновленных талантом, знаниями, увлеченностью Сергея Павловича Толстова. Однако вряд ли в этом есть смысл, поскольку множество опубликованных обзорных статей дают их полный перечень. Кроме того, помимо отдельных изданий экспедицией опубликовано 16 томов "Трудов" и 8 выпусков "Материалов". Сергей Павлович как бы подвел итог непосредственно руководимых им исследований в своей монографии "По древним дельтам Окса и Яксарта" (1962). После его смерти мы, ученики С.П. Толстова, в меру своих сил продолжили его дело.

Сергей Павлович создал наш коллектив, коллектив единомышленников, главным членом которого был он сам. Он заразил нас увлеченностью и любовью к Хорезму, которая не оставит нас до конца наших дней. А поначалу мы его "боялись", как "боятся дети родителей", не смели перечить. Смущали и жесткая дисциплина, и порядок, которые он ввел. В 5.30 утра надо было перед работой есть горячий завтрак с мясом, который буквально не лез в глотку. Когда объявлялся выход на работу, он стоял с часами (это было на Топрак-Кале) и, если кто-то опаздывал хоть на 5 минут, дежурный объявлял, что из-за опоздания такого-то мы все будем кончать работу на 5 минут позже, а в условиях сильной жары это было весьма чувствительно. Эти и некоторые другие строгости заставляли нас в тайниках своей души иногда считать его

деспотом. Но когда мы стали работать самостоятельно, мы стали делать все то же самое, так как руководить работой коллектива разных людей в условиях пустыни можно только при жесткой организованности и единоначалии. А ему с самого начала хотелось с нами общаться, а нам, по молодости, хотелось погулять. Шло время, мы делались старше и росло взаимопонимание. Мы научились спорить, если были несогласны с тем или иным его решением и, как правило, он с нами считался. Здесь надо сказать, что Сергей Павлович обладал удивительной научной интуицией, основанной, конечно, на таланте, знаниях и опыте. Простое человеческое общение с ним открыло для нас возможность общения с Личностью. Долгие разговоры после ужина в палатке или в маршруте у костра касались не только научных предметов. Сергей Павлович хорошо знал русскую литературу, очень любил поэзию. Он всегда просил, чтобы ему заказали прочесть из того или иного автора, и не было случая, чтобы он не мог этого сделать. А стихи он читал замечательно, очень проникновенно и без всякой аффектации. Нас с ним с течением времени связало многое, но прежде всего Хорезм. В его последний полевой сезон, на Тагискене, мы все по какому-то поводу с ним поспорили. А он не стал нам возражать и только сказал: "Плохо вам будет без меня". Нам действительно плохо без него, хотя его нет с нами уже более тридцати лет. Но для нас слово "был" с ним не совместимо, он для нас всегда "есть".

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев В.П., Кияткина Т.П., Ходжайов Т.К., 1986. Палеоантропология Средней Азии эпохи неолита и бронзы // Материалы к этнической истории Средней Азии. Ташкент.

Вайнберг Б.И., 1979. Памятники Куюсайской культуры // Кочевники на границах Хорезма. ТХЭ. Т. XI. М.

Вайнберг Б.И., 1981. Поселение Гяур 3 // АО – 1980. М.

Вайнберг Б.И., 1991. Изучение памятников Присарыкамышской дельты Амударьи в 70-х – 80-х годах // Скотоводы и земледельцы Левобережного Хорезма. Т. I. М.

Виноградов А.В., 1981. Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского Междуречья. М.

Виноградов А.В., Итина М.А., Яблонский Л.Т., 1986. Древнейшее население низовий Амударьи. Археолого-палеоантропологическое исследование. М.

Вишневская О.А., 1973. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н.э. по материалам Уйгарака. М.

Георгиевский Б.М., 1937. Южный Хорезм. Геологические и гидрологические исследования 1925–1935 гг. Ташкент.

Городище Топрак-Кала (раскопки 1965–1975 гг.), 1981. М.

Жданко Т.А., 1981. Этнографические исследования Хорезмской экспедиции (народы, проблемы, труды) // Культура и искусство древнего Хорезма. М.

Жданко Т.А., Рапопорт Ю.А., 1995. Годы войны в жизни С.П. Толстова // Этнографическое обозрение. № 2.

Итина М.А., 1977. История степных племен Южного Приаралья. М.

Итина М.А., 1992. Ранние саки Приаралья // Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.

Кастанье И.А., 1910. Древности Киргизской степи и Оренбургского края // ТОУАК. Вып. XXII. Оренбург.

Каульбарс А.В., 1881. Низовья Аму-Дарьи. СПб.

Кой-Крылган-Кала, 1967 // ТХЭ. Т. V. М.

Коляков С.М., 1983. Раскопки на поселении Гяур 3 // АО–1982. М.

Коляков С.М., 1984. Раскопки на поселении Гяур 3 // АО–1983. М.

Левина Л.М., 1992. Памятники джетыасарской культуры середины I тысячелетия до н.э. – середины I тысячелетия н.э. // Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.

Левина Л.М., 1996. Этнокультурная история Восточного Приаралья. М.

Макшеев А.И., 1851. Описание Аральского моря // Записки РГО. Кн. V. СПб.

Макшеев А.И., 1856. Описание низовьев Сырдарьи. СПб.

Могильник бронзового века Кокча 3, 1961. М.
Неразик Е.Е., 1966. Сельские поселения афригидского Хорезма. М.
Неразик Е.Е., 1976. Сельское жилище в Хорезме (I–XIV вв.). М.
Низовья Амударьи, Сарыкамыш, Узбой. История формирования и заселения человеком, 1960 // МХЭ. Вып. 3. М.
Рапопорт Ю.А., 1971. Из истории религии древнего Хорезма. М.
Рапопорт Ю.А., 1993. Загородные дворцы и храмы Топрак-Калы // ВДИ. № 4.
Рапопорт Ю.А., 1996. Религия древнего Хорезма. Некоторые итоги исследований // Этнографическое обозрение. № 6.
Толстов С.П., 1948а. Древний Хорезм. М.
Толстов С.П., 1948б. По следам древнехорезмской цивилизации. М.
Толстов С.П., Андрианов Б.В., Игонин Н.И., 1962. Использование аэрометодов в археологических исследованиях // СА. № 1.
Толстов С.П., Жданко Т.А., Итина М.А., 1963. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1958–1961 гг. // МХЭ. Вып. 6. М.
Топрак-кала. Дворец // ТХЭ. Т. XIV. М.
Ходжайов Т.К., 1981. Палеоантропология Средней Азии и этногенетические проблемы. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М.
Яблонский Л.Т., 1996. Саки Южного Приаралья (Археология и антропология могильников). М.
Vainberg B.I., 1996. The Kalali-gir 2 – ritual centre in ancient Khwarazm // Bull. Asian Institute. V. VIII. Blumfield Hills. Michigan (The Archaeologie and Art of Central Asia. Studies from the former Soviet Union).

Институт этнологии и антропологии РАН,
Москва

Критика и библиография

From Kostenki to Clovis. Upper Paleolithic – Paleo-Indian Adaptations. Eds O. Soffer & N.D. Praslov. N.Y.&L.: Plenum Press, 1993. 334 p.

В июле 1989 г. в Ленинграде прошел советско-американский симпозиум, посвященный проблемам изучения позднего палеолита Восточной Европы и Нового Света. В нем приняли участие известные специалисты из СССР, США и Великобритании. Представляемый сборник статей включает в себя работы, написанные большинством выступавших на конференции на основе сделанных докладов. Следует сразу же отметить, что данное издание получилось очень интересным и отразило значительную часть направлений исследований позднего палеолита, в русле которых велись научные работы археологов стран СНГ и США в начале 1990-х годов (статьи писались уже после 1990 г.). Единственным заметным пробелом в этом смысле служит отсутствие в томе исследований по результатам раскопок памятников Костенковско-Борщевского района. Частично он заполняется лишь статьей Г.П. Григорьева, о чем речь пойдет ниже.

Сборник делится на 4 части: вводную, 2 основных и заключительную.

Первая – введение включает в себя две статьи, которые посвящены общим проблемам изучения механизмов адаптации культур позднеплейстоценовых охотников на крупных животных. Одна из них – совместная работа О. Соффер и Н.Д. Праслова "Fluted points and female figurines – understanding late paleolithic peaple of the New and Old Worlds" представляет собой попытку выделения общей проблематики изучения крупных культурно-исторических феноменов позднего плейстоцена Русской равнины и Северной Америки. Рассматриваются в ней также основные подходы отечественной и американской школ при решении выделенных проблем и те возможности, которые предоставляет каждая из них для понимания механизмов адаптации. Главное отличие советской школы от американской, по мнению О. Соффер и Н.Д. Праслова, состояло в преимущественном внимании советских ученых к культурно-историческим и социологическим аспектам эволюции верхнепалеолитических коллективов охотников и собирателей, тогда как в США основной интерес был связан с изучением взаимодействия человека и природы. Но в настоящее время эти отличия не являются столь резко выраженными, подтверждением чему может служить и это издание. Основная же идея статьи – признание того факта, что человеческая адаптация всегда являлась реакцией на такую окружающую среду, которая в равной степени включала в себя как социальный, так и природный компоненты.

Работа В.М. Массона "The environment and human adaptation systems in prehistoric times", которая также включена во введение сборника, в свою очередь ориентирована на выделение и общую характеристику различных аспектов человеческой адаптации: от специфики систем жизнеобеспечения до особенностей социальной структуры. При этом крупные историко-культурные объединения позднего палеолита характеризуются как некие экосоциальные системы. Как и в первой статье, природные и общественные компоненты процесса адаптации рассматриваются в качестве самостоятельных элементов.

Первая основная часть сборника посвящена проблематике изучения верхнего палеолита в странах СНГ (Part II. The upper paleolithic record). Большинство статей, входящих в нее, о результатах исследований восточноевропейских стоянок. Часть из них связана с изучением памятников, расположенных в центре Русской равнины (работы О. Соффер, Г.П. Григорьева, Л.Р. Бинфорда). В статье З.А. Абрамовой рассматриваются стоянки и Русской равнины, и Сибири. Вторая группа работ обращает внимание читателя на юг и юго-запад Восточной Европы: Приазовье, Северное Причерноморье, бассейн Днестра (авторы – И.А. Борзияк,

© К.Н. Гаврилов, 1997 г.

А.А. Кротова и Н.Г. Белан, П.И. Борисковский, Н.Б. Леонова, Г.Ф. Коробкова). Одна статья посвящена изучению Северо-Востока Европы (Б.И. Гуслицер и П.Ю. Павлов).

Открывает раздел работа о возможностях методики радиоуглеродного датирования верхнепалеолитических стоянок (Ю.С. Свеженцев "Radiocarbon chronology for the upper paleolithic sites on the East European plain"), в которой опубликована одна из наиболее полных сводок дат по памятникам Восточноевропейской равнины и Северо-Востока Европы. Завершает же его статья П.М. Долуханова о природных и социальных процессах, связанных с переходом от плейстоцена к голоцену.

В работе О. Соффер "Upper paleolithic adaptations in Central and Eastern Europe and man-mammoth interactions" рассмотрена взаимосвязь сокращения ареала обитания мамонтов в Европе в течение позднего плейстоцена и динамики размещения стоянок с большим количеством костных остатков этого животного. В статье затронуты два вопроса, многие годы бывшие предметом многочисленных дискуссий: в результате какой деятельности на стоянках Центральной и Восточной Европы накапливалось значительное количество костных остатков мамонтов, какие причины побудили коллективы так называемых охотников на мамонтов мигрировать из Центральной в Восточную Европу. В своем исследовании О. Соффер, с одной стороны, использовала имеющиеся в литературе данные о возрастном составе мамонтов, который был зафиксирован как для естественных кладбищ этих животных (например, Шаби Шаби и Берелех), так и для центрально- и восточноевропейских памятников (Павлов I, Спадзиста, Мезин, Межирич, Костенки 21). Привлечены были и сведения о процентном соотношении различных частей скелета костных остатков. С другой стороны, автор сопоставила новые данные о радиоуглеродном возрасте рассматриваемых стоянок с известной картиной сокращения ареала обитания мамонтов. Результаты работы сводятся к двум основным гипотезам. Первая из них допускает, что костные остатки мамонтов на стоянках Центральной и Восточной Европы могли быть накоплены в результате различных видов деятельности – как охотничьей, так и собирательской. Вторая гипотеза говорит о том, что сокращение ареала обитания мамонтов на северо-восток и аналогичное передвижение памятников восточного граветта не является случайным и свидетельствует о перемещении населения, вызванном именно постепенным исчезновением мамонтов в Центральной Европе. Не ясным, однако, остается, какая же деятельность была наиболее продуктивной для накопления костных остатков на стоянках.

Статья Г.П. Григорьева "The Kostenki-Avdeevo archaeological culture and the Willendorf-Pavlov-Kostenki-Avdeevo cultural unity" в отличие от предыдущей работы имеет более "традиционный" характер и в основном посвящена обобщенной археологической характеристике костенковско-авдеевской культуры, а также анализу существующих проблем в ее изучении. Однако за этой традиционностью скрывается давно обозначившееся в отечественном палеолитоведении стремление модифицировать общепринятую теорию археологических культур. В данном конкретном случае результаты изучения памятников восточного граветта положены Г.П. Григорьевым в основу иерархической системы понятий, которые призваны определить "археологическую структуру" этого феномена. Базовым понятием такой системы остается "археологическая культура", под которой подразумевается территориально ограниченная группа памятников со сходным инвентарем. Ко второму уровню системы относится "археологическая общность" – результат взаимодействия и связей между несколькими родственными культурами. Третий уровень – "восточный граветт", которому придан статус хронологического или стадиального термина. Что касается признаков, определяющих принадлежность памятников к одной археологической культуре, то они выделяются при характеристике костенковско-авдеевской культуры. Последняя в свою очередь дается на основе характеристик основных форм каменного и костяного инвентаря, а также общей структуры Авдеевской и Костенковской (Костенки I, сл. 1) стоянок.

Если же обратиться к сущности используемых Г.П. Григорьевым терминов, то она фактически сводится к такому проявлению степени близости памятников, которое связано либо с общностью их происхождения, либо с односторонним или взаимным влиянием. Но именно при определении степени родства и возникают наиболее существенные трудности. Причины такого положения вещей кроются как в позиции самого Г.П. Григорьева, так и в недостаточной изученности всей совокупности памятников восточного граветта. Выделение автором особенностей, присущих костенковско-авдеевской культуре, в качестве "эталона" при определении общности происхождения стоянок заведомо отодвигает другие черты на второй план. При таком подходе вольно или невольно анализ, а также интерпретация особенностей остальных памятников не имеет самостоятельного характера и очень легко становится предвзятой. Положение усугубляется незавершенностью относительной перио-

дизации памятников восточного граветта на Русской равнине и невнятностью самого термина "восточный граветт". Поэтому все предположения автора, связанные с реконструкцией конкретных путей и времени миграции населения из Центральной Европы в Восточную, а также его влияния на другие сообщества, могут быть только приняты на веру.

Статья З.А. Абрамовой "Two examples of terminal paleolithis adaptations" в отличие от предыдущих работ посвящена региональному аспекту адаптации палеолитического населения в окружающей среде. В качестве иллюстрации привлечены данные о стоянке Кокорево I, а также новая информация о Юдиновской стоянке, раскопки которой З.А. Абрамова возобновила в 1980 г. Сопоставление названных памятников для определения территориальных особенностей адаптации оправдано, по мнению автора, тем, что и Юдиново I, и Кокорево I имеют близкий абсолютный возраст, а также были обитаемы в сходных природно-климатических условиях. Последние, однако, нельзя назвать идентичными.

Основное внимание в этой работе уделено сопоставлению структуры поселений, характерных особенностей их культурного слоя. Дается подробное описание третьего и четвертого юдиновских жилищ, сопровождаемое их планами. Кремневый и костяной инвентарь характеризуется в очень сжатой и обобщенной манере.

Отдельная часть статьи посвящена проблемам реконструкции образа жизни юдиновских охотников на мамонтов, которые для автора сводятся в основном к двум моментам: синхронности или асинхронности существования жилищ, а также соотношения охоты и собирательства в процессе накопления костных остатков мамонтов. Имеющиеся в настоящее время результаты исследований дают основания З.А. Абрамовой предположить, что, во-первых, жилища вряд ли сооружались одновременно и, во-вторых, охота на мамонтов преобладала над собирательством их костных остатков.

Сравнение особенностей юдиновской и кокоревской стоянок сопровождается аналогиями с памятниками французского Мадлена. В частности, автор указывает на поразительное сходство кокоревского поселения и стоянок pincevent, etiolle, а также verberie, вплоть до совпадений характерных черт элементов культурного слоя. В сущности, это говорит скорее о влиянии общей организации жизни охотников на северного оленя на характер их поселений, чем о проявлении региональной особенности какой-либо стоянки. Последнее выражается в конкретном сочетании всех элементов материальной культуры, что прослеживается на обоих памятниках. Впрочем, З.А. Абрамова рассматривает территориальную специфику стоянок скорее как взаимодействие культурных традиций и процесса адаптации к окружающей среде. Вызывает возражения характеристика кремневого инвентаря Юдиновской стоянки как близкой французскому Мадлену. Однообразие кремневого инвентаря стоянки Юдиново I таково, что его описание только на уровне категорий резцов, скребков и т.д. делает возможным сопоставление практически со всеми памятниками приледниковой зоны Европы, которые датируются временем после поздневалдайского максимума.

Последняя работа, в которой затрагиваются вопросы изучения стоянок центральной части Русской равнины, – статья Л.Р. Бинфорда "Bones for stones. Considerations of analogues for features found on the Central Russian Plain". Однако ее большую часть занимает описание особенностей стоянок арктических народов Северной Америки, главным образом жилищ и конструкций для хранения мяса. Наблюдения эти, собранные по большей части самим Л.Р. Бинфордом, весьма интересны. По мысли автора статьи, знание того, каким образом эти народы строили свои зимние и летние жилища, как они хранили мясо в разные времена года, поможет по крайней мере по-новому взглянуть на многие особенности поселений верхнего палеолита Русской равнины. Вопросы, предлагаемые Л.Р. Бинфордом, связаны в основном с определением сезонности некоторых стоянок (например, Костёнки I, сл. I, Добраничевка или Хотылево II). Так, например, автор пишет, что во время холодного сезона эскимосы сушили мясо и хранили его на специальных конструкциях над землей. Что же касается ям, то они могли использоваться в качестве хранилищ летом-осенью, однако в течение непродолжительного времени и не в непосредственной близости от жилья. Если же все-таки возникала потребность в длительном использовании таких хранилищ, то они располагались вдалеке (до 2 км) от лагеря. Зимние жилища характеризуются высокой концентрацией находок внутри и в непосредственной близости от жилья. Соответственно летние жилища имели меньше находок внутри, а всевозможные отбросы были более рассеяны по лагерю. Конечно, очень легко поддаться искушению и сопоставить эти наблюдения с особенностями хотя бы стоянок с жилищами из костей мамонтов. Но в таком случае возникают вопросы, которые не могут быть объяснены, исходя опять же из этих наблюдений. Достаточно привести один лишь случай: в слое 1а стоянки Костенки II

наибольшая концентрация находок наблюдается в жилище из костей мамонтов, а в непосредственной близости от него располагаются ямы с костными остатками животных. Не в последнюю очередь такой подход связан с очень поверхностным знанием автором восточноевропейского материала, о чем пишет и Л.Р. Бинфорд. Но тем не менее и сам уровень изученности стоянок, на которых найдены жилища из костей мамонта, пока не позволяет дать на них убедительные ответы.

Статья И.А. Борзияка "Subsistence practices of late paleolithic groups along the Dnestr river and its tributaries" и совместная работа А.А. Кротовой и Н.Г. Белан "Amvrosievka: A unique upper paleolithic site in Eastern Europe" знакомят читателя с новой информацией, полученной в результате раскопок стоянок Косоуцы и Амвросиевка. Стоянка Косоуцы была известна до последнего времени по небольшим публикациям материалов из отдельных слоев. Данная работа И.А. Борзияка также не претендует на исчерпывающую характеристику памятника, ее основная задача – определить основные виды деятельности людей позднего этапа верхнего палеолита Поднестровья. Однако при этом основное внимание уделено характеристике материалов стоянки Косоуцы: видовому составу фаунистических остатков, костяному и каменному инвентарю. Более всего впечатляет костяной инвентарь памятника, включающий в себя многочисленные наконечники, мотыги или кирки, молотки из рога северного оленя, шилья и т.д. Безусловно, стоянка Косоуцы может быть отнесена к одному из опорных памятников Поднестровья позднего этапа верхнего палеолита.

Амвросиевское костище и расположенная рядом стоянка, как известно, в рекомендациях не нуждаются. Эти памятники не были обойдены вниманием исследователей, тем сложнее каждый раз предлагать действительно новые данные, способствующие их дальнейшему изучению. Статья А.А.Кротовой и Н.Г. Белан может быть отнесена к тем удачным работам, которые помогают понять природу возникновения Амвросиевского костища. Статья основывается на результатах раскопок костища, начатых в 1980-е годы и ведущихся по сей день под руководством А.А. Кротовой. Это дало возможность дополнить археологическую характеристику памятника, данную еще П.И. Борисковским. Наиболее существенная информация связана с его микростратиграфией. Кроме того, большое внимание уделено палеозоологическим методам изучения костных остатков бизонов. В результате А.А. Кротова и Н.Г. Белан считают возможным выделять как минимум два периода в формировании костища. Об этом свидетельствуют как стерильные прослойки в его северо-восточных и северо-западных частях, так и особенности половозрастного состава костных остатков. Последние допускают возможность охоты на бизонов в течение двух сезонов: поздней весны – раннего лета, а также осени – ранней зимы. Что же касается реконструкции сценария охоты, то, по всей видимости, здесь возможны варианты, например, интерпретация Н.Б. Леоновой и Е.В. Минькова (Леонова Н.Б., Миньков Е.В., 1987). Во всяком случае пока рано говорить о том, какая точка зрения более предпочтительна.

Следующие две работы, П.И. Борисковского и Н.Б. Леоновой, в той или иной мере затрагивают теоретические и методические проблемы, с которыми приходилось сталкиваться исследователям позднепалеолитических памятников Приазовья.

Статья П.И. Борисковского "Determining upper paleolithic historicocultural regions. A case study" посвящена в основном поиску новых аргументов для доказательства правомерности выделения так называемой степной зоны верхнего палеолита. Большую часть статьи занимают рассуждения о специфике Амвросиевского костища, а также о характере отличительных особенностей памятников Приазовья и Северного Причерноморья, которые позволяют выделять эту территорию среди других областей Восточной Европы и Кавказа. В большинстве случаев рассуждения эти не новы и повторяют основные положения о степной зоне, сформулированные П.И. Борисковским в 1950–1960-е годы. Если бы речь шла только о том, относить ли территорию Северного Причерноморья и Приазовья к единой степной зоне или нет, то для отрицательного ответа достаточно было бы обратиться к результатам работ М.Д. Гвоздовер, Г.В. Григорьевой и В.Н. Станко. Однако П.И. Борисковский затрагивает еще один немаловажный аспект, связанный с этой проблемой. По его мнению, исследования верхнепалеолитических памятников бассейна Днепра и Дона (имеется в виду Костенковско-Борщевский район) ярко продемонстрировали не только особенности этих двух районов как таковых, но и позволяют говорить о глобальном отличии их от более южных территорий. Те же аргументы приводятся и в связи с изучением верхнего палеолита Кавказа. Но ведь, как известно, памятники этих территорий не могут быть использованы для демонстрации однообразия материальной культуры и типов поселений на всем протяжении верхнего палеолита. Понимая это, П.И. Борисковский предлагает для выделения больших историко-культурных регионов использовать общие характеристики

каменного и костяного инвентаря, типов жилищ, а также организации палеоэкономики и системы поселений. Представляется, однако, что в настоящее время дело не столько в необходимости использования подобных общих характеристик, сколько в выявлении специфики собственно Приазовья и Северного Причерноморья в различные периоды верхнего палеолита. Например, судя по данным радиоуглеродного датирования, такие памятники, как Анетовка II, Мураловка, Золотовка, Сагайдак I, Амвросиевка, древнее, чем Каменнобалковские стоянки. Кроме того, в последнее время интенсивные археологические исследования велись как в западной, так и в восточной части Северного Приазовья и дали любопытные результаты, нуждающиеся в осмыслении (Оленковский Н.П., 1994; Матюхин А.Е., 1995). Как бы ни относиться к выделению степной зоны, очевидно, что для территории Северного Причерноморья и Приазовья необходима новая обобщающая характеристика, которая основывалась бы на результатах исследований последней четверти века.

Работа Н.Б. Леоновой "Criteria for estimating the duration of occupation at paleolithic sites. An example from Kamennaia Balka II", как и предыдущая, тесно связана с дискуссиями о правомерности выделения степной зоны. Однако, если П.И. Борисковский обращался к общим характеристикам стоянок, то Н.Б. Леонова сосредоточила свое внимание на одном аспекте изучения степных памятников, а именно на длительности их заселенности. Опираясь на результаты микростратиграфического и планиграфического изучения культурного слоя стоянки Каменная балка II, автор показала, что этот памятник посещался людьми несколько раз и перерыв между посещениями мог быть достаточно длительным. При этом на стоянке выделяются различные функциональные участки, для каждого из которых характерен особый состав находок, в основном предметов кремневого инвентаря. Особенности структуры этого памятника позволяют рассматривать его в качестве базовой стоянки, и Каменная балка II – не единственный памятник такого рода. Это, по Н.Б. Леоновой, не позволяет выделять степную зону как территорию специфической "экономико-культурной адаптации" охотников на бизонов, которая вынуждала их вести чрезвычайно подвижный образ жизни. Проблема при такой постановке вопроса состоит лишь в определении методических приемов для расчета минимального срока, в течение которого стоянка могла быть обитаема.

Однако в настоящее время дело определения специфики верхнепалеолитических стоянок Приазовья и Северного Причерноморья не сводится только к утверждению или отрицанию высокой мобильности охотников на бизонов. Речь идет о той специфике материальной культуры, которая в ряде случаев действительно отличает степные памятники от большинства стоянок центральной части Русской равнины, на это и указывал П.И. Борисковский. Поэтому само по себе наличие базовых стоянок не снимает с повестки дня необходимость современного анализа именно этой специфики и тех границ, в рамках которых она проявляется.

Последнее исследование, посвященное памятникам Северного Причерноморья – это статья Г.Ф. Коробковой "The technology and function of tools in the context of regional adaptations. A case study of the upper paleolithic and mesolithic of the Nortwestern Black Sea region". В ней на примере сравнительного изучения функций предметов каменного инвентаря финально-палеолитических и мезолитических стоянок Северо-Запада Причерноморья показана взаимосвязь изменений окружающей среды и человеческой адаптации. Облесение рассматриваемой территории с наступлением голоцена сопровождалось сменой основного объекта охоты. Бизон уступил место оленю, что привело к индивидуализации охоты. Одновременно повысилась роль собирательства. Подобное изменение образа жизни отразилось как на типологическом составе предметов каменного инвентаря, так и на особенностях их использования, что убедительно продемонстрировано в работе. Что же касается технологии производства орудий, то этот аспект в статье затронут в минимальной степени. Такие тенденции в изменении каменного инвентаря стоянок, как уменьшение количества больших пластин, увеличение количества геометрических микролитов, увеличение случаев использования сколов как орудий, стремление к уменьшению угла заострения краев сколов и т.д., дают общую характеристику технико-типологических показателей каменного инвентаря. Они свидетельствуют о возможных изменениях в технологии производства каменных орудий. Однако для реконструкции конкретного процесса эволюции технологии производства этого недостаточно. Необходимо использование специального технологического метода изучения каменного инвентаря. Возможности этого метода демонстрирует статья Б. Брэдли, также опубликованная в данном сборнике.

Работа Б.И. Гуслицен и П.Ю. Павлова "Man and nature in Northwestern Europe in the middle and late pleistocene" дает сводную характеристику нижне- и верхнепалеолитических памят-

ников, расположенных на территории бассейнов рек Печоры и Камы. По мнению авторов, результаты исследований 1980-х годов позволяют утверждать, что названные области были заселены в эпоху среднего плейстоцена, предположительно в лихвинское межледниковье. Верхнепалеолитические памятники характеризуются по трем группам: среднеуральского, костенковско-стрелецкого варианта и комплексов финального плейстоцена – раннего голоцена. Как считают Б.И. Гуслицер и П.Ю. Павлов, стоянки финального плейстоцена генетически связаны с памятниками среднеуральского варианта, а костенковско-стрелецкий вариант, возможно, имеет аналогичную связь с мустьерскими комплексами бассейна Камы.

В заключительной статье этого раздела ("The pleistocene – holocene boundary. Environmental processes and social adaptations") П.М. Долуханов попытался сопоставить процессы расселения охотников и собирателей во второй половине плейстоцена и начале голоцена с расселением носителей языков, которые относятся к так называемым баскско-кавказским и уральским группам. Знакомство с этой смелой гипотезой рождает вполне естественное желание детальнее ознакомиться и с ее аргументацией. К сожалению, то, что изложено в статье, оставляет впечатление легковесности. П.М. Долуханов считает, что существование в верхнем палеолите Средиземноморской зоны может рассматриваться в качестве археологического подтверждения гипотезы о средиземноморском доиндоевропейском языковом субстрате. Но на каком основании этот субстрат может сопоставляться именно с палеолитическим временем? Средиземноморье – особый мир как в эпоху верхнего палеолита, так и во времена Римской империи. Автор статьи пишет, что мы можем проследить культурную преемственность в развитии финно-угорских групп, начиная от верхнего палеолита. Никто не будет отрицать, что у истоков мезолитических культур должны стоять финальнопалеолитические, других просто быть не может. Но это не означает доказанности того, что все мезолитические культуры севера Европы оставлены предками финно-угров. Вообще, изложенная гипотеза базируется не столько на самостоятельном критическом анализе опубликованных археологических материалов, сколько на мнениях их исследователей, причем в большинстве случаев также гипотетического характера.

Если вторая часть тома напоминает мозаику, состоящую из разнообразнейшего материала стоянок Восточной Европы и, частично, Сибири, то третья ("The Paleo-Indian Record") – это скорее повествование, где традиции Кловис и Фолсом выступают в роли главных героев.

Начинается этот рассказ статьей Дж. М. Адовэйзио ("The ones that will not go away. A biased view of pre-clovis populations in the New World") о древнейших достоверно установленных следах заселения американских континентов. В настоящее время к таковым можно с уверенностью относить, по мнению автора, четыре комплекса: пещерные стоянки Блюфиш, стоянки в долине р. Ненана, грот Медоукрофт (все – Северная Америка) и стоянку Монте Верде (Чили). Анализ результатов их исследования и составляет основную часть статьи. Несмотря на чрезвычайную немногочисленность имеющегося материала, делающую невозможным детальное сравнительное изучение перечисленных памятников, можно документированно подтвердить присутствие на американских континентах населения – предшественников носителей традиции Кловис не позднее 15–12 тыс. лет назад.

Затем читатель знакомится с проблемами, которые связаны с составлением геохронологии Кловис и Фолсом (статья С. Ванс Хайнес "Clovic – Folsom geochronology and climatic change"). Сложности связаны с тем, что большинство известных стоянок Кловис и все стоянки Фолсом находятся на территории западной половины Северной Америки. Восточная половина характеризуется по преимуществу подъемным материалом. Радиоуглеродные даты располагаются в рамках столь короткого отрезка времени, что разделить памятники двух традиций, опираясь только на них, чрезвычайно трудно. Известны только две стоянки, Блэквотер Дро в Нью Мексико и Картер Керр в Вайоминге, на которых зафиксирована стратиграфически верхняя позиция культурного слоя Фолсом по отношению к Кловис. Остальные памятники сопоставляются С. Ванс Хайнес с привлечением данных по геологическим особенностям залегания культурных слоев, видовому составу костных остатков, радиоуглеродным датировкам. По мнению автора, стоянки Кловис могут быть датированы финалом плейстоцена, тогда как Фолсом относится к началу голоцена и концу позднего дриаса.

Следующая статья написана Дж. С. Фризоном ("North American High Plains paleo-indian hunting strategies and weaponry assemblages") и посвящена общей характеристике "классической" палеоиндейской территории – области Великих Равнин, точнее их северной части. В работе основное внимание уделено вопросам реконструкции охотничьей стратегии

палеоиндейцев, приводится сводная классификация двустороннеобработанных наконечников. По мнению автора, палеоиндейцы не столь однозначно ориентированы на охоту на крупных животных, как это принято считать. Начиная со времени, последовавшего за периодом существования традиции Фолсом, можно фиксировать для этого региона наличие двух различных стратегий добывания ресурсов. Одна из них характерна для населения равнин, другая – для охотников западных предгорий и гор. Причина – различные объекты охоты.

Как и предыдущие исследования, статья Б. Брэдли ("Paleoindian flaked stone technology in the North American High Plains") имеет обобщающий характер. В данном случае автор рассматривает технологию производства предметов каменного инвентаря, характерного для палеоиндейских комплексов Великих Равнин. Наибольшее внимание уделено двустороннеобработанным наконечникам, которые были основной целью технологического процесса. Несмотря на большое разнообразие форм палеоиндейских наконечников, технология их изготовления имеет много общих характеристик. Наконечники, а также ножи и сверла изготавливались при помощи бифасиальной обработки специальных заготовок, остальные орудия путем односторонней обработки отщепов, полученных в ходе изготовления двустороннеобработанных предметов. Использование специальных нуклеусов для получения пластинчатых сколов и отщепов фиксируется очень редко.

Следующие две статьи посвящены результатам исследования территорий, которые изучены не столь интенсивно по сравнению с северной частью Великих Равнин.

В работе Лесли Б. Дэвис "Paleo-indian archaeology in the High Plains and Rocky Mountains of Montana" сравниваются стоянки горных и равнинных районов Монтаны. Однако имеющийся по этой территории материал недостаточен для аргументации далеко идущих выводов. На равнинной территории раскопки велись только на двух стоянках, остальные находки – подъемный материал. В горных областях исследованиям подверглось более десяти памятников, однако в большинстве случаев в небольших масштабах. Большинство высказываний автора носят гипотетический характер. На это указывает и Лесли Б. Дэвис, отмечая необходимость продолжения исследований в этом регионе. При этом автор уверен, что дальнейшее изучение подтвердит локально-историческую специфику исследуемой территории.

К предыдущей статье примыкает работа Дины Ф. Динкауз "Fluted points in the Eastern Forests". Автор пытается дать характеристику районов, расположенных в восточной половине США. Основной массив источников, которые были использованы в работе, коллекции желобчатых наконечников, является результатом сборов с поверхности, так как большая часть палеоиндейских поселений на востоке США начала исследоваться с конца 1970-х годов. Максимальная концентрация находок фиксируется вдоль долин крупных рек, несколько аналогичных районов выделяется на севере США у Великих Озер и вдоль атлантического побережья. Прослежены также распространение различных видов каменного сырья на территории лесных районов и связь этих районов с основными сырьевыми источниками. Дина Ф. Динкауз выстраивает целую систему положений об особенностях адаптации палеоиндейцев на рассматриваемой территории, которые возникли в результате колонизации при движении населения с востока на запад. Большинство их носит гипотетический характер, проверка или опровержение которых зависит от дальнейших исследований.

Завершается же третья часть тома статьей Д. Мелтцера "Is there a Clovis adaptation?", которая на примере Кловис в концентрированной форме выражает прослеживавшееся в предыдущих работах стремление исследователей выделять региональные особенности адаптации палеоиндейцев. Кловис рассматривается автором в качестве явлений не столь однородного, как это принято считать. Д. Мелтцер полагает, что носители традиции Кловис не были узкоспециализированными охотниками, по крайней мере за пределами Великих Равнин. Кроме того, самое яркое проявление их материальной культуры – желобчатые наконечники – имеет множество вариантов форм, которые прежде не были объектом пристального изучения.

Последняя, четвертая, часть сборника статей "Interpreting the records. Some claveats" состоит всего из одной статьи Кл. Гэмбла "The Center at the Edge". Наиболее плодотворным и перспективным направлением в дальнейших исследованиях как европейского верхнего палеолита, так и палеоиндейских культур должно стать, как считает Кл. Гэмбл, изучение механизмов колонизации и социальной экологии. Особое внимание автор уделяет традициям североамериканской и европейской школ археологии, считая, что они оказали значительное влияние на определение основных направлений в исследовании верхнего палеолита

и палеоиндейцев. По этому поводу хотелось бы заметить, что эти традиции формировались не только как проявления более общих процессов развития культуры в США, европейских странах и России, но и как реакция на специфику того, что же все-таки изучалось. Верхний палеолит Европы древнее палеоиндейского периода Северной Америки, он имеет более долгую историю исследования и, самое важное, гораздо более многообразен в своих проявлениях.

Общее же впечатление от книги состоит в том, что она дает большую пищу для размышлений и уже только поэтому ее выход в свет можно считать удачным.

Институт археологии РАН,
Москва

К.Н. Гаврилов

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Леонова Н.Б., Миньков Е.В., 1987. К вопросу об интерпретации Амвросиевского костища – уникального памятника позднего палеолита Приазовья // Проблемы интерпретации археологических источников. Орджоникидзе.

Матюхин А.К., 1995. Особенности анализа двустороннеобработанных изделий каменного века // РА, № 3.

Оленковский Н.П., 1994. Культурно-историческая градация позднего палеолита Нижнеднепровского региона // Археологический альманах. № 3. Донецк.

ПО ПОВОДУ РЕЦЕНЗИИ И.В. БРУЯКО

С интересом, понятным каждому автору, прочел рецензию на мою монографию (Бруяко И.В. 1995, с. 230–237). Отдавая должное стилю И.В. Бруяко, не могу согласиться ни с ее формой, ни с содержанием. Поражают апломб, менторско-наставительный тон, в целом пренебрежительный характер рецензии. А к этому добавлю: игнорирование имеющейся аргументации, развитие до абсурда некоторых положений, непринципиальных для моей работы, своеобразное толкование отдельных моментов, вырванных из контекста. В целом тон рецензии вряд ли способствует плодотворной дискуссии. Некомпетентность И.В. Бруяко скорее вызывает досаду, чем желание спорить, доказывать. Однако и молчание в этой ситуации вряд ли уместно, поэтому остановлюсь на основных, особенно нелепых критических суждениях, присутствующих в рецензии.

Первое, что бросается в глаза, это то, что анализируемые в работе проблемы, по мнению рецензента, являются надуманными. А ведь любому непредвзятому исследователю острота проблемы III–II вв. до н.э. в истории Причерноморской Скифии совершенно очевидна. Напомню, что главная цель моего исследования – проследить последовательность и взаимосвязь основных событий в Северном Причерноморье периода конца IV – начала I в. до н.э.: упадок Великой Скифии, появление здесь сарматов, возникновение Малых Скифий. Ей соответствует и название – "От Скифии к Сарматии".

На основании хронологического анализа памятников (скифских, сарматских и отчасти иных) я пришел к выводу об отнесении финала Причерноморской Скифии к началу III в. до н.э. (конец первой четверти, возможно, трети, во всяком случае в пределах первой половины), когда практически исчезает степное кочевое население и жизнь в чрезвычайно угнетенных формах сосредоточивается на немногочисленных поселениях Нижнего Поднепровья, Крыма и Подунавья, где возникают новые образования, известные под названием Малых Скифий. В это же время происходят радикальные изменения и в жизни античных городов, спад экономического развития, в основной своей массе прекращают существование сельские поселения и т.п. Сходные изменения происходят и на соседних территориях – в украинской лесостепи и на большей части степной полосы Евразии, как у кочевого, так и у оседлого населения.

© С.В. Полин, 1997 г.

Сарматы появляются в Северном Причерноморье не ранее второй половины II в. до н.э., где занимают свободные степные территории. Учитывая хронологический разрыв, их появление здесь не могло иметь отношения к кризису Скифии. Глобальность происшедших перемен предполагает какую-то всеобщую причину, которую я вижу в климатических изменениях. Естественно, в книге изложена развернутая аргументация предлагаемых построений (Полин С.В., 1992).

Что же вызвало гнев И.В. Бруяко? Абсолютно все. И процедура исследования, и выводы, и интерпретация. Хотя последние прямо и не оспариваются, но поскольку решительно уничтожается основание, то соответственно не имеет никакой ценности и все последующее.

Прежде всего рецензент полагает, что "в стремлении очистить III в. от степных памятников С.В. Полин проявил излишнее усердие", что вызывает у него "интуитивное чувство протеста" (Бруяко И.В., 1995 г., с. 231, 232). Должен уточнить, что мои "преступные намерения" не охватывают весь III в. до н.э. Везде для степных памятников говорится о его начале как верхнем хронологическом рубеже (Полин С.В., 1992, с. 34, 66, 72, 101 и др.), что более точно определить по скифским курганам пока не представляется возможным. Но, поскольку постоянно предполагается бóльшая или меньшая синхронность этих изменений с прекращением жизни на поселениях (как скифских, так и греческих), то нетрудно понять, что речь идет о конце первой четверти, трети или, возможно, даже первой половине, к концу которой, в частности, относится прекращение жизни большинства сельских поселений Боспора, хоры Ольвии, Тиры и т.п. Столь значительный разнобой не должен смущать, поскольку датировки определены по различным категориям находок, хронология которых разрабатывалась на различных основаниях и для данного периода не обладает точностью. Для скифологов не является откровением факт резкого уменьшения, а точнее, практического исчезновения скифских курганов в степном Причерноморье – Приазовье в начале III в. до н.э. Особенно очевидным это стало после исследования этих памятников группой киевских скифологов, в котором принимал участие и я (Черненко Е.В. и др., 1986, с. 345), а также памятников того же периода в лесостепи (Ковпаненко Г.Т. и др., 1989, с. 135). Не менее известным фактом является и то, что последующей во времени надежно датированной группой памятников в степи являются позднескифские погребения Нижнего Поднепровья и Крыма, датируемые II, а в основном – концом II–I вв. до н.э. Поэтому в первую очередь мною проведен анализ памятников, отнесенных исследователями к III–II вв. до н.э. Речь идет о довольно малочисленной группе погребений, а также поселений с весьма слабыми следами обитания этого периода (Полин С.В., 1992, с. 33, 34).

Выяснилось, что при сравнительном изобилии датирующих вещей в захоронениях IV – начала III в. и II–I вв. до н.э. большинство указанных комплексов не содержат находок, определенно датируемых III–II вв. до н.э., и по большинству аналогий в инвентаре и элементах погребального обряда они должны быть отнесены либо к более раннему, либо к более позднему времени. Исходя из этого, для отнесения того или иного комплекса к III – началу II в. до н.э., с моей точки зрения, требуются достаточно веские основания. Поэтому, когда в комплексах из Петуховки, отнесенных в свое время М.Эбертом, П.Рау и Б.Н. Граковым к III или III–II вв. до н.э., встречается краснолаковая чашечка при костяке меридиональной ориентации (кург. 15), чернолаковая солонка с хорошо известным для IV в. до н.э. штампованным орнаментом, погребальным сооружением и положением костяков, также характерными для IV – начала III в. до н.э. (кург. 32), и чернолаковая солонка в подбое с западной ориентацией костяка (кург. 38), опыт датирования указывает на весьма высокую вероятность отнесения кург. 15 ко II–I вв. до н.э., а курганов 32 и 38 – к IV – началу III в. до н.э. (Полин С.В., 1992, с. 35, 36). Для рецензента такое распределение представляется необоснованным, хотя серьезных оснований для датировки их III в. до н.э. не приведено. Совершенно непонятен мне протест рецензента против отнесения ко второй половине IV в. кург. 21 и второй половине IV – началу III в. до н.э. кург. 22, поскольку в этих комплексах присутствуют прекрасно датируемые вещи: чернолаковые блюда и канфар, амфоры, наконечники стрел и пр. (Полин С.В., 1992, с. 35, 36). Предложенная рецензентом для кург. 22 датировка рубежом IV–III вв., как мне представляется, не противоречит моей: вторая половина IV – начала III в. до н.э. (Бруяко И.В., 1995, с. 231; Полин С.В., 1992, с. 36). Да, действительно, при датировании кург. 53 мною не определены даты для двух светильников, не очень выразительных для этого и в целом являющихся фоновыми вещами для данного комплекса. Повлияло ли это на определение общей даты комплекса, в котором количество хорошо датируемых вещей просто чрезмерно и о времени ранее второй половины II в. до н.э. говорить просто не приходится (Полин С.В., 1992, с. 38, 39)?

Не меньше возражений вызвали у рецензента и мои датировки Тираспольских курганов (раскопки Стемпковских). Материалы из этих курганов, исследованных в начале века, сохранились частично, во многих случаях известны по беглым упоминаниям. Соответственно и процедура датирования этих памятников носит во многом логический характер (более подробно: Полин С.В., 1992, с. 45–49). С точки зрения рецензента, эти построения "крайне поверхностны", однако этот путь на сегодня единственно возможен, а с учетом имеющегося опыта и достаточно надежен. Для фибулы из Паркан рецензент предлагает датировку III в. до н.э. Однако в работе, на которую он сослался, ни словом не упоминается о данной находке, хотя все латенские фибулы IV–III в. до н.э. из Причерноморья перечислены в ней, что называется, "поименно". Не вижу оснований для отнесения ее к одному из типов этого времени (Бруяко И.В., 1995, с. 231; Славяне..., 1993, с. 80, рис. 4; Фабрициус И.В., 1951, табл. XXII, *3*). Думаю, что датировка А.К. Амброзом этой фибулы концом II–I в. до н.э. сохраняет силу (Полин С.В., 1992, с. 47; Амброз А.К., 1966, с. 21, № 25).

Из Тираспольских курганов происходит группа характерных курильниц с желобчатой или валиковой орнаментацией. Аналогичные находки на территории Скифии, надежно датируемые в пределах V – начала III в. до н.э., позволяют датировать и Тираспольские комплексы с такими же находками не позднее IV – начала III в. до н.э. Кстати, в одном из них с курильницей найден чернолаковый канфар второй-третьей четверти IV в. до н.э. (Полин С.В., 1992, с. 46), что только подтверждает мое предположение. Диапазон существования таких курильниц на протяжении V – начала III в. до н.э., в отличие от рецензента, мне не представляется слишком узким.

В подразделе, посвященном Тираспольским курганам, я достаточно подробно останавливался на датировке скифских наконечников стрел. Как мне представляется, все имеющиеся на сегодня данные позволяют предполагать, что производство бронзовых наконечников прекращается не позднее начала III в. до н.э., а единичные экземпляры, изредка встречающиеся в комплексах сарматского времени различной культурной принадлежности, изготовлены в более раннее время, т.е. вторичного использования и не определяют дату погребения (Полин С.В., 1992, с. 48, 49). Аналогичная ситуация хорошо известна для скифских погребений V–IV вв. до н.э., где встречаются архаические наконечники стрел. Относительно втульчатых трехлопастных или трехгранных железных наконечников стрел на сегодня установлено начало их изготовления в V в. до н.э. и бытование вплоть до II в. н.э., хотя до недавнего времени их появление связывалось со временем не ранее III–II вв. до н.э. Значительно более широкий диапазон существования позволил мне утверждать невозможность их использования для выделения комплексов именно III–II вв. до н.э. Что же здесь непонятно?

Бурные возражения вызывает и моя датировка рубежом IV–III вв. до н.э. кургана "На горбах" у с. Николаевка в Нижнем Поднестровье, первоначально датированного А.И. Мелюковой по амфорным клеймам серединой III в. до н.э. (Мелюкова А.И., 1984, с. 931). Рецензент настаивает на принадлежности херсонесского клейма ко II группе. К сказанному в книге могу добавить, что определение херсонесского клейма произведено А.И. Мелюковой по классификации Р.Б. Ахмерова (Ахмеров Р.Б., 1949), из II группы херсонесских магистратов которого В.И. Кац почти 90% имен поместил в свою I группу (Кац В.И., 1985,с. 87–89; 1994, с. 50–52). Более того, из отчета А.И. Мелюковой известно имя этого астинома – Сокрит (Мелюкова А.И., 1968, опись, с. 2). Оно помещено В.И. Кацем в подгруппу I-Б, что указывает на его датировку в пределах IV в. до н.э. (Кац В.И., 1994, с. 51). Синопское клеймо с именами астинома Посейдона и фабриканта Гераклида относится ко II группе клейм данного центра. Фасосские клейма из кургана принадлежат к типу так называемых поздних клейм, по И. Гарлану, получивших распространение не только в III, но и во второй половине IV в. до н.э. Поэтому не вижу пока оснований для пересмотра предложенной мной датировки.

Удручен мой рецензент и тем обстоятельством, что не находится в III в. до н.э. места и для северопричерноморской группы комплексов с пластинчатыми конскими налобниками с крючков позднего типа (Бруяко И.В., 1995, с. 232; Полин С.В., 1992, с. 50–57, 64). Что же я могу поделать, если действительно все они относятся к II–I вв. до н.э. (Симоненко А.В., 1993, с. 89, 90)? И шлемы, найденные в комплексах этой серии (как с налобниками, так и без), действительно, очень длительное время находились в использовании: некоторые около 300 лет, – и это имеет свое объяснение (Раев Б.А. и др., 1990, с. 123–125; Treister M.J., 1993, p. 791–798).

Что касается гето-дакийской принадлежности комплекса из Бубуеч, то я не столько настаивал на ней, сколько высказался предположительно. В целом же и тогда (Полин С.В.,

1992, с. 53), и сейчас мне этот комплекс представляется уникальным и требующим специального исследования, хотя, если учесть, что котел из Гундеструпа, на котором находит аналогии изображениям на пластинах из Бубуеч вслед за М.Б. Щукиным и мой рецензент, считается изделием кельто-фракийского мастера, то мое предположение в сочетании с датой II–I вв. до н.э. представляется не менее вероятным. М.Б. Щукин последнюю дату не исключает (Славяне..., 1993, с. 84).

В кург. 20 у с. Семеновка в Нижнем Поднестровье мною выделены два разновременных комплекса второй половины IV и конца III–II вв. до н.э. Как совершенно справедливо пишет мой рецензент, основанием для выделения раннего комплекса послужило "упоминание" в первоначальной публикации определенных типов амфор, что он считает совершенно недостаточным для такого разделения. А "упоминание" следующее: "Удалось установить принадлежность 11 амфор, составлявших эти скопления: одна косская, четыре гераклейских, две синопских, три родосских, одна типа Солоха I". Именно наличие традиционных для скифских курганов IV в. до н.э. гераклейских, синопских и типа Солоха I амфор позволили Л.В. Субботину и С.Б. Охотникову датировать весь комплекс концом IV – началом III в. до н.э. (Субботин Л.В., Охотников С.Б., 1981, с. 111). К сожалению, иллюстрации по этому кургану были утеряны в издательстве. Однако в полевом отчете, кроме перечисления центров производства амфор со ссылками на соответствующие пункты работы И.Б. Зеест, имеются и иллюстрации, где изображены профилированные части гераклейских, синопских, типа Солоха I и родосских амфор (Субботин Л.В., 1975, с. 42, табл. XXIX, 3, А – Д; XXX, 1, 3, А – Д). В отчете, как и в публикации, отмечено разделение тризны на два скопления. В более поздней статье Г.А. Дзис-Райко и Е.Ф. Суничук упомянуты только косские амфоры, которые и были использованы для датировки всего комплекса концом III в. до н.э. Но даже в неполном наборе иллюстраций здесь изображены горловина и ножка родосской (Дзис-Райко Г.А., Суничук Е.Ф., 1984, рис. 3, *6*, *7*), ножки синопской (Дзис-Райко Г.А., Суничук Е.Ф., 1984, рис. 3) и типа Солоха I (Дзис-Райко Г.А., Суничук Е.Ф., 1984, рис. 3, *9*) амфор, взятые из отчета Л.В. Субботина. К сожалению, остальные типы амфор, важные для датировки, авторы новой публикации проигнорировали. В целом же, как мне представляется, существование в кургане двух разновременных комплексов совершенно очевидно, поскольку никто даже не предполагает синхронность всех перечисленных типов амфор, наличие которых в кургане зафиксировано документально.

"Развенчав" мои попытки "очистить" III в. до н.э. от скифских памятников, рецензент, по-видимому, пытается показать обратное. Что же он предлагает добавить к тем крайне скудным материалам, перечисленным в моей работе? Предполагается датировка III в. до н.э. ряда захоронений с фибулами раннелатенского типа из скифского могильника Дервент в Нижнем Подунавье. Однако фибулы, близкие некоторым из найденных в Дервенте, согласно М.Б. Щукину, датируются начиная с последней трети IV в. до н.э. (Редина Е.Ф., 1993, рис. 9, 12; Славяне..., 1993, с. 80, рис. 4, *8–12*). Не могут далеко заходить в III в. до н.э. и прочие фибулы фракийского типа (Редина Е.Ф., 1993, рис. *11*, *16*). Скорее всего их датировка захватывает и конец IV в. до н.э., поскольку во всех без исключения захоронениях с фибулами всех типов этого могильника присутствуют одни и те же характерные для V–IV вв. до н.э. бронзовые наконечники стрел и другие вещи.

Утверждение о наличии материалов III и II вв. до н.э. на фракийском городище Новосельское-II (что вполне вероятно, вопрос лишь в их количестве и более точной датировке) и датировке этим временем кургана у с. Холмское проверке не поддается, поскольку никакой информации об этих памятниках пока нет. Последний курган не значится в сводках скифских памятников Северо-Западного Причерноморья (Редина Е.Ф., 1989; Андрух С.И., 1995). У с. Холмское исследован крупный позднесарматский могильник, но нет никаких упоминаний о скифских древностях (Гудкова А.В., Фокеев М.М., 1984, с. 4–6).

Датировка III в. до н.э. погребения в кургане Хамуш-Оба ошибочна. Весь инвентарь, и прежде всего наконечники стрел, принадлежит к типам, характерным для IV в. до н.э. Браслеты же латенского типа, аналогичные или близкие найденному здесь, как отметил Ю.В. Кухаренко, встречены в комплексах Северного Причерноморья различной культурной принадлежности начиная с IV в. до н.э. по III в. н.э. (Кухаренко Ю.В., 1959, с. 36, 41). Поэтому браслет не может определять дату погребения.

Излишне категоричным представляется утверждение рецензента о доказанности датировки основания Булганакского городища в Крыму приблизительно 200 г. до н.э. (Бруяко И.В., 1995, с. 232). По-видимому, датировка И.Н. Храпунова может рассматриваться лишь

как предварительная, поскольку здесь присутствуют херсонесские клейма Героксена и Силана групп I-Б и I-В по классификации В.И. Каца (соответственно конец IV и начало III в. до н.э.) (Кац В.И., 1994, с. 51), единичные находки конца III – начала II в. и более менее массовый материал II в. до н.э. Древнейшее же из найденных сооружений– полуземлянка – перекрыта зольником, в котором и найдены упомянутые херсонесские клейма (Храпунов И.Н., 1991, с. 19). Учитывая сказанное, здесь возможен весьма значительный разброс дат, и какая из них должна быть соотнесена со временем основания городища, по-видимому, остается вопросом открытым.

Совершенно неожиданно группу скифских памятников III в. до н.э. рецензент дополняет греческой укрепленной усадьбой второй половины III в. до н.э. на городище Чайка. С поразительной легкостью он датирует III в. до н.э. четыре захоронения в могильниках Мангалия и 2-е Мая в Румынии (Бруяко И.В., 1995, с. 233). Однако датирующие материалы из погребений бытуют достаточно широко в пределах двух столетий (III–II вв.) и однозначное отнесение объектов именно к III в. до н.э. представляется преждевременным.

Подводя итог, зададимся вопросом: удалось ли И.В. Бруяко показать массовость или хотя бы какую-то достоверную серию скифских курганов III в. до н.э., а вместе с этим продемонстрировать "искусственность" обрыва хронологии скифских курганов началом III в. до н.э.? Думаю, что нет. Не абсолютизируя свои выводы, напомню объективные показатели. При весьма высокой насыщенности скифских курганов V–IV вв. типичными для этого времени различными категориями греческой керамики изделия, характерные именно для III в. до н.э., отсутствуют, что и позволяет отрицать наличие комплексов этого времени. Это относится к поздним херсонесским, синопским, фасосским и многим другим группам клейм, достоверно датируемым позднее начала III в. до н.э., классическим родосским амфорам и клеймам, чернолаковой керамике. И это при том, что поступление этих изделий в греческие центры Северного Причерноморья продолжалось в неменьших, нежели раньше, количествах. Но исчез потребитель в степи. И хотя рецензент прав, "что инерционное существование каких-то небольших локальных очагов степной скифской культуры в III в. не вызывает сомнений" (Бруяко И.В., 1995, с. 237), однако обнаружить их сегодня не просто. Как отмечалось, это крайне немногочисленные и невыразительные погребальные памятники и весьма слабые следы обитания в III в. до н.э. на немногочисленных поселениях Нижнего Поднепровья и Крыма (Полин С.В., 1992, с. 33–66).

Сравнительно многочисленные скифские находки V–IV вв. до н.э. на территории Румынии, высокая концентрация скифских могильников этого времени на левобережье Нижнего Дуная позволили мне предположить пребывание скифов в Добрудже, по крайней мере сезонно, в пределах луговых пастбищ Дунайской поймы, имеющей в низовьях огромную площадь, даже в период существования государства одрисов (Полин С.В., 1992, с. 100, 101). Возражения рецензента в духе "этого не может быть, потому что быть не может никогда", естественно, не убеждают. Можно по-разному интерпретировать факты, но игнорировать их нельзя.

Совершенно напрасны упреки в мой адрес в пересмотре хронологии боспорской монетной чеканки III в. до н.э. и попытке "вывести за пределы" III в. датировки III и IV групп синопских амфорных клейм. Мои рассуждения о датировке погр. № 56 Ак-Ташского могильника и ее несоответствие датировке поселения, с которым связан могильник, относятся к разным категориям материалов, на основании которых датированы захоронение и поселение. С одной стороны, это боспорские медные монеты, с другой – синопские амфорные клейма. Расхождение в дате в полстолетия, когда погребение датируется значительно позднее, чем поселение, с которым оно связано, выглядит по меньшей мере странно. В качестве вероятного объяснения я предполагаю неточность, несогласованность датировок разных категорий источников, разработанных на различных хронологических основах. Не понимаю, почему рецензент не готов к восприятию столь "крамольной" мысли. Сложность, противоречивость и неожиданные смены датировок в боспорской нумизматике III–II вв. до н.э. хорошо известны. Достаточное количество ссылок на соответствующую литературу имеется в работе (Полин С.В., 1992, с. 110). Может быть стоило бы начать отсюда?

Должен очень сильно разочаровать рецензента и в отношении датировки Елизаветовского эмпория: никакой "запутанности" здесь нет. Если датировка по амфорным клеймам охватывает первую треть III в. до н.э. (Кац В.И., Федосеев Н.Ф., 1986), то датировка монет в пределах 10–15 лет, не позднее 280–275 гг. до н.э. (Горончаровский В.А., 1987) ограничивает широкую общую дату и, безусловно, должна повлечь за собой соответствующую коррекцию дат различных групп амфорных клейм со всеми вытекающими

последствиями. Можно назвать это "относительным маневром", но с моей точки зрения, это азы логики исследования.

Здесь нет необходимости рассматривать все, подчас весьма фривольные, пассажи рецензента относительно моей избирательности в датировании (Бруяко И.В., 1995, с. 233, 234). Остановлюсь лишь на датировке времени сооружения вала Знаменского городища. Согласно Н.Н. Погребовой, это произошло не позднее начала II в. до н.э. (Погребова Н.Н., 1958, с. 115). Однако фибула, найденная под валом и подстилающим его выкидом изо рва, датирована А.К. Амброзом I в. до н.э. (Амброз А.К., 1966, с. 21, № 3). С моей точки зрения, эта поправка является весьма веским основанием для передатировки сооружения валов временем не ранее рубежа II–I вв. до н.э. (Полин С.В., 1992, с. 108).

Не могу также принять и упрек в уходе от анализа хронологии сельских поселений округи греческих городов (Бруяко И.В., 1995, с. 234). Это совершенно отдельная тема абсолютно неподъемная по своему объему и малодоступная из-за крайне небольшой в сравнении с общим количеством поселений опубликованности материалов. В этой ситуации с моей стороны вполне естественно использование датировок, существующих в литературе, подавляющее большинство которой, вышедшей ко времени написания книги, учтено.

Совершенно прав рецензент, когда говорит о сложности этнического населения, обитавшего на поселениях вблизи греческих городов, нерешенности этой проблемы в современной науке, о бессмысленности попыток выделить здесь "типично эллинские" и "типично варварские" поселения. Попутно мне инкриминируется "уход от обсуждения этого вопроса" (Бруяко И.В., 1995, с. 234, 235). Мне представляется, что речь может идти не об уходе, а о "неприходе" к нему. Использованные мной определения поселений (скифские, греческие, гетские) опираются на литературу. Если А.И. Мелюкова называет левобережные поселения Днестровского лимана скифскими, а правобережные – гетскими (Мелюкова А.И., 1975, с. 198), если в отношении нижнеднепровских поселений давно закрепилось определение "скифские" и "позднескифские", если в отношении поселений хоры Тиры, Ольвии, Херсонеса давно используется определение "греческие", а в отношении ряда поселений Восточного Крыма – "скифские", то именно в этом смысле такие определения мною и употребляются. Попытка проследить судьбы скифского населения в районе Елизаветовки – Танаиса предпринята мной с совершенно иной, нежели полагает рецензент, целью – для определения времени и характера появления здесь сарматов. Археологические данные свидетельствуют о сохранении в Танаисе на протяжении III в. до н.э. скифского населения, родственного жителям Елизаветовского городища, несмотря на все перипетии истории, что при отсутствии внешнего притока нового, сарматского населения с востока позволяет видеть в основе исторических событий на Нижнем Дону в III в. до н.э. местные корни: прекращение существования Елизаветовского городища, разрушение боспорского ампория на его территории. Что же касается приписываемого мне сомнения в существовании Танаиса в III в. до н.э. (Бруяко И.В., 1995, с. 235), то, как говорится, ни сном, ни духом... Наоборот, возникновение Танаиса в III в. до н.э., его существование на протяжении столетия в виде незначительного неукрепленного поселения, о чем, кстати, и свидетельствуют пресловутые "около 20 ям и один фундамент" III в. до н.э., строительство укреплений лишь в первой половине II в. до н.э., – очень точно отражают время реального появления сарматов где-то на востоке. В середине II в. до н.э. здесь уже появляются и сарматские погребения (Максименко В.Е., 1983, с. 49; Полин С.В., 1992, с. 68, 69).

Завершая проблему хронологии скифских памятников, отмечу, что к сожалению, мне не удалось избежать ошибок. В частности, неверным является утверждение о датировке всех так называемых "мегарских" чаш в Северном Причерноморье II–I вв. до н.э. Однако тот факт, что все надежно датируемые комплексы в нашем регионе, где присутствуют такие чаши, датируются не ранее II, а в большинстве случаев II–I вв. до н.э., при случайном характере и весьма малом количестве более ранних находок требует объяснения.

В вопросе о роли сарматского завоевания в жизни Северного Причерноморья рецензент как будто соглашается со мной в том, что медленное поступательное продвижение на запад в течение 200 лет не могло быть причиной кризиса Скифии в III в. до н.э. Но, как он полагает, такую роль могли сыграть систематические набеги в Днепро-Донское междуречье. При этом, видимо, следовало бы указать группу сарматских памятников на Дону, в исходном районе набегов. Однако это не просто. Сарматские памятники появляются на Нижнем Дону лишь во II в. до н.э. (Максименко В.Е., 1983, с. 49). Кроме того, пересмотр хронологии скифских памятников Северного Причерноморья автоматически влечет за собой необходимость пересмотра хронологии сарматских памятников Урало-Донского региона, поскольку последняя изначально строилась на основе скифской хронологии. На

других основаниях независимо от меня к пересмотру раннесарматской хронологии пришел А.С. Скрипкин (Скрипкин А.С., 1987, с. 49). Для сарматской культуры выделение группы памятников III – начала II в. до н.э. в настоящий момент крайне затруднительно, что, с моей точки зрения, также свидетельствует о крайней малочисленности сарматского населения в этот период. Не приходится предполагать и сколько-нибудь значительную военную активность с его стороны в это время. Как мне представляется, сарматы переживали тогда тот же кризис, что и скифы Северного Причерноморья (Полин С.В., 1992, с. 73–81).

Фрагмент из текста Диодора Сицилийского, где повествуется о разгроме савроматами скифов, традиционно рассматривался на протяжении более 200 лет как свидетельство военного разгрома сарматами Причерноморской Скифии. Однако критический анализ данного фрагмента показывает, что это не более, чем заблуждение. Наличие в тексте этнонима "савроматы", исторический контекст повествования позволили мне сделать вывод о том, что здесь содержится легендарная информация о событиях периода скифской архаики, не поддающаяся расшифровке и не имеющая ни малейшего отношения к скифам и сарматам послеатеевского времени (Полин С.В., 1992, с. 81). Уверенно отрицать даже саму вероятность сарматского завоевания Северного Причерноморья в раннее время позволяет прежде всего анализ письменных источников. В сущности общие представления о времени этого события, его характере и роли в жизни Причерноморья сложились на основе неверного толкования письменных источников. Локализация сарматского царя Гатала и подвластных ему племен на Кубани, отождествление их с племенами меото-сиракского союза (Марченко И.И., 1989, с. 15; Полин С.В., 1989; Яценко С.А., 1991) снимает вопрос о раннем проживании сарматов к западу от Дона. Произвольна и в отношении географической локализации и этнической принадлежности интерпретация пассажа Гераклида Понтийского, трактуемого как доказательство существования Сарматии в Северном Причерноморье уже в конце IV в. до н.э. Данный отрывок известен лишь в извлечениях у поздних авторов, и в ряде случаев употреблено выражение "земля савроматов". Наличие же топонима "Сарматия" в других вариантах, как вполне обоснованно предполагает А.В. Симоненко (личное сообщение), может объясниться ошибкой переписчика или сознательной коррекцией в духе позднейшей исторической реальности. Наличие же савроматов в скифской этногеографии VII–IV вв. до н.э. не вызывает сомнений ни у кого. Весьма гипотетичным, а с моей точки зрения неверным, остается отнесение к сарматам некоторых этносов из декрета в честь Протогена.

Достоверных исторических сведений о сарматах в Северном Причерноморье нет для периода до второй половины II в. до н.э., когда их появление здесь подтверждается и археологическими памятниками. Причем статус роксоланов Тасия в качестве союзников скифов опять-таки не дает права говорить об агрессии сарматов в Северное Причерноморье, во всяком случае в начальный период (Полин С.В., 1992, с. 94, 95).

Здесь бегло изложены отдельные выводы моего исследования письменных источников о сарматах в Северном Причерноморье. Их развернутый анализ дан в книге (Полин С.В., 1992, с. 81–98). Именно на его результатах, а также совокупности с данными археологии основывается мое решительное отрицание не только роли, но и наличия сарматского фактора в истории Северного Причерноморья III в. до н.э., столь возмущающее моего оппонента (Бруяко И.В., 1995, с. 235).

Не устраивает рецензента и мое отрицание кельтского влияния на события первой половины III в. до н.э. в Северо-Западном Причерноморье. В критическом запале он полагает, что мне известны датировки Ольвийского декрета в честь Протогена лишь В.В. Латышева и В.П. Яйленко, хотя мной учтены общепризнанные в отечественной науке работы П.О. Карышковского и Т.Н. Книпович по этой проблеме (Полин С.В., 1992, с. 27). Почему-то он полагает, что в последней работе П.О. Карышковский удревнил дату декрета до 220 г. до н.э. (Бруяко И.В., 1995, с. 236), хотя там лишь идет речь о дате похода галатов (Карышковский П.О., Клейман И.Б., 1985, с. 70, 71). Не влияет на мои построения и неучтенная мной по чисто техническим причинам датировка декрета Ю.Г. Виноградова (Виноградов Ю.Г., 1989), поскольку и у него идет речь о событиях конца III в. до н.э., которые не могут быть связаны с кризисом Скифии в начале – первой половине III в. до н.э., что, собственно, и доказывается мной. Возможно, и прав рецензент, когда вслед за П.О. Карышковским, с которым не спорю и я (Полин С.В., 1992, с. 29), присоединяется к гипотезе о кельто-галатской принадлежности царства Ремаксы в нижнем Подунавье. Однако и в этом случае речь идет о событиях конца III в. до н.э.

Что касается интерпретации той ситуации, которую отражают археологические источники, то вряд ли у кого-то вызывает сомнение, что кризис общества, за редчайшим ис-

ключением, – следствие действия многих причин, среди которых мной обращено внимание на изменение климатической ситуации, которая привела к усыханию степей. Этому я придаю решающее значение и, естественно, опираюсь на специальные исследования (см.: Полин С.В., 1984, с. 28, 29; 1992, с. 105, 106). Не подвергая сомнению авторитет А.В. Шнитникова, мнением которого так дорожит И.В. Бруяко, замечу, что это не должно ограничивать пределы поиска.

Вместе с тем строгим рецензентом остался незамеченным ряд разделов, играющих, как мне представляется, существенную роль в исследовании. Это анализ письменных и археологических источников по сарматскому завоеванию Северного Причерноморья, пересмотр общей хронологии сарматских памятников прохоровской культуры, уточнение хронологии некрополей Аполлонии Понтийской и др. Все это вместе с анализом ситуации в Северном Причерноморье позволило мне, с одной стороны, ограничить время существования Великой Скифии началом III в. до н.э., зафиксировать запустение Причерноморских степей в III–II вв. до н.э., отнести появление сарматов в Северном Причерноморье ко второй половине II в. до н.э. Причем последнее происходит параллельно с новым подъемом скифской культуры в ее новой ипостаси – культуры позднескифской в рамках новых территориальных образований – Малых Скифий Нижнего Поднепровья, Крыма и Подунавья.

И последнее. Критика должна быть конструктивной. Полностью "ниспровергая" мои построения, рецензент не дает ответа на основной вопрос: что же происходило в Северном Причерноморье в III–II вв. до н.э., где те источники, которые позволили бы пересмотреть мои выводы, а именно запустение степи и лесостепи, происходившее наряду с глубочайшими кризисными явлениями в жизни античных центров региона при отсутствии внешней агрессии в начале – первой половине III в. до н.э. Можно подвергать сомнению мое объяснение причин этого общего кризиса, но то, что фиксируемая по археологическим данным ситуация именно такова, – факт пока что неоспоримый.

Институт археологии НАН Украины, *С.В. Полин*
Киев

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Амброз А.К., 1966. Фибулы юга Европейской части СССР // САИ. Вып. Д1–30. М.

Андрух С.А., 1995. Нижнедунайская Скифия в VI – начале I вв. до н.э. Запорожье.

Ахмеров Р.Б., 1949. Об астиномных клеймах эллинистического Херсонеса // ВДИ. № 4.

Бруяко И.В., 1995. Рец.: С.В. Полин. От Скифии к Сарматии. Киев, 1992. // РА. № 1.

Виноградов Ю.Г., 1989. Политическая история Ольвийского полиса VII–I вв. до н.э. М.

Горончаровский В.А., 1987. К вопросу о времени существования Боспорского эмпория в дельте Дона (по нумизматическим данным) // Античная цивилизация и варварский мир в Подонье-Приазовье. Новочеркасск.

Гудкова А.В., Фокеев М.М., 1984. Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная I–VI вв. н.э. Киев.

Дзис-Райко Г.А., Суничук Е.Ф., 1984. Комплекс предметов скифского времени из с. Великоплоское // Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья. Киев.

Карышковский П.О., Клейман И.Б., 1985. Древний город Тира. Киев.

Кац В.И., 1985. Типология и хронологическая классификация херсонесских магистратских клейм // ВДИ. № 1.

Кац В.И., 1994. Керамические клейма Херсонеса Таврического. Каталог-определитель. Саратов.

Кац В.И., Федосеев Н.Ф., 1986. Керамические клейма "боспорского эмпория" на Елизаветовском городище // Античный мир и археология. Саратов.

Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А., 1989. Памятники скифской эпохи днепровского лесостепного Правобережья. Киев.

Кухаренко Ю.В., 1959. Распространение латенских вещей в Восточной Европе // СА. № 1.

Максименко В.Е., 1983. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов.

Марченко И.И., 1988. Сарматы степей правобережья Нижней Кубани во второй половине IV в. до н.э. – III в. н.э. (по материалам курганных могильников). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.

Мелюкова А.И., 1968. Отчет Западно-Скифской экспедиции за 1968 г. // НА ИА НАНУ. № 1968/63.

Мелюкова А.И., 1975. Поселение и могильник скифского времени у с. Николаевка. М.

Мелюкова А.И., 1984. Курганы скифских кочевников у с. Николаевка // Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья. Киев.

Погребова Н.Н., 1958. Позднескифские городища на Нижнем Днепре // МИА. № 64.
Полин С.В., 1984. Про сарматське завоювання Північного Причорномор'я // Археологія. № 45.
Полин С.В., 1989. Гатал – царь сарматский // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Тез. докл. конф. памяти Б.Н. Гракова. Запорожье.
Полин С.В., 1992. От Скифии к Сарматии. Киев.
Раев Б.А., Симоненко А.В., Трейстер М.Ю., 1990. Этрусско-италийские и кельтские шлемы в Восточной Европе // Древние памятники Кубани. Краснодар.
Редина Е.Ф., 1989. Погребальный обряд скифов Днестро-Дунайских степей // Археологические памятники степей Поднестровья. Киев.
Редина Е.Ф., 1993. Классификация фибул из скифских погребений Северо-Западного Причерноморья // Древнее Причерноморье. Одесса.
Симоненко А.В., 1993. "Клады" снаряжения II–I вв. до н.э.: опыт классификации и этнической интерпретации // Древние памятники Кубани. Краснодар.
Скрипкин А.С., 1987. Проблемы хронологии сарматской культуры и ее исторический аспект // Задачи археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. Суздаль.
Славяне и их соседи в конце I тыс. до н.э. – первой половине I тыс. н.э. Археология СССР, 1993. М.
Субботин Л.В., 1975. Отчет о работе Семеновской новостроечной археологической экспедиции ОАМ АН УССР в 1975 г. // ИА НАНУ. № 1975/34.
Черненко Е.В., Бессонова С.С., Болтрик Ю.В., Полин С.В., Скорый С.А., Бокий Н.М., Гребенников Ю.С., 1986. Скифские погребальные памятники степей Северного Причерноморья. Киев.
Фабрициус И.В., 1951. Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР. Киев.
Яценко С.А., 1991. Сиракский союз в Прикубанье (проблемы увязки археологических и письменных источников // Древности Кубани. Материалы научно-практической конференции. Краснодар.
Treister M.J., 1993. The Celts in the north Pontic area: a reassessment // Antiquity. V. 67. № 257.

ОТ СКИФИИ К САРМАТИИ БЕЗ ПРИРОДНЫХ КАТАСТРОФ

Прежде всего я хотел бы поблагодарить редколлегию журнала "Российская археология" за предоставленную возможность продолжить эпистолярную полемику с С.В. Полиным на тему "От Скифии к Сарматии". Такое оперативное предложение – во многом результат отклика С.В. Полина, публикуемого здесь, появление которого в общем-то нельзя считать большой неожиданностью.

Прочитав заметки С.В. Полина "По поводу одной рецензии", я окончательно уверился в том, что писать контррецензии – занятие неблагодарное. Эта исключительно вынужденная мера почти всегда оставляет довольно тягостное впечатление и ощущение какой-то неловкости. Хотелось бы думать, что нежелание промолчать, не заметить помимо индивидуальных особенностей, присущих каждому из нас, в данном случае все же вызвано наличием в самой рецензии элементов конструктивной критики (Бруяко И.В., 1995, с. 230–237).

Структура контррецензии выдержана в стиле индуктивного метода, на котором впрочем построена и сама монография, да и рецензия на нее. Большáя часть посвящена повторному разбору фактического материала. Правда, сейчас появились некоторые нюансы, присутствие которых было бы желательным в тексте монографии, ибо тогда мы владели бы более полной информацией по конкретным вопросам. Так, например, больше фактов (но не больше ясности) стало в отношении датировок комплексов "На горбах" (Николаевка) и Семеновка. Массовый материал из этих раскопок, по-видимому, не сохранился, поэтому С.В. Полину, поскольку в процессе работы он уже имел доступ к соответствующим архивным источникам, наверное следовало бы поместить всю эту информацию, не здесь, а в монографии. Этнокультурные дефиниции сельских поселений, также расшифровываемые здесь С.В. Полиным, – явный анахронизм. Но уж коль скоро они используются с тем смыслом, который в них вкладывали 30–40 лет назад, то это конечно нужно оговаривать.

Я думаю, что нет смысла продолжать в том же духе, поскольку мнения сторон по частностям достаточно четко определены. За редчайшим исключением (к примеру, по

© И.В. Бруяко, 1997 г.

вопросу о хронологии рельефной керамики) С.В. Полин придерживается прежних точек зрения. Правда, по некоторым вопросам его позиция стала менее категоричной и как будто бы допускающей возможность компромисса. Это касается отнесения финала Причерноморской Скифии к первой половине III в. за счет признания посткатастрофического (инерционного) существования локальных очагов степной скифской культуры. Меньше резкости стало в суждениях С.В. Полина по вопросам методики датирования отдельных комплексов. Все это можно отнести к несомненным положительным последствиям рецензии.

Не могу согласиться с обвинением в огульной критике всех положений книги С.В. Полина. В рецензии были отражены и безусловно положительные моменты монографии. Может быть, на общем фоне они просто выглядели не столь очевидными. Очень вероятно, что к несомненным достоинствам монографии относится "... пересмотр общей хронологии сарматских памятников прохоровской культуры, уточнение хронологии некрополей Аполлонии Понтийской..." Эти вопросы, как верно пишет С.В. Полин, действительно остались незамеченными в рецензии, однако лишь по причине моей недостаточной в них компетентности. Я думаю, что здесь весьма ценными будут мнения специалистов по этим проблемам. В особенности любопытно было бы узнать точку зрения болгарских коллег по поводу предложенной С.В. Полиным корректировки хронологии некрополей Аполлонии.

Более подробно хотелось бы остановиться на двух аспектах, которые в значительной степени задают тон вокруг дискуссии о проблеме III в. до н.э. Первый касается состояния хронологических индикаторов для этого столетия, да и эпохи эллинизма в целом. Их "размытость" угнетает даже археологов-античников, перед которыми сейчас остро стоит проблема хронологии сельских поселений III в. до н.э. О проблемах, стоящих перед варвароведами, сказано уже достаточно, в том числе и в книге С.В. Полина. Все эти проблемы, или по крайней мере большинство из них, в конечном итоге упираются в создание надежной хронологической системы, которое может идти по двум сходящимся направлениям. Одно из них – это использование по сути готовой схемы античных хроноиндикаторов. Первенство последних по части узких датировок достаточно очевидно. Однако массовость их поступления для III в. до н.э. не может идти ни в какое сравнение с предыдущим столетием. В итоге эти хроноиндикаторы не обеспечивают должным образом даже ближайшие к колонизационным анклавам области Барбарикума. Причина в отсутствии спроса, за которым стоит резкое сокращение числа потребителей, причем как в степи, так и на хоре греческих полисов. Трудности заключаются еще и в том, что как раз для античных хроноиндикаторов эпохи эллинизма крайне актуальна проблема согласования их интервалов, которые к тому же для III в. не так узки, как для IV или V вв. Особенно ощутим этот контраст на примере чернолаковой керамики. Довольно яркой иллюстрацией к сказанному может быть и ситуация, сложившаяся с некоторыми рабочими схемами амфорного клеймения. Пример колоссального разброса дат дают синопские штампы, в частности 3–6-хронологических групп, которые должны интересовать нас в первую очередь. Много неясного и в хронологии "поздних" фасосских клейм, опять-таки главным образом тех, которые датируются в пределах III в. Хронологические разработки для амфорной тары этого столетия также весьма далеки от тех замечательно узких дат, которые ныне предлагаются для типов амфор IV в. Впрочем выход в свет фундаментальной работы В.И. Каца по клеймам Херсонеса Таврического свидетельствует о том, что наведение порядка среди античных хроноиндикаторов III в., и в частности среди амфорных клейм, вполне возможно (Кац В.И., 1994).

Второе направление заключается в разработке и сведении в систему скифских (скифо-сарматских) хроноиндикаторов. Я думаю, что отсутствие такой системы до сих пор – во многом результат той беззаботной жизни, которую гарантировал скифологам в данном случае массовый античный импорт IV в. до н.э. А в результате для более позднего периода, плохо обеспеченного этим плохо разработанным импортом, налицо явные хронологические несуразности, подобные той, которую демонстрирует датировка одного из комплексов Беляусского могильника, предложенная С.В. Полиным (Щукин М.Б., 1994, с. 86). На определенном этапе оба эти направления, конечно же, должны дополнять друг друга. Так, при выходе на абсолютные даты скифо-сарматских хроноидикаторов использование античной схемы, по-видимому, неизбежно. Наверняка придется учитывать и центральноевропейскую хронологическую систему, и тогда латенские фибулы из неопубликованных скифских могильников Нижнего Подунавья, возможно, обретут приличествующий им статус датирующих, а не датируемых ("бронзовыми наконечниками стрел"!) вещей.

Самой же большой неожиданностью для меня явилось то, что полемический запал контррецензии, затронув едва ли не все фактические моменты, прошел мимо концептуального положения, которое по сути и являлось основным объектом критики. Я говорю о самой концепции кризиса III в. в Северном Причерноморье, обусловленного, согласно С.В. Полину, климатическим фактором. Когда в рецензии шла речь об отсутствии фундамента для этой концепции, то имелось в виду отсутствие анализа специальной литературы, к которой С.В. Полин почему-то причисляет ряд сугубо археологических работ, ссылаясь на них для подтверждения своей точки зрения. Список же специальных исследований по данной проблеме, который мы находим в библиографическом приложении, производит впечатление некритически отобранного, по сути случайного. Прежде всего эти работы отличают задачи разного уровня, которые были перед ними поставлены. Многие из них выполнены с применением различных методик, поэтому для верификации теории климатического коллапса заимствованные результаты необходимо было сопоставить и попытаться свести если и не в целиком единую систему, то хотя бы в некий кластер понятийно близких схем. В данном же случае создается впечатление того, что критерием отбора литературы являлись вариации фразы на тему снижения увлажненности и нарастания аридности во второй половине I тыс. до н.э. Кстати, с этим никто не спорит. Но речь идет лишь об общей тенденции к аридизации, которая только наметилась в рамках эллинистической эпохи с переходом от влажного климатического тренда к умеренному[1], тенденции, ксеротермический пик которой, соответствовавший теперь уже началу засушливого этапа, придется на середину I тыс. н.э. (эпоха Великого переселения народов, крушения античной цивилизации), тенденции, которую ни в коем случае нельзя понимать как однонаправленно-линейный процесс, но для которой характерны свои плюсовые и минусовые микрофазы (осцилляции). Что же касается той картины событий, которую рисует С.В. Полин, то она бесспорно нуждается в некоем мощном внешнем катализаторе и в этом случае чем-то может напоминать упадок минойского Крита в результате санторинской катастрофы.

Решение общих вопросов историко-археологических реконструкций предполагает знакомство с конкретным материалом. Почему же экологические модели древности можно создавать по наитию, не утруждая себя знакомством с методиками, лежащими в основе этого моделирования? Изучение иловых отложений... (Полін С.В., 1984, с. 28) без сомнения важный элемент, но лишь элемент в комплексе таких методик. Для эпохи голоцена среди них можно назвать геологию и гидрогеологию, палинологию и гидрологию, почвоведение, археоботанику и археозоологию и др. Только с учетом максимально возможного числа таких методик (хотя бы на уровне сопоставления их данных) можно говорить о проведении более или менее масштабных реконструкций в области древней экологии. А кроме того, весьма желательно, чтобы такая комплексность основывалась на какой-то из имеющихся теорий обусловленности климатической (ландшафтно-климатической) ритмики[2]. В данном случае для меня и моих коллег это концепция увлажненности А.В. Шнитникова[3]. Очень верное замечание по поводу того, что мнение одного авторитета (здесь А.В. Шнитникова) не должно ограничивать пределы поиска, С.В. Полин по сути адресует сам себе, когда из фундаментальной теории увлажненности он использует отдельные внеконтекстные положения и общие фразы (Полін С.В., 1984, с. 28, 29), не уяснив одного из главных моментов в этой теории – продолжительности ритмов климатической этапности. Я уже не говорю об их обусловленности, поскольку для такого эпизода, как смена археологических культур (в данном случае скифской на сарматскую), первого было бы вполне достаточно.

Несколько слов о формах и приемах полемики. Я признателен С.В. Полину за комплимент в отношении стиля рецензии, однако не могу ответить ему взаимностью по поводу стиля контррецензии. Вызывающий, по мнению С.В. Полина, тон рецензии всего лишь задан манерой изложения в самой монографии. Весь тот набор уничтожающих эпитетов, которыми согласно С.В. Полину изобилует рецензия, присутствует в книге, правда в

---

[1] Начало нимфейской трансгрессии черноморского бассейна в III–II вв. до н.э. – одно из наиболее ощутимых и ярких проявлений такой тенденции (Бруяко И.В. и др., 1991, с. 31, прил. рис. 1; Бруяко И.В., Карпов В.А., 1992, с. 88, 96, табл.).

[2] В противном случае комплексность попросту будет отсутствовать.

[3] Кстати, о концепции А.В. Шнитникова в рецензии за неимением места не было сказано ни слова, зато об этом говорится в других работах (Петренко В.Г., 1992; Бруяко И.В., 1993), с содержанием которых, по-видимому, ознакомился С.В. Полин.

безличной форме. Внимательный читатель найдет там и "менторско-наставительный тон", и "своеобразное толкование отдельных моментов", "апломб" и многое другое.

В заключение хочу отметить, что упрек в мой адрес по поводу отсутствия альтернативного варианта развития событий в III в. до н.э. справедлив лишь отчасти. Дело в том, что такой вариант в виде достаточно объемной статьи уже четвертый год кочует по портфелям различных редакций и издательств. И вовсе не потому, что он настолько плох. Причины подобной мобильности чисто технические. По последним данным он осел в редколлегии одного весьма солидного издания, и я надеюсь на то, что отсюда эта работа выйдет в напечатанном виде и может быть придаст новый импульс дискуссии о событиях III в. до н.э. в Северном Причерноморье.

Одесский археологический музей
НАН Украины

И.В. Бруяко

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бруяко И.В., 1993. Демография и экономика населения Северо-Западного Причерноморья во второй половине VII – начале III вв. до н.э. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.

Бруяко И.В., 1995. С.В. Полин. От Скифии к Сарматии. Киев, 1992 // РА. № 1.

Бруяко И.В., Карпов В.А., 1992. Древняя география и колебания уровня моря (на примере северо-западной части Черноморского бассейна в античную эпоху) // ВДИ. № 2.

Бруяко И.В., Карпов В.А., Петренко В.Г., 1991. Изменение уровня Черного моря от эпохи камня до средних веков (по результатам исследования северо-западного шельфа) // Изучение памятников истории и культуры в гидросфере. Сер. Памятниковедение. Вып. 2. М.

Кац В.И., 1994. Керамические клеймы Херсонеса Таврического. Каталог-определитель. Ч. 1–2. Саратов.

Петренко В.Г., 1992. Опыт корреляции климатических и культурных ритмов // Северо-Западное Причерноморье. Ритмы культурогенеза. Тез. докл. конф. Одесса.

Полін С.В., 1984. Про сарматське завоювання ПівнІчного Причерномор'я // АрхеологІя. № 45.

Щукин М.Б., 1994. На рубеже эр. // Российская археологическая библиотека. № 2. СПб.

К ИЗДАНИЮ КОРПУСА СВЕТИЛЬНИКОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Светильники наряду со многими другими категориями античных памятников в нашей стране долгое время были малоизученными. Еще недавно на русском языке существовал лишь тщательно выполненный каталог светильников из собрания Эрмитажа, опубликованный еще в начале века (Вальдгауэр О.Ф., 1914). Лишь в 60–70-е годы началось изучение светильников из других коллекций. Лучше всего в настоящее время исследованы светильники из Херсонеса, которым был посвящен целый ряд статей (Щеглов А.Н., 1961; Кадеев В.И., 1969; 1970; Кадеев В.И., Сорочан С.Б., 1985, 1989; Сорочан С.Б., 1981; 1982; Сорочан С.Б., Шевченко А.В., 1983 и др.). Отдельные статьи были посвящены изучению светильников из Ольвии (Иофа Т.И., 1964; Никонов И.Е., 1969), Тиры (Сон Н.А., Сорочан С.Б., 1988), Пантикапея (Забелина В.С., 1992), Патрея (Никонов И.Е., 1964; Стручалина Р.А., 1977). В 1988 г. была опубликована книга Т.М. Арсеньевой (Арсеньева Т.М., 1988), посвященная светильникам Танаиса. Из работ последних лет на русском и украинском языках необходимо выделить каталоги светильников из собраний археологических музеев Одессы (Левина Э.А., 1992) и Полтавы (Захожай Г.О., 1994). К сожалению, полиграфическое качество последних двух работ затрудняет даже поиск аналогий в этих публикациях. Этим практически исчерпывается вся отечественная библиография изучения светильников. Готовившаяся в течение многих лет В.И. Кадеевым и С.Б. Сорочаном монографическая публикация римских светильников из Херсонеса до сих пор не издана.

© Д.В. Журавлев, Л. Хршановски, 1997 г.

Все это происходит на фоне обилия многочисленных зарубежных обобщающих работ и каталогов светильников даже из крошечных провинциальных музеев Европы, Азии и Северной Африки. За последние 20 лет были коренным образом пересмотрены многие вопросы, связанные с типологией, хронологией, центрами производства светильников.

После первых изданий, специально посвященных светильникам, написанных Г. Дресселем (Dressel H., 1899) и З. Лешке (Loeschke S., 1919), в которых была заложена основа изучения этой категории материала, а также других книг, например первой публикации светильников Британского музея (Walters H.B., 1914), были созданы многочисленные работы, из которых мы упомянем лишь некоторые.

В 1930 г. был опубликован каталог светильников, найденных при раскопках в Коринфе (Broneer O., 1930). Специальные работы были посвящены светильникам из Паннонии (Ivanyi D., 1935), а также публикации светильников из раскопок Афинской агоры классического и эллинистического (Howland R.H., 1958), а также римского времени (Perlzweig J., 1961). Необходимо также отметить классификацию светильников кипрского происхождения (Vessberg O., 1953).

Подробно были опубликованы также светильники из Карфагена (Deneauve J., 1969), Дакии (Iconomu C., 1967). В 1973 г. была создана важная работа, классифицировавшая италийские светильники позднереспубликанского времени (Ricci M., 1973). В 1975 г. Е. Буки была опубликована первая полная типология Firmalampen, которая базировалась на светильниках из Аквилеи (Buchi E., 1975). Также можно выделить важные работы, посвященные типологии светильников римского времени из Швейцарии (Leibundgut A., 1977), и попытку создания единой классификации всех античных светильников (Provoost A., 1976).

Огромное значение имеют работы Дональда Бейли, опубликовавшего в нескольких томах светильники из собрания Британского музея (Bailey D.M., 1975; 1980; 1988), а также музея Виктории и Альберта в Лондоне (Bailey D.M., 1965) и раскопок в Беренисе (Ливия) (Bailey D.M., 1985). В этих работах Д. Бейли разработана новая классификация светильников и предложены узкие датировки. Его работы исчерпывающи для многих типов античных светильников и являются сейчас настольной книгой всех специалистов в этой области.

Большие изменения произошли также в изучении позднеантичных и раннехристианских глиняных светильников. Наибольшие шаги в этой области были сделаны за последние 30 лет. В первую очередь упомянем важнейшую статью Г. Пола (Pohl G., 1962), создавшего новую типологию этих светильников, которая с небольшими добавлениями и изменениями (Graziani Abbiani M., 1969; Hayes J.W., 1972; Ennabli A., 1976; Mackensen M., 1980; Pavolini C., 1981; 1982) действует до настоящего времени. Из последних работ выделим публикацию светильников африканского производства из собрания Римского Национального музея, в которой была сделана попытка разработать новую полную типологию всех позднеримских светильников (Barbera M., Petriaggi R., 1993), а также публикацию светильников из римских катакомб (Provoost A., 1970; впоследствии доработана в книге: Marconi Cosentino R., Ricciardi L., 1993).

Кроме того, в последние несколько лет изданы каталоги многих крупнейших музеев: Стамбула (Kassab Tezgör D., Sezer T., 1995), Софии (Кузманов Г., 1992), Национальной библиотеки в Париже (Hellmann M.-C., 1985; 1987; Trost C., Hellmann M.-C., 1966), уже упомянутая исчерпывающая публикация собрания Британского музея и многие другие издания.

Существует специальная книга М.Т. Амаре (Amare M.T., 1980), посвященная библиографии светильников римского времени. К сожалению, она может претендовать на относительную полноту только для западных провинций Римской империи. Тема, например, "Светильники Понтийского региона" остается по-прежнему белым пятном.

Часть этих книг широко известна в России, на некоторые даже были опубликованы подробные рецензии в печати (Беляев С.А., 1971).

Среди зарубежных читателей светильники из Северного Причерноморья известны плохо из-за языкового барьера (особенно это относится к светильникам местного производства). Информация исчерпывается лишь немецким изданием каталога Вальдгауэра (Waldhauer O., 1914). В европейских музеях хранится лишь незначительное число светильников из "Южной России", приобретенных в разное время: в Майнце (Menzel H., 1969), Варшаве (Bernhard M.L., 1955), Берлине (Heres G., 1969; 1972) и Лондоне (Bailey D.M., 1980).

Государственный Исторический музей по праву считается одним из крупнейших собраний древностей с территории бывшего СССР. Основанный в 1872 г., музей обладает огромной коллекцией археологических памятников от палеолита до позднего средневековья. Крупное собрание древностей греко-римского периода известно далеко за преде-

Рис. 1. Бронзовый светильник из Клименковского хутора

лами России (подробную характеристику античных коллекций ГИМ см.: Сорокина Н.П., Журавлев Д.В., 1993; Журавлев Д.В., 1997).

Формирование коллекции античных памятников началось с самого момента основания музея. Для коллекций "Юга России" и тесно связанных с ними византийских древностей были выделены залы А. Б, В. Первоначально Российский Исторический музей, не проводя археологических раскопок собственными силами, вынужден был приобретать предметы из частных собраний. В это время музею было передано в дар множество интересных памятников. Из крупнейших коллекций, попавших в Исторический музей, выделим собрания графа А.С. Уварова (поступило из Поречья после национализации большевиками всех частных коллекций), И.Е. Забелина (см.: Сорокина Н.П., 1992), С.И. Чижова, М.П. Боткина, П.О. Бурачкова и многих других коллекционеров.

С началом широкомасштабных археологических работ, организованных Императорской Археологической Комиссией, отдельные коллекции поступили в собрание Исторического музея. Далеко не всегда представляется возможным выделить комплекс, из которого эти вещи происходят. Кроме того, в то время существовала практика раздела комплексов между крупнейшими музеями. К наиболее крупным и интересным собраниям можно отнести материалы из раскопок Ю.А. Кулаковского, К.Е. Думберга, В.В. Шкорпила в Пантикапее, Б.В. Фармаковского в Ольвии, Э.В. Штерна на Березани, К.К. Косцюшко-Валюжинича в Херсонесе, А.Л. Бартье-Делагарда в Феодосии, П.М. Леонтьева и В.Г. Тизенгаузена в Танаисе, А.А. Миллера на Елизаветовском городище, В.Д. Блаватского в Хараксе.

В собрании ГИМ представлены многочисленные находки с территории Азиатского Боспора. Это материалы из Фанагории (раскопки М.М. Кобылиной), городища Кепы (раскопки Н.И. Сокольского) и его некрополя (раскопки Н.П. Сорокиной), многочисленных крепостей-батареек, резиденции Хрисалиска (раскопки Н.И. Сокольского) и многих других мест. Во всех этих коллекциях представлены светильники разнообразных типов.

Отдельные светильники происходят из сарматских погребений. В частности, широко известен бронзовый светильник из Клименковского хутора (Яценко И.В., 1962; Либеров П.Д., 1965, табл. 25, *1–3*; Treister M.Y., 1996, p. 90, fig. 13) (рис. 1). Один светильник найден в могильнике Бельбек IV в Юго-Западном Крыму (Гущина И.И., 1982, рис. 7, *11*; Гущина И.И., Журавлев Д.В., 1996, рис. 2, *5*).

Кроме светильников с территории Северного Причерноморья, в музее хранятся отдельные экземпляры, происходящие из зарубежных стран, в частности из римских катакомб (часть из них происходит из собрания бывшего Румянцевского музея, остальные – дары частных лиц). Ранее эти светильники хранились в Отделе Византийских древностей Исторического музея. Несколько светильников являются случайными находками или покупками. Также не всегда возможно определить, откуда происходят светильники из многих частных собраний (например, в коллекции графа А.С. Уварова очень немногие находки имеют точный паспорт). Помимо светильников античного и ранневизантийского времени в

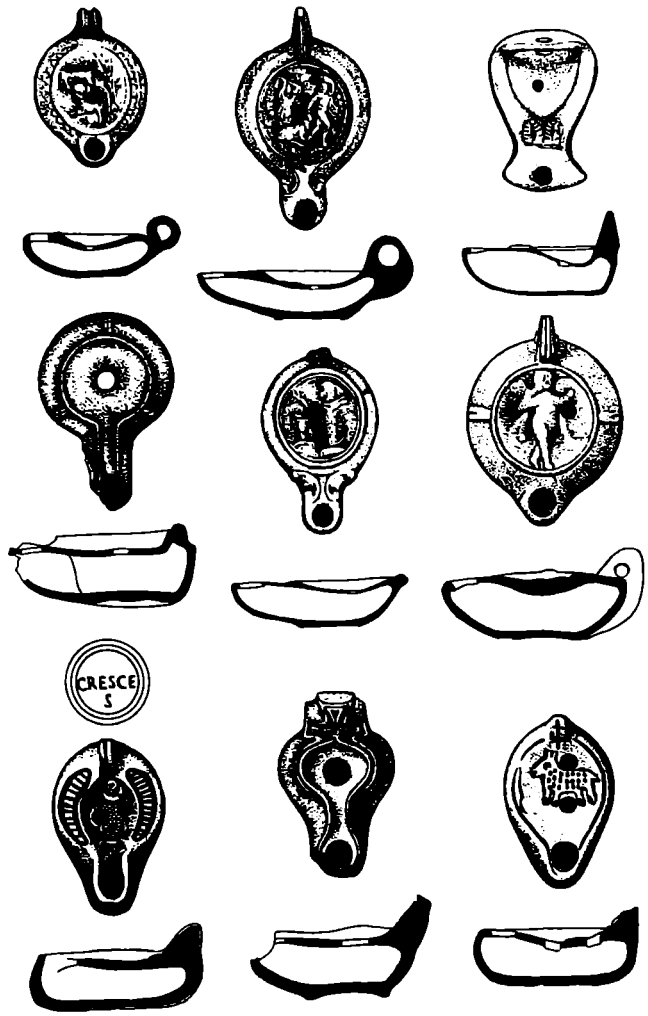


Рис. 2. Светильники из Херсонеса

Историческом музее хранятся и средневековые светильники, например из византийского Херсона (Из варяг в греки..., 1996, № 799).

Несмотря на то что в коллекции светильников Государственного Исторического музея представлены практически все основные типы светильников и в ней присутствует ряд уникальных экземпляров, она оставалась в течение многих лет практически неизвестна для специалистов. Были опубликованы только отдельные светильники из Танаиса (Арсеньева Т.М., 1988, с. 40, 41, № 19–22; с. 43, № 6–7 и др.), Херсонеса (Кадеев В.И., Сорочан С.Б., 1989, рис. 20, *2* и др.), Кепского некрополя (Сорокина Н.П., 1963, рис. 23, *4*), дома Хрисалиска (Сокольский Н.И., 1976, рис. 54, *2–4*) и некоторых других мест.

Авторы этой небольшой заметки поставили перед собой задачу издания подробного полного каталога светильников античного и византийского времени из собрания ГИМ. Всего в собрании музея насчитывается более 1000 глиняных и бронзовых светильников. В настоящее время подготовлен к печати первый том издания, в который войдут светильники из Херсонеса (из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича, Н.В. Пятышевой, собраний С.И. Чижова, А.М. Подшивалова и А.С. Уварова). Каталог иллюстрирован как рисунками (рис. 2), так и фотографиями всех светильников, к которым сделаны подробные комментарии и приведена сводка находок аналогичных изделий со всей территории античного мира. Классификация светильников, вошедших в каталог, основана на работах Г. Дресселя, З. Лешке, Д. Бейли и других исследователей (в книге будут приведены рисунки основных типов светильников и их составных частей из этих классификаций). Издание осуществляется параллельно на русском и английском языках.

Предполагается, что первый том каталога – светильники из Херсонеса – будет опубли-

кован уже в 1997 г. После публикации работа над последующими выпусками будет продолжена.

В связи с тем, что подготовка (не говоря уже об издании) подобного каталога требует больших денег, мы обращаемся с просьбой к отечественным и зарубежным научным фондам, организациям и частным лицам оказать финансовую поддержку проекту.

Государственный Исторический музей, Москва
Швейцарский Институт, Рим

Д.В. Журавлев,
Л. Хршановски

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Арсеньева Т.М., 1988. Светильники Танаиса. М.

Беляев С.А., 1971. Рец.: Jean Deneauve. Lampes de Carthage (Centre de recherches sur l'Afrique Mediterraneene. Serie archeologie). Editiones de Centre Nationale de la recherche scientifique. Paris, 1969 // СА. № 4.

Вальдгауэр О.Ф., 1914. Античные глиняные светильники СПб.

Гущина И.И., 1982. О локальных особенностях культуры населения Бельбекской долины Крыма в первые века н.э. // Археологические исследования на юге Восточной Европы. Ч. 2. Тр. ГИМ. Вып. 54. М.

Гущина И.И., Журавлев Д.В., 1996. Римский импорт из могильника Бельбек IV // Тез. докл. Отчетной сессии Государственного исторического музея. М.

Журавлев Д.В., 1997. Коллекции из Херсонеса в собрании Государственного Исторического музея // ВДИ. № 3.

Забелина В.С., 1992. Античные глиняные светильники из раскопок Пантикапея // Археология и искусство Боспора. Сообщения Государственного музея Изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. Вып. 10. М.

Из варяг в греки и из грек ... Каталог выставки Государственного Исторического музея, 1996. М.

Иофа Т.И., 1964. Краснолаковые светильники // Ольвия. Теменос и агора. М.; Л.

Захожай Г.О., 1994. Збірка античных свiтильникiв у Полтавi // Полтавський археологiчний збірник. Вип. 2. Полтава.

Кадеев В.И., 1969. Импортные светильники I–IV вв. н.э. из Херсонеса // СА. № 3.

Кадеев В.И.,1970. Очерки истории экономики Херсонеса в I–IV вв. н.э. Харьков.

Кадеев В.И., Сорочан С.Б., 1985. Египетские и сирийские светильники первых веков нашей эры из Херсонеса // Вестн. Харьк. ун-та. № 268.

Кадеев В.И., Сорочан С.Б., 1989. Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н.э. – V в. н.э. (на материалах Херсонеса). Харьков.

Кузманов Г., 1992. Антични лампи. Колекция на Националния археологически музей. София.

Левина Э.А., 1992. Античные светильники Одесского археологического музея (I–VI вв. н.э.). Одесса.

Либеров П.Д., 1965. Памятники скифского времени на Среднем Дону // САИ. Вып. Д1–31.

Никонов И.Е., 1964. Светильники Патрэя // Уч. зап. МГПИ им. В.И. Ленина. № 217. М.

Никонов И.Е., 1969. Светильники, хранящиеся в Ольвийском заповеднике // Университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы. Сб. науч. работ аспирантов. Вып. IV.

Сокольский Н.И., 1976. Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М.

Сон Н.А., Сорочан С.Б., 1988. Античные светильники из Тиры // Античные древности Северного Причерноморья. Киев.

Сорокина Н.П., 1963. Раскопки некрополя Кеп в 1961 г. // КСИА. Вып. 95.

Сорокина Н.П., 1992. И.Е. Забелин и античные коллекции ГИМ // И.Е. Забелин. 170 лет со дня рождения. Тр. ГИМ. Вып. 81. Ч. II. М.

Сорокина Н.П., Журавлев Д.В., 1993. Коллекции памятников из античных центров Северного Причерноморья в собрании Государственного Исторического музея (г. Москва) // ВДИ. № 4.

Сорочан С.Б., 1981. О сирийско-палестинском импорте первых веков нашей эры в Херсонесе // Актуальные проблемы археологических исследований в УССР. Киев.

Сорочан С.Б., 1982. Про так званi рубчастi свiтильники з Херсонеса // Археологiя. Вып. 38.

Сорочан С.Б., Шевченко А.В., 1983. Западнопонтийские светильники III–IV вв. из Херсонеса // Вестн. ХГУ. Вып. 238.

Стручалина Р.А., 1977. Светильник в форме головы Силена из Патрэя // АМА. Вып. 3. Саратов.

Щеглов А.Н., 1961. Светильники с клеймом XPYCOY // Сообщ. Херсонесского музея. Вып. 2. Симферополь.

Яценко И.В., 1962. Раннее сарматское погребение в бассейне Северного Донца // КСИА. Вып. 89.

Amare M.T., 1980. Lucernas romanas: generalidades y bibliografia. Zaragoza.

Bailey D.M., 1965. Lamps in the Victoria and Albert Museum // Opuscula Atheniensia VI. Lund.

Bailey D.M., 1975. Catalogue of the Lamps in the British Museum. London. I. Greek, Hellenistic and early Roman Pottery Lamps. Oxford.
Bailey D.M., 1980. Catalogue of the Lamps in the British Museum. London. II. Roman Lamps made in Italy. Oxford.
Bailey D.M., 1985. Excavations at Sidi Khrebish Benghazi (Berenice). V. III. Part 2. The Lamps. Tripoli.
Bailey D.M., 1988. Catalogue of the Lamps in the British Museum. London. III. Roman provincial Lamps. Oxford.
Barbera M., Petriaggi R., 1993. Le lucerne tardo-antiche di produzione africana. Museo Nazionale Romano. Nuova Serie, 5. Roma.
Bernhard M.L., 1955. Lampki starozytne. Warszawa.
Broneer O., 1930. Corinth IV, 2. Terracotta Lamps. Cambridge.
Buchi E., 1975. Lucerne del museo di Aquileia. V. I. Lucerne Romane con marchio di fabbrica. Aquileia.
Deneauve J., 1969. Lampes de Carthage. Paris.
Dressel H., 1899. Lucernarum Formae, Corpus Inscriptiones Latinarum XV, II, 1. Berlin.
Ennabli A., 1976. Lampes chrétiennes de Tunisie (musées du Bardo et de Carthage). Paris.
Graziani Abbiani M., 1969. Lucerne fittili paleocristiane // Studi di Antichità Cristiane 6. Bologna.
Hayes J.W., 1972. Late Roman Pottery. London.
Hellmann M.-C., 1985. Lampes antiques de la Bibliothèque Nationale: I. Collection Froehner. Paris.
Hellmann M.-C., 1987. Lampes antiques de la Bibliothèque Nationale: II. Fonds Général: Lampes pré-romaines et romaines. Paris.
Heres G., 1969. Die punischen und griechischen Tonlampen der Staatichen Museen zu Berlin. Berlin.
Heres G., 1972. Die römischen Bildlampen der Berliner Antiken-Sammlung. Berlin.
Howland R.H., 1958. The Athenian Agora IV. Greek Lamps and their Survivals. Princeton.
Iconomu C., 1967. Opaite greco-romane. Bucuresti.
Ivanyi D., 1935. Die pannonischen Lampen. Budapest.
Kassab Tezgör D., Sezer T., 1995. Catalogue des lampes en terre cuitu musée archéologique d'Istanbul. T. 1. Époques protohistorique, archaique, classique et hellênistique. Istanbul.
Leibundgut A., 1977. Die Römischen Lampen in der Schweiz. Bern.
Loeschke S., 1919. Lampen aus Vindonissa. Zürich.
Mackensen M., 1980. Spätantike nordafrikanische Lampen-model und Lampen // Bayerische Vorgeschichtsblätter. 45.
Marconi Cosentino R., Ricciardi L., 1993. Catacomba di Commodilla. Lucerne ed altri materiali dalle gallerie 1, 8, 13 // Studia Archaeologica. 66.
Menzel H., 1969. Antike Lampen im Römisch-Germanischen Zentralmuseum zu Mainz. Mainz.
Pavolini C., 1981. Terra Sigillata: Lucerne // Enciclopedia dell'Arte Antica, Atlante delle forme ceramiche I. Roma.
Pavolini C., 1982. Le lucerne in Terra Sigillata Africana da esportazione: proposte di una tipologia // Actes du Colloque sur la Céramique Antique. Carthage. 23–24 juin 1980. Carthage.
Perlzweig J., 1961. Lamps of the Roman Period. The Athenian Agora VII. Princeton.
Pohl G., 1962. Die frühchristliche Lampe vom Lorenzberg bei Epfach, Landkreis Schongau. Versuch einer Gliederung der Lampen vom Mediterranen Typus // Aus Bayern Frühzeit, Festschrift F. Wagner, Schriftenreihe zur Bayerischen Landesgeschichte 62. München.
Provoost A., 1970. Les lampes à récipient allongé trouvées dans les catacombes romaines. Essai de classification typologique // Bull. l'Institut Historique Belge de Rome. XLI.
Provoost A., 1976. Les lampes antiques en terre cuite // L'Antiquitê Classique. XLV.
Ricci M., 1973. Per una cronologia delle lucerne tardorepubblicane // Rivista di Studi Liguri. XXXIX.
Treister M.Y., 1996. Essays on the Bronzeworking and Toreutics of the Pontus // Colloquia Pontica 1. New Studies on the Black Sea Littoral.
Trost C., Hellmann M.-C., 1996. Lampes antiques du département des Monnaies, Médailles et Antiques: III. Fonds général, Lampes chrêtiennes. Paris.
Vessberg O., 1953. Hellenistic and Roman Lamps in Cyprus // Opuscula Atheniensia I. Lund.
Waldhauer O., 1914. Kaiserlische Ermitage. Die antiken Tonlampen. SPt.
Walters H.B., 1914. Catalogue of the Greek and Roman Lamps in the British Museum. London.

О ДАТИРОВКЕ СИБИРСКИХ ПЕТРОГЛИФОВ

(письмо в редакцию)

В недавно появившемся сборнике ("Актуальные проблемы Сибирской археологии". Тезисы докл. к конф. Барнаул, 1996 г. / Под ред. канд. ист. наук А.Б. Шамшина) опубликованы тезисы А.И. Мартынова, посвященные одной из важнейших проблем изучения наскального искусства – проблеме хронологии (Мартынов А.И., 1996, с. 8–12).

Написанные не столько в полемичной, сколько в запальчивой манере тезисы, может быть, и следовало лишь принять к сведению, если бы в этой работе не содержались не только грубые фактические ошибки, но и искажение точек зрения исследователей, критикуемых А.И. Мартыновым. Поскольку в тезисах критике ряда моих концепций уделено довольно значительное место, более того, некий мой "призыв"(?!) (Мартынов А.И., 1996, с. 10), по выражению Анатолия Ивановича, "...подхвачен, развит как программа действий, и мы уже сталкиваемся с другими нелепостями" (Мартынов А.И., 1996, с. 10), то я, как ученый, которому небезразлично собственное реноме, позволил себе написать это письмо.

Трудно не согласиться с тезисом А.И. Мартынова о сложности датирования наскальных изображений (Мартынов А.И., 1996, с. 8), поэтому для меня остается загадкой, почему попытки выйти на аргументированную, обоснованную датировку отдельных памятников наскального искусства, предпринятые независимо друг от друга И.В. Ковтуном и мной, были восприняты Анатолием Ивановичем чуть ли не как личное оскорбление.

Между тем свою статью, которая так возмутила А.И. Мартынова, я как раз и написал потому, что шансы исследователей доказать датировки петроглифов значительного района Северной Азии сейчас существенно увеличились.

В свое время А.А. Формозов справедливо продемонстрировал возможности датировки сибирских петроглифов на основе сопоставления наскальных изображений с окуневскими сюжетами, выявленными на плитах в захоронениях этой культуры (Формозов А.А., 1967, с. 73, 74, 78, 79, 81). Такой подход позволил объективно датировать целый пласт изображений. Ведь сравнения наскальных рисунков, выполненных на одном материале (камень) и одними способами (выбивка, гравировка или краска), значительно более корректны, чем сопоставление их с другими видами пластического или декоративно-прикладного искусства, как это часто делается при датировке наскальных изображений. Думаю, излишне на страницах этого письма показывать слабые стороны подобных сопоставлений.

Открытие А.П. Погожевой (Погожева А.П., Кадиков Б.Х., 1979, с. 80–84), а затем В.Д. Кубаревым (1988) – своеобразных памятников эпохи бронзы на Горном Алтае, объединенных мною в каракольскую культуру (Молодин В.И., 1991, с. 9–13), (что подтверждено сегодня новыми находками) (Кубарев В.Д., Ларин Р.В., Суразаков А.С., 1992; Кубарев В.Д., Соенов В.М., Эбель А.В., 1992), дало возможность для объективного датирования наскальных изображений, что и было предпринято мною в статье, критикуемой А.И. Мартыновым (Молодин В.И., 1993). Успешно используются изображения каракольской культуры для датировки ряда алтайских петроглифов и другими учеными (Кубарев В.Д., Маточкин Е.П., 1992; Кубарев В.Д., 1992).

Разумеется, я вполне отдаю себе отчет в том, что в предлагаемом подходе тоже имеются уязвимые места. Назову главные: 1) нет абсолютной уверенности в том, являются ли изображения на плитах из окуневских и каракольских могил одновременными с самими могилами или же они более древние; 2) проблематично, одновременны ли все изображения на каракольских и окуневских плитах или растянуты во времени на сотни лет.

Вопросы эти принципиальны, не бесспорны, однако свое видение проблемы и развернутую аргументацию на этот счет я подробно изложил в той же статье (Молодин В.И., 1993). Однако ни одного возражения по существу мы у А.И. Мартынова не находим.

С чем же несогласен мой уважаемый оппонент? Прежде всего, его не устраивает тезис о том, что доказательство датировки лосей Турочакских писаниц окуневским временем позволяет подобным же образом датировать значительную часть изображений этого животного, выполненного в аналогичной манере. Но, во-первых, речь идет лишь о значительной части подобных изображений. Это абсолютно очевидно, поскольку традиция характерных изобразительных приемов продолжается и в более позднее, чем эпоха бронзы, время. Она возникает раньше, возможно в эпоху неолита.

© В.И. Молодин, 1997 г.

Как же можно отличить более древние изображения, выполненные в "скелетной" манере, от более поздних? Такую возможность следует извлекать, анализируя стилистические особенности конкретных изображений и композиций, выявляя определенные особенности, свойственные иконографической манере передачи образов конкретного культурно-хронологического массива. В данном случае это отмеченный мною прием особого выделения задней части туловища животного, занимающий значительное место в изображениях окуневского искусства. Не так ли поступает и сам А.И. Мартынов в соавторстве с акад. А.П. Окладниковым, а затем с А.А. Ломтевой, датируя изображения лосей с вертикально штрихованным туловищем Новороmановской писаницы кулайским временем (Окладников А.П., Мартынов А.И., 1972; Мартынов А.И., Ломтева А.А., 1993), т.е. эпохой раннего железа?

Существуют и другие способы датировки отдельных изображений, когда последние бесспорно являются частью какой-то хорошо датируемой композиции. Наверное, на этом основании мой оппонент совместно с Б.Н. Пяткиным справедливо относит к окуневским изображение лося с заштрихованным вертикальными полосами туловищем (Пяткин Б.Н., Мартынов А.И., 1986, с. 15, рис. 14, с. 54–56, 122). Почему же это не вызвало у него каких-либо сомнений?

Подобным подходом продиктован и другой мой вывод, так удививший А.И. Мартынова, о том, что существенную часть петроглифов Енисея и Томи следует отнести к окуневскому времени. Это действительно так, и я не случайно не указываю на конкретные памятники, потому что с каждым случаем необходимо разбираться особо, а это совсем не входило в задачи моего исследования.

К сожалению, большая часть анализируемой работы А.М. Мартынова построена таким образом, что читателю невозможно разобраться, кого же критикует в данный момент ее автор: Молодина, Ковтуна или сразу обоих, поэтому, да простит меня уважаемый критик, если я где-то отвечу и за своего коллегу, хотя проблемами петроглифов Томи ни в этой, критикуемой А.И. Мартыновым статье, ни в других пока специально не занимался и разделяю далеко не все построения, предлагаемые в интересной монографии И.В. Ковтуна и в его не менее интересной диссертации (Ковтун И.В., 1993; 1995). Впрочем, походя от А.И. Мартынова "достается" и другим специалистам по наскальному искусству – М.А. Дэвлет, С.В. Студзицкой, А.А. Формозову, В.Н. Чернецову, которые, оказывается, порождали различные, в большинстве своем не развитые или просто ничем не подкрепленные высказывания, в том числе по Томской писанице.., датирующие изображения лосей эпохой бронзы" (Мартынов А.И., 1996, с. 9). При этом якобы я и И.В. Ковтун принимаем (по-видимому, из-за авторитета этих специалистов) такую датировку без тени сомнения (Мартынов А.И., 1996, с. 9).

Данную посылку прокомментировать вообще сложно хотя бы потому, что названные специалисты, отдавшие значительную часть своей творческой жизни изучению сибирских петроглифов, как раз отличались тем, что каждоый свой тезис, предлагаемую датировку, стремились обосновывать и доказывать. Достаточно упомянуть хотя бы рассуждения С.В. Студзицкой по поводу фигурки лося из Бааихи, на основании сопоставления с которой строилась датировка изображений Томской и Тутальской писаниц акад. А.П. Окладниковым и А.И. Мартыновым (Студзицкая С.В., 1987, с. 325). Упрёк в мой адрес в излишнем преклонении перед авторитетами в данном случае несостоятелен хотя бы потому, что, повторяю, проблемам датировки Томских писаниц моя статья не посвящена; еще более странно звучит он по отношению к И.В. Ковтуну, поскольку в его монографии имеет место историографический раздел, где объективно и детально разбираются точки зрения исследователей (при этом всех, кого упоминает А.И. Мартынов, и тех, кого он не упоминает!) и отчетливо показаны собственные позиции автора, излагаемые, кстати, невзирая на авторитеты (Ковтун И.В., 1993, с. 16–24).

Отдельные высказывания А.И. Мартынова просто удивляют. Ну как, например, можно отнестись к его конструкции под названием "гуляющая" археология? (Мартынов А.И., 1996, с. 9). Я сомневаюсь, чтобы уважаемый критик не представлял бы себе очевидного, что традиции в искусстве, в данном случае речь идет о стиле, способны не только распространяться во времени, но и иметь известное, причем часто довольно-таки широкое, распространение в пространстве.

Как справедливо подчеркивал акад. Ю.В. Бромлей, под традицией следует понимать стороны культуры или ее элементы, характеризующиеся устойчивостью, преемственностью, повторяющейся из поколения в поколение (Бромлей Ю.В., 1973, с. 67, 78). Обрядовая деятельность человека, с которой, по-моему, самым непосредственным образом

связано наскальное искусство, является одним из компонентов традиции (Массон В.М., 1989, с. 20). Дабы тезис не выглядел абстрактно, приведу пример. Сравните изображения антропоморфных существ памятника окуневской культуры Тас-Хазаа и таких же существ, изображенных на плитах каракольской культуры Алтая. Их очевидная близость объясняется общими для данных культур стилистическими традициями, а не "гуляющей" без понятия границ и времени археологией (Мартынов А.И., 1996, с. 9). Существуют изобразительные традиции, территориально распространяющиеся еще более широко. Это, например, скифо-сибирский звериный стиль.

Ничего, кроме удивления, не может вызвать упрек еще в одной "нелепости". «Уже можно прочитать выводы о том, – пишет А.И. Мартынов, – что А.П. Окладников и кто с ним работал все наскальное искусство относили к неолиту, что изображение на Томи тоже якобы все датировали неолитом (Ковтун И.В., 1993, с. 16–37), хотя достаточно открыть книгу "Сокровища Томских писаниц", чтобы убедиться в том, что это не так» (Мартынов А.И., 1996, с. 10). Чтобы убедиться или в "нелепости" и безграмотности (?), или недобросовестности (?) ее автора, давайте откроем монографию И.В. Ковтуна на рекомендуемых Анатолием Ивановичем страницах 16–37. Цитирую: "...необходимо заметить, что часть изображений на Новороmановской писанице была датирована А.П. Окладниковым и А.И. Мартыновым концом I тыс. до н.э., по аналогии с предметами художественного литья лесной зоны Западной Сибири, а культурная принадлежность этих рисунков определена как кулайская (Окладников А.П., Мартынов А.И., 1972, с. 242, 244)" (Ковтун И.В., 1993, с. 18). Читаем дальше: "Относительно личин и солярных знаков автором (имеется в виду Н.В. Леонтьев. – *М.В.*), в принципе, изложена точка зрения А.П. Окладникова и А.И. Мартынова, которые синхронизировали эти петроглифы с изобразительным комплексом самусьско-окуневского пласта (Окладников А.П., Мартынов А.И., 1972, с. 187–191)" (Ковтун И.В., 1993, с. 19). Здесь, как говорится, комментарии излишни.

Ну а как следует относиться к таким высказываниям А.И. Мартынова? Цитирую: "...несомненно также перекрытие рисунка быка лосем на второй Турочакской..." (Мартынов А.И., 1996, с. 9) или "...нет ничего необычного в том, что бык Турочакской писаницы перекрывается лосем, характерным для другой историко-культурной зоны искусства" (Мартынов А.И., 1996, с. 11). А в чем собственно дело? – удивится читатель. Дело в том, что никаким лосем изображение быка на второй Турочакской писанице вовсе не перекрывалось и сказано об этом, кстати, не в одной, а в нескольких статьях, посвященных этому памятнику (Маточкин Е.П., 1986, с. 20–23; Молодин В.И., Маточкин Е.П., 1992; Молодин В.И., 1993, рис. 1, 3–5).

К сожалению, в рецензируемой работе есть и еще немало такого, чего нет на самом деле, что попросту приписывается мне А.И. Мартыновым без каких-либо ссылок на мои работы. Так, по мнению А.И. Мартынова, я "не понимаю" (Мартынов А.И., 1996, с. 11), что к датировке памятников первобытного искусства следует подходить конкретно, что "ангарский" стиль широко представлен в пространстве и времени, что художественный стиль слабо изменчив во времени, что к палимпсестам я отношусь "почти магически" и т.д. (Мартынов А.И., 1996, с. 11, 12). С этими очевидными и далеко не столь очевидными, как кажется А.И. Мартынову, постулатами можно соглашаться, в чем-то они, разумеется, справедливы, с чем-то можно и нужно спорить, однако в таком случае критику необходимо следовать этическим правилам, присущим научной дискуссии, конкретно разбирая ту или иную точку зрения своего оппонента. О какой же этике может идти речь, если по проблеме тех же палимпсестов идет буквально перекладывание, что называется, с больной головы на здоровую!

В упомянутой выше статье я касаюсь этой проблемы: «Чрезвычайно интересные результаты были получены при исследовании Шалаболинских петроглифов Б.Н. Пяткиным и А.И. Мартыновым. Работая над значительным количеством палимпсестов, обнаруженных на памятнике, исследователи пришли к совершенно правильному выводу: "Анализ случаев взаимоперекрывания одностилистических рисунков свидетельствует о принадлежности их к одной большой группе изображений, характеризуемых единой художественной традицией. Зафиксированные факты повторяемости перекрывания лошадей сохатыми, сохатых быками, быков лошадьми и т.д. свидетельствуют в пользу одновременности их создания, т.е. создания в одну эпоху, что подтверждается единством стиля этих изображений" (Пяткин Б.Н., Мартынов А.И., 1985, с. 120–121). После такой посылки совершенно алогичным выглядит следующий вывод авторов: "На Шалабалинских сколах есть случаи перекрывания ранних изображений рисунками окуневского времени (Камень 33). Именно поэтому можно говорить о доокуневских композициях, широко представленных на

Шалаболинских скалах" (Пяткин Б.Н., Мартынов А.И., 1985, с. 121). С одной стороны, авторы пишут о том, что многократное перекрытие еще не говорит о существенной хронологической разнице рисунков, с другой – тут же разделяют их на окуневские и доокуневские. К сожалению, авторы не учитывают, что окуневские изображения наносились и краской, и выбивкой, и граффити (Максименков Г.А., 1981, с. 35–41), причем сочетание этих различных способов исполнения рисунка нередко встречается на одних и тех же композициях и рисунках» (Молодин В.И., 1993, с. 13).

Аналогичным образом мое отношение к палимпсестам демонстрируется в полемике с Я.А. Шером по поводу стелы из Знаменки (Молодин В.И., 1993, с. 14).

А.И. Мартынов упрекает И.В. Ковтуна в том, что "по причине непрофессионализма или в угоду желаемому в публикации вдруг обнаруживается то, что чего нет на самом деле на скале". Так получилось с якобы окуневской личиной, перекрывающейся лосем на Висящем Камне (Ковтун И.В., 1993, с. 70). Ее просто нет там" (Мартынов А.И., 1996, с. 12).

Я вполне допускаю, что любой, даже блестящий специалист по петроглифам может в чем-то и не разобраться, по-своему интерпретировать какие-то сюжеты. Я не был на Висящем Камне и судить мне об этом изображении однозначно сложно. В монографии И.В. Ковтуна на рис. 69(*1*) и 70 представлены фотографии с мекалентной копии, которые как будто эту личину и лося демонстрируют (Ковтун И.В., 1993). Но даже если Ковтун ошибся, приняв за личину нечто иное, А.И. Мартынов не мог не знать, когда писал свою критическую работу, что на Второй Новороmановской писанице сотрудниками музея-заповедника "Томская писаница" обнаружены изображения антропоморфного существа, аналоги которому надежно датируются эпохой бронзы и которое перекрывается изображением лося (Barinova E., Rusakova J., 1995, p. 18, fig. 2).

Удивляет и то обстоятельство, что, по-видимому, для А.И. Мартынова чужды сомнения по многим проблемам, связанным с наскальным искусством. Отсюда – безапелляционность заявлений, которая служит плохую службу критику. Так, Анатолий Иванович констатирует, что "наскальное искусство нельзя считать отражением выделенных нами археологических культур, оно самостоятельно, имеет свои тенденции развития и не является дополнением к археологическим культурам, как это стараются представить" (Мартынов А.И., 1996, с. 11). Иными словами, наскальное искусство, по А.И. Мартынову, следует понимать как особое, не связанное с археологическими культурами явление. Однако эта проблема решается не так просто, как представляется А.И. Мартынову. Конечно, памятники наскального искусства бывает трудно связать с конкретной археологической культурой (по крайней мере, эту связь очень трудно доказать), речь может идти об эпохе или даже эпохах, для которых характерны определенные стилистические традиции в искусстве. Однако распространение этих традиций все равно будет пространственно ограничено, и, следовательно, в таком случае можно говорить, что данный вид творчества был присущ носителям нескольких культур, существовавших в определенное время на ограниченной, хотя и, вероятно, весьма широкой территории.

Однако имеют место случаи, когда памятники наскального искусства удается связать с конкретной археологической культурой. Так, ряд писаниц Минусинской котловины, несомненно, принадлежит окуневской культуре (Леонтьев Н.В., 1976, с. 32–36; Сунгугашев Я.И., 1990, с. 206–208 и др.), а ряд изображений томских писаниц исследователи, в том числе и А.И. Мартынов, справедливо связывают с кулайской культурой (Чернецов В.Н., 1971, с. 105; Бобров В.В., 1972, с. 26, 27; Окладников А.П., Мартынов А.И., 1972, с. 242, 244; Мартынов А.И., Ломтева А.А., 1993, с. 194–200).

По-видимому, это отсутствие сомнений и приводит А.И. Мартынова к искреннему удивлению, когда он восклицает: "Наконец, почему надо отвергать неолитическое происхождение притомского наскального искусства, его своеобразие и традиционность, отрицать несомненную связь с образцами лосей в лесной неолитической пластике" (Мартынов А.И., 1996, с. 10). Да потому, мой уважаемый оппонент, что этот, казалось бы, такой веский аргумент при строгом анализе уже таковым не кажется. Более того, появляются новые находки, порождающие новые идеи, с которыми невозможно не считаться. Такой анализ ничуть не отвергает "своеобразие" и "традиционность" томских изображений, как ничуть не умаляет титанического труда, положенного многими исследователями (и Анатолием Ивановичем Мартыновым в том числе) на их изучение.

Вынося нам с Ковтуном "приговор", констатируя, что подобные попытки "перестройки хронологии" "только уводят нас от поисков истинных путей построения хронологии" (Мартынов А.И., 1996, с. 12), Анатолий Иванович апеллирует к опыту зарубежных исследователей этой проблематики. Оказывается, пишет далее А.И. Мартынов: "Это уже поняли в

зарубежной археологии и пошли по пути разработки типолого-хронологических таблиц" (Мартынов А.И., 1996, с. 12), а вот отечественные археологи этим, оказывается, не занимаются, а лишь увлекаются "сомнительными сравнениями и глобальными выводами" (Мартынов А.И., 1996, с. 12).

Уважая опыт зарубежных коллег, которые действительно добились сегодня многого в изучении наскального искусства, не могу не отметить тем не менее, что советской, а теперь российской школе петроглифоведения всегда был присущ конкретно-исторический подход к источникам, в том числе и к памятникам наскального искусства.

Схемы, о которых А.И. Мартынов говорит как о чем-то новаторском, были разработаны отечественными археологами для многих регионов Евразии уже десятилетия тому назад. Разве не такую схему предложил акад. А.П. Окладников для восточносибирских петроглифов (Окладников А.П., 1955, рис. 104), разве не такую схему разработали Э.А. Новгородова для наскального искусства Монголии (Новгородова Э.А., 1984; 1989, с. 318, 319), Н.Н. Кочмар для Якутии (Кочмар Н.Н., 1994, с. 243, табл. 299), а М.А. Дэвлет для Тувы (Дэвлет М.А., 1982)? Однако для разработки таких схем необходимо надежно датировать опорные памятники, выявить датируемые сюжеты, показать общее и традиционное, определить возможные новации.

Прочитав это письмо и работу А.И. Мартынова, кто-то, возможно, скажет, что в тезисах трудно было дать развернутое изложение своих идей и поэтому Молодин чего-то не понял и сгустил краски. Разумеется, избранная Анатолием Ивановичем форма критического анализа творчества коллег далеко не самая удачная, однако в какую бы форму ни была облечена критика, она лишь тогда окажется позитивной, когда не будет допускать искажений точки зрения оппонента и будет сопровождаться конкретными ссылками или даже цитатами тех мест, с которыми критик не согласен. Наконец, критика должна быть конструктивной и доброжелательной, не унижающей и не оскорбляющей личности исследователя. Иными словами, критика должна носить академический характер. Именно академизма, к сожалению, и недостает рассматриваемой работе А.И. Мартынова.

Институт археологии и этнографии
Сибирского отделения РАН, Новосибирск

В.И. Молодин

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бобров В.В., 1972. Сходство изображений оленей из бронзы и на петроглифах // Матер. зонального совещ. археологов и этнографов. Тез. докл. Томск.

Бромлей Ю.В., 1973. Этнос и этнография. М.

Дэвлет М.А., 1982. Петроглифы на кочевой тропе. М.

Ковтун И.В., 1993. Петроглифы Висящего Камня и хронология томских Писаниц. Кемерово.

Ковтун И.В., 1995. Изобразительные традиции эпохи бронзы на юге Западной Сибири (Нижнее Притомье и сопредельные регионы). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул.

Кочмар Н.Н., 1994. Писаницы Якутии. Новосибирск.

Кубарев В.Д., 1988. Древние росписи Каракола. Новосибирск.

Кубарев В.Д., 1992. Каракольские сюжеты в новых петроглифах Алтая // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников арехологии Алтая. Матер. конф. Горно-Алтайск.

Кубарев В.Д., Ларин О.В., Суразаков А.С., 1992. Новый памятник каракольской культуры в с. Беш-Озек // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии Алтая. Матер. конф. Горно-Алтайск.

Кубарев В.Д., Маточкин Е.П., 1992. Петроглифы Алтая. Препринт. Новосибирск.

Кубарев В.Д., Соенов В.И., Эбель А.В., 1992. О новых памятниках каракольской культуры в с. Озерном // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии Алтая. Матер. конф. Горно-Алтайск.

Леонтьев Н.В., 1976. Наскальные рисунки Коровьева лога // Изв. Сиб. Отделения АН СССР. Сер. обществ. наук. Вып. 3. Новосибирск.

Мартынов А.И., 1996. О принципах датировки наскального искусства Сибири // Актуальные проблемы сибирской археологии. Тез. докл. к конф. Барнаул.

Мартынов А.И., Ломтева А.А., 1993. О хронологической и культурной принадлежности Новороmановских петроглифов // Современные проблемы изучения петроглифов. Кемерово.

Массон В.М., 1989. Первые цивилизации. Л.

Маточкин Е.П., 1986. Новые петроглифы Бии // Памятники древних культур Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск.

Молодин В.И., 1991. Развитая бронза Горного Алтая // Проблемы поздней бронзы и перехода к эпохе железа на Урале и сопредельных территориях. Уфа.

Молодин В.И., 1993. Еще раз о датировке турочакских писаниц (Некоторые проблемы хронологии и культурной принадлежности петроглифов Южной Сибири) // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул.

Молодин В.И., Маточкин Е.П., 1992. Вторая Турочакская писаница Горного Алтая // Природа. № 8.

Новгородова Э.А., 1984. Мир петроглифов Монголии. М.

Новгородова Э.А., 1989. Древняя Монголия. М.

Окладников А.П., 1955. История Якутской АССР. Т. I. М.; Л.

Окладников А.П., Мартынов А.И., 1972. Сокровища томских писаниц. М.

Погожева А.П., Кадиков Б.Х., 1979. Могильник эпохи бронзы у поселка Озерного на Алтае // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск.

Пяткин Б.Н., Мартынов А.И., 1985. Шалаболинские петроглифы. Красноярск.

Студзицкая С.В., 1987. Искусство Восточного Урала и Западной Сибири в эпоху бронзы // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. Археология СССР. М.

Сунгугашев Я.И., 1990. Петроглифы у Малого озера в Хакассии // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. М.

Формозов А.А., 1967. О наскальных изображениях эпохи камня и бронзы в Прибайкалье и на Енисее // СЭ. № 3.

Чернецов В.Н., 1971. Наскальные изображения Урала // САИ. Ч. II. М.

Barinova E., Rusakova J., 1995. New Rock Art sites by the Tom river (West Siberia) // International newsletter on Rock Art. № 10. Paris.

Хроника

Второй украинско-российский археологический семинар "Эпоха бронзы Доно-Донецкого региона" (Капитаново, 1996) и российско-украинская научная конференция "Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи" (Воронеж, 1996)

Второй украинско-российский полевой археологический семинар (первый проведен в 1995 г., см. "Эпоха бронзы доно-донецкого региона". Луганск, 1995) состоялся в июле 1996 г. в рамках совместных полевых исследований Центральнодонецкой археологической экспедиции Института археологии НАН Украины и кафедры археологии Воронежского госуниверситета на базе памятников Капитановского археологического микрорайона (Луганская обл., Украина). В его работе приняли участие исследователи из Киева, Донецка, Перевальская (Украина), Воронежа, Москвы (Россия), а также Кембриджа (Великобритания).

Открывая семинар, *В.В. Отрощенко* (Институт археологии НАН Украины) и *А.Д. Пряхин* (Воронежский государственный университет) отметили позитивные стороны совместного украинско-российского сотрудничества, а также перспективы его дальнейшего развития. В последовавшем затем докладе А.Д. Пряхина была подчеркнута значимость доно-донецкого региона в осмыслении проблематики эпохи бронзы степи и лесостепи Восточной Европы. Важное место в этом занимает изучение археологических микрорайонов, в том числе и Капитановского.

В докладе *М. Левин* и *Ю.А. Рассамакина* (Кембридж, Киев) "О проблеме археозоологических исследований памятников неолита – бронзы Украины" были приведены интересные данные по вопросу доместикации лошади. Подняты проблемы, касающиеся описания археозоологических остатков, реконструкции древней экологии, хозяйства, социальных и религиозных систем. Сделан вывод, что большое количество костных останков лошади на поздненеолитическом поселении Дереивка свидетельствует об использовании лошади преимущественно в качестве охотничьей добычи, а не ее доместикации, как считалось ранее.

В.В. Отрощенко (Киев) в докладе "Южноуральский очаг культурогенеза на оси пассионарных толчков" сделал попытку совместить идею выделения волго-уральского очага культурогенеза, предпринятую В.С. Бочкаревым, с идеей пассионарных толчков Л.Н. Гумилева. Автор предложил использовать более удачный, на его взгляд, термин "южноуральский очаг культурогенеза", поскольку именно на этой территории сосредоточены памятники синташтинской археологической культуры. Они свидетельствуют о качественно новых изменениях в политическом, экономическом, культурном, технологическом уровнях жизни. Как отметил В.В. Отрощенко, если новая дата памятников синташтинской культуры (не позднее конца первой четверти II тыс. до н. э.) получит доказательства, то можно говорить о приоритете южноуральского очага над переднеазиатским на оси пассионарных толчков.

В докладе *Л.А. Черных* (Киев) "К вопросу о происхождении кованых слабовыпуклых блях в комплексах ранней бронзы Украины" на основании тщательного типологического анализа, а также технологических наблюдений был сделан вывод о местном производстве данной категории украшений в отличие от традиционно принятого подхода к ним как к кавказскому импорту.

Доклад *А.Д. Пряхина* и *А.С. Саврасова* (Воронеж) "К оценке традиций производственной деятельности в абашевско-срубное время" был посвящен изучению воронежского археологического микрорайона поселений доно-волжской абашевской и донской лесостепной срубной культур со следами металлургии и металлообработки. Показано, что количество памятников со свидетельствами производственной деятельности находится в прямой зависимости от числа находящихся поблизости поселков без следов производства. В обсуждении доклада Я.П. Гершкович заметил, что такая тенденция характерна и для сабатиновских памятников Нижнего Поднепровья.

Авторы отметили преемственность развития технологических традиций абашевской металлообработки

© И.Е. Сафонов, 1997 г.

для срубной культуры лесостепного Подонья, которые проявляются в цикле производства глиняных литейных форм, каменных орудиях труда, литейном производстве.

В сообщении *В.И. Беседина* (Воронеж) "Историографический комментарий к покровской проблеме" была предпринята попытка показать изменения подходов к оценке покровских древностей в связи с развитием представлений об относительной хронологии абашевских и срубных памятников.

В докладе *Р.А. Литвиненко* (Донецк) объектом изучения стали роговые и костяные пряжки, одна из интереснейших категорий инвентаря, известная в ряде культур конца средней – начала поздней бронзы. Докладчиком была представлена общая типолого-хронологическая схема пряжек культуры многоваликовой керамики (выделено четыре группы). Прослеживается встречаемость определенных групп пряжек в различных культурных образованиях эпохи бронзы.

Доклад *Ю.М. Бровендера* (Перевальск) "Материалы картографирования бытовых памятников срубной культуры в Среднем Подонцовье" познакомил участников семинара с результатами картографического анализа поселений эпохи поздней бронзы, расположенных по берегам Айдара, Деркула, Оскола, Камышной и других рек. Картографирование выполнено с учетом хронологических памятников срубной культуры, что позволило показать динамику количества поселений и возможные пути миграций срубного населения.

И.Е. Сафонов (Воронеж) на основании изучения орнаментальных композиций сосудов срубной культурно-исторической общности с календарной символикой попытался выявить связь региональных особенностей этой символики с природно-климатическими условиями.

Доклад *Н.П. Герасименко* и *Я.П. Гершковича* (Киев) "К палеоэкологии бассейна Северского Донца и северо-восточного Приазовья в эпоху поздней бронзы" был посвящен результатам исследования многослойного поселения Глубокое Озеро 2 (с. Ямполь, Донецкая обл.). Палеопочвоведческое и палинологическое изучение образцов с этого поселения позволило реконструировать древнюю экологическую систему данной местности. На основании стратиграфических наблюдений произведена синхронизация слоев Глубокого Озера с горизонтами срубных поселений Северо-Восточного Приазовья (раскопки В.Н. Горбова).

Одно из заседаний семинара было проведено непосредственно на поселении Капитаново I. Был заслушан доклад *А.Г. Акулова* и *М.А. Бойцовой* (Москва) "Опыт раскопок сооружений с грунтовой архитектурой на поселении Капитаново I". Авторы предложили применять при раскопках памятников восточноевропейской степи и лесостепи среднеазиатскую методику выявления грунтовых сооружений, в результате чего резко повышается процент информативной отдачи археологического комплекса. Это было продемонстрировано докладчиками на пробном раскопе поселения Капитаново I.

Доклад вызвал несомненный интерес участников семинара. Состоялась оживленная дискуссия, на которой высказывались прямо противоположные точки зрения о возможности использования указанной методики. Тем не менее было высказано предложение о продолжении работ в тесном сотрудничестве с палеопочвоведами, геохимиками, палеопедологами.

Кроме докладов выступавших, были также зачитаны сообщения ученых, которые не смогли принять участие в работе семинара.

На заключительном заседании *А.Д. Пряхин*, *В.В. Отрощенко* и другие участники подчеркнули плодотворность результатов работы второго семинара, ярко выраженный научно-исследовательский характер представленных докладов, отметили целесообразность проведения в следующем 1997 г. на базе памятников Капитановского микрорайона третьего, уже теперь очередного, полевого семинара по проблемам эпохи бронзы Доно-Донецкого региона. В ходе общей дискуссии А.Д. Пряхин предложил продолжить обсуждение затронутых на нем проблем на научной конференции "Доно-донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи".

Конференция проходила 30 сентября – 2 октября 1996 г. в г. Воронеже. К открытию конференции в двух выпусках изданы тезисы докладов и материалы как российско-украинской научной конференции, так и второго украинско-российского полевого семинара (см. "Доно-донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи". Воронеж, 1996. Вып. 1, 2").

Были заявлены доклады учеными из Москвы, Петербурга, Киева, Донецка, Воронежа, Уфы, Саратова, Барнаула, Екатеринбурга и других городов России и Украины. К сожалению, не все доклады, опубликованные в сборниках, были представлены на конференции.

Конференция открылась докладом *В.В. Отрощенко*, *Ю.М. Бровендера*, *А.Д. Пряхина* и *В.И. Беседина* (Воронеж) "Украинско-российская экспедиция по изучению Капитановского археологического микрорайона памятников эпохи бронзы (итоги работ 1995–1996 гг.)", который познакомил участников конференции с результатами работ экспедиции.

Доклад *А.Д. Пряхина*, *А.С. Саврасова*, *В.В. Отрощенко* и *Ю.М. Бровендера* был посвящен обследованию рудника № 1 рудопроявлений Картамыш и близлежащей территории (хутор Червоно Озеро, Луганская обл.). Обрисована перспективность будущих исследований как рудника, так и бытовых памятников в его окрестностях. Время его функционирования предположительно относится к эпохе поздней бронзы. Были найдены орудия труда (молоты, мотыги), связанные с добычей руды и вскрышными работами.

Результаты трассологического изучения этих орудий были освещены в сообщении В.В. Килейникова.

В.В. Отрощенко в докладе "О происхождении и распространении склепов колесничих" проанализировал культурные традиции сооружения склепов колесничих. Первоначально склеп колесничего представлял из себя конструкцию, моделирующую ритуальный домик, с поставленной внутрь повозкой. Позднее, когда колесницы перестали использовать в качестве обязательного атрибута погребального инвентаря, традиция проявляется в строгом размещении умершего и жертвенных животных в погребении. Распространение склепов колесничих с востока на запад в виде длинной цепочки отмечает главное направление движения синташтинского импульса.

Доклад *А.Т. Синюка* (Воронеж) "К социальной интерпретации некоторых погребений эпохи бронзы" был посвящен выявлению археологических комплексов с погребениями вождей-жрецов. Особое внимание автор уделил тем категориям инвентаря, которые наиболее отчетливо фиксируют такое социальное положение погребенных. К культурным индикаторам типично культового назначения отнесены шилья, "связки" шило–нож, курильницы, деревянные чаши, полированные топоры, навершия булав и прочие предметы.

В докладе *В.С. Горбунова* (Уфа) "Срубная культура как объект реконструкции организационных структур, власти и управления населения позднего бронзового века степи и лесостепи Восточной Европы" затронуты вопросы социологического и политологического характера, каковыми являются реконструкции системы управления, власти и организации общества племен срубной общности. Докладчиком отмечается унификация (стандартизация) их духовной и материальной культуры, огромная роль рудного дела, проводятся параллели с древневосточным обществом.

В.И. Беседин выступил с докладом «Об одном "новом" подходе к оценке абашевских древностей», где дал критический анализ концепции абашевских древностей, излагаемой О.В. Кузьминой. По его мнению, нет никаких оснований для удревнения абашевских памятников средневолжского региона, омоложения и вывода из абашевского круга древностей доно-волжской лесостепи. Подчеркнуто, что выводы О.В. Кузьминой не вытекают из проведенного ею детального анализа абашевских материалов.

В докладе *Р.А. Литвиненко* (Донецк) "Памятники Северского Донца в системе доно-донецкой производственной зоны эпохи поздней бронзы" очерчиваются перспективы и проблемы изучения доно-донецкой производственной зоны металлургии и металлообработки. Выделены три группы поселений, имеющих свидетельства производственных циклов. В качестве одного из источников, дающего важную информацию об уровне развития металлообрабатывающего производства, привлечены материалы могильников.

Доклад *Ю.А. Чекменева* (Воронеж) "Об использовании огня в погребальном ритуале населения Среднего Дона в катакомбное время" посвящен мало изученному аспекту духовной культуры катакомбного населения – культу огня и его отражению в погребальной практике.

В докладе *Ю.М. Бровендера* изучено культурное соотношение различных групп керамики со смешанными абашевскими, многоваликовыми чертами с поселений Среднего Подонцовья. Автором учтено 84 раннесрубных памятника, изучавшихся в результате раскопок или же на основании анализа подъемного материала. Установлено, что памятники поздней культуры многоваликовой керамики оказываются синхронными покровским раннесрубным (по терминологии Р.А. Литвиненко), а сам многоваликовый керамический комплекс оказывается более долговечным, чем покровский.

В докладе *Ю.П. Матвеева* (Воронеж) "Костяные пряжки и относительная хронология культур эпохи бронзы Донецко-Волжского региона" по-новому рассмотрены относительные датировки ряда памятников, принадлежащих катакомбным, КМК, абашевским, покровским и раннесрубным древностям. В качестве основного датирующего элемента выступают хорошо известные костяные пряжки, типы которых соответствуют определенным хронологическим позициям памятников археологических культур рубежа средней и поздней бронзы.

В сообщении "Преемственность и инновации в раннесрубных погребальных комплексах Саратовского Поволжья" *А.И. Юдин* (Саратов) представил материалы курганных могильников Кочетное, Золотая гора и Яблоня, которые, по его мнению, дают достаточно подробную характеристику раннесрубных погребальных памятников, в материалах которых не отмечаются покровские признаки. В качестве подосновы такого рода памятников выступает катакомбная среда. Покровские же захоронения, как замечает А.И. Юдин, синхронны раннесрубным и отражают более высокий социальный ранг умерших.

Доклад *А.С. Саврасова* "Металлические изделия донской лесостепной срубной культуры" был посвящен общей оценке металлических изделий с точки зрения их типологии и ассортимента. В докладе систематизированы и проанализированы практически все известные на сегодняшний момент бронзовые изделия срубной культуры лесостепного Подонья.

И.И. Дремов (Саратов) познакомил с материалами кургана покровского времени у с. Березовка под Саратовом. Ключевое место в докладе занимает анализ инвентаря, в частности сопоставление находок наконечников копий с наличием в таких погребениях деревянных чаш с бронзовыми обкладками, что символизировало совмещение функций вождя и жреца.

В докладе "Знаки на сосудах средней бронзы доно-донецкого региона" *А.Д. Пряхин* и *Е.Ю. Захарова* (Воронеж) остановились на проблеме зарождения феномена "сосудов со знаками". Важным является вывод о

появлении такого рода керамики во время, предшествующее формированию срубной культурно-исторической общности, где она получает наибольшее распространение. Авторы находят истоки знаковых систем на сосудах доно-волжской абашевской культуры, среднедонской и донецкой катакомбных культур и культуры многоваликовой керамики.

В докладе *В.Н. Горбова* (Донецк) "Раннесрубные поселенческие комплексы северо-восточного Приазовья" приводятся данные по выделению раннесрубных поселений Приазовья, выявляется их специфика. Основным источником послужили материалы поселений Безыменное I (раскопки автора) и Раздольное.

Сообщение *И.Е. Сафонова* «"Священные" числа и восприятие времени в абашевском и срубном мире" посвящено выявлению основных числовых закономерностей в орнаменте керамики эпохи бронзы и их взаимосвязи с так называемыми "священными числами"».

А.Н. Усачук (Донецк) в докладе "Трассологический анализ костяных изделий срубного поселения Красный Яр на Дону" остановился на вопросах атрибуции костяных орудий труда и их связи с древнейшими производствами (кожевенным, косторезным, ткаческим).

Совместный доклад *А.Б.* и *Б.П. Ахтырцевых*, *А.Д. Пряхина* (Воронеж) посвящался комплексным почвенно-археологическим исследованиям в лесостепи и степи доно-донецкого региона. Сделана попытка реконструкции ландшафтной зоны, исследованы экологические изменения в регионе, почвенном покрове, обусловленные последовательной сменой первичного почвообразования в условиях перигляционной степи.

Все затронутые доклады и сообщения вызвали большой интерес у участников конференции. Кроме того, было продолжено обсуждение ряда проблем, обозначившихся ранее на Капитановском семинаре.

В процессе работы конференции участники посетили Подклетненский могильник эпохи бронзы, после чего был проведен круглый стол "Подклетненский могильник в системе памятников абашевской культурно-исторической общности". Он состоялся в Музее археологии ВГУ, где была развернута экспозиция материалов этого памятника. В рамках круглого стола заслушан доклад *А.Д. Пряхина* и *В.И. Беседина*, в котором докладчики показали длительность существования памятника, эволюцию погребального обряда и инвентаря, определили факторы изменений, выделили этапы в его развитии и попытались обосновать их синхронизацию с памятниками абашевской культурно-исторической общности в целом.

В обсуждении доклада были подчеркнуты значимость Подклетнинского могильника и необходимость скорейшей публикации результатов его исследования. Отмечено, что ряд положений являются дискуссионными и нуждаются в дальнейшей разработке.

На заключительном заседании в выступлениях *А.Д. Пряхина*, *В.С. Горбунова*, *В.В. Отрощенко*, *Р.А. Литвиненко* и др. были подведены итоги конференции, отмечена плодотворность возобновившегося сотрудничества и научных контактов российских и украинских археологов.

Воронежский государственный университет *И.Е. Сафонов*

Отчетная сессия Государственного Исторического музея по итогам полевых археологических исследований и новых поступлений в 1991–1995 гг. (Москва, 1996)

Традиции проведения археологических конференций в Государственном Историческом музее зародились достаточно давно. До 1939 г. каких-либо широкомасштабных научных мероприятий отчетного характера в музее не проводилось, а информация об археологических исследованиях "первого научного учреждения после ГАИМК по величине исследовательского коллектива и широте тем" (Эдинг Д.И., 1938, с. 19–22) периодически возникала на страницах разных научных изданий (см., например: Отчет ГИМ, 1926; Дмитриев П.А., 1937, с. 227, 228; Ельницкий Л.А., 1937, с. 191, 192; Эдинг Д.Н., 1938, с. 19–22; Первая Всероссийская..., 1939).

С 1941 г. периодически, а с 1952 г. достаточно регулярно, раз в несколько лет проводятся Археологические сессии Ученого совета ГИМ. На них, как правило, выступали от 14 до 21 докладчиков, за редким исключением – сотрудников ГИМ; иногда издаются материалы Сессии – сборники тезисов или статей (Первая Всероссийская..., 1939; Исторический музей..., 1941; Работы..., 1941; Экспедиции..., 1969). Первоначально такие конференции проводились раз в два года, а с начала 70-х – раз в пять лет. Хроника их проведения, как правило, публиковалась в журналах "Вестник древней истории" и "Советская археология" (Трубникова Н.В., 1951; 1953; Матвеева Л.П., 1958, 1961; Гущина И.И., 1963). Иногда сессии сопровождались выставками новых поступлений (например, 1985, 1991 гг.).

© Д.В. Журавлев, К.Б. Фирсов, 1997 г.

В 1950 г. в Государственном Историческом музее состоялась расширенная научная конференция с привлечением специалистов из других научных учреждений, на которой, в частности, обсуждался вопрос о понятии "археологическая культура" (Трубникова Н.В., 1951, с. 198, 199). Первый опыт удачной широкомасштабной конференции, к сожалению, не был использован в дальнейшем, и все последующие археологические пленумы ГИМ оставались по-прежнему достаточно локальными.

Последняя сессия, во время которой в Византийских залах была развернута археологическая выставка новых поступлений, состоялась в 1991 г. Однако в связи с ремонтом главного здания музея все мероприятия носили камерный характер; об издании тезисов докладов не могло быть и речи, хотя материалы к нему подготовлены были.

21–24 октября 1996 г. в Государственном Историческом музее состоялась Отчетная сессия по итогам полевых археологических исследований и новых поступлений в 1991–1995 гг. Нынешняя сессия проводилась более чем в непростых условиях. Более десяти лет закрыта экспозиция ГИМ, практически все коллекции упакованы. За последние годы выросло целое поколение, не знающее про Исторический музей и его богатейшие коллекции. Но несмотря ни на что, научная жизнь в музее не только не затихла, а напротив – развивалась. В последние годы в целом наметилась тенденция увеличения роли музеев в системе археологической науки в России (Zhuravlev D., Firsov K., 1996, p. 29, 30).

За последние годы фонды Государственного Исторического музея пополнились целым рядом очень интересных экспонатов. Несмотря на ставшие уже привычными для сегодняшего состояния науки и культуры материальные трудности, ежегодно музей финансировал до семи археологических экспедиций, привозящих коллекции в фонды музея. В связи с ликвидацией большинства хранилищ в Институте археологии РАН музей принял на хранение ряд коллекций, полученных в результате работ сотрудников смежных учреждений. Ряд уникальных экспонатов был получен для готовящейся экспозиции музея из различных организаций. В связи с этим было решено несколько изменить название Отчетной сессии и привлечь к участию в ней сотрудников экспедиций, сотрудничавших с Историческим музеем, передававших коллекции на хранение в ГИМ и работающих с материалами, хранящимися в фондах музея. Впервые за длительную историю этих сессий в программу также была включена подробная информация о новых поступлениях за последние годы[1]. К Отчетной сессии в Историческом музее открылась выставка новых поступлений за последние пять лет.

В последние годы ряд экспедиций Государственного Исторического музея (в первую очередь Верхне-Донская и Калмыцкая) начали тесно сотрудничать с представителями естественных наук. Поэтому было решено один из дней сессии посвятить докладам, основанным на результатах совместной работы археологов, почвоведов, геофизиков и других специалистов по естественным наукам в экспедициях ГИМ.

За 4 дня конференции был заслушан 41 доклад и 3 сообщения 53 авторов, показано 3 видеосюжета. Всего в Отчетной сессии ГИМ участвовало 159 человек, из них 121 – из различных научных учреждений, 38 – из ГИМ. В работе конференции принимали участие представители 40 организаций из 7 городов России (Москва, Санкт-Петербург, Тула, Рязань, Подольск, Нижний Новгород, Тюмень) и 2 городов ближнего зарубежья (Симферополь, Тбилиси).

В работе сессии в качестве докладчиков приняли участие сотрудники различных отделов Государственного Исторического музея, Института археологии РАН, Палеонтологического института РАН, Института географии РАН, Института геологии РАН, Московского государственного университета, Государственного Эрмитажа, археологического музея "Тульские древности", Тульского областного музея, Тульской археологической экспедиции, центра "Наследие" (г. Тула).

Конференцию открыл директор ГИМ *А.И. Шкурко*. В своем выступлении он приветствовал собравшихся в зале и пожелал участникам Отчетной сессии творческих успехов. Напомнив собравшимся о том непростом положении, в котором сейчас находятся наука и культура, выступавший выразил надежду, что проводимая сессия внесет важный вклад в дело развития науки и укрепит сотрудничество между специалистами из различных научных учреждений.

Доклад *И.В. Белоцерковской* (ГИМ) "Археологические экспедиции ГИМ в 1991–1995 гг. и комплектование фондов" являлся подведением итогов работы по пополнению фондов ГИМ за отчетные годы. География экспедиций музея остается по-прежнему широкой – Центральная Россия (Рязанская, Московская, Владимирская, Тульская, Ярославская, Смоленская области), Калмыкия, Северная Осетия. К сожалению, в связи с изменившейся политической ситуацией прекратила работу Крымская экспедиция, материал из Северокавказской экспедиции ГИМ поступает в музей г. Владикавказа. Однако коллекции пополняются не только за счет работы археологов музея. В последние годы из Институтов археологии, этнологии, истории материальной культуры РАН, МГУ, Челябинского государственного университета и других учреждений были получены разнообразные коллекции. Часть из них – материалы из Синташты и Хошеутова, плиты

[1] Начиная с 1990 г. в сборниках ГИМ дается информация о новых поступлениях в фонды отдела археологии ГИМ (Новые поступления..., 1990, с. 142–146; Недошивина Н.Г., 1994, с. 179–180; Новые поступления... (в печати)).

могильника Хара–Хая и первая московская берестяная грамота, гнездовский клад 1993 г. и коллекции Хорезмийской экспедиции – войдут в состав новой экспозиции ГИМ.

Доклад *Б.В. Мелешко* (ИА РАН) "В.А. Городцов. От методик к теории" был посвящен раннему этапу научной биографии известного русского археолога – периоду его становления как ученого. Проанализировав начальные научные шаги ученого, его первые труды, докладчик прослеживает путь В.А. Городцова от офицера Фанагорийского полка в Российский Исторический музей.

Историографическая тема была продолжена *В.Ю. Зуевым* (ГЭ), который в докладе "М.И. Ростовцев и Императорское Московское Археологическое общество" рассмотрел малоизученные страницы в истории отечественной науки. На основе документальных материалов, хранящихся в отделе письменных источников ГИМ, докладчик рассмотрел научные контакты академика М.И. Ростовцева с представителями Московского Археологического общества – графиней П.С. Уваровой, А.В. Орешниковым и В.А. Городцовым.

В дальнейшем работа Сессии продолжилась по секциям. Первое заседание, посвященное первобытной археологии, состоялось 21 октября (председатель – С.В. Студзицкая).

Доклад *Н.А. Хайкуновой* (ГИМ) "Структурные объекты на стоянке Третий Мыс" был посвящен анализу двух объектов на памятнике каменнобалковской культуры (ок. 12 тыс. лет назад), включающих в себя производственный центр со скоплением кремня, очаги, компактные скопления определимых костей животных. Автор в качестве варианта интерпретации предполагает, что исследована хозяйственно-бытовая зона, с жилым и производственным участком, последний из которых примыкал к очагу.

В докладе *А.Е. Кравцова* (ГИМ) "К хронологии иеневской мезолитической культуры" в результате комплексных исследований на основании сравнительно-типологического анализа археологического материала, серии радиоуглеродных дат и палинологических исследований на ряде мезолитических стоянок было показано, что процесс формирования иеневской культуры проходил на территории Волго-Окского междуречья на рубеже плейстоцена и голоцена. Бутовская и иеневская культура существовали более 1,5 тыс. лет на протяжении пребореального и бореального периодов голоцена и взаимодействовали между собой. Для утверждения о враждебности носителей этих культур оснований нет.

Доклад *М.Г. Жилина* (ИА РАН) "Многослойные торфяниковые поселения на Средней Дубне" был посвящен недавно открытому автором в среднем течении р. Дубны (Московская обл.) комплексу из 40 памятников эпохи камня и бронзы, из которых 5 были частично раскопаны. Среди находок – уникальные изделия из дерева и кости. Докладчик отметил, что комплексное изучение подобных памятников с использованием палинологического и радиоуглеродного анализов даст еще один опорный микрорайон для изучения каменного века Восточной Европы.

Т.В. Наумова (Археологический музей "Тульские древности") в докладе "Стоянки Мельгуново 6, 7, 8 на Верхнем Дону" познакомила собравшихся с результатами сбора подъемного материала на трех стоянках эпохи мезолита–неолита на территории Куликова поля.

Б.А. Фоломеев (ГИМ) в докладе "Исследования могильника Березовый рог" рассказал об исследованиях грунтового могильника в Рязанской области. Могильник существовал длительное время и был оставлен населением различной культурной принадлежности. Самые ранние погребения – поздняковские, однако они необычно сильно насыщены металлическими изделиями. Культурная принадлежность более поздних погребений пока не ясна.

Доклад *Е.Д. Каверзневой* (ГИМ) "Итоги работы Мещерской археологической экспедиции ГИМ (1992–1995 гг.)" был посвящен исследованиям многослойного поселения Шагара II, содержащего культурные остатки от мезолита до раннего железного века. На поселении были исследованы комплекс жилища с примыкавшей к нему хозяйственной площадкой, датирующиеся волосовским временем, 12 погребений поздней бронзы и один ритуальный комплекс с поздняковским сосудом. Анализу материала из этого поселения (более 8 тыс. находок) был посвящен доклад *А.В. Емельянова* (ГИМ) "Археологическая коллекция из раскопок Шагары II". В результате раскопок получено большое количество ямочно-гребенчатой и волосовской керамики, разнообразного кремневого инвентаря, а также изделий из кости, среди которых можно выделить реалистичные изображения птиц и обломок флейты с тремя сохранившимися отверстиями.

Доклад *Н.И. Шишлиной* (ГИМ) "Итоги работы Калмыцкой археологической экспедиции ГИМ (1990–1995)" был посвящен комплексной программе исследований, проводимых на территории Республики Калмыкия при участии археологов, палеогеографов, палеоантропологов и представителей других естественных наук. Проблемы изучения археологии Евразийской степи определили общую направленность работ экспедиции за последние 5 лет. Изучение функционирования и генезиса культур эпохи бронзы и раннего железного века в Прикаспийских степях позволило по-новому осветить целый ряд вопросов, среди которых особое место заняли два направления: "Степь и Кавказ: культурные традиции" и "Номадизм как экологическая и культурная адаптация".

В прениях по докладам выступили В.В. Сидоров и М.Г. Жилин (ИА РАН). В перерывах между заседаниями были показаны два видеофильма, рассказывающие о работе Калмыцкой и Шагарской экспедиций.

Во второй день Отчетной сессии – 22 октября – работала секция "Археология раннего железного века и античности" (председатель – И.В. Белоцерковская).

Доклад *С.Б. Вальчака* (ИА РАН) "Два уникальных уздечных комплекта кобанской культуры из собрания ГИМ" был посвящен двум уздечным комплектам из собрания А.С. Уварова, происходящим из Верхнего Кобана. Автор предполагает, что они были изготовлены на Северном Кавказе под влиянием закавказских прототипов во второй половине VIII – первой половине VII в. до н.э. Проникновение новых идей в Восточную Европу произошло, вероятно, в период "киммерийских" походов в Закавказье и Переднюю Азию.

Доклад *А.П. Мошинского* и *А.Ю. Скакова* (ГИМ, ИА РАН) "Работы Северо-Кавказской экспедиции ГИМ в 1991–1995 гг." был посвящен последним исследованиям в Дигорском ущелье (Северная Осетия). Были продолжены исследования целого ряда кобанских памятников – могильника Гастон Уота и синхронного ему поселения Сауар, а также недавно открытых средневековых могильников Кари Цагат и Догуй Хунта. На поселении Гастон Уота впервые в горной зоне Кавказа был открыт позднекобанский металлургический комплекс. Находки в могильнике Гастон Уота, включающие помимо типичного кобанского материала большое число уникальных предметов, выполненных в скифском зверином стиле, датируются V–IV вв. до н.э.

В.И. Гуляев и *Е.И. Савченко* (ИА РАН) в докладе "Работы на Среднем Дону" рассказали о новых находках в Воронежской области. Потуданская экспедиция ИА РАН вела исследования целого ряда скифских курганов в крупнейшей курганной группе в Подонье. Несмотря на то что подавляющее большинство погребений было ограблено, участниками экспедиции было сделано немало интересных находок, среди которых выделяются золотые украшения, уникальный костяной гребень, выполненный в скифском зверином стиле. Кроме того, велись раскопки ряда поселений катакомбного и скифского времени.

В докладе *И.И. Гущиной* и *Д.В. Журавлева* (ГИМ) "Римский импорт из могильника Бельбек IV в Юго-Западном Крыму" был дан анализ предметов импорта из римских провинций в позднескифском могильнике, исследованном экспедицией ГИМ, – стеклянных, краснолаковых и бронзовых сосудов, мелкой пластики, амфор, монет и других находок. Среди находок выделяется бронзовый таз, не имеющий аналогов в Восточной Европе, фигурный сосуд, украшенный рельефными эротическими сценами, бронзовые статуэтки, фибулы с эмалью. Могильник является уникальным среди памятников позднескифской культуры по насыщенности предметами римского импорта и датируется в целом второй четвертью I – первой половиной III в. н.э.

По докладу И.И. Гущиной и Д.В. Журавлева выступила Н.П. Сорокина (ГИМ), которая, особо остановившись на анализе отдельных категорий стеклянных изделий из раскопок могильника, отметила, что, по ее мнению, импортные предметы поступали к жителям Бельбекской долины через Херсонес. Кроме того, она высказала предположение, что население, оставившее могильник Бельбек IV, могло принадлежать к одной из римских канаб, расположившейся неподалеку от места стоянки римских легионеров.

П.Д. Диатроптов (ГИМ) в докладе "Пифосы с граффити, найденные на городище Беляус" проанализировал граффити на пифосах, обнаруженных in situ на Беляусе. Докладчик пришел к выводу, что это цифровые метки, которые обозначали объем сосудов, выраженный в определенном количестве херсонесских амфор различных стандартов. Пифосы использовались на протяжении 150 лет и были засыпаны около середины II в. до н.э. после захвата усадьбы скифами.

К.Б. Фирсов (ГИМ) в докладе "Комплексные исследования сарматских памятников в Калмыкии в 1993–1995 гг." рассказал об основных итогах изучения сарматских памятников Калмыцкой экспедицией ГИМ, при исследовании которых применялись различные естественнонаучные методы: проводились радиоуглеродное датирование, палеопочвенные, палеоботанические и другие исследования. В заключение докладчик кратко охарактеризовал первые результаты этих работ.

И.В. Белоцерковская и *И.Р. Ахмедов* (ГИМ) в докладе "Предварительные итоги исследования могильника у с. Кораблино Рязанской области" рассмотрели могильник у с. Кораблино, который стал первым памятником рязано-окской культуры, раскопанным полностью и на современном научном уровне. Материал могильника второй половины III – рубежа III–IV вв. н.э. – VII в. н.э. позволяет уточнить хронологию рязано-окских древностей и определить этнокультурные компоненты, участвовавшие в сложении раннесредневековой культуры Поочья. Среди них – местные племена, потомки финно-угорского населения из Среднего Поволжья, балты Москворечья и Верхней Оки.

Заседания 23 октября были посвящены естественнонаучным методам в археологических исследованиях. Утреннее заседание (председатель – Е.Д. Каверзнева) открыл доклад *И.В. Кирилловой* (ПИН РАН) "Фауна поселения Шагара II", посвященный анализу костных остатков млекопитающих со стоянки Шагара II в Центральной Мещере (раскопки Е.Д. Каверзневой и А.В. Емельянова). На основании анализа свыше 5500 костных остатков и около 1200 костяных изделий установлено абсолютное преобладание обитателей лесных биотопов, в то время как бореальные и степные элементы в составе шагарской биоты составляли незначительную долю.

Л.Д. Сулержицкий (ГИН РАН) в своем докладе "Палеолитические радиоуглеродные даты Лаборатории ГИН РАН" представил накопившиеся к настоящему времени радиоуглеродные даты. Наибольшая серия дат

имеется по Костенкам (наиболее хорошо датированы Костенки I). Проводилась работа по датированию стоянок Русской равнины (Каменная балка, Борщево, Шатрище, Едисеевичи. Супонево, Гонцы, Межиричи, Юдиново, Тимоновка, Карачарово, Зарайск, Пены, Авдеево). Особенно интересны многочисленные даты по Каменной балке и Зарайску. Были представлены датировки сибирских стоянок – Мальта (по новым раскопкам Г.И. Медведева), Афонтова гора, а также мустьерского времени – Жорново, Королево, Кударо I, Сакажия.

С докладом *Е.А. Спиридоновой* и *А.С. Алешинской* (ИА РАН) "Опыт применения палинологического анализа при датировании памятников эпохи мезолита Волго-Окского междуречья" выступила А.С. Алешинская. На основе споро-пыльцевого анализа для ряда естественных разрезов и нескольких десятков мезолитических стоянок разработана шкала климатических изменений на территории Волго-Окского междуречья. Эта шкала привязана к шкале абсолютного возраста, определившегося по данным радиоуглеродного анализа. В настоящее время палинологическое изучение мезолитических памятников региона открывает возможности не только реконструкции природной среды в ее динамике, но и датирования мезолитических комплексов с точностью до 200–300 лет.

Коллективный доклад *А.Л. Александровского, А.Е. Черкинского, О.А. Чичаговой* и *Н.И.Шишлиной* (ИГ РАН, ГИМ) "Радиоуглеродные исследования степных курганов: хронология и палеосреда" представила О.А. Чичагова. Докладчик кратко остановился на современных методах радиоуглеродного датирования и калибровки, отметив, что для уточнения датировок целесообразно проводить серию из трех анализов для каждого погребения. О.А. Чичагова подчеркнула, что погребения и палеопочвы курганов являются наилучшими объектами для исследований методом ^{14}C хронологии и условий палеосреды среди археологических памятников степных регионов, так как они строго хронологически привязаны ко времени создания кургана. Работа по созданию базы данных радиоуглеродных дат и новые датировки, полученные для погребений катакомбной культуры из могильников в Калмыкии, дают возможность уточнить хронологию катакомбной культуры и длительность ее существования. Полученные даты также позволили предположить значительно более широкое распространение степи в течение длительного времени в раннем голоцене на Русской равнине по сравнению с современностью.

К.В. Кременецкий в совместном с *О.А. Чичаговой* и *Н.И.Шишлиной* (ИГ РАН, ГИМ) докладе "Геоэкологические исследования на Нижнем Дону и в Калмыкии" кратко остановился на результатах исследований природных условий голоцена в нижней части бассейна Дона и в Калмыкии. Были изучены разрезы низинных болот Харабулук (Калмыкия) и Липиги (Волгоградская обл.), проведены спорово-пыльцевой анализ и радиоуглеродное датирование образцов, которые позволили реконструировать изменения растительности и климата этого региона в прошлом. Значительно большее внимание К.В. Кременецкий уделил демонстрации на нескольких конкретных примерах широких возможностей использования применяемых им геоэкологических методов исследований для реконструкции природных условий различных регионов, подчеркнув, что подобные работы вряд ли могут осуществляться без достаточных денежных средств.

Доклад *А.А. Гольевой* (ИГ РАН) "Палеоботанический анализ курганов Калмыкии" содержал описание метода исследования – последовательного изучения под микроскопом компонентов биогенной фракции образца с последующим обзором всего комплекса в целом. Подобный многокомпонентный подход, по мнению автора, позволяет получать достоверную и объемную информацию об условиях формирования палеофитологического спектра слоя и эволюции окружающего ландшафта в пространстве и во времени. А.А. Гольева также подчеркнула необходимость параллельного проведения спорово-пыльцевого и фитолитного анализов, отметив, что они дополняют друг друга, являясь в то же время совершенно самостоятельными методами. Во второй части доклада были сообщены конкретные результаты палеоботанического изучения курганов бронзового и железного веков в Калмыкии.

Завершил утреннее заседание доклад *М.В. Юсуповой* и *И.Г. Байгуловой* (ГИМ) "Консервация сыпучих грунтов археологических раскопов и крупногабаритных керамических находок", в котором авторами был предложен новый метод консервации подобных объектов натриевым жидким стеклом. Докладчиками были предприняты не имеющие аналогов в музейных исследованиях систематические работы по подбору материалов и разработке методик консервации, которые подтвердили удовлетворительный эффект при использовании жидкого стекла. Метод также был неоднократно апробирован в практической работе (например, горн на Куликовом поле) и дал положительные результаты.

Дневное заседание (председатель – С.В. Студзицкая) открылось совместным докладом коллектива авторов *А.Л. Александровского, М.П. Гласко, А.А. Гольевой, М.И. Гоняного, А.К. Марковой* и *К.Е. Пустовойтова* (ИГ РАН, ГИМ) "Ландшафты Куликова поля второй половины голоцена: эволюция и этапы освоения". М.П. Гласко, выступившая от имени авторов, подвела основные итоги многолетнего изучения ландшафтов Куликова поля. Впервые для данной территории использовались новые методы и подходы: археолого-геоморфологическое картографирование, крупномасштабное картографирование, метод катен, палеофитологический анализ, палеопочвенные исследования, радиоуглеродное датирование, палеозоологические исследования. В сочетании с результатами, полученными ранее, разработаны новые

представления о пространственно-временной структуре ландшафтов Куликова поля. Установлена четкая ландшафтная обусловленность расселения древнерусского человека и освоения им лесостепных экосистем, выделены основные этапы освоения территории. Полученные данные по истории ландшафтов региона от исходного природного до современного сильнотрансформированного их состояния позволяют подойти к более достоверной реконструкции палеосреды на время битвы, оценить, в какой степени природный ландшафт был изменен перед битвой в течение древнерусского этапа заселения, и насколько он успел восстановиться ко времени битвы.

М.И. Гоняный (ГИМ) в соавторстве с *С.Е. Иткис, М.Я. Кац, Т.В. Соколовой, В.В. Сухиным* и *Ю.В. Юнаковской* (Министерство охраны древностей (Израиль), МГУ им. М.В. Ломоносова) представили доклад "Археолого-геофизические исследования на памятниках древнерусского времени в районе Куликова поля". Говоря о преимуществах использования геофизических методов в полевых археологических исследованиях, докладчик отметил, что в процессе работ памятник не повреждается, а сами работы значительно дешевле собственно археологических. В районе Куликова поля такими методами исследовались 18 памятников, более половины из них – полностью. Совместные археолого-геофизические исследования на памятниках в районе Куликова поля позволили существенно повысить информативность результатов археологической разведки. Накопленный опыт позволяет сейчас уверенно выделять аномалии от горнов в общем сложном рисунке магнитного поля, а также делать предварительные выводы об их размерах, степени сохранности и глубине залегания до раскопок. Аномалии от других источников также уверенно выделяются в магнитном поле, для их идентификации с конкретными археологическими объектами до стадии раскопок требуются специальные геофизические исследования, связанные с изучением магнитных свойств этих объектов.

24 октября заседания Сессии были посвящены средневековой археологии. Утреннее заседание (председатель – Н.И. Асташова) открыл доклад *В.В. Дворниченко* и *М.А. Очир-Горяевой* (ИА РАН, КИОН РАН) "Новые памятники кочевников Нижнего Поволжья скифской эпохи (обзор источников)". Доклад был посвящен обзору новых памятников скифской эпохи, исследованных в Нижнем Поволжье как в последние годы, так и раньше, но не введенных в научный оборот. Среди них авторы особенно выделили такой выдающийся комплекс, как Хошеутово (погребение 1), содержавший 350 предметов конской упряжи (примерно от 11 наборов), из которых 180 предметов оформлены в зверином стиле.

В докладе *В.В. Дворниченко* и *А.А. Узянова* (ИА РАН) "Некрополь золотоордынской знати у с. Лапас" сообщалось об исследовании группы памятников золотоордынского времени в Астраханской области. Изучены остатки 5 крупных мавзолеев (один из них особенно выделяется своими размерами) и 9 небольших кирпичных мавзолеев. Вероятно, в 4 крупнейших мавзолеях Лапаса были погребены четыре хана: Берке, Узбек, Джанибек, Бердибек.

А.В. Григорьев, А.А. Узянов и *А.В. Шеков* (ИА РАН, Тульский областной музей) рассказали "О стратиграфии Супрутского городища". В результате новых исследований городища в культурном слое выделено до восьми слоев, обнаружены остатки не менее четырех разновременных построек. На основании стратиграфии построек и укреплений было прослежено не менее пяти строительных горизонтов. Нижний, связанный с первоначальными укреплениями, относится ко второй половине III–V в. Горизонты, связанные с подпрямоугольными заглубленными постройками, датируются IX – первой половиной X в.

В докладе *А.А. Узянова* (ИА РАН) "Роменская культура и проблемы освоения Среднерусской возвышенности" на основании новых данных, накопленных за последние 25 лет, переосмыслен ряд традиционных положений, в частности для территории Среднерусской возвышенности. К ним относятся выводы о неодновременной гибели городищ, преобладающих видах поселений и типах жилищ, о выделении пяти хронологических периодов (IX – начала XI в.), о двух традициях в производстве лепной керамики, о топографии поселений и др.

Темой доклада *Т.Г. Сарачевой* (ГИМ) была "Техника изготовления семилопастных височных колец". На основании трассологического и микроструктурного анализа 264 семилопастных колец автор пришла к заключению об использовании двух близких технологических схем изготовления колец (1) литье в пластичные формы по восковой модели; 2) литье в пластичные формы, изготовленные по оттиску готового изделия, отлитого первым способом, или образца-модели) и воссоздала эти схемы по операциям. Докладчик делает выводы о преобладании колец, отлитых более качественным первым способом, о серийности производства колец, об определенном наборе технических приемов, характерных для вятичской традиции металлообработки.

Н.И. Асташова (ГИМ) в докладе "Работы Смоленской экспедиции ГИМ 1986–1991 гг." кратко остановилась на исследованиях экспедиции в правобережной части г. Смоленска – Заднепровье. Нетронутый слой в целом датирован ей началом XII – рубежом XIII–XIV вв. Исследованный участок представляет собой периферийную часть городской усадьбы, на которой существовало металлургическое производство. Среди индивидуальных находок – берестяные грамоты, относящиеся к первой половине – середине XII в., пломбы дрогичинского типа, стеклянные пуговицы, декорированные крестом и другие предметы.

И.Ю. Муравей (ГИМ) сделала доклад "Гончарный производственный комплекс на территории древне-

русского городища Вщиж". На основании изучения конструкции найденного на городище Вщиж гончарного горна и коллекции сосудов из него, составляющих единую партию изделий, которые могли быть произведены одним гончаром за один производственный цикл, докладчик опровергает мнение автора раскопок – Б.А. Рыбакова о сябринном совместном владении горном двумя мастерами.

В заключение утреннего заседания выступил *Н.А. Кренке* (ИА РАН) с сообщением о раскопках в 1996 г. усадьбы Романовых в центре г. Москвы, на которой был обнаружен комплекс XVII в. по нелегальному производству медных монет Алексея Михайловича подлинным государственным штампом. Прослежен полный производственный цикл (проволока, расплющенные заготовки и, наконец, отчеканенные монеты). Докладчик показал небольшой видеосюжет о находках.

Дневное заседание (председатель – Н.И. Асташова) началось с доклада *С.В. Шполянского* (ГИМ) "Новые сведения о памятниках начального этапа славянского освоения Московского региона", в котором автор представил материалы разведочных работ в среднем течении р. Пахры, где был обнаружен ряд поселений IX – начала XII в. и собран значительный подъемный материал.

М.И. Гоняный и *А.В. Шеков* (ГИМ, Тульский областной музей) прочитали доклад "Древнерусское гумно середины XIV в. в верховьях р. Вединец на Куликовом поле", в котором познакомили участников сессии с сельскохозяйственным комплексом, открытым на памятнике Вединец 9. Исследователи пришли к выводу, что памятник не является рядовым жилым сельским поселением. Наличие значительного по размерам протапливаемого погреба, зерновой ямы, обогревательного устройства открытого типа, их близкое взаиморасположение дало основание авторам предположить, что это остатки сельскохозяйственного комплекса типа гумна (реконструкция А.В. Шишкова).

М.И. Гоняный и *В.П. Грищенко* (ГИМ, Тульская археологическая экспедиция) сделали доклад "Древнерусское поселение второй половины XIII в. Березовка 5 на р. Непрядве". Исследователи рассказали о раскопках памятника, охарактеризовали вещевой комплекс, остатки жилых и сельскохозяйственных сооружений, а также трех гончарных горнов. На основании изучения стратиграфических и планиграфических особенностей памятника им удалось выделить два этапа существования сооружений. На площади крестьянского двора располагалось 10 сооружений жилого, хозяйственного и производственного назначения, где, скорее всего, проживала одна семья. Датируется селище серединой – второй половиной XIII в.

А.Н. Наумов (Тульская археологическая экспедиция) в совместном с *М.И. Гоняным* (ГИМ) докладе "Металлургический комплекс XIV в. на поселении Монастырщина 5 на Куликовом поле" охарактеризовал металлургическую мастерскую первой половины XIV в., территория которой была полностью раскопана. Анализ отходов производства и характер обнаруженных сооружений позволили авторам доклада с достаточной степенью уверенности определить характер мастерской как комплекса по переработке и переплавке отходов металлургического и кузнечного производств с целью получения железа.

В докладе *В.П. Грищенко* (Тульская археологическая экспедиция) "Укрепленная усадьба конца XVI – начала XVII в. Булгаковской казачьей слободы под Епифанью" большое внимание было уделено вопросам топографии. Особенности планировки Булгаковской слободы связаны с ее происхождением и ландшафтом, на котором она возникла. За 6 лет работ удалось проследить участки частокольной ограды и заглубленные части 17 построек жилого и хозяйственного назначения. Наличие крепкой высокой частокольной ограды, выход из дворовых построек внутрь усадьбы позволяют отнести застройку к типу, известному по этнографической литературе под названием "двор-крепость".

А.В. Лаврентьев (ГИМ) в докладе "Историческая топография Епифани конца XVI–XVII в. (по письменным источникам)" использовал документы XVII в., хранящиеся в РГАДА, которые несут важнейшую информацию о жизни "служилого города", в том числе о хозяйственной и военной деятельности стрельцов, составляющих гарнизон Епифании – крепости на Засечной черте XVI–XVII вв. Эта информация представляется полезной для интерпретации результатов работ Тульской археологической экспедиции под Епифанью, изложенных в предыдущем докладе.

В заключение выступила заведующая Отделом археологических памятников ГИМ И.В. Белоцерковская, которая подвела итоги научной сессии и поблагодарила организаторов, участников и гостей конференции. Отчетная сессия завершилась "Вечерним мероприятием...", на котором были обсуждены окончательные итоги четырех дней работы.

К Отчетной сессии был издан сборник тезисов докладов, в который даже вошли тезисы ряда докладов, по тем или иным причинам не прочитанные на заседаниях (Тезисы докладов..., 1996).

Государственный Исторический музей,
Москва

Д.В. Журавлев,
К.Б. Фирсов

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гущина И.И., 1963. Сессия Ученого совета Государственного Исторического музея, посвященная итогам археологических исследований музея в 1960–1962 гг. // СА. № 2.

Дмитриев П.А., 1937. Экспедиция Государственного Исторического музея в 1937 г. // Историк-марксист. Кн. 3. М.

Ельницкий Л.А., 1937. Экспедиции Государственного Исторического музея в 1936 г. /// Историк-марксист. Кн. 2. М.

Исторический музей. Москва. Археологическая сессия Ученого совета. 19–22 марта 1941 г. Тез. докл., 1941. М.

Матвеева Л.П., 1958. Сессия ученого совета Государственного Исторического музея, посвященная археологическим работам 1956–1957 гг. // СА. № 3.

Матвеева Л.П., 1961. Сессия Ученого совета Государственного Исторического музея, посвященная итогам археологических экспедиций 1958–1959 гг. // СА. № 2.

Недошивина Н.Г., 1994. Новые поступления // Древности Оки. Тр. ГИМ. Вып. 85. М.

Новые поступления в отдел археологических памятников ГИМ за 1980–1987 гг. // Проблемы археологии Евразии. Тр. ГИМ. Вып. 74. М.

Новые поступления в отдел археологических памятников ГИМ за 1988–1995 гг. // Археологический сборник. Тр. ГИМ (в печати).

Отчет ГИМ за 1916–1925 гг., 1926. М.

Первая Всероссийская археологическая конференция (10–13 апреля 1939 г.), 1939. М.

Работы археологических экспедиций (Сборник статей), 1941. / Под ред. Д.Н. Эдинга // Тр. ГИМ. Вып. XII. М.

Тезисы докладов Отчетной сессии Государственного Исторического музея по итогам полевых археологических исследований и новых поступлений в 1991–1995 гг., 1996. М.

Трубникова Н.В., 1951. Государственный Исторический музей в Москве. // ВДИ. № 3.

Трубникова Н.В., 1953. Итоги сессии Государственного Исторического музея по археологическим работам // ВДИ. № 1.

Эдинг Д.Н., 1938. Экспедиционная работа по истории // Советский музей. № 3.

Экспедиции Государственного Исторического музея. Доклады на сессии Ученого Совета ГИМ (5–7 февраля 1969 г.), 1969. / Под ред. В.П. Левашовой. М.

Zhuravlev D., Firsov K., 1996. Museum Archaeology in Russia: Yesterday and Today // European Assotiation of Archaeologists. 2nd Annual Meeting. Programme and abstracts. Riga, 25–29 September 1996.

ЧТЕНИЯ "ЛАДОГА И СЕВЕРНАЯ РУСЬ" В СТАРОЛАДОЖСКОМ МУЗЕЕ-ЗАПОВЕДНИКЕ

21–22 декабря 1995 г. в Староладожском историко-архитектурном и археологическом музее-заповеднике проходили чтения "Ладога и Северная Русь", посвященные памяти сотрудника Эрмитажа Анны Дмитриевны Мачинской, талантливой молодой исследовательницы древностей Ладоги, безвременно ушедшей из жизни 2 сентября 1994 г. В течение двух дней были заслушаны и обсуждены 20 докладов и сообщений, посвященных различным вопросам начальной истории Северной Руси, судьбам Ладоги, проблеме взаимоотношений язычества и христианства на раннем этапе становления Русского государства – всем тем основным проблемам, которые были предметом исследовательского интереса Анны Дмитриевны. В чтениях приняли участие сотрудники Староладожского музея, Эрмитажа, Института истории материальной культуры, Санкт-Петербургского университета, Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия, Государственной инспекции по охране памятников, Санкт-Петербургского городского дворца творчества юных – друзья, коллеги и учителя А.Д. Мачинской. К началу чтений был издан сборник тезисов (Ладога и Северная Русь..., 1995).

Чтения открыл доклад *Д.А.* и *А.Д. Мачинских* «Некоторые летописные известия в "Истории Российской" В.Н. Татищева и Ладога IX–XI вв.». В основу доклада положена неопубликованная курсовая работа Анны, посвященная уникальным сведениям по ранней истории Руси, восходящим к Раскольничьей летописи и ряду других летописных списков, использованных лишь Татищевым; как показано в докладе, отчасти эти сведения отразились и в компилятивной Иоакимовской летописи.

Ряд докладов, представленных на чтениях, был посвящен судьбам Ладоги и ее округи в ранней истории России. *Е.А. Рябинин* выступил с докладом о том, "С чего мы начинали и что мы продолжали (раскопки Земляного городища в 1970–1980-х годах)". В контексте анализа проблем, вставших с возобновлением после длительного перерыва раскопок на староладожском Земляном городище, докладчик подробно остановился на выявлении новых фаз, характеризующих место Ладоги в системе разнообразных евразийских связей в VIII–

© Н.И. Милютенко, С.Л. Кузьмин, С.В. Белецкий, 1997 г.

X вв., наметил новые возможности в интерпретации наиболее "проблемных" комплексов, открытых раскопками.

А.И. Волковицкий проанализировал поясной набор из сопки № 140, исследованной Н.Е. Бранденбургом в 1883–1884 гг., и поставил вопрос о времени и путях попадания в северо-западную Европу импортов из Прикамья. Докладчик не исключал как аргументированную раннюю датировку так называемой "неволинской" поясной гарнитуры, так и возможный более поздний "реимпорт" этих изделий с территории юго-западной Финляндии.

Д.А. Мачинский в докладе "Первоначальные Algdeigja /Ладога и Garðar / Русь" также комментировал поясной набор из сопки № 140. Опираясь на сведения письменных источников о событиях втор. половины VII в., докладчик полагает, что к этому времени относится начало скандинавской колонизации Поволховья и в результате включения иммигрантов в восточноевропейский этнический контекст возникает этносоциальный организм, обозначаемый Garðar, Algdeigja, Rhos, Русь с центром в районе Ладоги. Память об этой "дорюриковой Руси" зафиксирована Бертинскими анналами под 839 г. и рудиментарно сохранилась в летописных преданиях. По мнению Д.А. Мачинского, с 770-х гг. в скандинавской эпической традиции окончательно оформляется понятие "Великая и Холодная Швеция" ("обиталище богов", в отличие от собственно Швеции – "обиталища людей") обозначавшее часть Восточной Европы, ограниченную с востока Уральским хребтом и Тюркским каганатом.

Традицию именования значительной части Восточной Европы "Швецией Великой, или Холодной" проанализировал на материалах "Книги об исландцах" Ари Мудрого *В.О. Казанский.*

Соотношение традиций носителей традиций культуры псковских длинных курганов, памятников типа Камно-Рыуге, культуры смоленских длинных курганов, сопок, норманнских древностей и Ладоги подробно рассмотрел *С.Л. Кузьмин.* По мнению докладчика, в ладожских древностях материализовалась вся гамма процессов, протекавших на севере Руси в VIII–IX вв.: впитывая и перерабатывая гетерогенные культурные импульсы, Ладога распространяла уже синтезированную новую традицию, в контексте которой и следует рассматривать так называемую "культуру сопок", являющуюся ранней фазой древнерусской культуры Новгородской земли.

П.Е. Сорокин анализировал граффити с изображениями судов, зафиксированные на монетах, изделиях из кости, а также на бересте. Изображение ладьи под треугольным парусом на кости из Ладоги, по мнению докладчика, свидетельствует о знакомстве автора рисунка с традициями средиземноморского судостроения.

В докладе *Т.Б. Сениченковой* рассмотрен вопрос о широко распространенном в литературе словосочетании «керамика "ладожского типа" и существующих версиях историко-культурного истолкования этого понятия; по мнению докладчицы, понятие керамика "ладожского типа" является историографическим мифом».

Интереснейший доклад *Г.С. Лебедева* посвящен попытке истолкования ландшафта на знаменитой стенописи из церкви Св. Георгия в Ладоге как отображения исторического ландшафта Ладоги в семантически значимой сакральной его части: изображение холмов докладчик связывает с ладожскими сопками "Заморья" (за "Моревым ручьем"), где предание помещает Олегову могилу. Включение в христианскую культуру Ладоги местных языческих "топохронов", по мнению Г.С. Лебедева, легитимизировало в христианской редакции змееборческий миф, базовый для всего Поволховья – от Новгорода до Ладоги. Особое место в композиции стенописи занимает изображение царевны, ведущей усмиренного Змия: по ладожской версии "Чуда"–"Елисава", "Эллисав", Елизавета Ярославна, дочь Ярослава Мудрого и Ингигерд, жена конунга Харальда Сигурдарсона. Докладчик ставит ряд вопросов, связанных с социодемографическими процессами IX–XI вв. и женской субкультурой Руси эпохи викингов, в том числе – проблему так называемых "детей зимних постоев", долгих "зим в Альдейгью" эпохи Рюрика и Олега, а также проблему "женской ипостаси" в раннем русском христианстве, "засвидетельствованную погребением первой трети IX в. из кург. 7 в урочище Плакун в Старой Ладоге, в котором был найден фризский литургический кувшин.

С проблемой женской субкультуры Руси XI в. связан также доклад *Е.Р. Михайловой* "К проблеме формирования древнерусского женского убора на западе территории Новгородской земли".

В докладе *Н.И. Милютенко* "Владения княгинь в древней Руси и статус Ладоги в XI в." показана необоснованность высказанных в последнее время в литературе сомнений относительно передачи Ярославом Мудрым Ладоги в качестве свадебного дара во владения Ингигерд.

Б.Г. Васильев рассказал о находке в черте Старой Ладоги орнаментированного костяного изделия, украшенного изображениями, восходящими, по мнению докладчика, к различным этносемантическим традициям.

З.Д. Бессарабова рассказала о спасательных работах, проводимых сотрудниками Староладожского музея в связи с постоянной угрозой разрушения памятников урочища Сопки на северной окраине пос. Старая Ладога.

Ряд докладов и сообщений был посвящен проблемам язычества и христианства на Руси и в Скандинавии. *Ю.М. Лесман* проанализировал географию распространения находок раннесредневековых крестов-подвесок и показал, что картина, фиксируемая в Скандинавии, необычна для католического мира, но зато чрезвычайно близка картине, засвидетельствованной находками крестиков на Руси. Исследователь полагает, что имеют-

ся основания говорить о культурном единстве Руси и Скандинавии, причем столь сильном и глубоком, что его на протяжении полутора-двух столетий не смогли разрушить ни церковная схизма, ни периодически вспыхивавшие военные столкновения.

О.И. Богуславский рассказал о новой находке "домика мертвых" в мог. Ялгино в юго-восточном Приладожье и отметил, что в материалах раскопок Приладожья не встречено двух полностью аналогичных погребальных сооружений данного типа, хотя число открытых "домиков мертвых" за прошедшее десятилетие возрастало.

В докладе *С.В. Белецкого*, посвященном некрополю Пскова, выявлена существенная роль "варяжского компонента" в составе населения Пскова конца IX – первой трети XI в. По мнению докладчика, до 1030-х годов город оставался по преимуществу языческим[1].

Ряд докладов был посвящен проблемам истории и археологии Руси более поздних периодов. *Р.С. Минасян* рассказал о результатах изучения техники ювелирного дела на Руси. Доклад *Н.И. Платоновой* был посвящен результатам исследований 1995 г. на Передольском погосте. Сообщение о керамике из раскопок Передольского погоста сделано *Т.А. Жегловой*. Вопросы исторической географии Водской пятины рассматривал А.А. Селин.

Все доклады и сообщения, прозвучавшие на чтениях, вызвали оживленную и весьма плодотворную дискуссию, плавно перешедшую в "диалог поколений". Как было отмечено выступавшими, этот диалог фактически продолжил дискуссию, развернувшуюся несколькими днями раньше на заседании коллоквиума проф. Л.С. Клейна, посвященном 30-летию со дня известной "варяжской дискуссии", проведенной в ЛГУ в декабре 1965 г. (Лебедев Г.С., 1996, с. 111, 112). Но если коллоквиум подвел черту под тремя десятилетиями острых, порой – конфронтационных споров, то чтения как бы начали новый этап исследований – этап, на котором варяжская проблема наконец лишилась "политического звучания", заняв свое строго определенное (хотя и достаточно важное) место в широком круге проблем ранней истории Руси. Существенно, что на этом этапе углубленного изучения судеб Русского государства все большую роль играют исследователи поколения Анны Мачинской, многие из которых родились уже после "варяжской дискуссии" 1965 г.

Санкт-Петербургский филиал
Российского научно-исследовательского
института культурного и природного
наследия

Н.И. Милютенко,
С.Л. Кузьмин,
С.В. Белецкий

Институт истории материальной культуры
РАН, Санкт-Петербург

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Белецкий С.В., 1996. Начало Пскова. СПб.

Ладога и Северная Русь. Чтения, посвященные памяти Анны Мачинской. Старая Ладога, 21–22 декабря 1995 г. Материалы к чтениям, 1995. СПб.

Лебедев Г.С., 1996. Тридцатилетие варяжской дискуссии (1965–1995) // Archaeologia Petropolitana. N 1.

[1] Подробнее см.: Белецкий С.В., 1996.

МАРГУЛАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ-97

(Алма-Ата, 1997)

26–28 марта 1997 г. в Алма-Ате, в Институте археологии им. А.Х. Маргулана Министерства науки – Академии наук Республики Казахстан проходили очередные Маргулановские чтения, посвященные итогам полевой работы археологов по изучению древностей Казахстана и прилегающих регионов в 1996 г. В работе чтений приняли участие более 50 специалистов из Казахстана, а также России, Киргизии, Узбекистана и Индии. Всего было зачитано 33 доклада и сообщения широкого хронологического диапазона.

Чтения открыл директор Института археологии МН–АН РК, профессор, чл.-корр. Национальной Академии наук Республики Казахстан *К.М. Байпаков*. В своем вступительном слове он отметил сохранение, несмотря на экономические трудности, традиции ежегодного проведения Маргулановских чтений, посвященных памяти выдающегося казахского археолога и этнолога, акад. А.Х. Маргулана. 9-е чтения* отразили переломный этап в развитии казахстанской археологии – окончание стагнации и переход к осуществлению масштабных проектов, усиление финансовой поддержки археологических исследований, укрепление существующих и налаживание новых связей с коллегами в России, США, Франции, Германии. Особенно плодотворно международное сотрудничество развивалось в рамках программ по изучению Великого Шелкового пути, взаимодействия кочевых и оседлых культур, древнего изобразительного искусства.

Наряду с продолжением работы существующей уже полвека Центрально-Казахстанской археологической экспедиции, возобновилась или заметно активизировалась деятельность экспедиций и отрядов ИА МН–АН РК в Южном и Западном Казахстане. Оживилась работа и в регионах, свидетельством чего явились впечатляющие результаты деятельности археологов Петропавловска, Чимкента, Кустаная, Караганды, Тараза (Джамбула), Туркестана.

В сообщении *Е.А. Смагулова* была охарактеризована деятельность Полевого комитета ИА МН–АН РК. Отмечалось, в частности, что разработанные правила представления полевых отчетов и инструкция к "Открытым листам" до сих пор не утверждены, так как статус Полевого комитета в структуре Института археологии и Министерства науки Республики Казахстан все еще официально не признан. Подчеркивалась важность отмены лицензионных сборов с археологических работ, а также законодательного решения вопроса о передаче функции выдачи "Открытых листов" Полевому комитету.

В докладе *В.Н. Логвина* на примере состояния охраны историко-культурных памятников Кустанайской обл. отмечались негативные моменты, характерные для большинства регионов Казахстана: нарушения существующего законодательства об охране историко-культурного наследия, отвод земель без согласования с соответствующими органами надзора, несоблюдение "Охранного обязательства" в случае продажи земли новому владельцу. Докладчик предложил создать Археологическую службу Казахстана, а в Министерстве культуры – департамент охраны историко-культурного наследия, подчинив ему и музеи. Предлагалось также разработать систему и процедуру трехкратной компенсации за разрушение культурного слоя, сохранить централизованное финансирование археологической практики студентов, ввести в соответствующие статьи Закона об охране историко-культурного наследия Казахстана понятие "землевладелец", усилив обязывающие формулировки, а в случае купли-продажи земли обязательно (пере)оформлять "Охранное обязательство".

З.С. Самашев, начальник Западно-Казахстанской экспедиции (ЗКАЭ) ИА МН–АН РК, в своем докладе дал общую характеристику результатов работы в 1996 г. трех отрядов экспедиции. Так, при финансовой поддержке областной и республиканской администрации были возобновлены исследования городища Сарайчик, на две трети разрушенного р. Урал. На пяти раскопах, заложенных у крутого речного берега, были обнаружены как многочисленные строительные остатки, так и захоронения преимущественно XIV в. Большой объем полученного керамического и нумизматического материала подтвердил важное значение Сарайчика как крупного политического и торгового пункта на пути из Средней и Центральной Азии в Европу.

Устюртский отряд экспедиции продолжал стационарное исследование святилища эпохи раннего железа

---

* Первые чтения состоялись в 1989 г., в год 85-летия А.Х. Маргулана.

© В.С. Ольховский, 1997 г.

Байте III. Разведочно-поисковый отряд несколькими маршрутами изучил зоны песчаных массивов у поселков Каратон и Сарыкамыс (Атырауская обл.), зафиксировав значительное количество подъемного материала и несколько разновременных погребений. В урочище Токсанбай (в 80–85 км от пос. Туруш) было начато детальное обследование одноименного укрепленного поселения, возникшего на месте энеолитической стоянки. Поселение, расположенное на труднодоступном мысовом участке местности, было окружено каменной стеной с пристроенными к ней изнутри жилищами. Культурные напластования памятника (три слоя) насыщены фрагментами керамики и костями животных; встречаются изделия из камня и крайне редко – из меди. Учитывая радиоуглеродную (некалиброванную) дату нижнего слоя памятника (3780±80 лет), докладчик высказал предположение о протогородском характере поселения, сравнив его с известными памятниками – Аркаимом и Синташтой. В 20 км от поселения Токсанбай, в урочище Жизды, были обследованы руины огузского города. Кроме того, продолжалась фиксация и изучение памятников позднесредневекового камнерезного искусства казахов-адаевцев.

К.М. Байпаков в своем докладе охарактеризовал итоги работ всех отрядов Южно-Казахстанской экспедиции в 1996 г. в Семиречье.

Так, казахстано-американский отряд продолжил всестороннее изучение сако-усуньского поселения IV в. до н.э. – II в. н.э. Тузусай, выявив на площади в 200 м^2 три строительных горизонта. Особого внимания заслуживают результаты геоморфологических, палеозоологических, палеоботанических (споро-пыльцевых) анализов, осуществленных специалистами из США и Франции. При этом были получены доказательства использования искусственного орошения для возделывания культуры риса, снятия в один сезон двух урожаев – пшеницы и проса. Хозяйство обитателей поселения охарактеризовано как земледельческо-скотоводческое (при наличии пастбищной формы скотоводства).

Интересные результаты дали раскопки кург. N 12 позднесакского могильника Беткайнар (210 км западнее г. Алма-Аты). В ограбленной дромосной могиле против входа на стенке ямы зафиксировано барельефное изображение усатого мужчины в головном уборе. На щитке найденного в могиле серебряного перстня, плакированного золотом, оказалось изображение мужской головы в македонском шлеме, по стилю сближаемое с изображениями на аверсах греко-бактрийских монет Евкратида (II в. до н.э.).

В 40 км от г. Тараза (Джамбула) был обследован огромный (208×108 м) дворцовый комплекс Акырташ, сооруженный из каменных блоков, но оставшийся недостроенным. Севернее дворца выявлены группа домов-усадеб, карьер по добыче и обработке камня, землянки каменотесов; неподалеку на господствующей высоте отмечены руины замка, а на склоне горы Кызылташ – огромные кирпичеобжигательные печи. По мнению докладчика, дворцовый комплекс Акырташ начал сооружаться для карлукских князей мусульманскими архитекторами после Таласской битвы 751 г.

На городище Талгар была раскопана усадьба, обнаружено много железных изделий.

М. Туякбаев рассказал об археолого-антропологических исследованиях архитектурного комплекса – мемориала Ходжа Ахмета Яссави – поэта и крупного деятеля суфизма XII в. Ниже уровня пола в центральном зале Казанлык раскопками было обнаружено около 40 погребальных сооружений разной конструкции (кирпичные склепы, ямы, ляхады), зафиксировано более 200 скелетов. Часть захоронений при этом датируется до- и раннемусульманским временем (VII–IX вв.). Таким образом, удалось установить, что мемориальный комплекс был сооружен в конце XIV в. на более древнем некрополе.

В докладе *Р.А. Бекназарова* была проанализирована группа каменных жертвенных плиток, украшенных изображением морды барана, из Северо-Казахстанской обл. Вопрос назначения и хронологии данных предметов (алтариков?) был оставлен открытым.

С. Алебаева и *А. Грищенко* рассказали о результатах раскопок средневекового городища Жуван-Тобе на р. Арысь. В помещениях N 4 и 6 второго строительного горизонта была обнаружена согдийская и кангюйская керамика VII в. н.э. По мнению докладчиков, поселение использовалось для прикрытия летних пастбищ кангюйцев.

Г.А. Базарбаева сообщила о результатах исследования двух захоронений VI–X вв. на р. Каинды (Южно-Тургайское плато). Подкурганные погребения в ямах сопровождались конечностями коня и барана, стременами, височными кольцами, керамической посудой и т.д.

Доклад *В.С. Волошина* был посвящен характеристике материалов мустьерской стоянки Батпак-18 (Северный Казахстан), относимой по радиоуглеродным датам педокомплекса и результатам споропыльцевых анализов к среднему вюрму.

А.Н. Марьяшев и *А.А. Горячев* рассказали о раскопках памятников эпохи бронзы в долине р. Коксу (Восточное Семиречье). Так, на могильнике Узунбулак была доследована прямоугольная каменная ограда с четырьмя захоронениями в деревянных, перекрытых плахами рамах, содержавшими кальцинированные кости, фрагменты лепных сосудов, серебряные и бронзовые серьги с раструбом. Под насыпью кургана в Кульсае зафиксирована яма с деревянными конструкциями и трупоположением эпохи поздней бронзы, на поселении Талакты I – семь погребений в широтно ориентированных каменных ящиках, датируемых XIV–XII вв. до н.э.

В докладе *Ж.К. Курманкулова* освещались результаты исследования поселения эпохи бронзы Талдысай,

расположенного на мысу при слиянии рек Жизды и Талдыбулак (Джезказганская обл.). Обнаруженные две медеплавильные печи, овальное жилище, производственная площадка, зольник, очаги, остатки жертвоприношений, следы бронзолитейного производства (руда, формы, куски меди), а также кости крупного и мелкого рогатого скота, лошади, собаки и домашнего верблюда позволили констатировать двухэтапность обживания поселения.

Э.Р. Усманова рассказала о продолжающихся охранных раскопках поселения и могильника Лисаковский в Центральном Казахстане. Особый интерес вызывает обнаруженный в яме под курганной насыпью деревянный, частично обожженный столб длиной 1,2 м – вероятно, идол андроновского капища. В другом кургане зафиксировано коллективное захоронение трех человек. Вещевой набор Лисаковского могильника, по мнению докладчика, свидетельствует о синхронности алакульских и федоровских культурных элементов.

В сообщении *З.С. Самашева, Ж.К. Курманкулова* и *Ж.М. Жетыбаева* была приведена информация о группе археологических памятников в районе ст. Теректы (Центральный Казахстан), где зафиксированы поселения (неолита и эпохи бронзы), могильник эпохи бронзы и местонахождение петроглифов Теректы Аулие. Рисунки, выполненные на граните техникой прошлифовки после выбивки по контуру, датируются преимущественно эпохой бронзы.

В докладе *З.С. Самашева, А.С. Ермолаевой* и *Т.М. Тепловодской* была дана всесторонняя характеристика подъемного керамического материала с поселения Токсанбай на Устюрте. Выделено две доминирующие группы лепной керамики: неолитического облика (преимущественно от прямошейных сосудов с прочерченным, накольчатым и мелкогребенчато-штампованным орнаментом) и энеолитическая (более многочисленная, преимущественно от сосудов закрытого типа с воротничковым верхом с доминированием накольчато-гребенчатой и накольчатой орнаментации). В виде примеси отмечены фрагменты керамики эпохи бронзы и огузской. В качестве сырья использовалась ожелезненная глина, а как отощители – дресва и ракушки. Сосуды формовались спирально-ленточным налепом, спиральным налепом без дополнительной профилировки, лоскутным налепом на шаблоне; при этом использовался восстановительный обжиг.

Сообщение *Г.С. Джумабековой* было посвящено историко-культурной атрибуции бронзовой фигурки конного лучника, найденной в г. Алма-Ате в 1979 г. Фигурка была определена как деталь бронзовой курильницы и датирована V–III (II?) вв. до н.э.

О.И. Ишманов рассказал о работах разведочно-поискового отряда ЗКАЭ МН–АН РК в районах, прилегающих к северному побережью высохшего каспийского залива Мертвый Култук. Так, в районе пос. Сарыкамыс помимо развеянных погребений было зафиксировано четыре неолитические стоянки и стоянка сарматского времени.

В докладе *В.С. Ольховского* был подведен определенный итог пятилетних (1988–1991, 1996 гг.) раскопок Устюртским отрядом ЗКАЭ святилища Байте III в Западном Казахстане. Были выделены и кратко охарактеризованы все этапы активного и пассивного функционирования памятника – от рубежа II–I тыс. до н.э. до позднего средневековья.

З.С. Самашев и *Ю.А. Мотов* в совместном докладе подвели итог изучения культурного слоя городища Сарайчик пятью раскопами. В нижних ярусах культурного слоя, достигающего в толщину 3 м, вскрыты землянка, постройка с тандырами, мусорная яма, а также остатки полов, сырцовых стен и сгоревших деревянных перекрытий других построек. Поверх строительных остатков зафиксированы погребальные сооружения некрополя золотоордынского времени – сырцовые и кирпичные склепы и мавзолеи. Из индивидуальных находок заслуживает внимания фрагмент керамического сосуда с написанной по-арабски датой – 764 г. хиджри (1362–63 г.), а также находившиеся при погребенных медные монеты, датирующие захоронения.

Д. Кожаков дал информацию об исследованном на городище Сарайчик в 1996 г. мавзолее (мазаре) XIV в. Сложенный из обожженного красного кирпича, подквадратный в плане мавзолей имел специальный вход, сводчатое перекрытие и явно содержал захоронения мусульман.

С.М. Аитова представила обзор подъемного нумизматического материала (около 200 медных и 2 серебряные монеты) с городища Сарайчик. Самая ранняя из изученных монет – хана Токты – была выпущена в Хорезме в 1295–1296 гг., а самая поздняя – Тохтамыша – в 1394 г. В выборке особенно широко представлены чеканы ханов Узбека (5 типов медных пулов), Джанибека (до 11 типов) и др., а также анонимная медь.

Доклад *С. Жолдасбаева* был посвящен позднесредневековым (XVI–XIX вв.) казахским жилищам Семиречья. Автор констатировал наличие на зимовках помимо юрт одно-, двух- и многокомнатных жилищ – землянок, полуземлянок и наземных каменных построек.

Е.А. Смагулов охарактеризовал работу трех археологических отрядов на территории г. Туркестан и в его ближайших окрестностях. Так, в ходе работ на Куль-Тобе раскоп был доведен до напластований XIII–XIV вв. В ходе стратиграфического изучения Шой-Тобе (в 4 км от города) подтвердилось существование там города VIII–XI вв., очевидно, Шавгара, уничтоженного хорезмшахом. В непосредственной близости от Шой-Тобе обнаружен безымянный город XIII–XIV вв. Была также обследована расположенная рядом с

мемориалом Ходжа Ахмета Яссави полуподземная мечеть Хильвет, при расчистке гара (помещения для уединения) которой обнаружены фрагменты керамики XI–XII вв.

Ж.К. Таймагамбетов в своем докладе рассказал об исследовании казахстано-российской экспедицией кольца – травертина Шоктас-1 в Южно-Казахстанской обл. При этом найдены орудия из небольших речных галек и кости животных возрастом 470–500 тыс. лет. В ходе исследования палеолитической стоянки Кызылтау 1 (Таласский р-н) было обнаружено более 3000 каменных орудий.

В.К. Мерц сообщил об основных итогах работы Павлодарской экспедиции. Так, на стоянке-мастерской Экибастуз-20 (Северо-Восточный Казахстан) выявлены и исследованы ашельские, мустьерские и верхнепалеолитические комплексы. В урочище Ак-Бидаик начаты раскопки поселения, вскрыты три каменные ограды с культовыми комплексами и каменными ящиками эпохи бронзы (вероятно, федоровской культуры).

В докладе *З.С. Самашева, Ж.М. Жетыбаева* и *Г.С. Джумабековой* была дана информация о результатах работы казахстано-французской экспедиции по изучению петроглифов местонахождения Баян-Журек (у пос. Топал). Все выявленные рисунки, условно разделенные на семь групп и датированные от эпохи бронзы до периода тюркских каганатов, были подвергнуты трасологическим анализам, макро- и микрофотофиксации; проведены также опыты по экспериментальному воспроизведению технологии петроглифики.

Г.А. Терновая и *К.М. Байпаков* сообщили о результатах исследовательских и реставрационно-графических работ по изучению центрального зала дворцового комплекса Куйрук-тобе в Отрарском оазисе. Зал 25×10,5 м, украшенный резными деревянными панно с изображением персонажей митраистского пантеона, был датирован докладчиками IX в. и определен как зал для приемов и культовых церемоний.

В сообщении *Д.А. Толеева* освещались результаты раскопок на территории базара г. Тараза (Джамбула). Выявлены остатки построек из пахсы и сырцового кирпича, относящиеся к двум строительным горизонтам – VII–IX и X–XII вв.

Доклад *Ю.М. Пешкова* был посвящен поселению IV в. до н.э. – II в. н.э. Тузусай (в 24 км восточнее г. Алма-Аты), исследуемому в рамках казахстано-американского проекта. В частности, выявлено 10 больших, ориентированных широтно ям, часть которых могла являться остатками жилищ. Обнаружены очаги, хумчи, осуществлены остеологические и палеоботанические анализы. Земледельческое хозяйство обитателей поселка сочеталось с разведением овец, коров, лошадей. В урочище Арман (Солдатская Щель) открыты сакские поселения Арман 1 и 2.

А.М. Досымбаева рассказала о поисково-разведочных работах Меркенского отряда в долине Сандыка и урочище Мерке (Джамбульская обл.), где обнаружено значительное количество жертвенно-поминальных комплексов с изваяниями и курганы всех периодов тюркской эпохи.

Количество докладов, посвященных археологии смежных с Казахстаном регионов, было не столь представительным. Так, *Б.А. Абдулгазиева* рассказала о раскопках поселения конца VII – начала VIII в. Лунби-тепе в Фергане (Узбекистан). Выявленная система жилищ с очагами была интерпретирована докладчиком как жилой комплекс "владетеля" поселения и его слуг. Расчищены также улица, мощенная гравием, и сырцовая оборонительная стена шириной до 10 м со следами перестроек.

Б.Э. Аманбаева представила информацию о работах киргизских коллег, при финансовой поддержке Турции, Германии и Японии исследующих средневековые памятники (Ош, Узген, Ак-Бешим и др.).

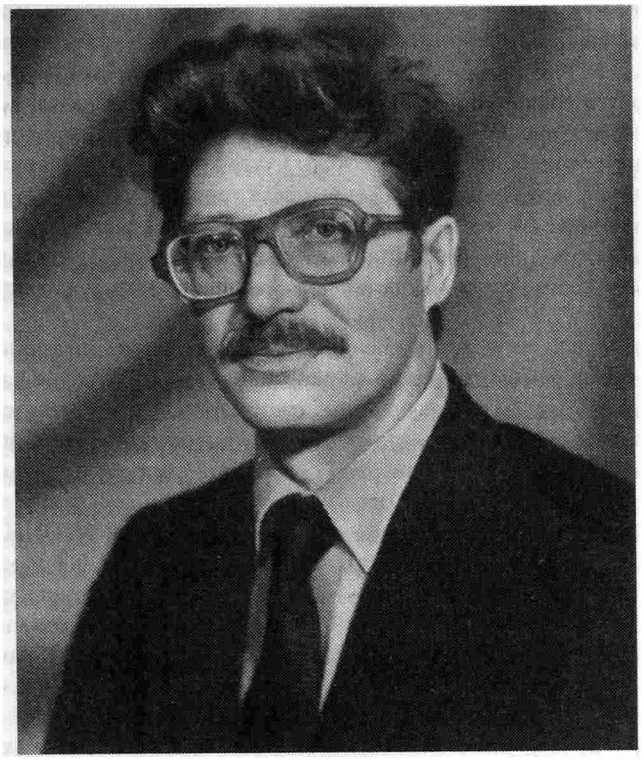
А. Рей, профессор Калькуттского университета, в докладе "Центральная Азия, Индия и арийская проблема" изложила свои представления о времени и месте обитания предшественников носителей индоевропейских (арийских) языков и ранних арийцев в контексте работ индийских археологов.

Практически все доклады и сообщения вызвали большой интерес участников чтений и активно обсуждались.

В резолюции, единогласно принятой на последнем заседании чтений, отмечалась необходимость дать соответствующим республиканским органам конкретные рекомендации по улучшению охраны и использования историко-культурного наследия Казахстана, созданию Археологической службы, возобновлению работ по подготовке и изданию республиканского Свода памятников истории и культуры, приданию Полевому комитету ИА МН–АН РК более высокого статуса. Особенно подчеркивалась важность исследований по совместным проектам, а также продолжения работ Западно-Казахстанской и Туркестанской экспедиций. Было также решено особо отметить всестороннюю помощь, постоянно оказываемую администрацией г. Лисаковска Лисаковской археологической экспедиции и городскому музею.

Институт археологии РАН,
Москва

В.С. Ольховский



ПАМЯТИ ВАЛЕРИЯ ГРИГОРЬЕВИЧА МИРОНОВА

(1938–1996)

17 января 1996 г. на 58-м году жизни скоропостижно скончался в расцвете творческих сил русский археолòг, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, ведущий научный сотрудник археологической лаборатории Саратовского госуниверситета Валерий Григорьевич Миронов. Нас связывали 15-летняя общая работа и постоянные контакты. Были совместные экспедиции и взаимопомощь в трудные минуты, разногласия и научные споры, поэтому больно и тяжело писать эти строки скорби и памяти о преждевременной кончине близкого человека, ученого и педагога.

Валерий Григорьевич родился 26 октября 1938 г. в г. Злынка Брянской обл. в семье служащих. Отец В.Г. Миронова участвовал в Великой Отечественной войне, получил несколько тяжелых ранений и инвалидность, работал агрономом вплоть до выхода на пенсию, мать была акушеркой. Детство Валерия пришлось на трудные военные и послевоенные годы. Со школьных лет Валерий Григорьевич мечтал стать геологом или археологом, поэтому поступил в Киевский геологоразведочный техникум, но по ряду причин учиться не смог.

В 1957–1959 гг. Валерий Григорьевич – электромонтер строительства плотины Сталинградской ГЭС. Затем он поступает учиться на исторический факультет Саратовского госуниверситета. Студент В.Г. Миронов специализировался по археологии у своего непосредственного учителя – профессора И.В. Синицына, лето проводил в экспедициях, выступал с докладами на археологических конференциях различного ранга, приступил к изучению памятников городецкой культуры, был членом факультетского бюро и внештатным инструктуром РК ВЛКСМ. Неприхотливость к удобствам и бытовым благам, самостоятельность в решении повседневных проблем выработалась и закрепилась в студенческие годы, поскольку Валерий Григорьевич не мог особенно рассчитывать на помощь родителей с далекой Брянщины. Валерий Григорьевич окончательно решает посвятить свою жизнь любимому делу – археологии. Первая совместная научная работа В.Г. Миронова и Л.П. Крыловой, опубликованная в сборнике тезисов докладов IX Всесоюзной студенческой археологической конференции, посвящена результатам раскопок на Танавском городище.

Закончив СГУ, с 1964 по 1968 гг. Валерий Григорьевич работал учителем истории, обществоведения и иностранного языка Всесвятской и Пашнийской школ, а также в спецшколе при исправительно-трудовой колонии строгого режима Чусовского (Горнозаводского) р-на Пермской области. В Пашнийской средней школе В.Г. Миронов создал народный краеведческий музей из 11 отделов. Желание заниматься

© Н.М. Малов, 1997 г.

археологией Нижнего Поволжья не покидает молодого школьного учителя, поэтому во время летних каникул В.Г. Миронов ежегодно приезжает на раскопки в поволжские экспедиции И.В. Синицына и В.А. Фисенко.

После отработки по распределению Валерий Григорьевич поступает в очную аспирантуру при кафедре истории СССР досоветского периода СГУ по специальности археология и оканчивает ее в 1971 г. Будучи аспирантом, В.Г. Миронов при поддержке Саратовского музея краеведения начинает проводить самостоятельные полевые археологические исследования Хвалынских городищ и памятников на р. Терешке, публикует несколько статей и заметок. В 1970 г. появляется первая крупная научная статья Валерия Григорьевича "Хвалынские городища и их роль в истории городецких племен Поволжья". Аспирант В.Г. Миронов избирается членом партбюро истфака, заместителем председателя университетского отделения ВООПИК.

После окончания аспирантуры как молодой специалист В.Г. Миронов был направлен в Петрозаводский госуниверситет, где проработал семь лет старшим преподавателем на кафедре всеобщей истории: читал лекции по археологии, истории первобытного общества, этнографии, руководил археологической практикой, стажировался на кафедре археологии Ленинградского госуниверситета. Именно в ПГУ В.Г. Миронов сформировался как вузовский педагог. Здесь Валерий Григорьевич также выполняет очень много различных партийных и других общественных поручений (парттруппорг, член и секретарь партбюро, председатель университетской и заместитель председателя республиканской организации ВООПИК).

В.Г. Миронов принимает участие в исследованиях энеолитических стоянок и памятников древних саамов (лопарей), проводимых экспедицией Карельского филиала АН СССР и Петрозаводского госуниверситета на побережье Уницкой губы Онежского озера в Южной Карелии. Тем не менее основное свое внимание Валерий Григорьевич продолжает уделять городецким древностям, публикует по этой теме более 15 статей, где подробно рассматриваются вопросы орнаментации керамики, хозяйственной и духовной жизни, истории изучения, закономерностей распространения и выделения донского локального района. В.Г. Миронов выезжает летом из Карелии для проведения полевых изысканий в северных районах Саратовской области, осуществляемых совместно с самарскими археологами в составе Хвалынского отряда Средневолжской экспедиции. В 1977 г. ученый организует Хвалынскую экспедицию Саратовского областного музея краеведения, изучающую разновременные археологические памятники в бассейне р. Терешки, приступает к многолетним раскопкам стоянки неолита-энеолита в местности "Крутец" и селища срубной культуры "Хмельное IV" близ с. Горюши. Работая в Петрозаводске, Валерий Григорьевич был оторван от археологических материалов, связанных с темой кандидатской диссертации "Городецкая культура и проблемы ее локальных вариантов", тем не менее успешно ее защитил в 1978 г. на кафедре археологии Московского университета.

Поскольку постоянные его научные интересы были связаны с Нижним Поволжьем, то осенью 1979 г. Валерий Григорьевич переезжает жить в г. Энгельс и переходит работать доцентом на кафедру истории России исторического факультета СГУ, где трудился вплоть до конца своих дней. Здесь В.Г. Миронов проявил себя как ведущий специалист по истории первобытного общества, археологии и историческому краеведению. Валерий Григорьевич отличался разумной требовательностью и исключительной доброжелательностью к студентам. Ученики и коллеги Валерия Григорьевича ценили его эрудицию и активный научный поиск. С неиссякаемой энергией В.Г. Миронов выступал с докладами и участвовал в организации многочисленных научных конференций, координировал научные связи с другими отечественными центрами краеведения, пропагандировал достижения исторической науки среди населения. Валерий Григорьевич руководил хоздоговорными и госбюджетными археологическими научными темами, соискателями и аспирантами, рецензировал кандидатские и докторские диссертации, организовывал и проводил учебную археологическую практику. Более 10 лет исследователь возглавляет Воскресенскую археологическую экспедицию, проводит работы охранного характера, раскапывает курганы, выявляет новые поселения и могильники около с. Чардым. Особенностью полевых работ Валерия Григорьевича является изучение преимущественно разрушаемых поселений Саратовского правобережья, с вскрытием больших площадей. Могильники исследовались В.Г. Мирновым реже. Интересные результаты дало повторное изучение Чардымского кургана, ранее копанного профессором П.С. Рыковым "колодцем". Обнаружились новые могилы, выяснилось, что погребения, открытые в 20-е годы, были расчищены автором раскопок не полностью. По итогам изучения Бородаевских и Чардымских курганов мы готовили с В.Г. Мироновым специальную работу, но так и не успели ее закончить.

Валерий Григорьевич внес крупный вклад не только в изучение финно-угорской городской культуры раннего железного века Восточной Европы, где он был одним из ведущих специалистов, но и в исследование нижневолжского дореволюционного исторического краеведения, являвшегося темой подготавливаемой им докторской диссертации. Перу ученого принадлежит пособие "У истоков Саратовского исторического краеведения", написанное совместно с В.М. Захаровым, где рассматривается деятельность А.Ф. Леопольдова и Н.И. Костомарова. Многие годы были посвящены кропотливому анализу деятельности Саратовской ученой архивной комиссии, к которой В.Г. Миронов относился с особой любовью и опубликовал серию научно-

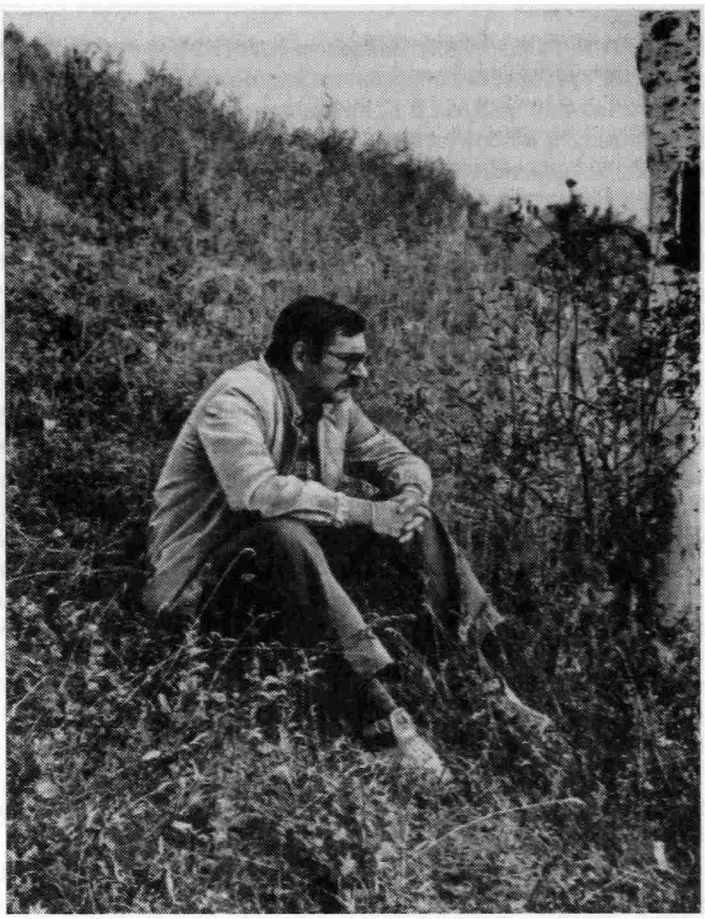
библиографических статей о П.К. Галлере, Б.В. Зайковском, А.Н. Минхе, Ф.Ф. Чекалине, С.А. Щеглове и др. В последнее время Валерий Григорьевич обратился к рассмотрению истории христианской археологии Нижнего Поволжья. Итогом научной работы В.Г. Миронова стало более 70 статей по археологии эпохи бронзы, раннего железного века и историческому краеведению, а также несколько десятков полевых отчетов и многочисленные коллекции, поступившие в фонды Саратовского музея краеведения.

Особой заслугой В.Г. Миронова является его чрезвычайно инициативная деятельность по организации и становлению археологической лаборатории СГУ, первым заведующим которой он был, а также госдирекции охраны, реставрации и использования памятников истории и культуры Саратовской области. В историю краеведения В.Г. Миронов вошел также как заместитель председателя областного отделения ВООПИК, Попечительского Совета Саратовского фонда культуры и Саратовского историко-краеведческого общества, а также председатель Ученого Совета Саратовского областного музея краеведения и Покровского краеведческого общества.

В.Г. Миронов не прекращал кипучую творческую и организационную деятельность, уже перенеся инфаркт, особенно остро воспринимая безнравственные и кощунственные факты разрушения памятников археологии и раскопки их без Открытых листов. Прогрессирующая болезнь сердца не позволяла ученому больше выезжать в экспедицию. Однако Валерий Григорьевич, отдавший археологии более 30 лет, не смирился с этим, пропустив лишь один сезон. Последние свои раскопки он провел на Чардымском городище.

Беспредельно преданный науке, принципиальный и инициативный человек, очень отзывчивый и общительный, доброжелательный и всегда готовый прийти на помощь – таким останется в памяти всех, кто его знал, Валерий Григорьевич Миронов.

Саратовский государственный университет *Н.М. Малов*



ПАМЯТИ НИКОЛАЯ ВЛАДИМИРОВИЧА САПОЖНИКОВА

(1951–1996)

20 июня 1996 г. скоропостижно скончался Николай Владимирович Сапожников, начальник отдела Центральных научно-реставрационных проектных мастерских Министерства культуры Российской Федерации, один из ведущих исследователей древнего Смоленска.

Николай Владимирович родился 7 декабря 1951 г. в Таганроге. Общеобразовательную и музыкальную школы закончил в 1969 г. в Москве. Еще школьником он прикоснулся к археологии – посещение Танаиса произвело на него огромное впечатление.

В 1969 г. он стал студентом исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, решив специализироваться по кафедре археологии. Окончательно определило выбор – археология древнерусского города – участие в работе Смоленской археологической экспедиции под руководством Д.А. Авдусина. С этого времени Смоленск, его история, его памятники и проблема их сохранения стали для Николая Владимировича предметами исследования, его заботами и болью.

В 1974 г. после окончания МГУ Николай Владимирович начал работать во Всесоюзном научно-производственном реставрационном комбинате Министерства культуры СССР (ныне – Центральные научно-производственные проектные мастерские Министерства культуры Российской Федерации) сначала в должности археолога, затем главного археолога, в последние годы – начальника отдела исторических исследований.

Все это время он участвовал в разработке проектов реставрации и проведении археологических исследований гражданских и культовых построек Соловецкого, Кирило-Белозерского и Пафнутьев-Боровского монастырей, ряда памятников Москвы (в Ясенево, Кусково, на Лубянке) и Московской области, в Торжке и других городах. Но основное и любимое направление работ, начатое еще в студенческие годы, – исследование Смоленска, его архитектурных памятников и исторической топографии.

Поступив в заочную аспирантуру кафедры археологии исторического факультета МГУ, Н.В. Сапожников целенаправленно занимается изучением оборонительных сооружений Смоленска, проводит археологические раскопки сохранившегося городского вала и убедительно доказывает позднюю дату его возведения, исследует архивы Москвы и Ленинграда, анализирует и сопоставляет изобразительные материалы, письменные документы, результаты археологических исследований на территории города в предшест-

вующее время. Своеобразным итогом этих работ стала защита им в 1984 г. кандидатской диссертации на тему "Историческая топография древнего Смоленска".

В течение ряда лет Николай Владимирович Сапожников проводит в Смоленске планомерное археологическое исследование известных памятников древнерусского зодчества – церкви Иоанна Богослова, церкви Михаила Архангела (или Свирской), церкви Петра и Павла. Во время этих работ, проходивших зачастую в тяжелейших условиях, были открыты остатки фресковой росписи и плитчатого поливного пола XII в. в церкви Иоанна Богослова, здесь же открыты следы лестницы, ведущей на хоры, выявлен первоначальный плинфяной пол в церкви Петра и Павла, в непосредственной близости от Свирской церкви обнаружены остатки построек, сложенных из того же кирпича, что и крепостная стена Федора Коня.

Но не только памятники архитектуры привлекали внимание исследователя – он проводит раскопки на Соборной горе, как бы продолжив исследования, начатые Д.А. Авдусиным, его учителем, в 1960–1970-х годах.

Прекрасно зная историю Смоленска, топографию и особенности города, Николай Владимирович болезненно воспринимал все сообщения о пренебрежительном отношении к древним памятникам или угрозе их разрушения. Много сил было им потрачено на обоснование необходимости охраны культурного слоя древнего города. Практически все охранные раскопки последних лет, проведенные на территории города, были осуществлены им. И его хорошо знали в Дирекции по охране и использованию памятников истории и культуры, ценили его знания, работоспособность и добросовестность. В результате проведения аварийных археологических раскопок на трассах прокладки городских коммуникаций ему удалось зафиксировать и провести обследование неизвестных ранее построек XII в.: четырехстолпной церкви на ул. Соболева (в пределах крепостной стены) и гражданской постройки вблизи церкви Петра и Павла в Заднепровье – районе, вообще слабо изученном в археологическом отношении.

Владея как никто другой проблемами охраны культурного слоя древнего Смоленска, Николай Владимирович стал одним из основных авторов Проекта охранных зон и зон регулирования застройки памятников истории и культуры г. Смоленска. Ему принадлежит авторство подробного документированного "Историко-археологического опорного плана г. Смоленска", работа над которым была завершена в 1995 г. В последнее время Николай Владимирович вел большую работу по подготовке Проекта охранных зон городов Смоленской земли – Рославля и Вязьмы. Он же возглавил работу над "Историко-археологическим опорным планом Гнездовского археологического комплекса".

Смерть настигла его на подъеме, когда после небольшого спада, связанного со сложностями нашей современной жизни, он вновь начал активно работать, готовить публикации исследованных им памятников. К VI Конгрессу славянской археологии был написан доклад, подготовлены несколько статей. Остался незаконченным альбом с любовно собранными видами старого Смоленска, который Николай Владимирович хотел издать со вступительной статьей, посвященной истории города.

Он был человеком со сложным характером, очень эмоциональным в общении с коллегами, но всегда искренним и неравнодушным, не терпящим недобросовестности и халтуры. "Душа" компании в студенческие времена и потом, позже, Николай собирал вокруг себя, особенно в экспедиции, множество народу – его гитару до сих пор вспоминают и будут помнить уже выросшие ее участники в Москве, Курске, Брянске, Гнездове, Владимире, Ростове Великом.

Друзья и коллеги

СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ Н.В. САПОЖНИКОВА

1. Раскопки городского вала в Смоленске // АО. – 1978 г. М., 1979.
2. Памятники архитектуры и древняя топография Смоленска // Вестн. МГУ. Сер. 8. История. 1979. № 5.
3. "Литовский вал" в Смоленске // КСИА. 1980. № 160.
4. О вятических древностях из Смоленска // СА. 1980. № 2 (в соавт.).
5. О разведке на территории Смоленска // АО – 1980 г. М., 1981.
6. Историческая топография древнего Смоленска. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1983.
7. О раскопках в г. Смоленске // АО – 1981 г. М., 1983.
8. О раскопках церкви Иоанна Богослова в Смоленске // АО – 1982 г. М., 1984.
9. Исследования в Смоленске // АО – 1983 г. М., 1985.
10. Древний Смоленск // Археология СССР. Город. Замок. Село. М., 1985.
11. Раскопки на Соборной горе в Смоленске // АО – 1984 г. М., 1986.
12. Архитектурные раскопки в Смоленске // АО – 1986 г. М., 1988.
13. Оборонительные сооружения Смоленска (до постройки крепости 1596–1602 гг.) // Смоленск и Гнездово. М., 1991.

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ "РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ", ЗА 1997 ГОД

Статьи, публикации, дискуссии, история науки, заметки, естественнонаучные методы в археологии

	№	Стр.
Абдуллаев К. О северных рубежах государственной границы Бактрии в эллинистическую эпоху	4	54
Агапов А.С., Сарачева Т.Г. О способах ношения височных колец	1	99
Алексеева Т.И. К оценке травматических повреждений на скелетах древнего человека	4	107
Амирханов Х.А. К проблеме датировки и стратиграфии культурных отложений Зарайской стоянки	4	5
Антипина Ек.Е. Методы реконструкции особенностей скотоводства на юге Восточной Европы в эпоху бронзы	3	20
Балабина В.И. Фигурка животных и их символика на сосудах как отражение одной из знакомых систем древних земледельцев Европы	2	29
Беляев Л.А. Лиценциат при дворе Иоанна Грозного (надгробие Каспара фон Эльферфельдта на древнейшем кладбище иноземцев в Москве)	1	140
Бердинских В.А. Н.Г. Первухин – исследователь археологии и этнографии Вятского края	3	155
Бернар П., Абдуллаев К. Номады на границе Бактрии (к вопросу этнической и культурной идентификации)	1	68
Борзунов В.А. Городище Алтен-Тау и проблема реконструкции ананьинской фортификации	1	163
Борзунов В.А. Новые материалы по раннему железному веку Прикамья (городище Алтен-Тау)	2	197
Бредли Б.А. Костенковский нож: тип или технология?	4	175
Булгакова В.И. Древнерусские печати из собрания Национального музея истории в Киеве	4	163
Булочникова Е.В. Проблема соотношения верхнего перигордьена и восточного граветьена	4	35
Буров Г.М. Зимний транспорт Северной Европы и Зауралья в эпоху неолита и раннего металла	4	42
Бырня П.П., Рябой Т.Ф. Монументальная архитектура золотоордынского города XIV в. Шехр ал-Джедид	2	91
Варенов А.Б. Каменная орнаментированная пулейка из Тульского кремля	4	185
Векслер А.Г. Гостиный двор и уникальные клады XVII в. (предварительная публикация)	1	125
Векслер А.Г., Лихтер Ю.А., Осипов Д.О. Обувные подковки XV–XVII вв. (по материалам раскопок в г. Москве)	3	114
Вестердаль К. Водно-сухопутные транспортные системы в Северной Европе: средневековая модель	4	61
Габуев Т.А. Некоторые вопросы этнической истории Центрального Предкавказья в сарматское время	3	71
Гаджиев М.С. Две бронзовые статуэтки из Дагестана (к хронологии культовой пластики)	2	222
Гиря Е.Ю. Технологический анализ каменной индустрии Зарайской стоянки	4	17
Горелик А.Ф. Находки предметов изобразительной деятельности палеолитического человека у хутора Рогалик (Украина)	2	169
Дворниченко В.В., Плахов В.В., Очир-Горяева М.А. Погребения ранних кочевников из Нижнего Поволжья	3	127
Житников В.Г. К проблеме возникновения Елизаветовского городища в дельте Дона	1	50
Зданович Г.Б. Аркаим – культовый комплекс эпохи средней бронзы Южного Зауралья	2	47
Золотарев М.И., Буйских С.Б. Неизвестный план Ольвии П.И. Кеппена	2	241
Зубарь В.М. О так называемой "тавро-скифской" войне в истории Ольвии	2	85
Итина М.А. К 90-летию С.П. Толстова и 60-летию Хорезмской археолого-этнографической экспедиции	4	189
Коваль В.Ю. Керамика Востока в средневековой Москве (опыт систематизации)	2	104
Коваль В.Ю. Керамика Востока в средневековой Москве (опыт систематизации)	3	94

	№	Стр.
Козловская М.В. Новые антропологические материалы из среднедонского скифского могильника у сел Терновое и Колбино	4	157
Кренке Н.А., Лопатин Н.В. Петрографическое изучение керамики городищ Дьяково и Тушемля	1	60
Ксензов В.П. Финальный палеолит и мезолит Поднепровья Беларуси	1	5
Курбансахатов К., Пилипко В.Н. Стратиграфия Кумыш-Депе (Туркменистан)	2	181
Малышев А.А., Розанова Л.С., Терехова Н.Н. Наступательное вооружение из погребений (I–III в.) Цемдолинского могильника	1	203
Мамонова Н.Н. Боевые травмы на черепах из могильника Улангом (V–III вв. до н.э.)	4	108
Масленников А.А. Исследование сельской территории европейского Боспора. Итоги и перспективы к концу века.	3	60
Матвеева Н.П. О торговых связях Западной Сибири и Центральной Азии в раннем железном веке	2	63
Медникова М.Б. К вопросу о распространении посмертной трепанации черепов в Центральной Азии	4	130
Молодин В.И. Некоторые итоги археологических исследований на юге Горного Алтая	1	37
Мордвинцева В.И., Зданович Г.Б., Таиров А.Д. Фалар эллинистической работы с берегов р. Ишим	4	176
Мошинский А.П. Взаимосвязь населения горных районов Северного Кавказа со скифами (по дигорским материалам)	3	33
Мунчаев Р.М. Древнейший культовый центр в долине Хабура (Северо-Восточная Сирия)	2	5
Мунчаев Р.М. Ярымтепе II: к изучению архитектуры Северной Месопотамии V тысячелетия до н.э.	3	5
Наран Б., Тумэн Д. Травматические повреждения на черепах Чандманьского могильника	4	122
Ольховский В.С. Обычай и обряд как форма традиции	2	159
Ольховский В.С., Галкин Л.Л. К изучению памятников Северо-Восточного Прикаспия эпохи раннего железа	4	141
Полосьмак Н.В., Кундо Л.П., Малахов В.В., Власов А.А., Краевская И.Л., Овсянникова И.А., Литвак Г.С., Плясова Л.М., Соловьева Л.П., Шмаков А.Н., Щербаков Ю.Г., Рослякова Н.В. Исследование вещественного состава находок из "замерзших" могил Горного Алтая (Ак-Алаха 3, Пазырыкская культура)	1	181
Попова Е.А., Коваленко С.А. Об аспектах культа Геракла в Херсонесском государстве (по материалам городища "Чайка")	2	78
Прошкин О.Л. Древнерусский слой Мощинского городища	2	229
Пузикова А.И. Уникальный комплекс из могильника скифского времени у деревни Дуровка (Среднее Подонье)	2	211
Пясецкий В.К. Начало раскопок позднепалеолитического поселения Ровно (Бармаки)	1	151
Родина М.Е. Новые находки предметов восточного и западноевропейского импорта во Владимире	3	149
Рычков Н.А. Традиция, обычай, обряд (к соотношению понятий)	2	150
Сапрыкин С.Ю. О значении некоторых клейм на черепице из Северного Причерноморья	1	194
Сериков Ю.Б. Новые данные по палеолиту Среднего Урала	3	120
Скрижинская М.В. Отражение музыкальной жизни греков на рисунках ваз VI–IV вв. до н.э. из Северного Причерноморья	3	46
Смирнов Ю.А. Новое о мустьерских погребениях	4	170
Соенов В.И. Нагрудный панцирь гунно-сарматской эпохи из Горного Алтая	4	181
Столярова Е.К. Происхождение и хронология стеклянных изделий Москвы XII–XIV вв.	4	93
Флеров В.С., Каминский В.Н. Прикубанский регион раннесредневековых юртообразных жилищ	1	87
Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., Солтобаев О.С. Новые находки предметов изобразительного искусства древних тюрок на Тянь-Шане	3	142
Цетлин Ю.Б. Основные направления изучения технологии древней керамики за рубежом	3	83
Чернов С.З. Московская берестяная грамота N1 – первый акт Московской Руси на бересте	2	123
Черных Е.Н. Каргалы – крупнейший горнометаллургический комплекс Северной Евразии в древности (структура центра, история открытий и изучения)	1	21
Черных Н.Б., Сергеева Н.Ф. Дендрохронология архитектурных памятников на севере России (бассейн Северной Двины и Онеги)	1	109
Юшко А.А. К итогам археологического изучения Москвы и Подмосковья	4	79

Критика, библиография № Стр.

Алексеева Т.И. К находке детского скелета в пещере Староселье близ Бахчисарая (1953 г.) .. 3 175
Артемьев А.Р. Kazakevicius V. Plinkaigalio kapinyas // Lietuvos archeologija 10. Vilnius, 1993 ..... 2 251
Бруяко И.В. От Скифии к Сарматии без природных катастроф 4 215
Гаврилов К.Н. From Kostenki to Clovis. Upper Paleolithic – Paleo-Indian Adaptations. Eds. O. Soffer, N.D. Praslov. N.Y. – L., 1993. ..... 4 200
Гуляев В.И. Археология в Испании (краткий обзор) 2 246
Журавлев Д.В., Хршановски Л. К изданию Корпуса светильников Государственного Исторического музея 4 218
Клейн Л.С. Интерпретация, реконструкции и теория в археологии (по поводу статьи А.М. Буровского) 1 227
Маринович Л.П., Кошеленко Г.А. *Dougherty C.* The Poetics of Colonisation. From City to Text in Atchaic Greece. New York; Oxford, 1993 ..... 2 254
Маринович Л.П., Кошеленко Г.А. *Plana Mallart R.* La chora d'Emporion. Paysage et structures agraires dans le nord-est Catalan a la periode pre-romaine. Paris, 1994 ..... 2 265
Маринович Л.П., Кошеленко Г.А. The Archaeology of Greek Colonisation. Essays dedicated to Sir John Boardman. Oxford, 1994 ..... 2 269
Молодин В.И. О датировке сибирских петроглифов (письмо в редакцию) 4 224
Молчанов А.А.. *Сотникова М.П.* Древнейшие русские монеты X–IX веков. Каталог и исследование. М., 1995 ..... 3 163
Полин С.В. По поводу рецензии И.В. Бруяко 4 207
Смирнов К.А. Новые материалы по археологии Среднего Поволжья. Археология и этнография Марийского края. Вып. 24. Йошкар-Ола, 1995 ..... 1 224
Труфанов А.Я. *Потемкина Т.М., Корочкова О.Н., Стефанов В.И.* Лесное Тоболо-Иртышье в конце эпохи бронзы (по материалам Чудской Горы). М., 1995 ..... 3 161
Формозов А.А. О старых и новых раскопках пещеры Староселье в Крыму (письмо в редакцию) 3 167
Храпунов И.Н. Новая литература об археологических исследованиях в Крыму (античность, ранний железный век, средневековье) 1 218

Хроника

Албегова З.Х. Конференция "Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа" (XIX "Крупновские чтения") (Москва, 1996) 2 279
Григорьев Д.В. Чтения памяти профессора В.Д. Блаватского (Москва, 1996) 3 192
Журавлев Д.В., Фирсов К.Б. Отчетная сессия Государственного Исторического музея по итогам полевых археологических исследований и новых поступлений в 1991–1995 гг. (Москва, 1996) 4 233
Кауров Э.Н., Потемкина Т.М. Археоастрономия в России (по материалам конференции "Наша галактика" и междисциплинарного совещания; Москва, март 1996 г.) 2 287
Кольцов Л.В. Третий семинар "Тверская земля и сопредельные территории в древности" (Тверь, 1996) 3 199
Кошеленко Г.А. О юбилее Французской школы в Афинах 3 190
Крадин Н.Н. Конгресс "100 лет гуннской археологии" (Улан-Удэ, 1996) 3 188
Лебединцев А.И. Памяти Николая Николаевича Дикова (1925–1996) 3 210
Макаров Н.А. Конференция "Utmark-96" и исследование "внешних ресурсных зон" средневековых поселений в Северной Европе (Швеция, 1996) 3 202
Макаров Н.А. Памяти Леониллы Анатольевны Голубевой (1909–1996) 3 206
Малов Н.М. Памяти Валерия Григорьевича Миронова (1938–1996) 4 247
Массон В.М., Кирпичников А.Н. Памяти Игоря Николаевича Хлопина (1930–1994) 1 238
Мерперт Н.Я. Памяти Игоря Кирилловича Свешникова (1916–1995) 1 246
Милютенко Н.И., Кузьмин С.Л., Белецкий С.В. Чтения "Ладога и Северная Русь" в Староладожском музее-заповеднике 4 240
Ольховский В.С. Маргулановские чтения-97 (Алма-Ата, 1997) 4 242
Охонько Н.А. Ставропольская археологическая конференция памяти Т.М. Минаевой 1 231
Памяти Николая Владимировича Сапожникова (1951–1996) 4 250
Сафонов И.Е. Второй украинско-российский археологический семинар "Эпоха бронзы Доно-Донецкого региона" (Капитаново, 1996) и российско-украинская научная конференция

"Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточно-европейской степи и лесостепи" (Воронеж, 1996) ..... № 4 Стр. 230

Седов В.В. Международная конференция "Белоруссия в системе трансевропейских связей в I тысячелетии н.э." (Минск, 1996) 1 233

Седов В.В. VI Международный конгресс славянской археологии (Новгород, 26–31 августа 1996 г.) 3 181

Чеченов И.М. Обращение участников XIX межрегиональной научной конференции по археологии Северного Кавказа ("Крупновские чтения") к историкам-кавказоведам, ко всем представителям науки и образования 2 285

Шинаков Е.А., Гаврилов К.Н. Археология на научных и краеведческих конференциях в Брянске в 1995 – начале 1996 г. 3 196

Указатель составлен А.А. Малышевым

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВ – Антропологическая выставка 1879 г.
АЕ – Археологический ежегодник. М.
АМА – Античный мир и археология. Саратов
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л. – СПб.
ВА – Вопросы антропологии. М.
ИГАИМК – Известия Государственной академии истории материальной культуры. М.–Л.
ИМКУ – История материальной культуры Узбекистана. Ташкент
КСИИМК – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. М.
МАИЭТ – Материалы по археологии, истории, этнографии Таврии. Симферополь
МАЭ – Музей антропологии и этнография. Л.; СПб.
МГПИ – Московский государственный педагогический институт им. В.И. Ленина
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
МИК – Музей истории Киева
МН – АН РК – Министерство науки – Академия наук Республики Казахстан
МХЭ – Материалы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. М.
НА ИА НАНУ – Научный архив Института археологии Национальной академии наук Украины
НАНУ – Национальная академия наук Украины
НМИУ – Национальный музей истории Украины. Киев
НПЛ – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов
ОНУ – Общественные науки в Узбекистане. Ташкент
РГО – Русское императорское географическое общество. СПб.
СХМ – Сообщения Херсонесского музея. Симферополь
ТОУАК – Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург
Тр. АС – Труды Археологического съезда
Тр. ГИМ – Труды Государственного Исторического музея. М.
Тр. МИРМ – Труды Музея истории и реконструкции г. Москвы
ТХАЭЭ – Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. М.
ШУА – Шинжлэх ухааны академи. Улан-Батор
ШУАМ – Шинжлэх ухааны академийн мэдээ. Улан-Батор
AIO – Archaeologia Iranica et Orientalis
BAR – British Arhaeological Reports. Oxford
CNRS – Centre national des recherches scientifique. Paris
CRAS – Comptes Rendus Hebdomadaires des Seances de L'Academie des Sciences. Paris
IEJ – Israel Exploration Journal. Jerusalem
PA – Památky archeologické. Praha
SM – Suomen museo. Helsinki
SUSA – Suomalais-ugrilaisen seuran aikakauskirja. Helsinki

Адрес редакции:

117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Телефон 124-34-42

Заведующая редакцией *Е.В. Бубнова*

Технический редактор *Л.И. Глинкина*

Сдано в набор 15.07.97. Подписано к печати 18.08.97 Формат бумаги 70×100 1/16
Офсетная печать. Усл.печ.л. 20,8 Усл.кр.отт. 24,0 тыс. Уч.-изд.л. 25,3 Бум.л. 8,0
Тираж 1139 экз. Зак. 1979

Московская типография №2 РАН, 121099, Шубинский пер., 6